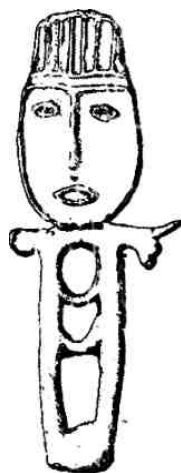

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 1 (53) 2021

**Журнал «Вестник антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р
«Вестник антропологии» включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Борущая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л.,
Герасимова М.М., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н.,
Пушкарева Н.Л., Радойичич Д., Халдеева Н.И., Халид А., Харламова Н.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Белова Н.А., Григорьева О.М. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И.Э. (Итальянская Республика),
Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х.А. Испания), Дроздова Е.
(Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Паскуалино К.
(Франция), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д.
(Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан),
Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия)

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/>

ISSN (print) 2311-0546
ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021
© Журнал «Вестник антропологии», 2021

**The journal “Herald of Anthropology” (“Vestnik Antropologii”) was established
by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014**

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the
Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

*The Journal is indexed in the
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald
of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed
scientific journals recommended for publishing scientific
results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees*

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S.V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu.D. Anchabadze, D.M. Bondarenko, S.B. Borutskaya, A.V. Baganov, M.L. Butovskaya,
N.A. Dubova, M.M. Gerasimova, T.S. Kalandarov, Z.V. Kanukova, O.E. Kazmina, N.I. Khaldeeva,
A. Khalid, N.V. Kharlamova, N.L. Pushkareva, D. Radojičić

EXECUTIVE EDITORS

N.A. Belova, O.M. Grigorieva (Physical Anthropology)

ADVISORY BOARD

V.A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I.E. Butitta (Italy), Yu.K. Chistov (Russia),
E. Drozdova (Czech Republic), D.A. Funk (Russia), A.V. Golovnev (Russia), J.A. González
Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V.S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel),
N.N. Kradin (Russia), Chae-wan Lim (Korea), M.Yu. Martynova (Russia), P.M. Pashaly
(Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine
(USA), S.V. Vasiliev (Russia)

Address:

119991 Leninskiy prospect, 32A
Moscow
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasiliev
odtantrop@yandex.ru

Web: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2021

© Journal “Herald of Anthropology”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию академика Юлиана Владимировича Бромлей

- Карлов В.В.* Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии 9
- Фаис-Леутская О.Д.* Ю.В. Бромлей: новое слово в науке, услышанное в Европе 24

Антропология инвалидности

- Носенко-Штейн Е.Э.* Зачем антропологам изучать инвалидность? 33
- Носенко-Штейн Е.Э.* Выйти за пределы «гетто»: стигма инвалидности и попытки ее преодоления 36
- Торлопова Л.А.* Театр как «образ жизни» человека с инвалидностью: антропологические наблюдения 50
- Алтухова А.А.* «Ужасные истории»: воспоминания бывших воспитанников детского дома-интерната для детей с умственной отсталостью о своем детстве 61
- Фролова А.В.* Материнство с ребенком-инвалидом в современной России: стереотипы, риски, общественное мнение 73
- Савин И.С.* Самопрезентация людей с инвалидностью в Казахстане: общее и особенное 80
- Широкалова Г.С.* «Дизайнерские дети» как профилактика инвалидизации общества 91

Язык и идентичность в региональном измерении

- Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии 104
- Щербина Е.А.* Русский и родные языки как факторы идентичности (по результатам экспертных опросов в Карачаево-Черкесской республике) 121
- Квашин Ю.Н., Бакиева Г.Т.* Сибирские татары перед выбором – сохранить или потерять родной язык 133
- Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А.* Билингвизм российских немцев (по данным социологических опросов) 149

Физическая антропология

- Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В.* Между Азией и Австралией (краниологическое разнообразие мозгового черепа современного населения юго-восточной Азии) 166
- Харламова Н.В., Дзини С., Халдеева Н.И., Хохлов Н.В.* Одонтологические особенности потомков итальянцев в Крыму. Предварительные результаты 183
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Население джетыасарской культуры в евразийском пространстве» 202
- Вагнер-Сапухина Е.А.* Характеристика народов Поволжья по данным дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета» 219

Антропология питания

- Липинская В.А.* Русское маслоделие (традиции, новации и развитие промышленности) XIX–XX в. 238
- Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В.* «Вкусная и здоровая пища» в повседневных женских практиках нестоличного советского города 1950–1960-х гг. 260

Традиции и современность

- Устьянцев Г.Ю.* «Восславим землю Акпарса»: легендарный князь в современном фольклоре и этнорегиональной идентичности горных марийцев 275
- Жукова Л.Н.* Вода/река – макроэлемент культурной географии юкагиров 288
- Севастьянов И.В.* Традиции гостеприимства у кряшен в свете автоэтнографии 304

Историография, школы, концепции

- Загребин А.Е.* Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: московские годы (1903–1912) 317
- Павлова А.Н.* Методология исследования праздничной культуры в работе Хулио Каро Бароха «Карнавал» 335

CONTENTS

To the 100th anniversary of Academician Julian Vladimirovich Bromley

- Karlov, V.V.* Yulian V. Bromley and the “Bromley Period” in Russian Ethnology 9
- Fais-Leutskaia O.D.* Yu.V. Bromley: a new word in science heard in Europe 24

Anthropology of Disability

- Nosenko-Stein, E.E.* Why do Anthropologists Study Disability? 33
- Nosenko-Stein E.E.* To Leave a Ghetto: Overcoming the Stigma of Disability 36
- Torloпова L.A.* Theatre as a “Way of Life” for Persons with Disabilities: Anthropological Observations 50
- Altukhova A.A.* «Horrible Stories»: Memories of Former Pupils of a Boarding School for Children with Mental Retardation about their Childhood 61
- Frolova A.V.* Motherhood with a Disabled Child in Modern Russia: Stereotypes, Risks, Public Opinion 73
- Savin I.S.* Self-presentation of Persons with Disabilities in Kazakhstan: General and Specific Traits 80
- Shirokalova G.S.* «Designer Children» as a Way of Prevention of Social Disability 91

Language and Identity in the Regional Dimension

- Boyko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G.* On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia 104
- Shcherbina E.A.* Russian and Native Languages as Identity Factors (Based on the Results of Expert Surveys in the Karachay-Cherkess Republic) 121
- Kvashnin Yu.N., Bakieva G.T.* Siberian Tatars Face a Choice – Save or Lose Their Native Language 133
- Smirnova T.B., Shlegel E.A.* Bilingualism of the Russian Germans (According to the Sociological Surveys) 149

Physical Anthropology

- Pestryakov A.P., Grigorieva O.M., Pelenitsyna Yu.V.* Between Asia and Australia (craniological diversity of the cerebral skull of the modern population of Southeast Asia) 183
- Kharlamova N.V., Dzini S., Khaldeeva N.I., Khokhlov N.V.* Odontological features of Italians and Italian-Russian mestizos 166
- Khojayov T.K., Khojayova G.K.* Population of the Jetyasar culture in the Eurasian space 202
- Wagner-Sapukhina E.A.* Characteristics of the peoples of the Volga region according to the data of discretely varying signs of the postcranial skeleton 219

Anthropology of Nutrition

- Lipinskaya V.A.* Russian Butter Making (Tradition and Innovation), XIX–XX cc. 238
- Pushkareva N.L., Bogdashina I.V.* “Tasty and Healthy Food” in Everyday Women’s Practices of a Non-Capital Soviet City in the 1950–1960s 260

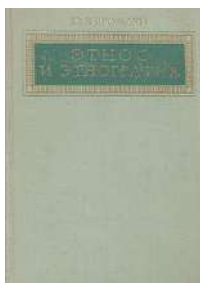
Tradition and Modernity

- Ustyantsev G.Yu.* «Let us Glorify the Land of Akpars»: the Legendary Prince in the Modern Folklore and Ethno-Regional Identity of the Hill Mari People 275
- Zjukova L.N.* Water/River as a Macro-Element of the Yukagir’s Cultural Geography 288
- Sevastianov I.V.* Kryashen Traditions of Hospitality through the Experience of Autoethnography 304

Historiography, Schools, Concepts

- Zagrebin A.E.* Ethnographer, Archeologist and Bibliophile Stefan Kirovich Kuznetsov: Moscow Years 317
- Pavlova A.N.* The Methodology of Studying the Festive Culture in the Paper “The Carnival” by Caro Baroja 335

**К 100-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА
ЮЛИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА БРОМЛЕЯ**

Ю.В. БРОМЛЕЙ И «БРОМЛЕЕВСКИЙ ПЕРИОД» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИИ

Статья посвящена столетию со дня рождения академика Юлиана Владимировича Бромлея, который более 20 лет возглавлял академический Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. В целях адекватной оценки периода в истории отечественной этнологии, когда ее развитием руководил Ю.В. Бромлей, предпринят анализ состояния этнографической науки и первоочередных задач, стоявших перед ней к моменту прихода ученого на пост директора института. Среди назревших проблем в первую очередь выделяется важность изучения этнографической современности, а также необходимость обновления теоретико-методологической базы этнографии. Ведущие специалисты – этнографы понимали серьезность и масштаб этих задач, однако методы их решения не были выработаны. В статье дана оценка личного вклада академика в развитие науки в СССР, а также всего периода 1960–1980 годов в отечественной этнологии. Анализируются предложенная Ю.В. Бромлеем теория этноса, разработанные с его участием категориальный аппарат этнологической науки и методологические подходы к изучению этнографической современности. В этих областях этнологического знания в период руководства Ю.В. Бромлея Институт этнографии были достигнуты серьезные и позитивные сдвиги. Автор высказывает мнение о том, что «бромлеевское время» было весьма плодотворным периодом в истории развития этнологии в СССР.

Ключевые слова: Ю.В. Бромлей, теория этноса, этнография современности, история этнологии

Ссылка при цитировании: Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 9–23

21 февраля 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Юлиана Владимировича Бромлея – академика, историка и этнолога, ученого, более двух десятилетий возглавлявшего Институт этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) – головное научное учреждение этнологов страны. Уже 30 с лишним лет как он ушел из жизни. За это время многое изменилось и в науке, которой он посвятил большую часть жизни, и в стране, и мире. Страны, которой он верой и правдой служил, не стало. Наука о народах существенно сменила исследовательские парадигмы и подходы, долго представлявшиеся основательно отработанными и принятыми научным сообществом. Сейчас мы находимся в том состоянии «переходности», когда новое еще не вполне утвердилось, а старое

Карлов Виктор Владимирович – д.и.н., профессор кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991 Москва, Ломоносовский просп., д. 27). Эл. почта: vikarlov@mail.ru

не окончательно утратило наработанные позиции. В такое время тем более совсем не лишне еще раз взвесить то, что было привнесено в развитие профессиональной этнологии 1960–1980-е годы, когда этим процессом в масштабе страны руководил Ю.В. Бромлей и возглавляемый им институт.

Подобная оценка вклада Ю.В. Бромлея в науку после его смерти неоднократно высказывалась в научной литературе и периодике, но во многих работах на эту тему преобладало сопоставление «бромлеевского периода» с новыми подходами, активно внедряемыми в отечественное «народоведение» с 1990-х гг. в русле противоборства «примордиализма» и «конструктивизма». (Тишков 2020). Не оспаривая правомерность такого сопоставления, со своей стороны выскажу мнение о том, что для адекватной оценки этого периода в истории нашей науки больше подходит анализ проблем этнологического знания накануне прихода к руководству Институтом этнографии нового директора в 1966 г., и тех перемен, которые за этим последовали. Такое сопоставление, конечно, тоже проводилось (Губогло 2016; Чешко 2016). Однако мне хотелось бы остановиться на характеристике того времени и его воздействия на науку более подробно.

Но сначала будет уместно привести краткие сведения о жизненном и научном пути юбиляра. С одной стороны, то, что Юлиан Владимирович стал историком, как бы вполне естественно: он был сыном известного историка В.С. Сергеева, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова и заведующего кафедрой античной истории, мать Н.Н. Бромлей тоже работала в МГУ, где преподавала английский язык. В 1939 г. по окончании школы и Юлиан Владимирович поступил учиться в МГУ, однако не на исторический, а на физический факультет, но был призван в армию: в этом году отсрочка для студентов была отменена. Великую Отечественную войну он встретил в действующей армии и прошел в ее составе весь путь до Победы. А вот по окончании войны он поступил на учебу уже на истфак МГУ, который закончил в 1950 г. Во время учебы специализировался по истории южных и западных славян, и по окончании МГУ был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР. В 1952 г. перешел на работу в Отделение истории Академии наук. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965-м докторскую. Обе работы были посвящены средневековой истории Хорватии. А в 1966 г. Ю.В. Бромлей был назначен директором Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая, и проработал в этой должности до 1989 г. В том же 1966 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1976 г. действительным членом Академии.

Вероятно, для многих этнографов назначение Ю.В. Бромлея, историка, непосредственно с наукой о народах как бы не связанного, стало неожиданным. Какими в данном случае соображениями руководствовало академическое начальство, не вполне понятно. Мне, однако, представляется, что приход руководителя академической этнографии как бы «со стороны» имел свои плюсы. Эта наука в России, располагая богатейшим и разнообразнейшим многоэтничным полем, еще до Октябрьской революции имела несомненные достижения в изучении этнического состава страны, быта и культуры ее народов, и успела накопить большой материал. Были разработаны не только методики сбора данных о быте народов, но и принципы их анализа. С другой же стороны, главным объектом изучения оставались все же традиционные доиндустриальные формы материальной и духовной культуры и быта. И именно это воспринималось этнографами как главный предмет исследования, тем более в ус-

ловиях, когда доиндустриальные формы еще не были изжиты и даже, несмотря на несомненные изменения, во многом устойчиво продолжали воспроизводиться.

После же революции 1917 г. существенные перемены традиционного быта населения страны захватили не только повседневную сферу, но все без исключения стороны хозяйства и общественной жизни, включая науку, ее организацию и, особенно, идеологическую составляющую. После бурных дискуссий и споров о марксистском взгляде на историю, и соответственно о месте и значении науки о народах (*Соловей* 1998), в особенности роли в изучении их «нового социалистического быта», на какое-то время за этнографией в целом как бы сохранялась ее традиционная «ниша» исследования и описания этногенеза, «доисторических» социальных форм и доиндустриальных вариантов бытия.

Однако проблема необходимости изучения также и современных изменений в организации жизни и в быту оставалась задачей, стоявшей на повестке дня этнографии. Особенно это стало очевидно после завершения Великой Отечественной войны. Об этом, в частности, неоднократно заявлялось в статьях и выступлениях директора Института этнографии (с 1942 г.) С.П. Толстова (*Толстов* 1946; 1950; 1954; *Толстов, Жданко* 1964). И призывы не оставались только призывами: появилось немало публикаций, посвященных современному быту рабочих или колхозного крестьянства каких-либо конкретных поселений или отраслей промышленности. Но когда такие описания касались традиционного быта, в котором весь бытовой антураж, да и фольклорные жанры и представления о мире производились и воспроизводились в основном в узко локальной среде, передавались личностным путем, а потому имели очевидную этнокультурную специфику, накопление материалов подобного характера еще имело смысл. Иное дело в эпоху индустриализации, когда большинство бытовых аксессуаров становились покупными изделиями промышленного производства, касалось ли это одежды, мебели и убранства жилища, да и самой строительной техники и архитектуры жилых домов, бытовой утвари и т.д. И когда этнографы старыми методами скрупулезно фиксировали внедренные в народный быт промышленных форм, описывали соответствующие бытовые новации, это стало порой вызывать откровенные насмешки со стороны представителей смежных наук. Вопрос об изучении современности оставался открытым.

Понимали ли сами отечественные специалисты необходимость поиска и выработки новых подходов? Несомненно, да. Сошлюсь на классический и до сих пор не потерявший своей актуальности знаменитый учебник С.А. Токарева «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры» 1958 года издания. Во вводных разделах книги («От автора» и «Введение. 1. Предмет и метод этнографии как науки») С.А. Токарев, один из наших авторитетнейших специалистов XX века, достаточно ясно и подробно высказался о том, чем занимается этнография и какие проблемы перед ней стоят. Вот довольно подробная цитата на эту тему: «Наиболее заметные, прямо зияющие пробелы в этнографической изученности народов Советского Союза касаются их современного социалистического быта. Правда, чисто фактический, описательный материал по современному быту народов у нас накоплен, он продолжает накапливаться через ежегодные специальные экспедиции, через местную и центральную прессу, литературу, через выставки и документальные кинофильмы. Но ведь одно дело – фактический чисто описательный материал, другое дело – его научное этнографическое исследование. С последним у нас дело обстоит еще очень неудовлетворительно: не

сформулированы еще с должной отчетливостью проблемы этнографического изучения современности, нет еще основанных на серьезном анализе конкретного материала обобщений, строго научных выводов». И далее: «Подвергнуть этот быт сам по себе, его специфические особенности этнографическому изучению наша наука еще не сумела» (Токарев 1958: 4). Во Введении автор перечисляет 7 основных задач, стоящих перед этнографией, и среди них две (№ 3 и № 6) также касаются этнического и национального развития в современную эпоху и изучения перестройки народного быта, происходящей в наши дни (Токарев 1958: 9).

Итак, изучение этнографической современности было отчетливо понимаемой одной из первоочередных задач отечественной этнологии середины прошлого века. Но оставалась не разработанной проблема методики и даже самого исследовательского фокуса такого изучения.

Другая, отчасти связанная с первой, и не менее важная проблема, о которой до поры до времени говорить было не вполне возможным, заключалась в понимании и определении места главного объекта науки этнографии, то есть этноса, в классификации типов этнических и социальных общностей народов мира. Здесь голос профессиональных этнологов фактически не был слышен. Приоритет в определении этих форм социальной жизни остался за специалистами в области исторического материализма, прочно увязавшими типы этнических общностей с формулой «племя – народность – нация» и их обязательным соответствием формационной теории марксизма, по которой племя было формой первобытного доклассового общества, народность – рабовладения и феодализма, а нация капитализма и социализма. Обсуждение же этих сюжетов было невозможным, пока незыблемым оставалось сталинское определение нации как этнического образования, данное еще в 1913 г. Оно строилось на четырех признаках (общность территории, экономики, языка и психического склада, проявляющегося в общности культуры), без наличия любого из которых существование нации, по И.В. Сталину, невозможно (Сталин 1946: 296). Механистичность такого подхода поставила этнографов по отношению к современным этносам XX в. в ситуацию некоего прокрустова ложа. Если нация есть высший тип этнической общности, то любой народ при отсутствии одного из признаков, следовательно, не был нацией, то есть этнической общностью, или этносом. Существование множества фактов в жизни народов мира, когда, например, миграция нарушала общность территории, причем мигрировавшая часть народа сохраняла четкое сознание принадлежности к нему, соответственно заводило специалистов в понятийно-терминологический тупик.

В 1960-е годы, с началом «оттепели», наступило время некоторого обновления в сфере ряда до того «неприкасаемых» идеологических постулатов и их руководящего воздействия на науку. Одним из его проявлений в частности стала развернувшаяся на страницах нескольких солидных научных журналов («Вопросы истории», «Вопросы философии», «Народы Азии и Африки», «Советская этнография», «Советское государство и право») дискуссия по национальному вопросу. В ней приняли активное участие историки, философы, филологи, этнографы¹, экономисты, юристы, представлявшие почти все национальные республики Союза. Было высказано немало интересных

¹ Из этнографов в дискуссии участвовали, например, С.А. Токарев, В.И. Козлов, Б.В. Андрианов, Л.П. Лашук, П.И. Пучков и другие (Токарев 1964; Андрианов 1967, Козлов 1967, 1968; Лашук 1967; Пучков 1968).

суждений и мыслей о природе и функциях этнических и национальных явлений. В том числе детально был проанализирован каждый признак из сталинского определения нации, и по отношению к каждому высказывались достаточно аргументированные сомнения и возражения в части их всеобщности и универсальности. Однако, когда в 1970 г. подводились итоги дискуссии, авторы редакционной статьи «Вопросов истории» поступили довольно своеобразно. Они рассмотрели все «за» и «против» каждого признака нации из сталинского определения и методом простого подсчета каких высказываний больше вынесли заключение о том, что все перечисленные 4 признака нации остаются соответствующими сути явления (К итогам дискуссии... 1970: 86–98). Таким образом, на идеологическом и на научном уровнях серьезных изменений в понятийно-терминологическом отношении формально как бы и не произошло. Но определенный импульс к дальнейшим научным поискам был все же очевиден.

Именно в такое время, когда обновление научного арсенала этнологии с очевидностью назрело, Юлиан Владимирович и возглавил академический институт этнографии. Да, он не был этнографом. Но работа в отделении истории Академии наук СССР «по определению» сделала его историком широкого профиля, которому было необходимо разбираться в самых разнообразных сферах этой по специфике своей необъятной области научного знания о человеческом пути развития. А некоторые плюсы отсутствия у нового директора опыта именно этнографической работы состояли, на мой взгляд, в том, что как раз вследствие этого он был свободен от сложившихся годами пристрастий и приверженности каким-либо прочно сформировавшимся научным интересам. Такие интересы, проявляясь и в некоей «инерции» профессиональных воззрений, несомненно, бывают у специалистов, долго работающих в русле сложившихся подходов и схем.

В составе института под руководством С.П. Толстова работала целая плеяда блестящих специалистов, заслугой которых можно считать и создание принципов этнографических классификаций (концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей), и подготовку уникального для того времени 18-томного издания «Народы мира», и участие в разработке системы этнографического образования, и многое другое. Издание серии томов «Народы мира» само по себе мобилизовало усилия большого коллектива ученых академических институтов Москвы, Ленинграда, союзных республик, оно стало настоящим событием в отечественной этнографии. Вместе с тем, такое энциклопедически масштабное издание не могло не выявить области профессионального знания о народах, которые нуждаются в совершенствовании. Например, в рецензии на завершающуюся серию были справедливо отмечены такие серьезные задачи, как необходимость пересмотра триады «племя – народность – нация» в качестве типов этнической общности, как назревшая необходимость исследования современности, включая этническое/национальное самосознание, этническую психологию, идентичность, как внедрение и использование полевых социологических исследований и углубление синтеза этнографии со смежными науками – археологией, антропологией, историей, социологией, языкознанием (*Лашук* 1966: 154, 155).

Но отчетливое понимание необходимости обновления и реализация такового поворота в науке – это далеко не одно и то же. И в данном отношении отсутствие устоявшихся связей и приверженностей у нового руководителя академической науки как-то, возможно, помогло в деле осмысления и реализации актуальных задач. Во-

лей-неволей ему нужно было оценить и взвесить полученное «наследие» и решить, как с ним жить и действовать дальше, и при этом не нанести вреда богатому наработанному предшественниками своду этнографических знаний и методам работы. Тем более, что многие из классиков отечественной науки были живы и продолжали активно работать. Несомненно, на опыт когорты корифеев, их знания, их советы новому директору тоже нужно было опереться в своей работе. И спустя более половины столетия есть основания в очередной раз взвесить, насколько это ему удалось. С такой точки зрения и следует, на мой взгляд, оценивать личный вклад Ю.В. Бромлея и место «бромлеевского периода» в истории нашей науки.

Одной из таких насущных проблем было, как отмечено выше, изучение этнографической современности. Но, сколько бы этнографы не спорили и не рассуждали о том, как ее изучать, было понятно, что сама действительность настолько изменилось, что традиционными методами ее фиксировать и исследовать вообще невозможно. И решение проблемы было предложено для того времени совершенно новаторское: в Институт этнографии были приглашены на работу исследователи, имевшие опыт социологических массовых опросов – Ю.В. Арутюнян и О.И. Шкаратан. По инициативе Ю.В. Бромлея был создан «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР», который возглавил Ю.В. Арутюнян. В его штат были приняты молодые выпускники ВУЗов, не только этнографы (их поначалу было меньшинство), но и историки, философы, даже математики и физики (Этносоциология 2008: 315-367). Молодому коллективу предстояло приступить к масштабным опросам населения разных национальных республик страны, с последующей сложной по тем временам процедурой обработки анкет и компьютерным подсчетом результатов. Этнографы таким опытом тогда не обладали.

Появление нового подразделения академического института, специально созданного для изучения национальных процессов с использованием социологического инструментария, для большинства сотрудников Института этнографии было, конечно, весьма непривычным. К этому подразделению долго с недоверием и настороженностью присматривались. Мне, закончившему кафедру этнографии МГУ и поступившему в ее аспирантуру, в те годы нередко приходилось бывать в институте и встречаться с коллегами-этнографами. Хорошо помню ту атмосферу несколько ироничного ожидания результатов работы этносоциологов: «Ну-ну, посмотрим, что они там наанкетировали...». С некоторыми из сотрудников нового сектора я был хорошо знаком, и поначалу казалось, что они и сами еще не очень верили в возможности новых методов. Начальству приходилось подробно объяснять научному сообществу смысл и перспективы применения социологии в этнографии. (*Бромлей, Шкаратан* 1969). Этносоциологи же, начав с обследования населения Татарской АССР, продолжили работу уже на уровне ряда союзных республик. Материал о современных этнонациональных процессах рос и расширялся.

В разработке научной концепции и инструментария опросов ведущую роль сыграли руководители проекта Ю.В. Арутюнян, О.И. Шкаратан, а затем М.Н. Губогло, Л.М. Дробижеева, В.С. Кондратьев, А.А. Сусоколов и другие. Однако личный вклад в организацию и развертывание массовых исследований национальных процессов директора института, несомненно, был не менее значимым. Без его авторитета и организационной подготовки весь проект едва ли стал бы возможен: в советское время на это необходимо было получить одобрение союзных партийных и советских орга-

нов, которые соответственно спускали директиву на республиканский уровень. Это обеспечивало необходимую поддержку и помощь на местах. Хотя, с другой стороны, пристальное внимание местных властей (бесспорно, несколько опасавшихся, как бы москвичи не «раскопали» чего-то лишнего) порой тоже мешало нормальной работе. Понимание ситуации соответственно побуждало и самих исследователей к определенной «самоцензуре» (Савоскул 2008: 320–325).

Если же задаться вопросом о том, решило ли появление и развитие этносоциологии все проблемы исследования этнических процессов современности, то однозначно ответить на него трудно. Конечно, это был прорыв в научном понимании структуры и динамики национальных отношений в стране. Разумеется, весь спектр сложнейшей сферы этнического взаимодействия, тем более его места в структуре социальных связей в масштабе советского общества, охватить и отразить было весьма сложно. Так как меня мой учитель Л.П. Лашук ориентировал как раз на внедрение в этнографию социологических методов работы, я внимательно следил за исследованиями коллег-этносоциологов. Должен признаться, что при знакомстве с их результатами меня долго не покидало впечатление, что идет простое накопление материала о социально-профессиональном составе населения в национальном разрезе. При этом еще оставалось смутное ощущение, что чего-то здесь не хватает, а к пониманию чего именно я подошел только постепенно: не хватало картины того, как идентификация этническая сочетается с другими социальными идентичностями и в каком иерархическом соотношении они находятся друг с другом.

По опыту своего участия в нескольких массовых опросах в разных регионах страны могу сказать, что анкетные методы мне как этнографу, привыкшему к свободной по форме этнографической информации, сначала не очень нравились. Но я довольно быстро понял их ценность и полезность. Во-первых, практически всегда можно было после анкетного опроса поговорить с респондентом о том, что тебя интересует, «без анкеты». Главная же польза открылась в том, что обобщенный материал опроса нередко высвечивал совершенно иную картину по сюжетам, которые до этого априорно представлялись как бы ясными совсем по-другому. А это всегда стимулировало на дальнейший поиск объяснения и анализ.

В итоге, когда наши коллеги собрали материал своих исследований в сводный том, значительность и ценность полученных ими данных стала очевидна (Социально-культурный облик: 1986). Конечно, авторы и сами продолжали искать и совершенствовать методы и инструментарий, при этом вполне лояльно относясь к опытам коллег. Я, например, до сих пор благодарен за ту совершенно бескорыстную помощь в организации своих экспедиций и за разрешение использования созданного институтскими коллегами инструментария со стороны Л.М. Дробизевой и покойных коллег В.С. Кондратьева и А.А. Сусоколова, а также за их корректное и доброжелательное отношение к нашим «добавлениям и вариациям» к их базовому вопроснику.

Таким образом, социологические методы в этнографии – несомненная и бесспорная заслуга и лично Ю.В. Бромлея с коллегами, и в целом всего «бромлеевского периода» в нашей науке. Сейчас эти методы прочно вошли в арсенал антрополого-этнологических исследований, хотя ныне по понятным обстоятельствам они не достигают масштабов того времени. Однако в наши дни этнологи редко обходятся в изучении современности без отработанных ранее методик, расширяя и совершенствуя приемы работы. Немаловажно и то, что многие исследователи из националь-

ных районов, пройдя школу в виде стажировки или аспирантуры в секторе этносоциологии ИЭА, стали серьезными самостоятельными учеными. Это тоже следствие большой организационной работы, проделанной институтом в 1960–1980-е годы (Этносоциология вчера и сегодня 2016: 77–145).

Параллельно с организацией этнологического изучения современных этнических процессов в стране Ю.В. Бромлей занимался разработкой теоретико-методологического арсенала науки о народах. Речь не шла о тотальной ревизии наработок предшественников, однако этнография остро нуждалась в уточнении самого основного предмета изучения, включая составляющие его базовые понятия, прежде всего этнос как явление и феномен бытия человечества. Несомненно, для этого директору института необходимо было прежде всего разобраться и осмыслить комплекс проблем науки для себя, а затем изложить это свое понимание научному сообществу. На это хотя и ушло несколько лет, но уже в 1973 г. Юлиан Владимирович издал одну из своих основных книг, где была изложена его теория этноса, получившая название дуальной или бинарной (Бромлей 1973; 1983).

Кроме того, что с этих пор этнос надолго стал основным объектом изучения для науки о народах, значение бинарной теории заключалось в том, что произошел хотя еще и не полный, но все же очень важный частичный уход от догматики механистических определений с обязательными и неизменными наборами признаков. Бромлей показал, что этнос на самом деле характеризуется разными признаками и структурными компонентами, среди которых могут быть такие объединяющие носителей этнической идентичности компоненты, как язык и культура, а могут преобладать сложные скрепы социально-организационного уровня. Первый тип общности автор назвал *этникос* (прилагательное от греческого слова этнос, т. е. этнический), а второй *этносоциальный организм* (ЭСО). Второй тип общности, таким образом, характеризовался более широкими основаниями социально-экономических, территориальных, государственно-политических коммуникаций. Это давало возможность вести речь об узком значении понятия этнос (*этникос*) и более широком спектре социальных связей (ЭСО), то есть изучать одно и то же явление (этнос) под несколькими разными, узким и более расширенным, углами зрения.

Бинарная или дуальная теория этноса была принята научным сообществом и многими коллегами разделялась. Во всяком случае она позволила уйти от связывающего научный поиск обязательного и неизменного набора признаков объекта, показала объект сложным явлением, динамичным и подверженным изменениям. В данном отношении она была шагом вперед в развитии этнологической мысли. В частности, предложенное понимание этноса позволило наконец снять очевидное противоречие в отношении многих народов, разделенных государственными границами и лишенных общей этнической территории.

Важно отметить и то, что как глава отечественной этнографии Ю.В. Бромлей отнюдь не считал себя теоретическим монополистом и вполне благосклонно относился к появлению иных теоретических концепций, предлагаемых своими подчиненными, например, к информационной теории этноса С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, или к компонентной теории В.В. Пименова (Арутюнов, Чебоксаров 1972; Пименов 1977).

Можно сказать, что бинарная теория, став частичным отходом от жестких дефиниций явления, показала сложность изучаемых наукой национальных процессов. С позиций сегодняшнего дня ей, конечно, тоже можно предъявить ряд претензий. Например, то, что в части понимания связи этнического фактора с системой современ-

ных социальных отношений она сохраняла советскую традицию этнизации понятия нации, свойственную еще сталинскому определению. При этом научному сообществу было хорошо известно, что в англо-французской литературе давно преобладало не этническое, а этатистское понимание термина и сущности нации, высказанное еще в годы французской революции аббатом Сиейесом: «Совокупность объединенных индивидуумов, живущих под общим законом и представляемых одними и теми же законодательными органами» (Sieyes 1888: 31).

Такое понимание феномена нации необходимо было разрабатывать в нашей науке потому, в частности, что это помогло бы освободиться от неверного определения нации как «высшего типа этнической общности». Нация вообще не есть тип этнической общности, ее появление в эпоху модерна связано было с рождением принципиально нового (в сравнении с доиндустриальным этносом) способа адаптации в среде обитания, построенного на дифференцированных видах деятельности уже не на этнической, а на профессиональной основе. И если в начальный период становления нового способа адаптации в среде обитания дифференциация деятельности и происходила в какой-либо моноэтнической среде, то очень быстро расширение обменных связей начинало захватывать и интегрировать в нацию иноэтнические группы в границах государства. На эту тему в свое время очень точно высказался Х. Ортега-и-Гассет, заметив, что входящие в государство этносы еще могли бы существовать по отдельности, в отличие же от них все социально-профессиональные группы нации принципиально не могут существовать друг без друга (Ортега-и-Гассет 1994: 47-48). Только вместе они способны заменить прежний этнически специфичный способ адаптации в среде обитания на новый, через набор необходимых для воспроизводства социума профессионально, а не этнически специализированных видов деятельности, уже не строго зависимых от этнической принадлежности их представителей. Это и есть совокупное сообщество людей, составляющее нацию.

В свете высказанных соображений следовало бы несколько скорректировать сущностное содержание термина ЭСО: речь здесь не столько об этно-социальном организме – частица «этно» возвращает нас к понятию этно-нации и нации как якобы высшем типе этнической общности. Следовательно, для понимания организационных начал современного этноса точнее будет не термин этносоциальный организм, а определение места и функций того или иного этноса, входящего в состав нации, в системе ее социально-воспроизводственных связей.

Так как базовые основания, на которых выделяются этнос в узком смысле (этнокос) и ЭСО, различны, то из этого вытекает еще одно существенное отличие выделенных форм бытия этноса. Когда общность скрепляют такие явления как язык и культурная специфика, то эта форма общности есть феномен, имеющий диахронную природу. В отличие от него, когда в основе ЭСО лежат социально-воспроизводственные механизмы, объединяющие нацию и этносы в ее составе, эта связь имеет синхронную природу. Разрушение такого воспроизводственного единства структуры нации неизбежно повлечет за собой деструкцию самого явления, включая место в нем входящих в нацию народов.

Из сказанного вытекает, что появление бинарной теории этноса стало несомненным шагом вперед в развитии этнологической мысли уже потому, что данная теория определенно показала: этнос есть явление подвижное и способное строиться на базе различных и варьирующих связей. К слову, впервые мысль о том, что понятие этнической общности следует определять именно по связям, которые общность

скрепляют, а не по признакам, была высказана С.А. Токаревым (*Токарев* 1964: 43). Мысль в сущности элементарно простая, а потому верная, ибо любую общность как явление скрепляет ничто иное как та или иная связь или группа связей. Строгое следование данной линии непременно привело бы и к пониманию того, что нация не тип этнической общности, а также к ясному представлению о природе сходства и различия между этносом и нацией как видами общности. Но это уже был бы следующий шаг, а первый был все же сделан.

Кроме разработки теории этноса в заслугу Ю.В. Бромлею следует поставить также то, что в трудах его и его коллег по институту в те годы закрепилось понимание этноса как живого и развивающегося явления и перманентного процесса. Постоянное внимание к этническим процессам, стремление к отслеживанию изменений – очевидное достижение «бромлеевского периода» не только в работе ИЭА, но и всей советской этнографии тех лет. Не случайно коллективная монография о современных этнических процессах в СССР, вышедшая под редакцией Ю.В. Бромлея двумя изданиями, была заслуженно удостоена Государственной премии СССР (*Современные...* 1975; 1977). А в 1987 г. институт подготовил и опубликовал работу об этнических процессах в современном мире, в которой Ю.В. Бромлей стал не только ответственным редактором, но и автором трети разделов книги (*Этнические процессы* 1987).

Необходимо отметить, что помимо разработки теории этноса Ю.В. Бромлей много полезного сделал для категоризации системы понятий в нашей этнологии. Здесь можно назвать и представление о типах этнических процессов (подразделение на этноэволюционные и этнотрансформационные, интегративные и этноразделительные), и четкое объяснение различия между понятиями «этническая группа» и «этнографическая группа». Под первой понимается часть народа, оказавшаяся отделившейся по тем или иным причинам от основного этнического массива и живущая в иноэтничном окружении, под второй же совокупность людей, имеющая какие-либо особенности культуры и быта и по этим признакам выделяемая специалистами-этнографами (*Бромлей, Козлов* 1987: 5-30). Все это вместе способствовало утверждению в те годы термина «этнос» в науке о народах и в широких границах общественного дискурса, в системе образования, и довольно четкому представлению общества о природе этнического и этнических процессах в их динамике.

К плодотворным усилиям Юлиана Владимировича по части категоризации научного этнологического знания относится также подготовленная в 1986-1995 годы по его инициативе совместно с коллегами из ГДР серия справочного характера «Свод этнографических понятий и терминов» из шести выпусков (Свод этнографических 1986-1995). Бромлей был главой редколлегии серии, но выпуски 3-6 увидели свет уже после его кончины.

Характеристика «бромлеевского периода» советской этнологии была бы неполной, если не упомянуть о том, что с ним связано заметное расширение предметного поля этнографии/этнологии, развертывание таких направлений исследований, как этноэкология (В.И. Козлов), этнопсихология (И.С. Кон), этнодемография (П.И. Пучков и О.Е. Казьмина), а затем и медицинская антропология (В.И. Харитоновна). И здесь можно вести речь не просто о расширении диапазона исследований, но об отчетливом понимании объективного роста связей этнического аспекта бытия с широким спектром социальных взаимодействий. И это тоже показатель широты взглядов директора Института этнографии на предметное поле науки.

В заключение выскажу свои впечатления о Бромлее-человеке. Мне не довелось, к сожалению, ни часто, ни близко с ним общаться, хотя в период, когда он преподавал на кафедре этнографии МГУ в 1970-е-1980-е годы, встречаться с ним приходилось, также как на различных этнографических конференциях разного уровня. Этого общения было достаточно, чтобы вынести суждение: это был глубоко интеллигентный и очень доброжелательный и демократичный человек. К коллегам по кафедре, включая молодежь, он относился очень по-доброму и поддерживал молодых этнографов насколько мог. Я, например, был свидетелем того, как Юлиан Владимирович однажды пришел на кафедру и принес только вышедшую монографию А.А. Никишенкова о британском функционализме, с которой он познакомился (*Никишенков 1986*). Книга была подготовлена на основе кандидатской диссертации автора. Однако Бромлей уверенно заявил: «Ему (автору -В.К.) надо ее как докторскую защищать». Мне точно известно, что это предложение он повторил не однажды. Думаю, не так много нашлось бы коллег, кто устоял бы перед соблазном откликнуться на предложение академика. Но не Алексей Алексеевич, который потратил еще 20 лет, пока не довел работу до уровня, который, по его представлению, соответствовал докторской. Были у Ю.В. Бромлея и аспиранты по кафедре, с которыми он вполне ответственно работал и доводил до защиты.

Итог. Приход Юлиана Владимировича в этнографию открыл, на мой взгляд, довольно плодотворный период в развитии науки. Несомненно, в этом был очевидный личный вклад Бромлея как ученого и как организатора науки. Став директором академического института, он достаточно глубоко погрузился в актуальные проблемы, стоявшие перед этнографией, и при этом вполне оперативно их если не полностью решил, то весьма серьезно поспособствовал решению. Это и отмеченный выше теоретический сдвиг в представлениях о природе этноса, и существенные подвижки в способах и приемах изучения этнографической современности. Научная общественность и общественное сознание получили достаточно ясное и подробное представление о феномене этноса и системе этнических категорий. Если бы комплекс данных наработок стал основой дальнейшей углубленной исследовательской деятельности этнологов, можно предположить, что это смогло бы принести большую пользу. Но с 1990-х гг. произошла резкая смена парадигмы и отход от этнологического взгляда на развитие и бытие народов в пользу конструктивизма. А параллельно тотальная антропологизация этнологии временами стала оборачиваться утерей профессионального видения предмета.

Я никоим образом не против внедрения социально-антропологических подходов, и вижу немалую пользу в их применении к разнообразным ситуациям и явлениям современного мира. Но в сочетании с типичным для постмодерна избеганием обобщений и категоризации (без которых наука уже и не вполне наука) – все это способствует отходу от этнологического видения и размыванию предметного поля. А что касается отношения к этносу как лишь результату конструирования и общности якобы виртуальной – это ведь тоже результат определенной общей нашей недоработки в части онтологического понимания специфики феномена «этнос» и причинах изменения функций этноса в эпоху модерна.

Несколько упрощая, конечно, причины рождения конструктивизма, полагаю, что ситуация, когда видимых проявлений этнического и этничности в обществе модерна становится все меньше, мнение о том, что, следовательно, этнос категория искус-

ственная, просто стало явным упрощением подхода к постижению сути явления. Ведь формирование представлений об этносе в эпоху модерна стало тоже профессиональной функцией (в частности политиков и идеологов), подобно всякой иной профессионализации деятельности. И в этом конструктивисты правы: социальное воздействие на массу действительно весьма выросло, будучи специализированной функцией профессионалов-идеологов. Но ведь из этого вовсе не следует вывод, что этнос понятие иллюзорное. Оно реально, но его прежние функции, несомненно, изменились. И если бы линия, выработанная Ю.В. Бромлеем и коллегами, продолжала развиваться и углубляться, наука этнология вполне была бы в состоянии это адекватно объяснить. Таким образом, «бромлеевский период» и личный вклад Бромлея в нашу науку бесспорно можно считать одним из самых продуктивных периодов в истории отечественной этнологии. Впрочем, «по большому счету» условия для его более глубокого анализа пока не созрели. Но, надеюсь, такое время еще придет.

Научная литература

- Андреанов Б.В.* Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки // Вопросы истории, 1967. № 9. С. 101–114.
- Арутюнян Ю.В., Ю.В. Бромлей Ю.В.* (под ред.). Социально-культурный облик советских наций. По материалам этносоциологического исследования. М.: Наука, 1986. 453 с.
- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп // Расы и народы, 1972. № 2. С. 8–30.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
- Бромлей Ю.В., Козлов В.И.* Этности и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. С. 5–30.
- Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* О соотношении истории, этнографии и социологии // Советская этнография. 1969. № 3. С. 3–19.
- Бромлей Ю.В.* (отв. ред.). Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; 2-е изд. М.: Наука, 1977. 543 с.
- Бромлей Ю.В.* (отв. ред.). Этнические процессы в современном мире. М.: Наука, 1987. 446 с.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г.* (ред.). Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г.* (ред.). Свод... Вып. 2: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. 225 с.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г.* (ред.). Свод... Вып. 3. Материальная культура. М.: «Наука» 1989. 224 с.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г.* (ред.). Свод... Вып. 4. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М.: «Наука», 1991. 166 с.
- Бромлей Ю.В., Штробах Г.* (ред.). Свод... Вып. 5. Религиозные верования. М.: Наука, 1993. 239 с.
- Бромлей Ю.В., Вайнштейн С.И.* (ред.). Свод... Вып. 6. Этнические и этно-социальные категории. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
- Губогло М.Н.* Аллюзии импрессионизма в этносоциологии // Вестник антропологии, 2016. № 2. С. 54–80.
- Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* (сост.). Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. 360 с.
- К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории, 1970. № 8. С. 86–98.
- Козлов В.И.* Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории, 1967. № 1. С. 88–99.
- Козлов В.И.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Вопросы истории, 1968. № 9. С. 95–109.

- Лашук Л.П.* Многотомная серия «Народы мира» и некоторые проблемы развития этнографии // Вопросы истории, 1966. № 10. С. 144–145.
- Лашук Л.П.* О формах докапиталистических этнических связей // Вопросы истории, 1967. № 4. С. 77–92.
- Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М.: Изд-во МГУ, 1986. 213 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев: Новый круг Пор-Рояль, 1994. 317 с.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А. (отв. ред.).* Этносоциология вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с.
- Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. М.; Л.: Наука, 1977. 262 с.
- Пучков П.И.* К анализу этнической ситуации в Океании // Вопросы истории, 1968. № 10. С. 90–104.
- Савоскул С.С.* Из воспоминаний этносоциолога «второго призыва 1989 вып.» // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 320–325.
- Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998. 258 с.
- Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М. 1946. С. 290–367.
- Тишков В.А.* Откуда и куда пришла российская этнология. Персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение, 2020. № 2. С. 72–137.
- Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958. 616 с.
- Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии, 1964. № 11. С. 43–53.
- Толстов С.П.* Этнография и современность // Советская этнография, 1946. № 1. С. 3–11.
- Толстов С.П.* Основные задачи и пути развития советской этнографии // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 12. 1950. С. 5–14.
- Толстов С.П.* Задачи советской этнографии // Вопросы истории, 1954. № 11. С. 160–163.
- Толстов С.П., Жданко Т.А.* Пути развития и проблемы советской этнографии // Вопросы истории, 1964. № 7. С. 3–20.
- Чешко С.В.* О творческом наследии Ю.В. Бромлея // Вестник антропологии, 2016. № 2. С. 6–24.
- Sieyes E.* Qu'est-ce que le tiers etat? // Societe de l'Histoire de la Revolution Francaise. Paris, 1888. P. 31.
- Karlov, Victor V.**

Yulian V. Bromley and the “Bromley Period” in Russian Ethnology

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/9-23

The article is devoted to the 100th anniversary of Yu. V. Bromley, who headed the academic Institute of Ethnography for more than 20 years. In order to assess the period in the history of Russian ethnology, when its development was led by Yu. V. Bromley, the author analyses ethnographic science and the priority tasks it was facing at the time when Bromley became the Director of the Institute. These were, first of all, problems of studying ethnographic modernity, as well as the need to update the theoretical base of ethnography. The leading ethnographers acknowledged the seriousness and scale of these tasks, but the methods for solving them were not developed. The article assesses the contribution the academician made to the development of science in the USSR, as well as the entire period of 1960-80 in Russian ethnology. The article analyzes the theory of ethnos proposed by Yu. V. Bromley, the development of the categorical apparatus of ethnological science and methods for the study of ethnographic modernity. During the leadership of Yu. V. Bromley, the Institute of Ethnography introduced serious and positive changes in these areas of ethnological knowledge. The author argues that that was a very fruitful period in the history of ethnological knowledge in the USSR.

Keywords: *Yu. V. Bromley, theory of ethnos, ethnography of modernity, history of ethnology*

For Citation: Karlov, V.V. 2021. Yulian V. Bromley and the “Bromley Period” of the Russian Ethnology. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 9–23.

***Karlov, Victor V.**– Dr. (Hist.), Prof., Lomonosov Moscow State University (119991 Moscow, Lomonosov prosp., 27). E-mail: vikarlov@mail.ru

References

- Andrianov, B.V. 1967. Problemy formirovaniia narodnosti i natsii v stranakh Afriki [Problems of the formation of nationalities and nations in the countries of Afrika] *Voprosy istorii* 9: 101–114.
- Arutiunian, Iu.V., Iu.V. Bromlei Iu.V. (ed.). 1986. *Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii. Po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniia* [Socio-cultural image of the Soviet nations. Based on the materials of ethnosociological research]. Moscow: Nauka.
- Arutiunov, S.A., Cheboksarov N.N. 1972. Peredacha informatsii kak mekhanizm sushchestvovaniia etnosotsial'nykh i biologicheskikh grupp [Information transmission as a mechanism for the existence of ethnosocial and biological groups]. *Rasy i narody* 2: 8–30.
- Bromlei, Iu.V. 1973. *Etnos i etnografiia* [Ethnos and ethnography]. Moscow: Nauka.
- Bromlei Iu.V. and V.I. Kozlov 1987. Etnosy i etnicheskie protsessy kak predmet issledovaniia [Ethnoses and ethnic processes as a subject of research]. In *Etnicheskie protsessy v sovremennom mire* [Ethnic processes in a contemporary world], 5–30. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and O.I. Shkaratan. 1969. Sootnoshenii istorii, etnografii i sotsiologii [On the correlation of history, ethnography and sociology]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 3–19.
- Bromlei, Iu.V. (ed.). 1975, 1977. *Sovremennye etnicheskie protsessy v SSSR* [Modern ethnic processes in the USSR]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. (ed.). 1987. *Etnicheskie protsessy v sovremennom mire* [Ethnic processes in the modern world]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and G. Shtrobakh (ed.). 1986. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov. Vyp. 1: Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia i sotsionormativnaia kul'tura* [A set of ethnographic concepts and terms. Vol. 1: Socio-economic relations and socionormative culture]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and G. Shtrobakh (ed.). 1988. *Svod... Vyp. 2: Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [A set... Vol. 2: Ethnography and related disciplines. Ethnographic sub-disciplines. Schools and destinations. Methods]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and G. Shtrobakh (ed.). 1989. *Svod... Vyp. 3. Material'naia kul'tura* [A set... Vol. 3. Material culture]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and G. Shtrobakh (ed.). 1991. *Svod... Vyp. 4. Narodnye znaniia. Fol'klor. Narodnoe iskusstvo* [A set... Vol. 4. The people of knowledge. Folklore. Folk art]. Moscow: Nauka.
- Bromlei, Iu.V. and G. Shtrobakh (ed.). 1993. *Svod... Vyp. 5. Religioznye verovaniia* [A set... Vol. 5. Religious beliefs]. M.: Nauka, 1993.
- Bromlei, Iu.V. and S.I. Vainshtein (red.). 1995. *Svod... Vyp. 6. Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii* [A set... Vol. 6. Ethnic and ethno-social categories]. Moscow: Institute of ethnology and anthropology RAN.
- Cheshko, S.V. 2016. O tvorcheskome nasledii Iu.V. Bromleia [About the creative heritage of Y. V. Bromley]. *Vestnik antropologii* 2: 6–24.
- Dubova, N.A., L.V. Ostapenko and I.A. Subbotina (ed.). 2008. *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia* [Ethnosociology and ethnosociologists. Researches, searches, memories]. Moscow: Staryi sad.
- Guboglo, M.N. 2016. Alliuзии impressionizma v etnosotsiologii [Allusions of impressionism in ethnosociology]. *Vestnik antropologii* 2: 54–80.
- K itogam diskussii po nekotorym problemam teorii natsii [To the results of the discussion on some problems of the theory of the nation]. 1970. *Voprosy istorii* 8: 86–98.

- Kozlov, V.I. 1967. Nekotorye problemy teorii natsii [Some problems of the theory of the nation]. *Voprosy istorii* 1: 88–99.
- Kozlov, V.I. 1968. Tipy etnicheskikh protsessov i osobennosti ikh istoricheskogo razvitiia. [Types of ethnic processes and features of their historical development]. *Voprosy istorii* 9: 95–109.
- Lashuk, L.P. 1966. Mnogotomnaia seriia “Narody mira” i nekotorye problemy razvitiia etnografii [Multi-volume series “Peoples of the world” and some problems of ethnography development]. *Voprosy istorii* 10: 144–145.
- Lashuk, L.P. 1967. O formakh dokapitalisticheskikh etnicheskikh sviazei [On the forms of pre-capitalist ethnic ties]. *Voprosy istorii* 4: 77–92.
- Nikishenkov, A.A. 1986. *Iz istorii angliiskoi etnografii. Kritika funktsionalizma* [From the History of English Ethnography. Criticism of functionalism]. Moscow: Moscow State University.
- Ortega-i-Gasset, Kh. 1994. *Etiudy ob Ispanii* [Sketches of Spain]. Kiev: Novyi krug Por-Roial’.
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (ed). 2016. *Etnosotsiologiia vchera i segodnia* [Ethnosociology yesterday and today]. Moscow: Institute of ethnology and anthropology RAN.
- Pimenov, V.V. 1977. *Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa* [Udmurts. Experience of component analysis of an ethnic group]. Moscow-Leningrad: Nauka.
- Puchkov, P.I. 1968. K analizu etnicheskoi situatsii v Okeanii Voprosy istorii [To analyze the ethnic situation in Oceania]. *Voprosy istorii* 10: 90–104.
- Savoskul S.S. 2008. Iz vospominanii etnosotsiologa “vtorogo prizyva” [From the memoirs of an ethnosociologist of the “second draft”] In *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia*. Moscow: Staryi sad. P. 320-325.
- Solovei, T.D. 1998. Ot “burzhuaiznoi” etnologii k “sovetskoi” etnografii. Istoriia otechestvennoi etnologii pervoi treti XX veka [From a “bourgeois” ethnology to a “soviet” ethnography. History of Russian ethnology of the first third of the twentieth century]. Moscow: Institute of ethnology and anthropology RAN.
- Stalin, I.V. 1946. *Marksizm i natsional’nyi vopros* [Marxism and the national question]. Collected works. Vol. 2, 290–367. Moscow.
- Tishkov, V.A. 2020. Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiia. Personal’nyi vzgliad v global’noi perspektive [Where and where Russian ethnology came from. A personal view from a global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 72–137.
- Tokarev, S.A. 1958. *Etnografiia narodov SSSR. Istoricheskie osnovy byta i kul’tury* [Ethnography of the peoples of the USSR. Historical foundations of everyday life and culture. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
- Tokarev, S.A. 1964. Problema tipov etnicheskikh obshchnosti (k metodologicheskim problemam etnografii) [The problem of types of ethnic Communities (on methodological problems of ethnography)]. *Voprosy filosofii* 11: 43–53.
- Tolstov S.P. 1946. Etnografiia i sovremennost [Ethnography and modernity]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 3–11.
- Tolstov S.P. 1950. Osnovnye zadachi i puti razvitiia sovetskoi etnografii [The main tasks and ways of development of Soviet ethnography]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii*. 12: 5–14.
- Tolstov, S.P. 1954. Zadachi sovetskoi etnografii [Tasks of Soviet ethnography]. *Voprosy istorii* 11: 160–163.
- Tolstov, S.P. and T.A. Zhdanko. 1964. Puti razvitiia i problemy sovetskoi etnografii [Ways of development and problems of Soviet ethnography]. *Voprosy istorii* 7: 3–20.

© О.Д. Фаис-Леутская

**Ю.В.БРОМЛЕЙ: НОВОЕ СЛОВО В НАУКЕ,
УСЛЫШАННОЕ В ЕВРОПЕ***

В статье, посвященной памяти Ю.В. Бромлея и приуроченной к 100-летию со дня его рождения, автор, прибегая к личным воспоминаниям и в целом к жанру автоэтнографии, отслеживает «каналы» проникновения в 80-е гг. XX в. в Европу основных положений разработанной ученым теории этноса. Внимание, в частности, уделяется отдельным фигурам или центрам европейского научного мира, проявившим интерес к наработкам Ю.В. Бромлея и внесшим свой вклад в дело их популяризации. В первую очередь отмечаются те исторические, социальные, культурные, политические, идеологические реалии Европы (усиление регионализма, демократизация и радикализация европейского климата, интенсификация борьбы «миноритарных народов» и лингвистических, культурных, религиозных меньшинств за расширение своих прав, феномен массового пробуждения их самосознания и поиска идентичности, оформление концепта «наций без государства», «вызревание» Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), начало процесса изменения законодательств европейских стран в отношении «малых народов» и т.д., которые обусловили интерес к отдельным категориям и концептам теории этноса (таким, как этническое самосознание, этнонимы, общность территории, этническая культура, этникос и т.д.) и их востребованность как ответов на «вызовы времени».

Ключевые слова: Ю.В. Бромлей, теория этноса, автоэтнография, европейские реалии, меньшинства, «нации без государства», актуальность

Ссылка при цитировании: Фаис-Леутская О.Д. Ю.В. Бромлей: новое слово в науке, услышанное в Европе // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 24–32.

Я – ученица Юлиана Владимировича Бромлея... Звучит это достаточно пафосно, кроме того, подобное утверждение ко многому обязывает, да и задает достаточно личный тон повествованию, впрочем, жанр автоэтнографии все больше утверждается в научной традиции. И тем не менее, вне зависимости от того, насколько разделяемы сегодня, спустя десятилетия, в отечественном и международном научном дискурсе все его концепции и воззрения, теории и взгляды, в канун столетнего юбилея Человека и Ученого, столь много сделавшего для науки, отечественной и зарубежной, и столь много давшего мне лично, спешу сказать, «прежде нежели пропоет петух», что с гордостью и благодарностью не трижды, а многожды подтверждаю факт своего ученичества.

Фаис-Леутская Оксана Давидовна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: oxana-fais@yandex.ru

*Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Юлиан Владимирович преподавал на кафедре этнографии Исторического факультета МГУ, и в 1983 г. нашей преддипломной группе будущих этнографов «смешанного состава» (в нее входили студенты и дневного отделения, и «вечерники») он начал читать свой курс «Введение в теорию этноса». Так получилось, что у меня к этому моменту на руках были скудные результаты моей первой самостоятельной индивидуальной «полевой кампании», проведенной на свой страх и риск вкось и вкось в соответствии исключительно с собственными представлениями о том, как это должно делать (за плечами имелся очень скромный опыт пары экспедиций, включавший первые, робкие навыки опросов; помню грозное слово «репрезентативность», порой сновившееся мне по ночам, о ней надлежало помнить при интервьюировании). При этом уместно отметить, что в силу семейных обстоятельств речь шла о таком «экзотическом» регионе, как Сардиния – колыбели предков, где обитали родственники и где «поле» представляло собой тогда интереснейший предмет исследования (да и сегодня представляет), в том числе и как объект приложения многих концептов и понятий, разработанных Ю.В. Бромлеем. В частности, я пыталась узнать, ни много ни мало, кем эти исследуемые сардинцы себя ощущают (учитывая их упорное противопоставление себя итальянцам), как себя называют и в чем видят свое отличие от «жителей континента» (так и сегодня население итальянских островов именуется уроженцев материка). Нет нужды уточнять, что при этом таких «богатых» слов, как «этноним» (про эндо- и экзоэтнонимы и говорить не буду) или «этническое самосознание» я и знать не знала.

Сегодня я с сильнейшим скепсисом оцениваю собственные тогдашние «премьеры» на поприще полевой этнографии, но тогда, в 1982–1983 гг. относилась к ним очень серьезно, одновременно стыдясь их и гордясь, желая кому-то их показать свои наработки и страшно боясь это сделать. О том, чтобы подойти с ними к Ю.В. Бромлею, я и помыслить не могла – так велик у нас всех, его слушателей, был пиетет перед ним, глубокая почтительность, граничившая с преклонением. Помню, в какое состояние вгоняло студентов общение с Юлианом Владимировичем – он обращался ко всем на «Вы», предельно корректно, с подчеркнутым уважением, почти на равных, но от этого ощущение разделявшей дистанции только увеличивалось.

Однако так вышло, что меня со всеми моими результатами, с которыми я носилась на кафедре как с писаной торбой, «сосватали» Юлиану Владимировичу, и, подпихивая в спину, подвели к нему. И вот тут-то я, с замиранием сердца услышала, что, оказывается, «это» имеет право на жизнь, что подобные исследования можно и нужно развивать, и углублять, что мне предстоит услышать и об этносе, и обо всех присущих ему чертах, включая этнонимы и самосознание людей, его составляющих, и подойти с более зрелых позиций к опроснику, к будущим опросам, к оценкам результатов моей работы, их осмыслению и выводам. А кроме того, Юлиан Владимирович сказал, что строить дипломную работу необходимо именно на «живом материале», и что моим научным руководителем будет он. Свои эмоции, вызванные этим разговором, до сих пор помню прекрасно. Нет, радость и гордость собственной «избранностью», конечно, тоже были, но в первую очередь довлел ужас – не справиться, не вытянуть, не соответствовать, не оправдать ожиданий...

Может, именно в силу этого подгонявшего вперед страха, а может – вследствие «направляющего» обучения и ученичества, очертивших круг чтения, сделавших яснее задачи, методы и цели исследования, следующий год оказался на редкость плодотворным. В него «уместились» и освоение литературы, и работа «в поле» в Сарди-

нии, и попытки решить для себя, по мере увеличения объема приобретаемых знаний, кем же все-таки являются исследуемые сардинцы, наделенные как область особой автономией, но претендующие на расширение своих культурных и лингвистических прав, – этносом или субэтносом, и растущий интерес к этническим реалиям тогдашней Европы, и «погружение в тему», и, наконец, вытекающие из этого «погружения» контакты, очные и заочные, с представителями мира науки, исследователями различных аспектов этнокультурных процессов и феноменов в европейском контексте.

И вот тогда-то я узнала, что имя Ю.В. Бромлея достаточно хорошо известно в Италии, поскольку его первая книга «Этнос и этнография» не просто была переведена на итальянский язык (*Bromlej* 1978), но переиздана там крупнейшим издательским домом *Editori Riuniti* – лидером итальянского издательского дела (*Bromley s.d.*), и получила широкое распространение в стране. Забегая вперед, отмечу, что автор одного из исследований, посвященных эволюции теории этноса (*Соколовский* 2013), подозревает «итальянские корни» наработок Ю.В. Бромлея, обусловленные историческим развитием философско-политической мысли в Италии, что во многом объясняет причины их особой популярности именно в этой стране.

Но не в меньшей мере острый интерес к теории этноса и ее востребованность как в Италии, так и за ее пределами в целом был детерминирован «веяниями и запросами времени», переживаемыми Старым Светом процессами, объективной реальностью – подъемом многих «малых народов» Европы, их осознанием себя самостоятельной «этнической единицей», поиском и обретением ими идентичности, борьбой за расширение своих лингвистических, культурных, а порой – и региональных прав, их культурно-политическими притязаниями, часто базирующимися как раз на апелляции к собственным «общностям культуры, языка и особенностей психики», к единству происхождения («этногенезу») и расселения («этнической географии») и в целом к определению себя как «...исторически сложившейся на определенной территории совокупности людей» (*Бромлей* 1983: 10–45), поднятием на щит понятия «нации без государства» (*nations without a state*, или *stateless nations*¹).

Для воссоздания атмосферы той эпохи уместно вспомнить и резкий подъем деятельности ЭТА в конце 70-х – начале 80-х гг.; и начало проведения ИРА терактов на территории Ольстера и Англии; и активизацию с 1976 г. террористической деятельности Фронта национального освобождения Корсики, боровшегося в том числе и за признание властями Франции корсиканцев «отдельным этносом» и «народом Корсики»; и расширения прав автономии региона или его полной политической независимости; и лингвистические притязания Сардинской Партии действия; и подготовку Европейской Хартии региональных или миноритарных языков Европы. При этом надо акцентировать внимание на том факте, что на политико-идеологический климат всей Европы сильнейшим образом повлияли, с одной стороны, длительное лидерство КП в Италии, ее европейские успехи (на выборах в Европарламент в 1984 г. ИКП заняла первое место), а с другой – выход в 80-е гг. XX в. на политическую и социальную арену «Красных бригад», подпольной леворадикальной организации, вполне вписавшейся в картину активизации политического терроризма в странах Западной Европы. Эти процессы обусловили одновременно демократизацию и радикализацию настроений в обществе, в том числе актуализировав в социуме, особенно в интеллектуальной

¹ Термин «нации без государства» применяет Ч.Р. Фостер (Charles. R. Foster) в исследовании, посвященном меньшинствам в Западной Европе (Foster 1980), и развивает французский исследователь Ж Леруа (Jacques Leruez) в работе, посвященной судьбам шотландцев (*Leruez* 1983).

среде, включая и научную, проблематику национальной политики европейских государств и статуса «малых народов», необходимость пересмотра многих законодательных норм в их отношении и легитимизации их статуса, а также вопросы национально-регионального/этнического самосознания и самоопределения отдельных народов и групп населения. Но также они сообщили прикладной характер многим положениям теории этноса, разработанным Ю.В. Бромлеем, и были взяты на вооружение исследователями к современной, наблюдаемой ими эмпирике – европейским феноменам и процессам, в попытке оперировать ими при анализе этих явлений.

Отнюдь не претендуя сейчас на глубокий анализ теоретических аспектов европейской этнологии и антропологии второй половины XX в., хочу лишь привести несколько примеров распространения теорий и концептов Ю.В. Бромлея в научных кругах Европы.

Одним из деятельных акторов этого процесса выступал, например, Дж. Анджони, ведущий антрополог, профессор Университета Кальяри, – и одновременно профессор и научный сотрудник Колледжа Святого Антония Оксфордского университета. Представитель Сардинской Антропологической Школы – одного из важнейших научных центров европейского масштаба, основанного такими корифеями демо-этно-антропологии, как Э. Де Мартино и А.М. Чирезе, – Дж. Анджони не только знал основные положения книги Ю.В. Бромлея, но и весьма ценил их, цитировал в своих лекциях и часто апеллировал к содержанию книги в своих исследовательских трудах, хотя и не подвергал их сколь-либо подробному критическому анализу (*Angioni* 1997: 36, 50; *Angioni* 1986: 15, 17; *Angioni* 2011).

Подчеркну, что, в том числе и благодаря деятельности Дж. Анджони в Оксфорде, эти «основы этнологической мысли, дающие четкое представление о иерархии, базовых структурах и подразделениях человеческого общества и присущих ему этнических чертах, особенно в контексте Европы и ее “миноритарных” народов» (*Angioni* 1997:50; *Angioni* 1986:17), «пошли дальше» и стали известны и в Англии и в целом в Европе ввиду сотрудничества этого ученого с широким кругом европейских коллег-антропологов. Особую роль в этом освещении концептов Ю.В. Бромлея, причем на европейском и мировом уровне, сыграл и основанный Дж. Анджони международный антропологический журнал *Europaëa – Journal of the Europeanists/Journal des Européanistes* (*Europaëa – Journal of the Europeanists=Journal des Européanistes*. 1995; *Angioni* 1997: 51). Отмечу, что для некоторых исследователей, авторов *Europaëa*, ряд разработанных Ю.В. Бромлеем концепций (этнос, субэтнос, самосознание, этническая культура, этнонимы и т.д.), в том значении, которым он их наполнял, во многом не утратили актуальности и в наши дни (*Mesnil* 2015: 251–258).

Не в меньшей степени к вышеупомянутым понятиям обращался и Т. Де Мауро (1932 – 2017), виднейший лингвист европейского уровня и политический деятель, уделявший пристальное внимание этнолингвистической ситуации в стране и правам этнолингвистических меньшинств в Италии и в Европе. Не менее чем в 30 статьях, рецензиях, монографиях, опубликованных в Италии и за ее пределами, – упомяну лишь некоторые из них (*De Mauro* 1987: 90, 91, 93; *De Mauro* 1991: 85, 99; *De Mauro* 1992:236, 241; *De Mauro* 1996: 88, 90; *De Mauro* 2010:5, 11, 21), – Де Мауро, также не подвергая критическому анализу понятия, содержащиеся в труде Ю.В. Бромлея, тем не менее цитирует их, ссылается на них, признавая применимость основополагающих составляющих теории этноса, его категорий и понятий к европейским национально-правовым и культурно-лингвистическим реалиям. Следует учесть,

что реноме Де Мауро в мировых академических сферах, его научно-общественная деятельность (он был действительным членом Академии делла Круска, наиболее престижного итальянского лингвистического академического учреждения, Национальной академии деи Линчеи, старейшей академии наук страны, а с 1989 г. – и Европейской академии, общественной неправительственной организации, объединяющей ведущих ученых европейских стран) и заслуженный авторитет, а также общественно-политическая миссия – в начале XXI в. он стал министром образования Италии, несомненно, немало способствовали пробуждению интереса к теории Ю.В. Бромлея в научной среде Европы, в гуманитарных кругах, позволив ей преодолеть национальные границы и выйти за пределы Италии.

В этой связи особо хочется упомянуть журнал «Этние» (*Etnie*) – «Этносы», в 80-е годы XX в. ставший центром активного анализа идей Ю.В. Бромлея и не менее активным источником их международной популяризации в широких кругах левой интеллигенции многих европейских стран. Речь идет о периодическом издании, родившемся в 1980 г. в Италии, но сразу объединившим вокруг себя исследователей из различных регионов Европы¹; его основателями были Агина Г., эколог, занимающийся проблемами «экологии культуры», и Р.К. Соная, журналист и антрополог, со временем проявивший себя специалистом в вопросах европейских «миноритарных народов» и общностей. По замыслу редакции, *Etnie*, не претендуя на статус научного журнала и заявляя о себе как о «не имеющем национальной привязки периодическом издании» (*Redazione* 1980: 2), должен был стать международным альманахом, назначением которого предполагались «координация и сотрудничество всех народов, этносов, групп, сообществ и меньшинств, чья культурная самобытность и идентичность нуждалась в признании, а также освещение состояния этих общностей и коллаборация их исследователей». Чтобы иметь представление о диапазоне освещаемых журналом в те годы тем и одновременно – об уровне и характере этого освещения, достаточно вспомнить, что на протяжении многих лет его существования в нем сотрудничали такие фигуры, как, например, Жакез Гоше (Jakez Gaucher), бретонец, «летописец» кельтской истории, культуры и фольклора; видный колумбийский историк и этнограф Гульерме Бианки (Guilherme Bianchi); Филлис Чеслер (Phyllis Chesler), американская писательница и психолог, эксперт по социально-гендерным тематикам, а позже – и по проблемам ислама и миграций; французский историк Жан-Марк Фонсека (Jean Marc Fonseca), исследователь европейского мультикультурализма; Ив Стелла (Yves Stella), корсиканский историк, сторонник независимости Корсики; Серж Францезе (Serge Franzese), французский антрополог-ромолог и талантливый исполнитель цыганской музыки; молодой ученый-антрополог итало-галсийского происхождения Д. Конверси, по его словам, «постепенно ставший баском», будущий профессор Университета и Фонда науки Страны Басков и исследователь мультикультурализма, национализма, регионализма и проблем «этничности» в контексте Балкан, Испании и ряда европейских стран; Даниэл Пайпс (Daniel Pipes), американский историк и публицист, специалист по исламу и ближневосточному региону, и многие другие. Что же касается названия издания, то, по признанию Р.К. Соная, на выбор последнего повлияли различные исследо-

¹ Обзор журнала «Этние», выпускаемого и сегодня, в конце 80-х гг. XX в. был опубликован на страницах журнала «Советская этнография» (Фаис-Леутская 1989:149-156); при этом основной упор автором обзора делался на освещение сугубо «внутриитальянской» тематики, в частности, вопросов сардинского регионализма, статуса сардинского языка, самосознания населения Сардинии и т.д.

вания этноса, подвергнутые анализу основателями, в том числе и концепты теории Ю.В. Бромлея, в частности, та дефиниция, которую он давал этносу, и те критерии, которые определяли эту категорию (*ibidem.*). Более того, позже Сональя вновь вернулся к этой теме (*Sonaglia* 1980: 3–4), подняв вопрос о понятии «этнос» и о том, чем этнос отличается от других этнических общностей. При этом он отмечал, что, учитывая достаточно слабую разработку в итальянской науке теории этноса и этнографии, а также этнографической терминологии, и достаточно вольное обращение ученых с понятием «этнос» (которое могло в равной степени применяться как по отношению к нации, так и по отношению к жителям одной деревни, обладающим определенной культурной спецификой), задача конкретизации термина и наполнения его определенным содержанием была необычайно актуальной и востребованной.

Решая эту задачу, Сональя, в частности, сделал попытку совместить и срастить воедино ряд положений бытующей тогда в Италии и Европе классификации этноса, опирающейся на работы Э. Эванса-Причарда (*Evans-Pritchard* 1990); М. Глукмана (*Gluckman* 1956); Ф. Барта (*Barth* 1969), А.Д. Смита (*Smith* 1972), и заимствований из теории Ю.В. Бромлея, в частности, таких ее составляющих, как самоназвание, этническое самосознание, общность и целостность территории как условие формирования этноса, этническая культура и общность психики представителей одного этноса. Надо подчеркнуть, что в первую очередь острый интерес вызвали такие концепты, как *этническое самоназвание* и *самосознание*, которые в контексте исследуемых журналом современных реалий миноритарных народов приобретали особую актуальность, поскольку обосновывали и «легитимизировали» чаяния и притязания, исходившие от этих общностей. Не меньшее внимание было уделено понятию *этникос* как выражению этнокультурного единства представителей одного и того же народа независимо от места проживания, что было связано со спецификой анализируемых журналом явлений и процессов, в частности, миграционных. Это понятие звучит в 80–90-е годы XX в. на страницах *Etnie* применительно как к «привычным» для Европы феноменам – таким, как традиционные «перемещения» цыган (*Franzese* 1983: 13–14) и трудовая эмиграция сардинцев, сицилийцев, греков (*Columbu* 1985: 12–15), так и «новым» явлениям – иммиграции в Европу и первым миграционным анклавом в европейских странах, грядущие масштабы которых тогда было трудно представить (*Sonaglia* 1980: 4).

Неотвратимость изменений, обусловленных ходом истории, глобальными политическими, экономическими, социальными, экологическими, культурными, национальными, демографическими процессами современности, за последние десятилетия не только затронула Европу, но и привела к радикальной мутации ее реалий и смене «декораций» современного мира. Эволюция науки, сопряженная со сменой понятий и приоритетов, неизбежно детерминирует уход в небытие предшествующих концептуальных научных доминант – иногда радикальный, но часто оставляющий ростки, которым суждено выжить, а порой и расцвести в будущем. Сакраментальное латинское выражение *Omne quod transit et hoc non factum est* (*Ничего не проходит бесследно*), при всей его расхожести, вполне применимо и к серьезным академическим дисциплинам – антропологии, социологии, истории и т.д., что убедительно доказывает сегодняшний отечественный научный дискурс и современное состояние этнологии и антропологии в России.

В Европе же, говоря конкретно о вышеперечисленных концептах Ю.В. Бромлея, как показывает практика, эти «следы прошлого» во многом и для многих утратили свою четкость. Об этом красноречиво свидетельствуют, например, эволюция взглядов

уже упомянутого выше Д. Конверси. В его ранних работах, опубликованных на страницах *Etnie* (с них и начинается его публикационный «послужной список»), в частности, в первой же статье «О некоторых аспектах «региональности», «этничности» и «национального» применительно к Италии» (*Conversi* 1984: 14–19) присутствуют некоторые апелляции к основным концептам «Этноса и этнографии» (не исключено, что в этом сказались и личное влияние Р.К. Сональи, и общий курс журнала *Etnie* в те годы). Но уже в последующих публикациях этого автора в других научных изданиях они становятся все более размытыми (*Conversi* 1988: 63–75), а в диссертационном исследовании, посвященном проблемам культуры и самосознания как обоснования национализма в Каталонии и Стране Басков, и вовсе исчезают (*Conversi* 1994). Однако стоит подметить любопытный момент: в статье, содержащей анализ «этно-национальной» концепции М. Бэнтон и используемой им терминологии (*Banton* 1996: 89–103), Д. Конверси настаивает на тождественности понятий «этничности» и «национальности» (*Conversi* 2014: 103), а в появившемся на страницах *Etnie* в 2014 г. тексте этой статьи в авторском переводе Р.К. Сональи термин «этничность» уступает место понятию «этнос» (*Conversi* 2014: 100). Более того, в кратких комментариях к статье переводчик, не называя источник цитирования, дает понять, о какой именно трактовке и о чем авторстве понятия «этнос» идет речь (*ibidem*: 101).

Разумеется, столь беглые зарисовки не претендуют на научную значимость, скорее они – еще одна дань памяти Ю.В. Бромлей, несомненно, заслуживающего ее.

Источники и материалы

- Бромлей* 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Фаус-Леутская* 1989 – *Фаус-Леутская О.Д.* Обзор итальянского журнала «Этние» // Советская этнография. 1989. № 5. С. 149–156.
- Barth* 1969 – *Barth F.* (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference.* London: Allen & Unwin. 1969.
- Bromley* 1978 – *Bromley Ju.V.* Etnos e etnografia (Trad. dal russo di P. G. Donini). Mosca: Progress. 1978.
- Bromley s.d.* – *Bromley J.V.* Etnos e etnografia. Roma: Editori Riuniti s.d.
- Europaea* – Journal of the Europeanists=Journal des Européanistes. Roma: Carocci-Nuoro: Istituto superiore regionale etnografico-Bruxelles: Europeanists Society. 1995.
- Evans-Pritchard* 1990 – *Evans-Pritchard E.E.* Kinship and Marriage among the Nuer. Oxford: Clarendon Press. 1951. Reprinted 1990, New York: Oxford University Press. 1990.
- Gluckman* 1956 – *Gluckman M.* Custom and Conflict in Africa. Oxford: Blackwell. 1956.
- Redazione. Chi siamo e cosa vogliamo // *Etnie*, 1980. No. 1. Pp. 2–3.
- Smith* 1972 – *Smith A.D.* Ethnocentrism, nationalism and social change// *International Journal of Comparative Sociology*, 1972. No. 13(1). Pp. 1–20.

Научная литература

- Соколовский С.В.* «Итальянские корни» советской теории этноса» // ПостНаука. 12.02.2013. <https://postnauka.ru/longreads/8877>.
- Angioni G.* Gruppi etnici // *Journal of the Europeanists*, 1997. No. III (2). Pp. 49–76.
- Angioni G.* Il sapere della mano: saggi di antropologia del lavoro. Palermo: Sellerio. 1986.
- Angioni G.* Fare dire sentire. L'identico e il diverso nelle culture. Nuoro: Il Maestrale. 2011.
- Banton M.* International norms and Latin America states' policies on indigenous peoples // *Nations and Nationalism*, 1996. No. 2 (1). P. 89–103.
- Columbu M.* La nostra insularità // *Etnie*, 1985. No. 10. P. 12–15.
- Conversi D.* Gli aspetti del “regionale”, “etnico” e “nazionale” sul campo italiano // *Etnie*, 1984. No. 2. Pp. 14–19.

- Conversi D.* Questions regionals i questions nacionals a Itàlia: interpretacions // Revista de Catalunya, 1988. No. 21. Pp. 63–75.
- Conversi D.* Language, immigration and nationalism: Comparing the Basque and Catalan cases. PhD thesis. London: London School of Economics and Political Science. 1994.
- Conversi D.* “Etnia”, “nazionalità”, “cultura”: usiamole in modo corretto // Etnie, 2014. No. 2 (1). Pp. 89–103.
- De Mauro T.* Il linguaggio, le lingue e le identità etnico-culturali// in Educazione allo sviluppo. Una cultura dell’interdipendenza per la partecipazione alla cooperazione allo sviluppo. (Atti CIES. Grottaferrata. Roma. 17-20 settembre 1987). Firenze: La Nuova Italia. 1987. Pp. 89–96.
- De Mauro T.* Linguistica e antropologia // Ministero dell’Università della Regione SudTirolese. Discipline umanistiche. Analisi e progetto. Roma: Istituto poligrafico dello Stato. 1991. Pp. 83–100.
- De Mauro T.* Esquisse sociolinguistique des Italies d’aujourd’hui. In H. Giordan (a cura di). Les minorités en Europe. Droits linguistiques et droits de l’homme. Parigi: Editions Kimé, 1992. Pp. 233–248.
- De Mauro T.* Linguistic Variety and Linguistic Minorities. In D. Forgacs, R. Lumley (eds.). Italian Cultural Studies. Oxford: Oxford University Press, 1996. Pp. 88–101.
- De Mauro T.* Lingue e identità dell’Europa. In Cercando l’Europa (a cura di Paradisi G., Punzi A., Tomassetti I.). Critica del testo. 2010. No. X, 3. Pp. 3–26.
- Foster C.R.* Nations Without a State: Ethnic Minorities in Western Europe. Westport (CT): Praeger, 1980.
- Franzese S.* La lingua zingara // Etnie, 1983. No. 5. Pp. 13–14.
- Leruez J.* L’Ecosse, une nation sans Etat. Lille: Presses universitaires de Lille, 1983.
- Mesnil M.* «C’était au temps où Bruxelles chantait!». La Société des Européanistes nel contesto dell’etnologia europea. In Cose da prendere sul serio. Le antropologie di Giulio Angioni (a cura di Bachis F. e Pusceddu A.M.). Nuoro: Il Maestrale, 2015. Pp. 251–258.
- Sonaglia R.C.* Cos’è l’etnia? // Etnie, 1980. No. 2. Pp. 3–4.

Fais-Leutskaia O.D. *

Yu.V. Bromley: a new word in science heard in Europe

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/24-32

In this article, dedicated to the memory of Yu. V. Bromley and to the 100th anniversary of his birth, the author tracks the ways of penetration of the theory of ethnos developed by the scientist in the 80-s of the XX century. This is done by resorting to personal memories and the genre of auto-ethnography in general. In particular, the focus of the article is on individual figures or centers of the European scientific world that showed interest in these developments and contributed to their popularization. The author highlights those historical, social, cultural, political, and ideological realities in Europe and the world that provoked interest in certain categories and concepts of the theory of ethnos and made them especially important for responding the challenges of time. Among these realities are the rise of regionalism, democratization and radicalization of the European climate, the intensification of the struggle of linguistic, cultural, religious minorities for their rights, the phenomenon of mass awakening of identity, the development of the concept of “Nations without States”, the adoption of the European Charter for regional or minority languages (1992), the process of implementing first changes in the legislation of European countries s in respect to ethnic minorities etc.

Key words: *Yu.V. Bromley, theory of ethnos, autoethnography, European realities, minorities, «nations without a state», relevance*

For Citation: Fais-Leutskaia O.D. 2021. Yu.V. Bromley: a new word in science heard in Europe. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 24–32.

***Fais –Leutskaia, Oxana D.** – PhD in history, Senior Researcher Center of European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: oxana-fais@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Angioni, G. 1997. Gruppi etnici [Ethnic groups]. *Journal of the Europeanists* III (2): 49–76.
- Angioni, G. 1986. *Il sapere della mano: saggi di antropologia del lavoro* [The knowledge of the hand: essays on Anthropology of work]. Palermo: Sellerio.
- Angioni, G. 2011. *Fare dire sentire. L'identico e il diverso nelle culture* [Make Say feel. The identical and the different in cultures]. Nuoro: Il Maestrale.
- Banton, M. 1996. International norms and Latin America states' policies on indigenous peoples. *Nations and Nationalism* 2 (1): 89–103.
- Columbu, M. 1985. I veri sardi [The real Sardinians]. *Etnie* 10: 12–15.
- Conversi, D. 1984. Gli aspetti del “regionale”, “etnico” e “nazionale” sul campo italiano [The “regional”, “ethnic” and “national” aspects of the Italian field]. *Etnie* 2: 14–19.
- Conversi, D. 1988. Qüestions regionals i qüestions nacionals a Itàlia: interpretacions [Issues of regional and national issues in Italy: interpretations]. *Revista de Catalunya*. 21: 63–75.
- Conversi, D. 1994. *Language, immigration and nationalism: Comparing the Basque and Catalan cases*. PhD thesis. London: London School of Economics and Political Science.
- Conversi, D. 2014. “Etnia”, “nazionalità”, “cultura”: usiamole in modo corretto [“Ethnos”, “nationality”, “culture”: let's use them correctly]. *Etnie* 2 (1): 89–103.
- De Mauro, T. 1987. Il linguaggio, le lingue e le identità etnico-culturali [Language, languages and ethnic-cultural identities]. In *Educazione allo sviluppo. Una cultura dell'interdipendenza per la partecipazione alla cooperazione allo sviluppo* [Development education. A culture of interdependence for participation in development cooperation], 89–96. (Atti CIES. Grottaferrata. Roma. 17-20 settembre 1987). Firenze: La Nuova Italia.
- De Mauro, T. 1991. Linguistica e antropologia [Linguistics and anthropology]. In *Ministero dell'Università della Regione SudTirolese. Discipline umanistiche. Analisi e progetto* [Ministry of the University of the South Tyrolean region. Humanities. Analysis and project], 83–100. Roma: Istituto poligrafico dello Stato.
- De Mauro, T. 1992. Esquisse sociolinguistique des Italies d'aujourd'hui [Sociolinguistic sketch of today's Italians]. In H. Giordan (a cura di). *Les minorités en Europe. Droits linguistiques et droits de l'homme* [Minorities in Europe. Language rights and Human Rights], 233–248. Parigi: Editions Kimé.
- De Mauro, T. Linguistic Variety and Linguistic Minorities. In D. Forgacs, R. Lumley (eds.). *Italian Cultural Studies*. Oxford: Oxford University Press, 1996: 88–101.
- De Mauro, T. 2010. Lingue e identità dell'Europa [Languages and identity of Europe]. In Paradisi G., Punzi A., Tomassetti I. (eds.). *Cercando l'Europa. Critica del testo* [Looking for Europe. Criticism of the text], X (3): 3–26.
- Foster, C. R. 1980. *Nations Without a State: Ethnic Minorities in Western Europe*. Westport (CT): Praeger.
- Franzese, S. 1983. La lingua zingara [The Gypsy language]. *Etnie* 5: 13–14.
- Leruez, J. 1983. *L'Ecosse, une nation sans Etat* [Scotland, a nation without a state]. Lille: Presses universitaires de Lille.
- Mesnil, M. 2015. «C'était au temps où Bruxelles chantait!». La Société des Européanistes nel contesto dell'etnologia europea [“It was at the time when Brussels sang!”. The Society of Europeanists in the context of European Ethnology]. In Bachis F. e Pusceddu A.M. (eds.). *Cose da prendere sul serio. Le antropologie di Giulio Angioni* [Things to take seriously. The anthropologies of Giulio Angioni]. Nuoro: Il Maestrale. 251–258.
- Sokolovskii, S.V. «Ital'yanskii korni» sovetskoi teorii etnosa [“Italian roots” of the Soviet theory of ethnos]. *PostNauka*. 12.02.2013. <https://postnauka.ru/longreads/8877>.
- Sonaglia, R.C. Cos'è l'etnia? [What is the ethnos?]. *Etnie* 1980. 2: 3–4.

АНТРОПОЛОГИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

УДК 39+2-486.7

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/33-35

© Е.Э. Носенко-Штейн

ЗАЧЕМ АНТРОПОЛОГАМ ИЗУЧАТЬ ИНВАЛИДНОСТЬ?

(ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)*

Инвалидность, являющаяся сложным социокультурным феноменом, имеющим биологические корни, до сих пор находится на обочине исследовательского интереса у отечественных этнологов и социальных антропологов. Между тем, это явление существует в определенном историко-культурном контексте, на его восприятие и осмысление, а также на отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья оказывают влияние различные культурные факторы: этнические и религиозные традиции, гендерные стереотипы, особенности социальной психологии конкретных групп. В этой небольшой вводной статье автор стремится показать, что именно может привлечь этнологов и социальных антропологов к данной проблематике. Среди тем, которые мало или вовсе не изучались отечественными учеными, можно назвать проблемы другой телесности в разных культурах, соотношения красоты, уродства и инвалидности в разные эпохи, существование особой культуры (или субкультур инвалидности), стили жизни людей с разными категориями инвалидности, этнические традиции помощи или избегания людей с инвалидностью, репрезентация инвалидности в разных религиозных системах, формирование многочисленных стереотипов и клише, в том числе в современных обществах и многое другое.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, этнология, социокультурная антропология, Россия

Ссылка при цитировании: Носенко-Штейн Е.Э. Зачем антропологам изучать инвалидность? // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 33–35.

Инвалидность представляет собой сложный биосоциальный и историко-культурный феномен. В основе этого явления, на первый взгляд, лежит физический или ментальный дефект, последствие заболевания или нарушение функций человеческого организма в результате заболевания, травмы или других причин. Однако не все столь просто. Отношение к инвалидности и людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) варьируют в разные эпохи и в различных культурах от резко негативного

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (107031 Москва, ул. Рождественка, 12). Эл.почта: nosenko1@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00063 А «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ»

до признания особых возможностей этих людей, которые должны быть использованы обществом для его гармоничного развития. На восприятие инвалидности и людей с ОВЗ оказывает воздействие множество факторов: наличие или недостаток ресурсов, особенности их распределения в данном обществе, религиозные и философские системы, наличие этнических, расовых и гендерных стереотипов и статусные различия. Инвалидность конструируется в конкретных обществах в зависимости не только от указанных факторов, но и от политики властных элит, стремящихся контролировать распределение ресурсов и поведение различных социальных групп.

За последние три-четыре десятилетия сложилось несколько моделей изучения инвалидности/ Disability Studies, из которых основными обычно считают медицинскую и социальную. Если медицинская модель рассматривает инвалидность как следствие заболевания, нарушения функций организма, как психосоматическую травму и личную трагедию, а человека с ОВЗ как больного, которого следует лечить и о котором нужно заботиться, но от которого мало что зависит, то социальная модель сдвигает фокус с проблемы личности на проблемы общества. Согласно ей, инвалидность представляет собой конструкт, созданный в обществе ради контроля над наиболее дискриминируемыми группами, в том числе людьми с инвалидностью, и общество несет ответственность за такое положение. Обе модели подвергались и подвергаются критике, их недостатки частично восполняются в других моделях инвалидности (подробнее о некоторых из них см.: *Ендальцева 2018; Носенко-Штейн 2018*).

В нашей стране «пионером» в области изучения многих проблем инвалидности, а также «продвижения» социальной модели стала Е.Р. Ярская-Смирнова (Романов, Ярская-Смирнова 2006). Однако, в России до сих пор большинство работ по проблемам инвалидности посвящены различным аспектам социальной работы и социальной политики. Между тем, многие проблемы и неудачи социальной политики не в последнюю очередь обусловлены отсутствием базовых знаний об инвалидности как о «многослойном» комплексном феномене, о природе предрассудков и негативных стереотипов, распространенных в массовом сознании.

В России после ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов (2012 г.) стали происходить некоторые изменения: попытки создания безбарьерной среды, внедрения инклюзивного образования. Однако многие благие начинания наталкиваются – и я не устаю это повторять – на отсутствие элементарных знаний об инвалидности и людях с ОВЗ. окружающие почти ничего не знают о повседневных проблемах таких людей (как не знают об обратной стороне Луны (*Курленкова, Носенко-Штейн 2018*)), а люди с ОВЗ (особенно инвалиды детства) нередко замкнуты в своем мире/субкультуре и живут в «параллельном мире».

Изучением многих проблем инвалидности и людей с ОВЗ могли бы заниматься этнологи и социальные антропологи, располагающие соответствующей методологией и знаниями особенностей различных культур. Одна из попыток такого рода с любезного разрешения редколлегии Журнала «Вестник антропологии» предпринята в настоящем номере журнала. Тематика раздела может показаться несколько «пестрой». Это отчасти объясняется тем, что многие темы в антропологии инвалидности даже не обозначены, а другие – изучены все еще слабо. Но вошедшие в этот раздел статьи объединены тем, что они исследуют феномен инвалидности в различных обществах, делая акцент на месте человека с ОВЗ в различных культурах. А последнее составляет предмет социокультурной антропологии.

Научная литература

- Ендальцева А.С. Disability Studies и поиски «чистой» модели: про швы, не-возможность и пространство: между Глобальным Югом и Глобальным Севером // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / Отв. ред. Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. М.: МБА, 2018. С. 43–74.
- Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. (Ред). Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) М.: МБА, 2018.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.
- Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение, 2018. № 1. С. 5–11.

*Nosenko-Stein, Elena**

Why do Anthropologists Study Disability? (Editor's Introduction)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/33-35

Disability exists as a complex social and cultural phenomenon having biological and medical roots. This phenomenon is still marginal in the research of Russian ethnologists and social anthropologists. However, disability exists in a particular historical and cultural context. Many factors – among them ethnic and religious traditions, gender stereotypes, and specifics of social psychology in different groups – impact on its perception, reflection and attitudes towards people with various impairments. The author attempts to demonstrate some issues that may be of importance for ethnological and anthropological research in Russia. For instance, these are problems of Extraordinary Bodies in various cultures, proportion of beauty, ugliness and impairments in different epochs, different disability cultures or subcultures, lifestyles of people with different disabilities, ethnic traditions of help or distancing disabled persons, representation of disability in various religious systems, constructing stereotypes dealing with disabilities in different societies including contemporary Russia, and some other issues.

Keywords: *disability, people with disabilities, ethnology, social and cultural anthropology, Russia*

For Citation: Nosenko-Stein, E. 2021. Why do Anthropologists Study Disability? *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 33–35.

***Nosenko-Stein, Elena E.** – Dr. (Hist), leading researcher, Institute for oriental Studies RAS (Moscow, Russia). E-mail: nosenko1@gmail.com

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063).

References

- Kurlenkova A. and E. Nosenko-Stein (eds). 2018. *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [Back Side of the Moon, or What We do not Know about Disability (Theory, Representation, Practices)]. Moscow: MBA.
- Nosenko-Stein, E. 2018. Антропология инвалидности: проблемы и задачи [Anthropology of Disability: Problems and Perspectives]. *Etnograficheskoye obozrenie* 1: 5–11.
- Romanov, P. and E. Iarskaia-Smirnova. 2006. *Politika invalidnosti: sotsialnoye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Policy dealing with disability: social citizenship of disabled people in contemporary Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga.

ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ «ГЕТТО»: СТИГМА ИНВАЛИДНОСТИ И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ*

В научной литературе ведутся споры о существовании культуры или субкультуры инвалидности. Однако не вызывает сомнений, что у людей с ограниченными возможностями здоровья формируются особые стили жизни, обусловленные не только наличием того или иного заболевания или нарушений функций организма, но и восприятием инвалидности как социокультурного феномена в конкретном обществе, а также стигматизацией людей с инвалидностью как социальной группы. Опираясь на свои полевые материалы, а также тексты автобиографических сочинений, автор показывает, каким образом в России складывается социокультурное «инвалидное гетто» – замкнутая среда, в котором люди с ограниченными возможностями здоровья часто учатся, работают, общаются. Отмечается, что такой стиль жизни характерен прежде всего для инвалидов детства. В статье также рассматриваются жизненные стратегии тех, кто получил статус инвалида во взрослом возрасте и кто пытается выйти за пределы «замкнутой» среды. Автор видит причины подобного обособления в низком статусе людей с ограниченными возможностями здоровья, а также в стигматизации инвалидности, глубоко укорененной в российском обществе и культуре.

Ключевые слова: инвалидность, жизненная стратегия, стиль жизни, гетто, стигматизация, Россия

Ссылка при цитировании: Носенко-Штейн Е.Э. Выйти за пределы «гетто»: стигма инвалидности и попытки ее преодоления // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 36–49.

Восприятие инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также саморепрезентация таких людей зависят от историко-культурного контекста и социальных различий в конкретном обществе. Значительная часть стереотипов и клише относительно инвалидности и людей с ОВЗ уходят корнями в глубокую древность, когда такие люди рассматривались не только как «лишние рты», но и как *Другие*, причем, в силу своей инакости и непохожести как представляющие опасность для всего коллектива. Подобные представления нашли свое отражение в различных обычаях: от инфантицида (как в древней Спарте) до настороженного отношения к людям с особенностями (Bolt 2014; Nosenko-Stein 2017). Немало таких

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (107031 Москва, ул. Рождественка, 12). Эл. почта: nosenko1@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00063 «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ»

стереотипов, корнящихся также в иудео-христианской традиции (о болезни или дефекте как о божественной каре за грехи – свои или предков), дошли до наших дней. Они до сих пор распространены во многих странах: представления о «злостности», якобы присущей глухим, «заразности» слепоты, сексуальной неводержанности умственно отсталых и пр. (Носенко-Штейн 2018а; Bolt 2014; Клепикова 2018).

Вопреки распространенному мнению о том, что подобные воззрения на инвалидность как «расплату» за грехи присущи прежде всего ветхозаветной традиции, свидетельства о них встречаются и в Новом Завете. Например, эпизод с исцелением слепого Христом (Иоанн 9: 1–7): «Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (т.е. возможность совершить чудо исцеления).

Схожие представления оказали воздействие и на русскую культуру: они отразились в фольклоре: например, человек, совершивший надругательство над церковным колоколом, карался глухотой и пр. (подробнее см.: Добровольская 2018). До сих пор на Русском Севере бытует мнение, что болезнь или инвалидность ребенка – это кара за грех матери (Фролова 2018).

В прошлом в России человек с серьезными заболеваниями или дефектами, мешавшими ему или ей выполнять ежедневные хозяйственные функции, рассматривался, как это обычно бывало в традиционных обществах (за исключением отдельных случаев, например, отношения к юродивым и др.), как «лишний рот» (Фролова 2019; Шляхтина 2019). Исключение опять же могли составлять те случаи, когда навыки такого человека оказывались полезными (например, глухие или умственно отсталые иногда становились пастухами, незрячие плели корзины и пр.). Русская культура представляла собой локальный вариант «культуры вины»¹, что тоже в значительной мере являлось наследием иудео-христианских традиций и оказывало немалое воздействие на восприятие собственной инвалидности у самих людей с ОВЗ.

В дальнейшем новозаветные представления об обязанности каждого человека трудиться, нашедшие свое воплощение в словах апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, да не ешь» (2 Фес. 3:10), оказали глубокое влияние на идеологов социализма, а позднее – на идеологию и политику, осуществляемые в СССР. В советское время отношение к людям с инвалидностью было амбивалентным (Такое представление в значительной мере сохраняется и по сей день). Они не могли трудиться вообще или трудиться в полную меру и потому неизбежно рассматривались как «обуза для общества» (Bernstein 2014; Fieseler 2014). В то же время их стремились привлекать к общественно-полезному труду. В советской литературе воспевались подвиги людей, преодолевших тяжелую инвалидность и ставшие социально «полезными» (образы Павки Корчагина, Маресьева и др.).

Вместе с тем в СССР постепенно создавалась система социальной заботы, весьма несовершенная, но все же направленная на лечение, реабилитацию, обучение и в ряде случаев трудоустройство людей с ОВЗ. Так, на ранних этапах существования СССР проводилась социальная политика, ориентированная на «приобщение» инвалидов к общественно-полезному труду: в 1920-е гг. создавались мастерские для незрячих, глухих и людей с некоторыми другими категориями инвалидности, где практиковался несложный ручной труд (изготовление щеток, простой ремонт одеж-

¹ О культуре вины и культуре стыда подробнее см. (Бенедикт 2004).

ды и пр.). В то же время – и это стало особенно явным после Великой Отечественной войны – улицы советских городов стремились «очистить» от инвалидов, высылая их в отдаленные специализированные учреждения. В 1960–1970-е гг. на базе организаций для инвалидов (Всесоюзное общество слепых, Всесоюзное общество глухих) были созданы специальные предприятия или цеха при предприятиях, на которых работали люди с инвалидностью. Труд там тоже был, как правило, несложным (сборка выключателей и розеток, работа в кузнечно-прессовых цехах и пр.). Эти предприятия имели серьезную государственную поддержку (например, частично или полностью освобождались от уплаты налогов) и могли предоставлять своим сотрудникам социальные выплаты и льготы (Носенко-Штейн 2018b).

Однако такая политика вела к неизбежной замкнутости людей с ОВЗ в среде себе подобных. Ситуация усугублялась еще и восприятием *Другого* тела. *Другая* телесность – тема, широко представленная в зарубежных исследованиях; у меня нет возможности здесь подробно писать об этом, поэтому пока коснусь данной проблемы в самых общих чертах. Надо сразу оговориться, что другая телесность и инвалидность – далеко не всегда равнозначные понятия. В целом ряде случаев люди с инвалидностью не обладают выраженными чертами Другого тела: таковы глухие и слабослышащие, люди с различными заболеваниями внутренних органов (например, бронхиальная астма, сердечно-сосудистые заболевания и др., ведущие к инвалидизации). Вместе с тем, видимые телесные дефекты (горб, хромота, отсутствие одного глаза и пр.) воспринимаются как уродство, но не всегда мешают выполнению повседневных функций. Другая телесность нередко была объектом разного рода негативных клише и стереотипов, включая страх, брезгливость, стремление дистанцироваться (Bolt 2014; Nosenko-Stein 2017). Особенно сильно подобные стереотипы проявляются в отношении людей с ментальными и психическими нарушениями, поскольку Другая телесность в этих случаях часто сопровождается выделениями, запахами, звуками, которые человек не может контролировать (Клепикова 2018). Люди с физическими дефектами также могут вызывать подобные эмоции: об этом свидетельствуют как автобиографические тексты, написанные людьми с ОВЗ, так и художественная литература, особенно массовая, отражающая массовые же стереотипы и страхи (Garland Thompson 1997; Bolt 2014).

В этой статье предлагается краткий очерк возникновения того, что я называю «инвалидным гетто – своеобразной замкнутой социокультурной среды, в которой существует часть людей с ОВЗ¹. Делается также попытка осветить отношение людей с ОВЗ к этому феномену».

Источники и методология

В своем исследовании я использую различные источники. Один из них – мои полевые материалы: тексты глубинных интервью, которые я проводила с людьми с ОВЗ и руководителями организаций для инвалидов в 2014–2021 гг. в Москве, Нижнем Новгороде, Смоленске, Кисловодске и Архангельске. Эти города Европейской части России были выбраны, так как представляют собой мегаполисы (Москва, Нижний Новгород), средние по размеру областные центры (Архангельск и Смоленск) и отно-

¹ Сам термин «гетто» по отношению к людям с инвалидностью, повидимому, не является моим изобретением; мои коллеги указывали, что в научно-популярной литературе он тоже встречается.

нительно небольшие города (Кисловодск). В качестве информантов были выбраны люди с врожденной и поздней инвалидностью – люди с сенсорными нарушениями (зрение, слух), заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА; часто это нарушения, наступившие в результате различных травм), а также неврологических заболеваний (ДЦП – детский церебральный паралич). Я находила информантов как в различных организациях для инвалидов, так и с помощью принципа «снежного кома». Для данной статьи мной отобрано 12 биографических интервью, в которых отражен опыт *другой* жизни – в замкнутом сообществе или вне его, а также одно экспертное интервью, в котором была затронута исследуемая мной проблема. Интервью продолжались от одного до двух с половиной часов и были записаны на диктофон. Это также тексты некоторых автобиографий, написанных людьми с ОВЗ в пост-советский период и отражающих жизненный опыт и жизненные стили людей с разными категориями инвалидности.

Жизнь в «параллельном мире»¹

Люди с врожденными или приобретенными в раннем детстве заболеваниями, ведущими к инвалидизации, нередко в дошкольном, а потом и в школьном возрасте испытывают чувство одиночества. Рубен Гальего (внук Генерального Секретаря Компартии Испании, родившийся в СССР в 1963 г. с тяжелой формой детского церебрального паралича и помещенный в специализированный детский дом) ощутил его очень рано, о чем написал в своих автобиографических заметках:

«В восемь лет я понял одну очень простую мысль. Я один и никому не нужен <...> Я завидовал Квазимодо. Люди смотрели на него с отвращением и жалостью, как на меня, но у него были руки и ноги» (Гальего 2004).

Чувство одиночества и собственной инакости присуще даже тем детям, которые росли в семьях; у них чувство одиночества парадоксальным образом сочетается с гиперопекой. О последней мне часто говорили руководители различных организаций для инвалидов, отмечая, что родители нередко воспитывают детей так, что те не в состоянии выполнить простейшие действия по самообслуживанию. Руководитель одной из «ячеек» Всесоюзного общества слепых рассказывала:

«Я тут недавно с одной такой мамашей говорила. Представляете, ее парню 18 лет, а она ему шнурки на ботинках завязывает! “Ах, он же не видит!” “Я говорю: Ну и что? Он должен уметь все делать, он же не всю жизнь с Вами будет”. Но таким людям бесполезно говорить (ПМА 1)».

Такая гиперопека усиливает изоляцию ребенка от условно здоровых сверстников, что в свою очередь, углубляет сохраняющееся надолго или навсегда чувство одиночества и даже изгойства.

Юлия В., 28 лет, инвалид детства (3 группа, ДЦП), училась в специальной школе для детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА), вспоминала:

«А однажды я с удовольствием посмотрела в сторону детей, которые пускали кораблики в луже и все перемазались. Мама заметила это, дала

¹ Выражение «параллельные миры» взято из заглавия известного специалиста С. Филипс (Филипс 2018).

мне по попе и закричала примерно так: “тут без присмотра бегают эти кобылы, у тебя с ними никогда и ничего не должно быть общего!” Я спросила: “а почему ничего общего?” Мама сказала, что у них другой образ жизни и другие интересы. Мне стало очень обидно, что у меня какой-то другой образ жизни (ПМА 2)».

Виктор В., 42 года, инвалид детства 2 группы, заболевание ОДА, не работает, живет с матерью:

«Мама мне говорила, что в раннем детстве она просто не решилась выпустить меня поиграть с детьми. В детсад я не ходил, в результате. У меня и друзей во дворе не было, я всегда гулял с мамой за ручку. Потом я всю жизнь ощущал, что я изгой» (ПМА 3).

Таким образом, у таких детей складывается и остается на долгие годы ощущение свой «особости», обособленности и невозможности вступить в мир обычных людей. У тех, кто учился в специальных / коррекционных школах, постепенно формируется определенный круг Своих, с которыми они по преимуществу общаются, дружат, проводят досуг вне школы.

Уже упоминавшаяся Юлия В.: *«Конечно, учиться я только в спецшколе могла, а как бы я была в обычной? Да меня заклевали бы, да и подход у нас был к детям нормальный (ПМА 2)».*

В последнем случае, как неоднократно отмечала Юлия, дело усугублялось еще Другой телесностью (непроизвольные подергивания конечностей, своеобразная речь, что вызывало неприязненное любопытство детей и взрослых). Другая телесность выступает культурным маркером, отличающим Других от (? «обычных», условно нормальных). Обособленности от мира условно здоровых способствует обучение в специальных школах-интернатах, которые существовали и существуют в мегаполисах (когда родителям сложно каждый день возить ребенка в школу, расположенную далеко от дома, а после занятий забирать оттуда). После их окончания многие бывшие школьники вступают в организации для инвалидов, где проводят досуг (экскурсии, концерты, праздничные вечера), что усугубляет «геттоизацию» таких людей, иногда добровольную.

Владимир З., 63 года, инвалид детства (2 группа по зрению), преподаватель истории в школе, восторженно восклицал: *«Наш ВОС – это же прелесть! Тут столько интересного, и люди такие теплые. <...> Я тут просто душой отдыхаю, когда прихожу» (ПМА 4).*

В настоящее время такие организации, лишившись господдержки, утратили свою былую привлекательность для людей с ОВЗ, превратившись по преимуществу в досуговые центры (Никонов 2018).

В дальнейшем некоторые люди с ОВЗ продолжают свое обучение, стремясь получить среднее специальное или высшее образование, что в последние два-три десятилетия становится все более сложным (Воронин 2018). В России до сих пор существуют средние специальные заведения, где людям с разными категориями инвалидности дают образование (подготовка незрячих массажистов, глухих библиотекарей и т.п.). Обучение в таких учебных заведениях тоже углубляет тенденцию к сепарации людей с ОВЗ.

Байрамкис, 48 лет, инвалид детства (2 группа по зрению), массажистка, училась в коррекционной школе, затем в Кисловодском медицинском училище для незрячих и слабовидящих, рассказывала:

«После школы, где мы все были примерно одинаковые, я ведь еще два года училась в Кисловодске. Там все такие были, и мы как бы варились в собственном соку. <...> Когда я вышла замуж и переехала в Кемерово, я не просто комплексовала, я была страшно зажата, чувствовала себя страшно некомфортно. ... Считай, 12 лет я прожила в кругу, где все незрячие или полузрячие. И когда мы вышли из этой среды, пошли работать, я себя ощущала инвалидом, я плохо себя чувствовала, я сжималась. Я чувствовала свою инвалидность, ущербность» (ПИМА 5).

Таким образом, «инвалидное гетто» формируется уже на ранних этапах жизни. И если людям приходится «выйти» за его пределы, они часто чувствуют себя *Чужими*, «худшими» людьми по сравнению с условно здоровыми. Психологически комфортно они чувствуют себя среди себе подобных, ощущая настороженность, а иногда негативное отношение к себе со стороны окружающих. Лидия Н., 38 лет, инвалид 2 группы (ДЦП), образование высшее, не работает:

«Когда я после школы в университет поступила, я сразу почувствовала, что на меня как-то не так смотрят, что ли. Нет, не обижали. Конечно, такого не было, просто я сильно от всех отличалась, я была, как диво какое-то. ... Я это и в детстве чувствовала, но в школе я была среди таких же, а вот на улице, это да, на меня иногда не просто смотрели, а даже пальцем показывали. ... Я помню, как я дома прямо истерику закатила, кричала: “Я хочу быть, как все, как все, как все”» (ПИМА 6).

Геттоизации людей с ОВЗ также способствует обучение в некоторых вузах, где такие люди массово учатся. Например, в Московском психолого-педагогическом университете многие получают специальность психолога, в университете культуры – библиотекаря и библиографа, в Российском государственном социальном университете – социального работника и др. Людям с ОВЗ значительно труднее найти работу, чему способствует явная, а чаще скрытая дискриминация инвалидов при найме. Многие из них в итоге так и не находят работу (Макаров 2018; Носенко-Штейн 2018b; Лазукова, Селеткова 2018).

Инвалиды детства в дальнейшем нередко перестают стремиться выходить за пределы «гетто», продолжая общаться со *своими*, вступать с ними в романтические отношения, в брак и т.п. Но низкие статусы людей с инвалидностью удерживают значительную их часть от жизни в таких «гетто»: они не хотят вступать в «инвалидные» организации, не желая принадлежать к низкостатусному сообществу.

Например, Лариса Г., 54 лет, инвалид 3 группы по зрению, на момент интервью временно не работала: *«Я никогда не чувствовала себя неполноценной. Понимаете, у нас в семье даже разговоров таких не было: инвалид – не инвалид. Меня воспитывали так, чтобы я не была неполноценной» (ПИМА 7).*

Лариса не была членом ВОС, а ее отношение к людям с инвалидностью как к «неполноценным» достаточно ярко характеризует ее нежелание к ним принадлежать.

Жизнь после черты¹

В «инвалидном гетто» также не хотят оказаться те, кто получил инвалидность во взрослом возрасте в результате травмы, прогрессирующего заболевания, неправильного лечения и пр. (а таких, по данным Всемирной организации здравоохранения, примерно 85 % от общей численности людей с ОВЗ). Для них приобщение к «инвалидному гетто» – не просто вступление в низкостатусное сообщество, это своего рода подтверждение их окончательного перехода в нижний мир (*Носенко-Штейн* 2020). Это своего рода «закрепление их статуса *Других*, «худших» людей. А поскольку, как уже говорилось, многие организации для инвалидов в настоящее время превратились в досуговые центры, то люди с поздней инвалидностью не видят во вступлении в них смысла: нет реальной возможности получить помощь в трудоустройстве, найти там друзей или супругов, так как горизонтальные связи уже сформированы теми инвалидами детства, которые в эти организации вступили давно, знают друг друга, обладают сложившимся кругом интересов.

Поэтому люди с поздней инвалидностью, которые обычно переживают ее наступление очень болезненно (нередко как личное крушение), стремятся не жить в «инвалидном гетто», предпочитая испытывать одиночество и выбирая либо активные жизненные стратегии, либо, напротив, путь самоизоляции.

Владимир Н., 45 лет, инвалид 3 группы (потерял слух в 42 года в результате осложнения после гриппа), преподавал химию в одном из московских вузов. После постановки диагноза был вынужден оставить работу, живет с женой и сыном:

«Сначала я чуть с ума не сошел ... Работа, друзья, семья – ну, думаю, кому я такой калека нужен. И ведь не слышишь ведь ничего, тебе все пишут. ... Потом стал привыкать, работа, правда, накрылась, сейчас много времени провожу на даче <...> Это ведь тоже жизнь, только живешь как-то на отшибе ото всех. Честное слово, я думал, у меня тогда <когда потерял слух> крыша поедет. Я, как в вате, даже не в вате, а в сурдокамере оказался. <...> И потом, как работать – я же лекции читать не могу <...> И дома страшно тяжело было. <...> Мысли плохие были, ну, понимаете... Я и сейчас стараюсь больше времени на даче проводить, с яблонями ведь разговаривать не надо.

– А Вы обращались во Всероссийское общество глухих?

– Нет. То есть теща туда позвонила, они говорят: “Вступайте, будете нашим членом”. Она спрашивает: “Чем вы помочь моему зятю можете?” Ей ответили, что там какие-то вечера, встречи там разные проводят. Ну, зачем мне все это? (ПМА 8)»

Максим В., 37 лет, инвалид 1 группы (получил инвалидность в 32 года в результате ДТП, колясочник). До аварии – частный предприниматель, был женат, имеет дочь. В настоящее время не работает, живет один:

«Первое время было не просто тяжело, я не знал где я и что со мной, но все же друзья приходили. Жена еще не ушла, дочка тоже рядом... А вот сейчас я как внутри пушечного ядра, ничего у меня нет. Интернет вот, спасибо

¹ Заглавие этого раздела является парафразом названия главы автобиографического сочинения А. Графова «Записки слепого» (2009).

ему, окошко в мир. Хотя мне и писать-то людям... Ну, кому мои проблемы интересны? Знаете, я иногда просто пишу письма и рассылаю их по мейлу по придуманным адресам» (ПМА 9).

То есть те, кто становится инвалидом во взрослом возрасте, воспринимают свой новый статус как жизненный крах, переходя из прежнего мира и статуса (точнее, статусов) в другой мир и более низкий статус (Носенко-Штейн 2020). Здесь уместно привести слова Ирины Ясиной (дочери известного экономиста Е. Ясина, в прошлом работавшей в банковской системе; ей в 35 лет был поставлен диагноз «рассеянный склероз» – неврологическое заболевание, ведущее к тяжелой инвалидизации, о ее чувствах, испытанных после «вынесения» ей диагноза-«приговора»:

«То, что предстояло мне, пугало больше смерти: беспомощность, зависимость, одиночество. Мне было страшно просыпаться» (Ясина 2011).

Такие люди долго, а иногда и всю жизнь остаются в лиминальном состоянии, о котором много писали В. Тернер, Р. Мэрфи и др. (Тернер 1983; Murphy et al. 1988): «...они не имеют статуса, <...>. Их поведение – обычно пассивное или униженное; <...>. Похоже, что они низведены и принижены до полного единообразия, с тем чтобы обрести новый облик и быть заново сформированными и наделенными новыми силами, которые помогли бы им освоиться с их новым положением в жизни» (Тернер 1983: 81).

Некоторые люди с поздней инвалидностью вступают в разные организации и сообщества для инвалидов, но обычно, как говорили руководители таких организаций и сами информанты, остаются «пассивными членами» или просто числятся в них.

Светлана М., 36 лет, инвалид 1 группы (серьезные нарушения ОДА в результате ДТП), работает на дому, рассказывала:

«Я ведь всегда хотела заниматься чем-то таким, связанным с художеством, с красотой. Но родители считали, что это ненадежно, денег особых не будет. И я послушалась, пошла в торговый колледж. <...> А после всего этого (Светлана имеет в виду аварию и последовавшую за ней инвалидизацию) я стала делать разные вещицы – бусы, подвески, серьги. Сначала для себя, подруг, потом на продажу. Так что, знаете, получается, что и правда нет худа без добра (улыбается). Да и зарабатывать как-то надо хоть немного, пенсии у нас в Смоленске маленькие. <...> – А в ВОИ Вы не обращались? – Обращалась, я там даже на учете состою или как это у них называется. Но они мне ничем не помогли. Ну, есть там какие-то встречи, так ведь я туда и доехать не могу» (ПМА 11).

Стены вокруг гетто

«Инвалидное гетто» конструируется условно здоровыми людьми. Красной нитью через многие устные истории проходит мотив неловкости и даже страха, который окружающие испытывают перед людьми с инвалидностью (Nosenko-Stein 2017). Выражаются эти эмоции различно: опасения, возникающие из-за физических или ментальных нарушений («он сейчас упадет», «он что-то сломает», «он не справится»). Очень часто окружающие не знают, как правильно помочь такому человеку в той или иной ситуации и надо ли ему помогать. В результате условно здоровые люди стремятся дистанцироваться и избегать людей с ОВЗ.

Елена Н., 37 лет, инвалид 1 группы по зрению, образование высшее, юрист, на момент интервью не работала, рассказывала:

«Мне всегда казалось, что это именно страх, люди не знают, и они боятся сразу. Они боятся, а вдруг с них какие-то дополнительные усилия потребуются с этим человеком. У меня такое впечатление складывается. Вдруг я чего-то с них начну требовать, сяду им на шею. У меня всегда было такое ощущение» (ПМА 10).

Эти впечатления имеют под собой реальную основу, поскольку, как уже говорилось, в СССР и многих постсоветских странах человек с ОВЗ часто воспринимался и воспринимается как «обуза для общества». Александр Суворов, слепоглухой ученый и поэт не раз писал о таком отношении¹. В своей автобиографической книге он приводит слова одной воспитательницы из этого интерната:

«Вот я как раз хочу об этом сказать. В этих детей очень много вложено, очень много. А отдача? Нужно об этом прежде всего подумать, потому что государство их не обидело и не обидит: прописка московская, звание, квартира. Зачем? Они же ничего государству дать не могут, отдачи нет, нулевая она» (Суворов 1996).

Кроме того, люди стремятся дистанцироваться от тех, кто в данном обществе стигматизирован по причине своего низкого статуса, а люди с ОВЗ являются одной из наиболее стигматизированных социальных групп (Goffman 1963; Iarskaia-Smirnova 2001). Поэтому люди с инвалидностью (даже инвалиды детства, «включенные» в жизнь инвалидного сообщества) иногда стремятся внешне дистанцироваться от «инвалидного статуса».

Анастасия К. (28 лет) – инвалид 2 группы (постепенно теряла зрение в результате прогрессирующей сосудистой макулодистрофии; в 17 лет зрение было окончательно утрачено). Анастасия окончила медицинский колледж для незрячих и работает массажисткой в Кисловодске, сказала: «Ну, как это мы инвалиды? Мы же никакие не инвалиды, правда? Инвалид – это когда себя обслуживать как бы не может, как бы овощ. А я работаю, все сама делаю. Мы не инвалиды, люди с ограниченными возможностями – вот так» (ПМА 12).

Такие люди, обычно выбравшие активную жизненную позицию, не стремятся жить в «инвалидном гетто», не только не желая оказаться среди членов низкостатусного сообщества, но и не видя смысла в существовании таких сообществ.

Юлия Мельник, 32 года, инвалид 2 группы (ДЦП), кандидат педагогических наук, работает в Московском государственном психологическом педагогическом университете, рассказывала²:

«Нет, когда я еще в Москву не приехала <Юлия сначала жила в Ставрополе>, я в ВООИ не вступала, как-то руки не дошли. Я не знаю, для чего. <...> Да и тут, в Москве тоже пока не добралась. Если пойму, что это нужно, может, тогда» (ПМА 13).

¹ Он постепенно терял слух и зрение, учился в специализированном интернате для слепоглухих детей. Затем обучался в МГУ в рамках научного эксперимента по обучению слепоглухих студентов. После преподавал в этом же интернате и вел там научную работу.

² Имя и фамилия сообщены по просьбе информанта.

Выводы

Существование «инвалидного гетто» приводит, с одной стороны, к отсутствию у условно здоровых людей объективных знаний об инвалидности, а также о реальных проблемах людей с ОВЗ. Следствием этого становятся предубеждения, негативные стереотипы и клише, углубление стигматизации инвалидности в массовом сознании. На повседневном уровне это, в свою очередь приводит к желанию дистанцироваться и избегать телесно Других, скрывая, а иногда и не скрывая чувство безразличия и страха.

В ряде случаев люди с ОВЗ, особенно с поздно наступившей или относительно «легкой» инвалидностью, тоже стремятся дистанцироваться от совершивших «обряд перехода» и стоящих на социальной лестнице очень низко. Мне уже приходилось писать о том, что для людей с поздней инвалидностью медицинский диагноз, который подтверждает их новый статус, является началом своеобразного обряда перехода не только из одного статуса в другой, но и из одного мира в другой (более подробно см.: Носенко-Штейн 2020). Стигматизация людей с ОВЗ, серьезные трудности с их психологической, бытовой и социальной реабилитацией, почти полное отсутствие профессиональной переподготовки и дискриминация при приеме на работу ведут к тому, что люди с поздней инвалидностью оказываются в своего рода вакууме. Автостереотипы инаковости, ощущение себя как Чужого среди Чужих тоже способствует отделенности от других людей (такова цена нежелания «жить в гетто»). На практике это нередко приводит к серьезным трудностям в адаптации и интеграции в обществе).

С другой стороны – и эта ситуация характерна для многих видов гетто (вспомним, что в еврейских гетто ворота в стене, их окружавшей, запирались на ночь изнутри). Некоторая часть людей с ОВЗ (особенно инвалиды детства и люди с тяжелой инвалидностью) не стремятся выйти в «широкий мир», чувствуя себя психологически комфортнее среди *Своих*, в «группе поддержки», где они могут легче получить необходимую информацию, помощь, не сталкиваясь с ситуациями избегания или прямого оскорбления. Такая ситуация характерна не только для людей с ОВЗ, но для представителей многих социокультурных групп, обладающих низким статусом, о чем еще в 1960-е гг. писал И. Гофман (*Goffman* 1963). О механизме дистанцирования и избегания писал, говоря о положении евреев в нацистской Германии Г. Олпорт (*Allport* 1954). В тех случаях, когда внутри таких групп складываются или уже имеются внутренние связи и элементы поддержки, может возникнуть ситуация социокультурного гетто.

Условно здоровых людей устраивает ситуация «гетто», поскольку она позволяет осуществлять социальный контроль над людьми с ОВЗ и принимать решения, мало интересующих их мнением.

Существование подобного замкнутого стиля жизни служило доводом в пользу тех, кто говорил об особой культуре (точнее, субкультуре) инвалидов. Против этого резко выступал А. Суворов, писавший: «Я считаю, что никакой инвалидной культуры нет, и она не нужна» (*Суворов* 1996).

Можно спорить о существовании субкультуры или субкультур разных категорий людей с инвалидностью (в последние годы в зарубежной литературе стали возникать споры вокруг наличия *disability culture*), но, на мой взгляд, не вызывает сомнения наличие у них различных стилей жизни, обусловленных характером заболевания или

дефекта, социализации, уровнем его адаптации, преодоления стигмы инвалидности и пр. Существование социокультурного «инвалидного гетто не вызывает сомнения», причем «стена возводится» с обеих сторон.

Источники и материалы

Гальего 2004 – Гальего Рубен. Белое на черном. М.: Лимбус-пресс, 2004.

Графов 2009 – Графов А.П. Записки слепого // Сибирские огни, 2009, 10. Электронный ресурс (доступна -<http://www.av3715.ru/library/book.php?id=135631>).

ПМА 1 – Полевые материалы автора (далее – ПМА; записано в октябре 2017 г. в Нижнем Новгороде).

ПМА 2 – интервью проведено по электронной почте в мае 2018 г. в Москве.

ПМА 3 – интервью проведено в октябре 2017 г. в Нижнем Новгороде.

ПМА 4 – интервью проведено в апреле 2015 г. в Москве.

ПМА 5 – интервью записано в сентябре 2015 г. в Москве.

ПМА 6 – интервью записано в сентябре 2017 г. в Архангельске.

ПМА 7 – интервью записано в мае 2016 г. в Москве.

ПМА 8 – интервью проведено по электронной почте в сентябре 2015 г. в Москве.

ПМА 9 – интервью проведено в октябре 2015 г. в Нижнем Новгороде.

ПМА 10 – интервью записано в июне 2016 г. в Москве.

ПМА11 – интервью записано в октябре 2016 г. в Смоленске.

ПМА12 – интервью записано в мае 2015 г. в Кисловодске.

ПМА13 – интервью записано по Скайпу в январе 2021 г. в Москве.

Суворов 1996 – Суворов А. Слепоглухой в мире зрячеслышащих. М.: Логос-Вос, 1996.

Ясина 2011 – Ясина, И. История болезни // Знамя. 2011. № 5 (доступна – http://royallib.com/book/yasina_irina/istoriya_bolezni).

Научная литература

Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Роспэн, 2004.

Воронин Л. Динамика инвалидизации населения постсоветской России: по данным r1ms-hse 2003-2016 гг. // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация. Нижний Новгород: Нижегородский федеральный государственный университет, 2018. С. 9297.

Добровольская В.Е. Мнимая и реальная инвалидность в русской волшебной сказке в контексте общерусской фольклорной традиции // Этнографическое обозрение, 2018. № 1. С. 12–28.

Клепикова А. Наверное, я дурак: антропологический роман. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Лазукова Е.А., Селеткова Г.И. Занятость и образование российских инвалидов // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация. Нижний Новгород: Нижегородский федеральный государственный университет, 2018. С. 744-748.

Макаров В.Е. Современные направления деятельности по трудоустройству инвалидов как важного фактора повышения качества и уровня их жизни // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация. Нижний Новгород: Нижегородский федеральный государственный университет, 2018. С. 753–757.

Никонова А.А. Общественные организации и трудоустройство людей с инвалидностью // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация. Нижний Новгород: Нижегородский федеральный государственный университет, 2018. С. 761–764.

Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018а. № 1. С. 5–11.

- Носенко-Штейн Е.Э. «Инвалиды, а туда же – работать»: Некоторые проблемы трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья в России (на примере незрячих) // «ИНВАЛИДЫ – ИНВАЛИДНОСТЬ – ИНВАЛИДИЗАЦИЯ». Нижний Новгород: НИ-СОЦ, 2018b. 682–690.
- Носенко-Штейн Е.Э. «Роковой диагноз» как начало обряда перехода: статус инвалида и отношение к нему в современной России // Этнографическое обозрение, 2020. № 5. С. 149–161.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.
- Тернер В. Символ и ритуал. М.: Восточная литература, 1983.
- Филлипс С. Параллельный мир // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 223–274.
- Фролова А.В. Антропология инвалидности в культуре материнства и детства (по материалам Архангельского Севера) // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 28–35.
- Фролова А.В. Отношение к рождению ребенка-инвалида в крестьянской среде (по материалам Русского Севера) // Преподавание истории в школе, 2019. № 2. С. 6–9.
- Шляхтина Н.В. Забота о сиротах и убогих в традиционной русской деревне // Преподавание истории в школе, 2019. № 2. С. 10–14.
- Allport G.W. The Nature of Prejudice. London: Addison-Wesley, 1954.
- Bolt D. The Metanarrative of Blindness: A Re-reading of Twentieth-Century Anglophone Writing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2014.
- Fieseler B. Soviet-style welfare: the disabled soldiers of the ‘Great Patriotic War’ // Rasell, Michal and Elena Iarskaia-Smirnova (Eds.). Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life. Oxford, New York: Routledge, 2014.
- Garland-Thomson R. Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature. New York: Columbia University Press, 1997.
- Goffman E. Stigma and Social Identity // *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Prentice-Hall, 1963. Pp. 1–11.
- Iarskaia-Smirnova E. Social change and self-empowerment: stories of disabled people in Russia // Pristley M. (Ed.) Disability and the Life Course: Global Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 101–112.
- Murphy R.F. et al. Hysical disability and social liminality: A study in the rituals of adversity // Social Science & Medicine, 1988. No. 26 (2): 235–242.
- Nosenko-Stein E. “They fear us because we are Other”: Attitudes Towards Disabled People in Today’s Russia [“Nos temen porque somos Otro”: actitudes hacia las personas con discapacidad en la Rusia moderna] // Salud Coddcteva 2017. No. 13 (2). Pp. 158–170 (Print).

Nosenko-Stein, E.*

To Leave a Ghetto: Overcoming the Stigma of Disability

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/36-49

There are scholarly discussions about the so-called disability culture / subcultures. However, nobody doubts that there are specific lifestyles of disabled persons determined not only by their illness, dysfunction or disability, but also by the perception of disability as a social and cultural phenomenon in various societies in particular historical and cultural contexts. These lifestyles are also much impacted by the stigmatization of disability which exists in many societies. The author examines problems of the so-called sociocultural “ghetto” for disabled people in Russia. Drawing on her field materials – texts of in-depth interviews and analysis of autobiographies, she demonstrates the process of construction of this subculture in which disabled people often live. This lifestyle is mostly typical for persons with innate

disability. The author also investigates life experience of people with acquired disability who try to escape life in the “ghetto” and who experience other problems. E. Nosenko-Stein sees the cause of this “ghetto” construction in the stigmatization of disability, which is profoundly rooted in Russian society and culture.

Keywords: *disability, disabled people, stigmatization, life style, life strategies, Russia*

For Citation: Nosenko-Stein, E. 2021. To Leave a Ghetto: Overcoming the Stigma of Disability. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 33–35.

***Nosenko-Stein, Elena E.** – Dr. (Hist), leading researcher, Institute for oriental Studies RAS (Moscow, Russia). E-mail: nosenko1@gmail.com

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063)

References

- Allport, G.W. 1954. *The Nature of Prejudice*. London: Addison-Wesley.
- Benedict, R. 1989. *The chrysanthemum and the sword: patterns of Japanese culture*. New York: Houghton Mifflin.
- Bolt, David. 2014. *The Metanarrative of Blindness: A Re-reading of Twentieth-Century Anglo-phone Writing*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Dobrovolskaya, V Ye. 2018. ‘Mnimaya i realnaya invalidnost’ v russoiy volshebnoy skazke v konte-erste folklornoy traditsii [Imagined and real disability in Russian fairy tales in folklore tradition context]. *Etnograficheskoye ovozrenie* 1: 12–28.
- Fieseler, B. 2014. “Soviet-style welfare: the disabled soldiers of the ‘Great Patriotic War’.” In: Rasell, Michal and Elena Iarskaia-Smirnova (Eds.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life*. Oxford; New York: Routledge.
- Frolova, A.V. 2018. Antropologia invalidnosti v culture materinstva i detstva (po materialam Arkhangel'skogo Severa) [Anthropology of disability in the culture of motherhood and childhood: data of the Arkhangel'sk region North of Russia]. *Etnograficheskoye obozrenie* 1: 28–35.
- Frolova, A.V. 2019. Otnoshenie k rozhdeniyu rebenka-invalida v krestianskoy srede (po materialam Russkogo Severa) [Perceiving a Birth of a Disabled Child in the Peasant Surroundings (field Materials of the Russian North)]. *Prepodavaniye istorii v shkole*, 2: 5–9.
- Garland-Thomson, R. 1997. *Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature*. New York: Columbia University Press.
- Goffman, E. 1963. “Stigma and Social Identity.” In: *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, 1–11. Prentice-Hall.
- Iarskaia-Smirnova E. 2001. “Social change and self-empowerment: stories of disabled people in Russia.” In: Pristley M. (Ed.) *Disability and the Life Course: Global Perspectives*, 101–112. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klepikova, A. 2018. *Navernoye ye, ia durak. 'Antropologicheskyy roman* [“Perhaps I am foolish: Anthropological novel]. Sankt-Petersburg: European University in Sankt-Petersburg Publishers.
- Lazoukova, Ye.A. and G. Seletkova. 2018. “Zanyatost' i obrazovanie rossiyskikh invalidov [Employment and education among Russian disabled persons.” In: *Invalidy, invalidnost', invalidizatsiya* [Disabled persons, disability, and disabilization], 744–748. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy federalny universitet.
- Makarov, V. 2018. “Napravleniya deyatel'nosti po trudoustroystvu invalidov kak vazhnogo faktora povysheniya kachestva ikh zhizni” [Some directions in employment of disabled persons as important factor of improvement of their quality of life Pp. 753-757.]. In: *Invalidy, invalidnost, invalidizatsia* [Disabled persons, disabilities, disabilisation] (Material of conference, September 27-28, 2018). Nizhny Novgorod: NISOTS Publishers.

- Murphy R. F. et al. 1988. Physical disability and social liminality: A study in the rituals of adversity. *Social Science & Medicine* 26 (2): 235–242.
- Nikonova, A. 2018. “Obschestvennyye organizatsii i trudoustroystvo loudiy s invalidonstyu” [Public organizations and problems of employment of people with impairments], 761–764. In: Invalidy, invalidnost, invalidizatsia [*Disabled persons, disabilities, disabilisation*] (Material of conference, September 27–28, 2018). Nizhny Novgorod: NISOTS Publishers.
- Nosenko-Stein, E. 2017. “They fear us because we are Other”: Attitudes Towards Disabled People in Today’s Russia [“Nos temen porque somos Otro”: actitudes hacia las personas con discapacidad en la Rusia moderna]” *Salud Codditcteva* 13 (2): 158–170.
- Nosenko-Stein, E. 2018a. Antropologia invalidnosti: problemy i zadachi [Anthropology of Disability: Problems and Perspectives]. *Etnograficheskoye obozrenie* 1: 5–11.
- Nosenko-Stein, E. 2018b. “Invalidy – a tuda zhe – rabotat’ Nekotorye problem troudoustroistva liudey s ogranichennami vozmozhnostiami zdorovia v Rossii (na primere nizriachikh)” [They are disabled but want to work: Some problems of employment of disabled people in Russia (blind and low vision persons)].” In: Invalidy, invalidnost, invalidizatsia (Proceedings of International conference, September 27–28, 2018), 682–690. Nizhny Novgorod: NISOTS Publishers.
- Nosenko-Stein, E. 2020. “Rokovoy diagnosis kak nachalo obryada perekhoda: stateus invalida i otnoshenie k nemu v sovremennoy Rossii [Fatal diagnosis as a Beginning of Rite of Passage: Disability Status and Its Perception in Contemporary Russia]. *Etnograficheskoye obozrenie* 5: 149–161.
- Phillips, S.D. 2018. “Parallelny mir [Parallel world]. In: *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [Back Side of the Moon, or What We do not Know about Disability (Theory, Representation, Practices)], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Stein, 223–274. Moscow: MBA.
- Romanov, P. and E. Iarskaia-Smirnova. 2006. *Politika invalidnosti: sotsialnoye grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Policy dealing with disability: social citizenship of disabled people in contemporary Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga.
- Shlyakhtina, N. 2019. Zabota o sirotakh i ubogikh v traditsionnoy russkoy derevne [Care After Orphans and Miserables in a Traditional Russian Village]. *Prepodavaniye istorii v shkole* 2: 10–14.
- Turner, V. 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Vostochnaya literature.
- Voronin I 2018. Dinamika invalidizatsii naselenia postsovetskoy Rossii: po dannym 2003–2016 [Dynamics of disabilization or population in post-Soviet Russia: according to 2003–2016]. In: *Invalidy, invalidnost, invalidizatsia* [*Disabled persons, disabilities, disabilisation*] (Material of conference, September 27–28, 2018), 92–97. Nizhny Novgorod: NISOTS Publishers.

© Л.А. Торлопова

**ТЕАТР КАК «ОБРАЗ ЖИЗНИ» ЧЕЛОВЕКА С ИНВАЛИДНОСТЬЮ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

В статье на основании пилотного исследования методом кейс-стади прослеживаются связи инвалидности с искусством: какой путь проходит человек с инвалидностью, стремясь к театральному творчеству? Ответ на этот вопрос строится через попытку рассмотреть жизнь человека с инвалидностью как своеобразную социальную драму, и увидеть то, какие трансформации происходят при взаимодействии реальных жизней с реальным театром. Контекст привычного нам театра смещается от формата выдуманных персонажей и их историй, упакованных в рамки воображаемого мира одного автора, в сторону персонажей, со-творяющих художественный проект реалистичными деталями своих индивидуальных жизненных нарративов. Это становится возможным благодаря феномену социального театра. Он, как и его форма – инклюзивный театр, вмещает в себя, помимо эстетической составляющей, иную иерархию – горизонтальную, где каждый участник – творец на равных, имеющий свои зоны ответственности. Образ инклюзивного театра раскрывается на конкретном примере крупного российского проекта «Инклюзион», работающего в семи городах России. На Новосибирском кейсе этой сети театральных школ иллюстрируется, какие ценности позиционируются артистами с инвалидностью как те, что делают жизнь человека «наполненной», несмотря на «ограниченные возможности».

Ключевые слова: исследования инвалидности, инвалидность, социальный театр, инклюзия, инклюзивное искусство, люди с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивный театр

Ссылка при цитировании: Торлопова Л.А. Театр как «образ жизни» человека с инвалидностью: антропологические наблюдения // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 50–60.

Данная статья является результатом пилотного исследования методом кейс-стади, посвященного феномену инклюзивного театра. Рассматриваются ценностные показатели такого понятия как «полноценная» жизнь и пути, которыми она достигается в ситуации определенных ограничений здоровья и особенностей жизненной ситуации человека. Не в противовес, а в дополнение к «ограничениям

Торлопова Любовь Андреевна – научный сотрудник НОЦ «Социально-политические исследования технологий», Томский государственный университет (634050 Томск, пр. Ленина, 36)
Эл. почта: lyubovtorloпова@gmail.com. Orcid.org/0000-0003-2809-9965

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00063 «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ»

здоровья», «ограниченным возможностям», «трудностям коммуникации», «ограничениям в передвижении» и т.п. выделяется пространство для таких категорий как «наполненная жизнь», «альтернативные коммуникации, способы передвижения» и т.д. Делается попытка рассмотреть жизнь человека с инвалидностью как своеобразную социальную драму, раскрывающую трансформации жизни при взаимодействии с реальным театром.

В своем исследовании я пыталась ответить на следующие вопросы: 1) как трансформируется жизнь человека с инвалидностью, когда в ней возникает новый объект – театр? Какие метаморфозы в такой ситуации происходят в сознании (восприятии жизни) у человека? 2) Как меняется понятие и феномен театра в связи с появлением инклюзии? Что такое социальный театр и чем он отличается от «классического»? 3) О каких ценностных ориентирах идет речь, когда говорят о «полноценной жизни» при условиях «ограничений здоровья»?

Материалы и методы

С ноября 2019 по март 2020 гг. проводились практики включенного наблюдения в рамках спектаклей и иных открытых мероприятий «Инклюзиона» в Новосибирске (репетиции, открытые лекции для «студийцев»; посещение спектаклей, в том числе в интерактивном формате). С апреля по июнь 2020 г. проделана работа по поиску, отбору, анализу и расшифровке публичных видеоматериалов. В июне-июле 2020 г. были проведены пробные интервью с участниками проекта. Включенное наблюдение происходило в театральной студии «Инклюзион» в Новосибирске на спектаклях «Несильный»; «Юшка»; «Про Свет Леня Я»; «Унреальность» (репертуар студии не ограничен только этими спектаклями), а также на иных «открытых» мероприятиях: площадке «Театр маркет» (ярмарка для творцов рукоделия и артистов, желающих выступить в рамках открытого творческого пространства) как проекте интеграции, публичной репетиции театральной студии «Инклюзион» и тематической лекции. Значимый корпус источников в этом пробном исследовании занимают записи-расшифровки видеоматериалов, взятых из открытого доступа в сети Интернет (региональные и федеральные СМИ, частные записи интервью самопрезентации людей с инвалидностью или организаторов творческих объединений).

Театральные постановки школ являются творческим уникальным продуктом конкретных коллективов, которые под руководством их режиссеров и педагогов в процессе тренингов и занятий занимаются со-творчеством спектакля, на основании собственного опыта. Поскольку студенты не являются профессиональными актерами, а качество спектаклей важно для школ, то для подлинности игры в спектакле подбираются темы, вызывающие глубокое личное сопереживание учеников. За счет этого постановки, их события и персонажи получаются «живыми», «эмоциональными», «настоящими». Вслед за Хейзинга (Хейзинга 1997) и его последователями, я понимаю жизненную траекторию человека как театр, в том числе и жизненный путь человека с инвалидностью. При этом, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «более одного миллиарда человек в мире имеют какую-либо форму инвалидности» (Всемирная организация здравоохранения 2011), это означает, что приблизительно один из восьми человек на планете столкнулся с феноменом инвалидности лицом к лицу.

Феномен и понятие социального театра

Зачастую искусство, и театр в частности, помогает обратить внимание общества на трудные, порой неприятные, или объемные, масштабные, выходящие за пределы повседневной жизни и ее проблематики темы. Проблематика социального театра проникают в различные сферы и слои общества. Например, проект социального театра «Кактус» (*Jimenez-Aceituno, Medland and others* 2016: 281–297) в Испании посвящен экологической теме. А в работе Августо Боэла «Эстетика угнетенных» описан опыт «театра в тюрьме» (*Boal* 2006: 103).

Что касается России, то здесь много внимания направлено профессиональным творческим сообществом на человеческие трудности разных уязвимых социальных групп. «Социальный театр» представляет собой спектакли на социально значимые, острые, «неудобные» темы. Но всё чаще это театр, который включает в активное участие тех, кого эти острые темы касаются, в каком-то смысле предлагая им сыграть свою жизнь как роль на сцене. «Постановки с участием людей с ментальными особенностями, незрячих или слепоглухих актеров, подростков из детских домов, заключенных или пенсионеров и пр. перестали быть лишь арт-терапией для “особых” актеров – теперь они становятся полноценными театральными спектаклями, имеющими художественную и социальную ценность» (видео «Что такое “социальный театр”»). Конкретные личности приобретают легальный статус своего проявления в социокультурном пространстве через бережную интеграцию. Это позволяет не только аудитории, а до этого участникам труппы извне уязвимой социальной группы, меняться и менять свое восприятие ситуации, но также позволяет и представителям уязвимой группы меняться, будучи включенными в иное сообщество – сообщество со-творцов искусства. Они перестают быть просто и только представителями «иного» мира, снижается уровень их аутсайдерской позиции, а вместе с тем начинают теряться жесткие границы и размываться стигматизация. Некоторые авторы предпочитают понятие «особенный театр», для них значим акцент на «особенностях развития» каждого артиста. «Особенности развития – это не просто ограничения, а определенные *возможности внутри определенных ограничений*. И вот с этими возможностями мы и работаем, когда занимаемся творчеством (*Афонин* 2018: 13. Курсив мой – Л.А.). Социальный, горизонтальный театр – про «Все равны. Но у каждого своя зона ответственности» (*Пархомовская* 2019: видео).

Трансформационные процессы в таком театре могут иметь разные направления. Не только режиссер-задумщик или сценарист влияют на актеров, которые в дальнейшем повлияют на зрителя, что иллюстрирует линейность такой трансформации. Но также и актеры через рассказывание своих жизненных историй могут (пере)создавать канву сюжета или нестандартный формат общения, как в случае, когда место встречи участников создает новые формы общения и со зрителем, ведь «социальный театр – не по рецепту» (*Пархомовская* 2019). Его постановка в качестве одной из своих творческих предпосылок не имеет какой-то специфической заготовленной драматургической схемы, скорее, она рождается в процессе совместной творческой работы всех участников, о чем подробнее будет рассказано далее.

Для Афонина «особый театр» «ставит своей целью создание художественного произведения, а его воздействие на социум является дополнительным, вторичным эффектом» (*Афонин* 2018: 8). Московский проект «Театр Простодушных», созданный в декабре 1999 г. сообществом родителей людей с синдромом Дауна и

режиссером Игорем Неупокоевым видится как «творческая мастерская, некоммерческий драматический театр» (История. Театр Простодушных). Для режиссера в данном случае первостепенно творчество и художественный продукт, а социализация артистов – следствие (Маркина 2012: 7965–7974).

Инклюзион

Инклюзивный театр на сегодняшний день разнообразно представлен в России. «Инклюзион» – некоммерческая организация, основанная в г. Москва. Несмотря на свою юность (открылась в 2017 г.), это уже целая сеть театральных школ, которые находятся в семи городах: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Калининграде, Новосибирске и Орске. Проект, созданный в рамках работы Фонда поддержки слепоглохих «Со-единение», видит своей миссией развитие инклюзивного театра в России (Инклюзион/О центре). Центр реализации творческих проектов «Инклюзион» подразделяется на два направления: театральные школы и театральные труппы, играющие в спектаклях. Школы созданы благодаря проведению в городах театральных лабораторий или обучению их организаторов в столицах. «Студийцы» проходят месяцы обучения, прежде чем начинают играть в спектаклях. Зачастую посещаемые ими занятия включают в себя такие дисциплины как актерское мастерство, пластика, сценическая речь, звучание (Сборник 2020: 22, 24, 28, 29, 38, 39, 43). В основном занятия занимают несколько часов, пару дней в неделю. Организаторами становятся режиссеры, которым откликается тема инклюзивности, или творчески ориентированные люди с инвалидностью. Необходимым условием для открытия школы является партнерство с местными театрами, в разных случаях – с государственными или частными, поддержка театральных организаций. Этот проект является современным уникальным феноменом инклюзивного театра, поскольку ему удалось, зародившись в Москве, распространиться за пределы европейской части России, и несмотря на разбросанность в регионах, сохранить и поддерживать высокий уровень творчества. Спектакли создаются постепенно: при открытии конкретной школы студенты активно задействуются в выборе темы и содержании постановки.

Инклюзивные театральные коллективы создают художественные проекты, раскрывают потенциал учеников своих школ, развивают инклюзивное театральное образование, формируют пространства для взаимообмена творчества, знакомят широкую аудиторию с инклюзивным искусством, чем создают потенциал для трансформации восприятия инвалидности.

История создания и развития каждого филиала Инклюзиона уникальна, в «фактуре» каждой из школ и процессе их создания нет унифицированности. Они были созданы и развиваются под влиянием локальной ситуации: «в зависимости от состава команды, которая стояла у их истоков, и контекстов, в которых они существуют» (Сборник 2020: 14). Так, Новосибирский «Инклюзион», ученики которого имеют

Рис. 1. Спектакль «Юшка», 2020, Новосибирск, (фото: Л.А.Торлоповой)

Рис. 2. Карта школ «Инклюзион»²

разные инвалидности, представляет собой энергичное пространство с высокими темпами активности, «где практически каждые два месяца выпускают новый спектакль, где получают приглашения на престижные театральные фестивали, где кипит жизнь» (Сборник 2020: 14). Практически противоположно, в плане событийной интен-

сивности и разнообразия, но с не меньшей ценностью разворачивается пространство театральной школы в Санкт-Петербурге, «где большая часть студентов – это слепоглухие люди старшего возраста. И главная ценность этой школы – это очень внимательное и бережное отношение к каждому участнику и одновременно системный подход» (Сборник 2020: 19, Медюх Т., Директор по развитию).

Некоторые спектакли уже идут в регулярном репертуаре, например, такие есть в Москве и Новосибирске. Уникальным случаем является калининградская театральная школа «Инклюзиона», где собралось целых две обучающих детских группы учеников с нарушением слуха (хотя «нормотипичные» дети также в них обучаются). По словам педагога школы, актрисы Калининградского областного драматического театра М. Юнганс: «Мы стараемся объяснить детям, что вообще такое театр, стараемся проводить занятия так, чтобы не задавить их индивидуальность, дать возможность быть самими собой. Взять их сильные стороны и “подсветить”, сделать видимыми» (Сборник 2020: 60).

Процесс «производства» спектакля в социальном театре

С первой крупной московской лаборатории «Инклюзиона» утвердилась высокая планка качества художественного продукта. Каждая театральная школа открывается, создавая коллаборацию с театрами (как государственными, так и частными) и творческими объединениями или независимыми режиссерами. В результате той первой лаборатории в 2015 г. был создан спектакль на основе реальных историй актеров – «Прикасаемые». Под влиянием профессиональных педагогов и «зрячеслышащих» коллег-актеров слепоглухие артисты стали демонстрировать более высокий уровень активности, скоординированности, улучшения «зоны внимания», «то есть у них развились те качества, которые присущи профессиональным артистам» (Сборник 2020: 21).

В Санкт-Петербургской театральной школе, созданной в 2017 г., преобладают незрячие актеры. Стабильный коллектив из педагогов и участников в ней складывал-

¹ Комментарий к Рис. 2: Шаблон контурной карты взят на просторах Интернета. Отметки городов и указания о существовании там театральных школ «Инклюзиона» сделаны автором.

ся в течение года. Опыт этой школы показывает, насколько в социальном театре значимы реальные условия создания спектакля и истории его участников. Декорации, образ, сюжетная линия спектакля «Ночи Холстомера» связаны с коммунально-бытовыми условиями, социальными и личностными рамками, и теми процессами, которые естественно разворачивались в группе: знакомства друг с другом и творчеством внутри и вокруг себя. По словам режиссера спектакля А. Савчука, «Мы сидели в кругу [в маленьком зале Библиотеки “для слепых и слабовидящих”, где проходили встречи-репетиции] (так в спектакле тоже появился круг) и обсуждали разные темы... Мы наговаривали и копили истории, из которых должен был собраться спектакль» (Сборник 2020: 35).

Зачастую спектакли являются творческими коллективными интерпретациями известных авторов и их произведений: В. Шекспира (спектакль «ШекспириЯ»), Л.Н. Толстого – «Ночи Холстомера», А.Н. Островского – «Гроза – среда обитания», Н.В. Гоголя – «Совершенно невероятное событие. Женитьба», спектакль по сказкам А.С. Пушкина – «Александр Сергеевич с нами». Вдохновение для репертуара школ черпается не только из отечественной и мировой классики, и не только из пьес или романов. Например, новый петербургский спектакль готовится по стихотворениям китайских поэтов Ли Бо и Ду Фу.

Через творческие практики общения и обсуждения отношения к изучаемому литературному произведению создается художественный рисунок будущего спектакля. Материалами или идеей для спектакля могут послужить ассоциации из общего культурного кода и релевантные личные истории участников. Так на лаборатории, в рамках которой совместно всем коллективом формируется тема спектакля, она может зародиться через откликнувшуюся коллективу упомянутую кем-то песню (как в случае «Ночи Холстомера») или в рассказах о том, что участники больше всего любили в детстве (как в новосибирском спектакле «Упреальность»). При этом, инклюзивный театр очень живой и подвижный в своих пратиках. «Часто [ученики] не выполняют сценический рисунок, который мы выстроили заранее. В один момент, когда актёр театра “Старый дом” не смог прийти на репетицию, а Миша, его партнёр с синдромом Дауна, вдруг начал играть в сцене клоунады за всех, кого нет... Оказалось, что он не просто знает рисунок своей роли: он досконально знает рисунок всех, кто находится в этот момент на сцене. ...Миша, придя к нам заниматься, не разговаривал и сидел в углу, которому папа, бизнесмен на “мерседесе”, говорящий, что это глупость, запрещал ходить в “Инклюзион”, – мы вдруг увидели, чего Миша добился» (Сборник 2020: 54. Зиновьева А., Куратор школы, режиссер, педагог НГТИ).

Что театр значит для людей с инвалидностью? (кейс Новосибирска)

Инклюзион в Новосибирске начался с проекта – театральной студии Ольги Стволовой «Особенный ТИП» в 2015 г., и только позднее появилось сотрудничество с «Инклюзионом», в 2017 г. К тому моменту у студии уже был опыт создания и постановки 8 спектаклей, представленных в рамках различных городских мероприятий. «Я не ставлю себе задачи лечить людей, которые приходят к нам. Я ставлю задачу создать интересный художественный продукт» (видео «Особенный театр О. Стволовой»). Сама Ольга передвигается на коляске с 9 лет.

Рис. 3. Спектакль “Несильный”, 2020, Новосибирск (фото: Л.А. Торлопова).

никогда столько не гудела, не шелестела, не шипела, не открывалась, не общалась. Это, какое – то освобождение! Легкие наполняются, границы стираются, сознание расширяется» (Колесникова Е.). «Инклюзион – это энергия! ... Там я живая» (Колесникова Е. Видео-презентация “Инклюзион. Школа. Новосибирск”).

Рис. 4 Открытый урок в школе Инклюзиона, 2020, Новосибирск (фото: Л.А. Торлоповой).

является потребностью любого человека), а также задействованность как в сообществе творческом, так и более широко – в обществе, когда они играют в спектаклях для сторонних, условно здоровых зрителей. В рамках такого открытого и коммуникативно ориентированного проекта участники могут реализовывать свой потенциал не только не только чтобы что-то приобретать (будь то навыки, знания, внимание), но также и отдавать. По словам студента Новосибирской школы, деятельность внутри театральной школы, «...это не была реабилитация, как обычно у нас. Изначально направленность была на спектакль, а не на помощь какую-то. ... Мы о себе рассказываем, о друг друге. Если классический театр он все-таки заставляет идти за автором, то в документальном театре можно что-то изменить. Это заставляет искать живое – в себе» (Видео «Человеческий фактор. Над барьерами»).

В личных профилях студентов на сайте Инклюзиона прослеживаются те ценностные ориентиры, которые значимы для участников проекта. Это и «новое открытие», где каждую репетицию Берсенев Д. «ждет с нетерпением», и «чувство “близкого плеча” и своя роль в общем результате». Это и «одна большая семья, где всегда тепло и уютно» (Головеев Е.). Это и «увлекательное путешествие, в которые мы вместе отправились!» (Шкурин В.). Это и приятное разнообразное «действие», наполненное свободой: «Чего я только не делаю на занятиях – я

Благодаря постоянному процессу обучения разным творческим практикам в театральной школе ее ученики приобретают также коммуникативные навыки, приобретают психологическую устойчивость; познают разнообразие мира, как творческого, личного (через других учеников и профессиональных педагогов, через упражнения и презентацию многочисленных различных творческих этюдов), так и публичного, широко социального (через открытые мероприятия школ, через непосредственно спектакли и взаимодействие со зрителем).

Артисты с инвалидностью ощущают свою «нужность», значимость (что

Зачем профессиональным артистам без инвалидности социальный театр?

В регионах оплата за спектакль является свободной или скромной (200-400 рублей). С учетом того, что обычно аудитория спектакля небольшая (несколько десятков человек, до 40-50), то это не покрывает расходов по тратам театра, является лишь их частичным возмещением. В основном актеры в рамках проекта пока работают как волонтеры, без заработной платы. Каждая школа подает заявки на гранты, помимо поддержки со стороны Фонда «Со-действие», за счет которого и существует проект.

Значимым становится желание сделать видимым: картину, которую люди с нарушением зрения ранее не могли увидеть, а порой – самих незрячих людей (для себя, для мира). Они становятся видимыми «не только потому, что мы выводим их на сцену, но и потому что мы вступаем с ними в личный контакт, которого мы избегаем или лишены в обычной жизни». Для других это про подпитку собственного чувства справедливости. Для третьих – самореализация таланта педагога, когда результаты трансформации восприятия студентов видны уже в течение пары недель. Четвертым именно работа в инклюзивном пространстве позволяет сделать прозрачным, ясным смысл своей профессии: «Когда я пришла в инклюзию, я вдруг увидела смысл своего существования на земле... тут приходят люди, которым с физической точки зрения это нужно» [ответы из зала, педагог по вокалу] (Пархомовская 2019). Профессиональные артисты, приходящие в пространство инклюзивного театра, говорят о тех возможностях вопреки невозможностям, которые они наблюдают в жизни студийцев. «Такое впечатление, что у них возможностей значительно больше, чем у меня, любить жизнь. Это обогащает и дает силы жить» (В. Лемешонок, заслуженный артист РФ, видео “Человеческий фактор”).

* * *

Итак, какие же ценности наиболее значимы в рамках существования инклюзивного театра? Волновой «пучок» трех участников трансформации: человек, его/ее инвалидность и театр/искусство делают акцент на свободе. Это «свобода творчества», мысли, жизни, демонстрации себя и своих талантов: «Раньше приходя в театр или на выставку куда-либо, мне казалось, что я не вижу, не могу понять или считать то, что, как мне казалось, все видят [задумку автора]. И меня это тяготило и отталкивало от всех этих заведений. А здесь на занятиях [театральной школы] я могу видеть то, что я вижу; у меня могут быть свои ассоциации на то, что говорит преподаватель, или показывает одноклассник в своем этюде, и здесь это поощряется» (ПМА-1, интервью 3: Софья, ученица с нарушением зрения). Инклюзивный театр вносит в социальное поле разнообразие; показывает возможность свободы быть иным и радости быть принятым в этом. Стирание границ и знакомство с Другим (миром) приводит к интеграции разных миров друг в друга (с инвалидностью и без). Качество жизни зависит от того, чем наполнен человек, его жизнь и тело. Скажем, радостью, счастьем, яркими эмоциями, открытостью миру и желанию идти в контакт или изоляцией, нездоровьем, невозможностью и т.д.

По словам режиссера студии в Казани, «Если ты немой, то ты просто имеешь иной способ выражения, если у человека ДЦП, то это просто иной способ движения и т. д.» (Сборник 2020: 48). Некоторыми авторами театр считается идеальным пространством

для исследования проблемы «взаимосвязи искусств», «будучи “синтетическим” по самой своей природе» (Бушуева 1991: 4, 7). С учетом описанного подхода, можно предположить, что театр является удачным пространством не только исследования, но и проживания; а также не только искусств, но и взаимосвязи иных различных объектов, размещенных на пересечении разных силовых линий». Такими «объектами» могут выступать человек, инвалидность, отношения между людьми, уровень представления социума об уязвимых группах населения. По словам Августо Боула, театрального директора, драматурга и писателя, автора практического проекта «Театр для угнетенных»: «Нам всем стоит стать частью театра, чтобы узнать, кто мы есть, и чтобы исследовать, кем мы могли бы стать» (Boal 2006: 1). Это и есть трансформационная сила театра, в частности театра – социальной драмы.

Инклюзивный театр – это не панацея. Но это путь, вариант, выбор, живое изменяющееся пространство. Это искусство и причем, это «живое» искусство, которое само идет на контакт, откликается на запрос, готово открываться и меняться вместе с Другим. Тогда жить с присутствием Театра и внутри Театра становится образом жизни. А болезнь или инвалидность можно воспринять как способ совершить парадигмальный сдвиг своего сознания, и обратиться к желаемому – к творчеству, свойственному человеку от природы.

Источники и материалы

- Видео-презентация – Видео-презентация Инклюзион. Школа. Новосибирск. Доступ: https://vk.com/video166110968_456240587.
- ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения. Доступ: https://www.who.int/mediacentre/news/releases/2011/disabilities_20110609/ru/ (Дата обращения: 11.06.20).
- Морозова 13 – Морозова Т. Выход в люди. Что может сделать полноценной жизнь инвалида в Новосибирске. Доступ: <https://sib.fm/interviews/2013/04/15/vykhod-v-ljudi> от 15.04.2013 (дата обращения: 19.01.20).
- Инклюзион/ О центре – Инклюзион / О центре. Доступ: <http://inclusioncenter.ru/o-centre/>.
- Пархомова 2018 – Видео «Раз, два, фест». Рассказ Н. Пархомовской о фестивалях социального театра. 2018. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=ciP8o4d5O5o> (Дата обращения: 14.07.20).
- ПМА 1 – Расшифровка интервью со “студийцами” в Новосибирске и записи со включенного наблюдения.
- Спектакль – Видео спектакля «Упреальность». Инклюзион. Новосибирск. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=0rQ0kVIFdwA> (Дата обращения: 23.05.20).
- О театре – О театре // “Театр Простодушных”. Доступ: театрпростодушных.рф/?page_id=2 (дата обращения: 08.08.20).
- Человеческий фактор – Видеозапись программы «Человеческий фактор. Над барьерами» // ТК Культура. Доступ: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63397/episode_id/2236390/video_id/2265456/ (Дата обращения: 24.03.20).
- Что такое – Что такое “социальный театр” и зачем ему нужен собственный фестиваль? // Инклюзион. Доступ: <http://inclusioncenter.ru/znanija-soobshhestva/chto-takoe-socialnyj-teatr/>.

Научная литература

- Афонин А. Б. «Особый театр» как жизненный путь. М.: ИД Городец, 2018. 160 с.
- Бушуева С. К., Овэс Л. С., Таршис Н. А. (под ред.). Взаимосвязи: Театр в контексте культуры. Сборник научных трудов, 1991. 154 с.

- Дунаева А., Пархомовская Н. (отв. ред.). Социальный театр в России: Сборник материалов по итогам I Форума-фестиваля социального театра «Особый взгляд». М., 2020. 144 с.
- Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. (отв. ред.). Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: сб. статей. М.: Изд-во МБА, 2018. 420 с.
- Маркина В. М. «Театр Простодушных»: потенциал социальной инклюзии и дестигматизации людей с синдромом Дауна // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 7965–7974.
- Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. / Пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. М.: Прогресс -Традиция, 1997. 416 с.
- Boal A. The Aesthetics of the Oppressed. Translated by Adrian Jackson. London & New York: Taylor & Francis e-Library, 2006. 136 p.
- Jimenez-Aceituno A., Medland L., and others. Social theatre as a tool for environmental learning processes: a case study from Madrid, Spain // Across the Spectrum. Resources for Environmental Educators / eds. Martha C. Monroe, Marianne E. Krasny. University of Florida, Cornell University, the North American Association for Environmental Education, and the U.S. Environmental Protection Agency. 2016. P. 281–297.

Torlopova, Lubov A. *

Theatre as a “Way of Life” for Persons with Disabilities: Anthropological Observations

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/50-60

Based on a pilot study, the article traces the links between disability and art: what path does a person with a disability take on the way to theatrical creativity? The answer to this question is built through an attempt to consider the life of a person with a disability as a kind of social drama, and to see what transformations occur when real lives interact with real theatre. The usual context of a theatre is shifting from the format of fictional characters and their stories, packed in the framework of the imaginary world of one author, towards characters who co-create an artistic project with realistic details of their individual life narratives. This is made possible by the phenomenon of social theater. Social and inclusive theater contains, in addition to the aesthetic component, a horizontal hierarchy, where each participant is a creator on an equal footing, with his/her own areas of responsibility. The image of an inclusive theater is revealed in the article on the concrete example of the big Russian project “Inclusion”, which works in seven cities of Russia. The Novosibirsk case of a theater network demonstrates which values are positioned by artists with disabilities as those that make a person’s life “fulfilled”, despite “limited opportunities”.

Keywords: *disability studies, disability, social theatre, inclusion, inclusive art, persons with disabilities, inclusive theatre*

For Citation: Torlopova, L.A. 2021. Theatre as a “Way of Life” for Persons with Disabilities: Anthropological Observations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 50–60.

***Torlopova, Lubov A.** – Researcher, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lyubovtorlopova@gmail.com. Orcid.org/0000-0003-2809-9965
The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063)

References

- Afonin, A.B. 2018. *“Osobyi teatr” kak zhiznennyi put* [“Especial theatre” as a life way]. Moscow: ID Gorodets.
- Boal, A. 2006. *The Aesthetics of the Oppressed*. Translated by Adrian Jackson. London & New York: Taylor & Francis e-Library.
- Bushueva, S.K., L.S. Oves and N.A. Tarshis, eds. 1991. *Vzaimosviazi: Teatr v kontekste kul'tury: Sbornik nauchnykh trudov* [Relationships: Theater in the Context of Culture. Collection of Scientific Papers].
- Dunaeva, A., and N. Parkhomovskaia, eds. 2020. *Sotsial'nyi teatr v Rossii: Sbornik materialov po itogam I Foruma-festivalia sotsial'nogo teatra “Osobyi vzgliad”* [Social theater in Russia: The Collection of materials on the results of the 1st Forum-Festival of Social Theater “Special Look”]. Moscow.
- Huizinga, J. 1997. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. A study of the play-element in culture]. Translation from Dutch D.V. Sil'vestrova. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Jimenez-Aceituno, A., L. Medland and others. 2016. Social theatre as a tool for environmental learning processes: a case study from Madrid, Spain. In *Across the Spectrum. Resources for Environmental Educators*, ed. by Martha C. Monroe, Marianne E. Krasny, 281–297.
- Kurlenkova, A.S., and E.E. Nosenko-Shtein, eds. 2018. *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki: sb. Statei*. [The Far Side of the Moon, or What We Don't Know About Disability: Theory, Representations, Practices] Moscow: Izdatel'stvo MBA.
- Markina, V.M. 2012. “Teatr Prostodushnykh”: potentsial sotsial'noi inkluzii i destigmatizatsii liudei s sindromom Dauna. [“Theater of the Innocent”: The Potential of Social Inclusion and Destigmatization of People with Down Syndrome] In *Sotsiologiia i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa*. Moscow: ROS. 7965–7974.

© А.Н. Алтухова

«УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ»: ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА-ИНТЕРНАТА ДЛЯ ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ О СВОЕМ ДЕТСТВЕ

Статья посвящена специфическому нарративному жанру «ужасные истории», его прагматике и значению. Используя концепцию «жалость на экспорт», предложенную Маргаритой Астоянц (Астоянц 2006), автор на материалах биографических интервью с выпускниками интернатных учреждений для умственно отсталых, ставших участниками проекта сопровождаемого проживания, исследует стратегии выстраивания нарративной идентичности информантов в коммуникации с интервьюером. Анализ демонстрирует, что фрейм биографического интервью, участники которого занимают крайне различное социальное положение, вызывает к жизни определенную стратегию – демонстрацию в первую очередь уникального и экстремального опыта. Так, информанты обращались к историям об «ужасах» детского дома-интерната или психоневрологического интерната, где они жили после достижения восемнадцати лет, создавая драматические повествования о насилии в учреждениях и принудительном психиатрическом лечении. Цель данной стратегии – вызывать у слушателя интерес, уважение или сочувствие, которое в крайнем случае может обрести форму просьбы о помощи или желания получить некоторую выгоду. Помимо этого, «ужасные истории» оказываются для людей, имеющих на нынешний момент статус опекаемых, способом заявить о собственной агентности и субъектности, корни которых информанты обнаруживают еще в детстве, наполненном насилием и невзгодами.

Ключевые слова: интеллектуальная инвалидность, анализ нарративов, ужасная история, умственная отсталость, сироты

Ссылка при цитировании: Алтухова А.А. «Ужасные истории»: воспоминания бывших воспитанников детского дома-интерната для детей с умственной отсталостью о своем детстве // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 61–73.

Введение

В нашей культуре нередко умственная отсталость ведет к исключению индивида из общества, определяя отношение остальных членов к нему. Так, в недавнем прошлом – в конце 1990-х – начале 2000-х – интеллектуальные отличия ребенка могли стать причиной отказа семьи от него, в особенности, если семья была «не-

Алтухова Анна Николаевна – ассоциированный научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187 Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 1). Эл. почта: ann.tract@gmail.com

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00063 «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ»

благополучна», или если у ребенка были хотя бы малейшие физические отклонения (*Ярская-Смирнова, Тепер, Грек* 2008). Интеллектуальные отличия, как и психические или поведенческие, в разных обществах зачастую определяются как девиация, становясь своеобразным ярлыком. Говард Беккер на примере потребителей марихуаны (*Беккер* 2018) и Томас Шефф, описывая положение людей с психическими расстройствами (*Scheff* 1966), разработали теорию приклеивания ярлыков. Ярлык не только определяет отношение к индивиду, но накладывает на него некоторые ограничения и задает характерные сценарии взаимодействия с ним.

Так, в нашей культуре интеллектуальные отличия ребенка нередко приводили его в интернатную систему, где он начинал испытывать последствия нового ярлыка – сиротства. Сиротство само по себе в значительной мере влияет на судьбу ребенка (см., напр., Бреева 2004, *Schmidt* 2009), но в случае с детьми, имеющими даже несущественные отличия в интеллектуальной деятельности, этот ярлык в нашем обществе оказывал на них еще более заметное влияние, фактически лишал возможности встроиться в образовательный трек, ведущий к взрослой самостоятельной жизни. Будучи социальными сиротами¹, такие дети распределялись по существующей сети школ-интернатов для умственно отсталых, а некоторые отправлялись еще «ниже»² – в детские дома-интернаты для умственно отсталых (далее ДДИ), получив официальный психиатрический диагноз.

Несмотря на запрет отправлять в эти учреждения тех, кто не имел серьезных когнитивных нарушений (*Матюшева* 2010: 149), вероятнее всего, это случалось. Например, такая участь была характерна для многих детей с синдромом Дауна (*Dunn* 2000: 157). Западные правозащитники сплошь и рядом обнаруживали, что большинство детей, причисленных к «олигофренам», не имели видимых признаков физических или умственных недостатков и получали направления в эти учреждения без основательной экспертизы (*Bilson, Markova* 2007: 61, *Cox* 1997: 112–113), например, из-за «плохого» поведения (*Астоянц* 2006: 60, *Rockhill* 2010: 224).

Мой фокус внимания сосредоточен главным образом на выпускниках ДДИ, которые до совсем недавнего времени – до 2014 года – считались «необучаемыми» и не получали школьного образования³. Они были лишены возможности не только поступить в училище, но и по факту в принципе покинуть интернатную систему, поэтому многие из них заканчивали свою жизнь в психоневрологических интернатах (далее ПНИ).

Альтернативу такому институциональному пути предлагают общественные организации, движимые концепцией «нормализации» как детства (в отношении сирот), так и инвалидности. Этот подход, с одной стороны, декларирует, что человек с инвалидностью, вне зависимости от тяжести нарушений, имеет право на «нормальную» жизнь

¹ Их число сразу после распада Советского Союза резко увеличилось и росло на протяжении всех 1990-х годов (*Дементьева* 2011: 108). По некоторым данным к 1998 году при живых родителях в детских домах и интернатах находилось уже 650–750 тысяч детей по сравнению с 284 тысячами в 1987 году во всем Союзе в целом (*Elliott* 2008: 4–6).

² О «нисходящих» сиротских траекториях: от детского дома в дом для инвалидов или вспомогательную школу, или в детский дом для «трудных» детей, а после еще «ниже» в исправительную колонию (*Келли* 2008).

³ В 2014 году Министерство образования выпустило «Разъяснения о порядке получения образования воспитанниками, проживающими в детских домах-интернатах для умственно отсталых детей» (Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 мая 2014 г. № ВК-1048/07), призывая соответствующие учреждения предоставлять всем детям возможность получать образование.

наравне с другими людьми (Nirje 1970), а с другой, что каждый ребенок имеет право на «обычное» детство. Благодаря усилиям НКО воспитанники детских домов-интернатов выходили из интернатной системы и начинали жить среди «обычных» людей. Такие проекты называются сопровождаемое проживание. Это явление в России еще совсем малоразвито¹, и поэтому истории людей, вышедших из интернатной системы и ставших подопечными НКО, представляются мне крайне интересными.

Описание кейса

Эта статья основана на анализе биографических интервью с выпускниками ДДИ для детей с умственной отсталостью, находящегося в одном из нестоличных регионов России в небольшом городе Пылегорск². Информантов я нашла благодаря благотворительной организации «Первоцвет», которая создала условия для их самостоятельной жизни. Изначально, более десяти лет назад, «Первоцвет» задумывался как организация, содействующая устройству детей из детского дома в семьи, но постепенно руководство приняло решение переключиться на создание собственного проекта сопровождаемого проживания. В результате было открыто несколько квартир, где воспитанники ДДИ и ПНИ могли пробовать жить самостоятельно. Сегодня в НКО работают местные жители, но когда организация только создавалась, большая часть сотрудников состояла из москвичей и иностранных волонтеров. Эта НКО, в отличие от многих других, появившихся в 1990-х – начале 2000-х, всегда придерживалась светских принципов оказания помощи.

Почти все подопечные «Первоцвета» имеют диагноз «умственная отсталость», за исключением двух девушек, у которых инвалидность по зрению. В зависимости от готовности жить самостоятельно, оцениваемой сотрудниками, подопечные делятся на две группы: часть из них живет в квартирах сопровождаемого проживания, другие – в своих квартирах, которые они получили как сироты от государства. Первые находятся под круглосуточным наблюдением сотрудников, вторые консультируются с педагогами только время от времени по важным и сложным вопросам, типа планирования бюджета.

Моими информантами стали двадцать восемь человек: шестнадцать мужчин и двенадцать женщин в возрасте от 25 до 35 лет. Время пребывания в статусе подопечного НКО у всех разное: кто-то попал в проект еще в подростковом возрасте, а кто-то всего несколько месяцев назад. За все время полевой работы было собрано тридцать восемь биографических интервью длительностью от сорока минут до трех часов. Многие интервью были парными, практически со всеми информантами я поговорила дважды.

Интервью, которые я собирала, касались разных этапов жизни моих информантов: я обсуждала с ними время, проведенное в семье, попадание в детский дом и жизнь в нем, выход из интернатной системы и нынешнее положение в статусе подопечных НКО. Мое внимание привлекло то, что многие могли подробно передать только «ужасные» сюжеты в своей биографии, в то время как другие эпизоды они упоминали лишь вскользь или передавали несвязно. Меня заинтересовала прагматика этих сюжетов и их значение в конструировании нарративной идентичности моих информантов – этим аспектам и будет посвящена статья.

¹ О некоторых аспектах развития сопровождаемого проживания в российском контексте я писала в других своих работах (Алтухова 2018а, Алтухова 2018б).

² Все географические название и имена изменены.

Я опираюсь на интеракционистский подход к анализу нарративов, предложенный Катрин Рисман и развитый многими другими исследователями (*de Fina, Georgakopoulou* 2011, *Langellier* 2001, *Riessman* 2000a, *Riessman* 2000b). В рамках этого подхода, нарратив – это продукт коллаборации рассказчика и слушателя, и всегда поэтому глубоко контекстуален (*Riessman* 2000a: 173, 175). Вступая во взаимодействие со слушателем, нарратор выбирает некоторое «я», которое он хочет представить в этом контексте и может переключаться между разными презентациями себя в зависимости от прагматики (*Langellier* 2001: 3).

Истории о жизни в семье

Многие мои информанты попали в интернатную систему в раннем детстве. Причин и вариантов того, как именно произошел разрыв в семье и определение ребенка в интернат, я встретила множество. Например, Нину мать-одиночка оставила в больнице, потому что она была «слабым ребенком». Артем до тринадцати лет рос с матерью, но она стала пить, и его тетя, «чтобы ничего не случилось», определила в приют. Надя оказалась в детском доме после сообщений соседей в органы опеки о том, что родители девочки пьют и регулярно ее избивают. Вита, по ее словам, сама обратилась к сотрудникам опеки, после того, как пьяная мать чуть не сожгла дом. Тася оказалась в интернатной системе в два года, когда воспитывающая ее мать попала в психиатрическую больницу. Иначе говоря, все мои информанты пришли в интернатную систему из неблагополучных семей, и поэтому детство их было «не сладким», как говорят они сами.

Один мой информант заметил: «Приехавши в интернат, я спрашиваю: а ты что? Ну, я извиняюсь, это спрашиваешь, узнаешь, это как в тюрьме, то есть за что попал, по какой причине» [Егор, январь 2018]. Между сиротами в детском доме, как я полагаю, существуют определенные традиции нарративизации своего прошлого: пересказывая сюжеты из своей жизни друг другу, по-видимому, они формируют диапазон историй или некоторые каноны представления себя. Один из таких канонов – «ужасная история».

Почти в каждом интервью я слышала фразы, типа «мать и отец меня кинули, я им не нужен». Но помимо этого, рассказывая о семье, мои информанты зачастую сообщали мне о домашнем насилии и вопиюще трудных жизненных обстоятельствах. Я хочу остановиться на одной такой истории – на рассказе Нади. На момент интервью ей было 25 лет, и она уже несколько лет как вышла из-под постоянного сопровождения. Надин рассказ про «ужасы» в семье самый подробный из тех, что я услышала, и он настолько велик, что занимает несколько страниц сплошного текста.

Началась эта тема с истории о Надиной маме, которая выгоняла ее зимой на улицу в одних трусах, а после Надя стала вспоминать и о других членах семьи:

У меня, короче, была с родителями не очень такая сладкая жизнь. Потому что они пили, они дрались, и я вот на это все смотрела. И вот только мой папа, например, маму дома бьет. Когда папа мой маму бьет, когда они напьются, я вот так уши затыкаю, бегу, за бабушку прячусь, я говорю: Бабушка! Маму бьет папа! Бабушка подбегает, говорит: ты что, говорит, сын, ты же зачем, говорит, жену свою бьешь? А он говорит: ты не лезь, а то тебе попадет! [...] Он пьяный, опять напился, взял стул и в бабушку, в свою мать, кинул стулом! Бабуш-

ка потом, я говорю: бабушка, давай милицию вызовем! [...] Потом папа придет и на меня начинает кричать, говорит: ты тоже у меня сейчас, молокососка, получишь! Я говорю: ты бабушку мою не имеешь права, говорю, обижать. [...] Короче, я очень много, много-много-много-много в своей жизни плохое пережила, вот. И вот тетя всегда Вере [сотрудница «Первоцвета»] говорит: пожалуйста, говорит, берегите Надю, она очень так плохо пережила, говорит, она, говорит, мама ее была, папа ее бил, говорит, никто, говорит, не любил, кроме меня, но вот берегите ее. Она очень-очень-очень много пережила. А Вера говорит: да, мы верим. [...] И тетя говорит: и похороны она пережила, и вот эту пьянку, говорит, все пережила, молодец, говорит [Надя, январь 2018].

Пик «ужасов» Надя относит к возрасту десяти лет, когда ее из семьи изъяли органы опеки. Несмотря на значительную отдаленность этих событий по отношению к настоящему моменту, Надя легко насыщает свой рассказ подробностями, и перед слушателем постепенно разворачиваются все более и более «ужасные» события: от побоев и пьяных выходов отца Надя переходит к рассказу о том, что вся ее еда в детстве была найдена матерью на помойке, а потом вспоминает, как отец ударил мать ножом в живот и изнасиловал ее старшую сестру. Не имея достаточно лексических средств для создания нужного напряжения, Надя использует повторы и однообразные конструкции, но драматизм повествования создается за счет включения прямой речи и использования настоящего времени.

Несмотря на весь «ужас» происходящего и малый возраст героини, на протяжении всего рассказа Надя заявляет о себе как о действующем субъекте: именно она предлагает вызывать милицию, она защищает бабушку и мать перед отцом. История о домашнем насилии становится способом рассказать о противостоянии ему. И я хочу обратить внимание на пересказанный Надей разговор ее тети и сотрудницы «Первоцвета». Вставляя этот диалог, Надя подсказывает слушателю, как нужно относиться к ее историям – необходимо признать, что она «молодец», и испытать особенное чувство от столкновения с таким уникальным и экстремальным опытом. Постулирование подобной уникальности оказывается общей чертой всех подобных историй, которые мне довелось услышать.

Рассказы о жизни в ДДИ

В интернатной системе мои информанты провели разное время: кто-то несколько лет, а кто-то больше пятнадцати, кто-то сразу попал в ДДИ, кто-то прошел через несколько сиротских учреждений, прежде чем оказаться там. Несмотря на столь разный опыт, практически в каждом интервью мои информанты касались темы «таблеточек», которыми их «пичкали» в детском доме. Разобраться в прагматике таких историй я хочу на примере рассказа Паши:

Укол дадут, укол в жопу, и спать. Потом встаешь, стены одни (смеется). И все. А как там было, как, когда – сам не помнишь. И все. Ну доза вот, доза большая. Я сам раз вот испытал, ну там, побег у меня был с пацанами. У меня мужской блок был, второй этаж. А мы, три часа ночи, короче, побежали. Зима была еще, градусов 15. На шторке, вверх, вниз. Ну нам укол, короче, нам написали. Если спать не хочешь, нам когда укол давали, мы их сразу, ну кто как. Кто может десять раз так (показывает, как отжимается), ну я постоянно

отжимался, еще когда дома жил. Я могу пятьдесят раз, на кулаках могу. И эта вся дурь, вся идет. Дурь. И не спишь сразу [Паша, январь 2018].

История Паши (и многие другие ей подобные) – это история не послушного мальчика, который подчиняется воспитателям, но того, кто противостоит им, проявляет изобретательность и с легкостью справляется с проблемами. Так, через истории о тяготах жизни в детском доме мои информанты выстраивают образ себя как тех, кто действует по своему усмотрению. Поэтому в рассказах они дерутся с обидчиками, совершают побеги, вальяжно курят прямо в своих комнатах, находят водку, варят картошку при помощи самодельных кипятильников и вместе с потом от отжиманий выводят из тела действующее вещество¹.

Эксклюзивный опыт призван не просто шокировать слушателя, но вызывать «уважение»². Исследователь – это подходящая аудитория для таких историй, поскольку сотрудники «Первоцвета» уже не раз их слышали, и я наблюдала, как они осекали моих информантов при попытке рассказать что-то подобное. Оставшись же наедине со мной, информанты получали возможность произвести впечатление своим рассказом и задержать мое внимание на себе. В этом смысле истории о том, как сегодня педагоги помогают им делать ремонт или совершать покупки в магазине, оказываются менее выигрышными, не столь интересными для слушателя, а, кроме того, рассказывая их, мои информанты вынуждены были сообщать о своей не полной самостоятельности и «подконтрольном» положении. В этом плане выбор именно «ужасных» историй для рассказа кажется вполне понятным, они подходят для поддержания интереса собеседника.

Как и в истории Нади, постулируемая уникальность опыта нередко оказывается сопряжена с агентностью, но часть историй, из тех, что я услышала, была передана от лица «жертвы обстоятельств», как, например, в рассказе Нины:

И: Они [воспитатели] по-человечески были какие люди?

Н: Тоже были нехорошие. Тоже били, еду, бывало, отбирали.

И: А за что?!

Н: Ну, есть хотелось, возьмут котлетку, отломают от ребенка и съедят. Это такое все было, да. И приходилось как бы... ну, мы боялись. Пугливые все были. Мы были, как котятки с большими глазами испуганными [Нина, октябрь 2019].

Рассказав сначала о том, как старшие дети били маленьких и ее в том числе, Нина вспомнила и о воспитателях, которые отбирали еду у воспитанников в и без того «голодные годы». Но Нина, в отличие от многих, не рассказывает о мести сотрудникам – об ограбленном складе с продуктами, например. Она стремится показать свою беспомощность. Создавая картину своей незащитности, многие мои информанты вписывали историю своего сиротства в трудное время, которое переживала вся страна. «Голодные девяностые» становятся значимым фоном происходящих событий, подтверждением безнаказанности тех, у кого была власть:

Ну, девяностые, можно сказать, голодные дни прошли, как мы их называем, называли «голодные дни» тогда, когда были ребята наказаны вообще ни за

¹ Девушки, по рассказам, тоже прибегали к различным техникам, позволяющим ввести врачей в заблуждение, например, прятали таблетку под языком.

² Я вижу большое сходство с тем, что описывает исследователь нарративов Стэнтон Уортам, показывая, как информантка поражает исследователя историями своих аборт (Wortham 2001: 122–128).

что. Это, то есть, извиняюсь, тебе по морде ремнем дадут, еще в комнату да без обеда и без завтрака [Егор, январь 2018].

Как детдомовцы девяностых они вспоминали о случаях сексуального насилия и жестокости в детском доме, о пьяных санитарях и воспитателях, о смертях среди и сирот, и сотрудников¹. Все это, по их рассказам, было возможно только в те года «беспредела», охватившего всю страну. Из одного интервью в другое кочевала одна и та же фраза: «мы не жили, мы выживали».

Я решила сбежать. Ну сколько, наверное, неделю погуляла, в [родной город] съездила. В [родной город] съездила, хотела помощи какой-то услышать или, не знаю. А приехала туда – чужой человек [сестра]. И я поняла, что никому каждый человек не нужен. Если ты сам за себя не постоишь, за тебя никто не будет стоять. Вот я сейчас живу, я стою сама за себя. И защищаю своих детей. Я нужна сейчас только ради для своих детей. И дети нуждаются во мне в этом. Больше я никому не нужна... [плачет, всхлипывает 1 минуту] [Кира, январь 2018].

Это тоже история о побеге из детского дома, но, в отличие от сюжета, который мне передал Паша, она рассказана не для того, чтобы показать силу героини и ее противостояние системе. Начав с описания насилия в детском доме (которое я здесь опускаю), Кира переводит рассказ в плоскость настоящих переживаний, которые, в этой логике, оказываются продолжением тех страданий и лишений, которые она терпела в детстве. Многие мои информанты переживали сильные эмоции, рассказывая об ужасах, но Кириным случаем кажется мне особенным.

Во время интервью Кира методично касалась только тех тем, которые должны были вызвать сочувствие, и круг этих тем был действительно многообразен. Это был по-настоящему «грустный рассказ»² «сироты». Она подробно рассказала, какие лишения терпела в детском доме, как ее избивал муж, как она не может собрать деньги на обувь сыну, как ее дом разваливается, и никто не помогает ей с ремонтом. Апофеозом ее рассказа стала сцена плача. В конце интервью Кира недвусмысленно намекала на то, что ей не хватает денег и она будет рада получить их.

По замечанию Маргариты Астоянц, одна из стратегий детей в детских домах – это «жалость на экспорт»: дети используют свою позицию «сироты» для того, чтобы вызывать жалость у тех взрослых, контакт с которыми может принести им определенную выгоду (Астоянц 2006: 61–62). Мои информанты, видимо, должны быть хорошо знакомы с подобной стратегией. Такие тактики саморепрезентации позволяют и бывшим детдомовцам вызывать у слушателей сочувствие и надеяться на получение некоторых благ.

¹ О подобном обращении с детьми в специальных детских домах писали также люди, которые сами прошли через эту систему, однако вопреки обстоятельствам и ошибочно поставленным диагнозам, стали образованными людьми: например, Тамара Черемнова и Рубен Гальего. Особенности этих и других автобиографий людей с инвалидностью проанализированы в работе Елены Носенко-Штейн (Носенко-Штейн 2018). О жестокости персонала замечала и Анна Клепикова, написавшая монографию от лица волонтера специального детского дома-интерната (Клепикова 2018). Насилие и тяготы – то, с чем сталкивались дети в детских домах и в советское время, и в 1990-х, и что происходит и по сей день в некоторых учреждениях.

² Этот термин вводит Ирвинг Гоффман, обозначая один из вариантов рассказа о себе, при которой субъект выбирает исключительно «провальные» сюжеты (Гоффман 2019: 182). Термин «Ужасная история», предложенный Еленой Ярской-Смирновой и который я использую и в другом значении, тоже видится мне удачным для описания этого феномена (Ярская-Смирнова 1997).

Ужасы в ПНИ

Для моих информантов ПНИ – это место, наделенное совсем иным смыслом, нежели детский дом. Если время, отведенное ребенку в ДДИ, имело зримые границы, то попадание в ПНИ означало одно:

С Пылегорского [ДДИ] потом увозят в детский дом взрослый, в ПНИ. И из ПНёв больше никогда не выходишь. Ну, навечно там остаешься, в ПНях, до старости. И в ПНях там и умираешь, там тебя и хоронят [Надя, январь 2018].

Интернат в представлении многих – это место, где человек может оставить любые надежды, более того, это место, где люди исчезают без следа: некоторые мои информанты по несколько раз в течение разговора возвращались к теме интернатских кладбищ, безымянных могил и уничтоженных личных вещей. ПНИ – одно из самых пугающих мест, откуда сложно выбраться, но об одном из способов мне рассказала девушка Вита:

В: Ну связывалась я с Митей. Вот. А он уже здесь был. И я ему сказала, что я хочу в Пылегорск [В «Первоцвет»]. Ну он меня услышал, я попросила номер [руководителя НКО]. Ну получилось все как, ну, у нас там такое, что вот дают таблетки.

И: В ПНИ?

В: Да, всякие таблетки, психотропные, конечно. Это не выдержишь. Ну не только я, и другие не выдержали бы, конечно. Вот. И каждый любой другой тоже так же хочет уехать, как вот уехала я. Вот. Ну я потом стала созваниваться с Лидией Алексеевной [руководитель НКО], говорить, что я вот хочу очень сюда. Рассказала всю свою проблему, ну что давали таблетки, вот это вот все.

И: А тебе много давали таблеток?

В: Ну давали мне таблеток, ну вот как сказать. Сонапакс, фенотропом там, потом, что давали, этот, унилептил, там еще какие-то называется. Даже доходило такое, даже, что, ну, вот как смертельные уколы колят. То есть мне пытались тоже это сделать. Но я избегала всякими видами [Вита, январь 2018].

Иначе говоря, после серии звонков Вита добила того, чтобы «Первоцвет» помог ей выйти из интерната, и сейчас она живет в одной из квартир сопровождаемого проживания. Она считает, что все удалось, благодаря ее настойчивому рассказу о таблетках¹. Сам Митя, к которому она обратилась, покинул ПНИ примерно тем же способом. Сначала он звонил сотрудникам «Первоцвета», рассказывая о таблетках, а потом и вовсе сообщил им, что больше не может так жить и собирается повеситься. Насколько я знаю, это не единственные случаи, когда люди выходили из интерната таким образом.

Бывшие подопечные сравнивали ПНИ с тюрьмой и подчеркивали свой статус бесправных заложников. Если из детского дома можно было сбежать на пару часов ради веселья, то рассказ о побеге или выходе из ПНИ – это история обретения настоящей «свободы» и «дееспособности»². Я предполагаю, что подобная риторика могла появиться вследствие контакта с сотрудниками «Первоцвета», которые занимались

¹ О назначении психотропных препаратов проживающим в ПНИ, а также об их частой отправке в психиатрические больницы замечала в своей книге Анна Клепикова (Клепикова 2018: 260–264).

² Категория крайне важная для людей, находящихся в психоневрологическом интернате.

выводом людей из интернатов. Вероятно, активистский дискурс влиял на то, какие варианты саморепрезентации складывались у жителей ПНИ и на их риторические стратегии. Рассказы о таблетках – как раз подходящий пример.

Вместе с тем, если роль «слабого», нуждающегося в помощи человека, для Виты оказывается приемлема, то для Мити нет. И в другом месте своего рассказа он упоминал о других аспектах жизни в ПНИ. Так, он заметил, что в интернате копал «аккумуляторные» ямы для могил и защищал стариков от руководства интерната, создавая образ человека, который видал жизнь не понаслышке. В том же ключе стоит интерпретировать историю о том, как он со своим товарищем Русланом тратил «миллион» (сиротские накопления), катаясь из интерната на такси в ночные клубы. Другой информант – Демид – своему бесправию в ПНИ противопоставлял историю о том, как он запустил в лицо директора интерната камнем за то, что тот воровал его деньги. Таким образом, часть историй о жизни в ПНИ рассказывались мне зачастую, чтобы показать, что и в то тяжелое время мои информанты с невероятной изобретательностью развлекали себя, стараясь избежать наказания. В данном случае, это уже не истории, призванные вызвать жалость, но рассказы о свободе действия и агентности.

Заключение

Нынешняя жизнь моих информантов не содержит в себе большого числа событий: она подчинена скучной и малопримечательной рутине. Познакомившись со мной и увидев, что я проявляю интерес к историям об ужасной действительности интернатов и неблагополучных семей, мои информанты получили возможность продемонстрировать свои умения в создании захватывающих историй. Сами же умения, как я полагаю, они обрели значительно раньше, поскольку истории про детский дом, насилие в семье и в ПНИ должны были пользоваться спросом как у других подопечных этих учреждений, так и у волонтеров и сотрудников НКО, которые хотели их вызволить оттуда.

У моих информантов есть разные сюжеты в арсенале, чтобы создать интересную историю для человека, который ничего не смыслит в интернатской жизни и которому можно «повесить любую лапшу на уши», как, впрочем, рассказать и о действительно имевшем место опыте. Самое любопытное в этом сюжете, пожалуй, то, что некоторые информанты, не имея собственных ужасных историй, но понимая, как они работают и какой эффект вызывают, использовали «чужие», вплетая их в свой рассказ.

Однако спустя некоторое время, когда мои отношения с информантами стали ближе и теснее, тема насилия и «ужасов» почти перестала всплывать в наших разговорах, как, кстати, и многие другие, призванные меня шокировать, рассказы. Как-то раз я даже специально напомнила моему главному информанту Мите его первые истории, он удивился и признался, что тогда старался произвести впечатление. Таким образом, «ужасные истории» – это истории для «новичков», для тех, у кого можно вызвать любопытство таким способом.

Помимо возможности вызвать интерес и другие эмоции у слушателя, у «ужасных историй» есть другое не менее важное значение. Пересказывая мне эти сюжеты, мои информанты обнаруживали основу своей нынешней самостоятельности: уже в то время, когда они были, казалось бы, беззащитны, они сами принимали решения, были умнее, чем обидчики, и могли делать то, что им хочется. Так, мои информанты, сейчас находящиеся не в самом «свободном» положении опекаемых, стремились показать себя вершителями своей судьбы, поэтому «ужасные» истории – это также рассказы о заро-

ждении субъектности и агентности, и поэтому ценны и значимы для моих информантов.

Научная литература

- Алтухова А.Н.* Идиллия дома в деревне: Сельские поселения для людей с интеллектуальной инвалидностью // Обратная сторона луны или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ООО «МБА», 2018. С. 323–355.
- Алтухова А.Н.* Интеллектуальная инвалидность и болезнь в условиях сопровождаемого проживания // Антропологический форум, 2018. № . 37. С. 120–148.
- Астоянц М.С.* Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения. Опыт включенного наблюдения // Социологические исследования, 2006. № 3. С. 54–63.
- Беккер Г.* Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Москва: Элементарные формы, 2018. 272 с.
- Бреева Е.Б.* Социальное сиротство. Опыт социологического обследования // Социологические исследования, 2004. № 4. С. 44–50.
- Гоффман Э.* Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. Москва: Элементарные формы, 2019. 464 с.
- Дементьева И.Ф.* Факторы риска современного детства // Социологические исследования, 2011. № 10. С. 108–114.
- Келли К.* Дети государства, 1935-1953 // Неприкосновенный запас. Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/kk5-pr.html> (дата обращения: 11.08.2020).
- Клепикова А.* Наверно я дурак: антропологический роман. СПб.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2018.
- Матюшева Т.Н.* Правовое регулирование образования детей-сирот, детей-инвалидов и детей с девиантным поведением в дореволюционной России и в СССР // Современное право, 2010. № 6. С. 147–151.
- Носенко-Штейн Е.Э.* Опыт другой жизни: саморепрезентация людей с ограниченными возможностями здоровья в автобиографиях // Обратная сторона луны или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ООО «МБА», 2018. С. 95–126.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал, 1997. № 3. С. 38–61.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Тенер Г.А., Грек Н.В.* Брошенные дети: проблемы профилактики раннего социального сиротства // Женщина в российском обществе, 2008. № . 3. С. 1–15.
- Bilson A., Markova G.* But you should see their families: Preventing child abandonment and promoting // Social Work & Social Sciences Review, 2007. Vol. 12. No. 3. Pp. 57–78.
- Cox C.* Research, reform and new hope for russian orphans and abandoned children. Trajectories of Despair: Misdiagnosis and Maltreatment of Soviet Orphans // Criminal Behaviour and Mental Health, 1997. Vol. 7. No. 2. Pp. 111–116.
- De Fina A., Georgakopoulou A.* Analyzing narrative: Discourse and sociolinguistic perspectives. Cambridge University Press, 2011. 240 p.
- Dunn E.* The Disabled in Russia in the 1990s // Russia's Torn Safety Nets. Palgrave Macmillan US, 2000. Pp. 153–171.
- Elliott M.R.* Russian Children at Risk // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe, 2008. Vol. 28. No. 3. P. 1-26.
- Langellier K.M.* You're marked. Breast cancer, tattoo and the narrative performance of identity // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture, 2001. Pp. 145–184.
- Nirje B.* I – the Normalization Principle – Implications and Comments // The Journal of Mental Subnormality, 1970. Vol. 16. No. 31. Pp. 62–70.

- Riessman C.K. Analysis of personal narratives // Qualitative research in social work. Boston University, 2000. Pp. 168–191.
- Riessman C.K. Even If We Don't Have Children [We] Can Live // Narrative and the cultural construction of illness and healing. University of California Press, 2000. Pp. 128–152.
- Rockhill E.K. Lost to the state: Family discontinuity, social orphanhood and residential care in the Russian Far East. Berghahn Books, 2010. 336 p.
- Schmidt V. Orphan care in Russia // Social Work & Society, 2009. Vol. 7. No. 1. Pp. 58–69.
- Scheff T.J. Being Mentally Ill: A Sociological Theory. Chicago: Aldine, 1966.
- Wortham S.E.F. Narratives in action: A strategy for research and analysis. Teachers College Press, 2001.

Altuhova, Anna.N.*

«Horrible Stories»: Memories of Former Pupils of a Boarding School for Children with Mental Retardation about their Childhood

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/61-73

The article is devoted to the specific narrative genre “horrible stories” which is used by deinstitutionalized adults with learning disabilities. Most of the stories revolve around several common «traumatic» subjects which can be divided into two groups: horrible life in the family before institutionalization and gruesome life inside the institution (orphanages for children and adults). In this paper I analyze these narratives to show how, in the context of an interview, which reveals extremely different social statuses of its participants, these adults reconstruct their «traumatic» past and build their identities using a special narrative strategy – the demonstration of extremely extraordinary experiences. The purpose of this strategy is to arouse listener’s interest, respect, or empathy and it is a way to ask for help or some benefit, on the other hand this strategy allows them to declare their own agency by demonstrating intensive efforts to defend their subjectivity back in childhood.

Keywords: intellectual disability, narrative analysis, horrible stories, orphans

For Citation: Altuhova, A.N.. 2021. “Horrible Stories”: Memories of Former Pupils of a Boarding School for Children with Mental Retardation about their Childhood. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 61–73.

*Altuhova, Anna N. – associate research fellow, European University in Saint-Petersburg (Saint-Petersburg, RF). E-mail: ann.tract@gmail.com

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063)

References

- Altukhova, A. 2018. Idilliia doma v derevne: Sel'skie poseleniia dlia liudei s intellektual'noi invalidnost'iu [The rural idyll: intellectual disability in the context of rural community group homes]. In: *Obratnaia storona luny ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Shtein, 323–355. Moscow: OOO “MBA”.
- Altukhova, A.N. 2018. Intellektual'naia invalidnost' i bolezni v usloviakh soprovozhdaemogo prozhivaniia [Intellectual disability and illness: the case of community care in group homes]. *Antropologicheskii forum* 37: 120–148.
- Astoians, M.S. 2006. Deti-siroty: analiz zhiznennykh praktik v usloviakh internatnogo uchrezhdeniia. Opyt vkluchennogo nabludeniia [Orphan children: An analysis of life practices under conditions of a boarding institution]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 3: 54–63.
- Becker, H. 2018. *Autsaidery: issledovaniia po sotsiologii deviantnosti* [Outsiders: studies in the sociology of deviance]. Moscow: Elementar nye formy.

- Bilson, A., Markova, G. 2007. But you should see their families: Preventing child abandonment and promoting. *Social Work & Social Sciences Review* 12 (3): 57–78.
- Breeva, E.B. 2004. Sotsial'noe sirotstvo. Opyt sotsiologicheskogo obsledovaniia [Social orphans: Sociological study]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 4: 44–50.
- Cox, C. 1997. Research, reform and new hope for russian orphans and abandoned children. Trajectories of Despair: Misdiagnosis and Maltreatment of Soviet Orphans. *Criminal Behaviour and Mental Health* 7 (2): 111–116.
- De Fina, A., Georgakopoulou, A. 2011. *Analyzing narrative: Discourse and sociolinguistic perspectives*. Cambridge University Press.
- Dement'eva, I.F. 2011. Faktory riska sovremennogo detstva [The risk factor of modern childhood]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 10: 108–114.
- Dunn, E. 2000. The Disabled in Russia in the 1990s. In: *Russia's Torn Safety Nets*, Palgrave Macmillan US, 153–171.
- Elliott, M.R. 2008. Russian Children at Risk. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe* 28 (3): 1–26.
- Goffman, E. 2019. *Total'nye instituty: ocherki o sotsial'noi situatsii psikhicheski bol'nykh patsientov i prochikh postoial'tsev zakrytykh uchrezhdenii* [Total institutions: essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of privat institutions]. Moscow: Elementarnye formy.
- Iarskaia-Smirnova, E.R. 1997. Narrativnyi analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 3: 38–61.
- Iarskaia-Smirnova E.R., Teper G.A., Grek N.V. 2008. Broshennye deti: problemy profilaktiki ranego sotsial'nogo sirotstva [Abandoned children: problems of preventing early social orphanhood]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* 3: 1–15.
- Kelli, K. 2008. Deti gosudarstva, 1935–1953 [Children of the state, 1935–1953]. *Neprikosnovennyi zapas*. <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/kk5-pr.html>.
- Klepikova, A. 2018. *Naverno ia durak: antropologicheskii roman* [I'm probably an idiot: anthropological novel]. Saint-Peterburg: Avtonomnaia nekommercheskaia obrazovatel'naia organizatsiia vysshego obrazovaniia "Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge".
- Langellier, K.M. 2001. You're marked. Breast cancer, tattoo and the narrative performance of identity. In *Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*, edited by Brockmeier, Jens and Carbaugh, Donald, 145–184.
- Matusheva, T.N. 2010. Pravovoe regulirovanie obrazovaniia detei-sirot, detei-invalidov i detei s deviantnym povedeniem v dorevoliutsionnoi Rossii i v SSSR [Legal regulation of education for orphans, disabled children and children with deviant behavior in pre-revolutionary Russia and the USSR]. *Sovremennoe pravo* 6: 147–151.
- Nirje, B. 1970. I – the Normalization Principle – Implications and Comments. *The Journal of Mental Subnormality* 16 (31): 62–70.
- Nosenko-Shtein, E.E. 2018. Opyt drugoi zhizni: samoreprezentatsiia liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia v avtobiografiakh [Another life experience: self-representation of people with disabilities in autobiographies]. In: *Obratnaia storona luny ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Shtein, 95–126. M.: OOO "MBA".
- Riessman, C.K. 2000. Analysis of personal narratives. In: *Qualitative research in social work*, Boston University, 168–191.
- Riessman, C.K. 2000. Even If We Don't Have Children [We] Can Live. In: *Narrative and the cultural construction of illness and healing*. University of California Press, 128–152.
- Rockhill, E.K. 2010. *Lost to the state: Family discontinuity, social orphanhood and residential care in the Russian Far East*. Berghahn Books.
- Scheff, T.J. 1966. *Being Mentally Ill: A Sociological Theory*. Chicago: Aldine.
- Schmidt, V. 2009. Orphan care in Russia. *Social Work & Society* 7 (1): 58–69.
- Worham, S.E.F. 2001. *Narratives in action: A strategy for research and analysis*. Teachers College Press.

МАТЕРИНСТВО С РЕБЕНКОМ-ИНВАЛИДОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТЕРЕОТИПЫ, РИСКИ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ*

В статье на основе публицистических данных и полевого материала, собранного автором среди городского и сельского населения Архангельской области в 2011–2020 гг., исследуется комплекс проблем, с которыми сталкивается семья, воспитывающая ребенка с инвалидностью. Большое внимание в исследовании уделено роли родителей, особенно матери, т.к. семьи, в которых живут дети с нарушениями развития, часто бывают неполными, с одинокими матерями. В таком случае все проблемы по уходу, лечению, воспитанию, реабилитации ребенка, а также зарабатыванию денег берет на себя мать. Она же находится в многолетнем постоянном стрессе. Деквалификация, депрофессионализация, ухудшение здоровья существенно отражаются на качестве жизни матери, воспитывающей ребенка-инвалида. Социальные гарантии и денежная помощь, предлагаемые государством, лишь частично компенсируют экономические расходы, которые несут подобные семьи. Проблемы часто носят внутрисемейный характер. В статье проанализированы общественное мнение людей, работа социальных и реабилитационных служб, СМИ.

Ключевые слова: семья, материнство, ребенок-инвалид, Архангельская область

Ссылка при цитировании: Фролова А.В. Материнство с ребенком-инвалидом в современной России: стереотипы, риски, общественное мнение // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 75–79.

Феномен материнства неоднократно рассматривался и изучался многими учеными (Кон 1988, Мид 1989, Пушкарева 2000, Пушкарева 2001). В понятие материнства человек издревле вкладывал особый сакральный смысл, связывая с ним продолжение и процветание своего рода. Естественно, что все надежды и чаяния возлагались на рождение здорового ребенка. Рождение же больного ребенка особенно в христианской традиции связывалось с понятиями родового греха, виновностью и искуплением.

Необходимо отметить, что по всей России последнее время увеличивается число детей-инвалидов, только за последние пять лет оно выросло на 9,2%, эта же цифра в целом справедлива и для Архангельского региона. По данным Минздрава РФ в 2009 и 2010 г. число детей-инвалидов в России оставалась практически без изменений – 495,37 и 495,33 тысяч соответственно, но уже в 2012 г. цифра возросла до

Фролова Александра Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: alexnauka@ Rambler.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00063А «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ»

Рис. 1. Информационно-статистические данные о детях-инвалидах в Архангельской обл.

инвалидности у детей, отмечают болезни нервной системы, из них треть – детский церебральный паралич. Сейчас, например, много детей с аутизмом, сахарным диабетом, на высоком уровне остаётся инвалидность от врождённых патологий (больше в подростковой группе). Численность по возрастным группам: до 3-х лет – 442 ребенка, что составляет 9,41 %, от 4 до 7 лет – 1054 чел. (22,44 %), от 8 до 14 лет – 2234 чел. (47,57 %), от 15-17 лет – 966 (20,57 %) (ФГИС ФРИ 2020). Увеличение числа детей с инвалидностью за последние годы, вероятно, связано не с ухудшением экологических показателей окружающей среды, а с тем, что в стране с 2012 г. реализуется программа ВОЗ по выхаживанию всех недоношенных детей, многие из которых, из-за низкого уровня развития региональной медицины и обеспечения населения внутренними медицинскими услугами, впоследствии становятся инвалидами.

Конечно же рождение ребенка-инвалида меняет всю жизнь семьи, создавая дополнительные нагрузки для каждого его члена. И как бы позитивны ни были родители в описании своих жизненных ситуаций, известно, что присутствие в семье ребенка с нарушениями развития вносит специфическую окраску в динамику семейных отношений, снижая качество жизни и уровень благополучия.

К сожалению, в нашей реальной жизни, как правило, большинство из таких семей являются неполными и чаще с одним из родителей – матерью. Основываясь на моем материале отмечу, что подавляющее большинство мужчин уходит из таких семей и, как правило, мало помогают материально. Все проблемы по уходу, лечению воспитанию, реабилитации ребенка и зарабатыванию денег берет на себя мать, она же на-

510,9 тысяч. Рост числа детей-инвалидов отмечался также и в последующие годы: в 2013 – 521,6 тыс., в 2014 – 540,8 тыс. (Мякишин 2015).

В Архангельске больше всего выявляется детей с инвалидностью в категории инвалид детства, кому устанавливается инвалидность до 18 лет. В 2015 г. была выявлена инвалидность впервые у 590 детей, в 2016 г. уже у 648. Всего в 2016 г. категория ребенок-инвалид была установлена 2063 детям, в 2017 г. их стало еще больше – 2549. На июнь 2020 г. в Архангельской области насчитывалось 4696 детей с ОВЗ. Из них мальчиков – 2633 (56,07 %), девочек 2063 (43,93 %) (Рис. 1). Доля детей-инвалидов в общем числе людей с инвалидностью (их в Архангельской области 89776 чел.) небольшая – 5,23 % (ФГИС ФРИ 2020).

В наши дни меняется и характер инвалидности. Среди заболеваний, обусловивших возникновения ин-

ходится в многолетнем постоянном стрессе. Как правило многие из матерей теряют постоянную работу. Именно мама вынуждена часто менять или искать работу, нуждается в скользящем графике, занятости на неполное время, возможности осуществлять работу в домашних условиях или прибегать к другим формам занятости. Деквалификация, депрофессионализация, ухудшение здоровья существенно отражаются на качестве жизни матери. Проблемы часто носят внутрисемейный характер.

Если в СМИ говорят о проблемах, связанных с воспитанием ребенка-инвалида только в положительном ключе, то общественное мнение окружающих людей, соседей, знакомых в большей степени бывает скептически негативным. Практически каждая мать, воспитывающая ребенка-инвалида сталкивалась с людьми, как правило, более старшего возраста, которые задавали откровенно негативные и даже провокационные вопросы: «Зачем тебе это нужно? Не может родить здорового? В старости что делать будешь?» (ПМА 1). Многим из числа моих информаторов такие вопросы задавали близкие друзья, родственники, даже их собственные матери. Многие осуждали принятое решение: «Ты гробишь свою жизнь, плодишь нищету» (ПМА 2).

Мамы, взявшие на себя ответственность по воспитанию ребенка с ОВЗ, испытывают не только многолетний психоэмоциональный стресс, у женщины меняется весь круг общения, часто рушится «мир вокруг нее». Многие отмечали, что находятся постоянно в изоляции. В подобных ситуациях именно родителям нужна реабилитационная и психологическая помощь, даже в большей степени, чем ребенку-инвалиду.

Необходимо сказать, что на ситуацию накладываются и сильные общественные стереотипы. Севернорусское население Архангельской области в большей степени консервативное, патриархальное и православное общество, чем принято думать. До сих пор многие воспринимают рождение ребенка позитивно, только если в семье появляется здоровое, жизнестойкое дитя, что естественно, отражает ожидание светлого, счастливого будущего для всей семьи. Рождение же больного ребенка воспринимается не только как большое личное горе, но и как семейные проблемы, поражение личных отношений, крах карьеры. В народной православной традиции рождение больного ребенка связывалось в первую очередь с виной, греховностью матери, ее неправильным поведением во время беременности (Фролова 2018: 28–29).

Характерной особенностью таких семей является экономическое и социальное пополнение капитала за счет ресурсов родственников, в основном бабушек и дедушек. Старшее поколение и социальные связи с ним в нашей стране по праву занимает в семейной жизни ведущее место, особенно в сельской местности. Заботясь о внуках, бабушки и дедушки помогают и своим взрослым детям. Они испытывают сильные чувства ответственности и обязательства, делают все от них зависящее для выздоровления внуков. Современный семейный капитал во многом складывается на основе пенсий бабушек. Если говорить о содержании социальных связей старшего поколения со своими внуками, то в первую очередь выделю самопожертвование, затем сдерживание своих эмоций. В советское время и в 1990-е годы, в бытность наших родителей, таких детей старались меньше показывать посторонним, не обсуждали эти проблемы с соседями, не желая выносить сор из избы». Но одинаково и в прошлом и в наши дни, делали все для спасения, исцеления ребенка. Практическая каждая из бабушек (мам – А.Ф.) моих информаторов обращалась к традиционным народным средствам лечения ребенка, искала знахарей или сильных *знающих* в деревнях, ездила в монастыри, ходила по церквям. Для исцеления больных де-

Рис. 2 Антониево-Сийский монастырь, 2020
(фото А.В. Фроловой)

тей в Архангельской области особенно действенным считается паломничество в Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь (ПМА 3) (Рис. 2)

И матери, и бабушки, воспитывающие ребенка с ОВЗ стали активно осваивать пространства интернета. Они образуют группы в соцсетях, чаще всего в ВКонтакте, открывают странички в Инстаграм, сплачивая вокруг себя неравнодушных людей. Они не только ищут помощь, организуют сбор средств для своих детей, но также помогают в ответ таким же семьям в сложных ситуациях.

К сожалению, проблема бедности в семьях, воспитывающих детей с нарушениями развития, на сегодняшний день весьма актуальна. Бесспорно, это следствие экономической стратификации и социально-культурного неравенства в нашем обществе. Инвалидность, равно как гендер, класс и этничность, играет значимую роль в социально-экономическом устройстве общества, и ее необходимо учитывать при анализе факторов, приводящих к бедности. Семьи, где воспитывается ребенок с нарушениями развития, социокультурное неравенство осознают через призму социальных связей семьи и ребенка с обществом. Отражая господствующие в обществе нормы отношения к «слабым, бесправным», а именно так и определяется инвалидность и все что с ней связано, социальное неравенство закрепляется в модели социального исключения. С возрастанием экономической нестабильности в обществе, что сказывается на семьях с детьми, семьи с детьми с нарушениями развития оказываются «вдвойне бедными» (Калинникова 2013: 127). Социальные гарантии и монетизация, предлагаемые государством, лишь частично компенсируют экономические расходы, которые семья вынуждена нести, воспитывая ребенка-инвалида. Необходимо отметить, что для Архангельской области действуют северные коэффициенты (1,2 и 1,4) и пенсии здесь немного выше, так, например, если в районах центральной России пенсия инвалидов с детства 1 группы – 13 454,64 руб. в месяц, то в Архангельской области она будет 16 145,56 и 18 836,5 руб. Для сравнения, средний размер страховой пенсии по инвалидности у взрослого на 1.07.2020 года в Архангельской области составляет 11 825,42 руб. (ПФРФ).

Инвалидность – экономически невыгодное явление. Неравенство жизненных перспектив для таких семей и их детей влечет за собой опасную тенденцию безуспешных попыток совладания-борьбы с бедностью. Низкие заработные платы, дешевый труд, экономическая неопределенность, с одной стороны, и большие дополнительные расходы семьи из-за отсутствия развитой социальной инфраструктуры для их детей и адекватных реабилитационных практик, с другой стороны, создают неравные условия для членов таких семей на рынке труда. Все это составляет условия неравенства жизненных перспектив на длительное время и становится источником воспроизводства бедности в будущих поколениях.

Конечно же, в последние годы многое делается для улучшения положения таких семей и реабилитации детей-инвалидов. В настоящее время в Архангельске функциони-

руют 5 муниципальных учреждений, оказывающих социально-экономическую помощь семьям и детям. «Центр социальной помощи семье и детям» был открыт еще в 1997 году, с 1999 года начали действовать его филиалы в центре города и в Северном округе. Для реабилитации детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата функционирует МУ «Опорно-экспериментальный реабилитационный центр для детей с ограниченными возможностями», который активно работает по проектам НКО «Гарант». Ежедневно 70 детей проходят комплексную реабилитацию на базе учреждения и более 100 детей – через социальный патронаж (Кокоянина 2006: 88–90).

Активно работают общественные организации, которые создавались самими матерями, воспитывающими детей-инвалидов. Среди них: РООРДИ «Благодая» – организация родителей детей с ОВЗ, (Рис. 3,4) Коррекционный центр «Азимут» – Центр помощи семьям, воспитывающим детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, «Другая сторона» – Центр реабилитации и социальной адаптации для детей дошкольного возраста (РАС, ЗПР) МОСТ – региональная общественная организация социальной реабилитации, Клуб «Добряков», Общество помощи аутичным детям «Ангел» и др.

«Маленькими шажками, но мир меняется!» – как сказала Надежда Слепцова, председатель РООРДИ «Благодая». «Мы пережили сами трудные ситуации и готовы помогать, делиться. Сейчас основной проблемой мы считаем то, что город недоступен для инвалидов. Доступные площадки, доступная среда закрыты для нас. Нет лифтов, на второй этаж подняться невозможно». Есть сдвиги в лучшую сторону. Существует дорожная карта по доступной среде в городе. Делают пандусы, есть изменения, общество разворачивается в сторону людей с ОВЗ (МПА 4).

Еще много нерешенных проблем, однако, как говорят мои информаторы: «Сейчас изменилось отношение к детям-инвалидам. Если в начале 90-х годов они считались изгоями, их сторонились, их скрывали дома, особенно даунов (т.е. детей с синдромом Дауна – А.Ф.), то сейчас все открыто, их стараются реабилитировать, вводить в общество. Наоборот, стараются помочь, особенно молодежь, студенты...» (ПМА 5).

Комплекс проблем, с которыми сталкивается семья, воспитывающая ребенка с инвалидностью, огромен. На первый план выходят даже не экономические и медицинские, а психологические сложности. Решение проблем затрудняется пассивностью административных структур. Необходима практическая семейная и психологическая

Рис. 3. Рисунки детей, воспитанников РООРДИ «Благодая».

Рис. 4. Журнал РООРДИ «Благодая».

терапия, в первую очередь для мам детей с ОВЗ. Важен тот факт, что в нашем обществе меняется отношение и к таким семьям и главное к нетипичным детям. Уходят элементы стигматизации особенно в городской среде, избегания подобных семей.

Анализ полевого материала показывает, что в современном обществе продолжают бытовать традиционные представления и сильны суеверия о рождении больных детей, которые основаны на православных постулатах. Жизнестойкость этих элементов соционормативной культуры севернорусского населения поддерживается женщинами старшего поколения.

Источники и материалы

Мякишин 2015 – Мякишин Н. Новости Архангельска. 17.06.15 (URL -https://www.news29.ru/novosti/obschestvo/V_Pomore_rastjot_chislo_detej_s_ogranichennymi_vozmozhnostjami_zdorovja/44203/).

ПМА1 – Полевые материалы автора. Экспедиции 2016-2019, Архангельск, Северодвинск, Холмогоры, Вельск.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиции 2018-2020 Архангельск, Северодвинск.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиции 2011, 2014, 2016-2020 гг.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция 2020 г. Записано от Слепцовой Н.Г., зам. директора Ресурсного центра инклюзивного образования САФУ, председателя РООРДИ «Благодая». Архангельск.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция 2020 г. Записано от Тучиной О.А., 1978 г.р. Архангельск.

ПФРФ – URL-<http://www.pfrf.ru/knopki/zhizn/~4543>.

ФГИС ФРИ 2020 – Федеральная государственная информационная система, федеральный реестр инвалидов 2020 (URL- <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-polu?territory=undefined>).

Научная литература

Калинникова Л.В. «Бедные вдвойне»: человеческие и семейные ресурсы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013, № 6. С. 126–133

Кокорянина Н.И. Организация социальной работы с семьей и детьми в Архангельске // Положение семьи в Архангельской области: информационно-аналитические материалы / Ком. по делам женщин, семьи и молодежи администрации Арханг. обл. [и др. ; редкол. : Е.А. Вторьгина и др.] Архангельск, 2006. С. 85–94; Архангельский многопрофильный реабилитационный центр. <https://centr.arkh.socinfo.ru/requirements>.

Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Педагогика, 1988.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1989.

Пушкарева Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // *Женщина в российском обществе*, 2000. № 1. С. 9–24.

Пушкарева Н.Л. Отечественные исследования по социологии, истории и этнологии материнства // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 5. С. 91–101.

Фролова А.В. Антропология инвалидности в культуре материнства и детства (по материалам Архангельского Севера) // *Этнографическое обозрение*, 2018. № 1. С. 28–35.

Frolova, Alexandra V.*

Motherhood with a Disabled Child in Modern Russia: Stereotypes, Risks, Public Opinion

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/75-79

The article analyzes the complex of problems faced by a family raising a child with disabilities, based on the author's journalistic and field material, collected among the urban and rural population of the Arkhangelsk region in 2011–2020. The study puts a special emphasis on the role of parents, especially the mother, because single-parent families and single mothers are especially common among families having children with developmental disabilities. All problems related to the care, treatment, education, rehabilitation of a child and earning money are taken over by the mother, who suffers constant stress for many years. Dequalification, deprofessionalization, deterioration of health significantly affect the quality of life of a mother raising a disabled child. Social guarantees and financial assistance offered by the state only partially compensate for the economic costs incurred by families raising a disabled child. Problems are often family-based. The article analyzes the work of social and rehabilitation services, mass media, public opinion of people on such families.

Key words: family, motherhood, disabled child, Arkhangelsk region

For Citation: Frolova, A.V. 2021. Motherhood with a Disabled Child in Modern Russia: Stereotypes, Risks, Public Opinion. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 75–79.

* **Frolova, Alexandra V.** – PhD in hist., Senior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, RF). E-mail: alexnauka@rambler.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063A)

References

- Kalinnikova, L.V. 2013. “Bednye vdvoine”: chelovecheskie i semeinye resursy [“Doubly Poor”: Human and Family Resources]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* 6: 126–133.
- Kokoianina, N.I. 2006. Organizatsiia sotsial'noi raboty s sem'ei i det'mi v Arkhangel'ske [Organization of social work with family and children in Arkhangelsk]. In: *Polozhenie sem'i v Arkhangel'skoi oblasti: informatsionno-analiticheskie materialy* [The situation of the family in the Arkhangelsk region: information and analytical materials], edited by E.A. Vtorygina, 85–94. Arkhangel'sk: Kom. po delam zhenshchin, sem'i i molodezhi administratsii Arkhang. obl.; Arkhangel'skii mnogoprofil'nyi reabilitatsionnyi tsentr (URL-<https://centr.arkh.socinfo.ru/requiments>).
- Kon, I.S. 1988. *Rebenok i obshchestvo* [Child and society]. Moscow: Pedagogika.
- Mid, M. 1989. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka.
- Pushkareva, N.L. 2000. Materinstvo kak sotsial'no-istoricheskii fenomen (obzor zarubezhnykh issledovaniy po istorii evropeiskogo materinstva) [Motherhood as a socio-historical phenomenon (review of foreign studies on the history of European motherhood)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* 1: 9–24.
- Pushkareva, N.L. 2001. Otechestvennyye issledovaniia po sotsiologii, istorii i etnologii materinstva [Domestic studies on sociology, history and ethnology of motherhood]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 91–101.
- Frolova, A.V. 2018. Antropologiya invalidnosti v kul'ture materinstva i detstva (po materialam Arkhangel'skogo Severa) [Anthropology of disability in the culture of motherhood and childhood (based on materials from the Arkhangelsk North)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 28–35.

САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В КАЗАХСТАНЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ*

В статье на примере Республики Казахстан (РК) рассматриваются особенности инвалидности как социального феномена. Поскольку подобные задачи решаются впервые на казахстанском материале, то на первом этапе исследования автор только сравнивает специфические черты саморепрезентации людей с особенностями развития в Казахстане и в России, где этот вопрос достаточно хорошо изучен. Эмпирической базой исследования служат глубинные интервью жителей Алматы, Уральска и Шымкента (РК) – в условиях карантина из-за пандемии интервью были проведены по телефону в апреле–мае 2020 г. Предварительно автор рассматривает социально-демографические характеристики людей с инвалидностью в двух странах и проводит на этом фоне сравнение черт саморепрезентации инвалидов в Казахстане и России. Выявлены как те, что оказываются очень сходными между собой, так и заметно отличающиеся. В основе сходства, скорее всего, лежит общность истории становления системы поддержки людей с инвалидностью и формирующейся вокруг них социальной атмосферы во всех постсоветских странах. Базой для выявленных на первом этапе исследования различий является, вероятнее всего, неодинаковая роль этнической и конфессиональной принадлежности в доминирующем дискурсе, в сфере политики и идеологии.

Ключевые слова: *Казахстан, Россия, инвалидность, культурный контекст, саморепрезентация*

Ссылка при цитировании: *Савин И.С. Саморепрезентация людей с инвалидностью в Казахстане: общее и особенное // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 80–90.*

Инвалидность как феномен не столько медицинский, сколько социальный сегодня все чаще становится объектом исследования по всему миру. Не останавливаясь специально на анализе существующих подходов², все-таки отметим, что некоторые из них описывают инвалидность как «характеристику общества и среды, которая ограничивает возможности, а не человеческое тело» (цит. по: *Ендальцева* 2018: 52). Более того, вполне уже сложилось устойчивое представление о том, что инвалидность есть «продукт специфических культурных условий» и «продукт развития общества в определенном культурном контексте» (Там же).

Савин Игорь Сергеевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка 12, Россия), Эл. почта: savigsa@inbox.ru

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-0063А «Инвалидность как социокультурный феномен См., напр., вступительную статью Е.Э. Носенко-Штейн и статьи А.С. Курленковой и А.С. Ендальцевой в коллективной монографии «Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики».

В изучении социальных аспектов этого феномена не остались в стороне и специалисты, работающие на постсоветском пространстве. В частности, о том, что инвалидность – это «социальный конструкт, результат социальных договоренностей, причем смысл этого понятия варьирует в зависимости от культурных традиций, социальных условий, статусных различий и пр.», писала известный российский социолог Е.Р. Ярская-Смирнова (цит. по: *Носенко-Штейн* 2017: 194). Еще более определенно высказывается об этом Е.Э. Носенко-Штейн, по ее мнению, «люди с инвалидностью обладают не только специфическими особенностями и потребностями, но и возможностями, которые определяются культурным контекстом, существующим в конкретном обществе» (*Носенко-Штейн* 2018: 8).

В данной статье, пилотной по своему характеру, предполагается в рамках социально-антропологического и кросс-культурного подходов рассмотреть специфику саморепрезентации людей с особенностями развития в Казахстане. «Пилотность» статьи обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, автором на основании глубинных интервью анализируются только специфические черты саморепрезентации людей с ОВЗ, что является лишь частью более общей задачи по выявлению доминирующих в социуме тенденций отношения к инвалидности и ее носителям. Поскольку первый этап исследования в 2020 г. совпал с ограничением передвижения в период пандемии коронавируса, то осуществление масштабных полевых изысканий было невозможно. Планируется провести их несколько позже. Во-вторых, отмеченный выше интерес к культурному контексту инвалидности пока не очень характерен для исследователей, работающих в Республике Казахстан (РК). Большинство работ, посвященных и самому этому феномену, и людям с особенностями развития, либо носит по преимуществу медико-социальный характер, либо рассматривает различные уровни инклюзии инвалидов в полноценную жизнь общества или правовые условия для этого.

Так что решение задачи выявления зависимости саморепрезентации людей с ОВЗ от сложившихся в Казахстане социальных институтов, социальных практик, а также представлений и предубеждений (т.е. факторов, которые и производят инвалидность) находится в самом начале. На этом этапе нам представляется целесообразным сосредоточиться на определении наиболее значимых черт, характерных для саморепрезентации информантами своей инвалидности, и сравнить их с особенностями, выявленными в других странах. Разумеется, для нас исключительную ценность имеют результаты исследований, полученные в сравнимых с казахстанскими условиях социально-демографического и политического развития. Принимая во внимание это обстоятельство, а также наличие работ российских специалистов по вопросам саморепрезентации людей с инвалидностью (см.: *Романов, Ярская-Смирнова* 2006; *Носенко-Штейн* 2017; *Клепикова* 2018; *Лубянкина* 2018), наш выбор вполне ожидаемо пал на Россию.

Сравнение статистики инвалидности в Республике Казахстан и Российской Федерации

В Республике Казахстан на начало 2020 г. проживало 695 тыс. человек, имеющих инвалидность (Как улучшится жизнь 2020), что составляло примерно 3,7% всего населения, которое к 1 апреля 2020 г. достигало 18 690 тыс. человек (Данные Комитета по статистике 2020). Это заметно меньше, чем в РФ, где на 1 января 2020 г. зафикси-

ровано 11 875 тыс. инвалидов¹ – 8% от общей численности россиян (146 745 тыс. человек [Росстат сообщил 2020]). По мнению активистов организаций, объединяющих людей с ОВЗ, такие различия объясняются применением в РК устаревшего, действующего с советских времен классификатора (перечня заболеваний, при которых устанавливается инвалидность). Например, председатель Союза организаций инвалидов Казахстана и одновременно председатель правления Алматинского городского общества инвалидов А.А. Аманбаев считает, что использование этого классификатора привело к тому, что численность инвалидов снижена за счет неполного учета людей, имеющих III группу (ПМА: Али).

Среди людей с инвалидностью в РК доминируют мужчины (56,1%) (их число на 85 тыс. больше, чем женщин); молодежь до 18 лет составляет 13,1% (91 573 чел.)², доля лиц трудоспособного возраста – 62,0% (417,7 тыс. чел.), лиц пенсионного возраста – 25,4% (171,3 тыс. чел.)³. Для сравнения, согласно данным Росстата, на начало 2019 г. в России среди людей с ОВЗ доминируют женщины – 56,7% (6756 тыс. чел.), доля мужчин – 43,3% (5183 тыс. чел.); доля лиц до 18 лет – 5,6% (671 тыс. чел.), граждан трудоспособного возраста – 29,2% (3486 тыс. чел.), а пенсионеров – 65,2% (7791 тыс. чел.).

Нетрудно заметить весьма серьезные отличия половозрастной структуры людей с инвалидностью в РФ и КР. В России общее количество инвалидов постоянно сокращается за счет естественной убыли старшей возрастной группы, особенно мужчин. Это ведет к повышению доли молодежи, т.к. число людей в этой категории постоянно растет. За последние пять лет в РФ молодых людей с инвалидностью стало больше на 80 тыс. человек, тогда как в целом за этот период число инвалидов сократилось более чем на миллион (на 8,5%). В РК же с 2015 г. количество людей с ОВЗ увеличилось на 7,5% (Тимурова 2018).

Если сравнивать социально-экономическую ситуацию в двух странах с позиций людей с ОВЗ, то можно увидеть, что в России работает 45% инвалидов трудоспособного возраста, а в Казахстане только 30%⁴. Возможно, это связано с тем, что в РФ в большей степени сохранились со времени СССР государственные механизмы трудоустройства людей с особенностями развития, а также с тем, что на рынке труда Казахстана среди претендентов на рабочие места доля инвалидов выше, чем в России.

Статистика, отражающая этнический состав инвалидов, в РК (как и в РФ) не ведется, но, по словам активистов, занимающихся этими вопросами, среди людей с ОВЗ преобладают казахи (просто в силу того, что они численно доминируют): весной 2020 г. доля казахов составляла 68,5% (Численность населения 2020). Сведений о религиозной принадлежности людей с ОВЗ в обеих странах также нет. В то же время свидетельством некоторых отличий казахстанской модели демографического поведения, а значит, и социокультурной среды в целом служит повышенная (в сравнении с РФ) доля детей и молодежи как в общей численности населения, так и среди инвалидов. Это является результатом сохранения в РК традиций многодетности и, возможно, большей приверженности семейным и – шире – коллективным ценностям. На этом

¹ Используемые здесь и ниже по тексту статистические данные о положении людей с инвалидностью в России получены с сайта Федеральной службы государственной статистики. <https://www.gks.ru>.

² Данные Министерства по труду и социальной защите населения РК на 09.12.2019 (Мин. труд 2019).

³ Последние две цифры взяты из: Батракова 2019.

⁴ См: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/01/24/821403-rosstat>.

этапе исследования основную информацию о влиянии культурного контекста на особенности саморепрезентации людей с ОВЗ предполагается получить из интервью с информантами-инвалидами, живущими в разных городах Казахстана.

Методика исследования и информанты

Как уже упоминалось, в России в последние годы появились исследования, в которых инвалидность рассматривается сквозь призму жизненных историй и самоощущения людей с ОВЗ, воспринимающих мир вокруг себя не только в качестве источника позитивных или негативных эмоций, но и в виде системы своих взаимоотношений с другими людьми и институтами, что и конструирует характерную для современной России инвалидность. Для того, чтобы понять специфику инвалидности в Казахстане, необходимо выяснить, будут ли черты, свойственные саморепрезентации людей с ОВЗ в России, актуальны для информантов из Алматы, Шымкента и Уральска. Не менее важно интерпретировать выявленные сходства и отличия в контексте задач проекта – определить характер влияния общественной среды на саморепрезентацию людей с инвалидностью.

Всего в рамках пилотного этапа было проведено 11 глубинных интервью с информантами, живущими в Шымкенте (7), Алматы (3) и Уральске (1). Два интервью, взятые в Алматы, являются экспертными, поскольку их авторы – активисты общественных организаций Казахстана, объединяющих людей с особенностями здоровья. Поиск информантов велся методом «снежного кома» – среди знакомых автора этой статьи в Шымкенте и параллельно через официальные контакты различных организаций инвалидов, размещенные в интернете. Преобладание интервьюируемых из Шымкента, расположенного на юге Казахстана и считающегося наиболее консервативным и традиционалистским, представляется полезным в контексте задач статьи.

Общие черты

Анализ саморепрезентации людей с ОВЗ в Казахстане хотелось бы начать с тех ее черт, которые *близки или совпадают* с выделяемыми исследователями в интервью/автобиографиях инвалидов в России.

Отличие опыта людей, имеющих инвалидность с детства, и тех, кто получил ее во взрослом возрасте. Как и ожидалось, эта позиция подтвердилась и в РК. Причем не было особой разницы между опытом городского человека, потерявшего ногу в результате диабета в 50 лет («...очень трудно было после операции. Дочка приехала из Саратова, а я ей: “Дай мне клофелин, выпью и никому не буду в обузу”. И боли, и морально... Я был активным всегда, и тут получается...» [ПМА: Виталий]), и подростка из аула, лишившегося ноги в 14 лет в результате ушиба, полученного в ходе детских игр («...я, когда очнулся и не увидел ноги, я орал весь день, пока не сделали укол. Потом, когда вернулся в аул, я не мог никого видеть: ни соседей, ни друзей (особенно одноклассниц, которые приходили поддержать меня), поэтому почти сразу уехал в город к родственникам» [ПМА: Ержан]).

Видимо, причиной столь тяжелого шока является отсутствие в обеих странах системы адаптации и психологического сопровождения людей, получающих инвалидность, особенно посттравматического характера. Наш собеседник объяснил это несколько

иначе: «Разрыв между датой ампутации и получением официальной инвалидности достигает шести месяцев. Человек выброшен и может с голоду умереть. В советское время больничный лист шесть месяцев оплачивали» (ПМА: Виталий).

Гиперопека со стороны взрослых – неизбежный признак детства с инвалидностью. На это указывали некоторые информанты – как те, кто вырос в городе, так и те, кто вырос в сельской семье. Один из активистов сообщества инвалидов Алматы так резюмировал ситуацию: «У нас, как отношение к инвалидам, то гиперопека (ой, сиди, сиди, не вставай, мы сами все подадим), то очень формальное отношение (лишь бы – лишь бы). После ратификации Казахстаном Конвенции ООН о правах инвалидов (20 февраля 2015 г.) людей с ОВЗ стали включать во всякие общественные советы, иногда для галочки, иногда для снижения налогов» (ПМА: Вячеслав).

Последствия гиперопеки по отношению к детям-инвалидам, растущим в семьях, особенно заметны на фоне учеников с ОВЗ, воспитывающихся в спецшколах или школах-интернатах. Например, Ольга (I гр. с детства; в результате травмы осталась без кистей рук) говорит о муже (II гр.; ДЦП, есть небольшие затруднения при ходьбе): «Наши детдомовские – они другие. Вот Дима был как мальчик, не познавший трудность жизни, хоть и старше меня на 17 лет. Сразу видно – с мамой жил. Я иногда его воспринимаю как старшего сына (в семье есть еще дочь 7 лет. – И.С.)» (ПМА: Ольга). Сам Дима вполне согласен с этим: «Мама меня адаптировала к здоровому обществу, но и опекала тоже. Иногда это тяготило и приводило к скандалам. Я был очень несамостоятелен. Не имел своего решения» (ПМА: Дмитрий).

Впрочем, есть примеры, когда родители сознательно отказываются от этой стратегии: «...меня по-солдатски воспитывали вместе с братом. Встали, собрались, как в казарме. Мама меня готовила к тому, что надо мной будут подшучивать, издеваться. С детского садика говорила: “Хромай быстрее. Ты же хромой, ничего страшного нет. Люди хромают”, – и потом, когда называли хромой, я уже был готов к этому» (ПМА: Вячеслав). Одну из наших собеседниц мама, поняв, что после домашнего воспитания дочь (средняя степень ДЦП) теряет социальные навыки и замыкается в себе, отвезла в 10-летнем возрасте в интернат за тысячи километров, в другую область. Сегодня 30-летняя женщина очень ей благодарна, хотя тогда долго плакала и переживала.

Уверенность окружающих в неспособности людей с ОВЗ вести обычную жизнь. Очень созвучно настроениям, выявленным российскими исследователями, высказанное нашими собеседниками в Казахстане чувство горечи, которое они испытывали/испытывают, когда окружающие вольно или невольно демонстрируют свое неверие в то, что инвалиды могут жить, как все «нормальные» люди. Одна информантка как самый горький момент в своей жизни вспоминает эпизод, когда родная бабушка, которая заменила ей мать, в ответ на вопрос знакомых о том, как дела у Оли на личном фронте, ответила: «Да кто ее возьмет, безручку». Девушка, у которой ампутированы кисти рук, чтобы преодолеть эту стигму, с помощью специальных приспособлений научилась готовить, шить, писать, рисовать, печатать на компьютере и т.д., но она до сих пор не совсем в себе уверена. Ей пришлось отстаивать и свое право учиться на бухгалтера в училище наравне с теми, у кого две руки (ПМА: Ольга).

Другой нашей собеседнице (ДЦП средней тяжести) приходилось часто слышать в свой адрес «пожелания» «сидеть дома и не мучить себя и других» (имеется в виду необходимость помощи со стороны окружающих во время путешествий за пределы родного аула). Ее же постигла участь «отвергнутой невесты», когда мать избранника

(инвалида с таким же диагнозом. – И.С.) усомнилась в способности девушки «хорошо ухаживать за... [ее] сыном» (ПМА: Айгуль).

Страх окружающих перед инвалидами. Приходилось нашим собеседникам сталкиваться и *со* стремлением избежать общения с ними, и даже с откровенным страхом перед ними. Так, Ержан (II гр.; ампутация ноги в результате травмы в подростковом возрасте), когда ему понадобилось срочно отвезти к зубному врачу свою жену (I гр.; атрофия нижних конечностей из-за детской травмы; колясочница), получил без объяснения причин отказ в нескольких частных кабинетах (ПМА: Ержан). Правда, видимо, страх перед людьми с инвалидностью не имеет тотального характера, т.к. и этот респондент, и некоторые другие говорили о том, что не раз проводили время в кафе в смешанных компаниях (где вместе были люди с ОВЗ и без) или «своим кругом» рядом со столиками, где сидели «условно здоровые» люди, – и никто не обращал на них внимания.

Дискриминация при приеме на работу. *Об этом* упоминалось в некоторых интервью – но никогда последствия такой дискриминации, по словам информантов, не были трагическими или необратимыми. В одних случаях кандидаты, имевшие особенности развития, на собеседовании смогли убедить нанимателей, что могут справиться с должностными обязанностями, в других – сами респонденты сказали, что не очень были заинтересованы в работе или что не связывали отказ со своим статусом инвалида: «...я уже полгода стою на бирже, до этого 20 лет не было необходимости, но не думаю, что из-за моего плохого зрения (I гр.), т.к. мне уже предлагали работу (распространение социальной рекламы), но я отказался, а знакомые пошли и работают. У меня знакомая даже курьером в банке работает, также с плохим зрением» (ПМА: Досым).

Таким образом, можно отметить, что в большинстве случаев саморепрезентации людей с инвалидностью в Казахстане и в России (Носенко-Штейн 2017: 199–201) весьма сходны. Это не выглядит удивительным, поскольку подходы к организации обеспечения жизни людей с особенностями развития в двух странах практически не отличаются, что не может не формировать определенный тип восприятия такого явления, как инвалидность.

Казахстанская специфика

Тем не менее определенная *специфика саморепрезентации людей с инвалидностью в Казахстане* зафиксирована даже на пилотном этапе исследования с весьма ограниченной выборкой информантов.

Получение статуса инвалида – не стигма, а признание. Как только человек получает статус инвалида, он может рассчитывать на социальную поддержку со стороны государства, которой ранее был лишен. Нередко обретение статуса приводит к повышению уровня доверия к социальным институтам. Так, один из наших собеседников весьма критически относился к современному казахстанскому государству, особенно к его языковой, кадровой и экологической политике, постоянно инициировал в социальных сетях и в реальной жизни акции по поводу устранения нарушений языковых (отсутствие табличек на русском языке) и экологических (хищническая эксплуатация природных ресурсов) законов. Сам он был мелким, не очень успешным индивидуальным предпринимателем и никогда ничего не получал от государства. Два года назад по рекомендации участкового терапевта он оформил инвалидность II группы в связи с

атеросклерозом сосудов конечностей на фоне диабета. Мужчина был прооперирован за счет государственной страховки в столичном госпитале и теперь регулярно получает как денежное пособие, так и помощь в реабилитации. Это в корне изменило его восприятие себя как гражданина: «Я бишара (неустроенный человек. – И.С.) по жизни, а тут вдруг мне стали платить по 55 тыс. тенге (примерно 10 тыс. руб. – И.С.) каждый месяц, и впервые в жизни у меня появилось чувство, что государство обо мне заботится. Это очень важно, у меня появилась уверенность в завтрашнем дне. Я приподнялся, стал чувствовать себя увереннее» (ПМА: Кирилл). Насколько такое сопряжение социального статуса, медицинского состояния и эмоций на этнической почве характерно для постсоветского Казахстана еще предстоит выяснить.

Изгойство инвалидов. В рамках этой темы также выявлены отличия в саморепрезентации казахстанских и российских граждан с ОВЗ. Речь идет о том, что люди, в особенности женщины, ощущают себя неполноценными, неспособными к созданию «нормальной» семьи. Для наших собеседниц путь к «нормальности», к преодолению своей стигмы инвалида был связан именно с обретением семьи, а не с развитием карьеры или творческой самореализацией. Пока не ясно, насколько это влияние культурного казахстанского контекста, а насколько постсоветского гендерного порядка (хотя они и взаимосвязаны) или особенностей выборки. Все наши информантки отмечали, что, только обретя семью, они стали чувствовать себя уверенно. По словам Ольги, ее сильно возмущало отношение окружающих: «...что, если я без рук, я не человек, что ли, может кто-то (молодой человек) появится. А я все равно как-то знала, я себе цель поставила: “Вот посмотришь, бабушка, еще увидишь. Я все равно своего добьюсь, будет у меня и муж, и ребенок”. Но я видела, что она мне не верила. Теперь, когда есть муж и ребенок, у меня мозги в другую сторону, теперь мне все (негативное отношение со стороны. – И.С.) безразлично. Я живу как здоровый человек. Я уже не комплекую, я даже сейчас протезы не ношу. Даже не заказываю, они мне мешают» (ПМА: Ольга).

Бахыт (I гр.; атрофия нижних конечностей в результате травмы) смогла появляться на коляске во дворе только после того, как вышла замуж (муж инвалид II гр.; ампутация одной ноги), хотя на протяжении более чем 10-ти лет до этого она была очень активна социально (овладела еще в детстве арабским языком и обучала ему односельчан, все время участвовала в семейном бизнесе, окончила самостоятельно университет). Но все это время «на людях» она стеснялась своей инвалидности и была авторитетна и предприимчива только во внутрисемейной атмосфере. На внешний мир ее уверенность не проецировалась (ПМА: Бахыт).

Еще одна наша собеседница (II гр.; ДЦП) после нескольких неудачных попыток готовится выйти замуж за молодого человека (с такой же группой инвалидности) и говорит о предстоящем событии как о главном в жизни, совершенно не беспокоясь по поводу потери во время карантина временной работы, надеясь, скорее всего, на помощь мамы, у которой сейчас живет (ПМА: Айгуль).

Взаимоотношения с родственниками. Нужно отметить, что круг родственников в Казахстане гораздо шире, чем в России, и отношения с ними играют здесь более заметную роль в построении сетей взаимоподдержки, без которых повседневная жизнь людей с инвалидностью была бы сильно затруднена. Причем речь идет не только о близких родственниках, которые, как правило, принимают большое участие в судьбе инвалидов в любой стране. Один из наших собеседников после ампутации ноги, не

желая показываться в родном ауле, несколько лет жил в г. Караганде, переезжая от одного родственника к другому, а потом в число тех, кто давал ему «кров и стол», вошли и друзья. И это никого не удивляло. Сам мужчина говорит об этом, как о само собой разумеющемся (ПМА: Ержан). В рассказах других респондентов также часто упоминаются разные виды помощи родственников, причем иногда речь идет о довольно крупных тратах: покупка коляски, оплата учебы, приобретение квартиры в городе.

Таким образом, родственники играют значительную роль в определении жизненной стратегии человека с инвалидностью, поскольку он включен в единую сеть взаимодействий в рамках большой семьи. Так, Бахыт долго не могла убедить племянников, что ей пора заводить свою семью и выходить из привычной системы отношений, где племянники были ее защитниками и помогали передвигаться на коляске. По словам женщины, на это ушло несколько лет: все продолжалось то тех пор, пока она не смогла выйти замуж и поселиться в квартире в городе (ПМА: Бахыт). Квартиру купили на сбережения всей семьи, и сама Бахыт тоже внесла некоторый вклад, постоянно чем-то зарабатывая: то занимаясь семейным мелкооптовым бизнесом, то обучая арабскому языку.

Постоянная вовлеченность в систему взаимопомощи в широком кругу родственников и знакомых (которая формируется не вокруг людей с ОВЗ, но в которую они органично вплетены) создает своеобразную этику повседневной включенности в чьи-то заботы и готовности помочь. Это заметно и в отношениях с людьми, не являющимися участниками этой системы: «Нам соседи-казахи всегда предлагают помощь: довезти нас до базара и обратно с покупками на их машине, тогда как двоюродным братьям мужа (II гр.) это в голову не придет, хотя у всех машины» (ПМА: Ольга). С ней согласен пенсионер, потерявший ногу в результате диабета и живущий один после развода (случившегося до инвалидности): «...у нас на юге народ более отзывчивый, русские в целом меньше подают. Более отзывчивы люди до 30, более пожилые как-то не очень...» (ПМА: Виталий).

Исламская этика милосердия. Возможно, упоминание молодежи отсылает к большшему распространению усваиваемой молодым поколением в последние десятилетия исламской этики милосердия. Хотя высказывания по поводу роли религии и религиозных учреждений в создании благоприятных условий для людей с инвалидностью в Казахстане противоречивы. С одной стороны, некоторые респонденты (не только мусульмане) отмечали активную роль мечетей в поддержке инвалидов (на Курбан Байрам в рамках исламской традиции развозят продукты всем нуждающимся, включая немусульман; социальные службы передают в мечети контакты тех, кому нужно помочь, и оттуда приходят и помогают, в т.ч. людям с ОВЗ и не только мусульманам; молящимся инвалидам разрешают в мечети не склоняться во время намаза в традиционном земном поклоне «саджа»). С другой стороны, активист организации инвалидов в Алматы отмечает формальный характер такой помощи (в большинстве мечетей нет специальных пандусов, и их руководители, по словам мужчины, не собираются их устанавливать).

Кроме того, некоторые респонденты заметили, что в последнее время стали возникать ситуации, когда по религиозным мотивам им отказывается в получении некоторых услуг. В частности, одному человеку (I гр. по зрению) не разрешили скопировать фотографии с телефона на носитель (ислам запрещает использование каких-либо изображений людей) (ПМА: Владимир), другого (II гр.; ДЦП средней тяжести) водитель

попросил выйти из машины, поскольку он не может везти еврея (пассажир сам в ходе непринужденной беседы сообщил свое имя и рассказал о его происхождении). В этих случаях инвалидность не была основанием для отказа в удовлетворении запросов наших собеседников, но ощущение того, что складывается новый порядок, который не будет очень дружественным к ним, у них осталось (ПМА: Вячеслав).

* * *

Ограниченность объема статьи не позволила подробно рассмотреть все особенности саморепрезентации людей с инвалидностью в Казахстане. Нам пришлось сосредоточиться только на тех характерных чертах, которые могли быть проанализированы в сопоставлении с выявленными в России. Но даже столь ограниченный фокус исследования позволяет сделать несколько предварительных выводов.

Несомненно, саморепрезентации людей с инвалидностью в двух странах имеют общие черты. Это позволяет говорить о том, что условия формирования инвалидности как социального феномена в РФ и РК во многом схожи: люди с ОВЗ воспринимаются очень специфическими членами общества, требующими особого внимания (в некоторых случаях чрезмерного). При этом инвалиды вызывают настороженное отношение к себе: «нормальные» люди боятся им навредить, не хотят глубоко вникать в их запросы и потребности; они – нуждающиеся, и этим все сказано.

Тем не менее можно отметить и специфику саморепрезентации инвалидов в Казахстане, которая наиболее ярко проявляется в двух аспектах:

- гораздо большая, чем в России, роль родственников и семейных ценностей в жизни общества в целом создает особые условия и для людей с инвалидностью: они получают серьезную поддержку со стороны широкого родственного круга и меньше зависят от государства. Одновременно они ограничены в возможности располагать собой по собственному усмотрению и в большей степени вынуждены подчиняться воле людей, находящихся рядом;
- этническая и конфессиональная идентичности, встроенные в доминирующий дискурс и политику государства, влияют на саморепрезентацию и статус людей с ОВЗ, при этом возникают ситуации, которые могут как способствовать повышению у них чувства защищенности и уверенности в себе, так и наоборот.

Благодарности

Автор выражает признательность сотрудникам научного центра «История и этнология» Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова и лично его директору С.М. Джунусбаеву за помощь в организации исследования.

Источники и материалы

Батракова 2019 – *Батракова Н.* Инклюзивное образование: как в Казахстане учат детей с особыми потребностями? 27 августа 2019 г. <https://informburo.kz/cards/inklyuzivnoe-obrazovanie-kak-v-kazahstane-uchat-detey-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostyami.html>.

Данные Комитета 2020 – Данные Комитета по статистике Министерства экономики РК. <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 18.04.2020).

Как улучшится жизнь 2020 – Как улучшится жизнь людей с инвалидностью в Казахстане // *Inva.kz* 05.02.2020. <https://inva.kz/2020/02/05/kak-uluchshitsya-zhizn-ljudej-s-invalidnostju-v-kazahstane>.

- Мин. труд 2019 – Министерства по труду и социальной защите населения РК на 09.12.2019. https://data.egov.kz/datasets/view?index=i_toptagy_mugedekter_sany; https://data.egov.kz/datasets/view?index=18_zhaska_deiingi_mugedek_bala.
- ПМА – Полевые материалы автора. Интервью проведены в апреле–мае 2020 г. с гражданами Казахстана, имеющими инвалидность: Дмитрий (1971 г.р.), Ольга (1986 г.р.), Вячеслав (1981 г.р.), Али (1946 г.р.), Ержан (1984 г.р.), Бахыт (1985 г.р.), Кирилл (1961 г.р.), Виталий (1956 г.р.), Айжан (1990 г.р.), Владимир (1961 г.р.), Досым (1979 г.р.).
- Росстат 2020 – Росстат сообщил о сокращении населения России второй год подряд. 24 января 2020 г. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/01/24/821403-rosstat>
- Тимурова 2018 – Тимурова А. За пять лет число инвалидов в Казахстане увеличилось на 7,5%. Несмотря на госстимулы, их неохотно трудоустраивают. 10 октября 2018 г. <https://inbusiness.kz/ru/news/za-pyat-let-chislo-invalidov-v-kazahstane-uvlichilos-na-7-5>.
- Федеральной службы гос. стат. 2020 – Федеральной службы государственной статистики. <https://www.gks.ru/folder/13964> (дата обращения: 22.05.2020).
- Численность населения 2020 – Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 г. // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 27.04.2020).

Научная литература

- Ендальцева А.С. Disability Studies и поиски «чистой» модели: про швы, не-возможность и пространство между Глобальным Югом и Глобальным Севером // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 43–74.
- Клепикова А.А. «Нам теперь ничего нельзя, кроме дельфинов»: причины болезни и эффективность лечения в представлениях родителей детей с особенностями развития // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 355–380.
- Лубянкина Е.Н. Взрослые дети: практики взаимодействия с молодыми инвалидами с ментальными нарушениями // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Изд-во МБА, 2018. С. 296–322.
- Носенко-Штейн Е.Э. Отношение к инвалидности среди людей с ограниченными возможностями в современной России (предварительные наблюдения) // Человек и социум: от конкурентности к толерантности (проблемы социальной интеграции) / Под ред. М.Л. Бутвской, Ю.О. Феденок. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 190–203.
- Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006.

Savin, Igor S.*

Self-presentation of Persons with Disabilities in Kazakhstan: General and Specific Traits

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/80-90

The article examines disability as a social phenomenon on the example of Kazakhstan. Since such tasks are being solved on the basis of Kazakhstani material for the first time, the article studies only the self-representation of disabled people in Kazakhstan in comparison with Russia, where its specific features have already been identified by researchers. The empirical base of the study is in-depth interviews with residents of three cities of Kazakhstan, which

were conducted by phone in April-May 2020 during the quarantine from the pandemic. Having previously considered the socio-demographic characteristics of people with disabilities in Kazakhstan and Russia, the author compares self-representation of people with disabilities in the two countries, identified as those that are very similar to each other, and those that are noticeably different. The similarity is most likely explained by the common history of the creation of the system for assistance to people with disabilities and specific social atmosphere around them in all post-Soviet countries. The basis for the differences identified is the supposedly different role of ethnic and religious affiliation in the dominant discourse, in the sphere of politics and ideology in Kazakhstan.

Key words: disability as a social phenomenon, the influence of the cultural context, self-representation of disabled people in Kazakhstan, comparison with Russia

For Citation: Savin, I.S. 2021. Self-presentation of Persons with Disabilities in Kazakhstan: General and Specific Traits. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53)

* **Savin, Igor S.** – PhD, Researcher, Institute of Oriental Studies (Moscow, Rozhdestvenka Str. 12/1). E-mail: savigsa@inbox.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-09-0063A)

References

- Endaltseva, A.S. 2018. Disability Studies i poiski “chistoi” modeli: pro shvy, ne-vozmozhnost’ i prostanstvo mezhdru Global’nym Yugom i Global’nym Severom [Disability Studies and Searches “Clear” Model: About Seams, Im-Possibility and Space between Global South and Global North]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [Dark Side of the Moon, or What do We Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Shtein, 43–74. Moscow: MBA.
- Klepikova, A.A. 2018. “Nam teper’ nichego nel’zia, krome del’finov”: prichiny boleznii i effektivnost’ lecheniia v predstavleniakh roditelei detei s osobennostiami razvitiia [“We Can’t Do Anything but Dolphins”: Causes of the Disease and Effectiveness of Treatment in Representations of Parents of Children with Special Needs]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [Dark Side of the Moon, or What do We Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Shtein, 355–380. Moscow: MBA.
- Lubiankina, E.N. 2018. Vzroslye deti: praktiki vzaimodeistviia s molodymi invalidami s mental’nymi narusheniiami [Older Children: Practices of Interactions with Young Persons with Mental Disabilities]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriia, reprezentatsii, praktiki* [Dark Side of the Moon, or What do We Know about Disability: Theory, Representations, Practices], edited by A.S. Kurlenkova and E.E. Nosenko-Shtein, 296–322. Moscow: MBA.
- Nosenko-Shtein, E.E. 2017. Otnoshenie k invalidnosti sredi liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami v sovremennoi Rossii (predvaritel’nye nabludeniia) [Disability’ Attitude among Persons with Special Needs in Modern Russia (Preliminary Observations)]. In *Chelovek i sotsium: ot konkurentnosti k tolerantnosti (problem sotsial’noi integratsii)* [Man and Socium from Competitivenesses to Tolerance (Problems of Social Integration)], edited by M.L. Butovskaya and Yu.O. Fedenok, 190–203. Moscow: IEA RAN.
- Nosenko-Shtein, E.E. 2018. Antropologiya invalidnosti: problem i zadachi [Anthropology of Disability: Problems and Tasks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–11.
- Romanov, P., and E. Yarskaia-Smirnova. 2006. *Politika invalidnosti: sotsial’noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [Politics of Disability: Social Citizenship of Disabled Persons in Modern Russia]. Saratov: Nauchnaia kniga.

© Г.С. Широкалова

«ДИЗАЙНЕРСКИЕ ДЕТИ» КАК ПРОФИЛАКТИКА ИНВАЛИДИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Медикализация человеческой жизни расширяет свои возможности и права в сферах, которые были/есть табу в координатах традиционной морали. В статье анализируется проблема конструирования будущего общества через создание «дизайнерских детей», в том числе для предотвращения инвалидизации населения с помощью биомедицинских ГМ-технологий. В отличие от ученых общественное мнение пока не готово к прогнозированию последствий, рассматривая биомедицину только как эффективный способ борьбы с болезнями. На уровне обыденного сознания нет предубеждений к исследованиям в данном направлении, лишь незначительная часть населения задумывается об отдаленных медицинских и социальных последствиях данных операций. В мире всегда существовали «ученые-еретики», работающие вне границ академий и институтов. Сегодня среди них могут быть и «биохаkers», чьи исследования финансируются частными лицами, заинтересованными в результатах для решения собственных целей и проконтролировать их работу не в силах ни один закон, ни одно государство. Среди ученых всегда были люди, готовые рискнуть всем ради нового слова в науке. В средние века они шли на костер, тем более не остановит научный прогресс наказание в несколько лет тюремного срока сегодня. Изменив этические границы для себя, они будут изменять мораль большинства. Пассивность общества сегодня провоцирует политиков завтра на принятие решений, способствующих дальнейшей десакарлизации человеческого тела в самых разных направлениях.

Ключевые слова: инвалидизация общества, биомедицинские ГМ-технологии, дизайнерские дети, трансгуманизм, молодежь, общественное мнение

Ссылка при цитировании: Широкалова Г.С. «Дизайнерские дети» как профилактика инвалидизации общества // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 91–103.

Вместо введения

Вопрос о биотехнологиях для управления репродуктивными процессами не нов. Меняются сами технологии, в которых «игры природы» все в большей степени ставятся под контроль политического и научного сообщества, соотношение сил

Широкалова Галина Сергеевна – д.соц.н., профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН (Н. Новгород) (117218 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к.5), ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской Лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (603155 Н. Новгород, ул. Минина, 31А). Эл. почта: shirokalova@list.ru <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>

между которыми постепенно склоняется в пользу политики. Причины ужесточения контроля – возможность формирования «био-власти», которая дает возможности создания популяции «сверх-людей», с одной стороны, и «служебных людей», с другой (Директор 2015). Но глобальность отдаленных во времени последствий, осознаваемая специалистами, ретушируется необходимостью решения ряда тактических проблем, среди которых предотвращение рождения людей с инвалидностью через корректировку генома на стадии оплодотворения. Это гуманно, поскольку спасает от неизбежных страданий, социального дискомфорта человека с ограниченными возможностями и его семью, но порождает множество других этических проблем, не говоря уже о названных выше. Однако процесс медиализации объективен и будет стимулироваться в условиях рыночной экономики не столько гуманистическими соображениями, сколько экономической и политической целесообразностью, как на уровне семьи, так и государства. Основаниями для такого вывода служат перечисленные ниже объективные закономерности.

Здоровье популяции

1. Согласно статистике 35% детей в России имеют врожденные заболевания (Статистика б.г.). Развитие здравоохранения позволяет сохранить и продлить жизнь людей даже со сложными врожденными патологиями, о чем свидетельствует тот факт, что инвалиды детства в общем числе составляют 10,4% (Боле 2019).

2. Увеличение продолжительности жизни и сопутствующей ей инвалидизации. Две трети людей старше 55 лет, имеют ограниченные возможности здоровья (ОВЗ) (Звездина, Кузнецова 2019).

3. Рост обеспокоенности специалистов снижением качества человеческой популяции: «неравновесная термодинамическая система, лежащая в основе жизни, в процессе социальной эволюции теряет свою устойчивость», особенно в развитых странах с высокой степенью развития медицины (Апанасенко 2015).

4. Увеличение количества людей, имеющих заболевания, но не обладающих статусом инвалида из-за ужесточения критериев, дающих право на инвалидность (Самая 2019).

Экономические ресурсы государства

1. Ухудшение качества жизни семей при появлении в ней человека с ОВЗ. По данным Левада-центра, у 28% семей с инвалидами едва хватает денег на питание и одежду (Левада-центр 2019). Плохие условия жизни в свою очередь увеличивают число лиц с ОВЗ.

2. Сложности трудоустройства людей с ОВЗ, несмотря на квотирование рабочих мест для инвалидов (Звездина, Кузнецова 2019).

3. Ограниченность бюджетных ресурсов, выделяемых государством на социальную сферу (Данилов 2020). Например, увеличившаяся с 1 июля 2019 г. выплата трудоспособным неработающим родителям (опекунам, попечителям, усыновителям), ухаживающим за инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы с 5500 рублей до 10 тысяч в месяц, коснулась незначительной части семей (Указ 2019).

Напомним так же, что летом 2020 г. в 114 статью Конституции РФ внесено положение, согласно которому государство «обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов» для их социальной интеграции без какой-либо

дискриминации, что также будет стимулировать контроль репродуктивной сферы с целью уменьшения социальных обязательств, прежде всего, экономических.

Заинтересованы в предупреждении рождения детей с ОВЗ и будущие родители, поскольку осознают не только экономические риски. Рост числа людей с ОВЗ отражается в двух прямо противоположных тенденциях: с одной стороны, растет толерантность к «особенным людям», с другой – практика молчаливой дискриминации сменяется немолчаливой дискриминацией, особенно после введения в обычных школах инклюзивного образования для детей с ментальными умственными или поведенческими отклонениями (Суслова, Светлакова 2018: 74). Социологические исследования на эту тему (Итоги 2018), как правило, игнорируют проблемы снижения качества образования для детей как здоровых, так и с ОВЗ, снятие ответственности с родителей за поведение детей с ОВЗ и др. Исследовать эти аспекты политически некорректно, поэтому социологи не изучают весь спектр общественного мнения, гораздо более откровенно представленного в социальных сетях.

Нельзя не учитывать и психологический тренд молодого поколения на комфортность в самом широком смысле слова: родительство не должно быть препятствием к самореализации в работе, досуге и т.д., что отражается в отказе от больных детей или в движении чайлдфри.

«Дизайнерские дети» – это один из смысловых центров трансгуманизма

Но насколько общественное мнение готово принять новые медицинские технологии? Есть ли прогнозы/предложения у тех, кто обеспокоен будущим человеческой популяцией? Да, в форме научной фантастики и как первые эксперименты в разных сферах. В обобщенном виде они представлены Благотворительным фондом «Наука за продление жизни»: «Дорожная карта достижения бессмертия» называет такие направления, над которыми уже сегодня работают ученые: Крионика, Регенеративная медицина, Генная инженерия долголетия, Наномедицина, Крионика, Искусственный интеллект, Цифровое бессмертие, Киборгизация. Генная инженерия, в частности, предусматривает совершенствование методов доставки генетического материала в организм человека и использование модифицированных стволовых клеток (Серия б.г.).

На фоне этих достижений в научный оборот вошло понятие «дизайнерские дети» – дети «на заказ» с заранее заданными генетическими свойствами. Речь идет не только и не столько о цвете глаз и овале лица будущих наследников. В рамках трансгуманизма ставится вопрос о создании новой популяции людей, отличающейся физическими, интеллектуальными, психологическими характеристиками (Буйнякова 2017).

Трансгуманизм – ведущий научный тренд современности и нет социальных субъектов, которые помешали бы его реализации. В 2001 г. П.Д. Тищенко писал по этому поводу: «Эта безысходность имеет то преимущество, что позволяет подойти к вопросу био-власти более спокойно... Увидеть в био-власти своеобразную «судьбу» современного человека – вызов бытия, на который необходимо иметь решимость ответить» (Тищенко 2001: 13).

Научное сообщество тоже все чаще склоняется к мнению, что «вмешательство в наследуемый геном не является морально неприемлемым», хотя выдвигает ряд условий. Так, профессор Нуффилдского совета по биоэтике Карен Юнг считает, что «во-первых, такая процедура должна привести к устранению серьезных болезней и

улучшению физических свойств организма. Во-вторых, она не должна способствовать росту дискриминации и разделению общества» (Балаева 2018).

Проблемы социального неравенства, модификации «дара существования», биомедицинской демаркации «человек – еще не человек – уже не человек», обсуждаемые философским сообществом (Тищенко 2001: 41), не являются предметом исследования в данной статье. Нас интересует отношение населения к «дизайнерским» технологиям и готовность принять их для предотвращения врожденных заболеваний. Пока эта процедура достаточно дорога: отработанные методики появятся через 15-20 лет, но за это время рынок медтехнологий, опираясь на обозначенные выше тенденции, сможет «сфабриковать» потребность в «дизайнерских детях», как это произошло с рынком генетических тестов.

«Дизайнерские дети»: первые опыты

В 2015 г. Великобритания стала первой страной в мире, узаконившей изменение генов человека с целью устранения риска возникновения наследственных заболеваний («Дизайнерские дети» 2015). Реализация изысканий в этом направлении не заставила себя ждать. Приведем в пример эксперимент, на который решилась китайская пара, в которой муж был инфицирован ВИЧ, очень распространенный в Китае. В ноябре 2018 г. в Китае родились первые в мире генетически модифицированные дети. Эксперимент провел ученый Хэ Цзянькуй по просьбе родителей, которые боялись наследственного ВИЧ-инфицирования. На стадии эмбрионов детям удалили ген, отвечающий за передачу вируса. Аналогичные работы по технологии CRISPR-Cas много где проводились, но до беременности и родов их никогда не доводили. Этическая позиция Хэ заключается в том, что такие операции позволительны только тогда, когда из-за наследственных заболеваний под угрозой находится жизнь человека, на создание же «дизайнерских детей», т.е. детей с заранее заданными свойствами, должен быть наложен запрет. Поскольку в природе у европейцев и американцев наблюдается естественная мутация такого типа, которую осуществил Хэ, то была возможность установить, что она улучшает когнитивные способности и память (Мутации 2019), но сокращает продолжительность жизни (ГМО 2019). Суд приговорил ученого к трем годам тюрьмы и 430 тыс. долларов штрафа, решив, что редактирование эмбриона было незаконно (В Китае 2019). В 2019 г. появилась информация о некачественном проведении самого эксперимента (Ершов 2019).

Пока большинство государств и ученых настороженно относятся к экспериментам такого рода, считая их неэтичными, но очевидно, что ничто не остановит энтузиастов, желающих улучшить антропоморфные характеристики человека. Готово ли общество к тому, чтобы принять вмешательство в геном человека? Удивительно, но обсуждения этой проблемы в интернете после многочисленных публикаций об операции Хэ Цзянькуя не последовало.

Социологические опросы на аналогичные темы так же единичны. В качестве примера приведем исследование социальных установок россиян ИСИЭЗ НИУ ВШЭ 2003, 2006, 2009 и 2011 гг. Ю.Л. Войнилов и В.В. Полякова пришли к выводу, что происходит либерализация отношения и даже личных установок на использование биомедицинских технологий. Это проявляется в повышении доли допускающих клонирование детей для бездетных пар (с 8% в 2003 г. до 2006 г. до 14%), клонирования здоровых тканей человека (с 30% в 2006 до 37% в 2009 г.).

Тех, кто допускает клонирование клеток, значительно больше, чем клонирование людей целиком. В таблице 1 представлены некоторые из результатов, полученных в данных исследованиях (Войнилов, Полякова 2016: 192–193).

Таблица 1

**Мнение населения о допустимости инновационных технологий в 2010 г.
(% от опрошенных)**

Отношение к новым технологиям в 2010 г.	Одобрят				не одобряю ни при каких условиях	затрудняюсь ответить
	всего	без ограничений	под контролем госорганов и обществественности	в исключительных случаях		
генетическое тестирование предрасположенности к заболеваниям, в том числе неизлечимым	80	23	39	17	5	15
генетические тесты детей, позволяющих выявить их таланты и слабые стороны	62	12	28	22	21	17
клонирование животных в целях лечения заболеваний человека	61	8	29	24	24	15
клонирование ребенка от одного из родителей, если второй имеет серьезное генетическое заболевание, передающееся по наследству	48	7	21	20	33	19
Использование генетических методов избавления людей от вредных привычек, например, курения, алкоголизма	78	25	36	17	8	14
Имплантация в мозг микрочипов, позволяющих улучшать память	57	9	25	23	27	16

Авторы назвали свою статью «Мое тело – моя крепость...», но данные таблицы свидетельствуют об ином: утрачивается сакральность тела. Следовательно, оно становится не крепостью, а испытательным полигоном. Это проявляется в самой разной форме: от моды на тату, несмотря на информацию о его опасности для здоровья (Широкалова 2019: 30–32). Причин можно назвать несколько, среди них – утрата сакральности смерти и жизни благодаря высокой смертности населения в трудоспособном возрасте, особенно мужчин; атомизация общества, повседневность смерти от насилия в СМИ, популярность песен о смерти, увеличение верующих в «загробную жизнь» в той или иной, не обязательно религиозной, форме, ощущение несправедливости дня сегодняшнего и неуверенности в дне завтрашнем, появление в сети детских игр типа «Синий кит», примиряющих с ранним уходом из жизни.

В 2018 г., согласно опросу 5 тыс. москвичей в возрасте от 18 до 65 лет при подготовке Проекта «Москва “Умный город – 2030”», озабоченность влиянием цифровых технологий на свою жизнь высказали 4% опрошенных, 62% поддерживают развитие медицинских сервисов. Но были ли заданы вопросы об отношении к геномному вмешательству – неизвестно. Между тем в «Умном городе» к 2030 г. планируется геном-

ное сканирование, что позволит разработать «генетические» цифровые платформы и наполнить их «картами генных сетей с индивидуальными проблемными дефектами, которые будут служить источниками данных для научных исследований, анализа, образовательных программ ВУЗов и машинного обучения» (Москва 2018: 10, 36).

«Дизайнерский ребенок» – это здоровый ребенок?

Китайский эксперимент дал основания поставить вопрос в ином ключе. Мы попросили студентов двух факультетов второго курса очного отделения Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии – демографическую группу, в течение жизни которой подобные технологии станут тривиальным явлением, высказать свое отношение к вмешательству в геном эмбриона для предотвращения рождения ребенка с врожденными патологиями (N = 80 чел.). В силу возраста у респондентов нет собственной семьи, в родительских семьях нет инвалидов детства, поэтому оценки даны с абстрактных гуманистических позиций. Респонденты должны были дать мотивированные ответы на следующие открытые вопросы:

- 1 – отношение к экспериментам с генетическим кодом;
- 2 – прожективное поведение в случае угрозы заболевания собственного ребенка;
- 3 – вероятность изменения моральных норм в результате подобных операций;
- 4 – влияние эксперимента на развитие медицины;
- 5 – отношение к китайским родителям, согласившимся на эксперимент.

Полученные ответы были структурированы по позициям: «сторонники (оптимисты)», «противники (пессимисты)», «выжидальщики/ поживем – увидим». Из всех ответов мы выбрали, те которые представляют спектр мнений, каждое из которых имеет свою нюансировку. Гендерных отличий в оценках эксперимента и готовности к нему мы не обнаружили: женские/мужские социальные роли в современном обществе размываются, что зафиксировано многими исследователями.

По отношению к «геном-эксперименту» ответы ожидаемо разделились на три группы: относятся к этой идее однозначно отрицательно, приветствуют эксперименты, колеблются в оценках.

Позиция «противников» вмешательства в геном человека основывается на непредсказуемости результатов от медицинского вмешательства, возможных ошибках врачей. Защита от конкретной болезни не гарантирует, что взамен не появятся другие. Присутствует мотивация «креста», который человек должен нести, если ему выпала такая судьба.

Юля: Я негативно отношусь к таким экспериментам. Если у человека убрали один ген из цепочки, значит, после изъятия должны быть последствия, и неизвестно, что последствия будут положительными. Сейчас наука и медицина развивается, но нужно понимать и осознавать последствия, которые будут. Думаю, и обществу это нанесет вред. Люди будут считать, что любой недостаток можно будет убрать генетически. Я считаю, что нужно бороться с самой болезнью, а не менять генетику человека.

Нина: Я никогда об этом не задумывалась, но видимо придется. К таким экспериментам, я отношусь негативно, потому что бывает и врачебная ошибка, и т.д., поэтому это может навредить человеку.

Федор: Я отношусь к такому виду опытов над людьми отрицательно. Если

у человека есть какая-то болезнь, нужно принять это. Полностью здоровым человек быть не может. Если нет одного, то со временем проявится другое.

Сторонники генной инженерии настроены оптимистично. Конечно, возможны ошибки, но как иначе развиваться науке? Обещаемые положительные последствия вполне оправдывают риски, неизбежные в каждом новом деле. Показательно, что девушек в этой группе нет: женщина рискует значительно больше в случае неудачного эксперимента не только здоровьем своим и ребенка, но и семьей в целом: известно, что доля разводов в случае рождения ребенка инвалида резко возрастает.

Михаил: К таким экспериментам я отношусь положительно, это шанс тех людей, которые предрасположены к разным болезням. Это шанс людей победить рак и т.д.

Александр: Мое отношение к подобному положительное. Чтобы шагнуть вперед, нужно чем-то пожертвовать.

Оценка последствий **группы с выжидательной позицией** более взвешенная: пока не известно соотношение положительных и отрицательных результатов лучше не рисковать.

Мария: Такие эксперименты это шаг в будущее, но это очень опасно. Это может навредить здоровой женщине, ведь до этого, она была здоровой, и неизвестно, как все пройдет. Пока не будет изучено на 100%, я не соглашусь на эти опыты.

Настя: В принципе это не плохо, потому что девочек заранее оградили от таких проблем, как СПИД, но неизвестно, как потом редактирование генов повлияет на организм. Насколько мне известно, практически такие же опыты уже проводились, но после этого несколько пар обратились в клинику для лечения бесплодия. Лучше бы, конечно, не делать ничего с организмом человека, пусть мы будем оставаться такими, какими нас рожают, с болезнями, в конце концов, можно справиться.

Иван: Отношусь нейтрально. К таким экспериментам нужно относиться с огромной ответственностью, ведь в первую очередь – это жизнь человека.

Василий: Если бы в мире уже много было таких экспериментов, и они были бы положительными, то почему бы и не попробовать на себе?

Прожективная ситуация («Согласились бы Вы на вмешательство в гены в случае угрозы заболевания собственного ребенка?») заставляет человека более ответственно отнестись к оценке выбора стратегии поведения и возможных последствий. В нашем случае респонденты разделились на две группы: первая однозначно против эксперимента на своих детях, другая согласилась бы при определенных условиях.

Основные **аргументы противников** те же, что и при оценке таких манипуляций с геномом, но дополнительно эмоционально окрашены. Не все поняли, что речь идет о более широком поле применения коррекций, сведя это к СПИДу.

Катя: Я бы не согласилась применить это к своим детям. Потому что, не известно, чем это обернется.

Вера: Скорее всего, нет, не провела бы на своих детях такое. Для чего? Если этот ген изъят при оплодотворении, то не факт, что потом девочки не заразятся этой болезнью.

Лариса: Я бы не стала проводить такой эксперимент, если не было бы доказано, что в дальнейшем с ними все будет хорошо, и из-за этого не возникнут отклонения.

Шура: На своих детках я не решилась бы ставить такой эксперимент. Если что-то пойдет не так, то я не хочу, чтобы они мучились из-за того, что я когда-то поставила их жизнь под угрозу.

Мотивация **«согласных»** провести операцию над своими детьми основывается на одном – другого выхода для спасения ребенка нет.

Алена: Может я пока не мать, мне пока этого не понять, но на эксперимент я согласилась бы (при определенных условиях). К этому можно отнести как к опыту. Если бы мой ребенок был болен. Я не хочу рожать больного ребенка, и обречь его на жизнь в мучениях. У меня был бы выбор: либо аборт, либо эксперимент, и я бы, скорее всего, выбрала второе.

Костя: Если это необходимо, и было бы лучше для моих детей, эксперимент имел бы гарантию, то мой ответ: «Да!».

Максим: На счет проведения таких опытов над своими детьми. Скорее «да». Но не в России, и если нет последствий.

Михаил: Если не будет другого выхода по спасению ребенка от болезни, то «да», разрешу. Если ребенок выздоровеет, то это будет просто замечательно. Умрет, тогда и я пойду за ним. Все просто...

Современная молодежь выросла в системе морального плюрализма, поэтому большинство либо не видит какой-либо угрозы для нравственности от вмешательства в геном человека, в том числе те, кто против таких экспериментов.

Борис: Никак эти эксперименты не повлияют на нормы общества. Все останется, так как есть сейчас.

Нина: Что будет с нормами морали? Я думаю, что ничего. Если это только в лучшую сторону решение проблемы.

Некоторые считают естественным, что при внедрении чего-то нового мнения разделяются.

Мария: Мораль общества изменяется по-разному. Кто-то будет «против», а кто-то «за».

Яков: Мораль ... вопрос сложный. Неизвестно, как бы отреагировал весь мир, но я в этом не вижу ничего плохого.

У некоторых **сохраняется вера в возможность контроля и регулирования работы ученых.**

Алена: Нормы морали, как по мне, не изменятся, а чего им меняться? Это будет сродни прививками. Хотя небольшие изменения будут, опыты над людьми

ми все-таки. Но регулирование опытов над нами не даст ученым заиграться.

Пессимисты не уточняли, почему именно мир изменится и не в лучшую сторону.

Катя: Если бы это всегда практиковалось, то мир изменился бы не в самую лучшую сторону, т.к. повторюсь, неизвестно, к чему это приведет.

Федор: Пропадут моральные рамки в обществе.

Несмотря на сомнения и колебания при оценке вмешательства в генетику человека, опасения личного участия в таких экспериментах, респонденты согласны в том, что эксперименты в данном направлении необходимы для прогресса медицины в борьбе с болезнями.

Сергей: В мире было бы меньше болеющих, я думаю, пошла бы на пользу такая медицина, но это в том случае, если такое лечение было проверено, исследовано и т.д. Но все-таки споров было бы много по поводу методов лечения и т.д.

Борис: Будут несогласные с этим люди (как против вакцинации), будут те, кто говорит, что это замечательная практика. Далее надо смотреть, как пройдет эксперимент. Если положительно, то есть великий шанс по лечению человека от рака, СПИДа. Если отрицательно, то мы получим население либо вырожденных, либо вообще не получим ничего.

Николай: Это будет прорыв! Особенно, если это будет с согласия человека.

Последнее уточнение очень важно – у человека должна оставаться свобода выбора, потому что именно ему придется отвечать перед будущим ребенком.

Последний вопрос: отношение к решению китайской пары в ситуации неизвестного нейтральное: взрослый человек имеет право на любое решение.

Кира: Женщина сама пошла на это. И это ее выбор.

Костя: Мать была согласна на эксперимент, о чем еще можно говорить, это ее сугубо личный выбор. Если эксперимент пройдет хорошо, то прекрасно, если нет, то уввы.

Наш опрос не ставил цели выявить соотношение сторонников и противников отношения к «дизайнерским медицинским технологиям», но получить мотивацию их принятия или отвержения молодежью. Показательны вариативность мнений, отказ от традиционных стандартов нормативности поведения, отсутствие ссылок на позиции религиозных организаций, которые наиболее однозначны в своих отрицательных оценках границ медицинского вмешательства в жизнь, «данную богом», и т.д. – свидетельствует о наличии в общественном сознании предпосылок формирования в ближайшем будущем новой суб/контр/культуры стратегического планирования «ребенка на заказ». Зафиксированы также колебания в оценках: например, принципиально отрицательное отношение к экспериментам сменяется на положительную оценку решения китайской пары.

Итак, объективность перечисленных выше процессов рано или поздно поставит проблему выбора во всей ее сложности, в том числе гуманистической. Что касается общественного мнения, то управление им с помощью новых технологий, используемых СМИ, – дело несложное. Особенно когда аргументы исходят от людей науки. К примеру, заявление д.б.н. С.Л. Киселева гасит ряд сомнений: «Половина населения

Земли – это тоже ГМ-продукты, потому что в них проникают вирусы. Вирус папилломы, цитомегаловирус, вирус герпеса. И все мы становимся генетически модифицированными. Поэтому применять это только к этим девочкам, пожалуй, несправедливо» (Брилев 2018). По мнению биохимика, академика С.А. Лукьянова, научно-технологический прогресс уже сталкивался с барьером из этических и моральных норм, тем, что было принято считать «нормальным» в обществе. В Средние века врачи, стремившиеся изучить строение человеческого тела, могли быть убиты за осквернение тел покойных. «Но ничего, мы преодолели эту проблему и живем с высокоразвитой медициной» (Тимошенко, Лосева, Веселкова, Шунин 2018).

Но насколько корректны такие сравнения? «Исправление ошибок природы» на уровне плода, вне сомнения, гуманно. Но это частная проблема первого шага к решению более глобальной задачи. Вирус герпеса, пересадка сердца, смена пола, защита будущего ребенка от врожденных болезней не структурируют общество по критерию «сверх-люди» и «служебные люди». Такую возможность дают биотехнологии тогда, когда мутации на физиологическом уровне проводятся в условиях мутаций общественного сознания, актуализируемых через правовые и другие государственные институты. В 2003 г. Ю.В. Хен справедливо отмечала: «Евгеническая идея пронизывает всю культурную историю человечества» и в условиях приоритета интересов и блага отдельного человека над интересами общества «безотносительно к тому, как будет решена профессионалами от этики проблема последствий внедрения передовых технологий в практику, человечество в целом уже готово к своему «геномному «будущему» (Хен 2003: 3, 152). События последующих лет: открытия в науке, цинизм в политике, разрушение традиционной морали задают его контуры.

Источники и материалы

- Балаева 2018 – Балаева Е. “Дизайнерские дети”: быть или не быть. <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1855807/> (дата обращения: 17.04.2020).
- Более 2019 – Более 12 млн инвалидов получают выплаты Пенсионного фонда. 03 декабря 2019. http://www.pfrf.ru/press_center~2019/12/03/194865 (дата обращения: 17.04.2020).
- Брилев 2018 – Брилев С. “ГМО-близнецы”: китайский ученый расколол научный мир. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3089879>. 1.12.2018 (дата обращения: 19.04.2020).
- В Китае 2019 – В Китае ученого осудили на три года за эксперимент с рождением генетически модифицированных детей. <https://novayagazeta.ru/news/2019/12/30/158041-v-kitae-uchenogo-osudili-na-tri-goda-za-eksperiment-s-rozhdeniem-geneticheski-modifitsirovannyh-detey> (дата обращения: 16.05.2020).
- ГМО 2019 – ГМО-дети: озвучили печальные подробности о китайских близнецах. https://24tv.ua/health/ru/gmo_deti_ozvuchili_pechalnye_podrobnosti_o_kitajskih_bliznecah_n1162397/05/06/2019 (дата обращения: 17.04.2020).
- Данилов 2020 – Данилов Д. Индексация социальной пенсии с апреля 2020 года: каким будет повышение. <https://top-rf.ru/investitsii/302-sotsialnaya-pensiya-s-1-aprelya-povyshenie-i-poslednie-novosti.html> (дата обращения: 17.04.2020).
- “Дизайнерские дети” 2015 – “Дизайнерские дети”: Великобритания узаконила изменение генов человека. <https://www.vesti.ru/article/1730414>. 25 февраля 2015 (дата обращения: 14.06.2020).
- Директор 2015 – «Директор Курчатовского института М. Ковальчук выступил на заседании Совета Федерации в рамках “Времени эксперта”». 30.09.2015. <http://council.gov.ru/events/multimedia/video/44107/>(дата обращения: 20.06.2020).
- Ершов 2019 – Ершов А. Стали известны подробности китайского эксперимента по созданию генетически модифицированных детей (спойлер: все плохо). <https://meduza.io/slides/stali->

- izvestny-podrobnosti-kitayskogo-eksperimenta-po-sozdaniyu-geneticheskimi-modifitsirovannyh-detey-spoiler-vse-ploho. 06.12.2019 (дата обращения: 25.04.2020).
- Звездина, Кузнецова 2019 – Звездина П., Кузнецова Е. Эксперты КГИ предложили реформу системы господдержки инвалидов. <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2019/5ce817c49a7947aba52b8f2f>. 28.05. 2019 (дата обращения: 20.06.2020).
- Итоги 2018 – Итоги экспресс-опроса. <http://www.inclusive-edu.ru/novosti/itogi-ekspress-oprosa/>(дата обращения: 27.04.2020).
- Левада-центр: У трети семей с инвалидами едва хватает денег на еду. <https://lentachel.ru/news/2019/06/07/levada-tsentr-u-treti-semey-s-invalidami-edva-hvataet-deneg-na-edu.html#hcq=uFisZ4s> (дата обращения: 17.05.2020).
- Москва 2018 – «Умный город – 2030». https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf.
- Мутации 2019 – Мутации китайских ГМО-близняшек: о чем молчали ученые? <https://laba.media/materials/neozhidannye-mutatsii-kitaiskikh-gmo-blizniashek-o-chem-molchali-uchenye>. 06.03.2019 (дата обращения: 20.04.2020).
- Самая 2019 – «Самая зверская реформа»: государство сокращает количество инвалидов. <https://udm-info.ru/article/general/30-08-2019/samaya-zverskaya-reforma-gosudarstvo-sokraschaet-kolichestvo-invalidov/>(дата обращения: 21.04.2020).
- Серия б.г. – Серия плакатов Дорожная карта достижения бессмертия» <https://www.artlebedev.ru/immortality-roadmap/> (дата обращения: 07.06.2020).
- Статистика б.г. – Статистика о детях. <https://vseprodetok.ru/statistika-o-detyax/#i>(дата обращения: 17.04.2020)
- Тимошенко, Лосева, Веселкова, Шунин 2018 – Тимошенко А., Лосева П., Веселкова А., Шунин И. В Китае родились первые ГМО-дети. Почему эксперимент встревожил ученых и общественность. <https://nauka.tass.ru/nauka/5849815>. 29.11.2018 (дата обращения: 19.04.2020).
- Указ 2019 – Указ Президента Российской Федерации «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства 1 группы. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319752&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8317004290545027> (дата обращения: 19.04.2020).

Научная литература

- Апанасенко Г.Л. Биологическая деградация НОМО SAPIENS и четвертый демографический переход: пути решения проблем // Россия: тенденции и перспективы развития. Материалы XV Международной научной конференции / Отв. Ред. Ю.С Пивоваров. М.: Издательство: ИНИОН РАН, 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskaya-degradatsiya-homo-sapiens-i-chetyvortyuu-demograficheskii-perehod-puti-resheniya-problem> (дата обращения: 17.04.2020).
- Буйнякова И.С. «Дизайнерские младенцы»: социально-этические проблемы биотехнологического проектирования будущих детей // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 10. С. 130–139.
- Войнилов Ю., Полякова В. Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. Том 28. № 1. С. 185–207.
- Суслова Т.Ф., Светлакова О.Ю. Исследование аттитудов родителей в отношении инклюзивного образования детей с расстройствами аутистического спектра в отечественной и зарубежной науке // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 68–77.
- Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. 177 с.
- Хен Ю.В. Евгенический проект: «про» и «Contra». М., 2003. 153 с.
- Широкалова Г.С. Субкультура как фактор инвалидизации // Преподавание истории в школе. 2019. № 7–2. С. 30–32.

Shirokalova, Galina S.*

«Designer Children» as a Way of Prevention of Social Disability

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/91-103

The medicalization of human life expands its capabilities and rights in areas that were / are taboo in the coordinates of traditional morality. The article analyzes the problem of constructing a future society through the creation of “designer children”, including prevention of disability of the population with the help of biomedical GM-technologies. Unlike scientists, public opinion is not yet ready to predict the consequences, considering biomedicine only as an effective way to fight diseases. At the level of everyday consciousness, there are no prejudices towards research in this direction, only a small part of the population thinks about the long-term medical and social consequences of these operations. There have always been “heretic scientists” in the world who work outside the boundaries of academies and institutions. Today, there may be “biohackers” among them, whose research is funded by private individuals interested in the results to achieve their own goals and not a single law, not a single state can control their work. Among scientists there have always been people who are ready to risk everything for a new word in science. In the Middle Ages, they went to the stake, so even less the punishment of several years in prison today can stop scientific progress. By changing ethical boundaries for themselves, they will change the morality of the majority. The passivity of society today will provoke politicians tomorrow to make decisions that contribute to the further desacralization of the human body in various directions.

Key words: *disability of society, biomedical GM-technologies, designer children, transhumanism, youth, public opinion*

For Citation: Shirokalova, G.S. 2021. «Designer Children» as a Way of Prevention of Social Disability. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 91–103

***Shirokalova, Galina S.** – Dr. of Sociology, Prof., Senior Researcher, Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (Moscow-Nizhny Novgorod, RF), International Interdisciplinary Research Laboratory for the Study of World and Regional Social Processes (Nizhny Novgorod, RF). E-mail: shirokalova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>

References

- Apanasenko, G.L. 2015. Biologicheskaya degradatsiya HOMOSAPIENS i chetvertyi demograficheskii perekhod: puti resheniya problem [Biological degradation of HOMO SAPIENS and the fourth demographic transition: ways to solve problems]. In *Rossia: tendentsii i perspektivy razvitiia. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [Russia: trends and prospects of development. Materials of the XV International scientific conference], edited by Yu. S. Pivovarov. Moscow: Publishing House: INION RAS, 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskaya-degradatsiya-homo-sapiens-i-chetvyortyy-demograficheskii-perekhod-puti-resheniya-problem> (date accessed: 17.04.2020).
- Buyakova, I.S. 2017. “Dizainerskie mladentsy”: sotsial’no-eticheskie problemy biotekhnologicheskogo proektirovaniia budushchikh detei [“Designer babies”: the socio-ethical problems of biotechnological engineering of future children]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* 10: 130–139.

- Voynilov, Yu. and V. Polyakova. 2016. Moe telo – moia krepost': obshchestvennoe mnenie o biomeditsinskikh tekhnologiiakh [My body is my fortress: public opinion on biomedical technologies]. *Sotsiologiya vlasti* 28 (1): 185–207.
- Suslova, T.F. and O.Yu. Svetlakova. 2018. Issledovanie attitudov roditeli v otnoshenii inkluzivnogo obrazovaniia detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke [Research of parents' attitudes towards inclusive education of children with autism spectrum disorders in domestic and foreign science]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* 7 (5A): 68–77.
- Tishchenko, P.D. 2001. Bio-vlast' v epokhu biotekhnologii [Bio-power in the era of biotechnology]. Moscow.
- Hen, Yu. V. 2003. *Evgenicheskii proekt: "pro" i "Contra"* [Evgenic project: "pro" and "Contra"]. Moscow.
- Shirokalova G.S. 2019. Subkul'tura kak faktor invalidizatsii [Subculture as a factor of disability]. *Prepodavanie istorii v shkole* 7 (2): 30–32.

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 39+81+82.091

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120

© *И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова*

О СЛОЖНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ*

В статье представлены материалы социологических опросов населения Чувашии за 2015–2019 гг. по проблемам этнокультурного развития и межнациональных отношений в республике. В ходе исследования получены достаточно устойчивые результаты, свидетельствующие о выборе частью респондентов сложной этнической и языковой идентичности: они относят себя одновременно к русским и чувашам, указывают в качестве родных русский и чувашский языки. Выбор двух (редко трех) родных языков наблюдается обычно в два-три раза чаще, чем признание себя носителем сложной этнической идентичности. Сравнение уровней суждений по поводу некоторых этнокультурных ситуаций позволяет говорить о возможности выделения группы лиц, прежде всего со сложной этнической идентичностью, в относительно самостоятельную группу, дрейфующую со своими оценками и предпочтениями между группами русских и чувашей, с переходом в отдельных вопросах границ групп, мнений которой они в основном придерживаются.

Ключевые слова: *Чувашская республика, самоидентификация, этничность, родные языки, культурная сложность*

Ссылка при цитировании: *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 104–120.*

Материалы социологических опросов, этнографические наблюдения уже достаточно продолжительное время свидетельствуют, что определенное число российских граждан выбирают в ходе самоидентификации не одну, а две, иногда – три близкие для себя культурные группы, с которыми они связывают свою принадлежность. В еще

Бойко Иван Иванович – д.и.н., главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: boyko2003@yandex.ru

Долгова Алевтина Петровна – к.филол.н., ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: enzenz@yandex.ru

Харитонова Валентина Григорьевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015 Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: val1957@rambler.ru

* Статья написана при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

большей степени наблюдаются примеры выбора нескольких, чаще двух, родных языков. То есть речь идет о культурной сложности на уровне отдельного человека. В российской науке возможность и реальность таких предпочтений обозначил В.А. Тишков. Например, в феврале 1992 г. в «Независимой газете» он писал об индивидуальном выборе на «лояльность или принадлежность к той или иной культуре или к нескольким сразу» (цит. по перепечатке в ст.: *Тишков* 2005: 39). Такая позиция получила как своих сторонников, так и оппонентов. По словам Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, «отечественные и зарубежные ученые фиксируют и сдвоенную идентичность, и символическую (люди ощущают свою идентичность, но без участия в практике той или иной культуры и, тем более, без участия в формальных и неформальных организациях), и так называемую квазиэтничность, когда человек, имеющий родителей разной этнической принадлежности, идентифицирует себя с этническим большинством» (*Арутюнян, Дробижева* 2014: 107–108). Е.А. Хабенская обращает внимание на то, что основываясь на данных эмпирических исследований этнопсихологов, «особенно в полиэтничных мегаполисах со сложной структурой, многие авторы приходят к выводу, что возможна одновременная самоидентификация индивида с двумя и более этническими общностями, то есть что несколько идентичностей в сознании одной личности могут существовать вполне независимо друг от друга» (*Хабенская* 2006).

В практической плоскости попытки фиксировать реально складывающуюся ситуацию в ходе переписей населения оказались не очень успешными, хотя материалы обследований в различных регионах страны свидетельствовали, что значительная часть граждан допускает не только сложность этнической идентичности, но и возможность ее смены на протяжении жизни. Следует отметить, что в переписи населения 2002 г. по предложению В.А. Тишкова была произведена ступенчатая группировка ответов на уровне «группа/подгруппа». Например, крышены и сибирские татары были указаны как подгруппы татар. Одной из задач учета таких группировок и была возможность показать феномен сложной идентификации (*Тишков* 2013: 326).

В ходе реализации проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» были получены результаты, свидетельствующие, что почти половина респондентов в той или иной степени не воспринимает идею о двух или более национальностях у человека, однако поддерживает эту идею только чуть меньшая часть (42%). В ходе работы над этим же исследовательским проектом были получены материалы, свидетельствующие о том, что 46% участников опроса не были согласны с возможностью смены национальности, но более трети (35%) оказались солидарными с подобной постановкой вопроса. Кроме того, десятая и пятая часть опрошенных не смогли дать определенный ответ на эти вопросы (*Тишков* 2011: 52–53).

На наш взгляд, представляет интерес возможность выявления особенностей самоидентификации таких лиц для того, чтобы вести речь о выделении границ групп со сложной этнической и языковой идентичностью. Продуктивным с этой точки зрения может быть сравнительный анализ уровня предпочтений различных этнокультурных маркеров, проявляющихся у членов таких групп, с вариантами, преобладающими в «традиционных» коллективах. При этом важно подчеркнуть, что сам набор маркеров весьма распространен для категорий с простыми и сложными идентичностями. Речь при этом идет о частоте предпочтений в различных группах обследованных.

Для решения поставленной задачи воспользуемся материалами ряда социологических опросов в Чувашии. В республике свыше 10 лет проводятся мониторинговые

обследования населения по общей программе «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике», в ходе которых опрашивается по 600 жителей региона соответственно их поселенческому, гендерному, возрастному распределению. Также несколько лет ведутся опросы студентов и учащихся, в ходе которых выявляются их гражданские позиции, отношение к учебе, общественной работе, оценка этнокультурной ситуации и т.д. Выборка при этом обычно составляет 400–600 человек. Мы будем пользоваться данными, полученными в ходе мониторинговых опросов 2015, 2017 и 2019 гг. В результате мы можем уверенно утверждать, что при опросах населения 5–7% от их числа, отвечая на вопрос о своей национальной принадлежности, не ограничиваются единичным выбором. Чаще всего они отвечают, что являются одновременно чувашами и русскими (вариант – русскими и чувашами). Такой выбор сложных идентичностей вполне объясним, поскольку русские и чувашаи в сумме составляют свыше 90% населения республики. Есть случаи и других предпочтений: татарин и чуваш; мордвин и русский; украинец и русский и т.д., но обычно это единичные ответы. Студенты чаще определяют свою принадлежность к разным культурам: таких насчитывается в среднем около 12–14% (опросы 2018 и 2019 гг.), свыше 90% из них причисляют себя или к русским, или к чувашам. При заполнении анкеты такие респонденты чаще предпочитают вариант с отдельным упоминанием двух или трех национальностей. Реже наблюдаются случаи, когда интервьюер записывает, например, такой сложный ответ, как русский чуваш или же чувашский русский.

Если вести речь о сложной языковой идентичности, то доля лиц, избравших в качестве родного не один, а два, в редких случаях – три языка, достигает при опросе всего населения 20–22% (2018–2019). Среди молодежи таковых насчитывается больше. Например, в 2018 г. за два языка в качестве родных высказались 26% студентов вузов, спустя год их оказалось почти треть (31%). В 2016 г. проводилось обследование студентов и учащихся среднего и начального профессионального образования. В составе данного контингента для 35% родными были как русский, так и чувашский языки. Этот выбор языков преобладал в абсолютном большинстве случаев, что вполне естественно для Чувашии.

Понятно, что имеется тесная корреляция между национальностями респондентов и их родными языками. Так, например, для 97% опрошенных в 2019 г. жителей республики, считавших себя русскими, родным был только один язык – русский. Почти 3% выбрали русский и чувашский языки в качестве родных и менее одного процента определили в качестве такового чувашский язык. Для чувашей распределение родных языков было следующим: за чувашский высказалось немногим менее двух третей респондентов (62%), за русский – 10%, за чувашский и русский одновременно – 28%. Наконец, у участников опроса, выбравших сложную этническую идентичность, оказались равные доли русского языка как родного и двух языков в качестве таковых (по 47%). Остальные 6% отдали предпочтение чувашскому языку.

За годы наблюдений получены достаточно устойчивые результаты, свидетельствующие, что оценки различных этнокультурных ситуаций лицами, избравшими смешанную этническую и языковую идентичность, отличаются от мнения респондентов, считающих себя только чувашами или только русскими, а также тех, для которых родной язык был в единственном числе. Иначе говоря, можно вести речь о достаточной самобытности этой категории населения, в первую очередь применительно к тем проблемам, которые имеют этнокультурные особенности.

Следует также уточнить, что в связи с изменением отдельных задач исследования, итоги мониторинговых опросов не всегда сопоставимы, а обследования студенческой молодежи ежегодно посвящались отдельным проблемам, но во всех из них участникам задавался вопрос об их национальности и родных языках. Полученные нами материалы дают возможность охарактеризовать только отдельные стороны проявления сложной этнической и языковой идентичности, а не с точки зрения достаточно системного подхода к ее формированию, поскольку все обследования решали собственные задачи. Иначе говоря, эти опросы не дают достаточного материала для выявления набора когнитивных, эмоциональных и регулятивных компонент этнического самосознания респондентов.

Важно отметить и следующее. В опубликованной в 2016 г. статье мы приводили данные ряда обследований населения Чувашии, в которых вопросы о родных языках и национальностях респондентов формулировались по-разному. В части анкет эти вопросы содержали разъяснения и примеры сложных языковых и этнических идентичностей, в других – нет. Полученные материалы закономерно свидетельствуют, что чем меньше подобных разъяснений и примеров, тем ниже доля лиц, склонных к выбору не одной, а двух или трех идентичностей, или родных языков. Понятно, что подсказки при опросах искажают «чистоту эксперимента», но в данном случае мы сознательно шли на это, поскольку следует помнить особенности вопросов, например, о национальной принадлежности. В силу не только определенных традиций, но и существовавшей в свое время фиксации в официальных документах (паспорт, различные анкеты, удостоверения и др.) только одной национальности, респонденты нередко не допускали мысли об отсутствии любых запретов на возможность указать принадлежность к двум, трем этническим группам. Чтобы разъяснить ситуацию, в анкеты и включались «подсказки». При этом нарушений каких-либо официальных предписаний не было, и такой выбор соответствовал реальному положению дел. При опросе в 2011, 2013 и 2014 гг. различных молодежных групп (студенты, студенты и учащиеся, школьники) разница при выборе такой сложной идентичности, как чуваш+русский, колебалась от 2,5 до 17–18%. В ходе опросов населения республики в 2012, 2013, 2014 гг. такую смешанную идентичность выбирали соответственно 4, 13 и 2% (Бойко, Харитонова 2016).

Во всех обследованиях, материалы которых используются в данной статье, вопрос о национальности содержал разъяснение о том, что можно выбрать не один ответ.

В первую очередь выясним мнение опрошенных в Чувашской Республике о самой возможности иметь не только одну этническую принадлежность и не один родной язык. В обследованиях населения и студенческой молодежи республики использовались формулировки, применявшиеся в ходе опросов по программе Распределенного научного центра и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), в том числе и в Чувашии.

Материалы, представленные в табл. 1, показывают, что, русские по сравнению с чувашами, в большей степени восприимчивы к множественной этнокультурной идентичности, хотя дистанция в этом отношении достаточно близка. Чуваша с этой точки зрения выглядят консервативнее, хотя в случае с возможностью выбора более одного родного языка они на 2 процентных пункта опережают русских. Вполне возможно, что практическое равенство в данном случае отражает реальное положение дел с распространением билингвизма в Чувашии и высоким уровнем владения русским языком представителями всех этнических сообществ.

Группа лиц, в чьей самоидентификации отражена культурная сложность, является самостоятельной и отличающейся по выбору вариантов ответов на этот вопрос. Вполне закономерно, что заметное большинство из их числа выбрало вариант ответа, который допускает возможность более чем одной национальности и более чем одного родного языка. В то же время следует обратить внимание и на некоторое противоречие при выборе первых двух вариантов, предполагающих возможность у человека только одной национальности.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, может ли человек заявлять, что у него не одна национальность и один родной язык, а больше?» (2019, %)

	Всего*	Этнические группы, в т.ч.			Родные языка, в т.ч.		
		русские	чуваши	русские+ чуваши**	русский	чувашский	русский+ чувашский
У одного человека может быть только одна национальность и один родной язык	41	39	44	15	36	54	24
Можно иметь только одну национальность, но более одного родного языка	31	31	33	17	33	26	38
Можно иметь более одной национальности и более одного родного языка	24	27	19	62	28	16	33
Затрудняюсь ответить, другое	4	3	4	6	3	4	5

* В данном столбце учтены ответы всех опрошенных, среди которых было около 5% представителей этнических групп, не указанных в таблице.

** Здесь и далее для удобства использован только один из вариантов названий данной этнокультурной группы.

На наш взгляд, в данном случае можно выдвинуть предположение, что для респондентов этой группы, ответивших отрицательно на возможность выбора более одной национальности, такой единственной является сложная этническая идентичность. Формулировка вопроса, его графическое оформление предполагают как бы некую сумму национальностей (более одной), но для опрошенных реальной является интегральное восприятие своих этнических маркеров, а не их механическая и пропорциональная сумма из группы русских и чувашей. Конечно, речь может идти и о некотором непонимании вопроса, что также повлияло на выбор вариантов ответа. Полагаем, эта проблема должна быть рассмотрена более подробно и с учетом выска-

занного предположения. Л.Р. Низамова, исследовавшая этническое самосознание и межпоколенную трансмиссию этничности студентов Казанского университета, обратила внимание, что часть респондентов из смешанных по национальности семей, записывали свою этническую принадлежность через черточку, дефис, соединение двух национальностей в одном слове (например, татарус) и др. Из всех студентов, составивших смешанную выборку, около 37% отнесли себя к представителям двух (нескольких) этнических культур (Низамова 2013: 174–176). Б.Е. Винер, приводя примеры проявления сложных идентичностей, обращается к опыту американских исследователей, опросивших белое население в одной из городских агломераций штата Нью-Йорк, которое на одну треть происходило из моноэтнических семей, а на две трети – из этнически смешанных. Но во время опроса лица смешанного происхождения распались на две почти равные по численности группы. Одна из них идентифицировала себя только с одной родительской категорией, а другая – с несколькими одновременно (Винер 2005: 149).

Учет сложной языковой идентичности при ответе на данный вопрос показал следующее. Среди лиц, выбравших возможность более одного родного языка, – не только русские+чуваши, но и часть тех, кто определяет себя чувашами, и незначительная доля тех, кто считает себя русскими. Такое распределение сказывается на более частом выборе только одной национальности. Но можно утверждать, что и в данном случае прослеживается наличие трех этнокультурных групп.

Далее рассмотрим категоризацию этнической и языковой идентичности респондентов путем сравнения ответов на вопрос об общих чертах «своих» этнокультурных групп. Всего было выделено 10 категорий, среди которых большинство прямо или косвенно представляли элементы культуры, но в таблице 2 оставлены 6, частота выбора которых хотя бы по одной группе равнялась или приближалась к 20%. В целом набор важнейших индикаторов при этнической идентификации практически соответствует наиболее выбираемым из них представителями различных народов. Так, Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова, ссылаясь на данные мониторинга Института социологии РАН, отмечают, что выраженными этническими индикаторами являются язык, культура, родная земля, историческое прошлое (Дробижева, Рыжова 2015: 17). Наборы таких же этноконсолидирующих признаков, приводимых другими авторами, свидетельствуют, что при важности выделенных индикаторов уровни их значения у разных народов неодинаковы и определяются различными факторами. Например, по данным Т.А. Титовой и В.Е. Козлова, в иерархии этноконсолидирующих признаков молодежи в Татарстане и для русских, и для татар на первом месте стоит язык (Титова, Козлов 2014: 123). По материалам опроса населения Республики Марий Эл, проведенного в 2019 г., для русских, марийцев и татар важнейшим показателем принадлежности к своему народу также является язык (Зеленева, Орлова, Шабьков 2020: 37). В Чувашии ситуация с этим фактором для русских не такая актуальная, но об этом немного ниже.

Для нас важно рассмотреть позицию респондентов со сложным этнокультурным выбором, и в данном случае можно констатировать, что их представления в одних случаях близки оценкам русских или чувашей (общая территория), находились в среднем положении (язык), были ближе к позициям чувашей (историческая судьба, религия), или же был отмечен дрейф в разные годы по такому фактору сближения, как национальные обычаи, привычки, обряды.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, что из перечисленного ниже сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом?» (%)

	Этнические группы, в т. ч.						Родные языки, в т. ч.		
	русские		чуваши		русские+чуваши		русский	чувашский	русский+чувашский
	2015	2017	2015	2017	2015	2017	2017	2017	2017
Общая земля, территория	55	49	55	45	48	49	49	46	43
Национальный (родной) язык	45	31	68	70	55	43	29	81	61
Национальные обычаи, привычки, обряды	25	20	43	36	38	20	21	42	24
Историческая судьба, прошлое	51	38	30	27	28	23	35	24	32
Религия	18	20	11	11	7	3	18	9	12
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	19	17	14	11	17	14	17	8	13

У лиц со сложной языковой идентичностью в 2017 г. отмечены различные позиции выделенных индикаторов. Обратим внимание на ситуацию с родным языком, как одним из центральных оснований этнокультурного выбора. Для чувашей она самая актуальная, что неудивительно. Заметна его значимость в качестве сближающего фактора и для респондентов со сложной языковой идентичностью, при этом следует обратить внимание на дистанцию с респондентами, выбравшими в качестве родного чувашский язык, и эта разница составила почти 20 процентных пунктов. Не такой высокий уровень его выбора у русских, и уменьшение его значимости как у них, так и у тех, кто выбрал более одной этнической принадлежности, связано, на наш взгляд, со снижением напряжения для русскоязычного населения в связи с известным заявлением В. Путина в июне 2017 г. в Йошкар-Оле о недопустимости нарушения принципа добровольности при изучении языков народов России. Обследование проводилось в октябре – начале ноября 2017 г., и русский язык уменьшил свое значение как фактор мобилизации в многочисленных дискуссиях о преподавании чувашского языка в учебных заведениях, прежде всего в школах. Если же сравнивать ситуацию в Татарстане и Чувашии, то в последней проблемы с восприятием преподавания родных языков не были такими острыми, хотя дискуссии велись

достаточно регулярно. В общей сложности варианты ответа на данный вопрос, на наш взгляд, дают основание вести речь об общей для респондентов со сложной этнической идентичностью специфике. В целом можно утверждать, что у всех трех выделенных групп (чуваши, русские, русские+чуваши) идентификационные представления оказались достаточно близкими и согласованными, выявленные дистанции между ними не свидетельствуют о принципиальных расхождениях, но дают основание говорить о наличии этнокультурной базы для понимания их определенной самобытности. В трех группах опрошенных со сложной языковой идентичностью по ряду индикаторов фиксируется значимая дистанция, в то же время в них проявляется влияние определенной части чувашей, которые родными для себя выбрали только русский язык или же русский наряду с чувашским.

Важным для нашего исследования представляется определение этнической лояльности, проявляющейся в ходе ответов на часто используемые вопросы об отношениях с лицами разных национальностей. Следует отметить, что замеры в Чувашии регулярно фиксируют весьма доброжелательные межэтнические отношения между представителями прежде всего старожильческого населения (чуваши, русские, татары, мордва, марийцы), одновременно наблюдается настороженное отношение к мигрантам, о чем мы будем вести речь немного ниже. По материалам, полученным в ходе опроса 2015 г., на вопрос о важности учета национальности при выборе друзей 16% русских и 17% чувашей ответили, что это лучше делать в среде лиц своей национальности. В составе выбравших смешанную идентичность подобные ответы встречались значительно реже и составили чуть более 3%. Подавляющее большинство опрошенных при ответе на этот вопрос полагало, что национальности не нужно придавать значения (77% русских, 76% чувашей и 92% респондентов со сложной идентичностью). Еще один вопрос касался такой деликатной сферы, как заключение браков, создания семей людьми разных национальностей. Положительные оценки у русских и чувашей в отношении этой проблемы были одинаковыми, таким образом высказались по 58% опрошенных из этих групп. Отрицательным оказалось восприятие у 4% русских и 10% у чувашей. Кроме того, примерно одинаково выбирались такие ответы, как «это меня не касается» и «смотря какой национальности». У русских+чувашей уровень одобрения подобных браков составил 83%, осуждения – 3%, остальные 14% выбрали нейтральные варианты ответов.

Отметим два момента. Во-первых, более высокий уровень предпочтений у чувашей и русских в сторону «своих» национальностей при выборе друзей и членов семьи, вовсе не означает, что они с этой точки нетерпимее, чем опрошенные со сложной этнической идентичностью. Речь идет о более привычных в этом отношении установках и стереотипах, которые вполне сочетаются с высокими положительными оценками уровня межэтнических отношений в республике. Во-вторых, по приведенным материалам можно предположить, что предпочтение в качестве собственных сложных этнических сочетаний побуждает к большей терпимости к «иным», по крайней мере, в подобных бытовых ситуациях.

В продолжение этих сюжетов рассмотрим отношение выделенных нами этнических групп к ситуации с мигрантами. В Чувашии достаточно давно прослеживается негативно настороженное мнение, которое базируется в числе других и на ряде установок, не основанных на реальном положении дел.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, необходимы ли современной России, в т.ч. Чувашии, трудовые мигранты?» (%)

	русские		чуваши		русские+чуваши	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, которые пытаются интегрироваться	9	12	5	10	24	15
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой	12	14	19	19	10	23
Да, необходимы и те, и другие трудовые мигранты	8	8	6	6	7	15
Нет, никакие трудовые мигранты не нужны России	55	54	50	48	45	29
Затрудняюсь ответить	16	12	20	17	14	18

В частности, значительная часть населения уверена (и опросы подтверждают это), что приезжие создают местным жителям конкуренцию на рынке труда. По данным официальной статистики, лица, прибывшие в республику на работу, не занимают и одного процента занятых, и не могут быть серьезным препятствием в этой сфере. С другой стороны, Чувашия, по материалам той же статистики, входит в первую пятерку регионов, которые делегируют своих жителей для трудовой деятельности в других областях и республиках. В самой республике рабочие места имеются, но уровень заработной платы многих соискателей не удовлетворяет. На этом фоне приезд «чужих» в республику воспринимается болезненно. Данные табл. 3 показывают, что русские в незначительной степени являются большими противниками приезда в республику трудовых мигрантов, чем чуваши, но в целом дистанция между ними не очень заметна. В то же время, русские+чуваши оказались в этом отношении лояльнее. Конечно, следует напомнить, что абсолютная численность респондентов, выбравших сложную этническую идентичность, достаточно невелика, поэтому приведенные показатели следует воспринимать с учетом этого. Но надо признать, что в целом соотношение показателей повторяется, и можно вести речь об устойчивых от опроса к опросу результатах.

Респондентов с различными родными языками также можно разделить на 3 группы по их отношению к необходимости мигрантов. Воспользуемся данными опроса 2019 г. и отметим, что среди опрошенных с родным русским языком доли высказавшихся за различные варианты привлечения мигрантов составили соответственно 10, 15 и 7%. Противников привлечения таких работников оказалось чуть более половины – 52%, затруднились ответить 16%. Логично, что сравнение этих данных с ответами этнических русских показывает их близкое сходство. Такой же вывод следует и при сравнении ответов лиц с родным чувашским языком, и этнических чувашей. Разница по от-

дельным позициям составила 2–3%. Чуть более заметная дистанция между ответами респондентов со сложной этнической идентичностью, с одной стороны, и сложной языковой идентичностью – с другой. Ответы последних на вопрос о необходимости трудовой миграции выглядели следующим образом: за – 11, 26, 9; против – 35 и затруднились ответить 19%. Дистанция в 6 процентных пунктов выявлена при выборе вариантов ответа о необходимости всех групп трудовых мигрантов и, наоборот, их необходимости в России и Чувашии. На этот показатель повлияла достаточно значительная группа этнических чувашей, заявивших о наличии у них двух родных языков.

Приведенные данные 2019 г. позволяют сделать следующие выводы. Из трех выделенных нами этнокультурных групп достаточно близкими друг к другу по отношению к мигрантам были русские и чуваша, лица со сложной этнической идентичностью проявили в этом отношении менее жесткую позицию. Такая же тенденция получена при анализе ответов опрошенных с различными родными языками. Те из них, кто выбрал два родных языка, более лояльны к мигрантам по сравнению с респондентами, выбравшими или русский, или чувашский родной язык. Вместе с тем следует отметить, что особенности их ответов определили наличие в составе этой группы не только респондентов со сложной, но и с единичной этнической идентичностью, что уже было нами отмечено. Тем не менее, этот пример также показывает возможность и реальность выделения этнокультурной группы, основу которой составляют лица со сложной этнической и отчасти языковой идентичностью.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, приезд в Чувашию жителей из российских республик Северного Кавказа (Ингушетия, Северная Осетия, Дагестан, Чечня и др.) и государств Закавказья и Средней Азии (Азербайджан, Грузия, Армения, Узбекистан, Таджикистан и др.) следует каким-то образом ограничивать?» (2019, %)

	В том числе		
	русские	чуваша	русские+чуваша
Миграцию следует ограничивать для всех приезжающих из Кавказских и Среднеазиатских регионов	38	51	27
Миграцию следует ограничивать только из государств Закавказья и Ср. Азии, а из российских северокавказских республик не надо	20	15	29
Никакую миграцию ограничивать не следует	22	9	18
Затрудняюсь ответить	20	25	26

Приведем еще одно наблюдение об отношении к гипотетическому запрету на приезд в Чувашию мигрантов не только из зарубежья, но и российских республик Северного Кавказа. Вопрос анкеты по этой проблеме является провокационным, поскольку он противоречит российской Конституции, гарантирующей гражданам страны свободное передвижение в ее внутренних границах. Но уже нескольких лет,

с тех пор как в анкетах появился этот вопрос, около 40–50% респондентов считают возможным ввести запретительные меры, ограничивающие прибытие в Чувашию всех мигрантов из Кавказского и Среднеазиатского регионов (табл. 4).

Конечно, такая позиция отражает и косвенное отношение опрошенных к содержанию общегражданской идентичности, как бы исключая возможность такого самоопределения для части россиян. В данном случае не будем останавливаться на этой проблеме, для нас важен сравнительный показ отношения к ней представителей трех этнических групп. Можно констатировать, что чувашаи+русские в заметно меньшей степени поддержали запретительную тенденцию для всех мигрантов из обозначенных регионов (27%). В то же время они чаще выступали против приезда иностранцев из бывших республик СССР.

Дистанцию между ответами на этот вопрос лиц с разными родными языками можно охарактеризовать следующим образом. В 2019 г. среди тех, кто имел в качестве таковых русский или чувашский язык, выбор вариантов был закономерно близок к мнению русских и чувашей, разница составляла 2–3 процентных пункта; и только среди тех, кто затруднялся ответить, в обеих группах она равнялась 5 процентным пунктам. Выбор вариантов ответа на этот вопрос у лиц со сложной языковой идентичностью выглядел следующим образом: 44, 19, 9 и 28%. Понятно, что показатели этого цифрового ряда представляют сумму мнений лиц со сложной этнической идентичностью и тех, кто считает себя только чувашами.

Реальная возможность выявления этнокультурных границ между группами респондентов – рассмотрение выбора ими наиболее значимых для себя идентичностей в глазах окружающих, среди которых выделены этническая, общегражданская и региональные. Можно было выбрать до двух ответов (табл. 5). Обратим внимание, что в рамках косвенной самоидентификации этническая принадлежность в большей степени проявлена у чувашей и лиц с родным чувашским языком, и она находится примерно на одном уровне с поселенческой.

Эта же категория опрошенных также более заметно была настроена на восприятие в глазах других представителями «своей» республики. Русские с этой точки зрения отставали от них весьма заметно. Респонденты со сдвоенной идентичностью в 2017 г. были ближе к русским, в 2019 г. – к чувашам. Примерно такое же соотношение идентификационных оценок у трех этнических групп отмечено при выборе общегражданской идентичности («как россиянина»). Отметим также, что этот выбор был самым популярным в ходе обоих опросов для всех этнических групп, как и для лиц с различными родными языками. «Отставание» русских и лиц с родным русским языком от чувашей при выборе региональной идентичности, конечно, не свидетельствует о более негативном отношении к республике. Речь идет об этнокультурных возможностях для чувашей, которые чувашами могут быть реализованы практически только в республике. Имеются в виду участие в развитии «своей» государственности, возможности обеспечения этнокультурных потребностей, связанных с историей, культурой, образованием, литературой и искусством, языком и т.д. С этой точки зрения чувашаи более близки к сдвоенной идентичности (региональной и общегражданской). Русские+чувашаи в этом смысле находятся в условно срединном положении, и эта позиция фиксируется.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «В повседневной жизни внутри страны (в том числе на работе, учебе), как Вас в первую очередь должны воспринимать окружающие?» (%)

	Этнические группы, в т.ч.						Родные языки, в т.ч.		
	русские		чуваши		Русские+ чуваши		русский	чувашский	русский+ чувашский
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2019	2019	2019
Как представителя Вашей национальности	3	13	15	20	9	15	10	24	16
Как жителя Чувашии	21	20	51	48	31	47	23	52	46
Как жителя своего села, города	16	24	17	19	11	12	23	19	16
Как россиянина	81	74	59	62	77	59	75	59	62
Другой ответ, затр.	7	3	5	4	–	15	4	4	4

Еще одна возможность выявить собственную позицию лиц со сложной культурной идентичностью проявляется в их отношении к проблеме сохранения национальной самобытности. Обсуждение таких проблем было крайне актуальным в конце 1980-х – начале 1990-х годов, затем острота, по крайней мере внешне, снизилась. Новый импульс для оживления разговоров о сохранении и развитии, в первую очередь родного (чувашского) языка, был получен в ходе расширяющихся дискуссий о необходимости обязательного его обучения во всех образовательных учреждениях республики, а затем уже после упоминавшейся оценки В.В. Путиным такого подхода. В ходе опросов и 2015 г., и 2019 г. большинство русских или не видели факта реальной опасности для сохранения своей самобытности, или же не задумывались над этим вопросом (табл. 6). Отметим также, что к нынешнему моменту, по сравнению с концом 1980-х – начала 1990-х гг., для русских чувашский язык как социально дистанцирующий фактор в значительной мере потерял свое значение.

У чувашей установки на такую групповую ценность, как национальная самобытность, выражены заметно отчетливее, чем у русских, что и проявилось в их ответах. Половина чувашей была уверена, что такая опасность в той или иной степени существует, другая половина не видела ее или же не размышляла по этому поводу.

Респонденты, воспринимавшие себя и чувашами, и русскими, при определении реальной опасности были ближе к оценкам русских. Если же мнение склонялось к опасности, которую не стоит преувеличивать, то их позиции были близки к «чистым» чувашам. Но доля тех, кто не видел никакой опасности, была в значительной мере близкой к оценке ситуации русскими участниками опросов. Доля никогда не задумывавшихся о сохранении своей культуры и языка среди них оказалась наименьшей.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культура и др.)?» (%)

	русские		чуваши		русские+чуваши	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Существует реальная опасность	2	6	13	19	3	9
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	17	8	35	32	38	29
Никакой опасности нет	48	57	18	26	41	50
Никогда не задумывался об этом	33	29	34	23	17	12

В ответах участников опроса, распределенных по группам по выбору родных языков, выявлены отдельные особенности, которые проявились следующим образом. Если в 2019 г. среди русских насчитывалось 14% опрошенных, которые считали в той или иной степени реальной наличие опасности для национальной культуры, то среди респондентов с родным русским языком таковых оказалось 22%. Разница в 8 процентных пунктов увеличилась за счет ответов этнических чувашей, для которых родным языком был русский. Опрошенные с родным чувашским языком отвечали почти таким же образом, как лица, считавшие себя чувашами, разница не превышала 2 процентных пункта. У лиц со сложной языковой идентичностью ответы соответственно были следующими: 17, 30, 27 и 26%. Сравнение показывает, что их оценки практически ничем не отличались от ответов чувашей в том же 2019 г. Следует подчеркнуть, что в ходе всех опросов, дискуссий и т.д. о проблемах бытования и сохранения национальной культуры, в нашем случае чувашской, наиболее активно начинают обсуждаться проблемы языка. Приведенные данные подтверждают наличие этой проблемы и ее достаточно острое восприятие среди лиц со сложной языковой идентичностью. Надо также отметить, что в данном случае этнокультурная самобытность лиц со сложной языковой идентичностью по сравнению с подобной характеристикой респондентов с родным чувашским языком сведена к минимуму.

Рассмотренный сюжет вызывает вопросы и о содержании понятия «национальная самобытность» у лиц, выбравших сложную культурную идентичность. Безусловно, в данном случае не подойдут не только точные, но достаточно приблизительные измерения долей русской самобытности и чувашской самобытности, не говоря уже о трудностях в их понимании. Скорее всего, можно говорить о ситуативности в каждом конкретном случае. Например, можно утверждать достаточно твердо, что часть относящих себя к сложной этнокультурной группе обеспокоена ситуацией с реальными проблемами, которые сложились с преподаванием чувашского языка, его сохранением и развитием. Определенная доля респондентов проявляет озабоченность по поводу ситуации с состоянием литературы, издаваемой на чувашском языке, возможностями чувашезычного СМИ и др. В то же время для кого-то из этой группы важными являются те же проблемы, характерные для русскоязычного телевидения, киноискусства и т.п. Что имеют в виду респонденты, отвечая на данный вопрос, ответить затруднительно. Вполне возможно, что в данном случае частично наблюдаются элементы

реанимации идентичности, о чем писал М.Н. Губогло, когда во внимание принимается восстановление знания определенного языка, элементов культуры и др. на основе представления об этнических идентичностях родных и близких (Губогло 2003: 35).

Отчасти эта проблема раскрывается не столько в оценках различных этнокультурных проблем, сколько в ситуации с реальным использованием языков в семейной сфере. Естественно, встречаются ее различные варианты, например: общение с детьми, родителями, супругами, в городской и сельской местности и т.п. Для нас важна общая картина бытования русского и чувашского языков в понимании представителей трех этнических групп. Цифры, приведенные в табл. 7, показывают, что обеспокоенность представителей чувашской гуманитарной элиты, государственных и общественных деятелей проблемами сохранения чувашского языка имеет реальную почву. Из самих чувашей пользуются в семейном кругу только чувашским языком лишь чуть более трети. Для респондентов с родным чувашским языком характерно более широкое применение его в домашних условиях, хотя ситуация красноречиво демонстрирует, что и здесь чувашский язык уступает позиции русскому. На русском языке говорили 11% из их числа, на чувашском – 55%, на обоих языках – 34%. Из опрошенных, выбравших два родных языка, заметная часть для общения в кругу семьи отдавали предпочтение русскому языку (33%). На чувашском языке общались 13%: и на чувашском, и на русском – 53%. При этом следует понимать, что речь не идет о противопоставлении чувашского и русского языков. Последний имеет значительно больший потенциал для развития и расширения коммуникационных возможностей, восприятия и создания культурных ценностей и др. Напомним, что это материалы этнологического мониторинга всего населения республики, а в молодежной среде использование чувашского языка отстает и от этих показателей.

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос «На каком(их) языке(ах)
Вы обычно говорите дома?» (%)**

	русские		чувашаи		русские+чувашаи	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019
русский	99	100	25	24	57	71
чувашский	–	–	34	38	14	3
русский и чувашский	1	–	41	37	29	26

Например, по данным опроса студенческой молодежи в 2018 г., среди чувашей дома говорили на нем 29% респондентов, в то время как на русском 43%, а остальные 27% пользовались и русским, и чувашским языком. Молодые люди со сложной идентичностью использовали чувашский язык в 11% случаях, русский – в 57%, а русский и чувашский – в 32%. Здесь еще более проявились сюжеты, о которых говорят люди, обеспокоенные снижением роли чувашского языка в самой Чувашии.

Но это отдельная проблема, а мы опять обратим внимание на то, что среди студентов, для которых реальной оказалась смешанная этнокультурная идентичность, характерна позиция, дающая основание говорить об одновременной принадлежности и к той, и к другой этнической группе.

Говоря об участниках обследования со сложной этнической и языковой идентичностью, следует отметить, что в статье речь в основном идет о тех, кто считает себя одновременно и чувашами, и русскими. Выбор не одного, а двух и более родных языков, в нашем случае русского и чувашского, также стал основой для выделения отдельной группы среди опрошенных. При этом доля таких заметно больше, но, по нашим наблюдениям, проявляемая ими специфика в отношении некоторых вопросов этнокультурного характера отчасти нивелируется мнением тех, кто выбирает одновременно отдельную этническую и сложную языковую идентичность. Имеется в виду прежде всего влияние респондентов, считающих себя только чувашами, но выбирающих два родных языка – чувашский и русский.

В конкретных примерах, описанных нами, в большинстве случаев фиксируются особенности оценок этнокультурных ситуаций лицами со сложной этнической и языковой идентичностью. Но все же стоит заметить, что система оценок от ситуации к ситуации не остается жестко закрепленной. По отношению к отдельным случаям мнения представителей группы «русские+чуваша» ближе к мнениям этнических русских, по другим вопросам – к мнениям чувашей. Закономерно, что русские+чуваша чаще других выступают за саму возможность сложного этнокультурного выбора. Обратим также внимание на то, что эти респонденты в своих ответах проявляют значительную степень близости к проблемам чувашского языка, и степень этой близости заметно выше уровня его реального применения ими на бытовом уровне (скажем, в семейном кругу). Иначе говоря, наличие обеспокоенности не влияет или же мало влияет на собственное языковое поведение. Такие показатели свидетельствуют о восприятии ими понятия «родной язык» как некоего символа этноса; речь о так называемой символической функции языка, в отличие от его прагматической функции – как средства общения. К тому же нередко отношение к родному языку зависит от периодически усиливающихся публичных дискуссий о необходимости сохранения языкового разнообразия в стране. В последние несколько лет они приобрели новое звучание в связи с введением добровольного изучения родных языков в школьном образовании.

Зафиксированные предпочтения выделенных нами групп, хотя и характеризуются некими общими взглядами на этносоциальные ситуации, в каждом конкретном случае могут быть достаточно произвольными, находясь чаще всего между позициями «чистых» русских и чувашей без жестко определенного дистанцирования. С этой точки зрения убедительной представляется идея о путешествии «индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы возникают в результате дрейфа идентичности» (Тишков 2003: 123).

Научная литература

- Арутюнян Ю.В., Дробижьева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования, 2014. № 7. С. 102–112.
- Бойко И.И., Харитоновна В.Г. Сложные этнические идентичности: проблемы измерения // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году: ежегодный доклад. М.: ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 140–146.
- Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. Т. 8. № 2. С. 142–163.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

- Дробижеева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования, 2015. № 5. С. 9–24.
- Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. (авт.-сост.) Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2019 года): науч.-статистич. бюллетень. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020.
- Низамова Л.Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований: сб. статей к юбилею Леокадии Михайловны Дробижеевой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 171–183.
- Тишков В.А. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. ИЭА РАН. М.: Наука, 2011.
- Титова Т.А., Козлов В.Е. Этническая идентичность в структуре социальной идентичности молодежи Республики Татарстан (на примере групп этнического большинства) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25–27 сентября 2014 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 121–125.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 годов. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 2005.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Хабенская Е.О. Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. Вып. 20. [http:// world.lib.ru/ k/kim_ german_ nikolaewich/ 4030-3.shtml](http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml).

Boyko, Ivan I., Alevtina Dolgova and Valentina Kharitonova*

On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/104-120

Materials of the sociological surveys of the population of Chuvashia in 2015-2019 on the problems of ethno-cultural development and interethnic relations in the Republic are presented. Russian and Chuvash languages have been identified as native languages. The results indicating that a part of the respondents choose a complex ethnical and linguistic identity and feel themselves as both Russians and Chuvash are quite stable. Choosing two (rarely three) native languages is usually two to three times more common than recognizing oneself as a carrier of a complex ethnic identity. Comparison of judgments about certain ethno-cultural situations suggests that it is possible to distinguish a group of people, primarily with a complex ethnic identity, into a relatively independent group, drifting with their own assessments and preferences between groups of Russians and Chuvash, with the transition in certain issues of the boundaries of groups, whose opinions they mostly adhere to.

Keyword: *the Chuvash Republic, self-identification, ethnicity, native languages, cultural complexity*

For Citation: Boyko I.I., A.P. Dolgova, and V.G. Kharitonova. 2021. On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 104–120

- ***Boyko Ivan I.** – Dr. (Hist.), Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: boyko2003@yandex.ru
- Dolgova Alevtina P.** – PhD, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: enzenz@yandex.ru

Kharitonova Valentina G. – PhD, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (428015 Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: val1957@rambler.ru
The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152)

References

- Arutiunian, Yu.V., and L.M. Drobizheva. 2014. Proidennnye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii [Covered ways and some problems of modern Russian ethnosociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 102–112.
- Boiko, I.I., and V.G. Kharitonova. 2016. Slozhnye etnicheskie identichnosti: problemy izmereniia. [Complex ethnic identities: problems of measuring]. *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2014 godu: ezhegodnyi doklad* 1: 140–146. Moscow: IEA RAN.
- Drobizheva, L.M., and S.V. Ryzhova. 2015. Grazhdanskaia i etnicheskaia identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii. [Civil and ethnic identity and image of the desired state in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 5: 9–24.
- Guboglo, M.N. 2003. *Identifikatsiia identichnosti: etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: ethno-sociological essays]. Moscow: Nauka.
- Khabsenskaia, E.O. 2006. Etnicheskaia identichnost': podkhody k problem. [Ethnic identity: approaches to the problem]. *Biulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniia* 20. [http:// world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml](http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml)
- Nizamova, L.R. 2013. Smeshannye etnicheskie identichnosti v mul'tikul'turnom obshchestve. [Ethnic identity: approaches to the problem]. In: *Etnosotsiologiia v Tatarstane: opyt polevykh issledovaniia: sb. statei k iubileiu Leokadii Mikhailovny Drobizhevoi*. [Ethnosociology in Tatarstan: field research experience: collection of articles dedicated to the anniversary of Leokadia Mikhailovna Drobizheva], 171–183. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem on ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2005. *Etnologiia i politika: stat'i 1989–2004 godov* [Ethnology and politics: articles in 1989–2004]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2011. *Rossiiskaia natsiia: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian nation: formation and ethno-cultural diversity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian people: the history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
- Titova, T.A., and V.E. Kozlov. 2014. Etnicheskaia identichnost' v strukture sotsial'noi identichnosti molodezhi Respubliki Tatarstan (na primere grupp etnicheskogo bol'shinstva) [Ethnic identity in the structure of social identity of the young people of the Republic of Tatarstan (on the example of ethnic majority groups)]. In: *Pozitivnyi opyt regulirovaniia etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Positive experience of regulation of ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation: materials of the all-Russian scientific and practical conference] Kazan', 25–27 sentiabria 2014 g., 121–125. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT.
- Viner, B.E. 2005. Formy etnichnosti, byvaet li u etnosa sushchnost' i chto storonniki akademika Bromleia mogut vziat' u novykh teorii [The forms of ethnicity, whether an ethnos has an essence and what supporters of academician Bromley can take from new theories]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. Vol. 8. 2: 142–163.
- Zeleneeva, G.S., O.V. Orlova, and V.I. Shabykov. 2020. *Mezhkonfessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniia v Respublike Marii El (materialy sotsiologicheskogo issledovaniia 2019 goda): nauch.-statistich. biulleten'* [Interfaith and interethnic relations in the Republic of Mari El (materials of a 2019 sociological study)]. Ioshkar-Ola: MarNIIaLI.

© Е.А. Щербина

РУССКИЙ И РОДНЫЕ ЯЗЫКИ КАК ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)*

В статье представлены результаты социологических опросов, проведенных в Карачаево-Черкесской Республике в течение ряда лет. В них отражено отношение населения региона в целом к русскому и родным языкам, а также экспертное мнение, детализирующее роль и значение языков в коллективной и личной идентичности. Отражена роль русского языка как основного идентификатора общероссийской гражданской идентичности и отношение народов КЧР к родному языку как основному показателю этнической идентичности. В рамках парадигмы идентичности показано отношение регионального экспертного сообщества к родным языкам как основной семейной ценности. Вопросы, связанные с ролью и значением русского языка как языка государствообразующего народа, и родными языками, отражающими культурное многообразие страны, рассматриваются в контексте принятых поправок в Конституцию РФ и предстоящей в 2021 году Всероссийской переписи населения.

Ключевые слова: русский язык, государственные языки республики, родные языки народов КЧР, общероссийская идентичность, этническая идентичность

Ссылка при цитировании: Щербина Е.А. Русский и родные языки как факторы идентичности (по результатам экспертных опросов в Карачаево-Черкесской республике) // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 121–132.

Языковые проблемы, связанные с определением статуса русского языка как государственного, статусов языков титульных этносов в республиках РФ, значением родных языков с 2018 г. актуализировалась в связи с несколькими причинами: во-первых – с внесением изменений в «Закон об образовании в Российской Федерации» в части добровольного изучения родных языков из числа языков народов РФ и государственных языков республик РФ; во-вторых – с принятием поправки в Конституцию РФ о русском языке как языке государствообразующего народа. Эти решения выступили факторами напряженности и вызвали виток протестов представителей этнической интеллигенции, общественных организаций этнокультурной направленности, правозащитников Северного Кавказа и других полиэтнических регионов страны. Актуализация языковых вопросов связана не только и не столько с озабоченностью представителей

Щербина Елена Анатольевна – к. полит. н., доцент по специальности, заместитель директора, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (369006 Черкесск, ул. Горького, д.1, корп. А). Эл. почта: adenas@list.ru

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

ряда российских народов низким уровнем владения родными языками, сколько с потенциальной возможностью потери своей этнической самоидентификации.

Таким образом, языковые проблемы встраиваются в более широкий контекст вопросов идентичности, в первую очередь общероссийской гражданской идентичности, связанной с государственным русским языком, и этнических идентичностей, связанных с родными языками, которые могут быть в статусе государственных языков республик или являться родными для значительной части жителей полиэтничных регионов.

Полиэтническое российское общество политически самоопределилось в качестве гражданской нации в рамках единого государства – Российской Федерации. Единство российского полиэтничного и многоконфессионального общества обеспечивается фактом проживания в общем государстве с единой правовой культурой и системой интегрирующих общество государственных институтов; единой образовательной и культурной политикой; русским языком, как государственным языком, и множеством родных языков, лежащих в основе языкового многообразия России; общей исторической судьбой и т.д.

Республики Северного Кавказа, полиэтничного региона, в котором сложной и противоречивой является история народов, в ней проживающих, выступают определенным «лакмусом» для оценки состояния общероссийской гражданской идентичности, эффективности реализуемой государственной национальной политики. Проведенные в республиках Северного Кавказа массовые социологические опросы фиксируют высокий уровень наличия общероссийской гражданской идентичности её жителей. Проведенный нами вторичный анализ представленных в экспертных докладах Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем Министерства науки и высшего образования РФ результатов массовых социологических опросов за 2018–2019 гг. (опросы с 2014 г. проходят ежегодно, в режиме мониторинга), проведенных в субъектах РФ на Северном Кавказе, показывают приоритет общероссийской гражданской идентичности у жителей северокавказского региона. Так, от 56% (Кабардино-Балкарская Республика) до 83% (Республика Северная Осетия-Алания) жителей считают, что их, в первую очередь должны воспринимать как граждан России; а от 20% до 26% жителей республик Северного Кавказа ставят в качестве приоритетной этническую идентичность (*Аствацатурова* 2018: 141–175; *Аствацатурова* 2019: 50–80).

Сравнительный анализ портфеля идентичностей жителей субъектов РФ в СКФО показывает примерно одинаковое соотношение российской гражданской идентичности, этнической и региональной идентичностей. В представленных результатах за 2018 г. только у жителей Дагестана второй по значимости выступает региональная идентичность. При этом достаточно интересна интерпретация приоритетности российской гражданской идентичности у исследователей из этих регионов. Так, приоритет общероссийской гражданской идентичности жителей Дагестана связывается с функцией защиты, которую может обеспечить только государство, реализуя в полной мере конституционные права и свободы граждан (*Аствацатурова* 2018: 142). Чеченские исследователи связывают приоритет гражданской идентичности с исторической памятью старшего поколения чеченцев, сохранивших чувство принадлежности к советской родине, советскому прошлому (*Аствацатурова* 2018: 183).

Учеными не констатируется укорененность, определенная интериоризация общероссийской гражданской идентичности у жителей некоторых регионов Северного Кавказа. При этом, несомненно, что у большей части жителей северокавказского

региона она присутствует, и необходимо изучение форм репрезентации общероссийской гражданской идентичности для того, чтобы говорить о достижении целевых показателей, определенных в доктринальных документах, связанных с реализацией государственной национальной политики РФ.

В данном контексте представляется интересным анализ роли русского и родных языков как основных идентификаторов идентичностей в оценках и мнениях экспертов, то есть тех представителей народов, которые берут на себя функции выразителей их мнений и интересов. Важным в этом контексте представляется также поиск модели, о которой говорит ведущий специалист в сфере образования О.И. Артеменко, оптимального соотношения между реализацией механизмов социальной интеграции, формирования общегосударственной гражданской идентичности и создания условий сохранения и развития языков народов многонационального государства. Такая модель необходима для сохранения сплоченности многонационального общества и целостности государства (Артеменко 2020: 9).

По данным ФАДН в РФ проживает 193 народа, говорящих на 270 языках и диалектах. Обучение в школах идет на 25 языках, еще 81 является предметом изучения, 36 языков имеют статус государственных языков республик. В Карачаево-Черкесской республике статус государственных языков имеют пять языков: абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Государственная языковая политика базируется на федеральных и республиканских законах. Основным республиканским является Закон КЧР «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики», принятый в 1996 году.¹ В нем закреплён статус русского языка как одного из государственных языков республики, языка межнационального общения и официального делопроизводства (Статьи 1, 2 Закона). Конечно, Закон о языках народов КЧР, при сохранении его основных положений, должен быть доработан в связи с современными социально-политическими реалиями.

В сфере реализации государственной языковой политики в Карачаево-Черкесской Республике основными принципами являются: равный статус языков народов КЧР, изучение всех государственных языков народов республики, реализация федеральных стандартов в сфере образования. Практическая реализация основных принципов государственной языковой политики проявляется в организации мероприятий, связанных с языками: с Международным днем родного языка, Днем славянской письменности и культуры, в проведении фестивалей языков народов республики и многих других. Экспертами – представителями общественных организаций этнокультурной направленности² среди приоритетных мероприятий, отвечающих национально-культурным потребностям народов КЧР, было названо обеспечение условий для изучения и использования гражданами РФ русского языка.

Условно, в качестве результатов реализации государственной национальной политики, в том числе в сфере языков, можно рассматривать стабильно приоритетное преобладание в структуре идентичностей населения республики общероссийской

¹ Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14.06.1996 N 104-XXII «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями и дополнениями).

² Опросы проводились на протяжении ряда лет в рамках реализации государственного задания Распределенного Научного Центра межнациональных и религиозных проблем при Минобрнауки РФ и проекта РФФИ «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики» в 2018–2019 годах.

гражданской идентичности («*Меня, в первую очередь, должны воспринимать как гражданина России*»). При этом, мы учитывали, что более половины населения республики за рубеж не выезжали, то есть о меняющемся портфеле идентичностей не слышали и практически его не применяли. Определяя понятие родного языка, 33% респондентов включили в текстовое определение такие параметры, которые позволили отнести его к *языку страны, региона, государственному языку*.

О роли русского языка в общегражданском понимании также можно судить по ответам респондентов на вопросы, связанные с определением того, кого можно называть соотечественником. Так, в 2018 году 14% представителей республиканского студенчества отнесли к соотечественникам тех, *кто знает русский язык*. В целом 84% от общего числа опрошенных студентов считали, что *обучать мигрантов русскому языку, как государственному языку страны пребывания, необходимо*. В 2019 году, треть опрошенных жителей республики посчитали, что для того, чтобы *иностранца воспринимали как россиянина, ему нужно хорошо знать русский язык*.

Таким образом, восприятие языка как основного идентификатора этнической идентичности, расширяется восприятием россиянами русского языка как одного из основных идентификаторов общероссийской гражданской идентичности.

В опросе 2019 года, в котором задавались вопросы о языках, 60% опрошенных жителей КЧР ответили, что при общении с друзьями и знакомыми используют *не только русский язык, но и другие языки*, остальные 40% ответили, что общаются на русском языке (среди респондентов было 28%, которые отнесли себя к русским).

В сфере образования и воспитания русский язык является основным языком, на котором реализуются образовательные программы. Роль и значение русского языка хорошо понимают учащиеся школ и студенты высших учебных заведений. Так, в Карачаево-Черкесской Республике половина опрошенных студентов считает, что русский язык нужно изучать углубленно или дополнительно, почти столько же (46%) выбирают стандартное изучение русского языка (результаты опроса 2018 г.).

В массовом опросе 2019 г.¹ большинство жителей (61%) отметили, что спокойно общаются на родном языке, не испытывая при этом никаких проблем. Четверть опрошенных не общаются на родном языке, так как окружающие не знают их язык. Не знает родной язык незначительное число людей (7%) от общего числа опрошенных. Ответы респондентов отражают реальную картину языковой ситуации в Карачаево-Черкесии, в которой большинство жителей активно используют родной язык при общении.

Подавляющее большинство жителей Карачаево-Черкесской Республики считают, что их, в первую очередь, должны воспринимать как гражданина России. Пятая часть опрошенных (22%) считает, что их должны воспринимать как представителя определенной национальности. Незначительная часть (7%) подчеркивала свою региональную идентичность. В ответах выделялась простая и множественная идентичности: так, 69% респондентов отметили общероссийскую идентичность, 10% отметили её среди других идентичностей, остальные – как основную и приоритетную. Среди тех, кто выделил этническую идентичность, 14% определили её как единственную идентичность, 8% как составную часть портфеля идентичностей. Только 3% респондентов выделили региональную идентичность как единственную, 4% как одну из множественных идентичностей. Таким образом, подавляющее большинство респондентов,

¹ Проект РФФИ «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

как и в предыдущие годы, подчеркнули, прежде всего, гражданскую идентичность.

Вопросы, связанные с определением языков как идентификаторов идентичностей, были заданы экспертам в ходе реализации проекта РФФИ «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики» в 2020 г. Были получены интересные, содержательные, часто противоположные по смыслу ответы, позволяющие получить представления о сложившихся стереотипах и индивидуальных мнениях. Важным, на наш взгляд, стало проведение экспертного опроса в условиях обсуждения и принятия поправок к Конституции РФ и в преддверии проведения Всероссийской переписи 2021 года, что, несомненно, отложило свой отпечаток на ответы респондентов.

Среди реализуемых целей обозначенного проекта можно выделить изучение русского языка и других российских языков в системе общественных отношений, их роль в укреплении российской идентичности и гражданского единства с учетом новых конституционных поправок. В соответствии с планом реализации данного проекта в КЧР были опрошены 30 экспертов, представителей органов власти, руководителей или активных участников национальных общественных организаций или организаций этнокультурной направленности, ученых – гуманитариев.

В обновленной Конституции России закреплен *статус русского языка как языка государствообразующего народа*. В соответствии с этим, 67% экспертов считают, что в Карачаево-Черкесии следует закрепить национальную принадлежность какого-либо языка или языков. При этом, предположительно, они исходят из того, что в Конституции КЧР закреплен статус пяти государственных языков: абазинского, карачаевского, ногайского, русского и черкесского (статья 11 Конституции Карачаево-Черкесской Республики). Несмотря на это, 23% опрошенных экспертов считает, что в республике не нужно законодательно закреплять национальную принадлежность какого-либо языка.

Анализ открытых вопросов показывает типичность ответов. Так:

Эксперты – общественники отмечают, что в нашем регионе законодательно утверждены пять государствообразующих языков: абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Ситуация с титульными нациями и языками в КЧР не требует корректировки. Наша Республика – полиэтничный регион с несколькими официально утвержденными национальными языками. Следует закреплять национальную принадлежность языков, т.к. это поможет сохранить языки коренных народов. Часть экспертов этой группы подчеркивает, что все народы России государствообразующие, поэтому в Конституции РФ не следует выделять один народ. Другая часть полагает, что единого государственного языка достаточно, иначе возможны межнациональные конфликты;

Ученые – гуманитарии считают, что поскольку в регионе проживают пять субъектообразующих народов, законодательно необходимо закрепление языков этих народов как государственных, что и сделано в Конституции КЧР и это нужно сохранять. Вряд ли что-то следует менять, т.к. изменения могут вызвать напряженность в межэтнической сфере.

Управленцы высказывают мнение, что не следует конституционно закреплять национальную принадлежность языков, так как это будет значить, что определенная нация занимает особое положение в многонациональном союзе народов КЧР, а остальные превратятся в национальные меньшинства. Такое “возвышение” неизбежно приведет к межнациональным конфликтам. В республике законодательно

уже утверждены пять языков, которые являются государственными: абазинский, карачаевский, ногайский, русский, черкесский.

Таким образом, большинство экспертов всех групп поддерживают законодательное закрепление в статусе государственных пяти языков в республике, полагая это справедливым.

Еще одна конституционная поправка касается сохранения государством *языкового многообразия Российской Федерации*. Из двух моделей поддержки языков (старожильческого населения – 1 модель, и старожильческого и пришлого населения – 2 модель), 50% экспертов выбирают модель поддержки языков только старожильческого населения. Немногим меньше – 43% считают, что следует заботиться о языках как старожильческого, так и пришлого населения. То есть вновь демонстрируют чрезвычайно высокий уровень толерантности к мигрантам, который в других, целевых опросах именно у экспертов резко снизился за несколько лет проводимых опросов. При ответе на этот вопрос необходимо учитывать особенности понимания термина «пришлое население». К нему региональные эксперты могли отнести русское население, ногайцев, армян и многих других. Так как абазины, карачаевцы, черкесы являются автохтонными народами.

Анализ открытых вопросов позволяет уточнить содержание ответов экспертов.

Мнения общественников: *Молодое подрастающее поколение забывает свой родной язык, поэтому важно заботиться о его сохранении прежде всего носителям языка; Национальные языки старожильческого населения больше нуждаются в поддержке, так как в других регионах нет необходимой научной и учебной базы для их изучения; Конечно, в идеале каждый язык, даже если он не обладает статусом государственного в КЧР, должен получать гос. поддержку, но в реальности это всегда вопрос приоритетов и на мой взгляд государственные языки в КЧР должны быть в приоритете.*

Высказывалось и иное мнение: *государство должно заботиться о государственном языке, а другие языки должны сохраняться в семье.*

Мнения ученых – гуманитариев: *Пять субъектообразующих этносов в республике являются малочисленными народами, поэтому приоритетной должна быть забота о языках старожильческого населения; Государство должно гарантировать сохранение языков субъектообразующих народов республики, как минимум; Другие языки нужно поддерживать по мере возникновения такого пожелания со стороны уполномоченных организаций народов-носителей этих языков; Языки пришлого населения могут сохранить власти тех субъектов и/или государств, из которых они прибыли; Языки же старожильского населения может сохранить только власть субъекта, в котором оно проживает; В КЧР проживает более 80 этнических групп, сохранение языкового многообразия гарантируется ее Конституцией, но думаю, что сохранять мы должны языковое многообразие коренных и автохтонных народов РФ.*

Другое мнение: *поддержка культуры всех народов подразумевает и поддержку языков этих народов.*

Мнение управленцев: *Нужно заботиться только о языках старожильческого населения, потому что я считаю нецелесообразным изучение других языков помимо языков титульных наций; Старожильского, т.к. в регионе проживают представители малочисленных народов, а пришлое население является в основном представителями более многочисленных народов; В регионе проживают представители малочисленных народов, поэтому приоритетным является сохранение их языков.*

Другое мнение: *Для сохранения культурного многообразия необходимо сохра-*

нять языки всех народов; Общество должно быть многонациональным, поэтому нужно заботиться о языках всех народов; Следует заботиться о языках старожильческого и пришлого населения, так как Россия – многонациональная страна и каждый народ уникален как традициями, обычаями, так и языком, сохранение которого является обязательным, поэтому считаю правильными мероприятия государства, направленные на сохранение языкового многообразия.

В условиях мировой «гомогенизации» семейных ценностей, актуальной является поправка к Конституции в отношении сохранения традиционных семейных ценностей. Практически однозначно – 90% экспертов отнесли к традиционным семейным ценностям родной язык. Только 10% экспертов не рассматривают его в качестве семейных ценностей. Открытые ответы:

Общественники: важно сохранять традиции народа, в т.ч. сохранять родные языки; потому что родной язык – это одна из главных ценностей моей семьи; В черкесском языке родной язык называется “анэдэлъхубзэ” – язык, получаемый при рождении от матери. Владею русским, немецким, английским. Но “анэдэлъхубзэ” в моей семье – язык, необходимый для сохранения народных традиций и семейных ценностей; Нет языка – нет народа; родной язык является носителем культуры и самосознания, а семейные ценности неотъемлемая часть культуры народов; родной язык это безусловно семейная ценность – материнский язык; Семьи очень часто бывают многонациональными и би- и мультилингвальными. Поэтому вопрос языка не должен вступать в конфронтацию с семейными ценностями; семья как главный инструмент воспитания должна также включать в себя и родной язык.

Ученые – гуманитарии: Основной транслятор родного языка – это семья, поэтому, да, язык – это семейная ценность; Язык – средство передачи поколениям традиционной культуры народа; С колыбельной песни, со сказок детства начинается для ребенка эта связь традиции и современности; Родной язык неразрывно связан с воспитанием детей и привитием им семейных ценностей того или иного народа; Родной язык – основная традиционная ценность, передающаяся от поколения к поколению; Родной язык – это идентификатор этнической принадлежности, основным социальным институтом, его сохраняющим, является именно семья; Конечно, родной язык является транслятором культуры, традиций, истории наро. Большая роль в сохранении родного языка принадлежит именно семье.

Управленцы: Следует, потому что язык, как и традиции, необходимо сохранить, чтобы передавать из поколения в поколение всю мудрость предков; Родной язык является одним из составляющих традиционных ценностей; Главная отличительная черта любого народа – это его язык; без языка нет народа; язык хранит в себе духовные и культурные ценности народа; Институт семьи крайне важен в нашем обществе. Ребенок должен слышать родную речь с детства в семье; родной язык является важной составляющей традиционных ценностей и передается от родителей к детям.

Еще одной поправкой является оказание государственной поддержки зарубежным соотечественникам в целях сохранения общероссийской культурной идентичности. Региональные эксперты считают, что приезжих иностранцев приобщить к российской идентичности можно через обучение русскому языку – 67% опрошенных. Для трети (33%) экспертов этого недостаточно и для проживания в регионе необходимо обучать их другим языкам, предположительно, государственным языкам народов республики. Таким образом, подчеркивается роль государственного языка как идентификатора общероссийской идентичности и статус национальных (этнических) языков.

О роли и значении языков в контексте парадигмы идентичности можно судить по ответам экспертов, оценивших участие общественных организаций региона во всенародном обсуждении конституционных поправок по направлениям:

- русский язык – язык государствообразующего народа – 60% экспертов полагают, что НКО участвовали в обсуждении этого вопроса (27% активно, 33% незначительно); 27% не дали ответа, 13% ответили, что участия не было;
- государство гарантирует языковое многообразие – 73% экспертов считают, что НКО участвовали в обсуждении этой конституционной поправки (47% активно, 27% незначительно), 23% затруднились ответить;
- поддержка традиционных семейных ценностей – 70% экспертов предположили, что НКО участвовало в обсуждении этого вопроса, 13% – не было участия, 17% затруднились ответить;
- поддержка российской идентичности у зарубежных соотечественников – только 13% экспертов считают, что было активное участие, 37% – незначительное участие, 23% – не было никакого участия, 27% затруднились при ответе;
- обеспечение участия НКО в выработке и проведении государственной политики, в том числе в языковой сфере – 58% участие, 13% не было участия, и 30% затруднились при ответе.

Принцип добровольного изучения родных языков в школах Карачаево-Черкесии, вызвавший много споров и дебатов, дополненный принципом сохранения языкового разнообразия, закрепленного конституционной поправкой, также интересует национальную интеллигенцию и представителей НКО. Отметим, что этот принцип отрицательно влияет на поддержку национальных языков в регионе 70% экспертов, ответили, что положительно 27%. Ответы отражают негативную позицию национальной интеллигенции, лидеров национальных общественных организаций в отношении добровольности изучения родных языков. Лидеры общественных организаций этнокультурной направленности выступали против принятия поправок, инициировали проведение круглых столов с участием всех национальных общественных организаций, интеллигенции, органов власти, на которых принимались резолюции, обращения к органам власти регионального и федерального уровней и т.п.

Свободные ответы общественников и представителей других экспертных групп показывают несогласие большинства региональных экспертов с принципом добровольности изучения родных языков:

Общественники: *Положительно влияет в том случае, когда при организации изучения национальных языков преподают его компетентные педагоги (не всегда имеет место быть); Не должно быть принципа добровольного изучения национальных языков. Несмышленыш не отдает себе отчета, а родители преследуют лишь одну цель – высвободить время для других, важных с их точки зрения, предметов; Дети отдаляются от своих корней, теряют чувство родины, стремятся стать гражданами чужих государств; Отрицательно. многие родители отказываются от изучения ребенком родного языка, из-за направленности образования на сдачу ЕГЭ, родной язык часто заменяется на более востребованные в современном мире дисциплины. Формируется безответственное отношение к родному языку. Считаю, что это намеренная политика по уничтожению национальных языков и их дискриминационному положению по отношению ко всем остальным школьным предметам, ведь только от одного предмета можно отказаться, только один пред-*

мет является добровольным; Национальные языки вытесняются и этот процесс необратим; родные языки забываются, все больше детей отказывается их учить.

Ученые – гуманитарии: *Общественники недовольны внесенными поправками, опасаются роста количества отказов от изучения родных языков в пользу дополнительного изучения предметов, необходимых для сдачи ЕГЭ; Все добровольное означает необязательное. Человеку свойственно избавляться от всего необязательного. Родители не должны решать за несмышленных детей, лишая их права и возможности знать родной язык; Число выбравших родной язык для изучения резко уменьшится. Уровень владения родными языками в республике оставляет желать лучшего, поэтому их изучение для того, чтобы предотвратить их исчезновение, должно быть обязательным. Принцип добровольности вызывает негативную реакцию этнической интеллигенции и лидеров национальных общественных организаций.*

Другое мнение: Если нет понимания необходимости изучения родного языка, его насильно не привьешь, поэтому пусть родной язык изучают те, кто считает это необходимым.

Управленцы: *Отрицательно, так как по статистике желающих изучать родной язык очень мало. Необходимо обязательное изучение родных языков. Добровольность изучения будет способствовать утрате родного языка. Должно быть обязательное изучение родных языков.*

В период подготовки к всероссийской переписи населения активизировалось обсуждение языковых проблем, так как поднимаются вопросы, связанные с определением «родного» языка, владения одним или несколькими языками и многое другое. По мнению трети региональных экспертов, такое обсуждение языковых проблем положительно влияет на межнациональные отношения; часть – 23% респондентов полагает, что отрицательно, 37% решили, что публичное обсуждение языковых проблем никак не повлияет на межнациональные отношения.

Лидеры народов, а в КЧР в качестве таких можно рассматривать руководителей общественных организаций этнокультурной направленности, продолжают поднимать вопросы родных языков перед предстоящей переписью населения. Одни связывают это с определением гражданами РФ своей этнической принадлежности, другие – с необходимостью сохранения родных языков. В проведенном опросе 56% экспертов указали языки, о состоянии которых будут говорить в период переписи, 19% экспертов высказали мнение, что таких языков нет, 22% затруднились ответить на этот вопрос. Среди тех, кто указал языки, о которых будут говорить во время переписи, преобладают следующие мнения:

- **Общественники:** *Абазинский язык; Языки малых народов, которые в современных условиях глобализации нуждаются в государственной поддержке для сохранения родного языка, иначе многие уникальные языки могут исчезнуть; К языкам коренных народов КЧР относятся карачаевский, черкесский, абазинский и ногайский;*
- **Ученые-гуманитарии:** *Карачаевский, черкесский, абазинский и ногайский. Многие во время переписи указывают свою национальную принадлежность, хотя знают численность своих народов и хотят сохранить язык, культуру и самобытность; О языках малочисленных народов, так как они могут исчезнуть; В первую очередь, о языках субъектообразующих народов республики;*
- **Управленцы:** *Абазинский, карачаевский, черкесский, ногайский: О языках малочисленных народов, в КЧР – это абазинский язык; Абазинский,*

карачаевский, ногайский, черкесский; О языках субъектообразующих народов; Нет таких языков; О языках малочисленных народов, например, абазинском.

Следующий вопрос в блоке о языках народов республики касается тех людей, которые указывают владение более, чем одним языком. В предстоящей переписи введена новация о возможности указать более одного языка в качестве родного. К этой новации положительно отнеслись 60% опрошенных экспертов, пятая часть (20%) отнеслась отрицательно, пятая часть дала другой ответ или не ответили совсем. В республике, по оценке Главы КЧР Р.Б. Темрезова, четверть заключенных браков – интернациональные. Поэтому ответы респондентов о владении двумя и более языками правдивы и органически вплетены в социокультурную реальность. Близость языков одной группы: абхазо-адыгской или тюркской также является фактором владения ими (чаще всего знают карачаевский – ногайский языки, черкесский – абазинский).

Еще одной новацией предстоящей переписи является возможность указать две национальности, по отцу и матери. Ответы экспертов соотносятся с ответами на предыдущий вопрос: так, 53% ответивших считают, что это позитивная новация, 27% видят в этом негативное явление, 13% ответа не дали. Сравнивая два ответа можно сделать определенные выводы:

- владение двумя языками – это для экспертов более позитивное явление, чем двойная этническая принадлежность;
- противников двойной этничности больше, чем противников фиксировать владение двумя языками в переписных листах.

В переписи предусмотрено изучение вопроса о том, какие языки граждане нашей страны используют в повседневной жизни. То есть не только указывают языки, которые считают родными, какими владеют, но и те, которые активно используют. Такая новация оценивается 70% республиканских экспертов как положительная; только 7% рассматривает её как отрицательную и 17% не дали ответа.

Свободные ответы на вопрос о том, как к этому относятся эксперты. Ответы разделились:

- **Общественники:** Позитивная оценка: *Да никак. С черкесом говорю по-черкесски, а с представителями других народов по-русски; знание различных языков положительно влияет на межнациональные отношения; человек способный освоить языки, обречён на мудрость и уважение.*

Отрицательная оценка: *данная поправка направлена на склонение выбора людей в пользу общепринятого языка, таким образом также идет подмена ценности родного языка как родного.*

- **Ученые-гуманитарии в основном дали положительную оценку:** *после переписи будет возможность оценить степень владения родными языками народов республики; Человек таким образом формирует свой национальный идентичный код; Чем больше человек знает языков и использует для общения, тем он богаче, пусть у него будет право сказать об этом; Ничего отрицательного в этом нет; покажет уровень владения русским языком;*

- **Управленцы:** *чем больше языков знает человек, тем он просветленнее; больше возможностей их применения; нет ничего отрицательного в том, что человек знает несколько языков; Человек может владеть не только родными языками; Большинство жителей использует в повседневной жизни несколько языков; Знание языков, в особенности других народов, считаю очень положительным.*

В планы мероприятий Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года включены меры языковой политики. Ориентируясь на представленные направления, 93% опрошенных экспертов указали те меры в сфере языковой политики, которые уместны в Карачаево-Черкесии.

Приоритетными оказались:

- Международный день родного языка – 80%;
- День народного единства – 80%;
- День России – 73%;
- День русского языка – 60%;
- Мониторинг публикаций в СМИ, посвященных вопросам сохранения и защиты самобытности, культуры, языков – 57%.

Среди этих мер, эксперты выделили те, которые могут выполнять общественные организации КЧР:

- празднование Международного дня родного языка – 70%;
- День России – 57%;
- мониторинг публикаций в СМИ, посвященных вопросам сохранения и защиты самобытности, культуры, языков народов России – 57%;
- мониторинг сохранения и развития языков народов России – 53%;
- День народного единства – 50%;
- День славянской письменности и культуры – 43%;
- День русского языка – 43%;
- Мониторинг обращений граждан о фактах нарушения принципа равенства независимо от национальности, языка и других обстоятельств – 43%.

Таким образом, эксперты отметили значимость реализации языковой политики в регионе в целях укрепления гражданской идентичности. Представленные результаты мониторингов, массовых социологических опросов и, особенно, экспертных опросов, позволяют сделать некоторые важные, на наш взгляд, выводы:

- языковые вопросы в последние годы актуализировались в связи с изменениями, внесенными в федеральные законодательные акты;
- роль и значение языков, как русского, так и родных, не исчерпываются их коммуникативными свойствами, они лежат в основе идентичностей, характерных для граждан полиэтничного государства;
- русский и родные языки как идентификаторы идентичностей дополняют друг друга, являясь основой единой общероссийской идентичности и этнических идентичностей, которые взаимодополняемы;
- в региональных сообществах роль и значение родных языков чрезвычайно высоки, с их владением связывается сохранение этносов, поэтому все вопросы, касающиеся реализации государственной языковой политики, должны широко обсуждаться в регионах, с обязательным учетом мнения представителей этнической интеллигенции и общественников.

Научная литература:

- Артеменко О.И.* (отв. ред.) Русский язык в образовательной среде многоязычной России. Москва: РАНХиГС, 2020. 544 с.
- Аствацатурова М.А.* (отв. ред.), *Тишков В.А.* (науч. конс.) Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад. На-

учное монографическое издание. Ставрополь: Издательство СКФУ, 2018.

Аствацатурова М.А. (отв. ред.), Тишков В.А. (науч. конс.) Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 в регионах Северо-Кавказского федерального округа / Экспертный доклад. Научное монографическое издание. Пятигорск: ПГУ, 2019. 135 с.

Shcherbina, Elena A.*

Russian and Native Languages as Identity Factors (Based on the Results of Expert Surveys in the Karachay-Cherkess Republic)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/121-132

The article presents the results of sociological surveys conducted in the Karachay-Cherkess Republic over a number of years, which reflect the attitude of the region's population as a whole to Russian and native languages and expert opinion detailing the role and significance of languages in collective and personal identity. The role of the Russian language as the main identifier of the all-Russian civic identity and the attitude of the KCR peoples to their native language as the main indicator of ethnic identity is revealed. Within the framework of the identity paradigm, the attitude of the regional expert community to native languages as the main family value is shown. Issues related to the role and significance of the Russian language as the language of the state-forming people and native languages reflecting the cultural diversity of the country are considered in the context of the adopted amendments to the Constitution of the Russian Federation and the upcoming 2021 All-Russian population census.

Key words: Russian language, state languages of the republic, native languages of the KCR peoples, all-Russian identity, ethnic identity

For Citation: Shcherbina, E.A. 2021. Russian and Native Languages as Identity Factors (Based on the Results of Expert Surveys in the Karachay-Cherkess Republic). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 121–132.

* **Shcherbina, Elena A.** – PhD in political sciences., Deputy-Director, Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess Republic (Cherkessk, RF). E-mail: adenas@list.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152)

References

- Artemenko, O.I. (ed.) 2020. *Russkii iazyk v obrazovatel'noi srede mnogoazychnoi Rossii*. [Russian language in the educational environment of multilingual Russia]. Moscow.
- Astvasaturova, M.A. (ed.), V.A. Tishkov (ed.) 2018. *Mezhëtnicheskie otnosheniia i migratsionnaia situatsiia v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge: ekspertnyi doklad. Nauchnoe monograficheskoe izdanie* [Inter-ethnic relations and migration situation in the North Caucasus Federal District: expert report]. Stavropol'.
- Astvasaturova, M.A. (ed.), V.A. Tishkov (ed.) 2019. *Mezhëtnicheskie otnosheniia i migratsionnaia situatsiia nakanune Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 v regionakh Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga. Èkspertnyi doklad. Nauchnoe monograficheskoe izdanie*. [Inter-ethnic relations and migration situation on the eve of the All-Russian Population Census 2020 in the regions of the North Caucasus Federal District/Expert report]. Piatigorsk.

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ – СОХРАНИТЬ ИЛИ ПОТЕРЯТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК*

В статье рассматриваются проблемы сохранения сибирскими татарами родного языка на современном этапе исторического развития. В кратком обзоре представлены этапы изучения сибирскотатарского языка от начала XIX до начала XXI в. На основе общеизвестных источников и литературы показано, что этноним татары, которым называются разные по происхождению этнические общности Поволжья, Приуралья и Западной Сибири, является псевдоэтнонимом. Он был введён в качестве самоназвания поволжских тюрок казанским мусульманским просветителем Ш. Марджани, а в советское время стал точкой опоры для создания нового литературного языка и включения его в образовательные программы всех «татарских» школ Советского союза. При этом не учитывалось, что сибирские татары являются самостоятельным этносом, со своими уникальными языком и культурой. Основным выводом статьи является утверждение, что сегодня сибирские татары поставлены перед непростым выбором – сохранить или потерять родной язык. Сохранения языка на уровне семьи явно недостаточно. Поэтому необходимо его преподавание в школах, пропаганда в средствах массовой информации, выпуск художественной литературы на нём. Первые методические разработки в виде грамматики, фонетики, графики, словарей, а также литературные произведения уже имеются. Можно вводить изучение сибирскотатарского языка факультативно в национальных школах и на специальных курсах при городских Центрах сибирскотатарской культуры. В настоящее время работа по сохранению сибирскотатарского языка и культуры проводится только энтузиастами. Поддержки на уровне администрации она не получает. Опираясь на старые, проверенные временем программы и методические разработки по татарскому языку и литературе, руководители органов управления образованием не видят необходимости для перехода на изучение сибирскотатарского языка и развивающейся сибирскотатарской литературы. На наш взгляд, дальнейшее игнорирование существующей проблемы повлечёт за собой усиление маргинализации сибирских татар Тюменской области и постепенной утрате ими самоидентификации.

Квашнин Юрий Николаевич – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (625026 Тюмень, Малыгина ул. 86). Эл. почта: ukwa@yandex.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5213-1780>

Бакиева Гульсифа Такиюлловна – к.и.н., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050 Томск, 36, Ленина пр., 35). Эл. почта: gulsifa-bakieva@yandex.ru ORCID – <https://orcid.org/0000-0001-9303-3394>

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики», исп. Квашнин Ю.Н.), а также в рамках госзадания (проект № ААААА171170504001434, исп. Бакиева Г.Т.).

Ключевые слова: *сибирские татары, Тюменская область, этноним татары, татарский литературный язык, сибирскотатарский язык, сохранение, изучение*

Ссылка при цитировании: *Квашин Ю.Н., Бакиева Г.Т. Сибирские татары перед выбором – сохранить или потерять родной язык // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 133–148.*

Введение

В эпоху перемен, происходящих сегодня в мире, сохранение родного языка и традиционной культуры стало жизненной необходимостью для многих этносов и этнических групп. Учёные-гуманитарии разных стран обеспокоены проникновением во все сферы жизни английского языка. В России национальные языки всё больше вытесняет русский язык. Эти проблемы коснулись и коренных жителей Западной Сибири – сибирских татар. Кроме этого, у них имеется ещё одна большая проблема – татарский литературный язык, который вот уже много лет преподносят им в качестве родного языка.

Идея написания настоящей статьи возникла во время этносоциологического исследования по проблемам языковой ситуации и этнокультурной политики, проводившихся авторами в Тобольске, Тюмени и окрестных сельских населённых пунктах в 2017–2020 гг. При проведении опросов кроме прочего затрагивались вопросы о языке сибирских татар, степени владения им местными жителями, о необходимости изучения татарского языка в национальных школах и ВУЗах Тюменской области.

Результаты исследования оказались очень интересными. Анкетирование школьников, их родителей, педагогов, руководства учебных заведений, сотрудников районных и городских отделов народного образования, уточняющие беседы с некоторыми из них показали, что в школах и ВУЗах существуют проблемы с изучением татарского литературного языка. Несмотря на многолетние усилия педагогов татарский литературный язык остаётся невостребованным подавляющим большинством сибирских татар. В быту они продолжают общаться на родном сибирском или на русском. Однако представители старшего поколения сибирскотатарской интеллигенции, учившиеся в 1950–1980-х гг. в татарском педагогическом училище и на русско-татарских отделениях Тобольского пединститута и Тюменского университета, настаивают на том, что татарский литературный это родной язык для всех татар, знать который необходимо и сибирским татарам.

Чтобы понять, как возник подобный диссонанс нам понадобилось обратиться к различным источникам – работам, краеведов, историков, этнографов, лингвистов, и, даже, классиков марксизма-ленинизма.

На сегодняшний день имеется достаточное количество научных работ, посвящённых сибирским татарам: их этногенезу, этнической истории, происхождению и становлению языка, традиционной духовной и материальной культуре. В 2014 г. в Тюмени был выпущен библиографический указатель литературы о сибирских татарах, куда были включены научные монографии, статьи, авторефераты диссертаций, тезисы конференций, конгрессов, симпозиумов, научно-популярные публикации, справочные материалы, биографические данные исследователей и пр. Всего в указатель вошло 6803 названия. Хронологически были охвачены публикации с XVIII в. по 2013 г. С тех пор их количество только возросло.

Здесь мы рассмотрим работы, касающиеся только сибирскотатарского языка. Начало изучению языка сибирских татар было положено на рубеже XVIII–XIX вв. в Тобольске. Первый опыт составления грамматики и словарей языка тобольских татар был принят священником Софийского собора Иосифом Гигановым, учителем татарского языка в Тобольском главном народном училище и в Тобольской духовной семинарии. В 1801 г. им были составлены и изданы книги «Грамматика татарского языка, со словарём», «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольске»; в 1804 г. – «Словарь российско-татарский (сибирского наречия)». Под руководством Гиганова его учеником тобольским бухарцем Ният-Бакой Атнометовым (Атнометевым) в 1802 г. был составлен «Букварь татарского и арабского письма, с приложением слов, со знаками, показывающими их выговор» (Бакиева 2020: 73–74).

Продолжением работы И. Гиганова стало в начале XX в. одно из направлений деятельности Тобольской центральной (до 1906 г. – противомусульманской) духовной миссии. Руководил миссией священник Ефрем Елисеев, кряшен по происхождению. С 1892 по 1901 г. он был сотрудником киргизской духовной миссии, работавшей в Семипалатинской области. После перевода в Тобольск он развернул деятельность по составлению специальных пособий для оказания помощи миссионерам в совершенствовании навыков проповедничества, а также новокрещеным для укрепления их в вере [Елисеев]. В числе книг были выпущены в 1904 г. «Краткий русско-татарский словарь», в 1905 – «Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка», в 1906 – «Русско-татарская азбука» (Бакиева 2020: 59).

Целенаправленное научное исследование языка сибирских татар началось во второй половине XIX в. трудами российского востоковеда-тюрколога В.В. Радлова. В своих поездках по Сибири он собрал выдающийся лингвистический и фольклорный материал, в том числе у западно-сибирских татар. В 1872 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар». К сожалению, в первые десятилетия советской власти наследие Радлова не было оценено по достоинству как не поднявшегося «выше уровня буржуазных учёных царской России». В 2014 г. казанский языковед, профессор Ф.Ю. Юсупов в антологии фольклора сибирских татар переиздал тексты, записанные В.В. Радловым (Юсупов 2014).

После долгого перерыва, начиная с 1950-х гг. учёные вновь обратили внимание на язык сибирских татар. Значительный вклад в изучение сибирскотатарского языка внёс казанский филолог Г.Х. Ахатов – автор классификации тюркских языков через призму теории алтайской языковой семьи. Через много лет после В.В. Радлова он снова показал, что в языке сибирских татар имеется такое явление, как цоканье, указывающее на присутствие в его составе половецкого (кыпчакского) компонента (Ахатов 1960).

В 1970-е гг. в Тюмени начала складываться лингвистическая школа. Диалектологическое изучение сибирско-татарского языка проводили учёные Д.Г. Тумашева, Х.Ч. Алишина, А.Х. Насибуллина, А.Р. Рахимова. Особенности говора заболотных татар изучали Р.С. Барсукова и г. М. Сунгатов (Сибирские татары 2014: 294–300).

В 1980–1990-е гг. этнографическое изучение сибирских татар началось в научных учреждениях и ВУЗах г. Омска. Проблемы этногенеза и этнической истории сибирских татар исследовали Ф.Т. Валеев и Н.А. Томилов. О проблемах языка сибирских татар писала С.М. Исхакова (Исхакова 1973; 1975).

В начале 1990-х годов проблемы культуры и языка сибирских татар неоднократно обсуждались на научных совещаниях и семинарах. На них отстаивал самостоятельность сибирских татар А.В. Головнёв, трудившийся в то время на историческом факультете Тобольского пединститута (*Головнёв* 1990: 19–23). В 1994 г. в Тюмени вышла книга Х.Ч. Алишиной под названием «Боль моя и радость – язык сибирских татар», где были собраны статьи, опубликованные ею в различных газетах и материалах конференций. В каждой статье говорилось об уникальности языка сибирских татар, о необходимости его сохранения и изучения (*Алишина*: 1994).

Спустя почти двести лет после И. Гиганова, попытки создания письменности на сибирскотатарском языке на основе русской графики были предприняты тюменским филологом А.Х. Насибуллиной. Она издала книгу «Алифба: Первый букварь тоболо-иртышских татар» (*Насибуллина* 2000). Однако тираж этой книги был незначительным (500 экз.), поэтому она осталась практически незамеченной научным и учительским сообществом.

С 2010 г. началась работа по нормированию сибирскотатарского языка. Тюменский учёный-лингвист, кандидат филологических наук М.А. Сагидуллин разработал и выпустил в свет несколько учебных пособий: «Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка», «Русскосибирскотатарский словарь», «Грамматика современного сибирскотатарского языка» [20; 21; 22]. (*Сагидуллин* 2008; 2010; 2014).

За последние несколько лет учёными и общественными деятелями Тобольска и Тюмени были изданы: Словарь имен сибирских татар (*Бакиева* 2016), Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар (*Бакиева* 2016), два сборника пословиц и поговорок сибирских татар (*Бакиева* 2016; *Марганова* 2017), Тематический словарь сибирскотатарского языка (*Бакиева* 2017), Сибирскотатарско-русский словарь (*Марганова* 2019). Инициативу учёных по сохранению и развитию родного языка и культуры поддержали тюменские поэты и прозаики. Было выпущено 10 сборников стихов и прозы на сибирскотатарском языке и один фольклорный сборник.

В противовес сибирским учёным академик М.З. Закиев из Казани утверждает, что сибирскотатарский язык является восточным диалектом татарского литературного языка, а сибирские татары в настоящее время «свыклись с мнением о том, что они являются частью татар Урало-Поволжья» (*Закиев* 2008: 137, 138). Эти суждения противоречат реальному положению вещей, не имея под собой никаких фактических оснований.

К сожалению, попав под сильное влияние казанских учёных, в начале XXI в. некоторые тюменские учёные полностью поменяли свою точку зрения на самостоятельность сибирских татар и их языка. Со страниц Тюменской газеты «Янаршы» Х.Ч. Алишина стала призывать сибирских татар «отказаться от позорного названия сибирские» («*Янаршы...*» 2000). На одном из научных форумов 2018 г. учёный заявила, что «учить детей родному языку надо с 3-летнего возраста. Изыскивать средства, чтобы в каждую школу и детсад выписывать из Казани детские журналы» (*Алишина* 2019: 319).

Ещё раз об этнониме татары

Этноним татары до начала XX в. был экзоэтнонимом. По сути он является мнимым псевдоэтнонимом, обозначающим реально не существующую общность¹. Народы, в названии которых сегодня присутствует слово «татары», никогда не были

¹ По классификации М.А. Членова (*Членов* 1970: 99–100).

единой этническим образованием. Казанские татары – прямые потомки болгар и поволжско-финских народов, сибирские татары – потомки кыпчаков и угорского населения Западной Сибири, большинство астраханских татар – это ногайцы, крымские татары – потомки дотюркского и разноплеменного тюркского населения Крыма и Северного Причерноморья. Объединяющий их этноним татары вошёл в употребление на Руси после монголо-татарского нашествия и сохранился до начала XX в. По мере становления и расширения территории Российского государства русские стали называть татарами большинство тюркоязычных народов. В советское время это название было официально закреплено за тюркоязычным населением Крыма, Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

О болгарских корнях казанских татар неизменно писали многие исследователи XIX–XX вв., обобщая как собственные наблюдения, так и различные исторические источники. Никто из них не упоминал, что название татары когда-либо являлось самоназванием тюркского населения Поволжья и Приуралья.

В русских летописях средневожские тюрки именовались *болгарами*, а со второй половины XIV в. *казанцами*, когда г. Казань стал одним из важных торговых и политических центров в составе Золотой Орды (*ПСРЛ* 1897: 12).

В географо-статистическом сборнике материалов о Казанской губернии М. Лаптева указано: «Случается до сих пор, что Казанец величает себя Булгарлыком (Булгариним)» (*Лаптев* 1861: 215). Востоковед Н.И. Ильминский высказался более категорично: «Внутри нашего отечества есть множество инородцев под именем татар... Здешные татары не называют себя этим именем. Они называют себя *мусульман* – по религии, и не дают себе, кроме этого, никакого племенного или народного названия» (*Ильминский* 1861: 12).

Этнограф Н.И. Воробьёв в 1930-м г. писал, что название татар окончательно укрепилось за населением Волжско-Камского края с организацией Казанского Ханства. Самоназванием народа оно стало только в последние десятки лет. И далее, цитируем: «Раньше же Казанские татары это название считали обидной кличкой и сами называли себя или общим для всех магометан именем «мусульман» или же нередко прямо «болгар» особенно старики, хорошо знакомые со старинными преданиями. Татары относятся к болгарам, как потомки к предкам и болгарская старина считается священной» (*Воробьёв* 1930: 23–24).

Активная пропаганда названия татар в Поволжье и Приуралье началась после публикации в конце XIX в. сочинений казанского богослова и просветителя Ш. Марджани. Известно одно его часто цитируемое высказывание «Если ты не татарин, то кто же ты?». Полностью оно звучит так: «В общем, нет информации о своем народе, предках, землях проживания, событиях, признаках. Из правителей своих племен, сколь ни значительными бы они были – ни одного не знают. Из-за своего чрезмерного невежества, повторяя за живущими в Мавераннахре сартами, противореча действительности, взяв себе название «ногайцы» и, называя себя таковыми в своих речах, считают себя этим народом. Однако, вследствие ненависти народа России к ним, из-за унижительного употребления слова «татарин» в качестве ругательства, некоторые, думая, что татарин – это унижение, испытывая отвращение к этому имени, спорят и ссорятся, заявляя, что мы не татары, а мусульмане. Нет, уж, нет! Разница огромна, как между Нилом и Евфратом! О несчастный! Если предположить, что враги твоей религии и нации не будут знать другого твоего названия, кроме как «мусульманин»,

конечно, тебя будут ненавидеть как «мусульманина». Если ты не татарин, не араб, не таджик и не ногаец, не китаец, не русский, не европеец, не прусс и не немец, кто же ты теперь будешь?» (*Марджани 1897: 4*)¹.

Многие известные мусульманские просветители начала XX в. не поддержали идеи Ш. Марджани. «Мы не татары, а тюрки», писал на страницах газеты «Тарджи-ман» Ризаэтдин Фахретдинов. Издатель этой газеты Исмаил бей Гаспринский спорил там же с неким господином Габдельбари Батталом: «Название “татары” нам дали старые московские дьячки, не ведавшие об истории и этнографии. Начиная от русских и до французов все называли нас “татарами”. А теперь господин Баттал принимает это название. На самом деле мы обязаны не принимать эту ошибку, а исправить ее» (*Хамидуллин 2016: 190–192*).

Корреспондент Р. Фахретдинова Валиулла Ануари из г. Зайсан Семипалатинской области в 1917 г. с горечью писал: «В настоящее время все народы, которых называют казанскими людьми, мишарями и башкирами, являются болгарскими тюрками. Называть их татарами является большой ошибкой, изобретенной неграмотными людьми... В последнее время наша молодежь по какой-то причине начала называть себя татарами. Есть причина, по какой русские назвали болгарских тюрков татарами. Однако неизвестно, по какой причине наша молодежь стала называть себя татарами» (Там же: 191–192).

Против широкого применения учёными термина татары выступал в начале XX в. видный тюрколог П.М. Мелиоранский, называя его неопределённым и ненаучным, основанным на историческом недоразумении (*Мелиоранский 1902: 159*).

До революции 1917 г. не называли сами себя татарами и коренные тюркоязычные жители Западной Сибири. Самый показательный пример этого зафиксирован в Русско-татарском разговорнике, выпущенном в 1905 г. Тобольским комитетом Православного миссионерского общества. Приведём несколько самых характерных примеров из него:

Я татарин, я русский.	Мин нугай, мин урыс.
Я не простой татарин.	Мин кара нугай тюгел.
Я бухарец.	Мин сарт.
Разве русская грамота не нужна татарам?	Алля урыс угуыу нугайларга крякмайя?
Татары живут скотоводством.	Нугайлар туар асрап кон кюряте.

И так далее, везде, где по-русски пишется татарин, переводится на сибирскотатарский нугай (*Русско-татарский 1905: 5, 12, 16*).

В 1990-е гг. идеи Ш. Марджани стали возрождать историки и археологи из Института истории АН Республики Татарстан. Они утверждали, что после монгольского завоевания Волжской Булгарии этноним «татары» активно внедрялся в сознание народа, особенно военно-служилой знати. В результате, по мнению этих учёных, внутри Улуса Джучи сформировался единый средневековый татарский этнос и современные татары являются его прямыми наследниками. При этом ссылки на источ-

¹ К Перевод с языка тюрки Айдары Гайнутдинова.

ники, подтверждающие эти факты, они не приводили (*Исхаков, Измайлов* 2000: 11, 32–51, 111). В этих рассуждениях, на наш взгляд, нарушен принцип историзма. В мировой истории не известны случаи, когда в империи (которой по сути являлась Золотая Орда) формировалась единая нация.

Родной язык – язык матери

Язык казанских татар (татар теле) относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакских языков. Современный татарский литературный язык можно назвать младописьменным. На сегодняшний день ему не исполнилось и 100 лет. Формальной датой начала его создания можно считать 25 июня 1921 г., когда Всетатарский ЦИК и СНК ТАССР издали Декрет “О реализации татарского языка в пределах Татареспублики”. До этого времени в мусульманских учебных заведениях преподавался язык тюрки, кыпчакско-ногайский в своей основе, дополненный арабскими, персидскими и турецкими заимствованиями, служивший литературным языком для образованного тюркского населения от Крыма до степей Казахстана. Он был очень далёк от народно-разговорного языка казанских татар. Об этом примечательно высказался в одной из своих работ известный российский востоковед XIX в. Н.И. Ильминский: “Надобно отдать справедливость здешним муллам – образованнейшему и уважаемому сословию между татарами, за их магометанско-религиозную учёность, долгим и тяжёлым трудом приобретаемую. Но также справедливость требует сказать, что они имели вредное влияние на татарский язык. Они постоянно смотрели и смотрят на язык как книжники. Жаль, народный язык для них представляется и груб, и беден, и, даже, без всяких правил и законов. И произвели они книжный язык, который считается тем лучше и красноречивее, чем дальше он от народной речи, чем больше укрыт лоскутьями из разных других языков – арабского и персидского, и грамматическими формами то османскими, то джагатайскими. Он не сложился во что-нибудь определённое, что можно было бы назвать языком, потому что каждый пишет по своему вкусу и крайнему разумению, имея, кажется, общее одно – опасение, как бы не написать по-простонародному” (*Ильминский* 1861: 14).

Похожая ситуация сложилась и с османли – литературным языком Османской империи. Историк-востоковед А.Е. Крымский писал, что это “искусственный язык грамотеев, где на одно турецкое слово приходится два персидских и три арабских... Простому народу грамотейский язык плохо понятен” (*Крымский* 1916: 250).

Православный миссионер, историк П.В. Знаменский в 1910 г. отмечал, что в мектебе и медресе казанские татары “из языков, кроме арабского, учат ещё турецкий¹ и персидский языки, но татарский и русский в школах не преподаются... Обучение татарскому языку, как природному, татары считают совершенно излишним” (*Знаменский* 2004: 29).

С 1921 г. в Казани и других городах Татарской республики начали организовывать курсы татарского языка для служащих, бюро переводчиков при госучреждениях, выпускались учебные пособия. Вместе с этим проходило реформирование языка тюрки. Из него изымались арабизмы, фарсизмы и туркизмы, а на их место, при необходимости, вставлялись слова из народно-разговорного языка казанских татар. При этом письменность оставалась на арабской графике. Работа по созданию лите-

¹ Видимо, тюрки.

ратурного языка для казанских татар проходила с большим трудом, в основном из-за недостаточного финансирования (Юсупова 2012: 234–236; Салихов, Габдрафикова 2018: 45). Только в 1926 г. она приняла хорошо организованные формы, когда начало работу общество Яналиф (Новый алфавит), предложившее проект нового латинизированного алфавита для татарского языка (Гарипова 1999: 321). В 1939–1941 гг. латинский алфавит был заменён на кириллицу. При невозможности замены арабизмов и фарсизмов тюркскими словами их заменили русскими. Также были сохранены некоторые слова из языка тюркí. В результате литературный татарский язык приобрёл черты близкие к современному (Закиев 1991: 298).

Сибирскотатарский язык (себер тел) относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. По лексическому составу и некоторым фонетическим особенностям он близок к степному крымскому, ногайскому, башкирскому, казахскому, каракалпакскому языкам, а также к кыпчакским диалектам узбекского языка. В 2010 г. сибирскотатарский язык был внесён ЮНЕСКО в число явно подвергающихся опасности исчезающих языков Российской Федерации (*UNESCO Atlas*).

Обучение в медресе и мектебе Тобольской губернии мало отличалось от мусульманских учреждений в других регионах Российской империи. С XVIII до начала XX вв. там преподавали Коран, таджвид (правила чтения Корана), хадисы (изречения пророка Мухаммеда), историю ислама, логику, арабский, персидский языки и язык тюркí (Бакиева 2000: 61–62).

Сибирскотатарская письменность на кириллице имеет более давнюю историю, чем казанскотатарская. Она зафиксирована в словарях и разговорниках, издававшихся православными миссионерами в Тобольске в XIX и начале XX в. О них мы упоминали выше. К сожалению она оказалась не востребованной в советское время. Национальные сибирскотатарские образовательные учреждения в первые десятилетия советской власти пережили те же реформы языка, что и казанскотатарские. Первыми учителями в национальных “татарских” школах становились выпускники мектебе и медресе, часто муллы, в достаточной мере владевшие языком тюркí и народно-разговорным языком. По ходу развития новой татарской письменности и нормирования татарского литературного языка в Казани выпускались учебники, словари и методические пособия. По мере необходимости они приобретались руководством тобольских и тюменских школ и техникумов. При этом преподавание велось на сибирскотатарском языке (Бакиева 2016: 136; Бакиева 2000: 100).

Для учеников тобольских и тюменских национальных школ, а также техникумов и училищ, называвшихся татаро-башкирскими, переход с одной графической системы на другую, по всей видимости, не представлял больших трудностей, поскольку не приводил к существенной перемене самого языка. К примеру, жительница с. Ембаево Тюменского р-на Тюменской области Ф.С. Алимханова рассказала нам, что её мать Р.С. Ишимова в 1920-е гг. училась в Тюменском татаро-башкирском техникуме. По окончании его, вместе с другими выпускниками, была направлена в Башкирию для ликвидации безграмотности среди сельского населения. Затем преподавала татарский язык и литературу в Ембаевской школе. В семейном архиве сохранились письма и открытки Рашиды Сибгатовны, написанные на сибирскотатарском языке арабской графикой, латиницей и кириллицей (ПМА 2008).

Один народ – один язык

В начале 1950-х г. казанские учёные-лингвисты продолжили развивать теоретические и практические основы татарского литературного языка. Основанием для начала новой языковой реформы послужило одно из знаковых произведений И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”.

Опираясь на сталинский постулат о том, что языки развиваются “от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным” (*Сталин* 1950: 12), ученые Института литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, в предисловии ко второму изданию Диалектологического словаря татарского языка заявили следующее: “Татарский язык – тоже на основе такой же исторической законности, язык, сформированный от родового языка к языку племени, от племенного к общему и от общенародного языка к единственному национальному, основанный на единственном языке, языке общения. В частности, в основе татарского национального языка лежит Заказанье¹” (*Борханова, Якупова* 1953: 5–6).

Далее казанские учёные поставили вопрос, “что происходит с другими диалектами, когда национальный язык одного народа основан на одном диалекте?” и ответили на него, опять же, словами И.В. Сталина: “Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»” (*Борханова, Якупова* 1953: 6; *Сталин* 1950: 44).

С этого времени начался новый этап развития татарского литературного языка, сконструированного на основе языков средневожских татар и мишарей, “очищенного” от других регионально-диалектных форм. Как пишет казанский филолог И.Б. Баширова, общенациональный татарский язык стали понимать теперь “не как язык определенного класса, не как язык учёных, культурных людей, а как язык понятный всему народу, обработанный, отшлифованный, зафиксированный в письменных текстах, который может базироваться только на одном определенном диалекте” (*Баширова* 2000: 12).

Этноним татары, усвоенный органами управления сначала императорской России, а затем и СССР, стал точкой опоры для внедрения нового литературного языка в образовательные программы всех “татарских” школ Советского союза. Соглашаясь с высказыванием И.В. Сталина, казанские лингвисты 1950-х гг. считали, что “элементы старого качества” языка, т.е. диалекты, постепенно отомрут сами собой и все этнические общности, называемые татарами, воспримут татарский литературный язык как родной (*Сталин* 1950: 27–28; *Борханова, Якупова* 1953: 18).

Немалую путаницу в освещении вопросов истории татарского языка и национальной идентичности вносят высказывания академика М.З. Закиева, помещённые в приложение к Русско-татарскому разговорнику, изданному в Казани в 1991 г. С одной стороны, учёный признает, что татары – это “несколько разных по происхождению и языку наций и народностей”. С другой, применительно к сибирским татарам, говорит, что они “официально составляют часть волжских татар”. Так же он пишет, что “сибирских и волжских татар нельзя считать исторически и фактически близкими в лингвистическом плане”, а далее “язык сибирских татар считается своеобразным пассивным диалектом татарского языка” (*Закиев* 1991: 285–286, 297).

¹ Здесь и далее перевод с татарского литературного языка сделан авторами статьи.

Эти суждения не вызывают ничего, кроме недоумения. Особенно последнее. В языкознании отсутствуют понятия “активных” и “пассивных” диалектов. Само слово “пассивный” означает “не используемый”. В данном случае, язык сибирских татар не использовался при создании татарского литературного языка, поэтому его невозможно отнести к его диалектам.

Противоречие кроется и в словах М.З. Закиева о том, что сибирских татар “на определённом этапе исторического развития в некоторых сферах общения обслуживал волжско-татарский литературный язык” (*Там же*: 285). С этим можно согласиться, но необходимо уточнить, что это был не новый татарский язык, а язык тюрки, который обслуживал, в том числе и средневолжское тюркоязычное население.

Начиная с 1950-х гг. в высших учебных заведениях Тюменской области начали готовить педагогов для татарских школ, находящихся в населённых пунктах с компактным проживанием сибирских татар. В Тюменском педагогическом институте в 1950 г. был открыт факультет для подготовки учителей русского и татарского языков и литературы. В 1953 г. он был переведён в Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (*Сайфуллина* 2017: 169).

23 августа 1951 г. Министерством просвещения РСФСР на работу в Тобольский государственный педагогический институт был направлен Г.Х. Ахатов, где он создал новую кафедру – татарского языка и литературы. Помимо этого, он организовал работу по сбору материалов о диалектах сибирских татар и их изучению. Преподавание здесь велось на основе сталинской идеологической доктрины «один народ – один язык», поэтому студенты изучали татарский литературный язык.

На татарском отделении факультета велась подготовка учителей татарского литературного языка и татарской литературы, а на русско-татарском – учителей русского языка и литературы для национальных восьмилетних и средних школ области. За двенадцать лет работы (с 1953 по 1965 г.) эти два отделения подготовили в общей сложности 250 учителей русского и татарского языков и литературы (*Там же*: 170). По всей видимости, потребность в учительских кадрах в татарских школах была быстро исчерпана, и в 1959 г. закрылось татарское отделение, а в 1965 – русско-татарское.

Возрождение татарского национального образования в Тюменской области началось после перестройки. В 1989 г. при Тобольском педагогическом училище было открыто татарское отделение, а в 1990 г. – русско-татарское, при Тобольском педагогическом институте (*Там же*: 170). В 1993 г. первая татарская группа была набрана на русско-татарское отделение филологического факультета Тюменского государственного университета (Почётный член...). Этот порыв был поддержан правительством республики Татарстан, а также историками и филологами республиканской академии наук. На развитие образовательных программ по татарскому литературному языку в Тюменской области из Казани выделялись гранты, образовательные учреждения обеспечивались учебными и методическими пособиями. Однако это не принесло значительных результатов. В течение двадцати лет русско-татарские отделения выпускали учителей татарского языка и литературы, но с каждым годом всё меньше и меньше. К 2010 г. набор на первые курсы отделений снизился настолько, что были приняты решения об их закрытии.

Говорить об успехах в распространении татарского литературного языка среди сибирских татар Тюменской области не приходится. Если бы он был для них родным, то за 70 лет планомерного внедрения его изучило бы уже несколько поколений. Наши наблюдения во время исследований 2017–2020 гг. показали, что татарский литературный язык знают в достаточной мере только люди старшего поколения,

в основном те, кто обучался в Тобольском татарском педагогическом техникуме, а также бывшие преподаватели русско-татарского отделения Тобольского пединститута. При этом в быту все они общаются на родном сибирскотатарском или русском языках. Люди среднего поколения, учившиеся в сельских национальных школах, понимают некоторые казанскотатарские слова, но разговаривать, читать и писать по-казански не могут. Молодые люди хорошо говорят по-русски, многие понимают родной сибирскотатарский язык, но разговаривают на нём неуверенно, татарский литературный язык воспринимают как иностранный.

В настоящее время в Тюменской области имеется 49 школ, в учебные программы которых включён этнокультурный компонент, предполагающий изучение татарского литературного языка. Эти школы объединены в организацию некоммерческое партнерство «Истоки». На базе школы № 15 г. Тобольска периодически проводятся областные семинары по проблемам татарского литературного языка. На этих совещаниях постоянно обсуждаются вопросы методики обучения языку в разных классах, финансирования развития этнокультурного образования в татарских школах. Одной из главных проблем, постоянно выносимой на обсуждение в последние годы, остаётся нежелание многих родителей, чтобы их дети изучали татарский литературный язык. Дирекция школы № 15 неизменно призывает учителей работать с населением, внушать им необходимость и значимость татарского литературного языка для их детей. Мнение большинства руководителей и учителей сельских школ, а также родителей учеников, что нужно перейти на преподавание родного сибирскотатарского языка, в расчёт не принимается (Квашин, Бакиева 2019: 86-90).

Проведение этих и других мероприятий по развитию этнокультурного образования поддерживаются Департаментом образования и науки администрации Тюменской области и Тюменского областного государственного института регионального развития образования (ТОГИРРО). Руководители этих организаций прекрасно осведомлены о непростой ситуации с изучением татарского литературного языка, но никаких радикальных мер по её изменению не предпринимают. Опыт нашего общения с руководителями разных административных структур показывает, что они плохо разбираются в существующей проблеме.

Заключение

Подводя итог скажем следующее. Сибирские татары являются самостоятельным этносом, со своими уникальными языком и культурой. Особых доказательств для этого не требуется, так как имеется достаточное количество научных исследований. Сегодня необходимо решать вопрос о признании сибирских татар отдельным народом на государственном уровне. Объединять их вместе с казанскими татарами в мифическую единую татарскую нацию не допустимо.

Сегодня сибирские татары поставлены перед непростым выбором – сохранить или потерять родной язык. Сохранения языка на уровне семьи явно не достаточно. Поэтому необходимо его преподавание в школах, пропаганда в средствах массовой информации, выпуск художественной литературы на нём. Первые методические наработки в виде грамматики, фонетики, графики, словарей, а также литературные произведения уже имеются. Можно вводить изучение сибирскотатарского языка факультативно в национальных школах и на специальных курсах при городских Центрах сибирскотатарской культуры.

В настоящее время работа по сохранению сибирскотатарского языка и культуры проводится только энтузиастами. Поддержки на уровне администрации она не получает. Опираясь на старые, проверенные временем программы и методические разработки по татарскому языку и литературе, руководители органов управления образованием не видят необходимости для перехода на изучение сибирскотатарского языка и развивающейся сибирскотатарской литературы. На наш взгляд, дальнейшее игнорирование существующей проблемы повлечёт за собой усиление маргинализации сибирских татар Тюменской области и постепенной утрате ими самоидентификации.

Источники и материалы

- Бакиева* 2016a – *Бакиева г.Т.* (сост.) Словарь имен сибирских татар. Тобольск: ООО Полиграфист, 2016.
- Бакиева* 2016b – *Бакиева г.Т.* (сост.) Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар. Тобольск: ООО Полиграфист, 2016.
- Бакиева* 2017 – *Бакиева г.Т.* (сост.) Тематический словарь сибирскотатарского языка. Тобольск: ООО Полиграфист, 2017.
- Елисеев* – Елисеев Ефрем Константинович, протоиерей // Духовенство русской православной церкви. Биографическая база данных и собрание материалов <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/3060/>
- Марганова* 2019 – *Марганова Ф.Ф.* (сост.) Сибирскотатарско-русский словарь (Себертатрца-урсыца сүслек): около 30000 слов. Тюмень, 2019.
- ПМА – Полевые материалы авторов, 2008 г., с. Ембаево Тюменский р-н Тюменской обл.
- Почетный член – Почетный член Академии наук Республики Татарстан Алишина Ханиса Чавдатовна // Академия наук Республики Татарстан <http://www.antat.ru/ru/staff/3296/>
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью: (продолжение). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897.
- Сагидуллин* 2000 – *Сагидуллин М.А.* Русско-сибирскотатарский словарь (Урысца-себертатрца сүслек): около 15000 слов. Тюмень: Мандр и К^а, 2010.
- Сибирские татары 2014 – Сибирские татары. Библиографический указатель (XVIII в. – 2013 г.). Тюмень, 2014.
- Янарыш 2000 – «Янарыш – халык газетасы» (интервью с проф. ТюмГУ Ханисой Алишиной / записал А. Сагитов) // Янарыш. 2000.
- UNESCO Atlas – UNESCO Atlas of the World's Languages in danger <http://www.unesco.org/languageatlas/ru/atlasmap/languageid680.html>.

Научная литература

- Алишина Х.Ч.* Боль моя и радость – язык сибирских татар. Тюмень: СофтДизайн, 1994.
- Алишина Х.Ч.* Опыт работы по сохранению родного языка и культуры // Сибирские татары. Материалы Всеросс. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2018 г.). Тобольск: Тобольская типография, 2019. С. 314–319
- Ахатов Г.Х.* Некоторые особенности преподавания родного языка в условиях восточного диалекта татарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы Второго Регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11-15 ноября 1958 г. в г. Казани. Казань, 1960. С. 106–111.
- Бакиева Г.Т.* (сост.) Пословицы и поговорки сибирских татар. Тобольск: ООО Полиграфист, 2016.
- Бакиева Г.Т.* Сибирские татары города Тобольска (историко-этнографические очерки). Тобольск: ООО Полиграфист, 2020.
- Баширова И.Б.* Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная

- норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола. Автореф. дис. ... докт. филол. наук 10.02.06. Казань: Тип. Казанского гос. ун-та, 2000.
- Борханова Н., Якупова З.* Диалектологик сүзлек. Казан: Татгосиздат, 1953.
- Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования) / Труды Дома татарской культуры. Т. II. Казань: 1930.
- Гарипова З.Г.* Заглядывая в прошлое // Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (80-90-е гг.). Казань, 1999. С. 317–326.
- Головнёв А.В.* Об этнической истории сибирских татар // Сибирские татары: история и современность. Тобольск: ТГИАМЗ, 1990. С. 19–23.
- Закиев М.З.* Из истории татар и татарского языка // Сафиуллина Ф.С., Галиуллин К.Р. Русско-татарский разговорник. Казань: Татарское кн. изд-во. 1991. С. 285–299.
- Закиев М.З.* Этнические корни татар – носителей восточного диалекта // Сулеймановские чтения. Материалы XI Всероссийской науч.-практ. конференции (Тобольск, 16-17 мая 2008 г.). Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. С. 134–138.
- Знаменский П.В.* Казанские татары. Казань: Иман, 2004.
- Ильминский Н.И.* Вступительное слово в курсе турецко-татарского языка / Учёные записки, издаваемые императорским Казанским университетом. Кн. III. Казань: Тип. ун-та. 1861.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар. Казань: Иман, 2000.
- Исхакова С.М.* Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке западносибирских татар // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 36–39.
- Исхакова С.М.* Языковые контакты западносибирских татар с алтайскими племенами // Советская тюркология. 1975. № 5. С. 33–38.
- Квашнин Ю.Н., Бакиева Г.Т. Этнокультурное образование на юге Тюменской области и проблемы сохранения сибирскотатарского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 78–98.
- Крымский А.Е.* История Турции и ее литературы. Т. I. От возникновения до начала расцвета. М., 1916.
- Лантес М.* Казанская губерния / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. СПб.: 1861.
- Марганова Ф.Ф.* (сост.) Әйтемнәр пелән лагаплар (сибирскотатарские пословицы и поговорки). Тюмень: Изд-во ГАУК ТОНБ, 2017.
- Марджани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар. Ч. 1. Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1897 (на языке тюрки).
- Меллоранский П.М.* Араб филолог о турецком языке. СПб.: Тип. Имп. АН. 1900.
- Насибуллина А.Х.* Әлиппа. Первый букварь тоболо-иртышских татар. Тюмень, 2000.
- Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Тобольск: Тип. Епарх. Братства, 1905
- Сагидуллин М.А.* Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка. Тюмень: Изд-во «Искер», 2008.
- Сагидуллин М.А.* Грамматика современного сибирскотатарского языка. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2014.
- Сайфуллина Ф.С.* Историческая роль ТГПИ им. Д.И. Менделеева в подготовке национальных педагогических кадров и сохранении культуры татарского народа // Образование и культура как фактор развития региона: материалы XXVII Всероссийских Менделеевских чтений. Тобольск: ТПИ им. Д. И. Менделеева, 2017.
- Салихов Р.Р., Габдрафикова Л.Р.* Культура общения в эпоху революции (на примере Казанской губернии) // Вестник КазГУКИ, 2018. № 4. С. 43–47.
- Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950
- Хамидуллин С.И.* (Отв. ред.). История башкирских родов. Юрми (сборник документов и материалов). Т. 21. Уфа: 2016.

Членов М.А. О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации) // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 87–102.

Юсупов Ф.Ю. (авт.-сост.). Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар: дастаны, мунаджаты, байты. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014.

*Kvashnin, Yuri N. and Gulsifa T. Bakieva**

Siberian Tatars Face a Choice – Save or Lose Their Native Language

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/133-148

The article deals with the problems of preservation of their native language by the Siberian Tatars at the present stage of historical development. The brief overview presents the stages of studying the Siberian Tatar language from the beginning of the 19th century to the beginning of the 21st century. Based on commonly known sources and literature, it is shown that the ethnonym Tatars, which refers to ethnic communities of different origins in the Volga region, the Urals and Western Siberia, is a pseudo-ethnonym. It was introduced as the self-name of the Volga Turks by the Kazan Muslim educator Sh. Mardzhani, and in Soviet times it became a fulcrum for the creation of a new literary language and its inclusion in the educational programs of all “Tatar” schools of the Soviet Union. At the same time, it was not taken into account that Siberian Tatars are an independent ethnic group, with their own unique language and culture. The main conclusion of the article is that today Siberian Tatars face a difficult choice – to keep or to lose their native language. Preserving the language at the family level is clearly not enough. Therefore, it is necessary to teach it in schools, propagate it in the media, and publish fiction in it. The first methodological developments in the form of grammar, phonetics, graphics, dictionaries, as well as literary works are already available. It is possible to introduce the study of the Siberian Tatar language as an option in national schools and in special courses at the city Centers of Siberian Tatar culture. At present, the work to preserve the Siberian Tatar language and culture is carried out only by enthusiasts. It does not receive support at the administration level. Relying on the old, time-tested programs and methodological developments in the Tatar language and literature, the heads of education authorities do not see the need for studying the Siberian Tatar language and developing Siberian Tatar literature. In our opinion, further ignoring of the existing problem will entail increased marginalization of the Siberian Tatars of the Tyumen region and their gradual loss of self-identification.

Key words: *Siberian Tatars, Tyumen region, ethnonym Tatars, Tatar literary language, Siberian Tatar language, preservation, study*

For Citation: Kvashnin, Y.N. and G.T. Bakieva. 2021. Siberian Tatars Face a Choice – Save or Lose Their Native Language. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 133–148.

***Kvashnin, Yuri N.** – PhD, Senior Researcher, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (86, Malygina str., Tyumen, Russia). E-mail: ukwa@yandex.ru. ORCID – <https://orcid.org/0000-0001-5213-1780>

Bakieva, Gulsifa T. – PhD, senior researcher, National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., Tomsk, Russia). E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9303-3394>

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152, Y. Kvashnin) and is a part of the project № AAAA171170504001434 (G. Bakieva).

References

Alishina H.Ch. 1994. *Bol' moya i radost' – yazyk sibirskih tatar* [My pain and joy are the language of the Siberian Tatars]. Tyumen: SoftDizajn.

- Alishina H.Ch. 2019. *Opyt raboty po sohraneniyu rodnogo yazyka i kul'tury* [Experience in preserving the native language and culture]. In *Sibirskie tatar. Materialy Vserossiyskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri» (10–12 dekabrya 2018 g.)* [Siberian Tatars. Materials of the All-Russian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia” (December 10–12, 2018)], 314–319. Tobolsk: Tobolskaya tipografiya.
- Ahatov G.H. 1960. Nekotorye osobennosti prepodavaniya rodnogo yazyka v usloviyah vostochnogo dialekta tatarskogo yazyka [Some features of teaching the native language in the conditions of the eastern dialect of the Tatar language]. In *Voprosy dialektologii tyurkskih yazykov. Materialy Vtorogo Regional'nogo soveshchaniya po dialektologii tyurkskih yazykov, sostoyavshego-sya 11-15 noyabrya 1958 g. v g. Kazani* [Issues of dialectology of Turkic languages. Materials of the Second Regional Meeting on the Dialectology of Turkic Languages, held on November 11–15, 1958 in Kazan], 106–111. Kazan.
- Bakieva G.T. (comp.) 2016. *Poslovicy i pogovorki sibirskih tatar* [Proverbs and sayings of the Siberian Tatars]. Tobolsk: OOO Poligrafist.
- Bakieva G.T. 2020. *Sibirskie tatar goroda Tobolska (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [Siberian Tatars of the city of Tobolsk (historical and ethnographic essays)]. Tobolsk: OOO Poligrafist.
- Bashirova I.B. 2000. *Tatarskij literaturnyj yazyk konca XIX – nachala XX veka: literaturnaya norma, variativnost' normy i funkcional'no-stilisticheskaya variativnost' v kategoriyah imeni sushchestvitel'nogo i nakloneniyah glagola* [Tatar literary language of the late 19th – early 20th centuries: literary norm, variability of the norm and functional-stylistic variability in the categories of the noun and the mood of the verb]. Diss. abstrakt (Doctor of Philology) 10.02.06. Kazan: Tipografiya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Borhanova N., Yakupova G. 1953. *Dialektologik syzlek* [Dialectological Dictionary]. Kazan: Tatgosizdat.
- Chlenov M.A. 1970. O nekotoryh indonezijskih etnonimakh (k voprosu ob etnonimicheskoy klassifikacii) [On some Indonesian ethnonyms (on the issue of ethnonymic classification)]. In *Etnonimy* [Ethnonyms], 87–102. Moscow: Nauka.
- Hamidullin S.I. (edit.-in-chief). 2016. *Istoriya bashkirskih rodov. Yurmi (sbornik dokumentov i materialov). Tom 21.* [History of Bashkir clans. Yurmi (collection of documents and materials). Vol. 21]. Ufa.
- Garipova Z.G. 1999. *Zaglyadyvaya v proshloe* [Looking into the past]. In *Yazykovaya politika v Respublike Tatarstan: Dokumenty i materialy (80–90-e gg.)* [Language policy in the Republic of Tatarstan: Documents and materials (80–90s)], 317–326. Kazan.
- Golovnyov A.V. 1990. Ob etnicheskoy istorii sibirskih tatar [About the ethnic history of Siberian Tatars]. In *Sibirskie tatar: istoriya i sovremennost'* [Siberian Tatars: history and modernity], 19–23. Tobolsk: TGIAMZ.
- Il'minskiy N.I. 1861. *Vstupitel'noe slovo v kurse turecko-tatarskogo yazyka. Uchyonye zapiski, izdavaemye imperatorskim Kazanskim universitetom. Kniga III* [Introductory remarks in the course of the Turkish-Tatar language. Scientific notes published by the Imperial Kazan University. Book. III]. Kazan: Tipografiya universiteta.
- Iskhakov D.M., Izmajlov I.L. 2000. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [Ethnopolitical history of the Tatars]. Kazan: Iman.
- Iskhakova S.M. 1973. Drevnyetyurkskie elementy v narodno-razgovornom yazyke zapadnosibirskih tatar [Ancient Türkic elements in the folk-spoken language of the West Siberian Tatars]. In *Sovetskaya tyurkologiya* 6: 36–39.
- Iskhakova S.M. 1975. Yazykovye kontakty zapadnosibirskih tatar s altajskimi plemenami [Linguistic contacts of the West Siberian Tatars with the Altai tribes]. In *Sovetskaya tyurkologiya* 5: 33–38.
- Kvashnn Yu.N., Bakieva G.T. 2019. Etnokul'turnoe obrazovanie na yuge Tyumenskoj oblasti i problemy sohraneniya sibirskotatarskogo yazyka [Ethnocultural education in the south of the Tyumen region and the problems of preserving the Siberian Tatar language]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* 5 (3): 78–98.

- Крымский А.Е. 1916. *Istoriya Turcii i ee literatury. Vol. I. Ot voznikoveniya do nachala rascveta* [History of Turkey and its literature. Vol. I. From emergence to the beginning of flowering]. Moscow.
- Лаптев М. 1861. *Kazanskaya guberniya / Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba* [Kazan province / Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff]. St. Petersburg.
- Marganova F.F. (comp.). 2017. *Əjtemnər pelən lazaplar (sibirskotatarskie posloviy i pogovorki)* [Əjtemnər pelən laraplar. Siberian Tatar proverbs and sayings]. Tyumen: Izdatel'stvo GAUK TONB.
- Mardzhani SH. 1897. *Mustafad al'-ahbar fi ahval' Kazan va Bulgar* [Useful information about Kazan and Bolgar]. Part 1. Kazan: Tipografiya B.L. Dombrovskogo.
- Melioranskiy P.M. 1900. *Arab filolog o tureckom yazyke* [Arab philologist about the Turkish language]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
- Nasibullina A.H. 2000. *Əlippa. Pervyy bukvar' tobolo-irtyshskih tatar* [Əlippa. The first ABC book of the Tobol-Irtysh Tatars]. Tyumen,
- Russko-tatarskij razgovor. Prakticheskie uroki russkogo i tatarskogo yazyka. Na russkom yazyke i na narechii tatar Tobolskoj gubernii* [Russian-Tatar conversation. Practical lessons in Russian and Tatar. In Russian and in the dialect of the Tatars of the Tobolsk province]. 1905. Tobolsk: Tipografiya Eparhial'nogo Bratstva.
- Sagidullin M.A. 2008. *Fonetika i grafika sovremennogo sibirskotatarskogo yazyka* [Phonetics and graphics of the modern Siberian Tatar language]. Tyumen: Izdatel'stvo «Isker».
- Sagidullin M.A. 2014. *Grammatika sovremennogo sibirskotatarskogo yazyka* [A grammar of the modern Siberian Tatar language]. Tyumen: OAO «Tyumenskij dom pečati».
- Sayfullina F.S. 2017. Istoricheskaya rol' TGPI imeni D.I. Mendeleeva v podgotovke nacional'nyh pedagogicheskikh kadrov i sohraneni kul'tury tatarskogo naroda [The historical role of TGPI named after D.I. Mendeleev in the training of national pedagogical personnel and preservation of the culture of the Tatar people]. In *Obrazovanie i kul'tura kak faktor razvitiya regiona: materialy XXVII Vserossiyskikh Mendeleevskih chteniy* [Education and culture as a factor in the development of the region: materials of the XXVII All-Russian Mendeleev readings]. Tobolsk: TPI imeni D.I. Mendeleeva.
- Salihov R.R., Gabdrifikova L.R. 2018. *Kul'tura obshchey v epokhu revolyucii (na primere Kazanskoj gubernii)* [The culture of communication in the era of the revolution (on the example of the Kazan province)]. In *Vestnik KazGUKI* 4: 43–47.
- Stalin I.V. 1950. *Marxizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and questions of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat.
- Vorob'yov N.I. 1930. *Material'naya kul'tura kazanskih tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya) / Trudy Doma tatarskoj kul'tury. T. II.* [Material culture of Kazan Tatars (experience of ethnographic research) / Proceedings of the House of Tatar culture. Vol. II.]. Kazan.
- Yusupov F.Yu. (auth.-comp.). 2014. *Sibirskie tatary. Iz sokrovishchnicy duhovnoj kul'tury. Antologiya fol'klora sibirskih tatar: dastany, munadzhaty, baity* [Siberian Tatars. From the treasury of spiritual culture. Anthology of Siberian Tatars folklore: dastans, munajats, baits]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Zakiev M.Z. 1991. Iz istorii tatar i tatarskogo yazyka [From the history of the Tatars and the Tatar language]. In *Safullina F.S., Galiullin K.R. Russko-tatarskij razgovornik* [Safullina F.S., Galiullin K.R. Russian-Tatar phrasebook], 285–299. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Zakiev M.Z. 2008. Etnicheskie korni tatar – nositelej vostochnogo dialekta [Ethnic roots of the Tatars – carriers of the eastern dialect]. In *Sulejmanovskie chteniya. Materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Tobolsk, 16-17 maya 2008 g.)* [Suleimanov readings. Materials of the XI All-Russian scientific-practical conference (Tobolsk, May 16-17, 2008)], 134–138. Tobolsk: TGPI im. D.I. Mendeleeva.
- Znamenskiy P.V. 2004. *Kazanskije tatary* [Kazan Tatars]. Kazan: Iman.

© Т.Б. Смирнова, Е.А. Шлегель

**БИЛИНГВИЗМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
(ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)***

На языковые процессы у российских немцев оказывают влияние различные факторы. Это внутренняя неоднородность этнической общности, дисперсный характер расселения большинства немцев, и в то же время – сохранение мест компактного проживания в сельской местности, различное понимание категории “родной язык”, возрастающая роль общественных организаций российских немцев, проводящих целенаправленную политику по сохранению идентичности и немецкого языка. Под воздействием этих факторов язык российских немцев подвергся значительным трансформациям. Русско-немецкий билингвизм, как особая черта языковой ситуации немцев, живущих в России, приобрел новые формы. Немецкий язык постепенно утратил практические функции, он все больше становится этническим символом. А русский язык стал основным средством повседневного общения. Выбор языка, немецкого или русского, как инструмента общения, стал зависеть от конкретных ситуаций, языкового окружения, профессиональной сферы, участия в деятельности общественных организаций. Чтобы проследить динамику языковых процессов, был использован метод социологического опроса, который позволяет глубже изучить особенности народа, находящегося на языковом пограничье. Социологические опросы немецкого населения проводятся Международным союзом немецкой культуры с периодичностью в 10 лет. В статье речь пойдет о результатах двух последних, наиболее масштабных опросов, которые были проведены в 2009 и 2020 годах. Общей целью опросов стал анализ состояния и тенденций этнокультурного развития российских немцев. Отдельный блок вопросов, который нашел отражение в статье, был посвящен языку российских немцев. Внимание авторов было обращено на такие показатели, как признание языка родным, уровень владения тем или иным языком, сферы и формы использования языков, оценка преподавания немецкого языка в образовательных учреждениях. Представленная в статье динамика этноязыковых процессов позволяет оценить языковую ситуацию и дать прогноз развитию русско-немецкого билингвизма российских немцев.

Смирнова Татьяна Борисовна – д.и.н., проректор по учебной работе, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644053 Омск, Нефтезаводская ул., 11). Эл. почта: SmirnovaTB@omsu.ru

Шлегель Елена Александровна – помощник проректора по учебной работе, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644053 Омск, Нефтезаводская ул., 11). Эл. почта: ShlegelEA@omsu.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09152 “Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики”.

Ключевые слова: *билингвизм, российские немцы, этноязыковые процессы, социологические опросы*

Ссылка при цитировании: *Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А.* Билингвизм российских немцев (по данным социологических опросов) // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С.

Российские немцы, проживающие дисперсно на территории Российской Федерации, представляют собой многообразную этническую общность. После издания в 1763 г. Манифеста Екатерины II “О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах”, на территорию Российской империи массово переселились немецкие колонисты из различных германских земель. Немецкие крестьяне представляли собой отдельные группы, отличающиеся между собой культурными особенностями, вероисповеданием и языком. К примеру, бывшее немецкое село Прайс Саратовской области являлось местом, куда переселились немцы сразу из 129 местностей Германии, создав тем самым уникальную диалектную разногосицу в пределах всего лишь одного населенного пункта (*Минор* 2014: 4). Дальнейшие исторические события наложили отпечаток на формирование сложной этнической идентичности у немцев России. Помимо привычных обозначений “российские немцы”, “немцы России”, “этнические немцы”, широко распространены и такие определения немцев, как “поволжские”, “волынские”, “закавказские”, “сибирские”, “казахстанские”, “советские” и т.д. Те или иные определения немцев возникали в различные периоды истории, закреплялись, исчезали, а некоторые из них продолжают существовать и сейчас¹.

Споры в научных кругах относительно терминологии, привели к тому, что этноним “российские немцы” стали использовать в отношении всех немцев, проживавших в свое время в Российской империи, Советском Союзе, а позже – и на всем постсоветском пространстве. Это позволило расширить исследовательское поле и привлечь большее внимание к существующим проблемам народа. Из всех стран бывшего Советского Союза, Российская Федерация лидирует по количеству проживающих здесь немцев. Но так было не всегда. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. наибольшее количество немцев (957 тыс. человек) проживало в Казахской ССР, куда они были депортированы в 1941 г. В РСФСР числилось 842 тыс. немцев. Общая их численность в 1989 г. составила более 2 млн человек (Национальный состав 1989).

В середине 1990-х гг. ситуация очень быстро изменилась, благодаря массовой эмиграции в Германию. В 2002 г. перепись населения зафиксировала на территории России 597 тыс. немцев (Национальный состав 2002). Последняя Всероссийская перепись населения 2010 г. – 394 тыс. человек, указавших немецкую национальность (Национальный состав и владение 2010). В Казахстане сейчас насчитывается чуть более 178 тыс. немцев (Итоги переписи 2009). В остальных странах бывшего СССР численность немцев не превышает 35 тыс. человек, и это количество ежегодно уменьшается.

Основными регионами проживания немцев в России стали Алтайский край (50 701) и Омская область (50 055 немцев). На обеих территориях в 1991 и 1992 гг. были образованы Немецкие национальные районы с административными центрами в с. Гальбштадт и с. Азово. Места компактного проживания немцев продолжают су-

¹ Подробнее об этом см.: *Смирнова, Киссер* 2017: 44–53.

ществовать, хотя и в гораздо меньших масштабах, также в Оренбургской, Томской и ряде других областей (Реестр 2020).

Различные, зачастую противоречивые обстоятельства (например, наличие компактных мест поселения, и в то же время – дисперсное проживание большинства немцев, современные этноязыковые программы, направленные на поддержку немецкого языка, и в то же время – низкая мотивация его изучения), способствовали формированию уникальной языковой ситуации у российских немцев. Современные исследователи признают русско-немецкий билингвизм неотъемлемой чертой языковых процессов у российских немцев.

Билингвизму немцев были посвящены многочисленные исследования в советский период. Лингвисты и этнографы, часть из которых были выходцами из бывшей Республики немцев Поволжья, занимались изучением диалектных форм немецкого языка среди местных жителей. Первые целенаправленные экспедиции по сбору лингвистического, фольклорного и этнографического материала были предприняты Г.Г. Дингесом (*Дингес* 1925), А.П. Дульзоном (*Дульзон* 1941), В.М. Жирмунским (*Жирмунский* 1956). В 1960-е гг. работы по немецкой диалектологии были возобновлены после долгого перерыва. Г.Г. Едиг в это время исследует нижненемецкие диалекты Алтайского края. Позже его ученики Л.И. Москалюк (Москалюк) в г. Барнауле и В.А. Дятлова (*Дятлова* 1988) в г. Красноярске, Н.Г. Беренд (*Berend* 2011) продолжили изучение немецких островных говоров, уделяя внимание непосредственно феномену билингвизма российских немцев. Диалектам и вопросам межъязыковой коммуникации посвятили свои работы в Волгоградской области Н.А. Фролова (*Фролова* 1999), в Томской области О.А. Александров, З.М. Богословская (*Александров, Богословская* 2008), в Кировской области О.В. Байкова (*Байкова* 2012), в Саратовской области А.Я. Минор (*Минор* 2016) и т.д. Практически в каждом регионе с компактным проживанием немцев сложились уникальные языковые варианты, которые являются объектом изучения современных лингвистов и этнографов.

Исследователи в своих работах обращают внимание на разновидности коммуникаций немцев различных возрастов в повседневной жизни. Полевые материалы посредством анкетирования, интервью собираются преимущественно в сельской местности, где наилучшим образом сохраняется этническая идентичность и язык российских немцев. Но говоря о сохранении диалектного языка, нужно подчеркнуть, что на современном этапе он используется преимущественно старшим поколением, проживающем в бывших немецких населенных пунктах или нынешних местах компактного проживания немцев. Владение немецким языком среди представителей среднего возраста зависит от установок внутри семьи на передачу родного немецкого языка детям. Для многих семей, особенно созданных между представителями разных народов, передача языка не являлась обязательной установкой, а ввиду исторических событий, наоборот, происходила целенаправленная ассимиляция в среде русского населения. Подобные условия способствовали формированию русско-немецкого двуязычия российских немцев.

Не нужно проводить каких-либо глобальных исследований, чтобы констатировать, изменения этноязыковой ситуации среди российских немцев за последние 10 лет, а за 20 или 30 лет – эти изменения были радикальными. Достаточно посмотреть на динамику признания немецкого языка в качестве родного, по данным всеобщих переписей населения в Российской империи, в СССР и позже – в России (Табл. 1).

Таблица 1

**Динамика признания немецкого языка родным в процентном соотношении
(по данным переписей населения)**

Год переписи	Доля признавших немецкий язык родным языком
1897	100%
1926	94,9%
1939	88,4%
1959	75,0%
1970	66,8%
1979	57,0%
1989	48,8% ¹
2002	32,0% ²
2010	10,8% ³

О том, как наиболее полно и качественно отразить языковую ситуацию в стране посредством переписи населения, велись долгие дискуссии. В пользу изъятия вопроса о родном языке приводились доказательства того, что признание языка родным – это скорее психологическая категория, которая связана с языком детства, с материнским языком, и реальную ситуацию он не отображает. В настоящее время более важное значение приобретает категория “знание и владение языком”. Так, по данным переписи 2002 г. владели немецким языком 189 тыс. немцев или 32% от опрошенных, данные же 2010 г. показали, что число владеющих немецким языком снизилось до 86 тыс. человек. Это составляет 22% от указавших владение языком немцев. Так как в перепись 2010 г. вопрос о родном языке был возвращен, мы имеем данные о том, что для 45 тыс. человек немецкий язык был родным, но в это число, помимо немцев, входят люди других национальностей, а также те, кто не указал свою национальную принадлежность. Согласно переписи 2010 г. 89% немцев считают родным языком русский язык, и 0,2% немцев считают родными другие языки – украинский, татарский, коми и т.д.

Немцы в Российской Федерации являются одним из тех народов, для которого возможность указать два родных языка в рамках переписи, имеет принципиальное значение. Падение доли тех, кто признает немецкий язык в качестве родного, обусловлено не только объективными причинами, к которым относятся эмиграции, ассимиляция, уход из жизни старшего поколения – носителей языка, большое количество смешанных семей, в которых с детьми дома говорят только по-русски, но и тем, что существует разное понимание категории “родной язык”. Все больше с родным языком у немцев ассоциируется язык повседневного общения, то есть русский.

¹ В РСФСР – 42%.

² В переписи 2002 г. вопрос о родном языке был изъят, вместо него задавался вопрос о владении языками.

³ Родным языком немецкий язык назвали 42 тыс. человек, или 11% от указавших родной язык немцев.

Идеальной моделью при проведении переписи населения явилась бы расширенная версия опросного листа, в который были бы включены дополнительные вопросы о языковой ситуации в стране, а также предоставление гражданам возможности указания нескольких родных языков (как и нескольких вариантов национальности/этнической принадлежности). Следующая перепись будет давать такую возможность, но пока этого не произошло, исследователи этноязыковых процессов у различных народов проводят специальные социологические опросы и языковые мониторинги, предоставляющие дополнительную информацию о языке в его динамике.

Подобные социологические опросы у российских немцев, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы языка, проводились несколько раз, но самые крупные, о которых пойдет речь далее – в 2009 и 2020 гг.

В 2009 г. в рамках федеральной целевой программы “Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 гг.” был проведен социологический опрос, ставивший своей целью выявление тенденций этнокультурного развития российских немцев. Так как изменения к этому времени в среде этнической группы произошли во всех сферах жизнедеятельности, то и проанализировать их в общем контексте развития народа оказалось преимущественно важным. Опрос был инициирован Ассоциацией общественных объединений “Международный союз немецкой культуры” (МСНК) и проводился во всех Федеральных округах России, пропорционально численности немцев в этих округах.

По итогам опроса удалось проанализировать состояние таких компонентов, как этнодемографическая и социальная структура немецкого населения, этническая идентичность, родной язык, культура, межэтнические установки и миграционная ситуация. Объем выборки, базирующейся на отборе респондентов по месту расселения и типу поселения, полу и возрасту, составил 1500 респондентов.

Всего в опросном листе было 75 вопросов, из них непосредственно языку было посвящено 13 вопросов. Вопросы задавались следующие: какой язык Вы считаете родным; в какой степени Вы владеете языками; как Вы используете языки, которыми владеете; если Вы владеете немецким языком, то в какой форме; какой именно диалект Вы знаете; как часто Вы используете немецкий язык; где Вы изучаете (или изучали) немецкий язык; на каких языках Вы обычно читаете. Вопросы, касающиеся преподавания немецкого языка в учебных учреждениях звучали так: как Вы считаете, нужно ли детям российских немцев преподавать в школе немецкий; если “да”, то укажите наиболее предпочтительную форму преподавания. И, наконец, финальные вопросы: на каком языке Вы предпочли бы смотреть фильмы, телепередачи, спектакли, концерты, если есть возможность выбора; может ли человек, не знающий немецкого языка, быть российским немцем; насколько важно российским немцам сохранять немецкий язык.

Результаты опроса были следующими: из 1500 респондентов немецкий язык признали в качестве родного 451 человек (31%), русский – 885 (60%), оба языка – 135 человек (9%), другой язык – 4 человека (менее 1%). При этом свободно владели немецким языком 454 респондента или 30%; не владели совсем – 113 человек или 8%. Русским языком свободно владели 96% респондентов. Опрос 2009 г. показал, что только 4 человека из 1500 опрошенных не владеют русским языком, 7 человек плохо понимают и говорят по-русски, 16 человек испытывают определенные трудности при разговоре на русском языке (Смирнова 2010: 37). Менее 1% не владеющих

русским языком – это некоторые люди пожилого возраста из сельских глубинки. У них отсутствовала мобильность за пределы проживания, и чаще всего они не имели возможности получить образование в свое время. По результатам данного опроса видно, что еще сохраняется зависимость между признанием языка родным и владением им, примерно 30% респондентов считают немецкий язык родным, и столько же им владеет. Забегая вперед, скажем, что последние данные показали, что на сегодняшний день владеет немецким языком уже больше немцев, чем признают его в качестве родного. Это подтверждает тот факт, что немецкий язык перешел в категорию этнического символа, что с одной стороны вызывает определенное желание отдать должное языку своих предков – и выучить его, а с другой стороны ввиду того, что немецкий язык не является языком первого говорения для большинства опрошенных, он не ассоциируется с родным языком.

Сферы употребления языков были также проанализированы в рамках опроса. Из результатов видно, что респонденты в большей степени выбирают немецкий язык в качестве инструмента общения при поездках в Германию (60%), при посещении Центров немецкой культуры (39%), во время переписки с родными (20%), во время общения с родителями (18%) и супругами (7%). Из других сфер немецкий язык почти исчезает. Русский же используют, прежде всего, на работе 89% респондентов, с друзьями и соседями говорят 79% опрошенных, с супругами говорят по-русски 78%, с детьми – 76%, с родителями – 62%. В меньшей степени русский язык используют при поездках в Германию – 21% респондентов и при посещении Центров немецкой культуры – 29%. Попеременно используют оба языка в большей степени в Центрах – 32% опрошенных, с родителями – 20%, с детьми и в переписке используют оба языка по 19%. Однако все остальные сферы являются также двуязычными, в той или иной степени. Нет сфер общения, в которых разговаривали бы только по-русски или только по-немецки.

Формы использования языка могут быть двух видов – литературный язык или диалект. Согласно опросу, литературным языком владело 44% респондентов, диалектным языком – 37%, при этом обеими формами владели более 19% респондентов, поэтому нельзя сказать, что литературный язык в данном случае преобладает, хотя его позиции постепенно с этого времени начинают укрепляться ввиду различных программ поддержки, популяризации языка и т.д. Наиболее известным диалектным языком является платтдойч – платский диалект, распространенный в среде меннонитского населения страны. Данный диалект занимает наиболее устойчивые позиции в виду общинного, замкнутого характера проживания его носителей. Кроме этого диалект имеет развитую письменную традицию (*Либерт* 2019). К числу наиболее употребляемых диалектов относятся также швабский и поволжский.

Важным показателем билингвальной составляющей народа остается частота употребления языков. То, что русский язык все немцы без исключения используют ежедневно – факт, немецким же языком пользуются повседневно только 21% опрошенных, несколько раз в неделю – 27%, не используют немецкий вовсе – 17% опрошенных. Те, кто хоть как-то знает язык, а таких большинство – приобрели эти навыки во время школьного обучения (61%), остальным язык был передан в детстве (54%), и во время учебы в высшем учебном заведении (23%). Некоторые учили язык на специализированных курсах (17%), самостоятельно (10%) или в национально-культурном центре (12%).

Ввиду того, что существует большая разница между литературным немецким языком и его диалектной формой, большинство респондентов старшего возраста не готовы читать литературу, газеты, смотреть телепередачи и фильмы на немецком языке, которым зачастую они не владеют в достаточной мере. Среднее же и молодое поколение делает выбор в пользу русского языка из-за недостаточной компетентности в немецком языке. Поэтому результаты ответов на вопрос: «На каком языке Вы предпочли бы смотреть фильмы, телепередачи, спектакли, концерты», распределились следующим образом: на русском – 74%, на немецком – 16%, на обоих языках – 9%, на другом – 1%.

Отдельный блок вопросов характеризовал отношение к школьному преподаванию немецкого языка. То, что есть необходимость изучать немецкий язык в школе, ответило 93% респондентов. При этом лучше, если язык будет преподаваться с первого класса и до окончания школы в качестве родного. Этот вариант выбрало 37% опрошенных. Остальные ответы распределились между вариантами создания классов с углубленным изучением языка (33%), создания факультативов для желающих (15%) или преподавания немецкого как иностранного (14%). Ответы в пользу углубленного изучения немецкого языка свидетельствуют о признании того факта, что немецкий в качестве иностранного в большинстве случаев преподается на недостаточном уровне, в отличие от того времени, когда немецкий изучался как родной в общеобразовательных школах. Кроме того, немецкий язык не выдерживает конкуренции с английским языком при выборе иностранного языка для изучения.

Отвечая по 10-балльной шкале на вопрос о степени важности сохранения немецкого языка среди российских немцев, 55% респондентов выбрали максимальную оценку. Этот ответ явился наиболее популярным (из 1500 тыс. человек его выбрало 779 респондентов), средняя же оценка колебалась в пределах 8,5 баллов, что также является высоким показателем. Но знание или незнание языка у российских немцев при этом не является важнейшим условием отождествления себя с этнической группой. Немцем, по мнению многих респондентов, человек является по рождению, а не по тому, знает ли он немецкий язык, ведь условия сохранения языка в семье были разными. Так, отвечая на вопрос о том, может ли человек, не знающий немецкого языка быть российским немцем, утвердительно ответили 78% респондентов, отрицательно 11%, затруднились ответить 11%.

Таким образом, результаты опроса 2009 г. свидетельствовали о том, что русско-немецкий билингвизм являлся неотъемлемой чертой языковых процессов российских немцев. Превалирование русского языка в жизни немцев были обусловлены объективными причинами, к которым относится необходимость адаптации в иноэтничном окружении, стремление снять с себя клеймо «врага народа», что в свою очередь предопределило установку на минимальное использование немецкого языка и нежелания передавать язык подрастающему поколению. Но опрос показал, что из большинства сфер жизнедеятельности российских немцев немецкий язык никуда не ушел, хотя его позиции и существенно снизились. Им владеют в той или иной степени, его используют с определенной периодичностью, его хотят сохранить в школьном образовании. Большим фактором в сохранении немецкого языка послужило и развитие сети общественных организаций российских немцев, которые к моменту проведения опроса развернули широкую деятельность по актуализации этнического самосознания немцев. Этнокультурные и языковые проекты способствовали возрастанию интереса к немецкому языку, истории и культуре своего народа, а бесплатные языковые курсы на базе Центров встреч повлияли,

как минимум на то, что немцы стали использовать язык еженедельно, другие же вовсе пришли к пониманию в качестве родного – именно немецкого языка.

Между опросами 2009 и 2020 гг. был проведен промежуточный языковой мониторинг в 2015 г. среди посетителей Центров немецкой культуры (*Смирнова 2015*). Из 1200 заполненных анкет было отобрано 1000 анкет, которые соответствовали географии расселения немцев в России, гендерному и возрастному составу людей, посещающих Центры немецкой культуры. Задачами мониторинга являлись оценка эффективности реализуемых программ в сфере языковой работы, а также определение основных тенденций развития языковых процессов. Родным языком немецкий назвали 28% респондентов, а свободно владело им же – 20% опрошенных. 99% немцев свободно владело русским языком (*Смирнова 2015: 25*). Данный опрос подтвердил и тот факт, что все сферы общения российских немцев остаются двуязычными. Случаи, когда немцы практикуют употребление только немецкого или только русского языка малочисленны. В принципе, результаты этого социологического исследования еще раз подтвердили данные опроса 2009 г., и не выявили существенных изменений этноязыковой ситуации в какую-либо сторону.

В 2020 г. появилась возможность провести масштабный социологический опрос повторно и обратить внимание на те изменения, которые произошли в языке российских немцев спустя 10 лет. Финансовая поддержка при проведении опроса была оказана со стороны МСНК. С привлечением социологов, историков, этнографов со всей страны удалось собрать 1000 анкет, соответствующих выборке. За генеральную совокупность было взято общее количество немцев в Российской Федерации, согласно переписи населения 2010 г.

В целом, по данным опроса результаты были получены следующие:

Считают родным немецкий язык – 14% респондентов. Русский язык назвали родным 42%. Почти столько же (44%) респондентов сказали, что считают родным оба языка, и русский, и немецкий. Один человек сказал, что ни тот, ни другой. Тот факт, что более 40% респондентов указали в качестве родного два языка, говорит о том, что такую возможность – указывать несколько языков, нужно дать и при проведении переписи населения.

Российские немцы сегодня владеют русским языком лучше, чем немецким. В той или иной степени, им владеют все опрошенные. Так, 97% респондентов сказали, что владеют русским языком свободно. Хорошо понимают и могут говорить на русском языке, но не владеют свободно – 3%. Один человек сказал, что плохо понимает и плохо говорит по-русски. Это женщина 80 лет, которая долго жила в Германии, но вернулась в Россию. Сейчас она живет в деревне на Алтае.

Немецким языком свободно владеют 26%, то есть свободно владеющих немецким языком почти в 4 раза меньше, чем свободно владеющих русским языком. Самый распространенный вариант владения немецким языком – это “хорошо понимаю, могу изъясняться” – 35%. Владеют немецким языком, но плохо понимают и плохо говорят 20% опрошенных немцев. 14% не говорят, но немного понимают немецкий язык. Наконец, 5% российских немцев не владеют немецким языком совсем.

Условия, в которых развивался немецкий язык в России, нельзя назвать благоприятными: первоначальное существование в форме разнообразных диалектов и слабое распространение немецкого литературного (стандартного) языка, прекращение школьного преподавания на немецком языке в 1938 г., ликвидация АССР немцев Поволжья

и соответствующих структур преподавания и издания на немецком языке, признание немецкого языка в СССР только в качестве иностранного, последующая языковая ассимиляция. В этих условиях надо признать этот результат не таким уж и плохим, поскольку 95% опрошенных владеют немецким языком, в той или иной степени.

12% опрошенных владеют другими языками, кроме русского и немецкого, причем 2% владеют ими свободно. В основном это английский язык. Респондентами были указаны также другие иностранные языки, а из языков народов России несколько раз упоминались украинский язык и коми.

Весьма значимой при характеристике этноязыковых процессов является сфера применения немецкого языка, ответ на вопрос о том, где и когда немцы говорят по-немецки. Если исключить употребление немецкого языка во время поездок в Германию (там вынуждены говорить по-немецки почти все), то чаще всего немецкий язык используется в Центрах немецкой культуры – так ответили 41% респондентов, и на нем говорят (говорили раньше) с родителями – 56%.

В других сферах общения немецкий язык употребляется гораздо реже: по-немецки говорят с супругами – 23%, с детьми – 26%. Еще реже немецкий язык употребляется в общении с друзьями (24%), в социальных сетях (13%) и на работе (11%). Используют немецкий язык в переписке 19% опрошенных.

Следует подчеркнуть, что все без исключения сферы общения стали двуязычными, владеющие немецким языком редко практикуют употребление только немецкого (или исключительно русского языка). Чаще всего респонденты отвечали: “Говорим и по-немецки, и по-русски”, а выбор языка зависел от конкретной ситуации. Двуязычие всех сфер общения связано не только с ассимиляционными процессами – в этом случае зависимость прямая, но и с тем, что устаревшие диалектные формы, которые в основном употребляются немцами в обычной речи, не отвечают потребностям времени, например, в производственной сфере общения.

Исторические условия развития немецкого языка в России привели к тому, что позиции литературного немецкого языка, хотя и укрепились значительно в последние годы, но пока они не являются однозначно преобладающими. Так, при ответе на вопрос, в какой форме, диалектной или литературной, владеющие немецким языком его знают, 52% сказали, что в форме литературного языка, 21% – в форме диалекта и 20% респондентов сказали, что владеют и диалектом, и литературным языком. 7% затруднились с ответом.

Назвали диалект, которым они владеют, 29% опрошенных. Больше всего владеют диалектом платтдойч (часто встречающийся вариант – меннонитским диалектом) – 86 человек из тысячи опрошенных. На втором месте – “местный” диалект (51 чел.). Люди не могут назвать конкретный диалект, просто говорят, что здесь все так говорили, так говорили родители. Как вариант называют диалект по своему селу: “камьшинский” (жители деревни Камыши), “побочинский” (с. Побочино), “подсосновский” (с. Подсосоново) и др. 48 чел. сказали, что знают швабский диалект, 28 чел. – поволжский диалект, 24 чел. – баварский диалект, 10 чел. – гессенский диалект. Для некоторых людей характерно то, что они связывают диалект и религию – 26 чел. сказали, что знают католический диалект, и 13 чел. – лютеранский. 1-2 чел. назвали такие диалекты, как пфальцский, вестфальский, кельнский, волинский, сарептский, южнонемецкий, средненемецкий.

Частота употребления немецкого языка зависит от самой возможности этого употребления. Эта возможность выше в местах компактного проживания немцев, в сельской местности, в тех семьях, где сохраняется язык, в тех районах, где развита сеть национально-культурных центров и эти центры активно функционируют и т.д. В целом, частота употребления немецкого языка следующая: каждый день используют в общении немецкий язык 27% респондентов, несколько раз в неделю – 28%, несколько раз месяц – 19%, несколько раз в год – 17%. Совсем никогда не используют немецкий язык 10% респондентов.

Чуть более половины респондентов (58%) знают язык с детства, на немецком говорили в их семьях (именно здесь – преимущественно на диалектах), остальные уже изучали немецкий язык в школе (в основном как иностранный) – 51%, в вузе (22%), на языковых курсах (17%), в национально-культурном центре (21%). Некоторые учили язык самостоятельно (14%), но в принципе, очевидна роль образовательных структур в формировании языковой компетенции российских немцев. Школа и высшие учебные заведения – это те структуры, которые в наибольшей степени способствуют сохранению немецкого языка.

Таким образом, русско-немецкое двуязычие является наиболее определяющей чертой при характеристике развития языковых процессов у немецкого населения России. Принято различать экстенсивную и интенсивную тенденции развития двуязычия. В первом случае двуязычие распространяется вширь, то есть вторым языком овладевает все больше представителей этнической группы. Во втором случае проявляется тенденция к “углублению” двуязычия посредством лучшего овладения русским языком с использованием его во внутриэтническом общении. У немцев наблюдаются обе эти тенденции, однако, в последнее время необходимо отметить возрастание роли русского языка во всех сферах речевой деятельности.

Об этом свидетельствует и предпочитаемый язык при чтении периодических изданий и литературы. Если на русском языке читают практически все респонденты, то на немецком языке газеты и журналы читают 27% опрошенных, учебную и научную литературу – 13%, художественную литературу – 13%, тексты, сайты в интернете – 26%. Около 3% читают на других языках, в основном на английском языке, в интернете – 5%. Учитывая ответы о газетах, журналах и текстах в интернете, можно сделать вывод о том, что около четверти российских немцев регулярно читают на немецком языке.

Если есть возможность выбора, то половина опрошенных (50%) предпочитают смотреть фильмы, спектакли, концерты, телевизионные передачи и на русском, и на немецком языках, 46% – только на русском языке. Выбрали бы фильмы и передачи только на немецком языке 3%. Выбрали другой ответ 1% (на английском языке, или – на языке оригинала, то есть если фильм русский, то его лучше смотреть на русском языке, а если немецкий – соответственно на немецком).

На развитие языковой ситуации большое влияние оказывает установка населения на язык школьного обучения. Она определяется по двум параметрам: во-первых, по степени осознания необходимости преподавания детям языка своей национальности, и, во-вторых, по выбору типа школы для своих детей в проективной ситуации. Так, при ответе на вопрос “Как Вы считаете, нужно ли детям российских немцев преподавать в школе немецкий язык?” утвердительно ответили 92%, затруднились ответить 7%, отрицательно ответили менее 1% респондентов. Таким образом, подавляющее большинство немцев считает, что в школах необходимо преподавать не-

мецкий язык, причем ситуация в этом вопросе очень стабильная. По результатам опроса 2009 г. ответы были такие же, с разницей в десятые доли процента.

Ответившим утвердительно на этот вопрос, предлагалось указать наиболее предпочтительную форму преподавания немецкого языка. Две наибольших группы респондентов считают, что преподавать немецкий язык нужно в качестве родного с первого класса и до окончания школы (39%), или – что необходимо создавать классы с углубленным изучением немецкого языка (20%). Что нужно преподавать немецкий язык в качестве иностранного языка в обычном формате – считают 14% респондентов, что нужно создавать факультативы для желающих – 12%. Немецкий язык должен преподаваться в качестве родного в начальной школе – 6%. Надо сказать, что именно эта форма преподавания этнического языка наиболее распространена в местах компактного проживания немецкого меньшинства в странах Евросоюза (в Тироле, Венгрии и других местах), но в России она не принята. На другие формы указали 2% респондентов. Таким образом, подавляющее большинство высказывается за расширение преподавания немецкого языка по сравнению с существующей ситуацией. В условиях, когда место первого иностранного языка в преподавании прочно занял английский язык, ситуацию с преподаванием немецкого можно охарактеризовать как очень сложную.

Респондентам предлагалось на личном опыте оценить, насколько качественно преподавался немецкий язык тем, кто изучал его в школе, колледже (техникуме) или вузе. Предлагалось дать оценку по 10-бальной шкале. Большинство респондентов поставили оценку 8 баллов в школе и вузе, 9 баллов – в колледже. Около трети респондентов поставили наивысшую оценку в 10 баллов школьному преподаванию немецкого языка. Низких оценок в 1-3 балла очень мало, около 2-3%. Таким образом, уровень преподавания оценивается достаточно высоко. Основную проблему, по мнению респондентов, представляет не уровень преподавания, а вытеснение немецкого языка английским. Это приводит к тому, что уменьшается количество учителей немецкого языка, сокращается подготовка таких учителей в вузах, становится все меньше специализированных кафедр. Соответственно, преподавание немецкого языка становится менее распространенным, все более популярными в качестве второго иностранного языка сейчас являются китайский, японский, испанский.

Почти 40% опрошенных изучают немецкий язык. Самый распространенный ответ о том, где респонденты изучают немецкий язык – в национально-культурном центре, Российско-Немецком доме. Так ответили 21% респондентов. Популярность курсов немецкого языка в национально-культурных центрах объясняется тем, что они доступны многим немцам, эти курсы есть практически во всех городах, в сельской местности – в тех местах, где немцы живут компактно. Эти курсы бесплатные, они финансируются при поддержке Германии. Их программы обучения языку адаптированы к российским условиям. Многие посещают курсы немецкого языка, потому что это место, где можно прикоснуться к немецкой культуре, здесь можно провести время с детьми, взять книги в библиотеке, здесь проводятся национальные праздники. Изучают немецкий язык как иностранный в университете 4% опрошенных, изучают в Институте Гёте – 3%, на открытых платформах в интернете – 2%. Кроме того, 14% респондентов немецкий язык изучают самостоятельно, используя традиционные приемы (слушают песни, читают книги, учебники, занимаются с репетитором, по самоучителям) и современные технологии – приложение для телефона Duolingo или другие приложения для изучения

языков, программу “Rosetta store”, в Фейсбуке и на Ютубе, различные видеоуроки, телеграмм-чаты с носителями языка и т.д.

Далее были вопросы, которые касались мотивации изучения немецкого языка. На первом месте среди причин, по которым респонденты стали учить немецкий язык и посещать курсы немецкого языка – немецкая идентичность: 14% опрошенных отметили вариант ответа “Я считаю себя немцем, поэтому должен знать немецкий язык, это естественно”. На втором месте вариант “Это язык моих предков, изучение языка – это дань уважения моей семье” – (10%), 6% опрошенных учат язык, потому что планируют уехать в Германию. Учат, потому что любят немецкую культуру – 2%. Учат, потому что это необходимо (связано с работой и учебой) – 3%. Также люди говорили о том, что родственники живут в Германии, поэтому нужно учить язык, чтобы было легче общаться, что язык необходим в поездках в Германию. Многим просто нравится немецкий язык, и они учат его с удовольствием.

Большинство опрошенных (35%) считают существующую в центрах немецкой культуры традиционную форму преподавания – курсы немецкого языка, оптимальной формой. Выказались за трехступенчатые курсы, с возможностью пройти последний курс в Германии 29%. Выказались за комбинированные курсы, с очной и заочной (онлайн) фазами 23%. Считаю оптимальным занятия с преподавателем в скайпе или на других платформах 7%.

Следующий блок вопросов касался значимости для немцев немецкого языка. Респонденты отвечали на вопрос “Насколько важно российским немцам сохранять немецкий язык?”. Степень этой важности предлагалось оценить по 10-балльной шкале. В ответах значительно преобладал ответ “10 баллов” (более половины, 66% поставили такую оценку). Лишь 31 человек из всех опрошенных поставил оценку от 1 до 4 баллов. Средняя оценка важности сохранения языка – 8,5 баллов. Подавляющее большинство опрошенных хотели бы, чтобы их дети знали немецкий язык – 92%. Затруднились ответить 7%, отрицательно ответили менее 1%.

В настоящий момент русско-немецкое двуязычие, которое воспроизводится в немецкой среде уже в течение жизни нескольких поколений, позволяет рассматривать его не только как этносоциальное явление, но в некоторой степени как этнический признак российских немцев. Являясь исторически оправданным и необходимым в связи с ростом межэтнических отношений, двуязычие ведет к уплотнению информационно-коммуникативных связей между представителями разных народов, позволяет повысить их адаптивные возможности.

Наряду с этим, развитие двуязычия ускоряет процессы межэтнической интеграции и ассимиляции, что в ряде случаев ведет к ослаблению позиций национального языка и связанной с ним культуры. В условиях иноэтничного окружения эти процессы являются неизбежными. Речь может идти лишь о темпах и масштабах языковой ассимиляции. Оптимальным является вариант естественной ассимиляции и межэтнической интеграции. Реально, в России происходила ускоренная языковая ассимиляция, что привело к неудовлетворенности запросов немецкого населения в области национального языка и национальной культуры. Не случайно, при ответе на вопрос “Может ли человек, не знающий немецкого языка, быть российским немцем?” 78% опрошенных сказали, что да, может; затруднились ответить 11% и 11% сказали, что это невозможно.

Другими словами, сегодня невозможно жить в России и не знать русского языка. Но можно быть немцем, не зная немецкого языка. С одной стороны, существует

множество примеров, когда люди не владеют языком, но продолжают считать себя немцами, например, в США и Канаде. Но с другой стороны, незнание языка придает негативный оттенок идентичности, люди осознают свою неспособность приобрести в полной мере к культуре своего народа. Как сказал один из респондентов: “Я немец, безусловно, и всегда говорю, что я немец, но мне очень стыдно, что я не знаю немецкого языка. И винить в этом я могу только себя. Сейчас хожу на курсы, учу язык, но тяжело, надо было это делать раньше”. Таким образом, существует разрыв между этнической идентичностью и этническим языком, что отрицательно сказывается и на характере идентичности.

При проведении опроса важным было понять языковые потребности российских немцев, поэтому был задан вопрос “Что нужно предпринять, чтобы российские немцы начали изучать немецкий язык?”. Большинство респондентов считает, что необходимо разработать государственные программы по поддержке немецкого языка – 56%. Половина опрошенных считает, что необходимо повышать качество преподавания немецкого языка в учебных заведениях – 50%. На третьем месте оказался вариант “Проводить больше языковых курсов” – 34%. Многие считают, что сейчас условия для изучения немецкого языка есть, и тот, кто хочет изучать немецкий язык, вполне может это делать, было бы желание. Поэтому нужно повышать мотивацию, проводить информационную работу с родителями, проводить более активную работу в Центрах немецкой культуры.

В заключение можно отметить следующие тенденции в развитии русско-немецкого билингвизма российских немцев:

По сравнению с периодом до начала массовой эмиграции, выросла доля немцев, не владеющих немецким языком совсем. Остается более или менее стабильной доля тех, кто владеет немецким языком свободно (за счет развития разных форм преподавания немецкого языка – курсы, кружки). Самая высокая языковая компетентность наблюдается у людей пожилого возраста, за счет того, что немецкий язык у большинства из них был первым языком говорения, и за счет сохранения родного языка в их семьях. Самая низкая компетентность у людей среднего возраста, эти люди в основном понимают немецкий язык, но не говорят, не пишут и не читают по-немецки, потому что возможности изучать немецкий язык у них были ограничены.

Молодежь сейчас изучает немецкий язык уже не как родной, а как иностранный. Изменилась сфера употребления немецкого языка: если раньше в основном говорили по-немецки в семьях с родителями, то в настоящее время по-немецки говорят в национально-культурных центрах, на мероприятиях, в Российско-Немецких домах, лингвистических лагерях, в поездках в Германию. Снижается роль диалектов. Раньше употреблялись в основном диалекты в разговорной речи, в настоящее время все больше людей немецкий язык изучают в его литературной форме, как нормированный, стандартный немецкий язык. Среди тех, кто владеет диалектом, больше всего говорящих на платтдойч, что связано с большим количеством меннонитов в составе немцев в России и сохранением изолированных религиозных общин меннонитов (в основном в Сибири).

Русским языком владеют все российские немцы, много людей двуязычных, которые говорят и по-русски, и по-немецки, употребляют языки в зависимости от ситуации. Снижается доля тех, кто считает немецкий язык родным, сейчас это 10% (в 1989 г. – почти 50%). Частота использования немецкого языка зависит от окружения на работе и от употребления языка в семье. Самая высокая степень употребления немецко-

го языка – в сельской местности, там, где сохраняются немецкие поселения в Сибири. Самая низкая – в крупных городах, где немцы живут дисперсно. Употребление немецкого языка зависит не столько от региона России, сколько от условий развития языка: преподается ли немецкий язык в школе, есть или нет языковые курсы, есть или нет национально-культурный центр, сельская местность или город. Наиболее развитая система преподавания, начиная с раннего обучения немецкому языку, создана в немецких национальных районах в Сибири (в Омской области и на Алтае).

Рассматривая русско-немецкий билингвизм в динамике, можно отметить определенную стабилизацию. Если по результатам опроса 2009 г. очевидным было резкое падение языковых компетенций в области немецкого языка по сравнению с периодом 1990-х гг., то разница результатов опроса 2009 и 2020 гг. не принципиальная. Никакого значительного снижения знания, владения немецким языком не наблюдается. Напротив, сейчас появилось большое количество возможностей для изучения языков в виде интернет-ресурсов, приложений, онлайн-курсов. Инструменты для сохранения немецкого языка и условия для его использования есть, их предоставляют сегодня не только общественные организации, но и разнообразные Интернет-сообщества, образовательные структуры и многие другие. Поэтому главными ответственными лицами за сохранение одной из ярких особенностей этнических характеристик немцев в России – билингвизма – являются сами представители народа, которые должны ответить себе на вопрос – хотят ли они быть частью этнического, культурного и языкового многообразия страны, и, что они для этого делают.

Источники и материалы

- Итоги переписи 2009 – Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Агентство Республики Казахстан по статистике. https://web.archive.org/web/20100628101359/http://www.stat.kz/p_perepis/Pages/n_04_02_10.aspx (дата обращения: 23.11.2020).
- Национальный состав 2010 – Национальный состав и владение языками, гражданство. Всероссийская перепись населения 2010. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itog1612.htm (дата обращения: 23.11.2020).
- Национальный состав 2002 – Национальный состав населения. Всероссийская перепись населения 2002. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 23.11.2020).
- Национальный состав 1989 – Национальный состав населения по республикам СССР. Всесоюзная перепись населения 1989 года. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 23.11.2020).
- Реестр 2020 – Реестр немецких поселений России. <https://siedlung.rusdeutsch.ru/ru> (дата обращения: 23.11.2020).

Научная литература

- Александров О. А., Богословская З.М.* Немецкий “Островной” говор Томской области. Томск: Изд-во Томского Политехнического университета, 2008. 182 с.
- Байкова О.В.* Функционирование немецких диалектов в условиях меж- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): Дис. док. фил. наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 2012. 450 с.
- Дингес Г.Г.* К изучению говоров Поволжских немцев (Результаты, задачи, методы). Ученые Записки Саратовского Государственного Университета, 1925. Т.4. Вып. 3. С. 299–313.
- Дульзон А.П.* Проблемы скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья. Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка, 1941. № 3. С. 82–96.

- Дятлова В.А. Тенденции развития морфологического строя контактирующих верхненемецких диалектов в условиях иноязычного окружения: Автореф. дис. канд. фил. наук. Ленинград: Изд-во Ленинградский государственный университет, 1988. 16 с.
- Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л.: Академии наук СССР, 1956. 636 с.
- Либерт Е.А. Письменность языка меннонитов Plautdietsch. Вестник Новосибирского государственного университета, 2019. Т.17. № 3. С. 32–41. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-32-41
- Минор А.Я., Замогильный С.И., Тетюев Л.И. (под ред.) Диалект Екатеринбургштадта: истоки и развитие. Саратов: Изд-во Саратовский источник, 2014. 189 с.
- Минор А.Я., Тетюева Л.И. (под ред.). Итоги развития языковых вариантов поволжских немцев в первой половине XX века. Саратов: Изд-во “Саратовский источник”, 2016. 218 с.
- Москалюк Л.И. Немецкие диалекты на Алтае: Дис. доктора фил. наук. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 2002. 499 с.
- Смирнова Т.Б., Киссер Т.С. Многообразие немцев России. Уральский исторический вестник, 2017. № 2 (55). С. 44–53.
- Смирнова Т.Б. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития. Материалы 2-й международной научно-практической конференции “Немцы новой России: проблемы и перспективы развития” (7-9 сентября 2009 г. г. Москва) / отв. ред. А.А. Герман. М.: “МСНК-пресс”, 2010. С. 6–59.
- Смирнова Т.Б. Этносоциологический мониторинг языковых процессов и языковой работы // *BiZ-Vote*. 2015. № 2. С. 24–29.
- Фролова Н.А. Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма: на материале говоров деревни Гебель Камышинского района Волгоградской области: Дис. канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 1999. 169 с.
- Berend N. *Russlanddeutsches Dialektbuch: die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets*. Halle: Projekte-Verlag. Cornelius, 2011. 229 p.

*Smirnova, T.B. and E.A. Shlegel**

Bilingualism of the Russian Germans (According to the Sociological Surveys)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/149-165

Various factors impact on lingual processes of the Russian Germans. They are: heterogeneity of ethnic community, dispersed type of settlement for the most Germans and, at the same time, preserving the areas of dense settling in rural parts of the country. Other factors include: varying understanding of the “mother tongue” category and increasingly growing role of non-governmental organizations of the Russian Germans that pursue a goal-oriented policy dedicated to identity protection and maintenance of the German language. Affected by these factors the language of the Russian Germans experienced significant transformations. The Russian-German bilingualism, as a specific trait of lingual situation of the Germans living in Russia, obtained new forms. The German language gradually lost its practical functions and is increasingly turning into an ethnical symbol. The Russian language has become, on the other hand, a general tool of commonplace communication. The choice of language (German or Russian) for communication ended up depending on a particular situation, lingual environment, professional sphere and participation in non-governmental organizations' activity. In order to trace the dynamics of lingual processes the method of sociological surveys was applied. The method provides an opportunity to study peoples living in lingual borderland more thoroughly. Surveys of the Germans are being held by The International union of German

culture once in ten years. The article provides insight into the results of the last two large-scale surveys that were conducted in 2009 and 2020. Their common goal was to analyze the state and trends of ethnocultural development of the Russian Germans. The separate module of questions mentioned in the article was dedicated to the language of the Russian Germans. The authors focused on such factors as mother tongue recognition, level of proficiency in one or another language, the field and forms of languages' usage and assessment of teaching German in educational institutions. Dynamic of ethno-lingual processes revealed in the article provides an insight into the lingual situation and an outlook to the development of Russian-German bilingualism of the Russian Germans.

Keywords: *bilingualism, Russian Germans, ethno-lingual processes, sociological survey*

For Citation: Smirnova, T.B. and E.A. Shlegel. 2021. Bilingualism of the Russian Germans (According to the Sociological Surveys). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 149–165.

* **Smirnova, Tatiana B.** – Doctor of Hist., Vice-Rector for Academic Affairs, Dostoevsky Omsk State University (644053 Omsk, Neftezhavodskaya st., 11, Russian Federation). E-mail: SmirnovaTB@omsu.ru
Shlegel, Elena A. – Post-Graduate Student, Vice-Rector for Academic Affairs Assistant, Dostoevsky Omsk State University (644053 Omsk, Neftezhavodskaya st., 11, Russian Federation). E-mail: ShlegelEA@omsu.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 17-29-09152)

References

- Aleksandrov, O.A., Bogoslovskaya, Z.M. 2008. *Nemetskii "Ostrovnoi" govor Tomskoi oblasti* [German "Island" mode of speech of the Tomsk Region]. Tomsk: Izdatel'stvo TPU.
- Baikova, O.V. 2012. *Funktsionirovanie nemetskikh dialektov v usloviyakh mezh- i vnutyazykovogo vzaimodeistviya v ramkakh yazykovogo ostrova (teoreticheskie problemy i polevye issledovaniya v Kirovskoi oblasti)* [Functioning of German dialects within the conditions of inter- and intralingual flow of communication as part of lingual island (theoretical problems and field studies in the Kirov Region)]. Doctoral (Philology) Dissertation, Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod.
- Dinges, G.G. 1925. K izucheniyu govorov Povolzhskikh nemtsev (Rezul'taty, zadachi, metody) [To the mode of speech of the Germans along the Volga (Results, goals, methods)]. *Uchenye zapiski SGU [Scientific Notes of Saratov State University]* 4 (3): 299–313.
- Dulzon, A.P. 1941. Problemy skreshcheniya dialektov po materialam yazyka nemtsev Povolzh'ya [Problems of hybridization of the dialects according to the lingual materials of the Germans along the Volga]. *Izvestiya Akademii nauk Soyuzo SSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of USSR. Section of literature and language] 3: 82–96.
- Dyatlova, V.A. 1988. *Tendentsii razvitiya morfologicheskogo stroya kontaktiruyushchikh verkhnenemetskikh dialektov v usloviyakh inoyazychnogo okruzeniya* [Tendencies of development for morphological base of connecting High German dialects under the conditions of foreign-language environment]. Extended Abstract of Candidate (Philology) Dissertation, Leningrad: Izdatel'stvo LenGU.
- Zhirmunski, V.M. 1956. *Nemetskaya dialektologiya* [German dialectology]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk USSR.
- Libert, E.A. 2019. Pis'mennost' yazyka mennonitov Plautdietsch [Writing system of Mennonite language Plautdietsch]. *Vestnik NGU [Novosibirsk State University Bulletin]* 17 (3): 32–41. Doi: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-32-41.
- Minor, A.Ya., S.I. Zamogil'nyi, and L.I. Tetyueva, eds. 2014. *Dialekt Ekaterinenshtadta: istoki i razvitie* [Dialect of Yekaterinenstadt: sources and development]. Saratov: Izdatel'stvo

Saratovskii istochnik.

- Minor, A.Ya., L.I. Tetyueva, eds. 2016. *Itogi razvitiya variantov povolzhskikh nemtsev v pervoi polovine XX veka* [Development results of lingual variations of the Germans along the Volga in the first half of XX century]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskii istochnik.
- Moskalyuk, L.I. 2002. *Nemetskie dialekty na Altae* [German dialects in Altai]. Doctoral (Philology) Dissertation, Barnaul, Izdatel'stvo Barnaul GPU.
- Smirnova, T.B., Kisser, T.S. 2017. Mnogoobrazie nemtsev Rossii [Diversification of Russian Germans]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* 2 (55): 44–53.
- Smirnova, T.B. 2010. Results of ethno-sociological survey questionnaire and monitoring of non-governmental organizations of Russian Germans. *Nemtsy novoi Rossii: problemy i perspektivy razvitiya. Proceedings of the Second International Research-to-Practice Conference "Germans of contemporary Russia: problems and perspectives of development" (Moscow, Russia, September 7–9, 2009)*, edited by A.A. German, 6–59. Moscow: MSNK-press.
- Smirnova, T.B. 2015. Etnosotsiologicheskii monitoring yazykovykh protsessov i yazykovoï raboty [Ethno-sociological monitoring of lingual processes and lingual work]. *BiZ-Bote* 2: 24–29.
- Frolova, N.A. 1999. *Spetsifika razvitiya ostrovnykh govorov v usloviyakh nemetsko-russkogo bilingvizma: na materiale govorov derevni Gebel' Kamyshinskogo raiona Volgogradskoi oblasti* [Specifics of development of island modes of speech in the setting of the German-Russian bilingualism: a case study of modes of speech in the village Gebel' of Kamyshinskii district of the Volgograd Region] Candidate (History) Dissertation, Saratov, Izdatel'stvo SGU.
- Berend, N. 2011. *Russlanddeutsches Dialektbuch: die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets*. Halle: Projekte-Verlag. Cornelius.

© А.П. Пестряков, О.М. Григорьева, Ю.В. Пеленицына

МЕЖДУ АЗИЕЙ И АВСТРАЛИЕЙ (КРАНИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ МОЗГОВОГО ЧЕРЕПА СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)*

*Настоящая работа является продолжением серии исследований, посвященных панойкумкенной классификации современного человека по мозговому черепу. Изучались краниологические особенности близкого к современности населения обширных территорий Юго-восточной Азии, Австралии и островного мира, лежащего между этими континентами. В основном исследование опиралось на сравнительный анализ индивидуальных данных мужских черепов 32 краниосерий, взятых из работ антропологов, изучавших этот регион. Метрические признаки (абсолютные размеры и индексы) этих краниосерий вычислялись на основе величины трёх взаимноперпендикулярных диаметров черепной коробки, взятых из литературных источников. Восемь остальных признаков рассчитывались по различным соотношениям величин этих диаметров. Дендрограмма расстояний между этими 32-мя краниосериями, построенная по 11 признакам размера и формы черепной коробки, чётко разбивается на три кластера. Краниосерии одного из них характеризуются параметрами, типичными для панойкуменного краниотипа пацифидов: мезокранные, средневысокие и средне удлинённые черепа. Серии другого кластера представляют краниотип восточных тропидов: долихокранные, средневысокие и сильно удлинённые черепа. Краниосерии третьего кластера отличны как от названных двух панойкуменных краниотипов, так и от третьего панойкуменного краниотипа голарктидов, серии которого отсутствуют на изучаемой территории. Серии этого последнего кластера получили у нас наименование – **сундиды**, т.к. в основном они локализованы на территории субконтинента **Сунда**, образованного во время регрессии моря в эпоху четвертичного плейстоцена, когда шельфовые моря юго-восточной Азии и Индонезии*

Пестряков Александр Петрович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а)
Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – к.б.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а)
Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Пеленицына Юлия Вадимовна – студентка кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, 1/12) Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

стали сушей, частью единого Евразийского континента. Для подобных серий характерна малая величина укороченного брахикранныго черепа. Большая часть краниосерий Индокитая и Индонезии могут быть отнесены именно к этому краниотипу. Таким образом, большая монголоидная раса разбивается по признакам мозгового черепа на три различных краниологических типа: континентальные монголоиды (голарктиды), тихоокеанские монголоиды (пацифиды) и южные монголоиды (сундиды).

Ключевые слова: мозговой череп, краниосерия, краниотип, сундиды

Ссылка при цитировании: Липинская В.А. Русское маслоделие (традиции, новации и развитие промышленности) XIX–XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 166–182.

Введение

С точки зрения физической географии половина изучаемого нами региона представляет собой огромный (самый большой на планете) островной мир, примыкающий с северо-западной стороны к континенту Евразии, а с юго-восточной к континенту Австралии. Западную половину этого островного мира занимает Малайский архипелаг, состоящий из Больших (Суматра, Ява, Калимантан и Сулавеси) и Малых Зондских, Молуккских островов и Филиппин. Восточная половина этого мира – это остров Новая Гвинея и архипелаги Меланезии. Все острова разделены сравнительно небольшими, часто мелководными шельфовыми морями, но иногда узкими глубоководными морями и проливами. По геологическим временным масштабам ещё недавно, в плейстоцене, по археологической периодике во времена палеолита, из-за общепланетарного похолодания, во многих местах Земли сформировались огромные наземные покровные ледники из замерзшей воды, которая естественно изымалась из океана. Вследствие этого уровень последнего понижался, и значительная часть площади шельфовых морей становилась сушей, частью близлежащего материка. Осушенные шельфы западной части Малайского архипелага и Южно-китайского моря соединялись с Евразийским материком. Этот субконтинент получил наименование **Сунда**. В это же время осушенные шельфы Арафурского моря и Бассова пролива соединяли материк Австралии с Новой Гвинеей и Тасманией. Этот суперматерик называли **Сахул**. Эти два больших массива суши разделялись узкими, но глубоководными морями или проливами. Это стало определяющим фактором в эволюционно-биологическом различии природных биоценозов Сунды и Сахула: здесь проходит знаменитая линия Уоллеса.

Материалы и методы

В настоящей работе анализировались краниосерии изучаемой территории, близкие к современности, но лишь те, где авторами приводятся индивидуальные данные черепов. Изучено 32 мужские серии. Величины наибольших продольных, поперечных и высотных (от базиона) диаметров взяты из работ нижеследующих авторов. В скобках – число черепов в серии.

Бонин (*Bonin* 1931): яванцы Батавии (n=32), Бантама (n=20), средней Явы (n=30), сборной серии, в основном с восточной части Явы (n=25), яванцы острова Мадуро (n=15), даяки о. Калимантана (n=36), тагалы Филиппин (n=31), аэта Филиппин (n=33), андаманцы Андаманских островов (n=22). Харровер (*Harrower* 1925): китайцы (хакка) Сингапура (n=36), тамилы, контрактующиеся рабочие Сингапура (n=35). Тидсли (*Tidesley* 1921): бирманцы (n=42). Морант (*Morant* 1924): тибетцы Непала (n=45), тибетцы Тибета (n=32). Додо (*Dodo* 2001): японцы о. Окинава (n=37), японцы островов Сакишима архипелага Рюкю (n=23). Алексеев В.П. (*Алексеев* 1974, 1982): серия папуасов Новой Гвинеи, собранная Н.Н. Миклухо-Маклаем (n=20), бенгальцы (n=32). Хамбли (*Hambly* 1946): меланезийцы о. Амбрим архипелага Новые Гебриды (n=20). Хрдличка А. (*Hrdlicka* 1928): меланезийцы Новой Британии (n=13), австралийцы Северной Территории (n=107), австралийцы Квинсленда (n=62), австралийцы Нового Южного Уэльса (n=53), австралийцы Южной Австралии (n=198). Исходные данные по остальным восьми сериям взяты из фундаментальной сводки Хауэллса (*Howells craniometric data set.*): китайцы острова Хайнань (n=45), китайцы южные (n=38), японцы южные (n=50), гаошань атаял (n=29), филиппинцы (n=50), андаманцы Андаманских островов (n=35), меланезийцы толай (n=50), меланезийцы островов Санта-Крус архипелага Соломоновых островов (n=50).

В работе рассматриваются 11 краниометрических признаков черепной коробки. Величины первых трёх (№ 1, № 8, № 17 по Мартину – наибольшие длина, ширина и высота черепной коробки) брались из соответствующего литературного источника. Все следующие признаки вычислялись по величинам этих трёх. Далее приводятся величины черепного (8:1), высотного-продольного (17:1) и высотного-поперечного (17:8) указателей. Пять следующих метрических признаков используются обычно лишь в работах авторов настоящей статьи. Общая ростовая величина (**ОРВ**) черепной коробки количественно выражает физиологическую силу роста, распределённую по трём пространственным осям. Она вычисляется векторным сложением величин основных диаметров черепа – $ОРВ = (1^2 + 8^2 + 17^2)^{1/2}$. Три следующих указателя: долихоидности (УД), брахиоидности (УБ), гипсиоидности (УГ) представляют собой средние геометрические отношения каждого из трёх названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100 * [(1^2 / (8 * 17))^{1/2}]$. И т.п. Последний параметр – степень сферичности (СС) объединяет значения трёх этих указателей, рассчитывается по формуле $СС = (200 - УД + УБ + УГ) / 3$. Чем ближе эта величина к 100, тем более черепная коробка приближается по форме к сфере. В таблице 1 даны среднегрупповые величины этих признаков.

Результаты и обсуждение

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты. Были получены среднегрупповые величины изученных краниологических признаков во всех взятых сериях, представленные в таблице 1.

Кроме среднегрупповых величин изучаемых признаков, в таблице 1 также представлены показатели их межгрупповой изменчивости: межгрупповые средние квадратические отклонения (σ), коэффициенты вариации и др., что позволяет оценить в них степень их межгрупповой изменчивости.

Таблица 1

Среднегрупповые величины краниологических признаков в изучаемых сериях

Серия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Ява, Багавия	170,2	141,7	134,6	259,2	83,4	79,1	95,1	123,4	93,7	88,9	86,4
Ява, Бантам	169,5	139,5	133,9	257,2	82,4	79,1	96,1	124,1	92,7	87,2	85,3
Ява Центральная	172,6	142,5	135,1	261,6	82,7	78,3	94,9	124,5	93,5	86,2	85,1
Ява, сборная серия	174,0	142,1	135,8	262,7	81,9	78,3	95,7	125,3	92,6	86,5	84,6
Мадуро	172,2	143,1	136,3	262,2	83,2	79,2	95,3	123,4	93,5	86,8	85,7
Даяки	175,7	137,7	134,6	260,8	78,5	76,7	98,0	129,2	89,6	86,6	82,4
Тагалы	178,3	139,1	137,1	263,7	78,1	77,3	98,9	128,7	88,9	87,4	82,5
Филиппинцы	176,9	139,8	134,8	262,8	79,1	76,3	96,5	129,0	90,6	85,8	82,5
Аэта	171,0	143,5	136,2	262,1	84,0	79,4	94,7	122,7	91,6	86,7	85,2
Андаманцы, Бонин	166,1	136,3	130,0	251,1	82,1	78,2	95,4	124,9	92,8	86,4	84,8
Андаманцы, Хауэлс	168,9	135,7	129,4	252,4	80,4	76,7	95,4	127,5	91,8	85,5	83,3
Китайцы, Сингапур	179,1	140,9	137,8	266,4	78,8	77,0	97,9	128,6	89,7	86,8	82,7
Китайцы, Хайнань	176,4	138,4	136,7	262,7	78,6	77,5	98,8	128,3	89,2	87,5	82,8
Китайцы южные	181,7	140,5	141,2	269,8	77,4	77,8	100,6	129,2	87,8	88,4	82,4
Атаял (гуашань)	177,0	135,8	133,5	260,0	76,7	75,5	98,4	131,5	88,4	86,1	81,0
Японцы, Окинава	178,7	139,8	135,8	264,5	78,3	76,0	97,2	129,8	89,8	85,9	82,0
Японцы, Сакишима	182,1	138,9	136,7	266,8	76,3	75,1	98,5	132,2	88,1	86,0	80,6
Японцы южные	181,3	138,4	138,3	266,8	76,4	76,3	100,0	131,2	87,4	87,4	81,2
Бирманцы	172,4	144,0	136,3	262,9	83,6	79,2	94,8	123,2	94,0	86,6	85,8

Таблица 1 (продолжение)

Серия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Тибетцы Тибета	179,9	139,3	132,5	263,5	77,6	73,8	95,4	132,5	90,4	83,8	80,6
Тибетцы Непала	176,8	132,7	132,9	258,1	75,2	75,2	100,3	133,3	86,7	86,8	80,1
Бенгалцы	181,0	135,3	134,5	263,1	74,9	74,4	99,5	134,4	86,8	86,0	79,5
Тамилы	179,6	131,5	136,4	261,1	73,3	76,0	103,8	134,2	84,1	88,8	79,6
Папуасы, Миклухо-Маклай	177,7	133,6	130,4	257,3	75,3	73,5	98,2	135,0	87,5	84,9	79,1
Новая Британия, сборная	183,8	133,8	135,2	264,6	72,8	73,6	101,1	136,7	85,0	86,2	78,2
Санга-Крус	179,8	139,9	129,0	261,9	77,8	71,8	92,3	134,0	91,9	81,4	79,8
Толай	184,1	130,8	135,3	263,3	71,1	73,5	103,5	138,4	82,9	87,3	77,2
о. Амбрим	182,4	131,0	131,2	260,1	71,9	72,0	100,3	139,2	84,7	84,9	76,8
Австралийцы, Сев. Территория.	185,2	129,2	135,2	263,3	69,8	73,1	104,8	140,2	81,7	87,5	76,3
Австралийцы, Квинсленд	186,2	131,7	136,6	265,9	70,8	73,4	103,8	139,0	82,6	87,3	77,0
Австралийцы, Нов. Южный Уэльс.	190,0	132,8	134,8	268,3	70,0	71,0	101,3	141,9	83,2	84,8	75,4
Австралийцы, Южная Австралия	190,9	133,0	130,8	267,0	69,7	68,6	98,4	144,8	84,3	82,1	73,9
Число серий	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32
Средняя межгруп.	178,18	137,26	134,66	262,29	77,25	75,71	98,28	131,25	88,67	86,27	81,23
Сигма межгруп.	5,98	4,24	2,75	4,08	4,41	2,72	3,11	6,00	3,66	1,63	3,33
Коэфф. вариации	3,36	3,09	2,04	1,56	5,71	3,59	3,16	4,57	4,12	1,89	4,10
Max	190,9	144,0	141,2	269,8	84,0	79,2	104,8	144,8	94,0	88,9	86,4
Min	166,1	129,2	129,0	251,1	69,7	68,6	92,3	122,7	81,7	81,4	73,9
Max-Min	24,8	14,8	12,2	18,7	14,3	10,3	12,5	22,1	12,3	6,8	12,5

Общая абсолютная величина черепной коробки (признак ОРВ) варьирует здесь значительно – от 251,1 (у андаманцев серии Бонина) до 269,8 (в серии южных китайцев). Среди основных диаметров черепной коробки наиболее изменчивой оказалась величина продольного диаметра, наименее изменчивой – высотного диаметра. Межгрупповая дисперсия (сигма) у первого признака оказалась в два с лишним раза больше, чем у второго. Среди парных индексов формы (8:1, 17:1, 17:8) наиболее вариabельным оказался черепной указатель. Он варьирует от 84,0 (выраженная брахи-кrania) у аэта Филиппин, видимо сильно смешанных с другими филиппинцами, до 69,7 (ультрадолихокrania) у австралийцев Южной Австралии. Заметно менее вариabельными оказались высотно-продольный и высотно-поперечный указатели. Среди тройных индексов (УД, УБ, УГ) исключительно сильно варьирует указатель долихоидности – от 122,7 у аэта до 144,8 у австралийцев Южной Австралии. Коэффициент межгрупповой вариации этого признака равен 4,57. Исключительно мало варьирует указатель гипсиоидности – от 88,9 у яванцев Батавии до 81,4 у меланезийцев островов Санта-Крус. Здесь коэффициент межгрупповой вариации равен 1,89). Вариabельность этого признака почти в 2,5 раза меньше, чем у указателя долихоидности.

Итак, краниосерии изучаемого региона показывают исключительную разнородность, как по общему размеру черепа, так и по его форме. При этом, разнообразие в наибольшей мере задаётся величиной продольного диаметра черепа и индексами, связанными с ним. Менее всего влияет на это разнообразие высотный диаметр черепной коробки и соответствующий ему указатель гипсиоидности (УГ). Признаки, связанные с величиной поперечного диаметра, здесь занимают промежуточное значение.

Далее была построена дендрограмма таксономических расстояний между изучаемыми краниосериями по всем 11 признакам черепной коробки (рис. 1).

Здесь чётко выделяются три кластера. Дадим им нумерацию, начиная сверху –

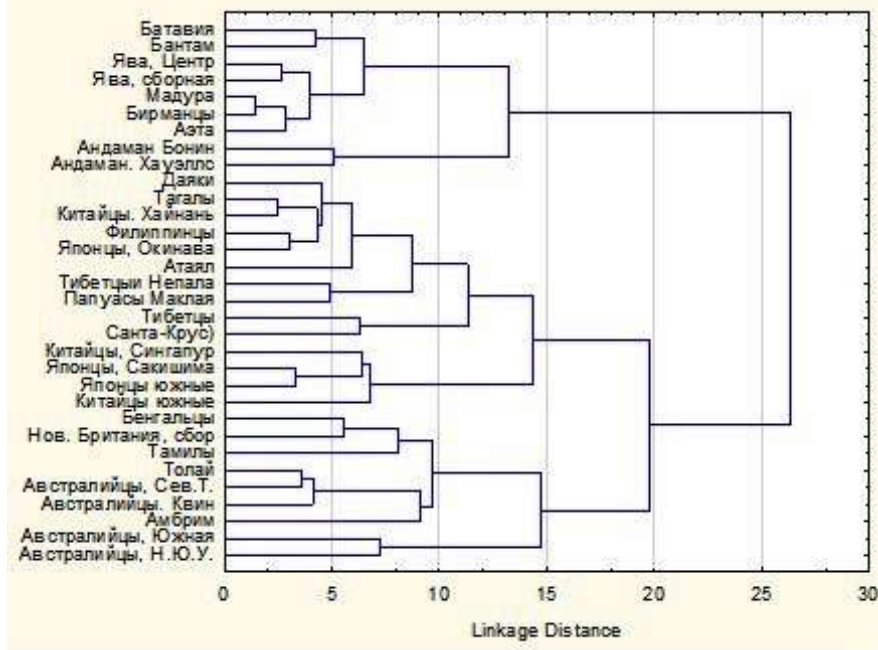

Рис. 1. Дендрограмма расстояний между изученными сериями по 11 признакам

кластер № 1, № 2 и № 3. Первый кластер наиболее отдалён от двух других, более близких друг к другу. Обозначим краниосерии, объединяемые этими кластерами.

1 кластер: яванцы Батавии (столица Нидерландской Индонезии – ныне Джакарта), яванцы Бантама (крайне западная провинция Явы), яванцы Центральной Явы, сборная серия яванцев (в основном с восточной Явы), мадурцы (яванцы о. Мадуро), аэта Филиппинских островов, бирманцы Индокитая и андаманцы (серии Бонина и Хауэллса). Краниосерии андаманцев образуют малый субкластер 1-го кластера.

2 кластер: даяки Калимантана, китайцы Сингапура, китайцы о. Хайнань, китайцы южные, сборная серия филиппинцев, тагалы (основной народ Филиппин), атайл (племя гаошань докитайского населения Тайваня), японцы о. Окинава, японцы островов Сакишма (архипелаг Рюкю), японцы юга Японии, тибетцы Непала, тибетцы Тибета. Кроме монголоидных групп в этот кластер попали: серия папуасов, собранная Миклухо-Маклаем и серия меланезийцев островов Санта-Крус. Серии этого кластера, сравнительно с 1-м кластером, покрывают значительно большую территорию изучаемого ареала. Сюда попадают не только различные китайские, японские и тибетские серии, но и две серии островного мира за линией Уоллеса.

3 кластер составляют две наличные индийские серии – бенгальцы и тамилы; три серии меланезийцев: сборная меланезийцев Новой Британия, серия толай (племя северо-восточной части Новой Британии) и серия о. Амбрим; четыре серии австралийских аборигенов. Все они по нашей классификации принадлежат к панойкуменному краниотипу тропидов.

В следующей таблице представлены средние межгрупповые величины изучаемых признаков по трём выделенным кластерам отдельно. В скобках означена численность серий, входящих в соответствующий кластер.

Материалы данной таблицы иллюстрируют хорошо выраженную закономерность изменчивости величин изучаемых признаков. Практически все изученные признаки показывают изменение своей величины от первого кластера до третьего только в одном направлении: или увеличение или уменьшение. Действительно, величина продольного диаметра черепа, общая величина черепной коробки (ОРВ), высотно-поперечный указатель (17:8), указатель долихоидности (УД) монотонно увеличиваются от первого кластера к третьему. Величина поперечного диаметра черепа, черепной указатель (8:1), высотно-продольный указатель (17:1), указатель брахиоидности (УБ), степень сферичности черепа (СС) столь же монотонно уменьшаются от первого кластера к третьему.

Совершенно иначе ведёт здесь лишь один признак – высотный диаметр черепа. Закономерность изменчивости его от первого к четвёртому кластеру нарушается: высотный диаметр серий второго кластера больше, чем у первого кластера, а третьего кластера меньше. Указатель гипсиоидности (УГ) вроде бы соответствует нашей закономерности, но его величина очень слабо варьирует от кластера к кластеру (от 86,76 до 86,10), т.е. практически не меняется. Вообще, как явствует из таблицы 1, величины этих двух признаков в изучаемом регионе наиболее стабильны, что указывает здесь на их особую значимость.

Далее рассмотрим различия изучаемых признаков между кластерными объединениями наших краниосерий и, что особенно важно, достоверность этих различий.

Данные по исследованным 11 краниологическим признакам мы для удобства разбили на две группы – признаки абсолютных размеров черепа: 1, 8, 17, ОРВ (таблица № 3а), и признаки формы черепной коробки – 8:1, 17:1, 17:8, УД, УБ, УГ, СС (таблица № 3б).

Таблица 2
Краниологические характеристики выявленных кластеров общего массива изучаемых крабиосерий

1 кластер (n=9)	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Средняя	170,77	140,93	134,17	259,04	82,63	78,61	95,26	124,32	92,90	86,76	85,12
Сигма	2,41	3,10	2,69	4,53	1,10	0,86	0,45	1,47	0,84	0,94	0,89
2 кластер (n=14)	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Средняя	178,68	138,21	135,10	263,21	77,43	75,70	97,93	130,88	89,00	86,07	81,40
Сигма	2,07	2,50	3,26	3,50	1,26	1,72	2,16	2,24	1,45	1,78	1,22
3 кластер (n=9)	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Средняя	184,80	132,13	134,46	264,09	71,60	72,84	101,84	138,74	83,93	86,10	77,10
Сигма	3,79	1,84	2,07	2,66	1,78	2,12	2,24	3,41	1,52	1,96	1,84

Таблица 3а
Различия между кластерами (объединениями изучаемых серий) и достоверность различий признаков величин черепа

Кластеры (n)	1	8	17	ОРВ
1 кластер (n=9)	170,77	140,93	134,17	259,04
2 кластер (n=14)	178,68	138,21	135,10	263,21
3 кластер (n=9)	184,80	132,13	134,46	264,09
Различие между 1 и 2 кластерами	7,91	2,72	0,93	4,17
Достоверность различия	***	*	нет	*
Различие между 1 и 3 кластерами	14,03	8,80	0,23	5,05
Достоверность различия	***	***	нет	*
Различие между 2 и 3 кластерами	6,12	6,08	0,64	0,88
Достоверность различия	***	нет	нет	нет

Примечание. Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * – 95%, ** – 99%, *** – 99,9%

Из таблицы 3а видно, что величины продольного диаметра черепа достоверно отличаются между всеми тремя кластерами, причём на самом высоком статистическом уровне. Менее явственно проявляется различие между кластерами по величине поперечного диаметра черепа. Здесь различие между 2 и 3 кластерами по этому признаку статистически недостоверно. А величина высотного диаметра вообще не даёт никакого достоверного отличия между любой парой наших кластеров. Абсолютная величина черепной коробки также показывает монотонное увеличение от первого к третьему кластеру, что хорошо видно по численным значениям параметра ОРВ в каждом из фракций. Но при этом различие между 2 и 3 фракциями по этому признаку недостоверно.

Таблица 3б

Различия между кластерами (объединениями изучаемых серий) и достоверность различий признаков формы черепа.

Кластеры (n)	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
1 кластер (n=9)	82,63	78,61	95,26	124,32	92,90	86,76	85,12
2 кластер (n=14)	77,43	75,70	97,93	130,88	89,00	86,07	81,40
3 кластер (n=9)	71,60	72,84	101,84	138,74	83,93	86,10	77,10
Различие между 1 и 2 кластер.	5,20	2,91	2,67	6,56	3,90	0,69	3,72
Достоверность различия	***	***	***	***	***	нет	***
Различие между 1 и 3 кластер.	11,06	5,77	6,58	14,42	8,97	0,66	8,02
Достоверность различия	***	***	***	***	***	нет	***
Различие между 2 и 3 кластер	5,83	2,86	3,91	7,86	5,07	0,03	4,30
Достоверность различия	***	**	**	***	***	нет	***

Примечание: Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * – 95%, ** – 99%, *** – 99,9%

Из таблицы 3а видно, что величины продольного диаметра черепа достоверно отличаются между всеми тремя кластерами, причём на самом высоком статистическом уровне. Менее явственно проявляется различие между кластерами по величине поперечного диаметра черепа. Здесь различие между 2 и 3 кластерами по этому признаку статистически недостоверно. А величина высотного диаметра вообще не даёт никакого достоверного отличия между любой парой наших кластеров. Абсолютная величина черепной коробки также показывает монотонное увеличение от первого к третьему кластеру, что хорошо видно по численным значениям параметра ОРВ в каждом из фракций. Но при этом различие между 2 и 3 фракциями по этому признаку недостоверно.

Шесть признаков формы черепной коробки показывают строго монотонную изменчивость (или увеличение, или уменьшение) от первого к третьему кластеру. При этом различие между любой парой кластеров по этим признакам статистически достоверно на высоком уровне значимости. Однако указатель гипсиоидности (УГ), также, как и абсолютная величина высотного диаметра черепной коробки (см. таблицу № 3а), практически одинакова во всех трёх кластерах изученных нами краиносерий.

Степень сходства (или несходства) ростовых процессов черепной коробки в каждом из трёх кластеров, показывают значения коэффициентов межгрупповой корреляции величин диаметров черепа между собой и с общей ростовой величиной (ОРВ) в таблице 4.

Таблица 4
Межгрупповые корреляционные связи между метрическими признаками в выявленных кластерах изученных серий

Корреляции	1 с 8	1 с 17	8 с 17	1 с ОРВ	8 с ОРВ	17 с ОРВ
1 кластер (n=9)	0,819±0,217	0,836±0,207	0,982±0,071	0,920±0,148	0,976±0,082	0,979±0,077
2 кластер (n=14)	0,459±0,256	0,363±0,269	0,483±0,253	0,756±0,189	0,801±0,173	0,805±0,171
3 кластер (n=9)	0,009±0,378	-0,334±0,356	-0,108±0,378	0,875±0,183	0,323±0,358	0,019±0,378

Таблица 5
Краниологические данные трёх выделенных кластеров на фоне других объединений крабиосерий

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Восточные голарктиды (48)	181,2	145,8	131,1	267,0	80,5	72,4	89,9	131,1	94,7	80,7	81,4
Индейцы Сев.Америки (32)	179,8	141,9	135,6	266,2	79,0	75,5	95,6	129,7	91,0	85,0	82,1
Индейцы Юж. Америки (28)	180,5	140,1	135,0	265,5	77,7	74,9	96,5	131,3	89,8	85,0	81,2
Восточноазиатские пацифиды (44)	179,0	139,7	137,5	265,5	78,1	76,8	98,4	129,2	89,1	86,9	82,3
Индийцы (10)	177,2	130,8	132,7	257,1	73,9	74,9	101,5	134,5	85,3	87,2	79,4
Индокитай+ Индонезия (27)	174,1	140,3	135,9	261,7	80,6	78,0	96,9	126,2	91,3	86,9	84,0
Восточные экваториалы (23)	184,0	131,0	135,3	263,3	71,3	73,5	103,3	138,2	83,1	87,1	77,3
Австралийцы (10)	189,1	131,1	132,9	265,2	69,6	70,6	101,5	142,8	82,9	83,7	74,5
Троп. Пацифид. (7)	169,1	137,6	131,2	254,5	81,4	77,5	95,3	125,9	92,4	86,0	84,2
1 кластер (9)	170,8	140,9	134,2	259,0	82,6	78,6	95,3	124,3	92,9	86,8	85,1
2 кластер (14)	178,7	138,2	135,1	263,2	77,4	77,7	97,9	130,9	89,0	86,1	81,4
3 кластер (9)	184,8	132,1	134,5	264,1	71,6	72,8	101,8	138,7	83,9	86,1	77,1

Данные этой таблицы указывают на значительное отличие краниологического объединения 1-го кластера от двух других, не-

даром в дендрограмме (рис. 1) этот кластер отдалён от двух других, более близких между собой. Здесь корреляции между величинами основных диаметров черепа, а также их с общей его величиной в этом кластере имеют высокие и достоверные величины, что свидетельствует о сходных ростовых процессах в сериях этого кластера. Во 2-ом кластере эта закономерность заметно нарушается, что говорит о существенно различных типах ростовых процессов в краниосериях этого кластера. Что касается краниосерий, входящих в 3-ий кластер, то здесь очевидно мы находим изучаемые корреляционные связи в сильнейшей степени нарушенными. Это свидетельствует о значительном генетическом различии краниосерий, составляющих этот кластер. Действительно, в этот кластер входят расово разнородные краниосерии: две индийские, три меланезийские и четыре серии австралийских аборигенов. Хотя при этом все они входят в панюкуменный краниотип тропидов.

Далее в таблице 5 представлены краниологические характеристики трёх выделенных объединений (кластеров) 32-х серий, изученных нами по индивидуальным данным, на широком сравнительном фоне современных краниосерий значительной части Азии, Австралии, островного мира между Азией и Австралией и обеих Америк. При этом использовалась краниологическая классификационная схема авторов статьи (Пестряков, Григорьева 2004).

Здесь исходные данные по краниосериям восточных голарктидов (континентальные монголоиды) взяты из книги В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (Алексеев, Гохман 1984), данные по индейцам Северной Америки из таблиц в книге Г.Ф. Дебеца «Антропологические исследования в Камчатской области» (Дебец 1951), в которой им приводятся среднегрупповые величины трёх основных диаметров черепа в краниосериях различных племён индейцев Северной Америки, опубликованных их исследователем А. Хрдличкой. Аналогичные данные по южноамериканским индейцам, взяты из работы Ньюмана (Newman 1949). Исходные данные по многочисленным сериям китайцев

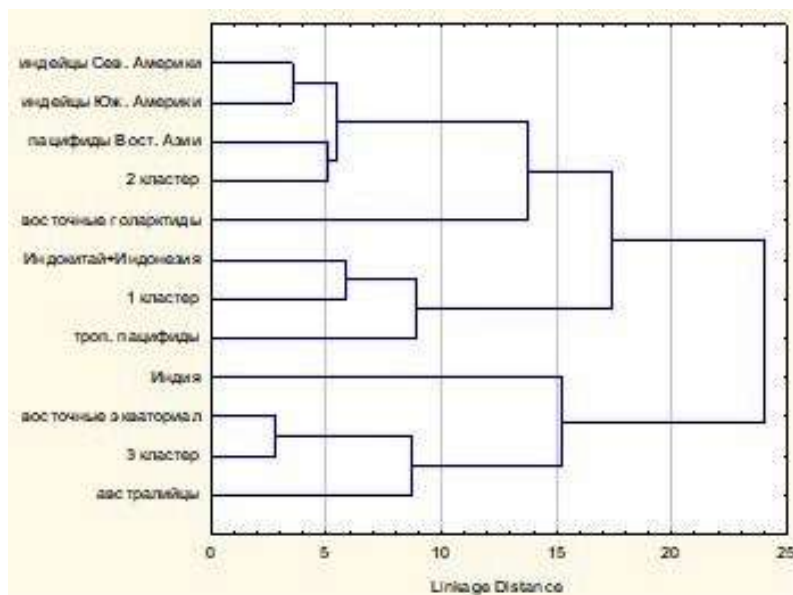

Рис. 2. Дендрограмма таксономических расстояний трёх кластеров с различными этно-территориальными объединениями краниосерий.

и населения Индокитая и Индонезии взяты из таблиц приложения книги Н.Н. Чебоксарова «Этническая антропология Китая» (Чебоксаров 1982). Краниологические данные по сериям индийцев, папуасов и меланезийцев взяты из работы В.П. Алексева (Alexejev, 1973). Данные по японским и австралийским краниосериями из более ранних наших работ (Пестряков, Григорьева 2011; Пестряков, Григорьева 2013).

В таблице названы краниологические объединения, в скобках численность серий, входящих в это объединение. Общая величина черепной коробки (ОРВ), а также все краниологические индексы в сравниваемых территориальных группах серий рассчитывались по среднегрупповым величинам трёх диаметров черепа, так как индивидуальных данных черепов для большинства этих серий в нашем распоряжении нет. Это снижает точность характеристик этих этно-территориальных краниологических объединений, но вряд ли серьёзно влияет на достоверность наших выводов.

Нижеследующая дендрограмма (рис.2) показывает таксономические расстояния трёх выделенных ранее кластеров изученных краниосерий на фоне этно-территориальных объединений краниосерий, представленных в таблице 5.

Из дендрограммы видно, что три кластера, выделенные при изучении 32 краниосерий изучаемой территории, отчётливо отличаются друг от друга и примыкают к различным этно-территориальным объединениям, представленным в таблице 5.

2-ой кластер присоединяется к кластеру панойкуменного краниотипа **пацифидов** (краниосерии Восточной Азии, Северной и Южной Америки). При этом он таксономически наиболее близок к восточноазиатским пацифидам, частью которых он и является. Краниосерии 3-его кластера явно входят в другой панойкуменный краниотип – тип тропидов, где обнаруживают наибольшее сближение с сериями восточных экваториалов (папуасов и меланезийцев). В более ранней работе (Пестряков, Григорьева 2004) было отмечено, что для пацифидов наиболее характерна мезокранная форма черепа. Среднегрупповые величины черепного указателя всех 14 серий 2-го кластера варьируют в пределах мезокрании (75,2-79,1). Для тропидов характерна долихокrania. Все девять краниосерий 3-его кластера долихокранны.

Краниосерии 1-ого выделенного кластера не обнаруживают сближения (сходства) с названными панойкуменными краниотипами. Не примыкают они также и к панойкуменному краниотипу голарктидов, представленному здесь объединением серий восточных голарктидов (континентальных монголоидов). По черепному указателю все девять серий этого кластера брахикранные. Они близки к обобщённой группе серий Индокитая и Индонезии, частью которой они видимо и являются. Последние также сильно отличаются как от пацифидов, так и от тропидов. К этому кластеру также присоединяются серии локального краниотипа тропических пацифидов. Следовательно, краниосерии подобного облика образуют самостоятельный краниотип, имеющий вполне определённый ареал своего возможного возникновения и современного доминирования – это территории Индокитая и Индонезии (бывшего субконтинента Сунда). Поэтому их логично называть **сундиды**.

В таблице 5 даны усреднённые краниологические характеристики трёх новых объединений этой дендрограммы (рис.2), по которым распределились те три кластера, на которые разбились 32 изученные нами краниосерии.

Занимая территорию географически промежуточную между ареалами распространения классических пацифидов и восточных тропидов, которые наиболее контрастно выражают особенности тропидов, сундиды по своим особенностям не демонстриру-

ют промежуточной краниологической характеристики между ними. Действительно, общая величина черепной коробки у них здесь минимальна. Для сундидов типична брахикrania, для пацифидов – мезокrania, для тропидов – долихокrania. Череп у сундидов более короткй (абсолютно и относительно) и более широкий (абсолютно и относительно). И как следствие этого, степень сферичности черепной коробки у них здесь максимальна (параметр $CC=84,0$). Величина этого последнего признака особенно показательна, т.к. указывает на вектор эволюционной направленности изменения формы мозгового черепа человека. Чем сферичнее по форме череп, тем экономнее расходуетея костный материал для получения наибольшего объёма мозговой полости, этого важнейшего морфологического признака рода Homo.

Таблица 5

Характеристики трёх краниологических объединений, в которые входят также изученные нами краниосерии

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
1 объединение (пацифиды)	179,5	139,2	136,0	264,0	76,8	75,5	98,5	131,4	88,4	86,2	81,1
2 объединение (сундиды)	171,3	139,6	133,8	259,5	80,9	77,8	96,2	126,2	91,7	86,6	84,0
3 объединение (тропиды)	183,8	131,3	133,9	264,7	70,7	72,4	102,5	140,0	83,1	85,8	76,3

Среди сундидов встречается краниосерии, имеющие такие же параметры формы черепной коробки, но значительно меньшую её абсолютную величину (признак ОРВ). В нашей ранней работе, посвящённой краниологической классификации (Пестряков, Григорьева 2004) он был назван локальным краниотипом *тропических пацифидов*. Его классическими представителями являются андаманцы, в меньшей степени (из-за метисации их с собственно филиппинцами) аэта Филиппинских островов, а также некоторые группы западных меланезийцев. Эти малочисленные группы (популяции), рассеянные на обширных пространствах изучаемой здесь территории, вкраплены в значительно более многолюдный массив населения, имеющего другую краниологическую или расовую характеристику.

Среди большинства изученных краниосерий встречаются представители этнических групп, имеющих сравнительно малую абсолютную величину черепной коробки. Таковы пигмеи Центральной Африки, ведды Цейлона (Шри Ланки) и представленные здесь андаманцы и аэта. Для всех подобных этносов характерен

присваивающий тип хозяйства в условиях тропического дождевого леса, по крайней мере, так было до недавнего времени. По форме черепной коробки они заметно отличаются друг от друга, но довольно сходны со своими более крупноголовыми (и более рослыми) соседями, ведущих хозяйство производящего типа, с которыми они зачастую смешиваются. Для пигмеев обычно такими соседями являются негроиды банту, для веддов Цейлона – сингалы, для аэта, как уже отмечалось, филиппинцы (тагалы и др.). Андаманцы – жители довольно изолированного архипелага, вероятно, являются выраженным изолятом.

Выделение краниотипа *сундидов* позволяет серьёзно изменить краниологические подразделения монголоидной расы. Еще в 1951 году Н.Н. Чебоксаров разделил монголоидную расу на два различных краниотипа – континентальные и тихоокеанские монголоиды (Чебоксаров 1951). Согласно нашей краниологической классификации современного населения, континентальные монголоиды являются голарктидами (вместе с основной массой европеоидов), а тихоокеанские монголоиды пацифидами (вместе с основной массой американоидов). Результатом настоящей работы является выделение южных монголоидов (большинство населения Индокитая и Индонезии) в самостоятельный краниотип *сундидов*, отличный от всех трёх панойкуменных краниотипов современного населения Земли: тропидов, пацифидов и голарктидов.

В дальнейшем следует уточнить характеристики этого краниотипа, границы зоны его распространения, а также наметить его метисные варианты с иными краниологическими подразделениями.

Основные выводы

Исследуемая территория, соединяющая юго-восточную Азию с Австралией и Западной Океанией, исключительно разнородна в антропологическом отношении. Здесь наблюдается сложная мозаика взаимодействия этнических групп южных монголоидов, восточных монголоидов, меланезийцев (восточных экваториалов), австралоидов и малочисленных, экзотических по культуре и антропологическому типу популяций, нередко называемых негрильями (андаманцы, аэта и др.).

Изучение по индивидуальным данным черепов 32-х краниологических серий этой территории выявили на ней три существенно различных краниотипа. Два из них уже известны и удовлетворительно охарактеризованы. Это классические пацифиды, к которым отнесены изученные нами серии даяков, филиппинцев, китайцев, японцев и тибетцев. Второй из них тропиды. Здесь это – индийские краниосерии, меланезийцы и австралийцы.

Однако третий выявленный краниотип – *сундиды*, выделяется и характеризуется впервые. Для них характерны черепа малого размера, укороченные и довольно широкие по форме. Череп у них по форме наиболее сферичный из всех современных краниотипов. Зона их наибольшего распространения Индокитай и большая часть Индонезии.

Таким образом, большую монголоидную расу в краниологическом (мозговой череп) отношении теперь можно разделять на три основных краниотипа: континентальные монголоиды, тихоокеанские монголоиды и сундиды (южные монголоиды).

Научная литература

- Алексеев В.П.* Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова // Культура народов Австралии и Океании. Сборник Музея антропологии и этнографии ХХХ. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 187–236.
- Алексеев В.П.* К краниологии бенгальцев. // Новые материалы к антропологии Западной Индии: Результаты советско–индийских исследований / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1982. С. 301–312.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области. Труды Северо-восточной экспедиции. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. I.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Краниологическая дифференциация современного населения. // Расы и народы. Ежегодник. М.: Наука, 2004. № 30. С. 86–131.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Некоторые данные по краниологии населения Японских островов. // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2011. Вып. 20. С.23–35.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М.* Австралийские аборигены на краниологическом фоне населения Южной и Юго-восточной Азии и Западной Океании. // Вестник Московского университета. М.: Изд-во Московского университета, 2013. Серия XXIII. Антропология. № 2. С. 17–33.
- Чебоксаров Н.Н.* Основные принципы антропологической классификации // ТИЭ (нов. сер.). М.- Л., 1951. Т. XVI.
- Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1882.
- Alexejev V. P.* Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Moravske Muzeum – Ustav Anthropos. Brno, 1973. Pp. 201–248.
- Dodo Yukio et al.* Metric Data of Ryukyuan Crania. Anthropological Science, 2001. No. 109 (2). Pp. 182–190.
- Bonin, Gerhard von.* Beitrag zur Kraniologie von Ost-Asien. Biometrika, 1931. Vol. 21. No.1/2. Pp. 52–113.
- Hambly Wilfred D.* Craniology of Ambrim Island. Fieldiana: Anthropology, Chicago, 1946. Vol.37. No. 1. P. 1–46
- Harrower Gordon.* A Study of the Hakian and Tamil Skull. Singapore, 1925, Pp. 1–31. Appendix.
- Howells W.W.* Who is Who in Skulls. Ethnic Identification of Crania from Measurements. Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Cambridge, Mass.: Peabody Museum. 1995. Vol. 82. Pp. 108.
- Howells W.W.* Craniometric data set. [http:// web.utk.edu/ – auerbach/HOWL.htm](http://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm).
- Hrdlicka A.* Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns. Proceedings of the of the United States national museum. Washington, 1928. Vol. 71.
- Morant G. M.* A Study of certain series including the Nepalese and Tibetan series in the British Museum (Natural History). Biometrika, 1924. Vol.16. No. 1/2 (May 1924). Pp. 1–105.
- Newman M.T.* The Sequence of Indian Physical Types in South America // Papers on the Physical Anthropology of the American Indian. New York, 1949. Vol. 21. P. 69–97.
- Tidestrey M.L.* A first Study of Burmese Skull. Biometrika, 1921. Vol. 13. No. 2/3 (Jul. 1921). Pp. 176–262.
- Pestriakov Aleksander P., Grigoryeva Olga M., Pelenitsyna Yulia V.*

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/166-182

Between Asia and Australia (neurocranial diversity of the modern population of Southeast Asia)

This work continues the studies devoted to the worldwide classification of modern humans

by the neurocranial skull. Cranial dimensions of population of vast territories of Southeast Asia, Australia and the islands between these continents were studied. The study was based on a comparative analysis of individual data from male skulls from 32 samples, taken from published works of anthropologists who studied this region. The dendrogram of the distances between these 32 samples, based on 11 measures of the size and shape of the skull, is formed by three distinctive clusters. Samples from the first cluster are characterized as typical for the Pacific craniotype (mesocranial skulls). Samples from the second cluster belong to the East Tropic craniotype (dolichocranial skulls). Samples from the third cluster differ both from the two craniotypes mentioned above and another craniotype, called Golarktids (this type is not presented in the studied area). We called this last cluster "Sundids", because they are mainly localized in the Sunda subcontinent. This area was formed during the sea regression during the Pleistocene, when the shelf seas of Southeast Asia and Indonesia turned into land, part of a single Eurasian continent. In this sample, the skulls are small and brachycranial. A large part of Indochinese and Indonesian crania can be attributed to this craniotype. Thus, the great Mongoloid race can be divided into three different craniological types: continental Mongoloids (Golarktids), Pacific Mongoloids (Pacifids), and southern Mongoloids (Sundids).

Key words: skull, cranioseries, craniotype, Sundids.

For Citation: Pestriakov, A.P., O.M. Grigoryeva and Y.V. Pelenitsyna. 2021. Between Asia and Australia (neurocranial diversity of the modern population of Southeast Asia). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 166–182.

Pestriakov Altxsander P. – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Grigorieva Olga M. – PhD in biol., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Pelenitsyna Yulia V. – student of M.V. Lomonosov Moscow state University. (Moscow, Russia). E-mail: j.pelenitsyna@gmail

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), "The evolutionary continuum of the genus Homo", Subtopic "Anthropology of Ancient and Modern Populations".

References

- Alexejev, V. P. 1973. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // *Anthropologie. Moravske Muzeum – Ustav Anthropos*, 201–248. Brno.
- Alekseev, V.P. 1974. Materialy po kranilogii Novoj Gvinei, Zondskih i Molukkskih ostrovov, Malajskogo poluoostrova [Materials on the craniology of New Guinea, the Sunda and Moluccas Islands, and the Malay Peninsula]. // *Kul'tura narodov Avstralii i Okeanii. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, XXX, 187–236. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Alekseev, V.P. 1982. K kranilogii bengal'cev [To the craniology of Bengalis]. *Novye materialy k antropologii Zapadnoj Indii: Rezul'taty sov. Issledovanij*, 301–312. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P., and Gohman I.I. 1984. *Antropologiya aziatskoj chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Bonin, Gerhard von. Beitrag zur Kraniologie von Ost-Asien. 1931. *Biometrika* 21 (1/2): 52–113.
- Cheboksarov, N.N. 1951. Osnovnye principy antropologicheskoi klassifikacii [Basic principles of anthropological classification]. *TIE (nov. ser.)*, XVI. Moscow; Leningrad.
- Cheboksarov, N.N. 1882. *Etnicheskaya antropologiya Kitaya* [Ethnic Anthropology of China]. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury.
- Debec, G.F. 1951. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoj oblasti [Anthropological research in the Kamchatka region]. *Trudy Severo-vostochnoj ekspedicii*, 1. Moscow: Izd-vo

- Akademii nauk SSSR.
- Dodo Yukio, et al. 2001. Metric Data of Ryukyuan Crania. *Anthropological Science* 109 (2): 182–190.
- Hambly, Welfred D. 1946. Craniology of Ambrim Island. *Fieldiana: Anthropology* 37 (1): 1–46. Chicago.
- Harrower, Gordon. 1925. *A Study of the Hakian and Tamil Skull*, 1–31. Singapore: Appendix.
- Howells, W.W. 1995 Who's Who in Skulls. Ethnic Identification of Crania from Measurements. *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology* 82: 108. Cambridge, Mass.: Peabody Museum.
- Howells, W.W. Craniometric data set. <http://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm>.
- Hrdlicka, A. 1928. *Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns. Proceedings of the of the United States national museum* 71. Washington.
- Morant, G. M. 1924. A Study of certain series including the Nepalese and Tibetan series in the British Museum (Natural History). *Biometrika* 16, 1/2 (May 1924): 1–105.
- Newman, M.T. 1949. The Sequence of Indian Physical Types in South America // *Papers on the Physical Anthropology of the American Indian* 21: 69–97. New York.
- Pestriakov, A.P., and O.M Grigoryeva. 2004. Kraniologicheskaia differentsiatsiia sovremennoogo naseleniia [The craniological differentiation of the contemporary population]. In: *Rasy i narody*, 30: 86–131. Moscow: Nauka.
- Pestryakov, A.P., and O.M Grigoryeva. 2011. Nekotorye dannye po kraniologii naseleniya Yaponskih ostrovov [Some data on the craniology of the population of the Japanese Islands]. *Vestnik antropologii. Nauchnyj al'manah* 20: 23–35.
- Pestryakov, A.P., and O.M Grigoryeva. 2013. Avstralijskie aborigeny na kraniologicheskom fone naseleniya YUzhnoj i YUgo-vostochnoj Azii i Zapadnoj Okeanii [Australian aborigines on the craniological background of the population of South and South-East Asia and Western Oceania]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Antropologiya*, XXIII, 2: 17–33. Moscow.
- Tidesley, M.L. 1921. A first Study of Burmese Skull. *Biometrika*. 13, 2/3 (Jul. 1921): 176–262.

© Н.В. Харламова, С. Дзини, Н.И. Халдеева, Н.В. Хохлов

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТОМКОВ ИТАЛЬЯНЦЕВ В КРЫМУ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Статья посвящена публикации одонтологических данных, дающих представление о физическом облике потомков итальянцев, переселившихся в Крым в XIX веке. Данные получены в ходе полевых выездов С. Дзини и Н.В. Хохлова в 2016–2019 годах в г. Керчь. Описание собранных зубных слепков проводилось по принятой в отечественной физической антропологии программе А.А. Зубова. Установлено, что одонтологические особенности итальянских мигрантов могут быть соотнесены с характеристиками западного одонтологического ствола с усилением отдельных «восточных» признаков: коленчатой складки метаконида, признаков одонтоглифики: 2 med III, 2 pa/pr 3, 1prd/1med. Особенности материала, его сбора и практическое отсутствие необходимых сравнительных данных не позволяют сделать конкретных выводов об истоках миграций. В то же время детально представленные особенности зубной морфологии «итальянцев Крыма» закладывают основу для дальнейшего изучения потомков переселенцев из Италии в Россию и для обсуждения вопросов биологической интеграции и ассимиляции по данным физической антропологии.

Ключевые слова: итальянцы Крыма, одонтология, физическая антропология, межэтнические браки

Ссылка при цитировании: Дзини С., Харламова Н.В., Халдеева Н.И., Хохлов Н.В. Одонтологические особенности потомков итальянцев в Крыму. Предварительные результаты // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 183–201.

Введение

Небольшая группа людей итальянского происхождения проживает сегодня в г. Керчь, а также в других городах Крымского полуострова. Так называемые «итальянцы Крыма», по разным оценкам порядка 150–200 человек (Джакетти-Бойко 2016, Дзини, Хохлов 2019: 54), являются потомками нескольких сотен жителей Апеннинского полуострова, приехавших в конце XVIII – начале XX вв. в города Черноморско-Азовского бассейна.

Харламова Наталья Владимировна – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: natasha_kharlamova@iea.ras.ru.

Дзини Стефания – стажер-исследователь Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: stefania.zini@yandex.ru

Халдеева Наталия Ивановна – ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: nathal40@mail.ru

Хохлов Никита Викторович – научный сотрудник Центра визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: ethno@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

Бедственное положение Европы, в том числе обусловленное беспощадной экспансией Наполеона Бонапарта, и миграционная политика Российской Империи способствовали переезду иностранцев в Россию. Еще Екатерина II, правившая Российской империей с 1762 по 1796 гг., твердо верила в то, что массовый прилив иностранных колонистов в Россию сможет существенно помочь Империи, ускоряя равномерное развитие всех ее территорий (*Писаревский* 2011).

В те годы Черноморский и Азовский регионы были особенно нуждающимися в умелой рабочей силе. Они окончательно стали частью Российской империи только в 1774 году с подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по итогу русско-турецкой войны, и с включением, в 1783 году, Крымского полуострова (т.е. Крымского ханства) в состав Российской империи. Стратегический план Екатерины Великой, также известный как «греческий проект», был нацелен на окончательную победу над мусульманскими османами и предвидел создание христианской империи со столицей в Константинополе (*Gardini et al.* 2003–2004).

Екатерина II сначала привлекла в Черноморско-Азовский регион колонистов Православного вероисповедания, предлагая им особые привилегии и безвозмездные земли, – русских из других территорий Империи, а также православных греков, болгар, армян, арнаутов. Впоследствии, мигранты с Апеннинского полуострова начали появляться в северном Причерноморье-Приазовье и на Крымском полуострове (*Брикнер* 1991).

В 2016–2019 гг. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, Н.В. Хохловым, С. Дзিনি, был собран уникальный материал в рамках комплексного историко-биодемографического, антропологического и генетического исследования потомков «итальянцев Крыма». Основные результаты обработки полученного массива данных с целью, в том числе, выяснения истоков миграций, были освещены в нескольких публикациях (*Дзিনি, Хохлов* 2019; *Vasilyev et al.* 2020; *Дзিনি и др.* 2020).

Работа с источниками, хранящимися в российских и итальянских архивах (Государственный архив Республики Крым, г. Симферополь; Государственный архив Саратовской области ГАСО – г. Саратов; Российский государственный военный архив РГВА г. Москва; Российский государственный архив древних актов РГАДА – г. Москва; Российская государственная библиотека – г. Москва; Центральный государственный архив – г. Санкт-Петербург; Государственный архив г. Генуя; Ватиканский секретный архив – г. Рим; личные архивы крымских итальянцев, Джулии Джаккетти-Бойко (г. Керчь) и Петра Пергало (г. Санкт-Петербург) и других представителей группы) позволила выявить с конца XVIII и до начала XX вв. три основных пути миграции итальянцев в города Черноморско-Азовского бассейна (*Дзিনি, Хохлов* 2019).

Первая миграция символически названа «одесской»: первые итальянские переселенцы обосновались в самом конце XVIII – первой половине XIX веков в возникшем в 1794 году г. Одесса. Начиная с 1810–1820, возникли новые миграционные маршруты так называемой второй волны: итальянские мигранты отправлялись на Восток в прибрежные города Крымского полуострова, преимущественно в Феодосию. Совокупность межрегиональных (из Одессы) и международных (из Италии) миграций итальянцев получила условное название «феодосийской миграции». Третья миграционная волна итальянцев в Черноморско-Азовский регион началась в 1820–1830-х годах и продолжалась до конца XIX века. Новый миграционный поток получил общее название «Керченско-азовской миграции».

В эти годы итальянские мигранты направлялись преимущественно в Керчь: кто-то на постоянное место жительства, но для большинства город был всего лишь временной остановкой на пути к другим портовым городам Приазовья. Испокон веков город Керчь был важнейшей стратегической точкой между Западом и Востоком: расположенный на одноименном проливе, соединяющем Черное и Азовское моря, город был единственным морским путем к крупным торговым городам Приазовья, таким как Таганрог, Мариуполь, Бердянск. Начиная со второй половины XIX в., эти прибрежные портовые города Азовского моря, также стали конечной точкой миграции итальянцев.

Контингент итальянских мигрантов частично состоял из деятелей культуры и искусства. Приезжие итальянские актеры, певцы, художники, архитекторы, родом как с севера, так и с юга Италии, привнесли в города Северного Причерноморья некий типичный итальянский стиль и дух. В то же время большинство итальянских мигрантов состояло из «людей моря». Шкипера, простые моряки, но больше всего, богатые судовладельцы и обеспеченные торговцы отправлялись из северных регионов Апеннинского полуострова (преимущественно из нынешних итальянских регионов Лигурии и Пьемонта) в далекие города Причерноморья и Приазовья с целью увеличить личное благосостояние. Присутствие среди мигрантов множества торговых агентов, банкиров, страховщиков, также, в основном, из Севера Италии, только подчеркивает и подтверждает сугубо коммерческий характер итальянских миграций в Черноморско-Азовский регион.

Так или иначе, в течение столетия: с конца XVIII и до конца XIX вв., десятки итальянцев мигрировали в Черноморско-Азовский регион. Помимо указанных миграций и параллельно с ними, по окончании второй Крымской войны (1853–1856), а точнее после возникновения Королевства Италии в 1861 г., регистрируется еще одна миграция итальянцев, длившаяся до конца XIX в.

Эти новые мигранты отправлялись в основном в Керчь и отличались от всех предыдущих итальянских переселенцев: среди них было много гарибальдийцев, протистившихся с родиной по политическим причинам, непосредственно зависящим от кардинальных исторических перемен, происходящих в Италии в те годы. В Керчи эти итальянские мигранты часто начинали заниматься торговлей и использовали образованные капиталы для того, чтобы воплощать в жизнь определенные политические программы.

После Октябрьской революции по политическим причинам из Италии мигрируют единицы. В это же время прослеживается движение итальянских мигрантов из других городов Крыма и Приазовья в Керчь, считавшийся единственным безопасным городом региона во время резни и террора, сопровождавших установление советской власти в Крыму (*Зарубин, Зарубин 2008: 272*).

В 30-х годах XX века усилилась борьба против врагов народа и действия по физической ликвидации иностранцев, в том числе итальянцев, ужесточились. В советские годы фиксируется общая убыль итальянцев. Ведь после становления и утверждения советской социально-политической системы возможность заниматься коммерцией и обогащаться была исчерпана также, как и смысл оставаться в миграции. По рассказам информантов, те, кто среди мигрантов сохранил итальянское гражданство, в эти годы вернулись в Италию. Те, кто остался, были отправлены на спецпоселение в Казахстан в 1942 году.

В конце Великой Отечественной войны некоторые итальянцы остались на местах спецпоселения или переехали в другие регионы Советского Союза. Другие нашли

возможность вернуться на родину, но многие, не имеющие родных и близких в Италии, вернулись в Крым, в основном в город Керчь, где до начала войны сосредоточилось большинство итальянских переселенцев (ПМА август 2016, январь 2017).

Сегодня, некоторые потомки этих итальянских мигрантов, продолжают жить в Крыму, в основном, как их предки в Керчи и составляют группу современных «итальянцев Крыма». Исследование биодемографических аспектов адаптации керченской диаспоры итальянцев показало высокую степень смешения и интеграции с иноэтническим окружением. Анализ параметров воспроизводства выявил «демографический

*Рис. 1. Итальянцы Крыма 1920-е. Из архивов «Итальянской ассоциации Черкио», основанной в 2008 г. Джулией Джаккетти. Черкио – старое название города при генуэзском правлении в XIII веке; сокращение названия «Сообщество потомков, эмигрировавших в Крым, итальянцев по происхождению» (от ит. *Comunita' degli Emigrati in Regione di Crimea – Italiani di Origine*); перевод с ит. *cerchio* – круг (Дзини, Хохлов 2019: 65).*

численностью 517 индивидов, дающая представление о морфологических особенностях зубов средневековых итальянцев IX–XV вв. (Coppa et al 2007: 923, 924), и описана она по системе ASUDAS (Turner et al. 1991, Coppa, Rubini 1996). В силу различных методических подходов к оценке признаков, лишь некоторые из них доступны для прямого сопоставления. Существующие коллекции, характеризующие современное население Италии, привлекают внимание антропологов, например, (Moggi-Cecchi et al. 1994), но, к сожалению, они мало связаны с классической морфологией.

Задачей одонтологического исследования потомков мигрантов из Италии является соотнесение их одонтологических особенностей с выделенными при исследовании современного населения одонтологическими типами для получения антропологической характеристики облика группы как части населения Крыма, а также попытка проследить истоки миграции. На данном этапе исследования получено детальное описание морфологии зубной системы.

переход от многодетности в семьях к малодетности», а также «выявил «урбанизированный, регулируемый характер воспроизводства суженного типа, сходный с особенностями репродукции в городах большой численности» (Дзини и др. 2020: 190).

Данное сообщение посвящено публикации одонтологических данных по потомкам переселившимся в Крым итальянцев.

Несмотря на существование более 400 одонтологических серий и индивидуальных находок, характеризующих население Италии с древних времен (Нижнего палеолита) до современности (личное сообщение Альфредо Коппа – А. Сорра), далеко не все из них были опубликованы. Публикации характеризуют в основном население, предшествовавшее формированию итальянцев (Coppa et al. 1998, 2007). По сути, авторам доступна лишь одна сборная серия

Материал и методы

Сбор одонтологических данных, представленных и анализированных в рамках настоящего исследования, был осуществлен в ходе экспедиций 2016–2019 гг. среди потомков итальянцев, проживающих на Крымском полуострове. Участники проходили анкетирование и подписывали добровольное согласие на участие в исследовании. В анкету входит раздел «сведения о предках», дающий представление о кровных родственниках по отцовской и материнской линии: до прабабушек и прадедушек (национальность по паспорту и по происхождению, место и дата рождения, основное место жительства).

Из общего количества обследованных в Крыму (101 человек – 59 женского и 42 мужского пола) в одонтологической программе принимали участие 31 взрослый – 22 женского пола, 9 мужского пола

(30,69% от общего количества участников исследования, 37,29% от женщин, 21,43% – от мужчин). Было также исследовано 3 детей женского пола 12–15 лет.

Возрастные характеристики собранной выборки: общий средний возраст – 37,41 год; возрастной диапазон преставителей женского пола 15–80 лет, средний возраст – 39,28 лет, мужского пола 19–80 лет и 37,22 года соответственно.

Невысокий процент фактических участников в одонтологической программе исследования является следствием двух обстоятельств: во-первых, слишком плохая сохранность или отсутствие зубов, вне зависимости от возраста участника исследования; во-вторых, отказ от участия: в частности, люди в возрасте объясняли нежелание обследоваться страхом, вызванным личными воспоминаниями или рассказами предков о пережитых угнетениях в годы террора при советской власти. Все исследуемые «итальянцы Крыма» в Италии (всего 10 человек: 5 женщин и 5 мужчин) отказались принять участие в одонтологическом исследовании, оценив применяемый метод как слишком инвазивную процедуру, ущемляющую личное пространство человека.

Сбор восковых слепков зубов осуществлялся по методу, разработанному А.А. Зубовым. В ходе работы с представителями изучаемой группы, были сняты негативные слепки структуры жевательной поверхности правого и левого ряда зубов нижней и верхней челюстей, а также отдельно лингвальной поверхности верхних резцов.

Описание и трактовка морфологических особенностей зубной системы основывалось на классической одонтологической методике, изложенной в работах А.А. Зубова и его коллег (Аксянова 2013; Зубов 1968, 1974; Зубов, Халдеева 1989, 1993; Гравере 1987). Оценка признаков осуществлялась только на слепках, что, как правило, завышает частоты резцов лопатообразной формы, лингвального сдвига латерального резца и уменьшает частоту бугорка Карабелли, особенно его небольших баллов.

Подбор сравнительного материала для изучения межгрупповой вариабельности признаков осуществлялся следующим образом. Согласно анкетам, среди предков участвовавших в одонтологическом обследовании женщин, помимо переселенцев из Италии, – выходцы из России, Украины, Грузии, Узбекистана, Армении, Финляндии,

Рис. 2. Полевой выезд в г. Керчь. Одонтологическое исследование (фото Н.В. Хохлова).

Рис. 3 Описание одонтологических особенностей по зубным слепкам (Фото Н.В. Хохлова).

Польши, Греции, а также караимы и татары. Аналогично у мужчин – выходцы из России, Украины, а также Германии. В связи с этим было проведено сравнение доступных частот одонтологических признаков у проживающих на указанных территориях с полученными в настоящем исследовании при помощи анализа соответствия (Correspondence analysis) в пакете программ STATISTICA. Анализ (аналог анализа главных компонент для качественных признаков) проводился по комплексу из восьми одонтологических

признаков высокой таксономической значимости, в скобках дается условное обозначение, используемое на рисунке 4а: лопатообразная форма (баллы 2+3) центральных резцов (shov), бугорок Карабелли (баллы 2–5) на первом верхнем моляре (sara), 4- и 6-бугорковые первые моляры (M1(4), M1(6)), 4-бугорковые вторые моляры (M2(4)), дистальный гребень тригонида (dte), коленчатая складка метаконида (dw), вариант II второй борозды метаконида (2med(II)). Несопоставимые по обозначенному комплексу данные: описанные в ASUDAS по средневековым итальянцам, без частот дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида по современным немцам Гамбурга) представлены в описании отдельных одонтологических признаков.

Результаты

Рассмотрим основные одонтологические характеристики, балловая оценка и категории которых представлены в таблице 1. Оценка признаков у потомков итальянцев в Крыму на фоне их мирового распределения среди современного населения позволит охарактеризовать одонтологический тип изученной группы. Поскольку различные исследователи применяют разные методики подсчета признаков, одонтологические данные приводятся «по сторонам»: по правой и левой стороне, а также в подсчете «на индивида» – альтернативные признаки считались присутствующим независимо от стороны, на которой проявились; балловые и одонтоглифические признаки подсчитывались по правой стороне, а в случае ее отсутствия – по левой. Подробное обоснование такой подачи материала сделала С.С. Тур в работе по населению андроновской культуры (Тур 2009: 228).

1. *Диастема (I¹-I¹)*, промежуток между коронками медиальных резцов более 1 мм, признак с пониженной таксономической ценностью, используемый для разграничения большого числа малых групп (Зубов, Халдеева 1993: 34), чаще фиксируемый в западных популяциях. Диастема встречается с невысокой частотой 6,5%, также невысока частота признака и у немцев Гамбурга – 8,6% (N=93).

2. *Поворот медиального верхнего резца (I¹) по Дальбергу*. Оценивается поворот I¹ вокруг своей оси, при котором дистальный край зуба поворачивается наружу (А – оба резца и В – один из резцов) или вовнутрь (D – оба резца или E – один из резцов). Крыловидная ротация (варианты А и В) чаще встречается в монголоидных группах (Dahlberg 1963: 156), максимальные частоты билатеральной крыловидной ротации –

ок. 50% у аборигенного населения Америки (Scott, Irish 2017: 15). В исследованной группе преобладает нормальное положение центральных резцов, вариант С (84,6%). Крыловидная ротация не встретилась ни разу.

Таблица 1
Одонтологическая характеристика «итальянцев Крыма» г. Керчь

Признаки	по правой стороне		по левой стороне		на индивида**		
	N (n)*	%	N (n)	%	N (n)	%	
Диастема I ¹ -I ¹					31 (2)	6,5	
Поворот I ¹ по Дальбергу	A				26(0)	0	
B					26(0)	0	
C					26(22)	84,6	
D					26(3)	11,5	
E					26(1)	3,8	
Краудинг I ¹ -I ²	31(3)	9,7	28(0)	0	32(3)	9,4	
Лопатообразная форма резцов I ¹ б. 0	29(13)	44,8	28(13)	46,4	30(12)	43,3	
б.1	29(16)	55,2	28(15)	53,6	30(17)	56,7	
б.2	29 (0)	0	28	0	30 (0)	0	
Лопатообразная форма резцов I ² б.0	29(11)	37,9	26(8)	30,8	29(9)	34,5	
б.1	29(16)	55,2	26(16)	61,5	29(19)	58,6	
б.2	29(2)	6,9	26(2)	7,7	29(2)	6,9	
Редукция I ²	б. 0 0	27(22)	81,5	26(21)	80,8	28(23)	82,1
б.1		27(5)	18,5	26(5)	19,2	28(5)	17,9
∑ б.2-3		27(0)	0	26(0)	0	28(0)	0
Форма M ¹ по Дальбергу	4	27(25)	92,6	26(25)	96,2	30(28)	93,3
4-		27(2)	7,4	26(1)	3,8	30(2)	6,7
Редукция гипоконуса	M ¹ (3+,3)	27(0)	0	26(0)	0	30(0)	0
Форма M ² по Дальбергу	4	24(11)	45,8	23(15)	62,5	31(17)	54,8
4-		24(5)	20,8	23(4)	16,7	31(6)	19,4
3		24(4)	16,7	23(2)	8,3	31(4)	12,9
3+		24(4)	16,7	23(2)	8,3	31(4)	12,9
Редукция гипоконуса	M ² (3+,3)	24(8)	33,3	23(4)	16,7	31(8)	25,8
Форма M ³ по Дальбергу	4	6(0)	0,0	5(1)	20,0	9(1)	11,1
4-		6(0)	0,0	5(0)	0,0	9(0)	0,0
3		6(3)	50,0	5(2)	40,0	9(5)	55,6
3+		6(3)	50,0	5(2)	40,0	9(3)	33,3
Редукция гипоконуса	M ³ (3+,3)	6(6)	100,0	5(4)	80,0	9(8)	88,9
Редукция метагонуса M ¹ 1		24(16)	66,7	23(21)	91,3	28(19)	67,9
2		24(8)	33,3	23(2)	8,7	28(9)	32,1

Таблица 1 (продолжение)

Признаки	по правой стороне		по левой стороне		на индивида**		
	N (n)*	%	N (n)	%	N (n)	%	
3	24(0)	0,0	23(0)	0,0	28(0)	0,0	
4	24(0)	0,0	23(0)	0,0	28(0)	0,0	
Средний балл редукции M ¹	1,33 (24)		1,09(23)		1,32 (28)		
Редукция метаконуса M ² 1	24(1)	4,2	18(2)	11,1	27(1)	3,7	
2	24(21)	87,5	18(13)	72,2	27(24)	88,9	
3	24(2)	8,3	18(3)	16,7	27(2)	7,4	
4	24(0)	0,0	18(0)	0,0	27(0)	0,0	
Средний балл редукции M ²	2,04 (24)		2,06(23)		2,04(27)		
Редукция метаконуса M ³ 1	5(0)	0,0	3(0)	0,0	6(0)	0,0	
2	5(0)	0,0	3(1)	33,3	6(1)	16,7	
3	5(4)	80,0	3(2)	66,7	6(4)	66,7	
4	5(1)	20,0	3(0)	0,0	6(1)	16,7	
Средний балл редукции M ³	3,20 (5)		2,67 (3)		3,00 (6)		
Средний балл редукции M ¹ - M ²	1,69		1,6		1,68		
Средний балл редукции M ¹ - M ³	2,19		1,94		2,12		
Пятый бугорок на M ¹	25(3)	12,0	22(2)	9,1	29(3)	10,3	
Пятый бугорок на M ²	21(5)	23,8	20(3)	15,0	17(3)	17,6	
Пятый бугорок на M ³	4(0)	0	3(0)	0	5(0)	0	
Бугорок Карабелли M¹	6.0	21(12)	57,1	25(19)	76,0	30(19)	63,3
6.1		21(6)	28,6	25(2)	8,0	30(5)	16,7
6.2		21(0)	0,0	25(0)	0,0	30(0)	0,0
6.3		21(1)	4,8	25(2)	8,0	30(1)	3,3
6.4		21(2)	9,5	25(1)	4,0	30(2)	6,7
6.5		21(0)	0,0	25(1)	4,0	30(1)	3,3
∑6.2–5		21(3)	14,3	25(4)	16,0	30(6)	13,3
Бугорок Карабелли M²	6.0	25(19)	76,0	23(18)	78,3	31(23)	74,2
6.1		25(5)	20,0	23(4)	17,4	31(7)	22,6
6.2		25(0)	0,0	23(1)	4,3	31(0)	0,0
6.3		25(1)	4,0	23(0)	0,0	31(1)	3,2
∑6.2–5		25(0)	4,0	23(1)	4,3	31(1)	3,2
Бугорок Карабелли M³	6.0	6(6)	100,0	5(4)	80,0	9(9)	100,0
6.1		6(0)	0,0	5(1)	20,0	9(0)	0
Дифференциация P₁	1	29(8)	27,6	23(7)	30,4	31(7)	22,6
2		29(12)	41,5	23(8)	34,8	31(13)	41,9
3		29(7)	24,1	23(7)	30,4	31(8)	25,8

Таблица 1 (продолжение)

Признаки	по правой стороне		по левой стороне		на индивида**		
	N (n)*	%	N (n)	%	N (n)	%	
4	29(1)	3,4	23(0)	0,0	31(1)	3,2	
5	29(1)	3,4	23(1)	4,3	31(2)	6,5	
баллы 1+2	29(20)	69,1	23(15)	65,2	31(19)	51,3	
Дифференциация P ₂	1	27(1)	3,7	24(0)	0,0	30(1)	3,3
2	27(1)	3,7	24(0)	0,0	30(1)	3,3	
3	27(3)	11,1	24(2)	8,3	30(4)	13,3	
4	27(10)	37,0	24(10)	41,7	30(9)	30,0	
5	27(11)	40,7	24(11)	45,8	30(14)	46,7	
6	27(1)	3,7	24(1)	4,2	30(1)	3,3	
баллы 1-3	27(5)	18,5	24(2)	8,3	30(3)	19,9	
Форма M ₁	4	20(3)	15,0	23(3)	13,0	25(3)	12,0
5	20(17)	85,0	23(20)	87,0	25(22)	88,0	
Форма M ₂	4	21(18)	85,7	20(16)	80,0	29(23)	79,3
5	21(3)	14,3	20(4)	20,0	29(6)	20,7	
Форма M ₃	4	4(3)	75,0	2(1)	–	5(3)	60,0
5	4(1)	25,0	2(1)	–	5(2)	40,0	
Узор M ₁	Y	11(9)	81,8	13(8)	61,5	16(11)	68,8
X		11(1)	9,1	13(3)	23,1	16(3)	18,8
+		11(1)	9,1	13(2)	15,4	16(2)	12,5
Узор M ₂	Y	14(3)	21,4	10(3)	30,0	17(4)	23,5
X		14(10)	71,4	10(5)	50,0	17(11)	64,7
+		14(1)	7,1	10(2)	20,0	17(2)	11,8
Узор M ₃	Y	4(1)	25,0	1(1)	–	5(2)	40,0
X		4(2)	50,0	1(0)	–	5(2)	40,0
+		4(1)	25,0	1(0)	–	5(1)	20,0
Дистальный гребень тригонид M ₁		20(0)	0	19(2)	10,5	23(0)	0
M ₂		23(0)	0	19(0)	0	28(0)	0
M ₃		4(0)	0	2(0)	0	6(0)	0
Коленчатая складка метаконид M ₁		17(4)	23,5	18(2)	11,1	23(4)	17,4
M ₂		22(1)	4,5	19(2)	10,5	27(1)	3,7
M ₃		1(0)	0	5(0)	0	6(0)	0
Эпикристин M ₁		19(1)	5,3	16(0)	0	22(1)	4,5
M ₂		24(0)	0	19(0)	0	29(0)	0
M ₃		5(0)	0	2(0)	0	7(0)	0
Tam ₁ M ₁		23(0)	0	24(0)	0	26(0)	0

Таблица 1 (продолжение)

Признаки		по правой стороне		по левой стороне		на индивида**	
		N (n)*	%	N (n)	%	N (n)	%
M ₂		27(0)	0	25(0)	0	29(0)	0
M ₃		5(0)	0	5(0)	0	6(0)	0
Форма 1ра(ео) на M ¹	1	15(2)	13,3	16(6)	37,5	18(5)	27,8
	2	15(12)	80,0	16(9)	56,3	18(12)	66,7
	3	15(1)	6,7	16(1)	6,3	18(1)	5,6
Форма 1ра(ео) на M ²	1	15(3)	20,0	18(8)	44,4	23(6)	26,1
	2	15(12)	80,0	18(9)	50,0	23(17)	73,9
	3	15(0)	0,0	18(1)	5,6	23(0)	0
Форма 1ра(ео) на M ³	1	1(0)	0,0	2(0)	0,0	2(0)	0
	2	1(1)	100,0	2(2)	100,0	2(2)	100,0
	3	1(0)	0,0	2(0)	0,0	2(0)	0,0
Тип 2ра/рг M ¹	3	8(4)	50,0	12(8)	66,7	15(9)	60,0
	2	8(1)	12,5	12(2)	16,7	15(2)	13,3
	1	8(3)	37,5	12(2)	16,7	15(4)	26,7
Тип 2ра/рг M ²	3	10(6)	60,0	13(10)	76,9	17(12)	70,6
	2	10(0)	0	13(0)	0,0	17(0)	0
	1	10(4)	40,0	13(3)	23,1	17(5)	29,4
Вариант 2med на M ₁	II	14(3)	21,4	15(8)	53,3	20(6)	30,0
	III	14(8)	57,1	15(6)	40,0	20(10)	50,0
	fc	14(3)	21,4	15(1)	6,7	20(4)	20
Вариант 2med на M ₂	II	15(9)	60,0	15(10)	66,7	21(4)	66,7
	III	15(6)	40,0	15(4)	26,7	21(6)	28,6
	fc	15(0)	0	15(1)	6,7	21,1	4,8
Вариант 2med на M ₃	II	3(2)	66,7	0	0	3(2)	66,7
	III	3(0)	0	0	0	3(0)	0
	fc	3(1)	33,3	0	0	3(1)	33,3
Вариант 1 med/1prd M ₁	3	13(5)	38,5	11(4)	36,4	18(5)	27,8
	2	13(5)	38,5	11(4)	36,4	18(6)	33,3
	1	13(3)	23,0	11(3)	27,3 ,1	18(7)	38,9
Вариант 1 med/1prd M ₂	3	15(7)	46,6	14(3)	21,4	19(4)	21,1
	2	15(4)	26,7	14(7)	50,0	19(7)	36,8
	1	15(4)	26,7	14(4)	28,6	19(8)	42,1
Вариант 1 med/1prd M ₃	3	2(1)	50,0	2(0)	0	4(1)	25,0
	2	2(0)	0	2(2)	100,0	4(2)	50

Таблица 1 (продолжение)

Признаки	по правой стороне		по левой стороне		на индивида**	
	N (n)*	%	N (n)	%	N (n)	%
1	2(1)	50,0	2(0)	0	4(1)	25

*Примечание: N – количество всех наблюдений, n – количество индивидов с данным признаком; жирным выделены признаки, входящие в характеристику одонтологического типа. 3. Краудинг – лингвальный сдвиг верхнего латерального резца (I²). Признак обладает значительным локальным размахом, хотя и обнаруживает возрастающий градиент «запад-восток» (Зубов, Халдеева 1993: 31). Этот вид краудинга обнаружен у трех человек только справа, частоту 9,4% можно охарактеризовать как невысокую (размах 0 – 50%), характерную для европеоидных популяций. У современных немцев такой сдвиг резца встретился со средней для западных популяций частотой – 20,4% (N=93).

4. Высокие частоты следующего признака – *лопатообразной формы верхних резцов* – маркируют популяции восточного одонтологического ствола. Низкие, соответственно, западный одонтологический ствол, включая представителей средневропейского одонтологического типа, распространенного у южных русских, в том числе Белгородской области (Вацаева 1977: 141–142). Центральные верхние резцы лопатообразной формы (б.2-3) в изученной группе, как и у современных немцев, и украинцев Емилчинского и Хотинского районов Украины (Сегеда 1979), отсутствуют, а латеральные (только б.2) встречаются с невысокой частотой (6,5%), у средневековых итальянцев частота признака 3,5 (N=85) и 8,9 (N=101) соответственно.

5. Редукция верхнего латерального резца (баллы 2+3), резцы колышковидной формы у итальянцев Крыма не встретились, в то же время редукция резцов выражена умеренно: балл 1 – 17,2 %. Немцы Гамбурга демонстрируют более высокий уровень редукции латерального резцы: сумма баллов 2 и 3 – 7,3%, (N=69).

6. Редукция гипоконуса на втором верхнем моляре по Дальбергу (M² 3; 3+). Есть тенденция рассматривать не выраженную редукцию (низкие частоты редуцированных форм моляров) как архаичную особенность. Признак информативен при изучении территориальных близких групп, размах частот 0-95%. Потомки итальянцев в Крыму демонстрируют низкий уровень редукции вторых верхних моляров – 25,8%, в отличие от современных немцев – 57% (N=86).

7. Редукция метаконуса верхних моляров M¹ и M². По наблюдениям Дальберга, народы Средиземноморья имеют значительную редукцию метаконуса. При оценке редукции по четырехбалльной шкале и подсчете среднего балла, самый высокий (свыше 2,5) оказывается у южных европеоидов. В изучаемой группе признак имеет приближающееся к высоким значение – 2,12, при подсчете среднего балла для трех моляров.

8. Дистальный маргинальный бугорок, пятый бугорок на верхних молярах. Отмечалось наличие безотносительно степени развития. Имеющиеся данные указывают на максимальные частоты признака и его максимальное развитие в европеоидных группах (70%), минимальные – в монголоидных. Признак встретился у «итальянцев» Крыма с невысокой частотой – 13,3% на верхних первых молярах и 21,4% на вторых, на третьих зафиксирован не был.

9. Бугорок Карабелли на первом верхнем моляре (баллы 2–5). Признак преобладает у северных европеоидов; встречаемость бугорка к востоку и югу в Евразии понижается, у южных европеоидов иногда сравнивается с частотами метисных и

монголоидных популяций. Бугорок Карабелли также служит для разграничения локальных групп, размах порядка 0-60%. В изучаемой группе встречаемость – 13,3%, пониженная по европеоидному масштабу и гораздо ниже частоты признака у средневековых итальянцев – 38,3% (N=175) и современных немцев Гамбурга – 45,45% (N=40). Самыми близкими из привлекаемых в статистический анализ групп по этому показателю оказываются русские воронежской области (24,5%, N=102).

10. *Дифференциация нижних премоляров* оценивалась по 7-ми бальной шкале. Процент «канинизированных» нижних премоляров, связываемых с европеоидными группами, в группе потомков переселенцев из Италии существенно понижен по европеоидному масштабу для первого нижнего премоляра: сумма типов 1 и 2 – 51,3%, при этом сумма типов 1–3 для второго – 19,9 %, входит в размах вариаций (5–35), характерных, как правило, для популяций западного одонтологического ствола (Зубов, Халдеева 1993: 128). Для немцев Гамбурга сумму типов 1 и 2 для первого премоляра представляется возможным оценить через процент (96,51%) простых типов их борозд (U и H), которые отражают тенденции к редукции, в отличие от «сложного» Y узора (по-видимому, соответствующему баллам 3 и выше по системе А.А. Зубова). Оценить сумму типов 1–3 для второго премоляра этой группы не представляется возможным в силу оценки дифференциации премоляров не по балловой, а указанной описательной шкале.

11. *Число и взаимное расположение бугорков нижних моляров (по Хелльману)*. Анализируется встречаемость трех-, четырех-, пяти- и шестибугорковых моляров, а также рисунок контакта бугорков: Y, X и возникший позже всех в ходе эволюции зубной системы человека.

Дифференцированные шестибугорковые первые и вторые нижние моляры являются наравне с лопатообразной формой лингвальной поверхности верхних резцов маркером восточного одонтологического ствола. В изучаемой выборке зафиксированы не были, у современных немцев 2,33% первых шестибугорковых моляров (N=86). Частота редуцированных первых четырехбугорковых моляров (12%) находится в рамках размаха значений для европеоидных популяций (0–35%), а также в зоне трансгрессии с значениями признака для монголоидных популяций, вторых – 79,3%, немного понижена по европеоидному масштабу (75–95%). Средневековые итальянцы оказываются более грацильными по частоте вторых четырехбугорковых моляров (86,9 %, N=176), еще более грацильны по этому признаку немцы Гамбурга – 94,3%. Оценка таксономической значимости узоров нижних моляров затруднительна. Считается, что X узор чаще встречается у европеоидов, но на юге убывает. Узор Y встречается у изученных «итальянцев Крыма» с частотой 68,8% на первом, 23,5% на втором и 40% на третьем нижнем моляре. В серии средневековых итальянцев значения признака равны 77,3% (N=172), 23,3% (N=193) и 23,4% (N=124) соответственно. В изученной группе не встретились трехбугорковые нижние моляры.

12. *Дистальный гребень тригониды* – один из маркеров восточного одонтологического ствола, редок у европеоидов, но отличает южный грацильный тип от северного грацильного, для которого характерна коленчатая складка метаконида. Признак встретился два раза с левой стороны. Высокий по европеоидному масштабу процент признака (10,5 %) керченских метисов попадает на условную границу европеоидных (0-10%) и монголоидных (больше 10%) групп. При подсчете «на индивида» по правому квадранту нижней челюсти, встречаемость признака соответствует европеоидной – 4,4%.

13. *Коленчатая складка метаконида* – один из ключевых маркеров восточного одонтологического ствола. Его повышения по европеоидному масштабу встречаются у представителей северного-грацильного одонтологического типа, у ряда финно-угорских народов. В изучаемой группе признак зафиксирован с повышенной для европеоидов частотой 17,4%, как правило, характеризующей метисные по происхождению популяции. Схожие частоты можно встретить среди финнов Волго-Камья, казахов, киргизов, узбеков, туркмен, таджиков, татар (Зубов, Халдеева 1989: 109–111).

14. *Эпикристинд или ложный дистальный гребень* – гребень, соединяющий метаконид и протоконид, расположен мезиальной по отношению к дистальному гребню. Имеет узлокальное значение, редок у европеоидов, за исключением южных, повышен в африканских популяциях. Встречаются в изучаемой группе один раз (4,5%).

15. *TAMI* – внутренний средний дополнительный бугорок на нижних молярах или седьмой бугорок. Мировая изменчивость 0–45% не имеет четкой связи с восточным и западным одонтологическими стволами, часто встречается в африканских популяциях. В группе исследованных не встретился, у средневековых итальянцев *tami* на первом нижнем моляре фиксируется в 5,6% (N=213) случаев.

Одонтоглифические признаки.

16. *Форма первой борозды параконуса Ipa(eo)* описывается тремя вариантами, вариант 3 является четким феном-маркером восточной ориентации. Потомки итальянцев демонстрирует по этим признакам типично «западную» картину: *Ipa1* – 35,7%, *1 pa3* – 7,1%, интересно, что у современных немцев распределение типов более «восточное»: *Ipa1* – 29,0%, *1 pa3* – 24,7% (N=69).

17. Существует три типа соотношения точек *впадения вторых борозд параконуса и протоконуса в межбугорковую фиссуру II*, на первом верхнем моляре вариант 3 чаще встречается в восточных популяциях, 1 – в западных. Вариант 3 встретился чаще как на первых (60,0%), так и на вторых (70,6%) нижних молярах.

18. *Ход второй борозды метаконида (2 med)*. Вариант 2 med II, при котором борозда впадает во II межбугорковую фиссуру нижнего моляра связывается с европеоидным населением, в особенности с представителями грацильных одонтологических типов (Аксянова 2013: 96). Впадение в фиссуру III, вариант 2 med III, является признаком «восточной» ориентации: особенно часто встречается в монголоидных популяциях, хотя и в других группах встречается нередко. С правой стороны на первом моляре преобладает «восточный» вариант 2 med – наблюдается 57,1% варианта 2 med III, слева – «западный»: 2 med II 53,3%, подсчет «на индивида» дает 30% 2 med II и 50% 2med III. У современных немцев Гамбурга уровень 2 med II – 24%, 2 med III 20% (N=50).

19. *Тип 3 соотношения борозд Iprd и Imed*, на первом нижнем моляре соотношение бугорковых борозд протокониды и метаконида, представленное тремя вариантами дает четкую таксономическую картину: варианты 1 и 2 связаны с европеоидами, вариант 3 – с монголоидами (до 50%). Последний вариант встречается у потомков итальянских переселенцев с частотой 27,8%, отражая усиление «восточных» одонтоглифических особенностей.

Приведенные одонтологические особенности и их предварительный анализ позволяют отнести изученную группу к представителям западного одонтологического ствола и отметить «уклоняющиеся» в «восточном» направлении признаки: коленчатая складка метаконида, одонтоглифические маркеры: 2 med III, 2 pa/pr 3, 1prd/1med.

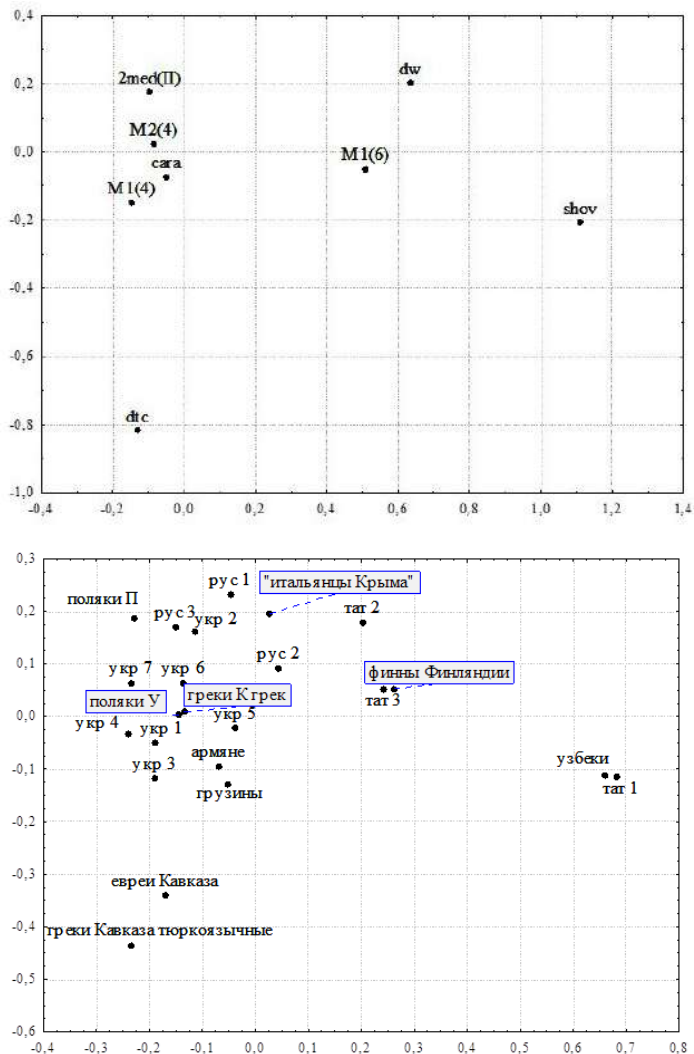

Рис. 4а, 4б. Результаты анализа соответствия 21 серии по 8 одонтологическим признакам в пространстве двух измерений (55,5% и 18,47% инерции). Условные обозначения: «итальянцы Крыма» - потомки переселенцев из Италии, проживающие в г. Керчь; серии русских южных областей России (Вацаева 1977), рус 1 – Воронежской, рус 2 – Ростовской, рус 3 – Белгородской; население Украины (Сегеда 1979) украинцы Киевской области: укр 1 – Обуховского р-на, укр 2 – села Половецкие; укр 3 – Репкинский р-н Черниговской области, укр 4 – Емильчинский р-н Житомирской области, укр 5 – Калиновский р-н Винницкой области, укр 6 – Гоцанский р-н Ровенской области, укр 7 – Хотинский р-н Черновицкой области, поляки У – Мостиский р-н Львовской области; поляки П – поляки Польши (Касзmarek 1981 по Зубов, Халдеева 1989); население Кавказа (Вацаева 2006): армяне – суммарная выборка, грузины – суммарная выборка, греки К грек – греки Кавказа грекоязычные, Тетрицкарыйский район, с. Патара-Ирага, греки Кавказа тюркоязычные - Тетрицкарыйский район, с. Цинцаро, евреи Кавказа – г. Дербент, с. Нюгди Дербентского района; волго-уральские (казанские татары Татарстана): тат 1 – села Шали Пестричинского района (Рыкушина 2000), по Аксянова, Харламова 2013: тат 2 – Елабужский р-н, тат 3 – Арский р-н; узбеки – суммарная выборка (Зубов, Халдеева 1989), финны Финляндии – суммарная выборка (Зубов, Халдеева 1989).

При сопоставлении по ключевым одонтологическим характеристикам потомков итальянцев в Крыму с выборками представителей современных народов был применен многомерный статистический метод – анализ соответствия. В сравнение привлекались 22 группы, указанные в подписи к рисунку 4. Из них 16 – локальные выборки украинцев и поляков Украины, евреев и греков Кавказа, татар Татарстана и русских, пять – суммарные выборки поляков Польши, финнов Финляндии, армян, грузин, узбеков. Нагрузки на признаки (рис. 4 а) указывают, что по оси X (50,36% общей вариабельности или инерции) идет дифференциация с запада на восток за счет увеличения в первую очередь лопатообразной формы верхних центральных резцов, по Y (18,90% общей вариабельности) расположение групп определяется восточными маркерами: повышением частот коленчатой складки метаконида и понижением дистального гребня тригониды.

В рамках сравниваемых групп «итальянцы Крыма» сближаются с русскими и украинцами за счет отсутствия и низких частот «восточных» признаков (шестибугорковых первых моляров, верхних первых резцов лопатообразной формы), низких значений частот бугорка Карабелли, средних частот 2med(II) и дистального гребня тригониды. С татарами – за счет средних частот четырехбугорковых вторых нижних моляров и повышенной частоты коленчатой складки метаконида (рис. 4 б).

Заключение

Одонтологическая характеристика «итальянцев Крыма» – единственные данные о морфологии зубной системы современного населения Крыма в антропологическом аспекте. Представленные одонтологические данные позволяют вписать потомков итальянских мигрантов в круг форм западного одонтологического ствола с несколько повышенными частотами «восточных» признаков (коленчатая складка метаконида, признаки одонтоглифики) и, в целом, с умеренной грацилизацией.

Обследованная группа потомков итальянцев в одонтологическом отношении характеризуется отсутствием маркеров восточного одонтологического ствола: центральных верхних резцов лопатообразной формы, первых нижних шестибугорковых моляров, а также отсутствием tam_1 , трехбугорковых нижних моляров, низкими частотами латеральных верхних резцов лопатообразной формы, бугорка Карабелли, «+» узора, пониженными по европеоидному масштабу частотой вторых нижних четырехбугорковых моляров и 2med (II), средней частотой дистального гребня тригониды и повышенной частотой коленчатой складки метаконида в рамках западного одонтологического ствола.

Редукция верхних резцов выражена умеренно, уровень редукции верхних моляров по гипоконусу – низкий, по метаконусу – средний, приближающийся к высокому. Редукция нижних моляров – количество четырехбугорковых первых и вторых моляров выражена умеренно.

По комплексу признаков потомки итальянцев сближаются с современными русскими южных областей, украинцами и казанскими татарами Арского района Татарстана. По отдельным признакам со средневековыми итальянцами исследованную выборку объединяет низкий уровень лопатообразных резцов, в то же время средневековые итальянцы оказываются более грацильными по частоте вторых четырехбугорковых моляро и имеют более высокие частоты бугорка Карабелли, тем самым демонстрируя более «европеоидные» частоты признаков, отличаясь также наличием tam_1 .

Специфика представленных материалов и отсутствие сравнительных данных непосредственно с территориями Крыма и конкретных регионов Италии не позволяют на данном этапе исследования решать задачу истоков миграции итальянцев в Россию.

Дальнейшее исследование одонтологических особенностей потомков итальянцев в России с целью подтвердить или опровергнуть гипотезу о преимущественно северных областях Италии как родине переселенцев в Крым, базирующуюся на исторических источниках (Дзини, Хохлов 2019, *Vasilyev et al.* 2020), будет включать увеличение числа используемых в межгрупповом сравнении признаков (визуальную оценку лопатообразной формы верхних резцов и бугорка Карабелли, увеличение количества одонтоглифических признаков и маркеров «архаики») и расширение сравнительного фона: описание имеющихся слепков по системе ASUDAS, изучение скелетных коллекций, представляющих близкое к современности население Италии и Крыма, например (*Carrara et al.* 2018), кроме того, планируется сбор новых данных среди заведомо неоднородного в антропологическом отношении населения Крыма.

Научная литература

- Аксянова Г.А. Одонтоглифическое направление в зубной антропологии // Вестник Антропологии, 2013. № 4 (26). С. 88–106.
- Аксянова Г. А., Харламова Н. В. Одонтология современных татар и крымских татар Среднего Поволжья // Вестник антропологии, 2013. № 4 (26). С. 144–165.
- Брикнер А. Г. История Екатерины II. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885 // Репринтное воспроизведение издания А.С. Суворина 1885 г. Т. I–II. М.: Современник, Товарищество русских художников, 1991.
- Вацаева В.Ф. Одонтологическая характеристика русских центральных, южных и северных областей европейской части РСФСР // Вопросы антропологии, 1977. № 57. С. 133–143.
- Гравере Р.У. Этническая одонтология латышей. Рига: Зинатне, 1987.
- Джаскетти-Бойко Дж. Е. Итальянцы Крыма. История и судьбы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016.
- Дзини С., Спицына Н.Х., Хохлов Н.В. Биодемографические аспекты адаптации керченской диаспоры итальянцев // Вестник Антропологии, 2020. № 2 (50). С. 176–192.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтикВА, 2008.
- Зарубин, А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму / 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: АнтикВА, 2008.
- Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории (ред.). Расогенетические процессы в этнической истории: Сборник памяти Г.Ф. Дебеца / под ред. И.М. Золотаревой. М.: Наука, 1974. С. 11–42.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропогенетике. М.: Наука, 1993.
- Кашибадзе В. Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов на Дону: ЮНЦ, 2006.
- Писаревский Г. Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России. М.: ЗАО МСНК-пресс, 2011. С. 97–106.
- Писаревский Г.Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации. Москва: ЗАО «МСНК-пресс», 2011.
- Полевой материал экспедиции Дзини С., Хохлова Н.В. в Республику Крым, г. Керчь. Основной источник информации: биодемографический и социальный опрос, антропологические исследования, проведенные среди итальянцев Крыма. Август, 2016.
- Полевой материал экспедиции Дзини С., Хохлова Н.В. в Республику Крым, г. Керчь, Феодо-

- сия, Ялта, Севастополь, Симферополь. Основной источник информации: биодемографический и социальный опрос, антропологические исследования, проведенные среди итальянцев Крыма. Январь, 2017.
- Рыкушина Г. В.* Современное население среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // Антропология современных финно-угорских народов / под ред. Зубова А.А. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 100–137.
- Cegeda С.П.* Украинцы // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 32–46.
- Тур С.С.* Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №. 4–2. С. 228–236.
- Carrara N., Scaggion C., Holland E.* The Tedeschi collection: A collection of documented and undocumented human skeletal remains at the Museum of Anthropology, Padua University (Italy) // American journal of physical anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists, 2018. Vol. 166. № 4. Pp. 930–933.
- Coppa A., Cucina A., Mancinelli D., Vargiu R., Calcagno J. M.* Dental anthropology of Central-Southern, Iron Age Italy: The evidence of metric versus nonmetric traits // American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists, 1998. Vol. 107. № 4. Pp. 371–386.
- Coppa A., Cucina A., Lucci M., Mancinelli D., & Vargiu R.* Origins and spread of agriculture in Italy: a nonmetric dental analysis // American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists, 2007. Vol. 133. № 3. С. 918–930.
- Coppa A., Rubini M.* Per la conoscenza del patrimonio biologico umano: scheletro e denti: atlante di caratteri discontinui. Roma: Soprintendenza per i beni archeologici del Lazio, 1996.
- Dahlberg A. A.* Analysis of the American Indian dentition // Dental anthropology. Vol. V. Society for the Study of Human Biology. D.R. Brothwell (ed.). New York: Pergamon Press, 1963. Pp. 149–177.
- Gardini S., Sinigaglia R., Rebori G.* I Contatti Commerciali tra Genova e il Mar Nero nella Metà del XIX Secolo. Genova: Università degli Studi di Genova. Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia. 2003–2004.
- Kaczmarek M.* Studies on Dental Morphology of a Modern Polish Population // Przegląd Antropologiczny. 1981. Vol. 47. Pp. 63–82.
- Moggi-Cecchi J., Pacciani E., Pinto-Cisternas J.* Enamel hypoplasia and age at weaning in 19th – century Florence, Italy // American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists, 1994. Vol. 93. № 3. Pp. 299–306.
- Scott G. R., Irish J. D.* Human tooth crown and root morphology. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Turner C.G. II, Nichol C.R, Scott G.R.* Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in dental anthropology / Kelley M.A., Larsen C.S. (eds.). New York: Wiley-Liss, 1991. Pp. 13–31.
- Vasilyev S., Zini S., Khokhlov N.* The impact of small migrant flows. An historical example // International Journal of Anthropology. 2020. Vol. 35. № 1–2 (57–92).
- Żądzińska E., Frenzel D., Malinowski A.* 1999. Odontological analysis of contemporary Germans from Hamburg // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Bd. 82, H. 3/4. Pp. 225–240.

Kharlamova Natalia V., Stefania Zini., Natalia I. Khaldeeva, and Nikita V. Khokhlov

Non-metric dental traits of the descendants of Italians in Crimea: a preliminary study

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/183-201

The article is devoted to the dental morphology of the so-called “Italians of Crimea”. They represent a group of descendants of Italian migrants, who moved to the Black Sea and Sea of Azov regions, to the Crimean peninsula in particular, in the 19th and the beginning of the 20th centuries. The data were collected in the city of Kerch, during field works conducted by S. Zini and N.V. Khokhlov in 2016–2019. The dental wax casts were described according to the A.A. Zubov system. The expression of dental non-metric traits falls into the variation

of the Caucasoid (Western) dental complex with some traits that are more frequent among Mongoloid populations: deflecting wrinkle, odontoglyphic patterns – 2 med III, 2 pa/pr 3, 1prd/1med. The specificity of the collected material and the actual absence of comparative data do not allow us to draw any particular conclusions about the exact origins of the migration flows and ancestors of the modern Italians of Crimea. At the same time, the detailed data on the dental morphology of the Italians of Crimea facilitate further studies of the descendants of the Italians who migrated to Russia, provide material to discuss issues related to biological integration and assimilation based on physical anthropology data.

Key words: *Italians of Crimea, non-metric dental traits, physical anthropology, inter-ethnic marriage*

For Citation: Kharlamova N.V, Zini Stefania,, Khaldeeva N.I., Khokhlov N.V. Non-metric dental traits of the descendants of Italians in Crimea: a preliminary study. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 183–201

* **Kharlamova Natalia V.** – PhD in hist, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: natasha_kharlamova@iea.ras.ru.

Zini Stefania– Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: stefania.zini@yandex.ru

Khaldeeva Natalia I. – Doctor of hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nathal40@mail.ru

Khokhlov Nikita V. – Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: ethno@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”.

References

- Aksianova, G.A., and N.V. Kharlamova. 2013. Odontologiya sovremennykh tatar i kriashen Srednego Povolzh'ia. [Odontology of the Modern Tatars and the Kryashens of the Middle Volga region]. *Vestnik antropologii* 4 (26): 144–165.
- Aksianova, G.A. 2013. Odontoglyphicheskoe napravlenie v zubnoi antropologii. [Odontoglyphic branch of dental anthropology]. *Vestnik antropologii* 4 (26): 88–106.
- Brikner, A.G. 1885. *Istoriia Ekateriny II*. [The History of Ekaterina II] St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 1885. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniia A.S. Suvorina 1885. 1991. Vol. I-II. Moscow: Sovremennik, Tovarishchestvo russkikh khudozhnikov.
- Carrara, N., C. Scaggion, and E. Holland. 2018. The Tedeschi collection: A collection of documented and undocumented human skeletal remains at the Museum of Anthropology, Padua University (Italy). *American journal of physical anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists* 166 (4): 930–933.
- Coppa, A., A. Cucina, D. Mancinelli, R. Vargiu, and J.M. Calcagno. 1998. Dental anthropology of Central-Southern, Iron Age Italy: The evidence of metric versus nonmetric traits. *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists* 107 (4): 371–386.
- Coppa, A., A. Cucina, M. Lucci, D. Mancinelli, and R. Vargiu. 2007. Origins and spread of agriculture in Italy: a nonmetric dental analysis. *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists* 133 (3): 918–930.
- Coppa, A., and M. Rubini. 1996. *Per la conoscenza del patrimonio biologico umano: scheletro e denti. Atlante di caratteri discontinui*. [For the knowledge of the human biological heritage: the skeleton and the teeth. An atlas of the discontinuous traits] Roma: Soprintendenza per i beni archeologici del Lazio.
- Dahlberg, A. A. 1963. Analysis of the American Indian dentition. *Dental anthropology. Society for*

- the Study of Human Biology*, edited by D.R. Brothwell, V: 149–177. New York: Pergamon Press.
- Gardini, S., R. Sinigaglia, and G. Rebori. 2003–2004. I Contatti Commerciali tra Genova e il Mar Nero nella Metà del XIX Secolo. Genova: Università degli Studi di Genova. Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia
- Giachetti-Bojko, Dzh.E. 2016. *Ital'yantsy Kryma. Istoriya i sud'by*. [The Italians of Crimea. Their History and Stories]. Simferopol: Biznes-Inform.
- Gravere, R.U. *Etnicheskaya odontologiya latyshei* [Ethnic Odontology of Latvians]. Riga: Zinatne, 1987.
- Kaczmarek, M. 1981. Studies on Dental Morphology of a Modern Polish Population. *Przeegląd Antropologiczny* 47: 63–82.
- Kashibadze, V.F. 2006. *Kavkaz v antropoistoricheskom prostranstve Evrazii*. [The Caucasus in the Anthropohistorical Area of Eurasia]. Rostov na Donu: IuNTs.
- Moggi-Cecchi, J., Pacciani, E., Pinto Cisternas, J. 1994. Enamel hypoplasia and age at weaning in 19th century Florence, Italy. *American Journal of Physical Anthropology: The Official Publication of the American Association of Physical Anthropologists* 93 (3): 299–306.
- Pisarevskii, G. G. 2011. *Izbrannye proizvedeniia po istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii* [Selected Works on the History of Foreign Colonization of Russia] Moscow: ZAO MSNK-press.
- Rykushina, G. V. 2000. Sovremennoe naselenie srednego Povolzh'ia i Viatsko-Kamskogo mezhdurech'ia po dannym odontologii. [The Modern Population of the Middle Volga Region and the Vyatka-Kama Interfluve, According to Odontology]. In *Antropologiya sovremennykh finno-ugorskikh narodov*, edited by A.A. Zubov, 100–137. Moscow: IEA RAN.
- Scott, G. R., and J. D. Irish. 2017. *Human tooth crown and root morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Segeda, S.P. 1979. Ukraintsy [Ukrains]. In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], 32–46. Moscow: Nauka.
- Tur, S.S. 2009. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniia andronovskoi kul'tury Altaia [Odontological characteristics of the population of the Andronov culture in Altai]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* 4–2: 228–236.
- Turner, C.G. II, C.R. Nichol, and G.R. Scott. 1991. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. In *Advances in dental anthropology*, edited by M.A. Kelley, C.S. Larsen, 13–31. New York: Wiley-Liss.
- Vashchaeva, V.F. 1977. Odontologicheskaya kharakteristika russkikh tsentral'nykh, iuzhnykh i severnykh oblastei evropeiskoi chasti RSFSR [Odontological characteristics of the Russian central, southern and northern regions of the European part of the RSFSR]. *Voprosy antropologii* 57: 133–143.
- Vasilyev, S., S. Zini, N. and Khokhlov. 2020. The impact of small migrant flows. An historical example. *International Journal of Anthropology* 35 (1–2): 57–92.
- Żądzińska E., D. Frenzel, and A. Malinowski. 1999. Odontological analysis of contemporary Germans from Hamburg. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie* 82: 225–240.
- Zarubin, A. G., and V. G. Zarubin. 2008. *Bez pobeditelei: Iz istorii Grazhdanskoi voyny v Krymu* [Without Winners: From the History of the Crimean War] 2-e izdanie ispravlennoe i dopolnennoe. Simferopol: AntikVA.
- Zini, S., Spitsyna. N.Kh., Khokhlov, N.V. 2020. Biodemograficheskie aspekty adaptatsii kerchenskoi diaspory ital'iantsev. [Biodemographic aspects of the adaptation of the Italian diaspora of Kerch]. *Vestnik Antropologii* 2 (50): 176–192.
- Zubov, A. A. 1974. Odontoglyfika. [Odontoglyphics]. In *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii* (redaktsiia). *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii: Sbornik pamiati G.F. Debetsa*, edited by I.M. Zolotareva, 11–42. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A., Khaldeeva, N.I. 1989. *Odontologiya v sovremennoi antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A., Khaldeeva, N.I. 1993. *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.

© Т.К. Ходжайов, Г.К. Ходжайова

НАСЕЛЕНИЕ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Изучались антропологические материалы из закрытых погребальных комплексов джетыасарской культуры. Они датируются отрезком времени от поздней античности до раннего средневековья (III–VIII вв). Суммарная краниологическая выборка включает 284 черепа (149 мужских и 135 женских). Выявлено, что все палеопопуляции джетыасарской культуры рассматриваемого периода имеет довольно близкий морфологический состав. Эти популяции имели морфологические и генетические связи, с одной стороны, с местным оседлым и скотоводческим населением Средней Азии и Южного Казахстана, а с другой – с савроматами и сарматами Устюрта и Западного Казахстана, поздними сарматами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Предлагаемый археологами подход отдельного рассмотрения закрытых погребальных комплексов как наиболее информативных для их датировки, с точки зрения полученных нами результатов является приемлемым.

Ключевые слова: античность, средневековье; археологические культуры, джетыасарская культура; погребальные комплексы; палеоантропология, краниология, краниометрические признаки, морфологические комплексы

Ссылка при цитировании: Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Население джетыасарской культуры в евразийском пространстве // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 202–218.

Введение

На территории Восточного Приаралья исследовано около полусотни курганных могильников, расположенных вокруг хорошо укрепленных городищ джетыасарской культуры. По данным Л.М. Левиной, время функционирования памятников охватывает период с начала железного века до конца VIII в.н.э. – начала IX вв. (Левина 1992, 1996). Она относит две трети памятников к раннему периоду до IV в.н.э., а одну треть – к позднему – до начала IX вв. (Левина 1992: 62–63). Более поздние захоронения отличаются от ранних по материальной культуре, планировке городищ и их фортификации, по характеру погребального инвентаря. На первом этапе представлено два вида захоронений: в грунтовых могилах и склепах. Наиболее ранними из них являются погребения в ямах с нишами (Левина 1992: 66; 1994: 84).

Ходжаев Тельман Касимович – д.и.н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл.почта: telmkas@yandex.ru

Ходжайова Гальшира Кутузовна – д.и.н., бывший сотрудник, Институт Психологии и Педагогики (Москва, ул. Сельскохозяйственная, 16 а). Эл.почта: telmkas@yandex.ru

* Работа выполнена по теме НИР ИЭА РАН «Эволюционный континуум рода Homo»: Подтема «Антропология древних и современных популяций»

Погребения в ямах с боковыми нишами (и в простых ямах) вместе с погребениями в склепах являются наиболее характерными погребальными памятниками, принадлежавшими местному населению. Погребения с нишами исчезают в основном в III–IV вв., и они очень редко обнаруживаются в материалах начала V в., в отличие от погребений в склепах, которые совершаются до конца существования джетыасарской культуры. Параллельно им, начиная с V в., функционируют погребения в подбоях (Левина 1994: 84). Изучение огромного количества поселений и погребений (около тысячи) позволило ей высказать мнение о неоднократной миграции в Джетыасарский оазис различных этнических групп (Левина 1993, 1994, 1996). В некоторых случаях появление новых типов погребений исследователь связывает также и с изменениями экологической ситуации в регионе.

Миграция нового населения отмечается на разных этапах развития этой культуры, то есть несколькими волнами. Каждую такую волну автору удалось соотнести с определенным обрядом захоронения или своеобразным культурным комплексом, привнесенным из разных регионов Евразии. Так, в последние века до н.э. и первые века н.э. фиксируются довольно тесные связи с ранними культурами лесостепной полосы по берегам рек Ишим, Тобол и Иртыш (Левина 1996). В тот же период проявляются тесные контакты с населением горного Тяньшаня и ранними хуннами Забайкалья (Левина 1994; 1996). В I–IV вв. усиливаются связи с населением верховьев Таласа, Арыси и Средней Сырдарьи, существовавшие и ранее.

Следующая волна, свидетельствующая о притоке новых популяций, отмечается в IV в., она связана с известным в истории движением хуннов, а позднее – ранних тюрков (Левина 1994: 85). Кроме того, по ее материалам, в V–VI вв. выявляются существенные изменения в местной джетыасарской культуре (Левина 1996). Так, в VII в. происходит продвижение и расселение популяции джетыасарцев в правобережье дельты Амударьи, которое приводит к формированию новой кердерской культуры. Другие исследователи этого региона также считают, что джетыасарцы являются одним из важных этнических компонентов, которые приняли участие в сложении населения Кердера (Неразик 1966; Вайнберг 1999).

Материалы и методы

Краниологический материал был изучен Т.П. Кияткиной (Кияткина 1993: 224–242; 1995: 282–289). Она исследовала серию черепов из могильника Алтынасар 4 в пределах двух выделенных хронологических этапов: раннего (IV в. до н.э. – IV в.н.э.) и позднего (IV–VIII вв.). По антропологическим данным, различий между ними как по типам погребальных сооружений, так и по морфологическим комплексам не выявлено. Таким образом, заметных изменений в антропологическом составе изученного населения, морфологических комплексов или их динамики на протяжении тысячелетнего периода существования этой культуры не обнаруживается (Кияткина 1995: 240–281).

Одонтологические материалы джетыасарской культуры были изучены Г.В. Рыкушиной (Рыкушина 1993: 243–251). Она пришла к выводу, что в целом одонтологические комплексы как местных, так и пришлых групп обладают особенностями, присущими метисным популяциям, имеющим в своей основе небольшой южноевропеоидный компонент с заведомо высокой концентрацией восточных признаков различного происхождения. В одонтологических сериях из грунтовых погребений обнаружены такие

компоненты как центральноазиатский – в популяции Косасара 2, западносибирский или уральский – в популяциях Косасара 3, Томпакасара, Бедаика (*Рыкушина* 1993: 194-205). Следовательно, одонтологический облик джетыясарцев, будучи метисным, на протяжении длительного исторического времени существенно не изменился.

В более позднем исследовании, проведенном Т.К. Ходжайовым и Т.П. Кияткиной (*Ходжайов, Кияткина* 2002: 56-85), согласно представленной Л.М. Левиной дробной периодизации могильников, основное внимание было обращено на раздельное изучение материалов из объектов, входящих в погребальный комплекс Алтынасар 4. Он состоит из двух десятков могильников. Краниологический материал каждого могильника анализировался вначале также отдельно. В последующем серии из нескольких могильников объединялись в более крупные группы по следующим критериям: близости расположения могильников, характеру сопровождающего инвентаря и конструкции погребальных сооружений.

По полученным данным, мужские и женские серии из отдельных погребений комплекса Джетыясарского урочища в период со II в. до н.э. по IV–VI вв. н.э. оказались довольно близкими по антропологическому составу. При этом обнаруживается гораздо большая гомогенность женских серий, по сравнению с мужскими. Это позволяет отметить преемственность населения джетыясарской культуры в вышеуказанный отрезок времени. Заметное увеличение монголоидной примеси у погребенного населения выявляется во II–IV вв.

В целом антропологический облик населения, оставившего эти погребения, европеоидный, мезобрахикранный, с небольшим по размеру черепом, среднешироким, высоким, лептопрозопным, резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, средневыступающим носом и средневысокими орбитами. Этот европеоидный тип связан с формами, известными в составе местного населения южных областей Средней Азии с глубокой древности. Монголоидный комплекс, представлен смешанными компонентами, среди которых явно выделяется центральноазиатский с присутствием западносибирского (уральского).

В последнее время появились работы, посвященные анализу хронологических рамок датировки погребальных комплексов джетыясарской культуры. Наиболее полной из них является работа С.Г. Боталова (*Боталов* 2009), которая основана на изучении и систематизации материалов только из погребальных комплексов, включающих 569 курганных и склепных погребений. Последующее изучение их по типам материальной культуры и конструкциям погребальных комплексов позволило сделать заключение о том, что большинство найденных предметов датируются не только V–VIII, но и IX вв. н.э., а именно они являются хронологическим индикатором. Он считает, что более ранний горизонт джетыясарской культуры, который был включен Л.М. Левиной, был зафиксирован ею в большой своей части лишь на основании поселенческих материалов. Датированный материал, выявленный им, путем распределения его по закрытым погребальным комплексам, был обнаружен почти в 40% погребений (246 комплексов) от общего числа их (*Боталов* 2009: 163–165, рис. 27).

По мнению В.Ю. Малашева и М.Г. Мошковой, хронологические рамки джетыясарских могильников, именно могильников как закрытых комплексов, могут быть отнесены к III–VII вв. н.э., судя по имеющимся надежным хронологическим индикаторам. Смещение нижней границы в сторону удревнения возможно, но обозначение определенной датировки осложнено отсутствием выразительных материалов,

дающих надежную привязку к существующим хронологическим шкалам с соседних территорий (Малашев, Мошкова 2010: 37–56).

Основные результаты

В данной работе весь антропологический материал из могильников джетысарской культуры (Алтынасар 4, Косасар 2 и 3, Томпакасар) рассматривается нами в несколько ином аспекте. В отличие от предыдущей работы, нами также изучались материалы только из закрытых погребальных комплексов, которые представлены суммарной краниологической выборкой без разделения на хронологические этапы. Такая общая выборка включает 284 черепа (149 мужских и 135 женских). Юношеские и детские черепа исключены из исследования (статистической обработки).

Алтынасар 4. Сборная серия состоит из 122 мужских и 112 женских черепов. Мозговая коробка мужчин и женщин мезокранная, очень высокая. Лицевая часть ортогнатная, лептопрозопная при высокой и средней ширине, сильно профилированная в горизонтальной плоскости. Нос мезоринный с высоким переносьем и носовыми костями. Орбиты гипсиконхные. Многие размеры демонстрируют значительную вариабельность в довольно широком диапазоне (табл. 1).

Таблица 1
Средние размеры и указатели черепов из могильника Алтынасар 4 (суммарно)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
1	122	176,8	8,18	106	167,3	7,48
8	116	138,4	6,52	108	131,5	6,28
17	99	141,2	6,14	98	136,5	5,86
5	103	103,5	4,74	98	97,1	3,92
20	104	121,9	6,41	105	119,2	5,00
9	119	96,5	4,63	112	92,5	4,64
10	111	118,3	5,95	105	112,0	6,37
11	111	124,8	5,90	106	118,0	6,34
12	104	108,2	5,37	93	101,9	5,80
45	108	134,8	5,42	104	125,3	5,57
40	91	99,3	4,91	87	94,3	4,43
48	111	75,6	4,22	97	71,3	3,68
47	104	121,4	7,02	91	113,6	6,09
43	117	107,1	4,31	108	101,8	4,19
46	111	98,3	5,04	104	92,7	5,03
62	94	48,3	3,42	78	45,0	2,82
63	83	41,7	2,62	81	39,8	2,69
55	118	54,3	3,15	107	51,7	2,82
54	117	25,6	2,00	105	24,5	2,12

Таблица 1 (продолжение)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
51	115	43,7	1,87	104	41,9	1,80
51a	98	39,9	2,69	79	38,7	1,98
52	119	34,8	2,46	106	35,2	2,14
MC	113	20,1	2,64	101	19,3	2,86
MS	111	7,6	1,41	102	6,8	1,21
DC	65	22,6	2,93	58	21,3	3,51
DS	65	12,2	1,92	58	10,8	2,18
SC	117	9,0	2,17	103	8,08	2,44
SS	116	4,3	1,31	103	3,5	0,97

Косасар 2. Краниологическая серия состоит из 13 мужских и 14 женских черепов. По основным размерам и указателям эта группа характеризуется теми же морфологическими особенностями, что и алтынасарские популяции. Можно лишь отметить, что косасарцы более широколицые, у них значительно сильнее выступают переносье, носовые кости, а также угол носа (табл. 2).

Таблица 2

Средние размеры и указатели черепов из могильника Косасар 2 (суммарно)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
1	12	182,3	8,61	14	173,1	6,70
8	12	136,3	4,09	12	135,8	5,29
17	7	140,3	5,19	10	137,3	7,57
5	7	107,3	6,18	9	97,2	5,04
20	9	121,0	2,96	12	118,3	7,48
9	12	97,9	4,08	13	97,3	5,25
10	11	119,2	7,04	12	114,8	5,31
11	8	126,6	6,76	12	120,4	5,26
12	5	109,4	5,41	7	107,6	3,31
45	8	137,8	5,23	11	126,9	3,75
40	3	102,3	3,06	9	90,3	5,24
48	9	74,8	5,14	13	69,2	3,47
47	8	122,8	6,45	8	112,4	3,93
43	11	108,0	3,77	12	105,6	5,71
46	11	97,2	5,15	14	94,1	3,72
62	2	47,0		8	43,3	2,87
63	5	40,2	2,95	10	40,1	3,21
55	13	54,3	3,07	13	49,8	3,91

Таблица 2 (продолжение)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
<i>54</i>	13	25,8	1,83	14	24,3	1,94
<i>51</i>	11	43,7	2,80	13	41,5	1,71
<i>51a</i>	7	41,7	1,80	7	38,9	1,77
<i>52</i>	12	35,1	1,31	14	34,7	2,27
<i>MC</i>	12	22,4	2,78	10	21,3	4,11
<i>MS</i>	12	8,9	1,73	10	7,1	1,77
<i>DC</i>	5	22,3	2,87	5	23,0	3,65
<i>DS</i>	5	13,3	1,02	5	10,6	1,47
<i>SC</i>	12	9,5	1,94	12	9,1	2,93
<i>SS</i>	12	4,5	1,06	12	3,7	1,64

Косасар 3. Серия представлена небольшим числом черепов (5 мужских и 2 женских). В целом они характеризуются теми же особенностями, что предыдущие. От предыдущих серий отличается только женская серия, которая выделяется брахикранией (табл. 3).

Таблица 3

Средние размеры и указатели черепов из могильника Косасар 3 (суммарно)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
<i>1</i>	4	177,5	6,56	2	164,5	
<i>8</i>	4	134,5	1,00	2	135,5	
<i>17</i>	5	138,6	3,29	2	139,5	
<i>5</i>	5	105,6	3,78	2	94,5	
<i>20</i>	5	118,0	4,53	2	121,5	
<i>9</i>	5	92,0	4,64	2	89,0	
<i>10</i>	4	113,3	2,87	2	113,0	
<i>11</i>	5	119,0	3,81	2	121,0	
<i>12</i>	3	102,0	5,20	1	100,0	
<i>45</i>	4	129,3	0,50	2	129,5	
<i>40</i>	5	101,0	1,87	2	92,5	
<i>48</i>	5	72,6	1,67	2	70,0	
<i>47</i>	4	119,8	0,96	1	116,0	
<i>43</i>	5	101,2	7,33	2	99,5	
<i>46</i>	5	94,0	4,00	2	95,0	
<i>62</i>	3	47,3	2,31	2	43,5	
<i>63</i>	1	40,0		2	39,0	
<i>55</i>	5	53,4	2,51	2	53,0	

Таблица 3 (продолжение)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
54	5	24,4	1,14	2	24,0	
51	4	41,3	0,96	2	40,0	
51a	4	38,5	0,58	2	37,5	
52	5	34,4	0,55	2	34,0	
MC	4	17,3	3,77	2	18,5	
MS	4	8,4	0,63	2	6,5	
DC	1	24,0		2	18,5	
DS	1	14,0		2	10,5	
SC	4	8,4	0,51	2	6,8	
SS	4	5,8	1,50	2	2,7	

Томпакасар. Серия включает 9 мужских и 7 женских черепов. По морфологическим характеристикам она не отличается от остальных джетыасарских (табл. 4).

Таблица 4

Средние размеры и указатели черепов из могильника Томпакасар (суммарно)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
1	8	177,1	9,28	7	170,1	7,01
8	8	136,3	6,80	6	132,3	3,72
17	5	138,0	3,74	5	139,6	4,93
5	6	100,5	3,94	5	100,4	2,97
20	7	119,7	3,35	6	118,5	3,89
9	9	96,1	5,58	6	92,0	2,10
10	7	116,9	7,17	5	113,4	3,51
11	7	125,1	7,88	6	117,3	2,16
12	6	105,8	5,67	5	102,8	3,11
45	8	133,8	6,69	7	125,9	4,71
40	4	95,3	4,57	3	95,3	4,16
48	6	73,8	4,83	6	70,8	2,14
47	4	113,5	10,38	3	114,7	4,0
43	9	106,3	6,36	6	102,2	3,54
46	8	97,8	7,03	6	89,3	4,03
62	4	49,5	5,80	5	45,4	3,65
63	6	41,3	2,07	5	38,6	1,95
55	8	53,1	2,95	7	52,6	2,37
54	8	25,1	1,13	7	24,6	1,72

Таблица 4 (продолжение)

№	Мужчины			Женщины		
	n	x	sd	n	x	sd
<i>51</i>	8	42,9	2,75	7	42,3	3,15
<i>51a</i>	5	39,4	2,51	6	38,2	1,72
<i>52</i>	9	34,3	2,60	7	34,7	1,80
<i>MC</i>	7	20,1	2,73	6	20,2	1,83
<i>MS</i>	7	7,4	1,17	6	7,5	0,84
<i>DC</i>	4	19,8	0,96	3	19,3	1,15
<i>DS</i>	4	11,8	0,81	4	12,4	1,00
<i>SC</i>	8	10,0	2,45	7	9,8	2,64
<i>SS</i>	8	4,7	1,02	6	4,1	0,92

Таким образом, палеопопуляции, изученные по сериям из отдельных могильников, имеют близкий морфологический состав. Существующие между ними различия могут быть связаны либо с присутствием обычая преднамеренной деформации, которая практиковалась в большей части их, либо малочисленностью отдельных серий.

Для проведения межгруппового анализа были использованы сведения, имеющиеся по 30 краниологическим сериям эпохи античности и раннего средневековья из Средней Азии и Казахстана, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. В программу статистического анализа были включены следующие 16 признаков: продольный диаметр (1), поперечный диаметр (8), высотный диаметр от базиона (17), скуловой диаметр (45), верхнелицевой диаметр (48), назомаллярный угол (77), зигомаксиллярный угол (<ZM), высота носа (55), ширина носа (54), ширина орбиты от дакриона (51a), высота орбиты (52), симотическая высота (SS), симотическая хорда (SC), дакриальная высота (DS), дакриальная хорда (DC) и угол выступания носа (75 (1)).

В мужских сериях на главные компоненты (ГК 1) приходится 29,4 %, а на ГК 2 - 15,7 % от общей изменчивости, которая в целом составила 44,7 %. Первая компонента дифференцирует серии по вектору европеоидность - монголоидность. Она связана положительными корреляциями с высотой черепа, выступанием переносья и носовых костей, а также углом выступания носа и отрицательными - с горизонтальной профилировкой лица. Вторая компонента дифференцирует серии по таким признакам как ширина и высота лица, а также высота носа. Все эти признаки обнаруживают положительную корреляцию с ней (табл. 5, рис. 1).

Таблица 5

Элементы главных компонент для мужских серий джетысарской культуры и сравнительные данные

	1	2	3	4
<i>1</i>	0.259	0.480	-0.319	-0.142
<i>8</i>	-0.471	0.388	-0.579	0.325
<i>17</i>	<u>0.732</u>	0.008	-0.085	-0.352
<i>45</i>	-0.235	<u>0.666</u>	-0.432	0.203

Таблица 5 (продолжение)

	1	2	3	4
48	-0.301	<u>0.734</u>	0.327	-0.312
55	-0.208	<u>0.690</u>	0.598	-0.019
54	-0.211	-0.049	0.528	0.500
51a	-0.407	0.186	0.130	0.262
52	-0.265	0.300	0.689	0.132
77	<u>-0.797</u>	-0.182	-0.432	-0.001
<Zm	<u>-0.848</u>	0.041	-0.306	-0.133
DC	-0.021	0.049	0.236	-0.648
DS	<u>0.800</u>	0.148	-0.099	0.331
SC	0.476	-0.265	0.200	0.402
SS	<u>0.833</u>	0.319	-0.105	0.089
75(1)	<u>0.705</u>	0.498	-0.277	-0.018
Char.value	4.710	2.445	2.362	1.443
Per cent	29.435	15.281	14.760	9.018

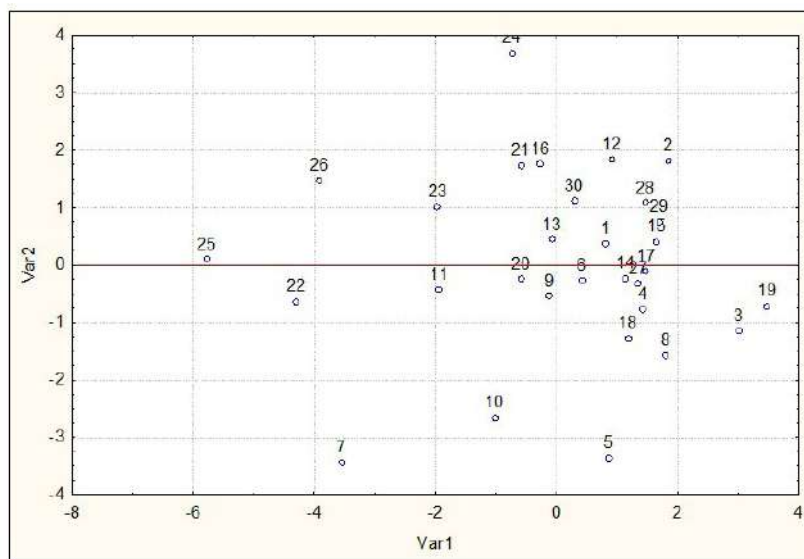

Рис. 1. Компонентный анализ мужских серий джетыясарской культуры и сравнительные данные ГК I (17, 77-, <ZM-, DS, SS, 75(1), (29,4 %); ГК II(45, 48, 55) (15,3%); общее 44,7%). 1-Алтынасар (сум), 2-Косасар 2 (сум), 3-Косасар 3 (сум), 4-Томпакасар (сум), 5-Борижары, 6-Каунчи I, 7-Каунчи II, 8- Каунчи III, 9-Гурмирон, 10-Кенкол-Кетменьтубе, 11-Куюккала, 12-Токкала, 13-Казыбаба (савроматы), 14-Тумекичиджик, 15-Бабаишов, 16-Меиретитахта, 17-Тузгыр, 18-Поздний Тулхар, 19-Аруктау (сум), 20-Джоондобо-Чештобе, 21-Джалпакдюбе-Туюк (Алай), 22-Кукяльда (Алай), 23-Акбешим (Чу), 24-Тиктурмас (возле Джамбула), 25-Кургак-Карабент (Алай), 26-Бешкаракчи (Талас-Чу), 27-Поздние сарматы Поволжья (сборная) НЧ, 28-Поздние сарматы Поволжья (сборная) ДЧ, 29-Покровка 10, 30-Сарматы западного Казахстана.

В плоскости компонент изучаемые серии джетысарской культуры (Алтынасар 4, Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар) располагаются в центре корреляционного поля, образуя объединение с сериями эпохи античности и раннего средневековья Средней Азии и Южного Казахстана, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. По первой компоненте от основного ядра на значительном расстоянии отделяются раннесредневековые серии из Алайской, Таласской и Чуйской долин (могильники Бешкаракчи, Акбешим, Кургак, Куяльда), обладающие высоким сводом черепа и более выраженными европеоидными чертами. По второй компоненте от центрального ядра отделяются раннесредневековые черепа Южного Казахстана (Тиктурмас), имеющие невысокий и сравнительно узкий лицевой скелет.

Рассмотрим центральный сгусток, состоящий из серий эпохи античности и раннего средневековья. В центре основного ядра, наряду с джетысарскими (Алтынасар 4, Косасар 2), располагаются серии каунчинской культуры Древнеташкентского оазиса (Каунчи I и II), скотоводов северной Ферганы (Гурмирон), Южного Приаралья (Тумеккичиджик, Тузгыр), Туркменистана (Бабашов), Бишкентской долины (Поздний Тулхар), савроматов Устюрта (Казыбаба) и Западного Казахстана. Здесь же находятся сборные серии (недеформированных и деформированных черепов) поздних сармат Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Покровка 10).

Внутри ядра различаются отдельные скопления, образованные как по первой, так и по второй компонентам. По первой компоненте выделяются два скопления. Первое из них представлено двумя сериями: из Куюккалы кердерской культуры из низовьев правобережной Амударьи и Акбешима, оставленным оседлым населением Чуйской долины. Они выделяются более выраженными европеоидными чертами. В противоположной части корреляционного поля вместе с серией из Косасара 3 располагается серия из Аруктау, оставленная скотоводческим населением Бишкентской долины.

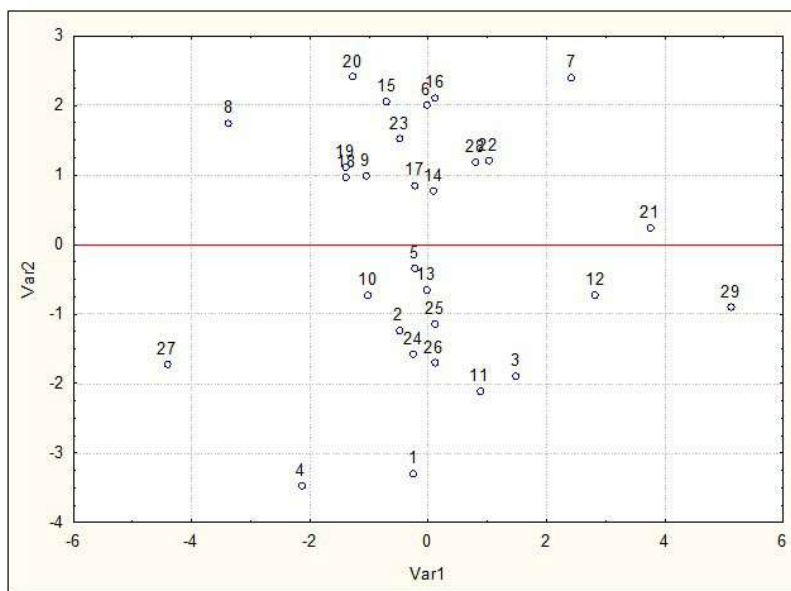

Рис. 2. Компонентный анализ мужских серий джетысарской культуры и сравнительные данные ГК I (17, 77-, <ZM-, DS, SS, 75(1); (I-29,4 %); ГК II(45, 48, 55), (II-15,3%); общее 44,7%). Примечание: нумерация серий см. рис. 1.

Она характеризуется присутствием определенных монголоидных особенностей.

По второй компоненте выделяются также два скопления. Первое из них состоит из серий Бассейна средней Сырдарьи (Борижары) и Таласской долины (Кенкол, Кетменьтюбе). Они отличаются высоким и широким лицом, высоким носом. Противоположную позицию занимают серии из Косасара 2, Токкалы кердерской культуры и Мешретитахты (оставленной скотоводами южного Туркменистана), обладающие сравнительно низким и узким лицом, невысоким носом.

Результаты кластерного анализа (рис. 2) показали наиболее тесные связи популяций джетыасарской культуры, за исключением серии из Косасара 3, с поздними сарматами Нижнего Поволжья (деформированные черепа), Южного Приуралья (Покровка 10). Они все находятся на дендрограмме в одном кластере. Сарматы и савроматы Устюрта и Западного Казахстана находятся на чуть большем расстоянии, чем вышеперечисленные, но довольно близки к джетыасарским. На более отдаленном расстоянии находятся сарматы Нижнего Поволжья (недеформированные черепа). Косасар 3 отделяется от всех изученных джетыасарских из-за малой численности, но располагается среди других среднеазиатских серий.

Таблица 6

Элементы главных компонент для женских серий джетыасарской культуры и сравнительные данные

	1	2	3	4
<i>1</i>	0.180	0.306	<u>0.824</u>	-0.023
<i>8</i>	0.033	<u>0.842</u>	-0.125	0.314
<i>17</i>	-0.559	-0.546	-0.120	0.327
<i>45</i>	0.341	0.464	0.069	0.591
<i>48</i>	<u>0.690</u>	-0.571	0.034	-0.079
<i>55</i>	0.521	-0.477	-0.113	0.421
<i>54</i>	<u>0.722</u>	0.164	0.320	0.007
<i>51a</i>	-0.168	0.223	0.105	-0.830
<i>52</i>	0.198	<u>-0.688</u>	0.326	0.272
<i>77</i>	0.551	0.408	-0.528	0.157
<i><Zm</i>	0.477	0.472	0.043	-0.110
<i>DC</i>	0.150	0.059	<u>0.663</u>	0.198
<i>DS</i>	<u>-0.642</u>	0.225	0.237	0.439
<i>SC</i>	-0.134	-0.103	<u>0.579</u>	-0.121
<i>SS</i>	<u>-0.571</u>	0.165	0.272	0.154
<i>75(1)</i>	<u>-0.760</u>	0.109	-0.108	0.130
<i>Char.value</i>	3.685	2.913	2.167	1.826
<i>Per cent</i>	23.032	18.208	13.543	11.410

Таким образом, древнее население джетыасарской культуры имело морфологические, возможно и генетические, связи, с одной стороны, с оседлым и скотоводческим населением Средней Азии и Южного Казахстана, а с другой - с саврома-

то-сарматским населением Устюрта и Западного Казахстана, поздними сарматами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Межгрупповой анализ женщин был проведен по 29 сериям, с использованием тех же признаков. На первую компоненту приходится 23,0 %, а на вторую – 18,2 %, что составляет 41,2 % от общей изменчивости (табл. 6, рис.3). Положительные и высокие корреляции по первой компоненте отмечаются с высотой лица, шириной носа, а отрицательные - с дакриальной и симотической высотами и углом выступания носа.

По второй компоненте обнаруживаются положительные корреляции с шириной черепной коробки и высотой орбит. Таким образом, большинство серий находятся в центре корреляционного поля. ГК 1 отделяет две серии с определенной степенью монголоидности (Каунчи 3 и Калкансай, курган 33) с высоким лицом, слабо выступающими переносьем и носовыми костями, малым углом выступания носа от основного ядра. Особенно удалены они от серий из Куюккалы, Кусханатау кердерской культуры и Кукальды Алайской долины, имеющих противоположные значения данных признаков. В плоскости главных компонент «сгустки», включающие большинство серий, по ГК 1 не дифференцируются, они находятся в центре корреляционного поля.

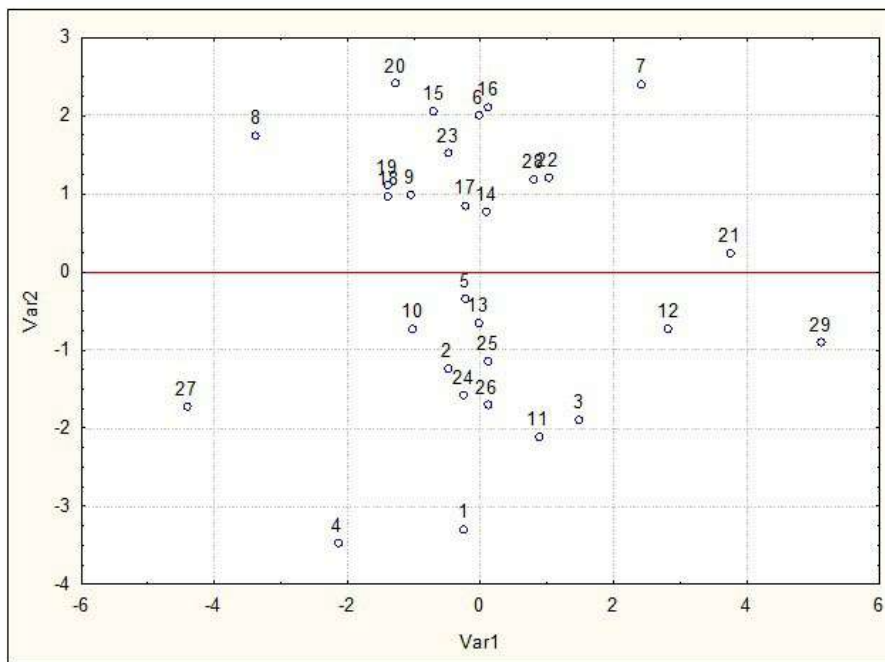

Рис. 3. Компонентный анализ женских серий джетысарской культуры и сравнительные данные. ГК I (48, 54, DS-, SS-, 75(1)-, (I-23,0%); ГК II (8,52), (8,2 %); (общее 41,2%). 1-Алтынасар (сум); 2- Косасар 2 (сум); 3-- Косасар 3 (сум); 4-Томпакасар (сум); 5-Борижары; 6-Каунчи I; 7-Каунчи II; 8-Каунчи –III; 9-Каунчи (мингурюкский комплекс); 10-Гурмирон; 11-Кенкол-Кетменьтюбе; 12-Куюккала; 13-Токкала; 14-Казыбаба (савроматы); 15-Тумеккичиджик; 16-Бабашов; 17-Меширетитахта; 18-Тузгыр; 19-Поздний Тулхар (сум); 20-Аруктау (сум); 21-Кукальда (Алай); 22-Тиктурмас (возле Джамбула); 23-поздние сарматы Поволжья (сборная), НЧ; 24-поздние сарматы Поволжья (сборная) ДЧ; 25-Покровка 10; 26-Миздахкан; 27-Калкансай, курган 33; 28-Тегирменсай; 29-Кусхана-тау.

По второй компоненте они разделяются на два «сгустка» по таким показателям как размеры поперечного диаметра черепа и высота орбит. Однако следует отметить, что эти различия могут быть также следствием преднамеренной деформации черепной коробки. В первом «сгустке» (с широкой черепной коробкой и высокими орбитами) располагаются все серии джетыасарской культуры (Алтынасар 4, Косасар 2 и 3, Томпакасар). В нем же находятся серии, принадлежащие скотоводческим племенам южного Казахстана (Борижары), Таласской долины (Кенкол, Кетменьтюбе), севера Ферганской долины (Гурмирон), поздним сарматам Нижнего Поволжья (сборная серия деформированных черепов) и Южного Урала (Покровка 10).

Кроме того, к ним близки раннесредневековые серии кердерской культуры правобережной Амударьи (Токкала, Куюккала) и левобережного Хорезма афригидского времени (Миздахкан). Наиболее близкими к отмеченным позднесарматским сериям оказались серии из Косасара 2 и 3. Серии других джетыасарцев (Алтынасар и Томпакасар), находясь в том же «сгустке», отличаются по размерам поперечного диаметра и высотой орбит.

Во втором «сгустке», выделяющемся по ГК 2, находятся следующие серии: из бассейна средней Сырдарьи (Каунчи I, Каунчи - Мингурюкский комплекс), раннесредневековые из южного Казахстана (Тиктурмас) и Тяньшаня (Тегирменсай), скотоводческие эпохи античности из северного (Гумеккичиджик, Тузгыр) и южного (Мешретитахта, Бабашов) Туркменистана, из Бишкентской долины южного Таджикистана (Поздний Тулхар, Аруктау). В середине его располагаются серии савроматов Устюрта (Казыбаба) и поздних сармат Нижнего Поволжья (недеформированная часть) со сравнительно узкой черепной коробкой и невысокими орбитами.

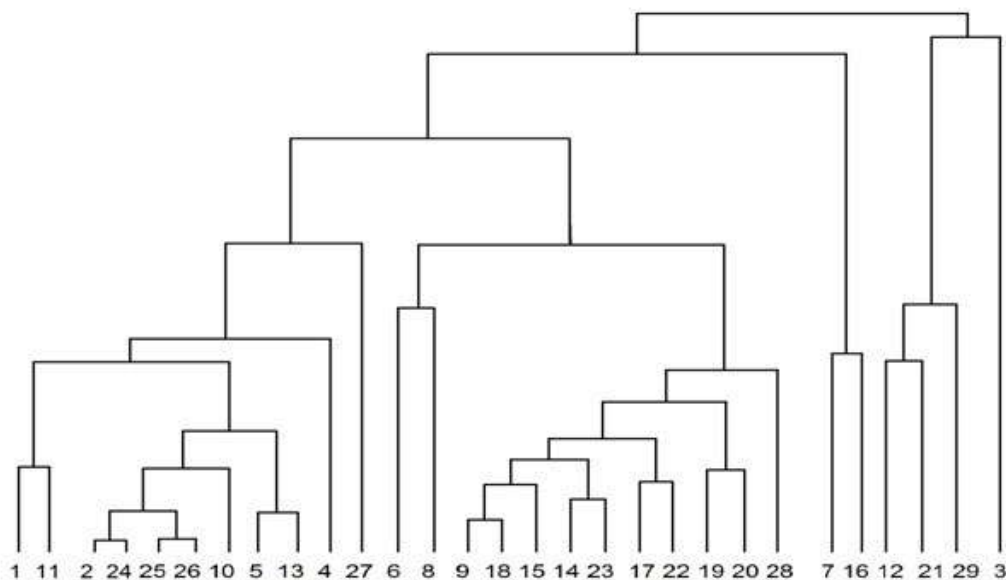

Рис. 4. Компонентный анализ женских серий джетыасарской культуры и сравнительные данные. ГК I (48, 54, DS-, SS-, 75(1)-); (I-23,0%); (18,2%); (общее 41,2 %).
Примечание: нумерация серий см. рис.3.

Результаты кластерного анализа женских серий показали, что серии, оставленные популяциями джетыасарской культуры из Алтынасаара 4 и Косасара 2 очень близки к сериям поздних сармат Нижнего Поволжья (деформированные черепа) и Южного Урала (Покровка 10), то есть между ними имеются очень тесные связи (рис. 4). К вышеописанным близки также популяции из Томпакасаара. Серии савроматов Устюрта (Казыбаба) и поздних сармат Нижнего Поволжья (недеформированная часть) входят в другой кластер. Таким образом, связи, выявленные с помощью данных методов, среди женских серий оказались такими же, как и среди мужских.

Как было отмечено выше, данная работа выполнялась в связи с появившейся среди археологов тенденцией к пересмотру хронологических рамок функционирования многих погребальных памятников древности и средневековья, в том числе и связанных с савромато-сарматской проблемой. С этой целью весь антропологический материал из могильников джетыасарской культуры (Алтынасар 4, Косасар 2 и 3, Томпакасар) рассматривался суммарной выборкой с учетом типов и особенностей погребальных комплексов.

Антропологический состав населения джетыасарской культуры периодов поздней античности и средневековья оказался смешанным и морфологически многокомпонентным. В целом оно европеоидное, мезобрахикранное, с небольшими размерами черепа со среднешироким, высоким, лептопрозопным, резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, средневыступающим носом и средневысокими орбитами. Этот европеоидный тип связан с формами, известными в местном населении южных областей Средней Азии с глубокой древности. Монголоидный комплекс, представлен смешанными компонентами, среди которых явно выделяется центральноазиатский тип с присутствием западносибирского (уральского).

Многокомпонентность усиливается и за счет того, что большинство изученных серий эпохи античности и раннего средневековья были подвержены разным формам преднамеренной деформации головы: кольцевой, иногда комбинированной с затылочной, лобной и лобно-затылочной и теменной. В данном случае это важно отметить, так как сравниваемые серии, в том числе и сарматские, различаются по таким размерам, которые подвержены влиянию деформации.

Выводы

Таким образом, население джетыасарской культуры рассматриваемого периода (поздняя античность – раннее средневековье), судя по краниологическим материалам из всех четырех закрытых могильников, имеет довольно близкий морфологический состав. Несколько выделяется популяция из Косасара 3. Однако они в целом входят в круг оседлых и скотоводческих популяций Средней Азии эпохи поздней античности и средневековья. В результате миграции из бассейна Средней Сырдарьи в дельту Амударьи джетыасарцы принимают участие в сложении населения средневековых городищ Куюккала и Токкала.

Популяции джетыасарской культуры, за исключением серии из Косасара 3, оказались наиболее близкими к поздним сарматам Нижнего Поволжья (деформированные черепа), Южного Приуралья (Покровка 10), а также близкими к сарматам и савроматам Устюрта и Западного Казахстана. Более близкими к популяции из Косасара 3, а не к другим группам джетыасарцев, оказались сарматы Нижнего Поволжья

(серии с недеформированными черепами). Население джетыасарской культуры рассматриваемого периода имело морфологические, возможно и генетические связи, с одной стороны, с оседлым и скотоводческим населением Средней Азии и Южного Казахстана, а с другой - с савромато-сарматским населением Устюрта и Западного Казахстана, поздними сарматами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Предлагаемый археологами подход к отдельному рассмотрению закрытых погребальных комплексов как имеющих надежные хронологические индикаторы с точки зрения полученных нами результатов является приемлемым.

Научная литература

- Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, ООО «ЦИКР «Рифей», 2009.
- Вайнберг Б.И.* Этнография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII вв. н.э. М.: Восточная литература, 1999.
- Кияткина Т.П.* Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4, Томпакасар и Косасар // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Часть 1. Склепы. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 224–242.
- Кияткина Т.П.* Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Часть 5. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 282–289.
- Кияткина Т.П.* Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Часть 5. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 240–281.
- Левина Л.М.* Памятники джетыасарской культуры середины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 61–72.
- Левина Л.М.* Джетыасарские склепы // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Часть 1. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 33–198.
- Левина Л.М.* Могильники Алтынасар 4 // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. IV. Джетыасарская культура. Часть 3-4. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г.* Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Выпуск III. Волгоград, Волгоградский государственный университет, 2010. С. 37–56.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008.
- Неразик Е.Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
- Рыкушина Г.В.* Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыасарской культуры (Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3) // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Часть 1. Склепы. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 243–252.
- Рыкушина Г.В.* Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовье Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 195–205.
- Ходжайов Т.К., Кияткина Т.П.* Археолого-антропологическая характеристика населения джетыасарской культуры Восточного Приаралья // На путях биологической истории человечества. Сборник статей. Том II. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 56–85.

Khodzhayov Telman K., Khodzhayova Galshira K.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/202–218

Jetyasar population in Eurasia

Anthropological materials from closed burial complexes of the Jetyasar culture were studied. They date back to the time span from late antiquity to the early Middle ages (III-VIII centuries). The total craniological sample includes 284 skulls (149 male and 135 female). It was revealed that all the paleopopulations of the Jetyasar culture of the period under consideration have a fairly close morphological composition. These populations had morphological and genetic ties, on the one hand, with the local sedentary and pastoral population of Central Asia and South Kazakhstan, and on the other, with the Savromats and Sarmatians of Ustyurt and Western Kazakhstan, the late Sarmatians of the Lower Volga and Southern Urals. The approach proposed by archaeologists to consider separately closed burial complexes as the most informative for their dating is acceptable, according to our results.

Key words: *Antiquity, middle ages; archaeological cultures, Jetyasar culture; burial complexes; paleoanthropology, craniology, craniometric traits, morphological complexes*

For Citation: Khodzhayov T.K., G.K. Khodzhayova. 2021. Jetyasar population in Eurasia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 202–218

Khodzhayov Telman K – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: telmkas@yandex.ru

Khodzhayova Galshira K. – Doctor of Historical Sciences, former employee of the Institute of Psychology and Pedagogy (Moscow, ul. Agricultural, 16 a). E-mail: telmkas@yandex.ru.

The work was carried out on the topic of the Research Institute of the IEA RAS “The evolutionary continuum of the genus Homo”: Sub-topic “Anthropology of ancient and modern populati”

References

- Botalov, S.G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaja rekonstruktsiia)*. [Huns and Turks (historical and archaeological reconstruction)]. Cheliabinsk: OOO “TsIKR “Rifei”:
- Khodzhayov, T.K., and T.P. Kiiatkina. 2002. Arkheologo-antropologicheskaja kharakteristika naseleniia dzhetyasarskoi kul'tury Vostochnogo Priaral'ia. [Archaeological and anthropological characteristics of the population of the Dzhetyasar culture of the Eastern Aral Sea region]. *Na putiakh biologicheskoi istorii chelovechestva. Sbornik statei*. Vol. II, 2: 56–85. Moscow: IEA RAN.
- Kiiatkina, T.P. 1995. Kraniologicheskie issledovaniia iz mogil'nikov Altynasar 4. [Craniological research from the Altynasar 4 burial grounds]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti*. Vol. V. Dzhetyasarskaia kul'tura. Pt. 5, 5 (5): 240–281. Moscow: IEA RAN.
- Kiiatkina, T.P. 1995. Kraniologicheskii material iz Tompakasarskogo mogil'nika [Craniological material from the Tompakasar burial ground]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti*. Vol. V. Dzhetyasarskaia kul'tura. Pt. 5, 5 (5): 282–289. Moscow: IEA RAN,
- Kiiatkina, T.P. 1993. Kraniologicheskii material iz sklepov mogil'nikov Altynasar 4, Tompakasar i Kosasar [Craniological material from the crypts of Altynasar 4, Tompakasar and Kosasar burial grounds]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti*. Vol. II. Dzhetyasarskaia kul'tura. Pt. 1. Sklepy, 2 (1): 224–242. Moscow: IEA RAN.
- Levina, L.M. 1992. Pamiatniki dzhetyasarskoi kul'tury serediny I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Monuments of the Dzhetyasar culture of the middle of the 1st millennium BC - 1st millennium AD]. *Arkheologiya SSSR. Stepnaia polosna Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, 61–72. Moscow: Nauka.
- Levina, L.M. 1993. Dzhetyasarskie sklepy. [Dzhetyasar Crypts]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti*. Vol.

- II. Dzhetyasarskaia kul'tura*. Pt. 1, 2 (1): 33–198. Moscow: IEA RAN.
- Levina, L.M. 1994. Mogil'niki Altynasar 4. [Altynasar Cemetery 4]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti. Vol. IV. Dzhetyasarskaia kul'tura*. Pt. 3-4, 4 (3–4). Moscow: IEA RAN.
- Levina, L.M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priural'ia: I tys. do n.e. – I tys.n.e.* [Ethnocultural history of the Eastern Priaralye: 1st millennium BC - 1st millennium AD]. Moscow: IEA RAN.
- Malashev, V.Yu., and L.T. Yablonskii. 2008. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)*. [The steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian period (based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literature" RAN.
- Malashev, V.Yu., and M.G. Moshkova. 2010. Proiskhozhdenie pozdnesarmatskoi kul'tury (k postanovke problemy). [The origin of the late Sarmatian culture (to the problem statement)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoi kul'tury (po arkhelogicheskim i estestvennonauchnym dannym). Materialy seminara Tsentra izucheniia istorii i kul'tury sarmatov*. Vol. III. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet 3: 37–56.
- Nerazik, E.E. 1966. *Sel'skie poseleniia afrigidskogo Khorezma*. [Rural settlements of Afrigid Khorezm]. Moscow: Nauka.
- Rykushina, G.V. 1993. Materialy po odontologii dzhetyasarskoi kul'tury. Gruntovye pogrebeniia mogil'nikov Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasar. [Materials on the odontology of the Dzhetyasar culture. Ground burials of the burial grounds of Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar, Bedaikasar]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti. Vol. III. Dzhetyasarskaia kul'tura. Pt. 2. Mogil'niki Tompakasar i Kosasar*, 3 (2): 195–205. Moscow: IEA RAN.
- Rykushina, G.V. 1993. Odontologicheskaia kharakteristika cherepov iz sklepov dzhetyasarskoi kul'tury (Altynasar 4, Tompakasar, Kosasar 3). [Odontological characteristics of skulls from crypts of the Dzhetyasar culture (Altynasar 4, Tompakasar, Kosasar 3)]. *Nizov'e Syrdar'i v drevnosti. Vol. II. Dzhetyasarskaia kul'tura. Pt. 1. Sklepy*: 243–252. Moscow: IEA RAN.
- Vainberg, B.I. 1999. *Etnografiia Turana v drevnosti. VII v.do n.e. – VIII vv. n.e.* [Ethnography of Turan in antiquity. VII century BC – VIII centuries. AD]. Moscow: Vostochnaia literature.

© *Е.А. Вагнер-Сапухина*

ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАНЫМ ДИСКРЕТНО-ВАРЬИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА*

Статья посвящена изучению изменчивости дискретно-варьирующих признаков в поволжских популяциях. В качестве теоретической основы были взяты гипотезы о происхождении народов Волго-Уральского региона, сформулированные в результате анализа данных о морфологии зубной системы. Материалом для данной работы послужили 11 остеологических серий близких к современности групп – 7 по народам Поволжья и 4 сравнительных, общей численностью 626 индивидов. Методика исследования включала в себя фиксацию 64 признаков на посткраниальном скелете, 16 из которых были использованы при статистической обработке материала. Эмпирический анализ данных показал значительную вариабельность большинства признаков. При описании их изменчивости удалось обнаружить некоторые тенденции: например, башкирская и бурятская серии часто оказывались в пределах крайних значений частот ряда признаков. Группа мордвы-мокиши также обладала особой специфичностью. Две группы удмуртов, как и чувашей, оказались достаточно близки между собой, а русские Старой Ладogi не отличались от поволжских групп. Многомерные статистические анализы позволили уточнить эмпирически сформулированные гипотезы. Полученные результаты по распределению дискретно-варьирующих признаков длинных костей скелета хорошо согласуются с одонтологическими данными. Буряты обладают специфическим комплексом признаков, который крайне далек от комплекса, характерного для поволжских групп. Башкиры оказались отделенными от поволжских популяций не только по одонтологическим данным, но и по частотам неметрических признаков посткраниального скелета. Близость саамов к поволжским сериям также согласуется с данными по морфологии зубной системы.

Ключевые слова: *остеология, одонтология, дискретно-варьирующие признаки посткраниального скелета, поволжские народы, сравнительные популяционные исследования*

Ссылка при цитировании: *Вагнер-Сапухина Е.А. Характеристика народов Поволжья по данным дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета* // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 2019–237.

Вагнер-Сапухина Елена Андреевна – младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3); научный сотрудник Научно-просветительского центра палеоэтнологических исследований (Россия, Москва, Новая площадь, 12/5). Эл. почта: lena.sapuhina@gmail.com

Материалы, изложенные в статье, были озвучены в докладе на Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося антрополога, д.и.н., проф. А.А. Зубова (1934–2013) «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного», ИЭА РАН, Москва, Россия, 13–16 мая 2019 г.

Введение

Популяционные исследования на основе дискретно-варьирующих признаков (ДВП) посткраниального скелета хорошо зарекомендовали себя как метод изучения древнего и близкого к современности населения (*Saunders* 1978: 356–398; *Winder* 1981; *Saunders, Rainey* 2008: 553–554; *Burrell* 2018). Однако в нашей стране подобные работы единичны и затрагивают только отдельные признаки, либо только описывают популяцию в силу недостаточности сравнительных данных (*Перева* 2014: 55–64; *Каранетян* 2015: 109–136; *Karapetian* 2017).

В данной работе была предпринята попытка определить место поволжских популяций среди населения Восточно-Европейской равнины по данным дискретно-варьирующих признаков костей верхней и нижней конечности. Были поставлены следующие задачи:

1. дать характеристику распределения частот дискретно-варьирующих признаков костей верхней и нижней конечности посткраниального скелета;
2. проанализировать положение групп в многомерном статистическом пространстве;
3. сравнить полученные результаты с литературными данными по одонтофенетике.

В качестве теоретической базы для настоящего исследования были взяты одонтологические данные об этногенезе поволжских и приуральских народов, которые в разное время были опубликованы отечественными антропологами.

Финно- и тюркоязычные народы Поволжья и Приуралья по морфологии зубной системы изучались достаточно подробно. Первые работы на эту тему были опубликованы А.А. Зубовым и Н.И. Халдеевой. В них было отмечено специфическое сочетание признаков у финноязычных популяций – высокая частота коленчатой складки метаконида, традиционно считающаяся характеристикой восточного одонтологического ствола, совместно с предельно высоким уровнем редукции нижних моляров (*Зубов* 1972: 72; *Зубов, Халдеева* 1974: 53; *Зубов, Халдеева* 1979: 67). Позднее этот комплекс признаков был выделен в отдельный северный грацильный тип. Такой вариант распределения частот был отмечен у групп горных и луговых мари. Кроме того, авторы выделили у этих народов черты южного грацильного типа, характерного для некоторых групп населения Кавказа и Средней Азии. В работе А.А. Зубова по одонтологической характеристике населения Финляндии были углублены сведения об морфологии зубной системы финноязычных народов. Помимо северного грацильного типа, теперь у разных народов были прослежены черты северо-восточного реликтового типа, также отмечается близость общности «восточные финны – саамы» к марийцам (*Зубов* 1982: 144–145).

С одонтологической точки зрения поволжские народы изучались также Г.В. Рыкушиной. В первую очередь она описала одонтологические характеристики центральных и северных удмуртов, отметив, что для большинства из них характерны черты северного грацильного типа, однако некоторые специфические особенности позволили автору выделить вятско-камский вариант северного грацильного типа. Г.В. Рыкушина отмечает тесные связи северных удмуртов с юго-западными финнами, коми-зырянами и вепсами, а центральные удмурты оказались близки к одонтологическому варианту, который наблюдается у мордвы-эрзи (*Рыкушина* 1987: 55–58). Позднее, проанализировав 42 финно- и тюркоязычные группы, Г.В. Рыкушина выделила четыре локуса формообразования одонтологических черт: поволжский с преобладанием частот восточного одонтологического ствола, вятско-камский с уме-

ренными характеристиками восточных особенностей, приполярный с пониженными значениями частот как восточного, так и западного ствола, и юго-западный – с умеренными частотами восточного и пониженными западных особенностей (последний характерен только для башкир) (Рыкушина 1997: 558; 2000: 105).

Башкирские группы – периферийные в географическом отношении для Среднего Поволжья – были подробно исследованы Н.А. Лейбовой. В её работах были выделены характерные особенности башкир, заключающиеся в сочетании северного и южного грацильных типов с некоторыми признаками архаичности и матуризованности, и отмечена их таксономическая удаленность от ближайших соседей – урало-поволжских групп (Лейбова 2011: 303–317). Антропологическую специфичность башкир отмечали и другие авторы (Рыкушина 2000: 105–106; Аксянова, Харламова 2013: 162).

Г.А. Аксянова и Н.В. Харламова исследовали особенности тюркоязычных групп Поволжья и Урала, отметив два морфологических массива: башкиры с одной стороны и татары, кряшены и чувашы с другой, при этом последние по одонтологическим данным оказались близки ещё и к южным удмуртам и мордве-мокше (Аксянова, Харламова 2013: 159).

Таким образом, одонтологическая литература дала ряд гипотез, на которые можно было бы опираться в данной работе. В первую очередь это положения, высказанные А.А. Зубовым о специфичном сочетании восточных и западных особенностей среди финноязычных групп, которое в дальнейшем было выделено в северный грацильный тип, а также его частный вывод о близости саамов с горными и луговыми марийцами. Кроме того, Г.В. Рыкушина предположила географическое распределение доли восточного компонента, которая уменьшалась в Поволжье в северо-восточном направлении, и особенно ярко восточный компонент проявлялся у марийцев и татар. Сочетание одонтологических признаков у удмуртов и коми представлялись ею как исходный, предковый морфологический пласт. Популяции татар, чувашей, марийцев и некоторые группы мордвы предполагались метисными и сформировавшимися при участии степного компонента на протяжении последних двухсот лет и одонтологических особенностей славянского населения. Башкиры рядом авторов считаются своеобразным для Поволжья населением со своими специфическими особенностями, выражающимися в сочетании западных и восточных черт при доминировании последних.

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужили 11 групп – 7 поволжских (мари горные, две группы удмуртов, чувашы верховые и низовые, мордва-мокша, мордва-эрзя) и 4 сравнительные (башкиры, буряты, саамы и русские Старой Ладogi). Данные серии хранятся в НИИ и Музее антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Большинство серий было получено в результате раскопок середины XX века и датируется близким к современности временем. Всего было изучено 626 индивидов (табл. 1).

Методика исследования популяций по системе дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета включает в себя фиксацию 64 признаков на костях плечевого и тазового пояса, длинных костях, шейного, поясничного и крестцового отделов позвоночника, а также надколеннике и костях предплюсны (таранная и пяточная). Основу программы исследования составили признаки, опубликованные М. Финнеганом

Таблица 1

Материалы, использованные в работе, с количеством исследованных индивидов

Серия	Автор, год раскопок	Место хранения материалов	Этническая принадлежность	Хронология	Количество исследованных индивидов
<i>Мавлютово</i> , Кушнаренковский р-он, Башкирия	М.С. Акимова, 1962	НИИ МА МГУ	<i>башкиры</i>	XIV – XVIII вв.	60
<i>Суджа</i> , Кяхтинский район, Бурятия	Н.Н. Мамонова, 1953-1954	МАЭ РАН	<i>буряты</i>	XIX вв.	30
<i>с. Можга</i> , Можгинский р-он, Удмуртия	М.С. Акимова, 1956	НИИ МА МГУ	<i>удмурты южные</i>	XVII – XVIII вв.	64
<i>с. Бурино</i> , Балеизинский р-он, Удмуртия	М.С. Акимова, 1958	НИИ МА МГУ	<i>удмурты северные</i>	XVI – XVII вв.	36
<i>д. Татмыш-Югелево</i> , Чувашия	М.С. Акимова, 1950	НИИ МА МГУ	<i>чувашии низовые</i>	XVII – XVIII вв.	42
<i>д. Катерзино</i> , Козловский р-он, Чувашия	М.С. Акимова, 1949	НИИ МА МГУ	<i>чувашии верховые</i>	XVII – XVIII вв.	126
<i>Бутский</i> м-к, д. Морозовка, Пензенская обл.	А.Е. Алихова, 1928	НИИ МА МГУ	<i>мордва-моксиа</i>	XVI – XVIII вв.	32
<i>с. Новая Пырма</i> , Кочкуровский р-он, Мордовия	М.С. Акимова, 1951	НИИ МА МГУ	<i>мордва-эрзя</i>	XVII – XVIII вв.	80
<i>Сундырь</i> , Марий Эл	М.С. Акимова, 1953	НИИ МА МГУ	<i>мари горные</i>	XVI – XVIII вв.	51

Таблица 1 (продолжение)

Серия	Автор, год раскопок	Место хранения материалов	Этническая принадлежность	Хронология	Количество исследованных индивидов
<i>Старая Ладога</i> , Ленинградская обл.	В.И. Равдоникас, 1939-1940; Н.В. Григорьева, 2010-е	МАЭ РАН	<i>русские Старой Ладоги</i>	XVII–XIX вв.	67
<i>Чальмны-варре</i> , р. Иоканга, Кольский полуостров, Мурманская обл.	В.И. Хартанович, 1976	МАЭ РАН	<i>саамы</i>	XIX–XX вв.	38
Всего:					626

Рис. 1. Форма лучевой ямки плечевой кости.

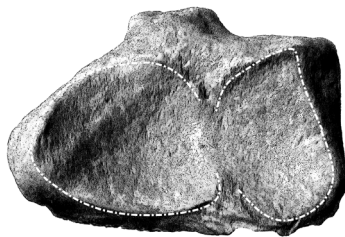

Рис. 2. Двойная запястная суставная поверхность лучевой кости.

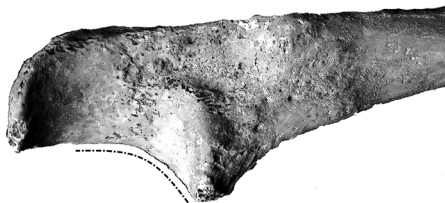

Рис. 4. Инфантильная форма венечного отростка локтевой кости.

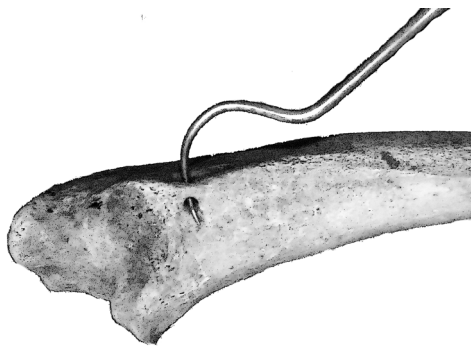

Рис. 3. Отверстие гребня супинатора локтевой кости.

и Ш. Сондерс (*Finnegan 1978: 24–31; Saunders 1978: 63–78*). Дополнили перечень признаки, предложенные Р. Мартином и Г. Валуа и популяризированные среди русскоязычной аудитории В.П. Алексеевым (*Martin 1928; Vallois, 1932; Алексеев 1966: 60, 72–74*). Подавляющее большинство признаков являются дискретно-варьирующими по природе, и лишь небольшое количество признаков имеют балловую оценку.

Кроме того, в исследовательский бланк вошли анатомические варианты, обнаруженные Д.В. Пежемским и автором на длинных костях (*Вагнер-Сапухина 2019*). Среди них:

1. форма лучевой ямки плечевой кости фиксируется при глубокой или среднеглубокой лучевой ямке с образованием над ней небольшого костного валика (рис. 1);
2. двойная запястная суставная поверхность лучевой кости заметна при разделении поверхности нижнего эпифиза костным валиком с хорошо идентифицируемыми с двух сторон вырезками на две фасетки для полулунной и ладьевидной костей запястья (рис. 2);
3. отверстие гребня супинатора локтевой кости – хорошо заметный признак, находящийся непосредственно под лучевой вырезкой (рис. 3). Иногда необходимо проверять наличие признака зондом;
4. двойная суставная поверхность блоковой вырезки локтевой кости считается присутствующей, если видно отчетливое разделение на суставную поверхность олекранона и суставную поверхность венечного отростка;
5. инфантильная форма венечного отростка локтевой кости фиксируется, если в латеральной норме отросток опущен вниз, как у детей в возрастной когорте *Infantilis I* (рис. 4);
6. двойное питательное отверстие большой берцовой кости отмечается при наличии дополнительного отверстия диафиза вблизи от основного.

Учёт билатеральных признаков производился как на правую, так и на левую сторону. Подсчет частот производился по каждой стороне отдельно и на индивида. В данной работе приведены частоты, полученные по правой стороне. Все группы были просмотрены по полной программе, если это позволяла комплектность и сохранность материала.

В данной работе было решено использовать признаки, которые фиксируются на длинных костях скелета, так как их частоты были получены для каждой из исследованных групп. Выбор правой стороны был сделан в качестве эксперимента по аналогии с анализом данных в одонтологии.

Статистический анализ был произведен при помощи программы Microsoft Excel 2013 и пакета программ Statistica 8.0. В качестве формулы для вычисления доверительного интервала использовался метод Вальда, а там, где частота встречаемости была равна нулю, применялась формула Ван-дар-Вардена (*Рокицкий 1973: 172–176*). Многомерные вычисления были проделаны при помощи анализа соответствий (correspondence analysis). Как дополнительный метод было применено многомерное шкалирование матрицы евклидовых расстояний.

Результаты и обсуждение

Ряд признаков обладает небольшим размахом изменчивости (табл. 2). Среди них – надмышечковый отросток и межмышечковое отверстие плечевой кости, отверстие

Таблица 2

Дискретно-варьирующие признаки длинных костей скелета в группах, близких к современности

	башкиры		буряты		удмурты южные		удмурты северные				
	N	n	N	n	N	n	N	n			
Надмышцелковый отросток (Humerus)	56	0,018± 0,018	19	0	0,000± 0,045	36	0	0,000± 0,026	32	0	0,000± 0,0279
Межмышцелковое отверстие (Humerus)	56	0,071± 0,034	19	1	0,053± 0,051	36	2	0,056± 0,038	31	1	0,032± 0,032
Форма лучевой ямки (Humerus)	24	0,542± 0,102	17	0	0,000± 0,050	35	5	0,143± 0,059	32	7	0,219± 0,073
Двойная запястная суставная поверхность (Radius)	53	0,245± 0,059	17	9	0,529± 0,121	32	10	0,313± 0,082	28	7	0,250± 0,082
Отверстие гребня сулинатора (Ulna)	53	0,000± 0,018	17	0	0,000± 0,050	29	0	0,000± 0,031	29	0	0,000± 0,031
Двойная суставная поверхность блоковой вырезки (Ulna)	20	0,650± 0,107	17	0	0,000± 0,050	29	16	0,552± 0,092	29	14	0,483± 0,093
Инфантильная форма веночного отростка (Ulna)	19	0,684± 0,107	17	0	0,000± 0,050	28	1	0,036± 0,035	24	1	0,042± 0,041
Ямка Аллена (Femur)	56	0,232± 0,056	26	8	0,308± 0,091	28	8	0,286± 0,085	23	6	0,261± 0,092
Фасетка Пуарье (Femur)	52	0,481± 0,069	27	14	0,519± 0,096	33	23	0,697± 0,080	26	23	0,885± 0,063
Бляшка шейки (Femur)	55	0,545± 0,067	26	10	0,385± 0,095	32	12	0,375± 0,086	28	6	0,214± 0,078
Подвертельная ямка (Femur)	55	0,036± 0,025	29	1	0,034± 0,034	43	8	0,186± 0,059	32	9	0,281± 0,079
Трепий вертел (Femur)	54	0,500± 0,068	29	12	0,414± 0,091	39	6	0,154± 0,058	32	10	0,313± 0,082

Таблица 2 (продолжение)

	башкиры		буряты		удмурты южные		удмурты северные					
	N	n	N	n	N	n	N	n				
Экзостоз вертельной ямки (Femur)	52	10	0,192± 0,055	27	10	0,370± 0,093	43	10	0,233± 0,064	31	10	0,323± 0,084
Двойное питательное отверстие (Tibia)	55	3	0,055± 0,031	22	0	0,000± 0,040	34	0	0,000± 0,027	31	0	0,000± 0,029
Медиальная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	53	19	0,358± 0,066	21	6	0,286± 0,099	22	13	0,591± 0,105	28	13	0,464± 0,094
Латеральная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	52	41	0,788± 0,057	20	15	0,750± 0,097	23	15	0,652± 0,099	27	18	0,667± 0,091

	чувашки низовые		чувашки верховые		русские Старой Ладоги		саамы					
	N	n	N	n	N	n	N	n				
Надмышцелковый отросток (Humerus)	28	0	0,000± 0,032	66	0	0,000± 0,014	46	0	0,000± 0,020	35	1	0,029± 0,028
Межмышцелковое отверстие (Humerus)	27	0	0,000± 0,033	66	4	0,061± 0,029	45	6	0,133± 0,051	24	2	0,083± 0,056
Форма лучевой ямки (Humerus)	27	7	0,259± 0,084	66	21	0,318± 0,057	45	12	0,267± 0,066	34	6	0,176± 0,065
Двойная запястная суставная поверхность (Radius)	21	5	0,238± 0,093	63	22	0,349± 0,060	41	7	0,171± 0,059	26	4	0,154± 0,071
Отверстие гребня супинатора (Ulna)	20	0	0,000± 0,043	67	1	0,015± 0,015	40	1	0,025± 0,025	28	2	0,071± 0,049
Двойная суставная поверхность блоковой вырезки (Ulna)	20	10	0,500± 0,112	68	29	0,426± 0,060	41	28	0,683± 0,073	26	13	0,500± 0,098

Продолжение таблицы 2

Таблица 2 (продолжение)

	чувашские низовые		чувашские верховые		русские Старой Ладogi		саамы	
	N	n	N	n	N	n	N	n
Инфантильная форма венозного отростка (Ulna)	18	2 0,111± 0,074	62	1 0,016± 0,016	41	0 0,000± 0,023	25	0 0,000± 0,036
Ямка Аллена (Femur)	16	4 0,250± 0,108	46	11 0,239± 0,063	46	18 0,391± 0,072	17	2 0,118± 0,078
Фасетка Пуарье (Femur)	17	7 0,412± 0,119	51	24 0,471± 0,070	44	21 0,477± 0,075	18	11 0,611± 0,115
Бляшка шейки (Femur)	21	6 0,286± 0,099	51	24 0,471± 0,070	47	16 0,340± 0,069	19	4 0,211± 0,094
Подвертельная ямка (Femur)	23	5 0,217± 0,086	56	10 0,179± 0,051	52	18 0,346± 0,066	35	10 0,286± 0,076
Третий вертел (Femur)	21	5 0,238± 0,093	55	10 0,182± 0,052	53	16 0,302± 0,063	35	7 0,200± 0,068
Экзостоз вертельной ямки (Femur)	21	2 0,095± 0,064	54	15 0,278± 0,061	51	11 0,216± 0,058	36	15 0,417± 0,082
Двойное питательное отверстие (Tibia)	23	0 0,000± 0,038	65	3 0,046± 0,026	36	1 0,028± 0,027	33	0 0,000± 0,028
Медиальная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	18	14 0,778± 0,098	58	40 0,690± 0,061	35	21 0,600± 0,083	26	5 0,192± 0,077
Латеральная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	16	7 0,438± 0,124	61	41 0,672± 0,060	36	20 0,556± 0,083	22	10 0,455± 0,106

Продолжение таблицы 2

	мордва-мокса		мордва-эрзя		мари горные		
	N	n	N	n	N	n	
Надмышцелковый отросток (Numerus)	29	0 0,000+ 0,031	47	0	40	1	0,025± 0,025
Межмышцелковое отверстие (Numerus)	29	2 0,069± 0,047	45	5	40	4	0,100± 0,047
Форма лучевой ямки (Numerus)	28	16 0,571± 0,094	47	6	40	7	0,175± 0,060
Двойная запястная суставная поверхность (Radius)	15	2 0,133± 0,088	44	10	30	7	0,233± 0,077
Отверстие гребня супинатора (Ulna)	28	0 0,000+ 0,032	39	1	31	0	0,000+ 0,029
Двойная суставная поверхность блоковой вырезки (Ulna)	28	10 0,357± 0,091	39	16	31	15	0,484± 0,090
Инфантильная форма венечного отростка (Ulna)	15	0 0,000+ 0,055	39	2	31	1	0,032± 0,032
Ямка Аллена (Femur)	15	9 0,600± 0,126	37	16	24	9	0,375± 0,099
Фасетка Пуарье (Femur)	14	11 0,786± 0,110	40	25	25	11	0,440± 0,099
Бляшка шейки (Femur)	14	7 0,500± 0,134	40	8	26	11	0,423± 0,097
Подвертельная ямка (Femur)	25	8 0,320± 0,093	43	8	27	5	0,185± 0,075
Третий вертел (Femur)	24	3 0,125± 0,068	43	9	27	6	0,222± 0,080
Экзостоз вертельной ямки (Femur)	15	6 0,400± 0,126	43	10	25	11	0,440± 0,099

Таблица 1 (продолжение)

	мордва-мокша		мордва-эрзя		мары горные	
	N	n	N	n	N	n
Двойное питательное отверстие (Tibia)	24	2 0,083± 0,056	42	1 0,024±	37	1 0,027± 0,027
Медиальная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	12	11 0,917± 0,080	40	21 0,525± 0,079	34	19 0,559± 0,085
Латеральная фасетка переднего края нижнего эпифиза (Tibia)	13	9 0,692± 0,128	39	13 0,333± 0,075	32	18 0,563± 0,088

ребра супинатора и инфантильная форма венечного отростка локтевой кости, двойное питательное отверстие большой берцовой кости. Надмышцелковый отросток ветрится лишь в нескольких случаях у башкир, горных марийцев и саамов. Межмышцелковое отверстие плечевой кости варьирует слабо, и либо не встречается вовсе, как у низовых чувашей, либо достигает всего лишь 13,3 % у русских Старой Ладogi. Отверстие ребра супинатора фиксируется крайне редко. Признак наблюдался лишь в небольшом проценте у мордвы-эрзя, верховых чувашей и русских. У саамов частота встречаемости отверстия достигала 7,1 %. Инфантильная форма венечного отростка локтевой кости также достаточно редкий признак: у четырех из исследуемых групп он не встретился ни разу. Рекордно высокая частота наблюдается у башкир – 68,4 %. Возможно, это связано с тем, что население, оставившее могильник Мавлютово, принадлежало одному башкирскому роду «*дувани*», члены которого обладали этой редкой морфологической особенностью. В остальных сериях частота инфантильной формы венечного отростка варьирует от 1,6 до 11,1 %. Двойное питательное отверстие большой берцовой кости встречается обычно в одном – двух случаях на всю группу, поэтому значения его частоты не превышают 10%.

Другие признаки более изменчивы. Так, у формы плечевой ямки плечевой кости, которая фиксируется при значительной глубине образования и обрамлении сверху валиком со сглаженными краями, размах вариации значителен – от отсутствия признака у бурят до 57,1 % у мордвы-мокши. Достаточно высокие частоты данного признака наблюдаются также в башкирской группе – 54,2%. Средние значения встречаемости наблюдаются в чувашских сериях, у северных улмутов и русских Старой Ладogi. В остальных группах частота не достигает 20 %. Двойная запястная суставная поверхность также достаточно изменчивый признак. Пониженные значения частоты признака фиксируются у мордвы-мокши, русских и саамов – самые западные в географическом отношении серии, а наибольшая частота отмечается у бурят (52,9 %) – самой восточной и рассматриваемых групп. В поволжских сериях признак распределяется без какого-либо «географического градиента». Двойная суставная поверхность блоковой вырезки локтевой кости

ни разу не встретилась у бурят, во всех остальных сериях её частота варьирует от 35,7 % (мордва-мокша) до 68,3 % (русские Старой Ладogi).

Признаки бедренной и большой берцовой костей также довольно изменчивы. Наименьшая встречаемость ямки Аллена отмечена у саамов – 11,8 %, наибольшая зафиксирована в группе мордвы мокши – 60 %. Повышенные частоты ямки шейки бедренной кости наблюдаются у мордвы-эрзи, горных мари и русских. В остальных сериях, включая бурят и башкир, частота признака изменяется от 23,2 до 30,8 %. Фасетка Пуарье встречается в группах достаточно часто – от 41,2 % у низовых чувашей до 88,5 % у северных удмуртов. Близки по этому признаку к южным чувашам марийцы, башкиры, русские и чувашаи верховые. К северным удмуртам тяготеют серии мордвы и южные удмурты. Буряты по данному признаку занимают срединное положение. Бляшка шейки бедренной кости изменяется от 20 % у мордвы-эрзи до 54,5 % у башкир. Наиболее близки по частоте к первым оказываются северные удмурты и саамы, а к башкирам – группа мордвы-мокши. Подвертельная ямка среди остальных признаков является, вероятно, единственным, у которого на данном материале прослеживается географическое распределение частот с востока на запад. У башкир и бурят самые низкие частоты встречаемости подвертельной ямки – около трех процентов, а у русских и саамов достигают 28,6 и 34,6 % соответственно. Среди поволжских групп повышенные значения признака наблюдаются у мордвы-мокши и северных удмуртов, в остальных сериях процент встречаемости подвертельной ямки не превышает 20-ти. Самая большая частота встречаемости третьего вертела фиксируется у башкир и бурят (50 и 41,4 % соответственно). Немного снижается этот показатель у русских и северных удмуртов. В остальных исследуемых сериях частота третьего вертела варьирует от 15,4 до 23,8 %. Экзостоз вертельной ямки также достаточно вариативный признак. Наивысших значений он достигает у мордвы-мокши, горных марийцев и саамов, наименьший показатель фиксируется у низовых чувашей. Фасетки переднего края нижнего эпифиза большой берцовой кости довольно распространенные признаки. Медиальная фасетка имеет большой размах изменчивости – от 19,2 % у саамов до 91,7 % у мордвы-мокши. Небольшая по сравнению с остальными сериями частота признака наблюдается у башкир и бурят. Латеральная фасетка варьирует от 33,3 % у мордвы-эрзи до 78,8 % у башкир. Высокие значения признака отмечаются также у бурят, а низкие в сериях низовых чувашей и саамов. В остальных группах латеральная фасетка изменяется от 55,6 до 69,2 %.

Признаки бедренной и большой берцовой костей также довольно изменчивы. Наименьшая встречаемость ямки Аллена отмечена у саамов – 11,8 %, наибольшая зафиксирована в группе мордвы мокши – 60 %. Повышенные частоты ямки шейки бедренной кости наблюдаются у мордвы-эрзи, горных мари и русских. В остальных сериях, включая бурят и башкир, частота признака изменяется от 23,2 до 30,8 %. Фасетка Пуарье встречается в группах достаточно часто – от 41,2 % у низовых чувашей до 88,5 % у северных удмуртов. Близки по этому признаку к южным чувашам марийцы, башкиры, русские и чувашаи верховые. К северным удмуртам тяготеют серии мордвы и южные удмурты. Буряты по данному признаку занимают срединное положение. Бляшка шейки бедренной кости изменяется от 20 % у мордвы-эрзи до 54,5 % у башкир. Наиболее близки по частоте к первым оказываются северные удмурты и саамы, а к башкирам – группа мордвы-мокши. Подвертельная ямка среди остальных признаков является, вероятно, единственным, у которого на данном ма-

териале прослеживается географическое распределение частот с востока на запад. У башкир и бурят самые низкие частоты встречаемости подвертельной ямки – около трех процентов, а у русских и саамов достигают 28,6 и 34,6 % соответственно. Среди поволжских групп повышенные значения признака наблюдаются у мордвы-мокши и северных удмуртов, в остальных сериях процент встречаемости подвертельной ямки не превышает 20-ти. Самая большая частота встречаемости третьего вертела фиксируется у башкир и бурят (50 и 41,4 % соответственно). Немного снижается этот показатель у русских и северных удмуртов. В остальных исследуемых сериях частота третьего вертела варьирует от 15,4 до 23,8 %. Экзостоз вертельной ямки также достаточно вариативный признак. Наивысших значений он достигает у мордвы-мокши, горных марийцев и саамов, наименьший показатель фиксируется у низовых чувашей. Фасетки переднего края нижнего эпифиза большой берцовой кости довольно распространенные признаки. Медиальная фасетка имеет большой размах изменчивости – от 19,2 % у саамов до 91,7 % у мордвы-мокши. Небольшая по сравнению с остальными сериями частота признака наблюдается у башкир и бурят. Латеральная фасетка варьирует от 33,3 % у мордвы-эрзи до 78,8 % у башкир. Высокие значения признака отмечаются также у бурят, а низкие в сериях низовых чувашей и саамов. В остальных группах латеральная фасетка изменяется от 55,6 до 69,2 %.

Эмпирический анализ полученных данных показывает значительную вариативность большинства признаков. В результате описания размаха их изменчивости наметились некоторые тенденции. Наиболее заметным является расположение башкирской и бурятской серий в пределах крайних значений частот по многим признакам. Кроме того, также серия мордвы-мокши отделяется от поволжских групп. Стоит отметить, что северные и южные удмурты, как и две группы чувашей, достаточно близки между собой. В то же время, русские не сильно отличаются от поволжских групп по частотам рассматриваемых признаков.

Чтобы конкретизировать полученные ранее результаты, была проведена серия многомерных анализов. В первую очередь, стоит рассмотреть результаты анализа соответствий. Заметным своеобразием характеризуются башкирская и бурятская группа, причем они располагаются в разных частях графика, задавая определенный масштаб изменчивости (рис. 5). Такое своеобразие этих двух групп вполне объяснимо. Так, буряты являются представителями азиатско-американской расы и сильно отличаются от поволжских популяций морфологически. Башкиры же, если сравнивать с результатами одонтологических исследований, тяготеют к обским уграм, обладающим чертами уральской расы, и имеют некоторые черты, характерные для населения Средней Азии, поэтому их специфичность по данным дискретных признаков посткраниального скелета не вызывает недоумения (Лейбова 2011). Остальные серии компактно располагаются на графике, при этом русские Старой Ладогои, как и группа саамов, здесь тяготеют к остальным поволжским популяциям.

Для того, чтобы более пристально рассмотреть поволжские группы, из анализа были исключены крайние варианты – башкиры и буряты. Во втором варианте анализа соответствий от общего массива отделились саамы (рис. 6). Они далеки от поволжских популяций географически, поэтому их отдаленность вполне объяснима. Показали свою специфичность низовые чувашеи и мордва-мокша, расположившись на двух полюсах графика, между которыми находятся все остальные группы. Нельзя отрицать, что специфические особенности, которые показывает на этом графи-

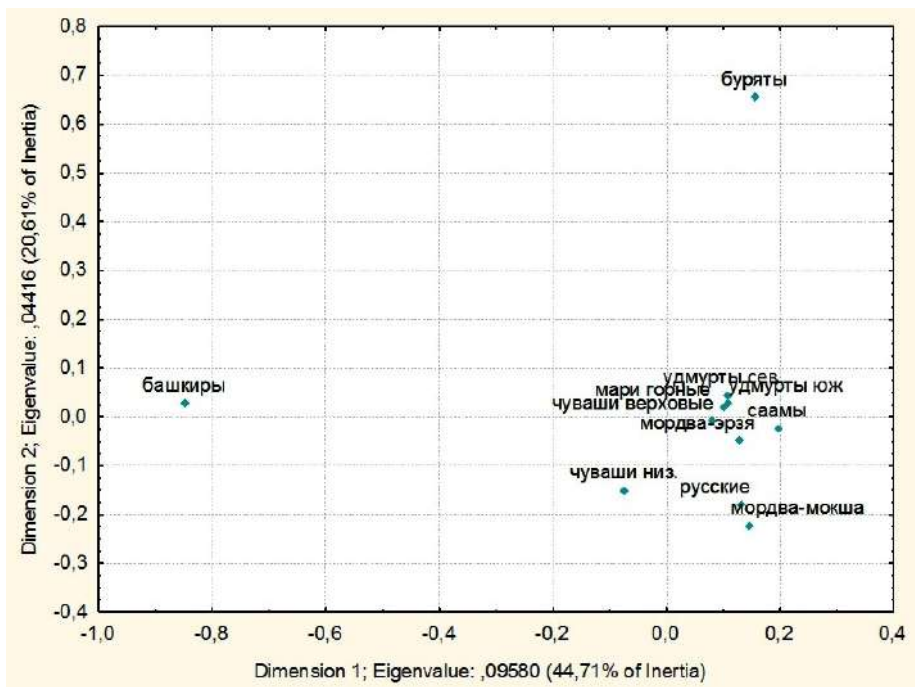

Рис. 5. Результаты анализа соответствий для 11 исследованных групп.

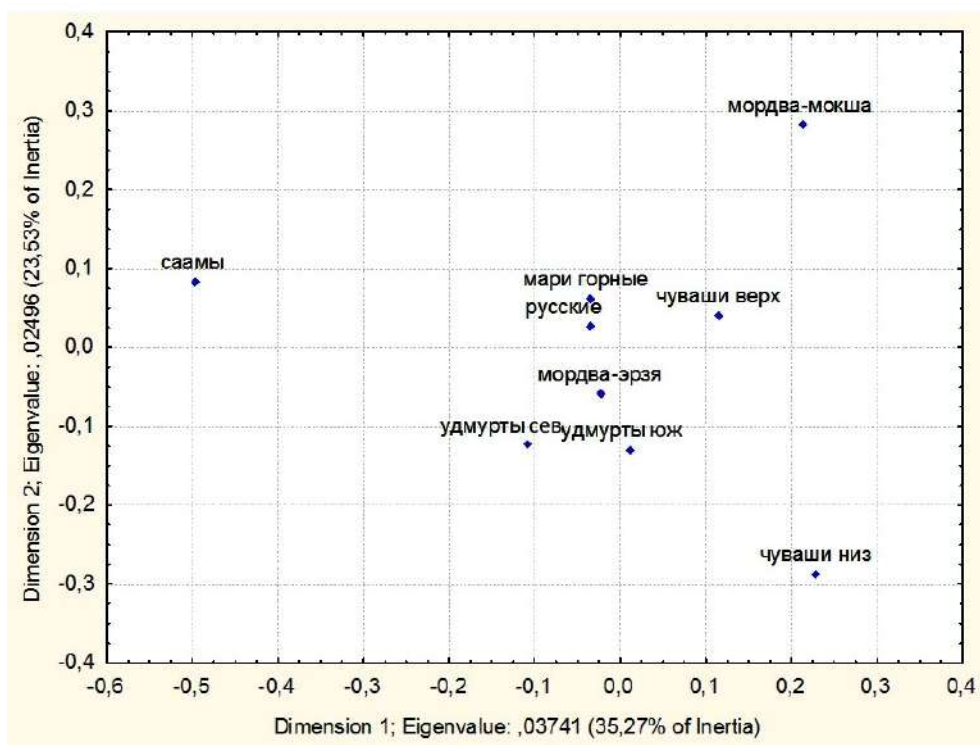

Рис. 6. Результаты анализа соответствий для 9 исследованных групп (буряты и башкиры исключены).

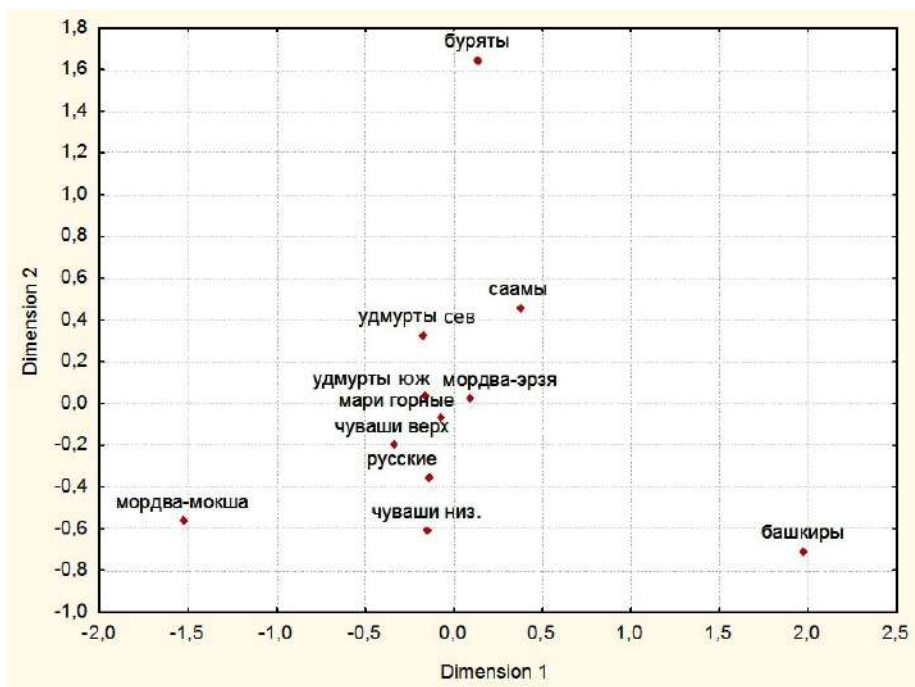

Рис. 7. Результаты многомерного шкалирования для 11 исследованных групп.

ке мордва-мокша, связаны с малой численностью этой группы. В этой связи было бы опрометчиво утверждать какую-либо обособленность мордвы-мокшы от других поволжских серий. Две удмуртские группы оказываются близки друг к другу. При этом, верховые и низовые чуваша, будучи близки по частотам встречаемости анатомических вариантов при эмпирическом анализе, находятся в разных частях графика по совокупности расстояний между признаками.

Далее в качестве дополнительного анализа данных было проведено многомерное шкалирование матрицы евклидовых расстояний между группами (рис. 7). Результаты показали несколько отличающуюся картину от той, которая была получена в случае анализа соответствий. Особой специфичностью обладают башкиры и буряты, что было показано и на первом графике тоже. Мордва-мокша также значительно отделилась от скопления поволжских популяций. Если рассматривать центральное скопление групп, то, исключив русских и мордву, можно заметить географическую зависимость северо-восток – юго-запад в расположении серий Поволжья: северные и южные удмурты находятся сверху этого скопления, затем располагаются маришцы и ещё ниже верховые чуваша и низовые. Несмотря на различия, полученные в результате использования двух разных многомерных анализов, некоторые закономерности вполне объяснимы.

Исходя из полученных выше результатов, появилась возможность сравнить наши данные с гипотезами, существующими в одонтологической литературе. Очевидным является своеобразное распределение дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета у бурят. По морфологии зубной системы они относятся к восточному одонтологическому стволу и отличаются от остальных десяти исследуемых популяций на уровне больших рас (Халдеева 1979: 187–194). Вполне ожидаемой оказалась специфичность башкирской серии. Как и по одонтологическим данным, эта группа занимает

особое положение относительно поволжских популяций, тяготея в своем морфологическом облике скорее к населению Западной Сибири (Рыкушина 1997: 105–106; Лейбова 2011: 303–317; Аксянова, Харламова 2013: 162). Саамы оказались близки по признакам посткраниального скелета к исследуемым сериям, однако обладали некоторыми специфическими особенностями. Это положение вполне согласуется с данными по морфологии зубной системы, так как эта группа, помимо северного грацильного варианта несёт в себе характеристики северо-восточного реликтового типа (Зубов 1982: 147). Две удмуртские серии по распределению ДВП длинных костей скелета оказались близки друг к другу, что не противоречит одонтологическим данным (Рыкушина 1987: 55). Кроме того, по результатам многомерного шкалирования обнаружилась та же географическая зависимость, которую отмечала Г.В. Рыкушина по одонтологическим данным (Рыкушина 1987; 2000). Возможно, при дальнейших исследованиях таксономического статуса признаков посткраниального скелета и более тщательном их подборе удастся уточнить отдельные аспекты изменчивости поволжских популяций.

Выводы

1. Эмпирический анализ данных дает нам первые представления об изменчивости дискретно-варьирующих признаков длинных костей скелета на территории Северной Евразии. Рассмотрение размаха изменчивости каждого признака, позволило отметить их особенности каждой из исследуемых групп.

2. Многомерная статистическая обработка данных позволила обнаружить специфический комплекс дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета у башкир и бурят. Саамы также оказались несколько обособлены от поволжских популяций, хотя на более широком сравнительном фоне скорее тяготели к ним. Во внутренней структуре распределения поволжских групп наблюдается связь с их географическим положением.

3. Гипотезы, распространенные в одонтологической литературе, частично согласуются с полученными результатами. Так, башкиры выглядят совсем не похожими как на поволжские группы, так и на бурят. Некоторая близость саамов к поволжским сериям демонстрируется как данными по дискретным признакам скелета, так и по морфологии зубной системы. Вероятно, полученные в данном исследовании результаты согласуются также с выводами Г.В. Рыкушиной о географическом распределении морфологических черт в направлении юго-запад – северо-восток, но этот аспект требует дополнительных исследований.

Научная литература

- Аксянова Г.А., Харламова Н.В. Одонтология современных татар и крышен Среднего Поволжья // Вестник антропологии, 2013. № 4 (26). С. 144–165.
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.
- Вагнер-Сапухина Е.А. Методика фиксации дискретно-варьирующих признаков на посткраниальном скелете // «В этой связи...»: Сборник статей к юбилею Маргариты Михайловны Герасимовой / Отв. ред. Н.А. Лейбова. М.: «Буки Веди», 2019. С. 190–204, илл. 18–80.
- Зубов А.А. Одонтологические данные по населению Прибалтики // Советская этнография, 1972. № 1. С. 68–72.
- Зубов А.А. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник / Отв. ред. А.А. Зубов, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 1982.

С. 134–148.

- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтологические данные по нескольким финноязычным народам в связи с их происхождением // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии / Отв. ред. И.М. Золоторева. М.: Наука, 1974. С. 51–54.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтологические исследования луговых и горных марийцев // Новые исследования по антропологии марийцев / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: Наука, 1979. С. 65–74.
- Карпетян М.К. Антропологические аспекты морфологической изменчивости костного позвоночника (по метрическим и остеоскопическим данным): Дисс. ... канд. биол. наук, 2015.
- Лейбова Н.А. Одонтология башкир // Антропология башкир / Отв. ред. Н.Х. Спицына, Н.А. Лейбова. СПб: Алетейя, 2011. С. 272–317.
- Перерва Е.В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения, 2014. № 4 (28). С. 51–70.
- Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика. 3-е изд., испр. Минск: Вышэйшая школа, 1973.
- Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 49–58.
- Рыкушина Г.В. Метисные формы в зоне контакта больших рас (особенности морфогенеза зубной системы в Приуральско-Поволжском регионе) // Единство и многообразие человеческого рода / Отв. ред. А.А. Зубов. Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 532–575.
- Рыкушина Г.В. Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // Антропология современных финно-угорских народов / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 100–136.
- Халдеева Н.И. Буряты // Этническая одонтология СССР / Отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 187–194.
- Burrell C.L. Skeletal Variation as a Possible Reflection of Relatedness within Three Medieval British Populations. PhD diss. 2018.
- Finnegan M.J. Non-metric variation of the infracranial skeleton. *Journal of Anatomy*, 1978. No. 125 (1). Pp. 23–37.
- Karapetian M.K. Discrete morphological variants of human cervical vertebrae: exploring pattern of distribution and biological significance. *Homo*, 2017. No. 68 (3). P. 176–198.
- Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie: Kraniologie, Osteologie*. Jena: Verlag Von Gustav Fischer, 1928.
- Saunders Sh.R. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. Ottawa: University of Ottawa Press, 1978.
- Saunders Sh.R., Rainey D.L. Nonmetric trait variation in the skeleton: Abnormalities, anomalies, and atavisms // *Biological Anthropology of the Human Skeleton* / Eds. M.A. Katzenberg, Sh.R. Saunders. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons; 2008. Pp. 533–559.
- Vallois H.V. L'omoplate humaine (suite) // *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*, VIII Série, 1932. No. 3 (1–3). Pp. 3–153.
- Winder S. Infracranial nonmetric variation: an assessment of its value for biological distance analysis. PhD diss. Indiana University, 1981.

Vagner-Sapuhina E.V.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/219-237

The Volga region peoples according to non-metric traits of the postcranial skeleton

The study of the variability of non-metric traits in Volga region populations is based on the hypotheses about the origin of the peoples of the Volga-Ural region, formulated through the analysis of data on the dental system morphology. The material for this work consists of 11 osteological groups close to modernity – 7 for the Volga region peoples and 4 comparative

groups, with a total number of 626 individuals. The research method included recording 64 traits on the postcranial skeleton, 16 of which were used in the statistical analysis. Empirical analysis of the data revealed significant variability of most traits. Some trends could be detected: for example, the Bashkir and Buryat samples often demonstrated extreme values of frequencies of a number of traits. The Mordva-Moksha group was also specific. The Udmurtian samples, as well as the Chuvash groups, were quite close to each other, and the Old Ladoga Russians did not differ from the Volga groups. Multidimensional statistical analyses allowed to refine empirically selected hypotheses. The distribution of non-metric traits of long bones is in good agreement with odontological data. Buryats have a specific complex, which is very far from the one characteristic for the Volga groups. Bashkirs turned out to be an outlying group not only according to odontological data, but also according to the frequency of non-metric traits of the postcranial skeleton. The proximity of the Saam to the Volga samples is also consistent with the data on dental morphology.

Key words: osteology, odontology, non-metric traits of the postcranial skeleton, Volga region populations, comparative population studies

For Citation: Vagner-Sapuhina E.V. 2021. The Volga region peoples according to non-metric traits of the postcranial skeleton. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 2019–237

Vagner-Sapukhina Elena A. – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg); Paleoethnology Research Center (Russia, Moscow). E-mail: lena.sapuhina@gmail.com

The materials presented in the article were announced in a report at an international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of an outstanding anthropologist, Dr. East Professor A. A. Zubov (1934–2013). “Problems of studying variability in anthropology. New in the diversity of the Traditional”, IEA RAS, Moscow, Russia, May 13–16, 2019.

References

- Aksyanova, G.A., and N.V. Kharlamova, 2013. Odontologiya sovremennykh tatar i kryashen Srednego Povolzh'ya [Dental anthropological study of modern Tatars and Kryashens of Middle Volga region]. *Vestnik antropologii* 4 (26): 144–165.
- Alekseev, V.P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka Publ.
- Burrell, C.L. 2018. *Skeletal Variation as a Possible Reflection of Relatedness within Three Medieval British Populations*. PhD diss. Liverpool John Moores University.
- Finnegan, M.J. 1978. Non-metric variation of the infracranial skeleton. *Journal of Anatomy* 125 (1): 23–37.
- Karapetian, M.K. 2015. *Antropologicheskie aspekty morfologicheskoi izmenchivosti kostnogo pozvonochnika (po metriceskim i osteoskopicheskim dannym)* [Anthropological aspects of morphological variability of the spine (according to metric and osteoscopic data)]. PhD diss. Lomonosov Moscow State University.
- Karapetian, M.K. 2017. Discrete morphological variants of human cervical vertebrae: exploring pattern of distribution and biological significance. *Homo* 68 (3): 176–198.
- Khaldeeva, N.I. 1979. Buryaty [Buryats] In *Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], edited by A.A. Zubov, N.I. Khaldeeva, 187–194. Moscow: Nauka Publ.
- Leibova, N.A. 2011. Odontologiya bashkir [Bashkir odontology] In *Antropologiya Bashkir* [Anthropology of the Bashkirs], edited by N.Kh. Spitsyna, N.A. Leibova, 272–317. St. Petersburg: Aleteiya.
- Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie: Kraniologie, Osteologie*. Jena: Verlag Von Gustav Fischer.
- Pererva, E.V. 2014. Diskretno-var'iruyushchie priznaki na kostyakh postkranial'nogo skeleta: na primere antropologicheskikh materialov iz nekropolya Vodyanskogo gorodishcha [Traits of non-metric variation on postcranial skeleton bones: the case of anthropological material from the

- necropolis site of ancient settlement Vodyanskoe]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* 4 (28): 51–70.
- Rokitskii, P.F. 1973. *Biologicheskaya statistika* [Biological statistics]. 3-d edited. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Rykushina, G.V. 1987. *Odontologicheskaya kharakteristika severnykh i tsentral'nykh udmurtov* [Odontological characteristics of the Northern and Central Udmurts] In *Problemy etnogeneza udmurtov* [Problems of the ethnogenesis of the Udmurts], edited by M.G. Atamanov, 49–58. Ustinov: NII SM UASSR.
- Rykushina, G.V. 1997. *Metisnye formy v zone kontakta bol'shikh ras (osobennosti morfogeneza zubnoi sistemy v Priural'sko-Povolzhskom regione)* [Metis forms in the contact zone of large races (features of morphogenesis of the dental system in the Volga-Ural region)] In *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda* [Unity and diversity of the human race], part 2, edited by A.A. Zubov, 532–575. Moscow: IEA RAN.
- Rykushina, G.V. 2000. *Sovremennoe naselenie Srednego Povolzh'ya i Vyatsko-Kamskogo mezhdurech'ya po dannym odontologii* [Modern population of the Middle Volga region and the Vyatka-Kama interfluvium according to odontology] In *Antropologiya sovremennykh finno-ugorskikh narodov* [Anthropology of modern Finno-Ugric peoples], edited by A.A. Zubov, 100–136. Moscow: IEA RAN.
- Saunders, Sh.R. 1978. *The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton*. Ottawa: University of Ottawa Press.
- Saunders, Sh.R., and D.L. Rainey 2008. *Nonmetric trait variation in the skeleton: Abnormalities, anomalies, and atavisms*. In *Biological Anthropology of the Human Skeleton*, edited by M.A. Katzenberg, Sh.R. Saunders, 533–559. Second Edition. Hoboken. NJ: John Wiley & Sons.
- Vagner-Sapukhina, E.A. 2019. *Metodika fiksatsii diskretno-var'iruyushchikh priznakov na postkraniyal'nom skelete* [A method of recording non-metric traits of postcranial skeleton]. In “*V etoi svyazi...*”: *Sbornik statei k yubileyu Margarity Mikhailovny Gerasimovoi* [“In this regard ...”: Collection of articles for the anniversary of Margarita Mikhailovna Gerasimova], edited by N.A. Leibova, 190–204. Moscow: “Buki Vedi”.
- Vallois, H.V. 1932. *L'omoplate humaine (suite)*. *Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*, VIII Série, 3 (1–3): 3–153.
- Winder, S. 1981. *Infracranial nonmetric variation: an assessment of its value for biological distance analysis*. PhD diss. Indiana University.
- Zubov, A.A. 1972. *Odontologicheskie dannye po naseleniyu Pribaltiki* [Odontological data on the Baltic Countries' population]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 68–72.
- Zubov, A.A. 1982. *Geograficheskaya izmenchivost' odontologicheskikh kompleksov finno-ugorskikh narodov* [Geographical variability of odontological complexes of Finno-Ugric peoples]. In *Finno-ugorskii sbornik* [Finno-Ugric collection], edited by A.A. Zubov, N.V. Shlygina. Moscow: Nauka: 134–148.
- Zubov, A.A., and N.I. Khaldeeva. 1974. *Odontologicheskie dannye po neskol'kim finnoyazychnym narodam v svyazi s ikh proiskhozhdeniem* [Odontological data on several Finnish-speaking peoples in connection with their origin]. In *Etnogenez finno-ugorskikh narodov po dannym antropologii* [Ethnogenesis of the Finno-Ugric peoples according to anthropology], edited by I.M. Zolotoreva. Moscow: Nauka. 51–54.
- Zubov, A.A., and N.I. Khaldeeva 1979. *Odontologicheskie issledovaniya lugovykh i gornyykh mariitsev* [Odontological research of meadow and mountain Mari people]. In *Novye issledovaniya po antropologii mariitsev* [New research in anthropology of the Mari], edited by A.A. Zubov. Moscow: Nauka. 65–74.

РУССКОЕ МАСЛОДЕЛИЕ (ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ) XIX–XX вв.*

Русское маслоделие развивалось в XIX–XX вв. как общенародное при участии всех слоев общества. Это позволило создать в стране промышленное производство высокого международного уровня. В статье рассмотрены последовательные периоды процесса.

1. Основу русского маслоделия составляли народные традиции получения масла из коровьего молока, имевшие этническую специфику. Она определялась особенностями климата с продолжительными зимами, на время которых прекращалась лактация у рогатого скота, что требовало заготовки запасов продуктов. В крестьянском хозяйстве этим занимались женщины. Они владели разными способами получения масла, в том числе – конечного продукта – топленого масла, проходившего обработку жаром русской печи и приобретавшего возможность неограниченного срока хранения.

2. Инициатором развития товарного маслоделия являлся Н.В. Верецагин. Он ознакомился с технологией получения сливочного масла в сельских артелях разных государств и поставил целью внедрить этот опыт в России для улучшения быта российского крестьянства. Преодолевая сопротивление чиновников и привлекая единомышленников, он открывал общедоступные школы и заводы маслоделия с использованием местного народного опыта.

3. Работа активизировалась в Сибири, где крестьяне владели большими стадами дойного скота. Важную роль играло создание Союзов маслоделов, которые организовывали артели, обеспечивали хранение и доставку товаров, устанавливали связи с международным рынком, на котором русское масло потеснило других экспортеров.

4. В советский период началось развитие маслоделия на государственном уровне. Организацию индустриального производства вели последовательно и многопланово: селекционная работа животноводов сочеталась с сохранением этнической специфики и укреплением традиционной базы молочного сырья, технические институты разрабатывали современное оборудование, соответственно улучшалось качество продукта, осуществлялось повсеместное поступление его в торговую сеть.

Ключевые слова: *маслоделие, народные традиции, этническая специфика,*

Липинская Виктория Анатольевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (РФ, Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: vlipinskaya@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

промышленное производство, преобразования советского периода

Ссылка при цитировании: Липинская В.А. Русское маслоделие (традиции, новации и развитие промышленности) XIX–XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 238–259.

Промышленное маслоделие появилось в России только в конце XIX в. Оно так стремительно и успешно распространялось по стране, что к началу следующего века вышло на международный рынок и заняло первые места среди стран-экспортеров. Промышленное маслоделие возникло не в городах, а в сельской местности и опиралось на вековые народные традиции. Они мало изучены, так как масло-молочный промысел поздно приобрел товарное значение, а в повседневном быту жировые продукты животного происхождения использовались крестьянами крайне мало. Тем не менее, при экспедиционных наблюдениях в европейской части страны и в Западной Сибири удалось собрать сведения, раскрывающие историю народного маслоделия и его развития в промышленное производство.

Традиции крестьянского маслоделия

Основным источником для получения мягкого животного жира является молоко коров, а сам жир – *масло* называют *коровым* (в прошлом – *кравие*). Молоко коровы употребляют в пищу преимущественно в свежем виде, а также – в вареном (*кипяченое*) или выдержанным в русской печи – *топленным*, каждое из которых имеет свой вкус. Особенность молока заключается в том, что, простояв в посуде несколько дней, оно разделяется на слои (фракции), каждый из которых используется для получения новых продуктов. Верхний, более плотный слой – *сливки снимают* (сливают) и могут употреблять в пищу. При дальнейшем настаивании сливки закисают и превращаются в *сметану*, а нижнюю часть употребляют как *простоквашу* (*простокишу*). Сливки и сметану издавна использовали для получения масла, а из простокваши при желании делали творог.

При таком разнообразии продуктов, получаемых из молока, корова играла в хозяйстве крестьянина очень важную роль. Одна молочная корова могла дать в день два-три ведра молока и снабжала семью крестьянина пищей в течение года. Помимо молока корова оставляла на хозяйском дворе навоз, который применяли для удобрения полей, что повышало урожай. Поэтому богатство семьи в дореволюционной России определялось числом крупного рогатого скота и количеством выращиваемого хлеба.

Крестьяне держали коров как мясо-молочный скот. Селекционной работы в деревнях не вели, но она проходила естественным путем при отборе по молочности. Количество и качество молока непосредственно зависели от количества и качества корма. Летом коровы находились на «зеленых кормах» – на специально выделенных выпасах. Зимой их кормили сеном из сухих трав. В бедняцких хозяйствах нередко не хватало заготовленных кормов, тогда сено заменяли соломой, добавляли ботву картофеля, отходы от молотыбы и пр. В природных условиях на землях с хорошим травостоем (Архангельская, Вологодская губ.) выделилась холмогорская корова, имевшая примерно 3% жирности молока (по измерениям советского периода), и в Сибири с обширными свободными территориями, особенно на юге лучшей оказалась сибирская корова при жирности молока около 4%.

Традиции питания русского народа основывались на христианских представлениях и самоограничении. Все продукты разделяли на скоромные и постные (без использования животного сырья). По христианскому вероучению установлено в течение года несколько длительных постов и по два дня в неделю (среда и пятница). Благочестивые люди (особенно женщины) постились три дня в неделю (понеделничали), а кроме того брали обязательства поститься несколько дней при каких-либо событиях (в том числе при болезнях). Всего в году накапливалось более половины постных дней. За длительный период постов у крестьян скапливалось много молока и других молочных продуктов.

Молоко приятно на вкус и питательно, благодаря содержанию жира. Оно полезно, так как включает различные витамины, а кроме того обладает бактерицидными свойствами. Молоко и молочные продукты известны многим народам. С давнего времени велись поиски их сохранения на более длительный срок, но где и как впервые появилось масло остается неясным. Предполагается, что это происходило в южных странах: Индия, Иран, Турция, Израиль и по-видимому там, где перевозили молоко на большие расстояния. По современным наблюдениям, при перевозке молока в машине-молоковозе, в нее загружают доску. После доставки на место ее вынимают покрытую маслом (наблюдения автора в 1990-е годы, Московская обл., Алтайский край). Такая простота отделения жира дает основание предположить, что и в других регионах находили способы концентрации молока до конечного продукта – жировой эмульсии. Как считал

Рис. 1. Сбивание масла:
1) Пахтание в бондарной мас-
лобойке (с. Желанное, Шацкий
р-н, Рязанской обл.). Фото
С.И. Иниковой, 1993 г.

В. Даль в русском языке название «масло» является народным. Оно произошло от глагола мазать при переходе в подлежащее – «мазло», а затем путем замены в слове одной звонкой буквы (Даль 1991: II–305). В других странах Европы имеются традиционные обозначения этого продукта и оригинальные способы производства. В России известны несколько названий, способов получения и видов конечного продукта.

У русского народа изготовлением коровьего масла занимались женщины (*бабье дело*). Их задача заключалась в удалении из молока воды. Ее решали разными способами и получали три вида конечного продукта: из сливок делали *сладкосливочное масло*, из сметаны – *кисломолочное масло*, из того и другого при последующей обработке теплом – *топленое масло*. Все они бытуют и в настоящее время. Для маслоделия женщины создали утварь определенных форм, которую в прошлом сами лепили из глины. Полевые наблюдения позволили выявить конкретные детали пахтания – выделения масла из молока, из сливок и из сметаны. (Рис. 1). Как выяснил В.И. Даль в русском языке слово «пахтать» означало сбивать, сбалтывать, бить жидкость, встряхивая самый сосуд или мутовкою (Даль 1991: III–60).

Встряхивание (взбалтывание). Способ самый длительный, и, как нам кажется, самый древний ввиду его простоты. Д.К. Зеленин отметил, что у северных рус-

ских существовал обычай готовить к Пасхе небольшое количество масла. Для этого в кринку с плотно закрытым горлышком наливали свежие сливки и сильно встряхивали. В настоящее время иногда по медицинским показаниям требуется употреблять небольшое количество свежего масла. Его получают, встряхивая молоко в закрытых стеклянных бутылках. В 1993 г. при полевых исследованиях в Тамбовской обл. был выявлен не описанный ранее способ встряхивания в *корчаге*. Глиняный горшок имел форму амфоры, широко распространенной в прошлом в античном мире. Сосуд был высоким (примерно в полметра), с раздутыми боками, сужающимися к низу и плоским круглым дном. Довольно узкое высокое горло имело две вертикальные ручки и широкий ободок с обвитой вокруг него веревкой, образующей длинную петлю. Женщина сидела на сундуке, а корчага висела перед нею на крюке для люльки. Чтобы получить масло из молока или сливок приходилось долго встряхивать корчагу, взбалтывая содержимое. Местным краеведам этот способ не был известен в Тамбовском музее подобных сосудов не оказалось. В этнографической литературе о нем также не упоминалось. Однако известно, что в Киевской Руси X–XII вв. существовало производство амфорообразных корчаг. Как широко были распространены корчаги в Тамбовской обл. осталось не выясненным, но известно, что в заселении этой местности принимали участие выходцы с Дона и Левобережной Украины. Возможно ими были занесены некоторые элементы культуры Древней Руси (Зеленин 1991; Тамбовская энциклопедия 2004: 369; ПМА 1).

Сбивание масла рукой применяли в европейской части страны и в Сибири. Этот способ более длительный, но требует меньше усилий. Он основан на расслоении молока при отстаивании. Для этого молоко разливали в глиняные *кринки* – сосуды шаровидной формы с высокой горловиной. В каждом хозяйстве имелось много кринков: в европейской части страны их ставили по 10–15 штук сразу, в Сибири – 30–50 и более. В летнее время их опускали для отстаивания в погреб, там при низкой температуре, получали более толстый слой жира. При дальнейшем отстаивании, через несколько дней, сливки *созревали*, то есть закисали. Верхнюю часть – *снимок* перебрасывали в другой горшок, а в кринке оставалось обезжиренное (*снятое*) молоко. Горшки со сметаной затем ставили в теплую печь, чтобы ослабить сцепление между шариками жира, а потом выносили на холод (в ледник), где происходило разделение сметаны на фракции: более жирная часть собиралась вверху, а менее жирная *сыворотка* (*сколотины*, *измятина*, *оденки*, *юрга*) опускалась вниз.

В Вятском крае при экспедиционной работе в сельской местности, жители сообщали, что они сметану в печи *оттапливают* в широких *горщиках с рыльцем*. После охлаждения верхний слой протыкают, сыворотка стекает и женщина начинает сбивать масло рукой, такими же движениями, как при подбивании теста. Д.К. Зелениным описан способ, применявшийся в средней полосе страны. Масло там сбивают (*пахтают*, *мешают*) такой же деревянной *мутовкой* – верхушкой ели (она же – *колотовка*, *вселка*), какой месят в квашне тесто. Обычно женщина садится на пол, ставит горшок с охлажденными сливками между ногами, мутовкой протыкает дырку и через эту дырку сливает сыворотку в отдельную посуду, а оставшееся в горшке **содержимое** сбивает мутовкой до тех пор, пока масло отделится от сыворотки (Зеленин 1991: 158–159).

Аналогично готовили масло в Ярославской губ. По описанию С. Дерунова, если использовали сливки, то их отстаивали в умеренно теплом помещении около 24 часов, а зимой – от двух до трех дней, иногда перемешивая. За это время сливки успе-

Рис. 2. Глиняная утварь для топленого масла (с. Заливино, Кировская обл.). Фото С. Иванова, 1986 г.

вали скиснуть и загустеть. После сливания жидкости в другом невысоком горшке (*комушнице*) они легко превращались в масло (Дерунов 1877: 15).

В конце XIX в. при развитии бондарного промысла в России начали делать бондарные *маслобойки*, которые продолжают бытовать до настоящего времени. Они имеют вид высоких узких сосудов, слегка конусообразной формы. Через деревянную крышку с отверстием проходит длинный стержень – *мутовка* или *поршень* с диском. Благодаря этому женщины могли сбивать масло из сметаны стоя на полу в избе или на земле усадьбы. Возможно, появление бондарных маслобоек было стимулировано начавшимся развитием промышленного маслоделия и образцами применявшихся в нем аппаратов (Рис. 2).

Таким образом в XIX–XX вв. в европейской части России бытовали разные приемы получения масляного комка. В зависимости от основы, из которой он был добыт, масло определяли в торговые сети как *сладкосливочное* (из молока или свежих сливок) и *кислосливочное* (из сметаны). На северо-западе в районе Санкт-Петербурга в прошлом его называли *финским* или *чухонским*, а также – *кухонным*, так как из-за не-

высокого качества и дешевизны считали более пригодным в кулинарии. На остальной территории все эти виды имели общее обозначение – масло.

Полученный комок жира нуждался в доработке, для освобождения от сыворотки. Его помещали в глиняный *латок* или в деревянное корытце (*ночва, сельница*), где несколько раз промывали холодной водой и слегка отжимали, прокатывая по дну. Масло в свежем виде подавали к столу в миске по праздничным дням, или передавали для продажи. Еще в середине XX в. можно было видеть на рынках женщин, державших в руках желтоватые брусочки на капустных листьях (ПМА 2).

Свежее масло в крестьянских семьях употребляли как лакомство крайне мало, но жир входил в состав зимних запасов крестьян (*бабий копеж*), находившийся на попечении женщин. Для длительного хранения масло перетапливали, что продолжают делать и в наше время. Для этого промытые комки кладут в специальный широкий горшок с носиком (*топнушка*) и ставят в теплую русскую печь, после того как в ней испекут хлеб. Растопленное масло сливают в горшочки, кадочки или ведерки. На дне топнушки остается жидковатая масса (*оденки, измятина, пахтанье*). Ее используют в тесте для выпечки. Перетопленное масло называют *топленка*, а также – *русское*, оно является особенностью русской культуры, неизвестной соседям (Зеленин 1991: 159). Даже родственные народы – украинцы и белорусы сбитое и промытое масло складывают в бочки и солят для сохранения. В России масло топили издавна, так Н.А. Богоявленский, изучавший народную медицину, нашел документ, в котором указывалось, что уже в XV в. в Соловецком монастыре использовали различные молочные продукты: сливки, сметану, творог и сыр. Умели готовить топленое масло, которое называли *красным*, в отличие от *пахтанья* (сливочного масла). Оно входило в паек служивых

людей и иногда использовалось при лечении больных (Богоявленский 1960: 42).

В сельской местности зимние запасы заготавливают и в настоящее время. При изготовлении масла несколько раз сливают жидкость, содержащую немало полезных и питательных веществ. Русские женщины все это используют в хозяйстве. Так, после снятия сметаны оставшуюся простоквашу ставят в печь, где она отстаивается. Затем откидывают на решето, или сливают в холщевый мешок, его подвешивают, чтобы стекала сыворотка, шедшая на корм скоту. Отжатую в мешке или на решете массу ставят под гнет для получения творога. Обработка молока, приводящая к получению из него ряда новых продуктов демонстрирует рациональность крестьянского хозяйства и умение русских женщин создавать разнообразную кулинарию даже при наличии хотя бы одной коровы. (Рис. 3).

Рис. 3. Утварь для домашнего
маслоделия в Архангельской обл.:
Гончарная топнушка с рьльцем
Фото Т.А. Ворониной, 1991 г.

Маслоделие в Сибирском регионе

В Сибири молочно-масляное дело развивалось по русским же народным традициям, но в иных условиях. Заселение новой территории проходило, когда коренное население было малочисленно и очень разрежено. Поэтому имелось много свободных неводеланных земель. Пока налаживалось хлебопашенное хозяйство, скотоводство успешно существовало, сибирские крестьяне были намного лучше обеспечены, в том числе и крупным рогатым скотом. Если в европейской части страны бедным считали хозяйства с одной коровой или вообще без скота, то в Западной Сибири к бедным относили семьи с тремя-четырьмя коровами. Соответственно, сибиряки были хорошо обеспечены молоком. Первые засельщики, пришедшие из северных губерний, принесли древние способы переработки, которые затем самостоятельно развивали. Основные действия по получению масла, определявшиеся самой природой продукта, были одинаковы по обе стороны Урала, в деталях же производства наблюдались местные особенности.

Для Тобольской губернии основные способы изготовления масла описал местный маслодел В.Ф. Сокульский. По его сведениям, после дойки коров молоко обычно разливали по кринкам, а в Курганском округе – по латкам (глубоким мискам, как бы тазакам – В.Л.). Их ставили в прохладном месте на три-пять дней, пока «по сядет» простокваша. Тогда хозяйка одним пальцем обводила по краю, чтобы отделить жировой слой сметаны и тремя пальцами, или ложкой сбрасывала *сним* в другую большую кринку или латку. Затем сметану, по местному *пенки*, в кринках ставили на протопленную печь, чтобы *пенки поднялись* (больше закисло). Тогда их выносили на холод и из остывших «*спускали* (сливали) *сыворотку*», затем в тех же кринках или латках сразу начинали сбивать рукой или мешалкой. Полученное масло ставили в печь не жаркую, чтобы оно *растопилось* и *отстоялось*, в нем сверху снимали пленку с выступившей грязью, масло разливали в малые кринки, остуживали и убирали для хранения на зиму (Сокульский 1896: 3).

В южной части Западной Сибири, на территории бывшей Томской губернии масло получали из молока или сметаны. В этой части региона в XX в. проводили наблюдения этнографы (Алтайский край, республика Алтай, ВКО). При полевых выездах женщины сообщали этнографам о современных способах получения масла и о досоветском времени. Во второй половине XX в. готовое масло можно было купить в торговой сети, но прежние навыки сохранялись и пожилые женщины нередко сбивали его сами. Так, жительница с. Ново-Алейского Анна Тихоновна Петрова сообщила, что в семьях сибиряков держали возле дома по несколько дойных коров, а недоившихся отгоняли в горы на заимки. В пост собирали много молока. Его заготавливали на зиму разными способами. Из свежего сбивали масло в маслобойках, откуда его надаивали много. Заливали в маслобойку ведра по три, но получалось мало и это было не выгодно. Больше делали масло из сметаны, оно лучше по вкусу. «Молоко разливали по кринкам. Их всегда было много, штук по 30. Их ставили в погреб и держали дня по три, пока не насобираешь ведер семь сметаны. Потом натопишь печь, и оттомишь в печи после хлеба. Выносишь на холод, с час остывает. Тогда проткнешь сметану, воду сольешь и сбиваешь рукой или веселкой – получается сливочное масло» (ПМА 3: Петрова).

В Сибири со времени заселения по многу коров держали старообрядцы, при этом они постились очень много дней в году, отчего скапливались большие излишки молока. Как вспоминала жительница с. Волчно-Бурла (ПМА 4: Горбунова). «При 11-12 коровах каждый вечер занимали под молоко до 50 кринок. Сметану сбивали обычно рукой в деревянной кадучке-сбоечке. С одной коровы за год получали больше 20 кг масла». (ПМА 5: Горбунова). Российские переселенцы, приезжавшие в конце XIX в. поражались тому, что у сибиряков стояли кадки, полные топленого масла. Его не успевали съесть, оно плесневело и даже заводились черви. У переселенцев запасы были скромные. Татьяна Матвеева из с. Заркалы тоже делала масло из сметаны, но немного: «Небольшое количество ее насобираешь, – рассказывала она, – и в глиняном горшочке ставишь в печь. Оттомив, остуживали, чтобы вверху отстоялась пенка (сметана), ее протыкали, жидкость сливали и били рукой, ложкой или

мутовкой. Только помешаешь – и масло готово. Если масла заготавливали много, то сметану заливали в *сбойку* – кадочку с крышкой, в которую вставляли деревянную мутовку. Потом масло перетапливали, оно могло храниться в прохладном месте много лет». (ПМА 6: Матвеева).

Помногу масла скапливалось в деревнях старообрядцев-каменщиков, живших на самом юге Западной Сибири в Алтайских горах (в настоящее время – территория Казахстана). В 1930-х годах там проводили наблюдения этнографы Б.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова – участники Казахстанской экспедиции Академии наук. По их сведениям, в 1920 г. в деревнях было много семей, державших до 25 дойных коров, ко-

Рис. 4. Глиняная утварь для топленого масла: Горшочек для хранения масла (с. Заливино, Кировская обл.). Фото С. Иванова, 1986 г.

торые свободно ходили в поскотине (ограждение лугов вокруг селений) на вольных кормах. Уход за скотом был весьма примитивный, не имелось даже теплых дворов, но горный воздух и обильные корма на альпийских лугах, а также сотни коров обеспечивали большой удой. Как обычно молоко для отстаивания разливали в кринки, которых в крупных хозяйствах скапливалось до 600 штук. Снятую сметану «сбрасывали» в кадушку-сбоекку и сбивали *бузгали* кистью руки в одном направлении. Если сметаны накапливалось очень много, то в одной кадке сбивало ее несколько женщин. По мере бузгания начинали *комиться* – скатываться комочки масла. Их собирали и перетапливали в горшках для хранения и продажи (Рис. 4).

Лишь в 1920-х годах в горах стали появляться маслобойки местного варианта – *туяски с пером* – долбленные кадочки, в крышку которых вставляли как поршень *мутовку* – стержень с разветвлениями на нижнем конце. Мутовки использовали также при замешивании теста. Их вырезали мужчины из верхушки молодых порослей ели, кедра или других хвойных деревьев. Примерно в эти же годы появилось другое местное изобретение – *болтушки* или *сбойки* – маслобойки, которые устанавливали в русле быстрых и мелких горных ручьев и речек. (Бухтарминские... 1930: 110–115). Одно из таких устройств нам удалось увидеть в 1990-м году в с. Верх-Уймоне. В реке была укреплена недалеко от берега бочка с горизонтальными лопастями на оси. Они приводились в движение струящейся мимо водой, когда снимали запирающее устройство. Эти механизмы повторяли старинные *толчеи* – небольшие мельницы с XVIII в. использовавшиеся сибиряками на мелких реках южного Алтая для переработки зерна в муку и крупу. Маслобойки, болтушки и толчеи являлись вариантами традиционных мельниц, приспособленных в местных условиях для сбивания масла и перемалывания зерна.

Также и способы использования молока стали в Сибири разнообразнее. Сибиряки научились замораживать зимой молоко, как морозили рыбу на севере региона, и также делали *строганину*. Это позволяло увеличить срок использования продукта и вводило новое лакомое блюдо. При надобности мороженое молоко оттаивали в помещении и сдабривали сливками или сметаной. Такая строганина являлась лакомством, но при желании растопленное молоко можно было использовать для получения масла или приготовления с ним каких-либо блюд (каши, сырники и пр.).

Приведенные примеры показывают, как легко русские крестьяне пополняли и разнообразили кулинарию путем собственных находок, а также перенимая от других народов.

Развитие промышленного маслоделия

В конце XIX в. в России начало развиваться промышленное маслоделие, имевшее в основе народный опыт. Масло домашнего производства со второй половины XIX в. уже получило спрос на внутреннем рынке. Перекупщики (прасолы) скупали его от крестьян, распространяли через ярмарки и частично вывозили за рубеж, также поступало в торговую сеть и импортное масло от западных соседей.

В Западной Европе к этому времени уже действовали масломолочные заводы, сложились этнические традиции и определился круг стран, участвовавших в мировом экспорте. Для рекламы своей продукции они устраивали выставки, где демонстрировали сорта масла и инвентарь для его производства. Самые крупные промышленные выставки проходили в Париже, для осмотра которых приезжали и россияне. Интерес русских помещиков к сельскохозяйственному отделу выставок

был неслучаен. После отмены крепостного права землевладельцы были озабочены повышением доходности своих хозяйств. Так молодой лейтенант морского флота, сын помещика из Череповца Н.В. Верещагин заинтересовался молочной промышленностью. Он обратил внимание на нежный вкус французского масла, которое делали из подогретых сливок и на хорошую организацию работы на молочных фермах Дании. От этого государства была организована поездка интересующихся на фермы страны для наглядной демонстрации производства (*Гутерц* 2011: 16–52).

В Дании Н.В. Верещагин ознакомился с работой мастеров, рассмотрел механизмы, использовавшиеся для ускорения и улучшения маслоделия. Он посетил также музей крестьянского быта и был поражен разницей между бытом крестьян в начале XIX и тем, что наблюдалось в конце его. «Мне было горько и обидно за нашу страну. В России земли лучше и обширнее, а крестьяне живут хуже». Было очевидно, что в стране необходимо организовать помощь нашим крестьянам в улучшении породности коров и переходе от крестьянских способов сбивания к современным европейским. Тем самым Н.В. Верещагин взялся за решение грандиозной проблемы общегосударственного значения: улучшения быта российского крестьянства, чему и посвятил всю жизнь. Его деятельность была досконально рассмотрена и отражена в специальной публикации историка А.В. Гутерца «Н.В. Верещагин. На благо отечества» (*Гутерц* 2011). Заручившись консультацией зарубежных специалистов и изучив литературу, Н.В. Верещагин в 1866 г. на свои средства и при поддержке ВЭО организовал в с. Отроковичи Тверской губернии первую в России крестьянскую сыроварню. Это был опыт работы с молоком, давший хорошие результаты. Маслоделие и сыроделие по характеру производства тесно связаны между собой, и в дальнейшем они сопутствовали друг другу.

В первую очередь необходимо было пробудить интерес крестьян и познакомить их с практикой зарубежного молочного хозяйства. Н.В. Верещагин обращался в ВЭО с просьбой о выделении земли для организации школы молочного дела, писал письма в земства и министерства. После многократных запросов ему была предложена земля общины с. Единоново Корчевского уезда Тверской губернии, в поместье барона Корфа. Ко времени приезда Верещагина в селе насчитывалось около 100 дворов и свыше 600 жителей, стояла церковь, был постоялый двор, четыре молочные лавки и три кузницы. Село находилось на левом берегу Волги, община крестьян имела небольшое стадо, выход на заливной луг, а помещик также содержал стадо молочных коров в 70 голов. Общего ежедневного удоя хватало для начала работы по молоко- и сыроварению. При поддержке Тверского и Ярославского земств, Петербургского собрания сельских хозяев и других ведомств удалось получить на обустройство и содержание школы ссуду Министерства финансов и 15000 руб. в год на 6 лет. Деньги переводили Тверскому губернскому земству, перед которым требовалось отчитываться за все затраты. Их было немало. Приобретали лучшие образцы оборудования за границей, по зарубежным образцам строили здания из русского леса, но часть материала необходимо было закупить – например, буковые клепки для бочек, которые считались лучшими на Западе.

Школа задумывалась для крестьян, но при составлении программы определили, что принимать будут лиц обоего пола и всех сословий не моложе 18 лет. Среди крестьян могли поступать неграмотные, поэтому в состав служащих включили учительницу, а также семь приглашенных мастеров по всем видам производства, которых позже сменили выросшие свои специалисты. Школа в Единоново просуществовала

почти 20 лет. За это время поступило 367 человек. По сословиям ученики распределялись так: 25 дворян, 204 крестьян, 62 из другого звания, 15 разночинцев, прочие мещане. Занятия проводились в течение года для грамотных и двух лет – для неграмотных. За это время подробно изучали всю практику, необходимую скотоводам: повседневный уход за животными, выпаивание телят, доение коров и даже откорм свиней. Непосредственно по молочному делу: уход за молоком, приготовление сливок, сметаны и творога; затем – сгущение молока, приготовление масла из свежих сливок, голштинское маслоделие, а также способы сыроварения различных сортов. Для закрепления знаний осуществляли выезды в страны, имевшие школы.

Одна русская школа не могла преобразовать маслоделие в стране, поэтому Н.В. Верещагин добивался распространения обучения и создания передвижных показательных маслоделен. Первая из них появилась в 1886 г. в Вологодской губернии, а через несколько лет там был открыт завод постоянного действия, работавший по французскому методу. Н.В. Верещагин несколько изменил его, пытаясь найти свой вариант с использованием народных традиций. Он стал перетапливать сливки, как крестьянки перетапливали молоко и масло. Пастеризованные сливки придавали маслу своеобразный ореховый привкус. Новый сорт получил высокую оценку в России, а также и за рубежом, куда вывозили часть продукции под названием «петербургское» или «парижское». Успехи дела побудили Н.В. Верещагина и его друзей принимать участие в российских выставках в целях рекламы (Вологда, Пошехонье, Москва). В столице в 1882 г. проходила Всероссийская художественно-промышленная выставка, где была представлена работа маслодельных школ и заводов, а также демонстрация самого процесса производства. Он был показан при сравнении деревенского способа сбивания руками в избе и заводского с машинами, на которых работали молодые ученицы в красивой одежде, что служило наглядной агитацией.

В конце XIX в. в России появились в продаже новые образцы компактных механизмов для маслозаводов по ценам, доступным даже для людей со средними доходами. «Сепараторы де Лаваля» для быстрого отделения сливок вскоре получили признание у русских предпринимателей. Зарубежные *маслобойки* систем «Лавуазье» и «Дюркона» действовали разными способами сбивания: вертикальные *толкачные* в виде цилиндров сдвигающимся внутри вверх-вниз поршнем и *горизонтальные* с закрепленным внутри валом, на котором крепились лопасти, при вращении бившие по налитой жидкости.

Новые механизмы ускоряли весь процесс получения масла и тем самым открывали пути к развитию товарного производства. Хотя полное оборудование заводов требовало значительных затрат, но, как показывал опыт, они быстро окупались. Например, один из учеников школы маслоделия смог открыть в Вологодской губернии, скупая молоко по деревням, один за другим пять заводов масло- и сыроделия. Русские мастера из крестьян по образцу зарубежных маслобоек начали делать свои, используя народные традиции. За основу были взяты бондарные бочонки двух форм. Вертикальный вариант бочонка слегка зауживали кверху. В крышку вставляли стержень-мутовку по образцу использовавшихся женщинами для замешивания теста, взбивания киселей и пр. Образцом для горизонтальной маслобойки послужил лагун для кваса, лежащий на боку с квадратной крышкой сверху. Внутри укрепляли горизонтальный стержень (деревянный или металлический) с дощатыми лопастями и с рукояткой для вращения, выведенной через боковую стенку. Такие маслобойки

получили повсеместное распространение в XX в., ими пользовались, их экспонировали в музеях и предъявляли этнографам как традиционные. Благодаря дешевым самодельным механизмам товарное маслоделие стало доступно крестьянам.

В деревнях под местные заводы приспособивали традиционные дома. Небольшие маслодельни оборудовали в избе, где делали полки, ставили лавки и скамейки, на которых размещали *ушаты* для отстаивания молока. В летнее время устраивали холодный отстойник в подполье, углубляя его. Охлажденные сливки сбивали в маслобойках за 1-2 часа. Пахту сливали, масло промывали два-четыре раза и отжимали на столе скалкой. При этом часть полученного подсаливали, подсыпая из горсти (1,5-2 фунта соли на один пуд масла), другую часть перетапливали в печи. Для заводов покрупнее выделяли отдельные здания. Так, в Пошехонском уезде Ярославской губернии в конце XIX в. действовал 31 завод, из них в нежилой избе размещалось 9, в доме заводчика – 16, в особом строении – 2, в арендованном помещении – 1, в артельном здании – 3 (*Дерунов* 1877: 11–17). В пятистенках выделяли три отделения: 1 – приемную с котлами для воды и нагревания молока, 2 – аппаратную с маслобойками, 3 – обработочную с прессом и бондарными ушатами для заквашивания сливок (*Снегирев* 1906: 510). В большинстве заводов сливки собирали в маленькие ушатики, выносили в холодное место и постоянно помешивали для скорейшего охлаждения, затем заквашивали. Снятое молоко тоже разливали по ушатам и раздавали крестьянам. Готовую продукцию упаковывали в бочки ольховые (не изменяющие запаха) или в дубовые (придававшие крепость содержимому) для отправления в Москву и Петербург. Как отметил П. Иванов, в северорусских губерниях большинство заводов были крестьянскими артельными. Помещики открывали немного заводов, и преимущественно сыроваренных. Продажная цена сыра была выше и, соответственно, доходность предприятия больше (*Иванов* 1895: 5–9).

Иные условия производства масла и сыра складывались за Уралом.

Товарное маслоделие в Сибири

В Сибири, сравнительно с европейской частью, было много свободной земли и хороших пастбищ, поэтому крестьяне держали много скота, в том числе коров, и были хорошо обеспечены молочными продуктами. Во второй половине XX в. в связи с переселением массы крестьян из европейской части страны появилось много рабочих рук, что вызвало активизацию хозяйственной деятельности как в земледелии, так и в скотоводстве. Крестьяне издавна излишки заготовок масла отправляли для продажи на ярмарку. Прибытие переселенцев из разных губерний страны не привело к изменению способов получения масла, так как традиция была едина для всего русского народа. Увеличение населения лишь способствовало большему выходу товарной продукции. Сохранявшийся примитивный способ настаивания молока в кринках, сбивания в горшках руками и перетапливания в печи не мог улучшить качества, но рынок принимал любой товар.

Деревенское масло скупалось прасолами на мелких ярмарках или выменивалось на товар по деревням. С мелких ярмарок и от мелких скупщиков оно попадало на более крупные ярмарки к крупным оптовикам, характерным для сибирской торговли того времени. Оптовики перетапливали скупаемое масло, комбинировали крупные партии и сбывали их на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, пересылали в Москву

и Петербург, на юг России и оттуда за рубеж, в частности в Турцию. В торговле его называли *сибирским топленным маслом*. На ярмарках скупавшийся товар разделяли на категории: *набивное* – купленное и без переработки набитое в бочки; *наливное* – перетопленное заново, отстоенное и очищенное от всплывшего мусора; *колобковое* – также перетопленное, разлитое по формам и в остывшем виде поступавшее в продажу без тары, в виде колобов.

Откликаясь на запросы рынка, сибиряки год от года увеличивали выделку масла. Разбогатевшие старожилы, используя рабочую силу переселенцев, стали массово открывать заводы, а молоко собирали от односельчан. Как рассказывали сибирячки, при заводах выделяли приемную, которую в народе называли *молоканка*. Туда женщины относили молоко в ведрах, обычно от вечерней дойки. Утреннее разливали по крынкам, штук до полсотни их отставляли в погребах (ПМА 8: Лопатина). (Рис. 5).

В 1894 г. частный предприниматель привез в Сибирь первый сепаратор и открыл два завода. Появление нового механизма не только ускоряло отделение сливок, но и увеличивало их выход. Для сибиряков был открыт новый способ получения масла без заквашивания молока – так называемого сладкосливочного. Удачный опыт использования сепараторов стимулировал развитие в регионе маслоделия. Начали стихийно создаваться крестьянские артели маслоделов, сходные с традиционными сельскохозяйственными супрягами, товариществами и пр.

Нередко крестьянам возвращали с заводов сыворотку после отсепарирования молока (*обрат*). Это было выгодно для крестьян, так как хозяйки делали из него творог, добавляли в тесто, использовали для корма скота. На отходах маслоделия стало развиваться свиноводство. К 1896 г. насчитывалось уже 15 частных заводов и несколько кооперативных. Из Сибири вывозили до 8 тыс. тонн масла (Маслоделие 1932: 310).

В 1901 г. состоялась первая выставка произведений маслоделия на территории Сибири в г. Кургане, и одновременно проходил съезд молочных заводов и деятелей по оценке качества масла, его надежности в хранении. Сибирское масло эксперты хвалили за «сухость и прочность», но нарекания вызвало наличие «мусора» – неяршливость на всех стадиях производства и закисление сливок «самоквасом». Быстрое увеличение сибирского маслоделия и его выход на экспорт привлекли внимание правительства. В марте 1902 г. на заседании Государственного совета и Комитета министров прошло «Особое совещание о развитии маслоделия в Сибири», и более того, на следующий год для маслоделов было выделено из дохода Государственного казначейства 160 тыс. рублей, которые потратили на содержание школ и лабораторий, оплату инструкторов и пр. (Гутерц 2011: 48–122).

Поднимать уровень сибирского маслоделия было поручено Н.В. Верещагину. Он привлек своего лучшего ученика В.Ф. Сокульского. Поляк по происхождению, он окончил земледельческое училище на родине, в Могилевской губернии, и проходил практику в Едимоновской школе молочного хозяйства. За время работы он несколь-

Рис. 5. Глиняная утварь для топленного масла: Корчага (с. Колыванское, Алтайский край). Фото В. Липинской, 1980 г.

ко лет служил заведующим министерской передвижной школы маслоделия в Смоленской губернии и одновременно принимал участие в подготовке и проведении выставок по молочному хозяйству. Существенно, что, имея практические навыки и опыт подготовки специалистов, В.Ф. Сокульский, как и Н.В. Верещагин, ставил своей основной целью улучшение жизни крестьян. Его активная работа в Сибири началась с пропаганды необходимости преобразований по нескольким направлениям: улучшение породности коров, условий содержания и кормовой базы, а в целом – подъема культуры производства. Как и в европейской части страны, в Сибири начали открывать школы и заводы.

Однако крестьяне первое время относились к маслозаводам с большим недоверием и подозрительностью. В неурожайные годы или при эпизоотиях возникали настоящие молочные бунты – население разбивало заводы, ломало сепараторы и т. д. Но преимущества машинной переработки молока скоро стали очевидными. К 1900 г. в Западной Сибири действовало уже более 1000 маслозаводов, из них около 30 были кооперативными, остальные – частных предпринимателей. Важную роль в ускорении темпов производства сыграло открытие Великой Сибирской железной дороги. В регион хлынул поток всякого рода промышленников и торговцев. Растущий капитализм покрыл Сибирь разветвленной сетью контор по скупке сырья и продаже сельскохозяйственных машин и орудий. В числе торговцев было значительное количество иностранцев, скупавших у крестьян масло и продававших сепараторы и полное оборудование для маслозаводов. Продажа производилась в кредит, что облегчало развитие маслозаводов, но и закабаляло население.

В кредит брали молоко не только у иностранцев. Например, в с. Шемонаихе на юге Алтайского края маслодельный завод появился в 1904 г. при объединении средств трех местных купцов. Через несколько лет их кооперация распалась и каждый открыл свой завод. Началась борьба за поставщиков. Чтобы закрепить крестьян за заводом, каждый владелец продавал им в кредит потребительские товары, чем загонял в долги. В ответ крестьяне создали свою кооперацию по сбыту. «Нас было 20 человек, – рассказывал А.А. Авдеев. – Мы заключили договор о вывозе масла к железной дороге в г. Семипалатинск» (ПМА 9: Авдеев). Явная доходность маслоделия вызвала массовый рост кооперирования в разных формах. Даже при учете только заводов к 1907 г. насчитывалось 700 кооперативных и более тысячи частновладельческих. Однако неподготовленность крестьян к организации общего производства, неквалифицированность саморощенных мастеров и раздоры при распределении доходов вызывали дробление артелей, что приводило к ухудшению качества масла. К тому же, для приобретения оборудования крестьяне нуждались в деньгах и искали источники ссуд и кредитов.

Как и в европейской части страны, в Сибири действовали отделы Московского общества сельского хозяйства, которое давало консультации по скотоводству и маслоделию, а также – помогало с финансами. Западносибирский отдел Общества находился в г. Кургане. Его председатель А.Н. Балакшин ежегодно проводил конкурсы маслоделов с выдачей премий, чтобы стимулировать повышение качества продукции. В 1901 г. в Кургане состоялась первая Выставка продуктов маслоделия с одновременным Съездом заводчиков и деятелей по молочному хозяйству, на которых были оценены общие успехи и качество работы отдельных заводов. В заключение от имени участников Съезда были направлены письма в различные государственные

учреждения, в которых сообщалось о положении сибирского маслоделия, а также – ходатайства о пособиях. Правительство приняло во внимание затруднения сибиряков, и в 1903 г. Государственный Совет выделил из фондов казначейства огромную сумму в 160 тыс. руб. на непредвиденные расходы. Деньги были использованы для открытия новых школ, подготовки мастеров и инструкторов, создание лабораторий по качеству масла и пр.

Начало XX в. стало временем беспримерного вовлечения крестьян в маслоделие, роста как частных заводов, так и артелей. В 1907 г. на собрании заводчиков и уполномоченных ряда артелей было принято решение о создании Союза сибирских маслоделов первоначально для совместного приобретения сельскохозяйственных орудий, для получения ссуд и сбыта продукции. Практическая деятельность Союза постоянно расширялась: привлечение новых участников, оказание помощи ссудами и оборудованием, открытие школ и заводов, строительство лабораторий. Были созданы маслохранилища, налажены пути транспортировки, расширены торговые и экспортные связи. Союз закупал за рубежом буковые клепки для бочек, необходимые для вывоза продукции. Нагляднее всего отражало успехи сибиряков увеличение выхода масла и успехи вывоза продукции. Так, в 1901 г. только по железной дороге было перевезено 17,6 тыс. тонн масла, а в 1907 г. – 526 тыс. тонн (Маслоделие 1932: 311, 323). Самая яркая оценка сибирского маслоделия содержалась в докладе императору от П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина, в котором сообщалось, что «вывоз масла дает больше золота, чем все сибирские золотые прииски вместе взятые» (Гутерц 2011: 182).

Однако развитие производства по капиталистическому пути улучшало быт в первую очередь старожилов, но с конца XIX в. в Сибирь прибыла масса необеспеченных переселенцев из европейской части страны. Им приходилось заново налаживать хозяйство, и лишь немногие имели возможность открыть завод, большинство же становились работниками. Каждый из переселенцев стремился купить в первую очередь корову для прокорма семьи, они же и сдавали молоко. Как вспоминала М. Демченко из переселенческого пос. Горьковского: «Родители приехали, корову купили, а молока не видали, все на молоканку сносили» (ПМА 10: Демченко).

На огромной территории Западной Сибири развитие маслоделия не могло проходить равномерно и единообразно. Полевые наблюдения этнографов показали, что и среди сибиряков-старожилов заводское производство масла сосредотачивалось преимущественно вблизи налаженных путей сообщения. Чем глубже в леса, тем позднее туда проникала техника. Даже распространение сепараторов затягивалось до 1930-х годов (Бардина 2009: 267; Бухтарминские... 1930: 111). Поэтому на внутренний рынок поступало масло, весьма различавшееся по качеству. Союз сибирских маслоделов организовывал его передачу на крупные заводы, где вся продукция проходила переработку для соответствия международным нормам. Им были налажены также связи с соседними странами. В 1913 г. по инициативе А.Н. Балакшина было организовано в Лондоне товарищество «Юнион» в составе Союза сибирских маслоделов, крупной английской фирмы и др.

Внутри страны транспортировка масла шла гужевым транспортом к железнодорожным станциям, и оттуда оно по железной дороге вагонами переправлялось к таможенным центрам. Особое значение имело создание специальных вагонов-холодильников. Их красили в белый цвет как сигнал для движения без задержки. Благодаря этим улучшениям Сибирь стала основным экспортером русского масла. За

рубежом белые вагоны получили название «Белый лебедь Сибири». На внешнем рынке сибирское масло ценили за натуральность, хорошую консистенцию, высокую жирность и сухость (малое содержание воды). Мировой импорт масла в то время делили между собой в основном Англия и Германия, которые концентрировали более 90% всего мирового ввоза. Перед I мировой войной 1-е место импорта в Англию занимала Дания (свыше 40%), 2-е принадлежало России. В Германском импорте на 1-м месте стояла Россия (55% ввоза), с началом империалистической войны экспорт масла из России стал сокращаться (Масляная... 1932: 327). Одновременно в связи с осложнениями во внешней политике и в социальной жизни народа маслоделие в стране приходило в упадок. Так, в 1913 г. вывоз из Сибири составлял 72,7 тонн, а в 1917 – всего 57,2 тонны. Были нарушены прежние взаимосвязи производства и потребления, импорта и экспорта.

Изменения в советский период

Начало XX в. принесло русскому народу ряд драматических событий, которые ослабили и частично разрушили многие стороны налаженной ранее хозяйственной жизни, в том числе пострадало маслоделие. Так, в 1913 г. в России было выработано 104 тыс. тонн масла и из них экспортировано свыше 79 тыс. тонн, а в 1920-е годы производство сократилось до 69 тыс. тонн, при отсутствии экспорта. Союзы и другие объединения маслоделов в европейской части и в Сибири прекратили существование. Для революционных активистов все заводчики, независимо от их социального статуса, являлись представителями буржуазии и подлежали экспроприации, по ходу которой были разрушены более крупные и лучше механизированные предприятия. Период борьбы с кулачеством обернулся развалом крупных скотоводческих хозяйств. Животных массово уничтожали, сохранившуюся часть распределяли по семьям бедняков, тем самым разрушая построенную ранее базу обеспечения заводов молочным сыром.

В этих сложных условиях крестьяне вынуждены были вернуться к домашней выделке масла древним ручным способом. При этом они частично возобновляли работу уцелевших заводов и объединялись заново в традиционные крестьянские артели и товарищества на паях, что наблюдалось также в полеводстве и животноводстве. По данным статистики, в 1924 г. в России действовало несколько тысяч мелких разрозненных заводов, из них 90% работали на ручном труде, 6,4% имели конные приводы и лишь 0,6% – водяные и паровые двигатели (Маслоделие 1932: 316).

В связи с наступившей в стране к этому времени стабилизацией внутренней обстановки правительством была поставлена задача создания пищевой индустрии, и в частности – крупной маслодельной промышленности. В 1924 г. был образован «Маслоцентр» по руководству единоличным и кооперативным маслоделием, а в 1930-м в Москве открылся Всесоюзный научно-исследовательский институт молочной промышленности (ВНИИМП) технического назначения по совершенствованию технологии производства. Одновременно началось строительство новых механизированных маслодельных заводов. Наступил период реконструкции и развития, оставлявший в стороне старинные народные традиции.

Для выполнения государственной программы развития маслоделия требовалось одновременно решить несколько серьезных и сложных задач: 1. Прежде чем запускать в производство новые заводы маслоделия, нужно было обеспечить их качественным

сырьем в достаточном количестве, то есть поднять животноводство. 2. Заводы необходимо оснастить современной техникой отечественного производства, но не уступающей зарубежным. 3. Для выхода на международный рынок следовало добиться высокой гигиеничности всего производства, озаботиться улучшением вкусовых качеств в соответствии с современными запросами не только россиян, но и иностранных потребителей.

За годы оскудения России в западных странах бурно развивались различные отрасли промышленности. Производство концентрировалось в крупных населенных пунктах, преимущественно в городах. Их жители отрывались от сельской простоты, образ жизни изменялся, а с ним и вкусы населения обострялись и утончались. Горожане после длительной, напряженной работы с машинами нуждались в пище свежей, сытной и легкой, приятного вкуса и аромата, поданной в готовом к употреблению виде. По этим направлениям велась конкурентная борьба между производителями, соответственно усложнялись биржевые требования на международных рынках для экспортного масла. В основном они сводились к тому, чтобы продукт был высшего качества: свежий, чистый, однородный, принятого на рынках цвета, укупоренный в стандартную чистую, хорошо маркированную тару. Неисполнение одного из этих требований понижало рыночную цену масла и вообще отражалось на репутации товара. Важно также было, чтобы масло регулярно поступало на рынки в течение всего года. Согласно установленному стандарту, экспортное масло должно удовлетворять следующим требованиям: количество жира не менее 82% для соленого и 84% для несоленого; воды в масле не выше 15,5%; соли не выше 2% (март-сентябрь 1,5%, остальное время 1%). Никаких консервирующих веществ, кроме поваренной соли, в масле не допускалось. Окрашивание масла разрешалось лишь специальной растительной краской. Масло должно быть укупорено в буковые бочонки весом нетто 50,8 кг, плюс на усушку в пути 0,4 кг, всего 51,2 кг. На днище каждого предназначенного к вывозу бочонка с маслом накладывали установленного образца трафарет (клеймо) с обозначением номера завода и бочонка, марки экспортирующей организации, веса. Бочонки обшивали в новую чистую рогожу, на которой ставили при отправке транспортные знаки (Маслоделие 1932: 321).

Россия в этих условиях оказалась в положении отстающей страны, и правительству необходимо было принять меры к изменению ситуации. Молодое советское государство озаботилось восстановлением скотоводства. В 1918 г. был издан декрет о племенном животноводстве, положивший начало работам по определению породности и в частности – по селекции. Хотя до революции начали проводить улучшение пород крупного рогатого скота, но это предпринимали отдельные владельцы усадеб или заводов, не было создано единой программы и эффективной методики.

В крестьянских хозяйствах содержанию скота уделяли мало внимания. В зимнее время животных держали в холодных помещениях, а в Сибири при крупных стадах – даже под открытым небом. Пастбища использовали лишь природные, не заботясь об их улучшении, хотя уже была доказана зависимость от кормов веса животных и молочности коров. Поэтому там, где имелись хорошие выпасы, появились, благодаря местному крестьянскому отбору, молочные породы рогатого скота.

В Советском Союзе прежде всего были определены конкретные направления работы по восстановлению животноводства. При проведении коллективизации животных из коопераций и от единоличников передавали в колхозы и совхозы. Фермы по содержанию молочного скота разделяли на молочные, мясо-молочные и мясные, первые из

них размещали в местностях, где ранее процветало маслоделие. Племенную работу с молочными коровами начали, сохраняя традиции, на основе ранее отобранных крестьянами пород (холмогорская, архангельская, ярославская, курганская, сибирская и др.), которые улучшали путем скрещивания внутри страны и с привозными производителями. Дальнейшую работу определяло постановление правительства 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» (Крупный... 1953: 519-521). Племенную работу вели на основе правильного кормления, хорошего ухода за животными и учета продуктивности. Были созданы племенные совхозы и племенные рассадники, а также – заведены племенные книги по всем породам. Планировалось разместить породы по стране с тем расчетом, чтобы добиться бесперебойного снабжения заводов молоком в течение всего года. Эти меры должны были обеспечить рынок внутреннего потребления маслом и создать базу для экспорта, дававшего в прошлом значительное пополнение государственного бюджета.

Экспорт требовал увеличения выхода продукции через совершенствование технического оборудования и использования современных источников энергии. Для этого были подключены научные кадры ВНИИМП для улучшения технологии и введения механизации производства. В первую очередь были заменены традиционные деревянные маслобойки. Они оставались как бытовые элементы домашней утвари для получения свежего масла в течение всего XX в. Во вновь строящихся заводах устанавливали металлические *маслоизготовители*, работавшие на электродвигателе. По способу действия они разделялись на два вида: прерывного действия и непрерывного. Основной частью аппаратов была укрепленная горизонтально бочка. Первый вид аппарата был более сходен по принципу работы с традиционной маслобойкой, так как его останавливали для промывки маслокомков, а затем их отжимали от воды путем быстрого вращения. В аппарат непрерывного действия был вмонтирован еще один цилиндр, в котором масляные комки при вращении отжимались и перемещались, на выход поступал непрерывный пласт готового масла. Еще более совершенным был аппарат, в котором соединены непрерывной цепочкой весы, приемный бак, пастеризатор, сепаратор и сбиватель, а в завершение цепи – охладитель масла, из него масляная лента поступала непосредственно в тару. Машина имела высокую производительность и обеспечивала гигиену процесса. В продолжение механизации были созданы фасовочные автоматы. Они разделяли поток масла на порции заданного веса и формы, затем передавали в аппарат на завертывание в пергаментную ленту, автоматически прокомпостированную с указанием названия, сорта и веса. Эти агрегаты имели разные формы и несколько различались по устройству, но все действовали по одному назначению – освобождение от ручного труда, ускорение темпов производства и повышение его стерильности, но вместе с тем автоматы выводили маслоделие из традиционной области знаний и переводили его в индустриальное производство (Масло 1954: 432, 436).

Государство ставило перед производством задачу выйти на международный рынок и добиться тех же высоких мест, которые были достигнуты в начале XX века. Необходимым условием для этого было соблюдение ряда требований. Россия никогда не делала различий между внутренним и внешним рынком. Хотя в стране экспорт сочетался с импортом, ввозили зарубежные образцы, но развивали в первую очередь собственное производство и поддерживали отечественные бренды, сложившиеся в начале XX в. На этом, завершающем периоде производства на первый план вышли

народные традиции. В России производили развесное масло кратковременного хранения из молока, сливок (сладкосливочное) и сметаны (кислосливочное), а также перетопленное масло длительного хранения – русское (или топленое), пользовавшееся на мировом рынке большой популярностью. В XX в. кисломолочное масло улучшилось по качеству, так как заквашивание стали производить с помощью кисломолочных бактерий, что избавляло от случайного попадания других веществ. Однако спрос на этот вид масла на мировом рынке уменьшился и потребовалось больше производить сладкосливочного масла. Для продления срока хранения оба вида масла начали подсаливать, по международным нормам не более, чем на 2%, а топленое масло в этом не нуждалось. Проверку на экспорт проходили, также, по жирности и влажности. От этого в традиционных видах продуктов появились варианты: во всех соленых маслах допускали жирность до 81%, в несоленых – до 83%, а влажность соответственно до 16% в соленых и 10% в несоленых. Топленое масло имело самую высокую жирность 98%, и лишь 1% влажности. В советском производстве появился еще *любительский вид* несоленого масла, в котором могло быть повышенное содержание влаги (до 20%) за счет уменьшения жирности. Для внутреннего рынка сладкосливочные масла стали производить с наполнителями (с ягодами и соками, с какао и кофе, с медом, сахаром и пр.), что увеличивало разнообразие товаров.

Вместе с тем, для сохранения русских брендов на мировом рынке, государство развивало лучшие дореволюционные производства, организуя областные центры молочной промышленности. Так, в Вологодской обл. непрерывно действовали заводы, открытые еще Н. Верещагиным по производству сладкосливочного масла из подогретых или оттопленных сливок, реконструированные и оснащенные современным для того времени оборудованием. «Вологодское масло» из молока коров ярославской породы было оценено, как лучшее в стране, по вкусу, легкости и аромату. Аналогичный центр, работавший на молоке высокомоленной коровы местной породы, был сохранен и получил развитие в Костромской обл. Сибирь и в XX в. поставляла масла больше, чем в европейской части страны. В этом регионе в Курганской обл., где был организован и действовал Союз Сибирских маслоделов, продолжали работу заводы на сырье от местной кунгурской породы коров. Еще более известен был Алтайский центр по производству масла из молока сибирской коровы, сохранявшей более высокую жирность. Лучшие виды отечественного масла, как и раньше, поступали на экспорт, но ситуация на мировом рынке к концу XX в. существенно изменилась. В ряды экспортеров, наряду с прежними вступили новые игроки (Новая Зеландия, Индия и др.), специализировавшиеся на том же производстве. Советская Россия основное внимание уделяла распространению маслозаводов во все регионы своей страны и к повсеместному снабжению торговой сети масла-молочной продукцией промышленного производства.

Параллельно с общественным, развивалось и домашнее маслоделие, перенимая кое-что от промышленного. В быт сельчан вошла утварь, уже давно использовавшаяся в городах: стеклянная, керамическая, металлическая, в том числе эмалированная, сохранялась также и прежняя гончарная. «Раньше были гончарные кринки» – вспоминала в 1965 г. жительница с. Екатерининского. – «Их возили гончары и продавали по деревням. Теперь молоко держат в стеклянных кринках» (ПМА 11: Лопатина). Во второй половине XX в. все крестьянские семьи, державшие коров, имели также и сепараторы, ускорявшие разделение молока на фракции. Пожилые женщины,

нередко продолжали делать масло в избах, молоко пропускали через сепаратор. «Сливки сквашиваем в сметану и оттапливаем в печи, пока не свернутся, примерно с полчаса, потом сыворотку сливаем, протыкаем ложкой. Потом отбрасываем густое в кастрюлю и мешаем веселкой» (ПМА 12: Ефимова). С конца XIX в., после распространения переносных сепараторов, крестьянки стали делать сладкомолочное масло из сливок, которые не сквашивали, а сливали в маслобойки. Эти бондарные приборы также изменялись. М.С. Лопатина отметила последовательность смены форм. «Сметану сбивали раньше в *масленочке* – бондарной кадочке, широкой как квашня. В ней сбивали рукой. Потом стали делать *туесочки* бондарные с крестовиной, а потом, как у нас – *маслобойки* – ящичком, в нем крестовина, а сбоку ручка, чтобы крутить» (ПМА 13: Лопатина). Все названные варианты использовали до конца XX в., народные традиции пополнялись и продолжали существовать.

* * *

Подводя итог рассмотрению истории русского народного и промышленного маслоделия, прежде всего следует отметить участие в их развитии всех слоев общества, что привело к созданию конкурентно способного производства, достигшего к началу XX в. высоких показателей в мировом экспорте. На этом пути выявлено несколько последовательных периодов.

I. Крестьянско-традиционный. Народные способы получения масла из коровьего молока создавались вековой практикой пользования. Естественная природа молока определила основные моменты производства, сходные у разных народов Европы, однако его детали приобрели этнические особенности. Традиции изготовления масла в нашей стране были сформированы русскими женщинами-хозяйками с использованием тепла русской печи, ими же был найден способ получения конечного продукта длительного хранения – топленого масла, составившего специфику народного маслоделия. Женщины выполняли всю работу руками. Они же определяли формы используемой глиняной утвари. Весь процесс изготовления топленого масла занимал больше недели, а выход конечного продукта был невелик. Тем не менее во второй половине XIX в. масло приобрело товарное значение.

II. Начало промышленного производства. В России обратились к промышленному производству лишь во второй половине XIX в., когда в других странах Западной Европы его продукция не только удовлетворяла потребности жителей, но и частично вывозилась в другие страны. В России инициаторами промышленного маслоделия стали представители дворянской интеллигенции, увидевшие за границей значительное улучшение жизни крестьян, принявших машинный способ получения масла. Группа, возглавленная Н. Верещагиным, поставила целью обучение русских крестьян, открыв школу маслоделия и построив на свои средства первые заводы по производству сыра и масла на импортном оборудовании с привлечением иностранных специалистов.

Дело быстро распространялось в губерниях европейской части страны, благодаря поддержке его ВТО, губернскими и земскими управами. Вырастали российские мастера, открывались крестьянские артельные и частные заводы землевладельцев. Возникли местные центры маслоделия (Вологодская, Костромская губ.). Отечественное масло вошло в товарный оборот во внутреннем рынке и опробировалось на внешнем.

III. Маслоделие в Сибири. Развитие экспорта. Сибирские крестьяне держали по многу коров, поэтому домашнее маслоделие превышало потребности семьи, и масло

через посредство скупщиков поступало на ярмарки. Появление в конце XIX в. переносного сепаратора ускорило выделение сливок, что позволило крестьянам устраивать примитивные заводы в своих домах.

Развитие товарного маслоделия значительно ускорилось после создания Союза Сибирских маслоделов в нач. XX в. Его усилиями было поставлено обучение крестьян в школах маслоделия с выездом за рубеж для получения практики. Союз руководил организацией артелей для промышленного производства масла, помогал с приобретением оборудования, налаживал транспортировку продукции, строил маслохранилища и установил международные связи для экспорта. Сибирское маслоделие превзошло результаты его в европейской части страны. За рубежом высоко оценили качество топленого сибирского масла, присвоив ему название «русское». Оно успешно завоевало первые места на мировом экспортном рынке.

IV. Советский период в маслоделии. Сложный период длительных военных действий в нач. XX в., затем перемена государственного строя подорвали хозяйство страны, пострадало и маслоделие. Многие заводы были экспропрированы, значительное число их разорено, подорвана также и сырьевая база. Молодому советскому государству пришлось начинать восстановительную работу сразу по нескольким направлениям. Государство начало с объединения уцелевших заводов под своим управлением для реконструирования, оно же отстраивало новые заводы по современной для того времени технологии. Одновременно наращивали стадо молочного скота, улучшали породность, обеспечивая круглогодичное снабжение заводов. За вторую половину XX в. были выведены новые сорта и виды масломолочной продукции, проведена индустриализация производства, налажено бесперебойное и повсеместное снабжение населения.

Список сокращений

- АК – Алтайский край.
БСЭ – Большая советская энциклопедия.
ВКО – Восточно-Казахстанская обл.
ВНИИМП – Всесоюзный научно-исследовательский институт молочной промышленности.
ВЭО – Вольное экономическое общество.
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук.
ПМА – Полевые материалы автора.
ССМ – Союз сибирских маслоделов.
ССЭ – Сибирская советская энциклопедия.

Источники и материалы

- Верещагин* 1896а – Верещагин Н.В. К вопросу о русском молочном скоте (1880-1894), совместно с Поповым А.А., М., 1896.
Верещагин 1896б – Верещагин Н.В. О мерах к развитию молочного хозяйства на артельных началах // Гутерц А.В. Николай Верещагин. На благо отечества. Вологда, 2011.
Даль 1911 – Даль В.Н. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, Т. 3., М. 1911.
Дерунов 1877 – Дерунов С. Сливочное масло и его производство в Пошехонском уезде (Корреспонденция «Вестника Ярославского земства») // Вестник Ярославского земства. 1877. № 1–2. Ярославль.
Животноводство 1929 – Животноводство // ССЭ. Т. 1. [1929].
Зеленин 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
Иванов 1895 – Иванов П. По поводу маслоделия в великорусской северной губернии. Пошехонье, 1895.

- Крупный...* 1953 – Крупный рогатый скот БСЭ, Т. 23. [1953].
Масло 1954 – Масло // БСЭ. Т. 26. [1954].
Масло 1991 – Масло // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3, М., 1991.
Маслоделие 1932 – Маслоделие // ССЭ. Т. 3 [1932].
Масляная... 1932 – Масляная торговля // ССЭ. Т. 3 [1932].
Снегирев 1906 – Снегирев Д. О маслоделии // Псковские губернские ведомости, № 15. 1906.
Сокульский 1896 – *Сокульский В.Ф.* Производство сибирского масла // Тобольские губ. ведомости (отд. оттиск), 1896.
Тамбовская... 2004 – Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.
Чистяков 2015 – Чистяков В. Лейтенант флота в отставке // Под самым прекрасным флагом. М., 2015.
ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Тамбовскую обл., август 2004 г. Личные наблюдения.
ПМА 2 – Полевые материалы автора. Выезд в Рязанскую обл., август 1941 г., выезд в Казахстан, лето 1943 г. и др.
ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, сентябрь 1980 г. (Информант Петрова А.Т., 1918 г.р.).
ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, июль 1988 г. (Информант Горбунова А.И., 1984 г.р.).
ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, июль 1988 г. (Информант Горбунова А.И., 1984 г.р.).
ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, август 1965 г. (Информант Матвеева Т., 1905 г.р.).
ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, сентябрь 1980 г. (Информант Петрова А.Т. 1918 г.р.; экспедиция 1970 г. Информант Сапраскина О. 1937 г.р. и др.).
ПМА 8 – Полевые материалы автора. Экспедиция в ВКО, июль 1979 г. (Информант Лопатина М.С., 1905 г.р.; Личные наблюдения автора 1960-1990 г.г.).
ПМА 9 – Полевые материалы автора. Экспедиция в ВКО, август 1980 г. (Информант Авдеев В.А., 1887 г.р.).
ПМА 10 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, июль 1965 г. (Информант Демченко М.А., 1924 г.р.).
ПМА 11 – Полевые материалы автора. Экспедиция в ВКО, июль 1980 г. (Информант Лопатина М.С., 1905 г.р.).
ПМА 12 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский край, август 1965 (Информант Ефимова Т., 1914 г.р.).
ПМА 13 – Полевые материалы автора. Экспедиция в ВКО, июль 1980 г. (Информант Лопатина М.С., 1905 г.р.).

Научная литература

- Бардина П.Е.* 2009. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск: «Контекст».
Богоявленский Н.А. 1960. Древнерусское врачевание в XI-XVII вв. М.: «Медицинская литература».
Руденко С.И. (ред.) 1930. Бухтарминские старообрядцы. Л.: изд-во АН СССР.
Гутерц А.В. 2011. Николай Верещагин. На благо отечества. Т. 1-2. Вологда: Вологжанин.

Lipinskaya, Victoria A.

Russian Butter Making (Tradition and Innovation), XIX–XX cc.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/238-259

Russian butter making developed in XIX–XX cc. as a public effort involving all strata of the society. This effort helped create industrial production of the highest international level. The

article defines consequent periods of this process.

1. Russian butter-making was based on national traditions of obtaining butter from cow's milk, which were ethnically specific. The specificity was determined by the climate with long winters, during which the lactation of cattle ceased, which required preparing food supplies. Women were responsible for this in the peasant economy. They practiced various methods of obtaining butter, including the final product – ghee, which was processed by the heat of a Russian stove and could be stored during unlimited period.

2. The pioneer of the development of commercial butter-making was N.V. Vereshchagin. He studied the technology of obtaining butter in rural artels of different states and set the goal to introduce this experience in Russia to improve the life of the peasantry. Overcoming the resistance of officials and involving like-minded people, he opened public schools and butter-making factories using local experience.

3. The work intensified in Siberia, where peasants owned large herds of dairy cattle. The Unions of Butter Makers played an important role organizing artels, providing the storage and delivery of goods, establishing connections with the international market, where Russian butter surpassed other exporters.

4. During the Soviet period, the development of butter-making at the state level began. The industrial production was organized in a consistent and multifaceted manner: the selection work of livestock breeders was combined with the preservation of ethnic specificity and the strengthening of the traditional base of dairy raw materials, while technical institutes developed modern equipment, so the quality of the product improved and it was abundantly supplied to the trade network.

Keywords: *butter making, national traditions, ethnic specifics, industrial production, transformations of the Soviet period*

For Citation: Lipinskaya, V.A. 2021 Russian Butter Making (Tradition and Innovation), XIX–XX cc. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 238–259.

*Lipinskaya, Victoria A. – Dr. of Hist, Leading researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninski prosp., 32a). E-mail: vlipinskaya@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Bardina P.E. 2009. *Byt i khoziaistvo russkikh sibiriakov Tomskogo kraia* [Life and economy of Russian Siberians in Tomsk Territory]. Sever'sk: "Kontekst".
- Bogoiavlenskii N.A. 1960. *Drevnerusskoe vrachevanie v XI-XVII vv.* [Old Russian healing in the XI-XVII centuries]. M.: "Meditsinskaia literatura".
- Rudenko S.I. (ed.) 1930. *Bukhtarminskie staroobriadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. L.: izd-vo AN SSSR.
- Guterts A.V. 2011. *Nikolai Vereshchagin. Na blago otechestva* [Nikolai Vereshchagin. For the good of the fatherland]. T. 1-2. Vologda: Vologzhanin.

© Н.Л. Пушкарева, И.В. Богдашина

«ВКУСНАЯ И ЗДОРОВАЯ ПИЩА» В ПОВСЕДНЕВНЫХ ЖЕНСКИХ ПРАКТИКАХ НЕСТОЛИЧНОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА 1950–1960-х гг.

Советская женская повседневность в 1950–1960-х гг. редко бывает предметом пристального этнографического наблюдения. В центре внимания данной статьи – ее такая важная сторона, как приобретение и заготовка продуктов питания, а именно вопросы, связанные с приготовлением пищи, обеспечением едой детей, родных и близких в условиях возрождавшегося после войны хозяйства Волгограда. Обращение к эго-документам крупного нестоличного региона Нижнего Поволжья позволило выявить и сравнить общее и особенное в повседневно-бытовых практиках приготовления пищи, уяснить отношение самих женщин к предпринимаемым государством попыткам облегчить их домашний труд как хозяек, выявить полулегальные (получение в обход очереди, из-под прилавка) и противозаконные (блат) способы «накармливания» своих семей. По мнению авторов, в условиях скрытого дефицита товаров женщины сталкивались со многими трудностями (очереди, нехватки, лишения), но неся бремя нескончаемых домашних дел, считали порой время, затраченное на них, формой отдыха и досуга. Домашнее, а не общественное питание, было основной формой потребления в провинциальном городе Нижнего Поволжья. Жительницы этого города, совмещая множество социальных ролей, неся двойную нагрузку (на работе и дома), ежедневно выполняли свои обязательства, нанося ущерб профессиональным перспективам, здоровью, отдыху и, не осознавая этой дискриминации, продолжали выполнять вмененные им обществом традиционно «женские» домашние обязанности.

Ключевые слова: гендерная антропология, женский домашний труд, приготовление пищи, потребление, «хрущевская оттепель», Волгоград

Ссылка при цитировании: Богдашина И.В., Пушкарева Н.Л. «Вкусная и здоровая пища» в повседневных женских практиках нестоличного советского города 1950–1960-х гг. // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С.

Повседневность – сфера человеческой обыденности, в которой приобретение продуктов и их приготовление, забота о соблюдении режима питания для себя и

Пушкарева Наталья Львовна – д.и.н., главный научный сотрудник, зав. центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а. Эл. почта: pushkarev@mail.ru

Богдашина Ирина Владимировна – аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: ira18bogdashina@mail.ru

*Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)»

близких составляют едва ли не самую важную для обеспечения жизнедеятельности часть. Столетиями в разных социальных слоях, даже самых обеспеченных, контроль над нею считался прерогативой женщин. Поэтому в рамках научного проекта по изучению женской нестолычной повседневности второй половины XX века обойти вниманием тему “вкусной и здоровой пищи”, (а именно так именовались советские кулинарные книги того времени) невозможно (Книга о вкусной 1952; Книга о вкусной 1954; Книга о вкусной 1961). Как и многие другие аспекты женского быта, этот может быть раскрыт наиболее полно при условии использования материалов устной истории, текстов опубликованных интервью и иных эго-документов, сохранивших пережитые события и реалии, в нашем конкретном случае – повседневной жизни горожанок крупного нестолычного региона Нижнего Поволжья. В распоряжении автора, помимо статей из женских периодических изданий, кулинарных книг и пособий, имеется более десятка неструктурированных биографических интервью, собранных в ходе полевой работы, а также – в числе редких архивных источников личного происхождения – особо ценные дневниковые записи хирурга З.С. Седелниковой, жившей в Волгограде в 1950–1960-е гг. (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 13–35).

Тема женских бытовых практик 1950-х гг. и в ее рамках – всего, что связано с приобретением и приготовлением продуктов – оказалась в центре внимания социологов еще в те же 1950-е гг. (Араловец 1954: 160–161; Куприн 1959: 28). Именно тогда женщины-ученые сами первые заговорили об “облегчении домашних забот женщины”, о нужности сети общественного питания (*Бильшай* 1959: 242). В 1960-е гг. был поднят вопрос об “устранении остатков неравенства женщин в быту”, существование проблемы было признано, однако, речь не шла о том, чтобы и мужчины взяли на выполнение часть “женских” домашних обязанностей, данная задача была возложена на государство. Появились первые научные публикации на эту тему (*Белова* 1965: 25–26). В 1970–1980-е гг. проблема удовлетворения бытовых потребностей продолжала оставаться в центре внимания ученых (*Грушин* 1967; *Харчев, Голод* 1971; *Гордон, Клопов* 1972). З.А. Янкова рассуждала о гендерных ролях в семье и разделении домашнего труда, Е.М. Зуйкова полагала, что «организация производства продуктов питания» является областью быта, которая «до сих пор происходит за счет труда женщин» (*Янкова* 1970; *Янкова* 1972; *Зуйкова* 1977: 3, 7–8). Проблемы женского труда и быта затронула в своих трудах Л.Н. Кузнецова, ведь домашние дела по-прежнему выступали преимущественно женской заботой, являясь, однако, «важными и необходимыми для жизни семьи» (*Кузнецова* 1980: 3). Е.Б. Груздева и Э.С. Чертихина отмечали, что домашний труд – это «наиболее продолжительное занятие во вне рабочее время», а недостаточное развитие торговли и в 1980-е годы продолжало «сдерживать процесс сокращения затрат труда» (*Груздева, Чертихина* 1983: 119, 122, 129).

С переосмыслением событий советского периода в 1990–2000-е гг. ученые пришли к выводу о том, что для советских женщин сохранялись традиционные домашние обязанности, а двойная нагрузка (на работе и дома) породила неравенство полов. Потому так важны были исследовательские задачи, намеченные Н.Л. Пушкаревой, которая первой предложила «делать знакомое незнакомым», изучать повторяющееся, привычное, «почти незамечаемое» для «воссоздания бытового антуража в контексте его создания» (*Пушкарева* 2005: 21, 33). Таким незаметным, но ежедневно необходимым и является в повседневности все, связанное с личным отношением женщины к процессу доставания и приготовления пищи, не случайно в последние десятилетия проблема гендерного разделения домашнего труда привлекла внимание

массы социологов. В исследованиях Т.А. Мищенко, Н.В. Дулиной и Л.И. Вавулинской подчеркнута, что с 1960-х гг. начался этап смешения гендерных ролей, продолжающийся и сегодня (Мищенко 2010; Дулина, Ануфриева 2015; Вавулинская 2016). Конкретные аспекты потребления продуктов питания стали интересовать ученых совсем недавно, а проблема распределения гендерных ролей и вовсе остается неза тронутой (Томилин 2016; Таранова 2017; Еремина 2019).

Чтобы перейти к анализу собранного материала, полагаем важным напомнить о том, что женская литература в СССР начиналась с ныне полузабытой повести Натальи Баранской «Неделя как неделя». Ее главная героиня (сотрудница НИИ) после работы бежала домой с сумками продуктов, готовила ужин для всей семьи, чтобы в конце недели потеряться «в туче дел и забот» (Баранская 1969: 35, 46). В этой героине могли бы себя узнать все жительницы Нижнего Поволжья, о которых и пойдет речь. Основным источником пополнения семейных запасов была тогда в Сталинградской (с 1961 г. – Волгоградской) области государственная и кооперативная торговля. Правда, в годы войны большая часть предприятий общественного питания и торговли региона была уничтожена. Число новых предприятий стало быстро расти уже с конца 1940-х годов и к 1950 г. количество магазинов достигло довоенного уровня, к 1960 г. возросло в 1,3, а к 1965 г. – в 1,5 раза. К концу 1966 г. в городе с населением 1386,6 тыс. человек насчитывалось 819 магазинов (Народное хозяйство 1967: 25, 209–211). Рост оборота важнейших товаров народного потребления, к которым относили мясопродукты, рыбопродукты, масло животное, молоко, сахар, кондитерские изделия, наблюдался на протяжении всего периода, сбавив темпы к середине 1960-х гг. (Народное хозяйство 1967: 218).

Однако, несмотря на положительную статистику, в реальной жизни, обстановка с продуктами питания в регионе на протяжении 1950–1960-х гг., оставалась сложной. В условиях массового дефицита товаров, женщины были вынуждены прибегать к различным способам приобретения продуктов питания, многие из которых имели не совсем легальный характер. Так, в государственных магазинах горожанками приобреталось подавляющее большинство продуктов питания. Но, простаивая за ними в очередях, именно женщины легко завязывали новые знакомства, к тому же, представительницы женского пола составляли подавляющее большинство сотрудниц продуктовых (и не только) магазинов (ГАВО. Ф. Р-6036. Д. 36. Л. 46; Д. 90. Л. 32). Так, у одного рядового врача, жившей в Сталинграде (Волгограде) несколько послевоенных десятилетий, спустя несколько лет проживания в городе, уже были «свои сотрудники торговли», которые могли «иногда предупредить», так чтобы купить продукты с «помощью кассира» или «взять чеки без очереди», что стало для покупательницы привычной обыденностью, о чем она и рассказала в своем дневнике (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 16. Л. 36, Л. 113об, Л. 118об).

Именно на женщин ложились заботы в приобретении продуктов питания, которые, зачастую, приходилось «добывать» нелегким путем. Походы по магазинам длились «допоздна», ведь приходилось «обходить все магазины» в районе проживания, дабы «что-нибудь купить из продуктов», но во многих из них «ничего нет, все очень трудно достать» – вынужденные обстоятельства становились для женщин чуть ли не ежедневным испытанием (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 25. Л. 123об, Л. 127; Д. 16. Л. 118об; Д. 21. Л. 55). Продукты то и дело, приходилось «доставать», а сам процесс отнимал много времени и сил: «До 22 ч. мы с Дусей ходили по магазинам и с б/трудом достали продукты – топленое масло, вермишель, макароны... Вернулись поздно и

уже уставшие»; «остаток вечера, после прогулки, допоздна по магазинам (искала масло сливочное и печенье московское)» (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 16. Л. 20; Д. 25. Л. 127). В своих воспоминаниях женщины также отмечают очереди не только за крайне необходимыми продуктами, но и заметно ускоряющими приготовление домашней пищи – полуфабрикатами (ПМА 1: Н.П.; Н.В.; А.И.; Р.А.).

От неожиданного изобилия продуктов покупательницы теряли голову. После посещения нового кондитерского магазина, зачастую приходилось осознавать, что “накупила всего, что с виду приглянулось, а приехав домой, ничего не показалось вкусным...”; покупать дорогие продукты, думая о том, “что стоят бумажки в виде 4 рублей по сравнению с настоящим визитом аппетита?” – становилось и духовной потребностью (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 19. Л. 168, Л. 169). Желание насладиться “вкусным”, превращало первостепенную необходимость в недостижимые желания, список которых был достаточно широк и для женщины-врача, располагавшей не самым низким материальным достатком: “Поела бы ухи из мелкой рыбы – ершей, окуней, горохового супа, маринованных огурчиков или красных хорошего засола помидорчиков, поела бы трески с картофелем...” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 19. Л. 169).

Женщины старались запастись впрок продукты, в особенности те, которые пропадали с прилавков. Нередко за товар отдавали последние деньги, настолько высок был страх того, что самое необходимое для приготовления ежедневной пищи, может исчезнуть в любой момент: “В магазинах дают муку. Дуся израсходовала последние деньги, купила 3 пакета муки на 51 р.”; “купила в манс. магазине № 8 1,600 гр. сливочного масла 1 кг перетопила, будет впрок” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 13. Л. 145; Д. 31. Л. 72).

Острая нехватка продуктов, казалось, обходила стороной сотрудниц торговли, которые нередко злоупотребляли своими служебными обязанностями, принося желанные продукты домой. В городской комитет КПСС от граждан регулярно поступали жалобы о многочисленных проступках сотрудников продуктовых баз, общепита и торговли. Всеобщие нарушения приобретали поистине широкие масштабы – крупное уголовное дело было возбуждено в 1956 г. За многолетние нарушения торговли с нанесением ущерба в 129 тыс. руб. продовольственной базе № 6 ОРС/а, семья Дрынкиных была заключена под стражу и лишена всего имущества. В качестве сообщников к уголовному делу было привлечено 22 человека, 15 из них – женщины (ЦДНОВО. Ф. 71. Оп. 28. Д. 43. Л. 179–181).

Главный инженер Рагимова была задержана “с маслом и яйцами органами милиции в проходной хлебозавода”, помимо этого, она “давала указания припрятать три мешка муки и несколько ящиков маргарина” (ЦДНОВО. Ф. 71. Оп. 21. Д. 64. Л. 62, Л. 66). За совершенные нарушения сотрудница завода была уволена. Неоднократно нарушала правила советской торговли и гражданка Злобина – заведующая магазином “Гастроном”. О том, как она “брала всевозможные продукты в отделах, не оплачивая ни за что денег” было сообщено и в региональную газету (ЦДНОВО. Ф. 71. Оп. 21. Д. 77. Л. 5). Коллективная жалоба сотрудников магазина и всеобщая огласка, позволили данные нарушения не только демонстративно огласить, но и прекратить. Однако боязнь потерять доверие и авторитет на рабочем месте, не останавливали нарушительниц. Продавщица магазина № 1 “Гастроном” Кутырева “допускала завышение цен при продаже пшеницы, сахара и делала обвес покупателей”, за что была привлечена к административной ответственности с объявлением строгого выговора (ЦДНОВО. Ф. 71. Оп. 21. Д. 77. Л. 13). А продавец Сазыкина завышала цены на “сыр галандский 1 сорта стоимостью 2 р. 50 коп., продавался по цене 2 р. 90 коп.”, в результате чего была уволена по собственному

желанию (ЩДНОВО. Ф. 71. Оп. 37. Д. 66. Л. 49, Л. 50). Для того, чтобы накормить свою семью, поступаясь и моральными принципами, женщины нарушали закон, шли на рискованные поступки, однако не всегда несли за них наказание.

Выгодные знакомства играли огромную роль в снабжении продуктами питания, информанты часто говорят об этом: “Наша соседка работала на мясокомбинате, она нас снабжала, всегда было свежее мясо”; “Сестра работала в Обкоме, в отделе сельского хозяйства, туда привозили все, и она нам давала продукты: рыбу различную, кур, гусей, ананасы” (ПМА 1: Т.М.; Н.В.). В провинциальный город дефицитные продукты привозили из столичных регионов, о чем вспоминают жительницы города: “Моя двоюродная сестра в 1964 г. поступила в Ленинградский педагогический институт. Баловала нас тем, что привозила восточные сладости, рахат-лукум, ведь этого никогда не видели”; “Кофе нам сестра из Москвы привозила или в Обкоме доставала”; “Дефицит привозили из Москвы, отец ездил часто. Из дефицита апельсины, мандарины, привозили из Москвы”; “Моя мама ездила через Москву, и оттуда она привозила сосиски метрами, апельсины, сыры, колбасы” (ПМА 1: Г.Ю.; Н.В.; О.В.; Т.А.). Женщины считали своим долгом не просто накормить семью, но и побаловать деликатесами, которые, как правило, хранили для “сервировки праздничного стола” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 21. Л. 26).

Колхозные рынки были призваны восполнить дефицит продукции государственных магазинов. Но даже на рынках наблюдались толпы очередей, находясь в которых, женщины были вынуждены тратить огромное количество времени: “Зашли на рынок ЗКО – все дорого и торгуются до одурения. Картофель у одной торговки, так у ней очередь человек 30! Купили огурцы и помидоры и поспешили домой...” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 27. Л. 168об). Цены на продукты завышались, да и спрос покупателей не всегда был удовлетворен, но на рынках горожанки покупали необходимые для питания мясо и овощи, нередко за продуктами посылали детей: “На рынок меня посылали. Десять рублей давали мне, и на эти десять рублей я покупала свинины, говядины, баранины по двести грамм на борщ”. А чтобы купить хороший кусок мяса, необходимо было встать засветло и занять очередь: “Мясо покупали на рынке. Вставали иногда в четыре часа, трамваи ещё не ходили, шли пешком до рынка. Люди жгли костры, грелись” (ПМА 1: А.И.; Л.Д.).

Именно женщины сталкивались с различными трудностями, считая каждую копейку, они были вынуждены отстаивать многочасовые очереди, а после – нести огромные сумки в руках домой (сумок на колесах тогда в советских магазинах не было). В первой половине 1950-х гг. за простыми яблоками могли стоять огромные очереди; дорвавшись до покупок, женщины (как они вспоминают) старались закупить не один килограмм: “Утром Дуся достала в магазине, простояв 2 часа в очереди – магазин открылся на 1,5 часа позже, 7 кг яблок по 3.60 и 5.60” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 15. Л. 80). Несмотря на дороговизну, желанные фрукты и овощи приходилось покупать не без доли возмущения: “Зашла на рынок, купила сочинскую черешню по 20 р. кг, вишни 15 р. кг и огурцы 2 р. кг. Как все дорого, малина 25 р. кг, абрикосы 25 р. кг, помидоры чуть ли не 40 р. кг!” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 20. Л. 12). Нередки были перебои с мясом, а по завышенным ценам его покупка становилась и вовсе невозможной, в основном брали “обрежь” или “мясо на косточке”, но хозяйки умели приготовить из такого “сырья” не только повседневные, но и праздничные блюда (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 31. Л. 138; ПМА 1: О.В.; Г.П.; А.Д.).

Общественные столовые, являясь частью государственной торговли – были призваны обеспечить население уже готовой продукцией. Возрождение предприятий об-

ществленного питания проходило более медленными темпами (в отличие от предприятий розничной торговли), довоенный уровень был восстановлен лишь к концу 1950-х гг., а в 1965 г. вырос вдвое, но и население страны увеличивалось с каждым годом. К концу 1966 г. в регионе насчитывалось 407 столовых, каждое из предприятий должно было обслуживать свыше 1000 человек (Народное хозяйство 1967: 209, 211).

В обстановке дефицита продуктов, сотрудницы общественного питания пользовались своей властью, как могли. А они имели возможность приобрести желанные продукты без трудностей и очередей. При этом рядовые женщины предпочитали “доставать” в столовых не готовые блюда и даже не полуфабрикаты, а именно сами продукты, из которых готовили домашнюю еду, кто как умел и как кого научили старшие. Иное дело – что-то к празднику. Одна из наших информанток, работница столовой в 1960-е гг., рассказала: “Я могла и коробку конфет домой привезти, за деньги, не бесплатно, но их же негде было купить” (ПМА 1: Н.Е.). Если в семье имелся сотрудник общепита, даже дефицитные продукты становились рядовыми: “Свекровь работала зав-производством столовой, и на столе было все: и карбонат, и даже икра чёрная” (ПМА 1: А.И.). Желаемое приобреталось женщинами и в столовых учебных заведений: “Я через школу доставала мясо и сосиски, вместе с общим заказом и мне заказывали” (ПМА 1: Н.В.).

Стоит отметить, что многие предприятия общепита не соответствовали санитарным нормам. Так, рейдовая проверка 1963 г. заводских пунктов общественного питания обнаружила, что в столовой нефтебазы не было “раствора хлорной извести для мойки посуды”; в общепите № 18 “стены мойки покрыты грибком”; в столовой № 20 “в подсобках обнаружено присутствие грызунов” (ГАВО. Ф. Р-6821. Д. 14. Л. 31–33). Прийти на семейный обед в такую столовую никому бы в голову не пришло. В антисанитарном состоянии в 1961 г. была даже столовая педагогического института (№ 42), в которой обедали люди с высшим образованием, умеющие (казалось бы) отстаивать свои права на достойное снабжение и чистоту своей “харчевни” (ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 37. Д. 27. Л. 111).

Трапеза вне дома не была для массы горожанок частой и распространенной формой досуга, к тому же в городе было в 1966 г. всего 4 ресторана и 4 кафе (Путеводитель по Волгограду 1966: 130–131). Любопытно, что обед или ужин в таком престижном пункте питания сопровождало нередко посещение театра или кино, это запоминалось как редкость, как событие в жизни, ведь даже свадьбы предпочитали праздновать в домашней обстановке (ПМА 1: Г.П.; А.И.; Н.Ф.). Кафе и рестораны респондентки вспоминают с удовольствием, повторяя полузабытые названия “Маяк”, “Волгоград”, “Дружба” – все они были в центре города (ПМА 1: Г.Ю.; Т.В.; Н.П.). Врач З.С. Седельникова каждый раз записывала (и лишь с 1960 г.) посещение кафе и ресторанов; бывала там в компании мужчины, который и платил за еду. Однажды она записала, что в кафе “Дружба” на десерт был абрикосовый компот, о котором “давно мечтала”; это событие в жизни равноположено другому: в кафе-автомате она смогла “выпить сливки с булочкой” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 25. Л. 68, Л. 181об). Судя по ее записям, в ресторане “Сталинград” в самом центре вечно было “полно народу”, зато на берегу Волги в “Маяке” – напротив, имелись свободные столики и всегда была возможность (обратим внимание на определение) “заказать сытный ужин” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 26. Л. 43). Сытость – понятие благополучия для послевоенного поколения; возможность сытно поесть или накормить близкого приравнивалась к удачно проведенному свободному времени и, конечно, иногда освобождало женщину от каждодневных обязательств.

Личные подсобные хозяйства горожанок на их дачах были тогда еще одним источником пополнения семейных запасов, как и колхозные рынки. В годы хрущевских реформ они, правда, сильно пострадали: горожанам запретили иметь в собственности скот, о чем женщины вспоминают с досадой: до того “мясо своё было в основном – утки, но как Хрущёв ликвидировал, кроме кошки никаких животных” не осталось; “Не разрешали держать, а у нас были куры, свинья, все прятали в подвале” (ПМА 1: Р.А.; Н.А.). Устная история того времени позволяет увидеть эту иную картину женской повседневности, которая не попала ни в документы, ни в СМИ: “Молоко своё было, корова и десять кур на шести сотках”; “Держали курей, свиней, в сарае держали свиней” – в случае проверки приходилось платить штрафы (ПМА 1: Н.П.; М.П.).

С работой в выходные на земельном участке было проще. Выращивали овощи, неплохо росли ягоды и фрукты, из сельской местности их летом и осенью везли в город: «Огурцы и помидоры, яблоки, груши, нам бабушка из Ленинска привозила»; «У нас дача была, огород разбили, была и картошка, и малина, и яблони, груши» (ПМА 1: Г.Ю.; Л.Д.). Обладание дачным участком (у кого не было родных в деревне) было предметом зависти, именно с начала 1960-х гг. стала распространяться практика получения дачных “шести соток”. У владелиц дачных участков были «свои консервированные фрукты и овощи, особенно вкусный компот», а привезенная в подарок «тыква со своей дачи» сразу же отправлялась в духовку (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 28. Л. 107; Д. 25. Л. 122об). На дачные участки охотно ехали с друзьями, которые помогали собрать урожай, им с ними и делились (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 33. Л. 58). Дачные хозяйства немало помогали в снабжении продуктами питания, дополняли и обогащали повседневный и праздничный стол – всегда в то время домашний.

С трудом купленные, буквально добытые в очередях и по знакомству продукты волгоградка 1960-х гг., как правило, умела вкусно приготовить так, чтобы сытно накормить детей и других родственников. Умение готовить поддерживалось устной традицией (передавалось от старших женщин младшим), рецепты переписывались из журналов, отрывных календарей, книг, вроде «Книги о вкусной и здоровой пище» с разнообразными рецептами и соблазнительными фотографиями. С середины 1950-х гг. внимание хозяек завоевало не менее популярное издание «Домоводство», вышедшее впервые в 1956 г. и с небольшими добавлениями переиздававшееся ежегодно (Домоводство 1956; Домоводство 1958; Домоводство 1960; Домоводство 1965). Книжки такого рода были в каждом доме, кулинарные рецепты из журналов и календарей нередко вклеивались в отдельные тетради или на страницы «Домоводства» напротив того продукта, о котором шла в книге речь. Иные из подобных изданий хранятся волгоградками, несмотря на возможности Интернета, по сей день (ПМА 1: Е.В.; Г.Ю.; О.В.; Т.М.; Л.М.; Л.Д.; Н.П.; Т.В.; Н.П.).

По-своему помогали в структурировании повседневного и праздничного стола и такие женские периодические издания – как «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина». Они не только отражали, но и в известном смысле формировали желаемую идеологами культуру потребления, в продвижении которой главную роль играли женщины. В кулинарных рубриках женских журналов, давались и кулинарные советы, и нехитрые способы облегчения домашнего труда (Советская женщина 1953. № 1: 60–61; Работница 1954. № 1: 27–28; Советская женщина 1955. № 2: 46; Работница 1959. № 10: 32) (рубрика «Кулинария» в журнале «Работница» была любима многими хозяйками, а раздел «Полезные советы» в журнале «Крестьянка» внимательно изучался каждой хозяйкой: там говорилось, как ухаживать за посудой

и обеспечить семью заготовками на зиму (Работница 1954. № 4: 32; 1957. № 1: 31; Крестьянка 1953. № 11: 32; 1954. № 3: 32; 1956. № 9: 30–31). Любая хозяйка умела накрыть и праздничный стол; в Новый год он изобиловал мясными блюдами и сладостями (Крестьянка 1958. № 11: 30–31; 1962. № 1: 32). С середины 1960-х гг. страницы женских журналов стали площадкой обмена рецептами и советами (Крестьянка 1965. № 3: 32; № 5: 32; № 8: 32), в том числе о том, чем заменить мясо в условиях его дефицита и «как привести в годность забродившее варенье» (Крестьянка 1966. № 1: 32; 1966. № 3: 32). В еще более популярном, чем «Крестьянка» журнале «Работница» – женщин обучали, как сделать домашнее питание имеющим «приятный вид», быть питательным, недорогим и вкусным (Работница 1955. № 1: 32). Журнал учил, как – «придав красоту простым блюдам» – домашние хозяйки улучшат даже «самую скромную еду» (Работница 1960. № 12: 30). Продукты призывали использовать экономно, «чтобы домашний обед был вкусным и недорогим»; эта модель ведения хозяйства прочно внедрялась в женское сознание (Работница 1955. № 12: 32). Подобные призывы были более, чем актуальны, поскольку предпринимаемые государством попытки облегчить домашний труд женщин путем создания кухонь-столовых, удачей не увенчались (Работница 1955. № 11: 28–29; 1960. № 5: 30). Именно на страницах женских изданий можно почерпнуть информацию о новинках кухонной утвари, которые становились мечтой хозяек, чаще всего недоступной в нестоличном городе (Работница 1960. № 3: 31; 1960. № 10: 28; 1966. № 1: 29; 1966. № 8: 28).

В те годы даже холодильников в большинстве волгоградских семей не было; хозяйки обменивались знаниями о том, как сохранить скоропортящиеся продукты (Работница 1957. № 5: 31; 1959. № 5: 30; 1961. № 7: 31). Далеко не во всех семьях были умелые мужчины, могущие собрать холодильник по описанию, достать нужные детали и собрать самим, что обошлось бы «совсем недорого»; о холодильнике как о кухонной мечте в прессе стали писать лишь с середины 1960-х годов, как и давать советы о его «заботливом» использовании (Работница 1965. № 2: 31; 1966. № 7: 31). Отсутствие в семье холодильника отметили многие горожанки того времени: «Холодильника не было, папа вырывал глубокий колодец, была ледяная вода, в ведро опускали продукты»; «Брали всего грамм по двести, тогда холодильников не было, чтобы за два дня съесть»; «Холодильников не было, купили килограмм – должны были съесть» (ПМА 1: Н.П.; М.П.; А.Д.). Практика приобретать продукты «понемногу» заставляла женщин каждый день идти за покупками; у кого-то не было средств на покупку желанного, у кого-то – возможности. Вышеупомянутая врачиха отдала в 1958 г. за «Холодильник “Саратов-2” с автоматическим выключателем и включением, цена 1500 р.» последние деньги, да еще и заниматься пришлось. Зато, писала она в дневнике, «следующим летом не придется страдать с продуктами от жары» (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 22. Л. 75). Электричество сэкономили, холодильник старались включать только в теплое время года, когда иным способом сохранить продукты было сложно: «Как мы рады, что имеем холодильник, тепло, а продукты уже не тревожат, не пропадут как раньше» (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 23. Л. 17). Важность покупки холодильника запечатлелась в памяти многих женщин; можно было наконец-то прекратить готовить каждый день, а некоторые продукты приобретать впрок (ПМА 1: Н.П.; А.Д.; И.В.). Отчасти в помощь хозяйкам оказывались традиционные способы хранения приготовленной еды (холодные подвалы в домах были, однако редкостью), но традиционная кухня народов СССР как раз легко находила дорогу к сердцам хозяек. С конца 1950-х гг. в кулинарных рубриках появились национальные рецепты, вносящие «некоторое разнообразие в питание»

(Работница 1958. № 10: 31), в особенности те, которые позволяли использовать продукты не первой свежести (из одного только черствого хлеба предлагалось с десятков блюд) (Работница 1959. № 11: 32; 1965. № 3: 30). В отличие от “Крестьянки” и “Работницы”, журнал “Советская женщина” (адресованный активисткам-общественницам и, скорее, женщинам столицы, а не регионов) читался волгоградками редко; в нем если и попадались советы, то о сервировке праздничного стола и использовании возможностей заказа готовых блюд на дом (в СССР такая возможность появилась в 1953 г.). В Волгограде такое было в диковинку; если хозяйки и пользовались гастрономией в специальных отделах крупных магазинов, то, чтобы купить мясные полуфабрикаты или изредка что-то к праздничному столу (пирожные) (Советская женщина 1953. № 2: 58–59, 60–61, 63; 1956. № 3: 47; 1956. № 10: 47; 1957. № 1: 47; 1959. № 5: 46; 1960. № 1: 48). Крайне узкая часть волгоградских хозяек могла быть озадачена стремлением “быстро приготовить печенье к ужину”, организовать “обед на скорую руку” (Советская женщина 1954. № 10: 46; 1954. № 11: 44–45; 1960. № 2: 37), почти ни у кого не было ни миксеров, ни блендеров, хотя в «Советской женщине» писалось, что такие приборы “широко входили в наш быт” (Советская женщина 1955. № 2: 46; 1955. № 6: 47; 1956. № 8: 46–47; 1964. № 2: 38; 1965. № 7: 39). Специально не выписывался, но иногда просматривался горожанками начавший выходить в 1963 г. журнал “Служба быта”. В нем женщины тоже могли найти кулинарные советы, узнать об электробытовых новинках, поскольку приготовление пищи было признано “наиболее трудоемкой домашней работой” (Служба быта 1966. № 7: 34–35). Кухню журнал именовал “рабочим местом”, учил хозяек, как именно его организовать, при этом самой выглядеть “опрятно и красиво” (Служба быта 1964. № 3: 30–31; 1965. № 10: 30–32; 1966. № 12: 37).

Очевидно, что в непростых бытовых условиях первыми, кто мог бы помочь женщинам облегчить их домашний труд, в том числе в доставании продуктов, приготовлении еды, должны были бы быть мужья. Но традиции распределения семейных ролей менялись медленно; к делам приготовления еды, мытья посуды после нее, приучали, прежде всего, девочек: “Мы с сестрой маме помогали готовить вареники, блины, мясо в горшочке”; “готовила мама, лепили с ней пельмени, смотрели, как варить борщ”; “Я рано начала готовить, мне очень нравилось; в классе пятом я уже могла суп сварить, картошку пожарить, почистить овощи, все это подготавливала” (ПМА 1: Л.В.; Л.Д.; А.И.), мужья и отцы помогали в этих делах редко (ПМА 1: Т.А.; Г.Ю.; А.И.). Традиционно к домашней работе привлекали детей, дочери учились готовить у матерей и вместе с ними, реже (но все-таки случалось) привлекали и сыновей (ПМА 1: Т.А.). Дети накрывали на стол и убирали посуду, бегали в магазин за мелкими покупками (ПМА 1: Т.А.; Л.В.; Т.М.; С.В.).

Узкий слой городской элиты мог себе позволить найм домработницы, следить за нею и давать поручения принято было опять-таки женщинам. Так, семье бездетного врача З.С. Седелъниковой удалось уговорить прежде служившую в семье ее бывшего мужа помощницу, перебраться к ней: “Жду Дусю к себе, с ней лучше, обед будет вовремя и вкусный” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 13. Л. 65). Домработница зачастую спала с хозяйкой в одной комнате, превращаясь постепенно из прислуги в подругу, наперсницу, подопечную, о которой приходилось заботиться: кормить и одевать. Домработница закупала продукты, готовила домашнюю пищу, в ее обязанности входила и уборка. В таких редких семьях, где были домашние помощницы, заботы по доставанию, покупке и приготовлению продуктов делились женщинами между друг другом и сокращали число «нескончаемых работ». Редко, кому везло с мужем настолько, что он готов был взять на себя часть работ

по приготовлению пищи. Однако если на какие-то “женские работы” мужчина и соглашался, это чаще всего была уборка с помощью пылесоса, а чаще всего – именно приготовление пищи при наличии нужных продуктов дома. Врач З.С. Седельникова записала как-то в дневнике: “Домой пришла в начале третьего, ВИ обтирал полы в балконе, в комнате чисто, в кухне обед – борщ и бефстроганов” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 30. Л. 151). Бездетная интеллигентная пара старалась сделать домашние дела, как можно скорее, чтобы выкроить свободное время на досуг (“Купили в главгастрономе и полуфабрикатах продукты, поспешили домой. ВИ готовил борщ, а я блинчики с мясом, чтобы завтра вечер был свободным”) (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 31. Л. 11).

Такая благодатная семейная обстановка была далеко не у всех. У большинства женщин в городе не было широкого круга знакомств для доставания продуктов, перебои же со снабжением были перманентными: “Масла сливочного и топленого, сахару, круп нет уже несколько месяцев”, – признавалась автор дневника начала 1950-х гг.; “Вернулась домой, пробежав по магазинам; с продуктами плохо – ни сахара, ни круп (кроме манной), ни мясных изделий, ни овощей!” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 15. Л. 239об; Д. 16. Л. 15, Л. 15об). Ситуация не изменилась и в первой половине 1960-х гг. (“Искала в гастрономах творог и не нашла, сыра хорошего опять нет”; “В магазине очередь – ждут сахар, недели две как исчез в магазинах, вероятно будут давать по спискам!”; и даже “Ходила за хлебом, вернулась с пустыми руками, нет хлеба!”) (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 28. Л. 67; Д. 30. Л. 25, Л. 127об).

В день выплаты зарплаты бежали за продуктами, чтобы приобрести вкусности, на которые в другие дни тратиться не решались (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 16. Л. 80об; Д. 17. Л. 25; Д. 18. Л. 187; ПМА 1: С.В.; Т.А.; А.Д.). Об отсутствии простых и нужных продуктов даже сегодня респондентки говорили с негодованием: “Был момент, первая половина 1960-х, перебои с хлебом, кроме пятнадцатикопеечного кукурузного хлеба ничего не было”; “Не было апельсинов, мандаринов, даже в новогодних подарках не было, не было зимой и яблок”; “риса не было, манки, ели в основном пшено” (ПМА 1: Т.А.; Г.Ю.; Н.П.). Женщины переживали о том, что семья не накормлена. Желанные дорогие продукты, приобретенные “на праздник”, вспоминаются с чувством горечи (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 13. Л. 119об, Л. 120): вся жизнь в то время была выживанием, борьбой за продукты, и редко, у кого были знакомства с продавщицами и сотрудницами общепита. Практически все, говоря о том времени, вспоминают, что еда тогда была “простая”. “Майонеза мы не знали, мы про него не слышали”; “ели картошку в мундире с селедкой, грибы, просто и в тоже время сытно”; “Простая была еда: картошка, помидоры, огурцы, капуста”; “мама не готовила особых блюд”, как обыденная еда названы, однако, и плов, и жареный цыпленок (ПМА 1: О.В.; Т.А.; И.В.; Н.П.). Вспоминая мамины умения, респондентки говорят, что “вроде и не было ничего”, но матери умели “делать подливы разные, они обогащали питание”; “пекли пироги с капустой, рыбой, мясом, сладкие с сухофруктами, плюшки с сахаром” (ПМА 1: Н.А.; Г.Ю.; Т.А.). Как память о детстве остались в рассказах “мамины пирожки”, “суп с фрикадельками, плов”; лапшевник (“лапша, сверху яйца и в духовку”) (ПМА 1: О.В.; Р.А.; Н.П.).

Домашние разносолы традиционно были частью русского обыденного и праздничного стола; бытовало слово “закрутки”, наличие в продаже крышек и умение пастеризовать заготовки обеспечивало устойчивую практику делать летом заготовки на всю зиму, особенно если семья летом жила на даче. “Компоты, закутки делали, квашеную капусту, сало солили, сами делали – так намного дешевле было”; “Грибы солили, по-

мидоры, огурцы, капусту”; “Мама закрывала всякие компоты, овощи, салаты” (ПМА 1: Н.А., О.В.; Т.А.; Л.Д.). Заготавливали сразу помногу (“15 кг огурцов в 12 банках”; “закрутили 15 кг огурцов”), на работе в такие летние дни женщины брали отгулы – исключительно, чтобы заняться закрутками на зиму (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 30. Л. 181; Д. 33. Л. 226) и тратили огромную часть своего свободного времени: “солили капусту, чем после обеда и занимались до 9 часов, засолили 32 кг в 2-х бочках”; “18 кг чудесных помидор нынче замариновали в 21 банку; устали, но довольны” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 32. Л. 55; Д. 35. Л. 35). Ловля рыбы изредка выступала женской практикой и видом отдыха, а вот поход за грибами, дальнейшая их разделка и консервирование, являлись не только формой досуга, но и существенным подспорьем в домашнем питании (ПМА 1: Т.А.; Л.Д.). Правда, на данное занятие уходили не только силы и время, после приходилось “считать царапины на ногах” и отмывать руки, которые “остались темными и после душа”, однако все заботы восполнял “особый вкус ужина с грибами собственного сбора” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 25. Л. 86об).

Нередкими были сетования женщин на домашний труд, у врача З.С. Седельниковой на готовку (при наличии домработницы!) все равно уходила большая часть свободного времени: “С утра и до 10 часов возилась в кухне, готовила обед (какую уйму времени ежедневно отнимает эта кухонная и хозяйственная работа!)” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 33. Л. 222). На “стряпню”, как это она называла, мог уйти и целый вечер, и предназначенный для отдыха выходной (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 14. Л. 113об, Л. 186об; Д. 27. Л. 66об; Д. 28. Л. 58; Д. 30. Л. 76; Д. 32. Л. 102; Д. 33. Л. 213). Что и говорить о простых горожанках, не мечтавших о домашних помощницах (ПМА 1: И.В.; Т.А.; О.В.).

И уж в праздники наполнение и оформление стола всегда было обязанностью именно хозяйки. “Накрыть стол – это сто раз пройти до кухни и обратно. Приготовила на 20 персон” – писала врач, сожалея, что не успевала толком поспрашивать. “Почти не могла следить за столом, все возилась в кухне и бегала от стола на кухню и назад. Удовольствия от вечера для себя никакого не получила, трудилась в поте лица. Зато рада, что гости были довольны” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 18. Л. 214; Д. 22. Л. 37). Надолго оставалось и чувство горечи, если гости были неожиданными и их вдруг не удавалось накормить: “Никогда так не переживала за невозможность угостить, ничего, кроме чая с сахаром и хлебом”; “чувствовала неловкость, желание угостить более вкусным обедом” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 14. Л. 156; Д. 25. Л. 64). За неимением нужных продуктов, приходилось изменять рецептуру излюбленных блюд, а продукты на праздник в беспокойстве приобретать в избытке, “чтоб точно хватило” (ГАВО. Ф. Р-6880. Д. 15. Л. 122, Л. 291). В провинциальном городе женщины воистину становились “символами тягот, статуями нехваток и очередей”, как писал о женщинах в те годы популярный советский поэт Борис Слуцкий (*Слуцкий* 1966).

Бесспорно, именно в годы знаменитой хрущевской “оттепели” изменилась не только общественно-политическая ситуация, но и отношение к частной жизни людей. Именно тогда на государственном уровне впервые задумались над содержанием экономически до того невидимого женского домашнего труда, над возможностью его облегчить. Именно в то десятилетие по всей стране появились предприятия общественного питания, именно тогда в развитии направлений промышленности произошли перемены, и стало больше производиться предметов потребления, в том числе бытовых электроприборов, да и просто кухонной утвари. Однако до провинциальных городов нововведения докатывались с большим опозданием. Предпринятые государством усилия были практически не известны, не оказали еще существенного влияния на жен-

ский повседневный быт. В условиях скрытого дефицита продовольственных товаров горожанки вынуждены были прибегать к разным способам “доставания” продуктов и приготовления пищи из минимума того, что требовалось для питания семьи. Домашний труд, в котором чистка, нарезка, готовка, организация диеты и обычного питания, уборка после еды, заготовка впрок составляли значительную часть, продолжал отнимать у женщин много свободного времени, а зачастую сна и отдыха. Он был не делом свободного выбора, но прямой необходимостью, которую женщины (успокаивая себя и примиряя с действительностью) старались сделать частью домашнего досуга. В отличие от мужчин, именно женщины отводили домашнему труду очень много времени, к тому их готовило и домашнее, и общественное воспитание, намекая на извечность этой социальной обязанности и гендерной роли. Домашнее, а не общественное питание, было основной формой потребления в провинциальном городе Нижнего Поволжья. Жительницы этого города, совмещая множество социальных ролей, неся двойную нагрузку (на работе и дома), ежедневно выполняли свои обязательства, нанося ущерб профессиональным перспективам, здоровью, отдыху и, не осознавая этой дискриминации, продолжали выполнять вмененные им обществом традиционно «женские» домашние обязанности, считали такое проведение свободного времени формой досуга.

Источники и материалы

- Баранская* 1969 – *Баранская* Н. Неделя как неделя // Новый мир, 1969. № 11. С. 23–55.
- ГАВО Ф. Р-6880 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Коллекция документов медицинских работников. Ф. Р-6880. Оп. 6.
- ГАВО Ф. Р-6036 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Волгоградский универмаг. Ф. Р-6036. Оп. 3.
- ГАВО Ф. Р-6821 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Красноармейский районный комитет народного контроля гор. Волгограда. Ф. Р-6821. Оп. 1.
- Домоводство 1956 – Домоводство / сост. А.А. Демезер, М.Л. Дзюба. М.: Сельхозгиз, 1956.
- Домоводство 1958 – Домоводство / сост. А.А. Демезер, М.Л. Дзюба. М.: Сельхозгиз, 1958.
- Домоводство 1960 – Домоводство. М.: Сельхозгиз, 1960. 792 с.
- Домоводство 1965 – Домоводство. М.: Колос, 1965. 759 с.
- Книга о вкусной 1952 – Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952. 400 с.
- Книга о вкусной 1954 – Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1954. 400 с.
- Книга о вкусной 1961 – Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1961. 424 с.
- Крестьянка 1953 – Крестьянка 1953. № 11.
- Крестьянка 1954 – Крестьянка 1954. № 3.
- Крестьянка 1956 – Крестьянка 1956. № 9.
- Крестьянка 1958 – Крестьянка 1958. № 11.
- Крестьянка 1962 – Крестьянка 1962. № 1.
- Крестьянка 1965 – Крестьянка 1965. № 3, № 5, № 8.
- Крестьянка 1966 – Крестьянка 1966. № 1, № 3.
- Народное хозяйство 1967 – Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора г. Волгоград. Апрель 2019 г. – март 2020 г. (информанты – Мери Петровна, 1933 г.р.; Нина Федоровна, 1933 г.р.; Раиса Александровна, 1935 г.р.; Ираида Васильевна, 1937 г.р.; Нина Васильевна, 1938 г.р.; Нина Петровна, 1941 г.р.; Нелли Андреевна, 1942 г.р.; Анна Дмитриевна, 1943 г.р.; Елена Васильевна, 1944 г.р.; Галина Петровна, 1945 г.р.; Нина Евгеньевна, 1945 г.р.; Татьяна Викторовна, 1948 г.р.; Антонина Ивановна, 1948 г.р.; Людмила Дмитриевна, 1948 г.р.; Татьяна Михайловна, 1950 г.р.; Галина Юрьевна, 1951 г.р.; Ольга Владимировна, 1953 г.р.; Татьяна Александровна, 1954 г.р.; Нина Петровна, 1956 г.р.; Любовь Валентиновна, 1956 г.р.; Любовь Михайловна, 1958 г.р.; Светлана Владимировна, 1960 г.р.).

- Путеводитель по Волгограду 1966 – Монахова Н.Д. Путеводитель по Волгограду. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. 136 с.
- Работница 1954 – Работница 1954. № 1, № 4.
- Работница 1955 – Работница 1955. № 1, № 11, № 12.
- Работница 1957 – Работница 1957. № 1, № 5.
- Работница 1958 – Работница 1958. № 10.
- Работница 1959 – Работница 1959. № 5, № 10, № 11.
- Работница 1960 – Работница 1960. № 3, № 5, № 10.
- Работница 1961 – Работница 1961. № 7.
- Работница 1965 – Работница 1965. № 2, № 3.
- Работница 1966 – Работница 1966. № 1, № 7, № 8.
- Служба быта 1964 – Служба быта 1964. № 3.
- Служба быта 1965 – Служба быта 1965. № 10.
- Служба быта 1966 – Служба быта 1966. № 7, № 12.
- Слущкий 1966 – Слущкий Б. Ключ (1966 г.). Доступ: https://45parallel.net/boris_slutskiy/klyuch.html (дата обращения: 16.06.2020).
- Советская женщина 1953 – Советская женщина 1953. № 1, № 2.
- Советская женщина 1954 – Советская женщина 1954. № 10, № 11.
- Советская женщина 1955 – Советская женщина 1955. № 2, № 6.
- Советская женщина 1956 – Советская женщина 1956. № 3, № 8, № 10.
- Советская женщина 1957 – Советская женщина 1957. № 1.
- Советская женщина 1959 – Советская женщина 1959. № 5.
- Советская женщина 1960 – Советская женщина 1960. № 1, № 2.
- Советская женщина 1964 – Советская женщина 1964. № 2.
- Советская женщина 1965 – Советская женщина 1965. № 7.
- ЦДНИВО Ф. 71 – Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Волгоградский городской комитет КП РСФСР. Ф. 71. Оп. 21, 28, 37.

Научная литература

- Араловец Н.* Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954. 176 с.
- Белова В.С.* Подлинное равноправие (Консультация при разработке лекций о роли советской женщины в строительстве коммунизма). М.: Знание, 1965. 40 с.
- Бильшай В.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1959. 264 с.
- Вавулинская Л.И.* Проблема женской занятости в 1950-х гг. (на материалах Карелии) // Женщина в российском обществе, 2016. № 2 (79). С. 82–90.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972. 268 с.
- Груздева Е.Б., Чертихина Э.С.* Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983. 222 с.
- Грушин Б.А.* Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. 175 с.
- Дулина Н.В., Ануфриева Е.В.* Домашний труд в системе распределения гендерных ролей (по итогам прикладного социологического исследования). Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания, 2015. Т. 23. № 9 (72). С. 45–51.
- Еремينا О.Ю.* Снабжение и потребление продуктов питания в СССР // Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана). Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль и значение советских пятилеток в развитии страны (к 90-летию первого пятилетнего плана)» / отв. ред. В.И. Коренев. Курск: Университетская книга, 2019. С. 37–41.
- Зуйкова Е.М.* Быт при социализме. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 240 с.
- Кузнецова Л.Н.* Женщина на работе и дома. М.: Политиздат, 1980. 231 с.
- Куприн О.* Быт – не частное дело. М.: Госполитиздат, 1959. 70 с.
- Миценко Т.А.* Динамика социальных ролей трудящейся женщины в СССР как фактор трансформации семейного лидерства (1960-е – начало 1980-х гг.). Известия Уральского государственного

- университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2010. Т. 85. № 6-2. С. 269–278.
- Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // ГЛАСНИК ЭТНОГРАФСКОГО ИНСТИТУТА САНУ, 2005. № 53. С. 21–34.
- Таранова О.А. «Здоровая пища» в СССР. Трансформация советских практик здорового и правильного питания // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию русской революции). Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения» / отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-Принт, 2017. С. 1556–1557.
- Томилини В.Н. Структура питания основных категорий городского и сельского населения СССР в период политического лидерства Н.С. Хрущёва // Гуманитарные исследования центральной России, 2016. № 1 (1). С. 43–53.
- Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971.
- Янкова З.А. О бытовых ролях работающей женщины (к проблеме осуществления фактического равенства женщины с мужчиной) // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс: Минтис, 1970. С. 42–49.
- Янкова З.А. Изменение структуры социальных ролей женщин в развитом социалистическом обществе и модель семьи. Доклад XII МСИС ССА, ИКСИ АН СССР. М.: б.и., 1972. 12 с.

Pushkareva, Natalia and Irina Bogdashina

“Tasty and Healthy Food” in Everyday Women’s Practices of a Non-Capital Soviet City in the 1950–1960s

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/260-274

Everyday life of Soviet women in the 1950s–1960s is rarely a subject of ethnographic observation. This article focuses on such an important aspect of this life as purchase and preparation of food and issues related to cooking, providing food for children, relatives and friends in the Volgograd region while the economy was recovering after the World War II. Using ego-documents of a large non-capital region of the Lower Volga the study identified and compared the common and the particular in everyday cooking practices, clarified the attitude of women themselves towards the efforts undertaken by the state to facilitate their domestic work as housewives, identified semi-legal (bypassing the queue, purchasing “under the counter”) and illegal (nepotism) ways of “feeding” their families. In conditions of a hidden shortage of goods, women faced many difficulties (queues, shortages, deprivations), but continued to bear the burden of endless household chores, sometimes considering the time spent on them as a form of rest and leisure.

Key words: *gender anthropology, female domestic work, cooking, consumption, “Khrushchev thaw”, Volgograd*

For Citation: Pushkareva, N.L. and I.V. Bogdashina. 2021. “Tasty and Healthy Food” in Everyday Women’s Practices of a Non-Capital Soviet City in the 1950–1960s. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 260–274.

*Pushkareva Natalya L. – Dr. in History, Head of the Centre for gender studies, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: pushkarev@mail.ru

Bogdashina, Irina V. – Postgraduate Student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32A). E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 19-09-00191) and is published as a part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Aralovec, N. 1954. *Zhenskij trud v promyshlennosti SSSR* [Female labor in the industry of the USSR]. Moscow: Profizdat.
- Belova, V.S. 1965. *Podlinnoe ravnopravie (Konsul'taciya pri razrabotke lekcij o roli sovetskoj*

- zhenshchiny v stroitel'stve kommunizma*) [True Equality (Consultation in the development of lectures on the role of Soviet women in the construction of communism)]. Moscow: Znanie.
- Bil'shaj, V. 1959. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [Solution of the female issue in the USSR]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy i nauchnoj literatury.
- Dulina, N.V., and E.V. Anufrieva. 2015. Domashnij trud v sisteme raspredeleniya gendernyh rolej (po itogam prikladnogo sociologicheskogo issledovaniya) [Domestic work in the system of distribution of gender roles (based on the results of applied sociological research)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya* Vol. 23. 9 (72): 45–51.
- Eremina, O.Yu. 2019. Snabzhenie i potreblenie produktov pitaniya v SSSR [Supply and consumption of food in the USSR] In: *Rol' i znachenie sovetskikh pyatiletok v razvitii strany (k 90-letiyu pervogo pyatiletnogo plana)*. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Rol' i znachenie sovetskikh pyatiletok v razvitii strany (k 90-letiyu pervogo pyatiletnogo plana)», edited by V.I. Korenev. Kursk: Universitetskaya kniga.
- Gordon, L.A., and E.V. Klopov. 1972. *Chelovek posle raboty. Social'nye problemy byta i vnerabocheho vremeni* [Man after work. Social problems of life and after-hours]. Moscow: Nauka.
- Gruzdeva, E.B., and E.S. Chertihina. 1983. *Trud i byt sovetskikh zhenshchin* [Labor and life of Soviet women]. Moscow: Politizdat.
- Grushin, B.A. 1967. *Svobodnoe vremya: Aktual'nye problemy* [Free time: Actual problems]. Moscow: Mysl'.
- Harchev, A.G., and S.I. Golod. 1971. Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya [Professional work of women and family]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.
- Kuznecova, L.N. 1980. *Zhenshchina na rabote i doma* [Woman at work and at home]. Moscow: Politizdat.
- Kuprin, O. 1959. *Byt – ne chastnoe delo* [Life – is not a private matter]. Moscow: Gospolitizdat.
- Mishchenko, T.A. 2010. Dinamika social'nyh rolej trudyashchejsya zhenshchiny v SSSR kak faktor transformacii semejnogo liderstva (1960-e – nachalo 1980-h gg.) [The dynamics of the social roles of a working woman in the USSR as a factor in the transformation of family leadership (1960s – early 1980s)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 85. 6-2: 269–278.
- Pushkareva, N.L. 2005. “Istoriya povsednevnosti” i etnograficheskoe issledovanie byta: raskhozhdeniya i peresecheniya [“History of everyday life” and ethnographic study of everyday life: discrepancies and intersections]. *Glasnik etnografskog instituta sanu* 53: 21–34.
- Taranova, O.A. 2017. “Zdorovaya pishcha” v SSSR. Transformaciya sovetskikh praktik zdravogo i pravil'nogo pitaniya [“Healthy food” in the USSR. Transformation of the Soviet practices of healthy and proper nutrition] In: *Global'nye social'nye transformacii XX – nachala XXI vv. (k 100-letiyu russkoj revolyucii)*. Materialy nauchnoj konferencii XI Kovalevskie chteniya», edited by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Skifiya-Print.
- Tomilin, V.N. 2016. Struktura pitaniya osnovnyh kategorij gorodskogo i sel'skogo naseleniya SSSR v period politicheskogo liderstva N.S. Hrushcheva [The nutrition structure of the main categories of urban and rural population of the USSR during the period of political leadership Khrushchev]. *Gumanitarnye issledovaniya central'noj Rossii* 1 (1): 43–53.
- Vavulinskaya, L.I. 2016. Problema zhenskoj zanyatost v 1950-h gg. (na materialah Karelii) [The problem of female employment in the 1950s (based on materials from Karelia)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* 2 (79): 82–90.
- Yankova, Z.A. 1970. O bytovyh rolyah rabotayushchej zhenshchiny (k probleme osushchestvleniya fakticheskogo ravenstva zhenshchiny s muzhchinoj) [On the domestic roles of a working woman (on the problem of realizing the equality of women with men)]. In: *Problemy byta, braka i sem'i*. Vil'nyus: Mintis.
- Yankova, Z.A. 1972. *Izmenenie struktury social'nyh rolej zhenshchin v razvitom socialisticheskom obshchestve i model' sem'i. Doklad XII MSIS SSA, IKSI AN SSSR* [Changing the structure of women's social roles in a developed socialist society and the family model. Report XII ICIS SSA, ICSI of the USSR Academy of Sciences]. Moscow: b.i.
- Zujkova, E.M. 1977. *Byt pri socializme* [Life under socialism]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 394

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/275-287

© Г.Ю. Устьянцев

**«ВОССЛАВИМ ЗЕМЛЮ АКПАРСА»: ЛЕГЕНДАРНЫЙ КНЯЗЬ
В СОВРЕМЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЭТНОРЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ**

На основе полевых материалов автор исследует репрезентацию этнорегиональной идентичности горных мари́йцев в моделях освоения, трансляции и интерпретации фольклорной традиции, связанной с образом легендарного правителя Акпарса. Соотношение имени и функций сотенного князя рассмотрены в текстах сказочной прозы (легендах, преданиях), интервью, медийном и научном дискурсах, коммеморативных практиках современных горных мари́йцев. Автор выделяет две интерпретативные модели описания Акпарса в различных дискурсах: историко-реалистическую и мифологическую. Образ Акпарса выступает в качестве инструмента формирования этнорегиональной идентичности и одновременно ее символа. Бытование фольклорного персонажа демонстрирует связь между принадлежностью респондентов к отдельной этнической группе мари́йцев, административному региону их проживания и акцентуализацией «своего» специфического фольклора. Автор также рассматривает этносимволическую роль указанного персонажа в утверждении дихотомии «свой–чужой» в контексте аутентичности народной традиции: Акпарс выступает в качестве маркера горномари́йской культуры как для самих горных мари́йцев, так и для соседних групп иноэтничного населения.

Ключевые слова: горные мари́йцы, Акпарс, сказочная проза, мари́йский фольклор, предания, этническая идентичность

Ссылка при цитировании: Устьянцев Г.Ю. «Восславим землю Акпарса»: легендарный князь в современном фольклоре и этнорегиональной идентичности горных мари́йцев // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С.

В формировании этнорегиональной идентичности современных мари́йцев большую роль играют персонажи полуполюгендарных правителей, которые в фольклорных текстах могут выступать одновременно в двух ипостасях: как действительно существовавшие

Герман Юрьевич Устьянцев – аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия). Эл. почта: ustyan-93@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

сотенные князья¹ и как былинные богатыри (патыры²). В сказочной прозе даже в описании реальных событий региональной истории (черемисские войны, присоединение к Московскому государству) можно обнаружить мифические мотивы, сближающие персонажей фольклорных текстов с патырами: преувеличиваются сила и масштабы влияния марийских правителей, герои наделяются особыми физическими характеристиками, им приписывается способность восставать из мертвых. В некоторых населенных пунктах существует практика сакрализации патыров, поклонения им в молельных рощах (ПМА 2020). Среди патыров и правителей, обобщенно называемых «национальными героями», можно выделить Акпарса (Горномарийский р-н Марий Эл), Чоткара (Волжский р-н Марий Эл), Чумбулата (Советский р-н Кировской обл.), Акпатыра (Малмыжский р-н Кировской обл.), Болтуша (Малмыжский р-н Кировской обл.) и др. – они не только известны в районах компактного проживания горномарийцев, но и широко представлены в национальной марийской литературе, школьных образовательных программах, СМИ (ПМА 2020).

Данная статья посвящена образу «национального героя» князя Акпарса – патыра и сотенного – в фольклорной традиции горных марийцев, его роли в конструировании и репрезентации их этнической идентичности. Автор использует материалы интервью, тексты сказочной прозы (легенды³, исторические предания⁴), публикации в СМИ. Полевое исследование проводилось в Республике Марий Эл, по большей части в Горномарийском р-не, летом 2020 г. Выборку составили представители различных возрастных групп (от 24 до 84 лет) и профессий (преимущественно работники культуры и образования); большинство респондентов относят себя к горным марийцам.

Важно отметить, что национальная идея и национальное самосознание горных марийцев (в отличие от марийцев других районов) базируются не только на региональной и территориальной идентичностях. Представители этой этнолингвистической группы имеют свой язык и литературную традицию, не придерживаются языческих практик и репрезентуют себя полностью христианизированными, что вкупе с административно обозначенным ареалом проживания (Горномарийский р-н) способствует возникновению и поддержанию дискурса об отдельном горномарийском народе. В отечественной этнологии вопрос о статусе этой этнической группы до сих пор считается дискуссионным. Poleмика ученых о ее самобытности находит отражение в массовой культуре, образовательных практиках, проявлениях самосознания горномарийцев. Большая часть опрошенных считает свою этническую группу «отдельным народом» или «отдельными марийцами», отличными от луговых и восточных марийцев («живу-

¹ Сотник – военачальник, предводитель подразделения, «сотни» (ЭСБЭ 1890–1907); марийских локальных князей-военачальников XVI в. в фольклорной традиции именуют «сотенными».

² Патыр – «богатырь» (от тат. *атыр* – «богатырь», «герой», «силач»). Общее название легендарных, сказочных богатырей (Ситников 2006: 97).

³ Легенда (в фольклоре) – «жанр сказочной прозы, фантастически осмысляющий события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (племена, народы, отдельные личности), со сверхъестественными существами (Бог, святые, ангелы, “нечистые духи”). В основе фольклорных легенд лежит представление о чуде, воспринимаемом как достоверность, что определяет их структуру, систему образов, поэтику. В отличие от преданий, события легенд протекают одновременно в прошлом, настоящем и будущем» (Зуева 2001: 433).

⁴ Предание – «устная летопись», жанр сказочной прозы с установкой на историческую достоверность. Предания распространены в фольклоре разных народов. Основное назначение предания – сохранять память о национальной истории» (Хорев 2001: 794).

щих по ту сторону Волги») (ПМА 2020). Ряд респондентов не разделяет это мнение, называя всех марийцев «одним народом» (Там же).

Акпарс воспринимается местным населением как реальный исторический персонаж, в т.ч. и респонденты, работающие в сфере образования, национальной политики или культуры, склоняются к этой точке зрения. В нарративах о правителе Акпарсе его образ тесно переплетается с событиями локальной истории: эта связь подчеркивается словами «наш», «свой», «горномарийский», «местный»:

У нас есть национальный герой, Акпарс, он как сотенный князь, вот, князь горных марийцев (ПМА 2020: инф. З.Д.; Вилатово, Горномарийский р-н);

Ну если брать из фольклорных героев, то можно Акпарса назвать, он у нас здесь правил во времена Ивана Грозного (ПМА 2020: инф. Т.М.; Еласы, Горномарийский р-н);

Ну, у нас Акпарс сохранился как фольклорный герой горномарийского народа. Ну, разные версии есть... Одни говорят, что он на самом деле не был, не жил, а другие говорят, что был действительным человеком, который, вот, в середине XVI в. жил. Да, помогал Грозному в присоединении Горного края к Русскому государству. Он легендарный, он герой, он превратился и в литературного героя. Когда в школе фольклор изучали, с какого класса? Когда изучают легенды, предания... в начальной школе, вот с такого класса знают, что был такой герой Акпарс. Все в народе говорят вот об этой одной легенде, есть разные версии. Но в основном он подвиг совершил в середине XVI в., помогая Грозному (ПМА 2020: инф. С.И.; Чувакино, Горномарийский р-н).

О. Клэпп считает, что определения, которые люди дают своим героям (на нашем материале – «национальный герой», «наш народный герой», «горномарийский герой»), основаны на универсальном человеческом опыте и являются социальными символами (Klapp 1948: 141). На мой взгляд, акцент на достоверности преданий и легенд говорит о восприятии Акпарса (ключевой фигуры объединения горных марийцев в XVI в.) в качестве символа локальной истории. Комментарии респондентов свидетельствуют об архаичном восприятии этнической идентичности: частые обращения к периоду «процветания» горных марийцев, когда в процессе объединения с войсками Ивана Грозного и сопротивления Казанскому завоеванию происходила консолидация этнической группы. Паттерн «героического исторического прошлого» (своеобразного «золотого века») горных марийцев является, на мой взгляд, одним из важнейших атрибутов конструирования их современной национальной идентичности. Р. Каденде-Кайзер и П. Кайзер считают, что в подобных мифологизированных нарративах об этнической истории выражены идеи «различия» и «принадлежности», т.е. «этнической дихотомии» (Kadende-Kaiser, Kaiser 1997: 39); на примере моего «поля» – оппозиции «горные марийцы – луговые марийцы».

На вопросы о том, кем же являлся «национальный герой» (патыром, сотенным князем) и существовал ли он на самом деле, далеко не все могли ответить четко. Особые затруднения испытывали информанты, не вовлеченные в исторический и этнографический дискурсы, что говорит о размытости образа Акпарса в современной устной традиции. «Я вот точно тебе не могу сказать, что-то проходили в школе. Но кто это, был ли на самом деле... наверное, был... Ну кто-то вроде князя, наверное, как нас учили» (ПМА 2020: инф. И.Е.; Вилатово, Горномарийский р-н).

В исследовательской литературе Акпарс как персонаж сказочной прозы также не был однозначно определен. Этнограф И.Н. Смирнов для характеристики социального и политического статуса Акпарса использовал марийский термин *tõra* – «судья, начальник» (Смирнов 2007: 31–33), что может также соответствовать статусу племенного вождя. В.А. Акцорин сделал акцент не на воинских или политических чертах Акпарса, а на его музыкальном таланте: «“Акпарс” – это не настоящее имя князя, а прозвище, означающее “Белый барс”. По воспоминаниям стариков, его настоящее имя – Гази. Но в результате бытования его марша, среди гусяров он живет в памяти большинства как гусяр Акпарс» (Акцорин 1991: 10). Специалист по марийской мифологии К.И. Ситников определяет Акпарса как «легендарного горномарийского военачальника XVI в., сражавшегося на стороне Ивана IV Грозного против казанского хана» (Ситников 2006: 18). Л.С. Тойдыбекова называет Акпарса «героем былинного эпоса, старейшиной горных марийцев» (Тойдыбекова 2007: 62), при этом исследовательница подчеркивает «живой» характер эпических текстов об Акпарсе, их популярность среди местного населения (Тойдыбекова 1997: 52). Образ Акпарса, как уже было сказано выше, действительно синкретичен как в народной, так и в научной и художественной интерпретациях. В некоторых текстах ему приписываются исключительно реалистичные черты марийского сотенного князя (историко-реалистическая интерпретация), в других – мифологизированные качества былинного героя (патыра), который завораживал своей игрой на гусях, поднимал огромные тяжелые камни, восставал из мертвых в случае угрозы горным марийцам (ПИМА 2020) (мифологическая интерпретация). В нарративах современников представлены обе интерпретативные модели, однако историко-реалистическая преобладает: Акпарса описывают как действительно жившего сотенного князя, союзника Ивана Грозного в покорении Казанского ханства. Во многом представления горномарийцев о герое местных преданий базируются на его историографическом описании.

Первые тексты об Акпарсе были опубликованы в XIX столетии после создания Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете (Пенькова 2012: 21): в 1873 г. в «Известиях по Казанской епархии» (записи сказания об Акпарсе учителя и просветителя И.Я. Молярова), в 1887 г. в «Нижегородском биржевом листке» (№ 31) («Черемисское предание, относящееся ко взятию Казани») и в газете «Сын Отечества» (№ 112 от 3 мая) («Черемисское предание о взятии Казани»). Два последних текста, вероятно, принадлежат перу одного человека – в изданиях указаны лишь инициалы (Айплатов, Иванов 2001: 103–105). Имя Акпарс (в переводе «седой»), согласно К.А. Четкареву, было дано сотенному князю Изиму (Аказу) Иванов Грозным (Айплатов 1967: 99), что может указывать на возраст и социальный статус (старейшина, *tõra*). Интересную трактовку имени предлагает В.А. Акцорин:

Герои теряют свои богатырские черты, приобретают зоонимическую окраску. Ярким примером такого изменения служит тюркизированное прозвище легендарного героя Гази: за хитрость, смелость и ловкость в политическом конфликте он прозван Акпарсом, восходящим к среднеазиатскому поэтическому аналогу *ак барс* – белый барс, белый кот (Акцорин 1991: 14).

Согласно некоторым текстам сказочной прозы во владении князя было около 30 деревень (Айплатов 2007: 10), при этом наряду с Акпарсом в историографии

описаны и его соратники – другие горномарийские князья: Аказ, Янигит, Кабяш, Таксубай (Там же: 7–12). Деление горномарийских территорий на сотни (административно-территориальные единицы), возможно, восходит ко временам золотоордынского присутствия на Волге (Айплатов 2004: 6). В нарративах респондентов другие князья либо не упоминаются вовсе («Нет, я таких не знаю, может, это и не наши, вот говорили – Акпарс» [ПМА 2020: инф. Н.Л.; Виловатово, Горномарийский р-н]), либо сведения о них весьма расплывчаты («Вроде тут земля Янигита проходила или нет... хотя, наверное, она повыше была, к Волге [ПМА 2020: инф. Н.Л.; Чувакино, Горномарийский р-н]). Возможно, это связано с тем, что образы этих сотенных князей не так масштабны, они менее ярко представлены в записанных исследователями текстах фольклора (Айплатов 2007: 7–12). Краевед М.Н. Янтемиш отмечал, что возможное поражение князей Акпарса, Ковьяжа, Яныкая и Аказа в битве с казанским ханом в 1551 г. накануне присоединения Казани (Янтемир 2007: 41–42), по исторической логике, могло предопределить политический курс горномарийских правителей, подвигнув их на сотрудничество с русским царем. В образцах горномарийской фольклорной традиции выделено два основных сюжета, связанных с Акпарсом. Первый – получение подарков от Ивана Грозного: согласно преданию Акпарс за участие во взятии Казани получил от русского царя кубок из золота с изображением орла – символа российской государственности (Никольский 2007), по другой версии – подарков было несколько (кроме чаши/кубка/ковша Акпарс получил седло, лошадь и саблю) (ПМА 2020). Сохранилось описание ковша, сделанное в XIX в. краеведом И.Я. Моляровым, свидетельствующее о том, что этот предмет хранится в Еласовской церкви (пос. Еласы Горномарийского р-на) (Айплатов 2007: 5). О его нахождении в настоящий момент ничего не известно, К.А. Четкарев приводит фольклорные свидетельства того, что чаша могла быть передана из пос. Еласы в Казань (Четкарев 2007: 79).

Сюжет о передаче кубка с гербом, символизирующим союзнические отношения между русским царем и горномарийским князем, не представлен широко в современной устной традиции. В большинстве населенных пунктов Горномарийского р-на предание «о чаше Ивана Грозного» практически не известно, и только жители пос. Еласы воспроизводят данный сюжет. Образ чаши может быть интерпретирован как элемент их локальной идентичности: этот предмет, являясь местной мифической достопримечательностью, воспринимается горномарийцами как символический атрибут «своей» истории. «Вот тут видите, здание разрушенной церкви, в которой хранилась чаша Ивана Грозного, он ее подарил Акпарсу. Сейчас где она? Я не знаю, но раньше еще хранилась тут» (ПМА 2020: инф. М.И.; Еласы, Горномарийский р-н).

Второй сюжет об Акпарсе более динамичен: князь не только принял непосредственное участие во взятии Казани, но и проявил при этом тактическое мышление, рассчитав, где необходимо сделать подкоп для подрыва крепостной стены. Расстояние Акпарс мерил шагами, играя при этом на гусях; замороженные музыкой казанские воины прекратили стрельбу (отсюда приписывание Акпарсу необыкновенного музыкального таланта). Первая попытка подрыва не удалась (по одной из версий не загорелась свеча), за что Иван Грозный хотел даже казнить горномарийского князя, однако Акпарс сумел уговорить царя дать ему еще один шанс. После взятия Казани в благодарность князю Иван Грозный смягчил повинности горномарийцам Поволжья (Бахтин 2007: 132–134; Акцорин 2000; Четкарев 2007; Сануков 2007).

К.А. Четкарев считает, что цикл легенд об Акпарсе возник на исторической почве, при этом акцент исследователь делает на проявленном одним из горномарийских князей «племенном», локальном героизме (Четкарев 2007: 48), который затем, по моему мнению, был возведен в статус этнического горномарийского героизма. В исторических источниках о взятии Казани Акпарс не упоминается, что позволяет говорить о фольклорном происхождении этого персонажа и связанных с ним сюжетов (Айплатов 1967: 103). Тем не менее отдельные исследователи склоняются к тому, что такой князь был в действительности или что у него был конкретный прототип: «... можно выразить уверенность в том, что Акпарс существовал как реальное историческое лицо, что доказывают компоненты различных преданий» (Акцорин 2000: 65).

Научные публикации во многом и определяют сюжеты современных несказочных текстов фольклора. Описания похода Акпарса на Казань отличаются шаблонностью. Респонденты с разной степенью детализации воспроизводили один и тот же текст:

Это памятник Акпарсу, он местный герой. По легенде он брал крепость Казань вместе с Иваном Грозным. Шел от крепости с гусями, играл, считал шаги. И так играл, что все заслушивались... И пришел – раз, два, три – и вот на этом месте, это, сделали потом подкоп. Но я сильно это не помню (ПМА 2020: инф. Х.Х.; Вилатово, Горномарийский р-н).

Вы, наверное, знаете уже, Акпарс был гусяром, он играл на гусях у Ивана Грозного и, вот, помог ему взять Казань, привлек горных марийцев на сторону Ивана Грозного (ПМА 2020: инф. Т.В.; Чаломкино, Горномарийский р-н).

Исландский антрополог В. Хафстейн выделяет два пласта фольклорного текста: «индивидуальный» (создание) и «социальный» (копирование) (Hafstein 2004: 9). С этой точки зрения можно говорить, что нарративы об Акпарсе – это социально установленный (и одобряемый), воспроизводимый в современной массовой культуре текст. Предание с сюжетом, основанным на местной истории, становится своего рода устным памятником этнической идентичности.

Большинство респондентов всех возрастных групп на вопрос: «Откуда Вам известен Акпарс?» – ответили, что о нем, как и о других марийских богатырях, они узнали либо в школе на уроках горномарийской литературы или ИКН Марий Эл (история и культура народов Марий Эл), либо из художественной и научной литературы.

Нет, дома такого не говорили, как-то больше, вот, я знаю от бабушки, но про Акпарса не помню я, наверное, да, в школе нам рассказывали (ПМА 2020: инф. Н.К.; Козьмодемьянск, Горномарийский р-н).

Нет, да у нас работали все, некому было... больше рассказывали сказки, вот я помню про тележку, про, вот, чтобы духи какие-то, я не знаю. Говорила бабушка про великанов, про Онара. Про Акпарса уже мы позже узнали (ПМА 2020: инф. Ф.В.; Чувакино, Горномарийский р-н).

Нет, про Акпарса знаю, но бабушка больно-то не говорила, про овду вот было, про Чувашину гору у нас тут говорят, Акпарс – это уже мы из книг знаем (ПМА 2020: инф. Р.М.; Шиндырьялы, Горномарийский р-н, пер. с горномар).

Часто респонденты в качестве источника упоминали художественную литературу (роман «Марш Акпарса» А. Крупнякова, изданный на русском языке в 1978 г.), научные труды В.А. Акцорина, реже – газетные статьи. Лишь отдельные респонденты из

разных возрастных групп (проживающие как в селе, так и в городе) указали на передачу текста «из уст в уста»: они слышали предание в бытовой обстановке от родственников, соседей или жителей своего населенного пункта Образ Акпарса и связанные с ним эпические сюжеты воспроизводятся в *научном, образовательном и художественном* региональных дискурсах, при этом текст исторического предания, как и его главное действующее лицо, приобретает этнически окрашенный патриотический характер.

Эпические богатыри играют важную роль в становлении и поддержании идеи этнической консолидации. К. Перри в статье «Формирование героя и миф о национальной идентичности» демонстрирует, как в «героических нарративах» о реальных персонажах современной эпохи могут проявляться «мифологические паттерны геройства» и атрибуты национальной идентичности (Parry 2020: 16). Акпарс, обладая чертами реального исторического персонажа, в устных текстах приобретает патриотически окрашенное воплощение, ассоциируясь респондентами с различными элементами этнорегиональной горномарийской идентичности. В текстах об Акпарсе, на мой взгляд, репрезентированы паттерны независимости (от других марийцев), сопротивления казанскому хану, единения с Русским государством.

Имя Акпарса известно и другим группам марийского населения, проживающим в Марий Эл. Образ национального героя, как пишет Дж. Майер, может быть использован этническими сообществами для реконструкции собственных нарративов об идентичности, он позволяет группе, «присваивающей» себе легендарного персонажа, и соседним этническим и территориальным группам взаимодействовать (Mayer 2011: 24). Луговые марийцы и русские в ответах на вопрос о самых известных персонажах фольклора называли Акпарса, Онара, Акпатыра (но при этом не всегда соотносили их с конкретными территориальными группами марийского населения):

Есть Акпарс, я слышал, но это, вроде бы, не наш, наверное, на той стороне он, у горных. Есть еще Акпатыр, Чумбулат, Онар, но я про них мало знаю (ПМА 2020: инф. К. (русский); Йошкар-Ола).

Национальные герои, национальные герои... Онар, я слышала, это богатырь или великан, еще Акпарс, но у нас таких нет историй про них, у нас своего героя нет (ПМА 2020: инф. З.Х. (татарка); Параньга, Параньгинский р-н).

Говорят про Акпарса, но он больше к горным марийцам, наверное, относится, у нас как-то другие персонажи, наверное так, мы его своим не считаем (ПМА 2020: инф. В.А. (луговая марийка); Мри-Турек, Мари-Турекский р-н).

У русского, татарского и лугомарийского населения республики Акпарс ассоциируется с горномарийцами. Его образ используется представителями других этнических групп марийцев для выстраивания дихотомии «свой–чужие»: этот фольклорный герой воспринимается ими как маркер «горномарийской культуры», и, таким образом, эта дихотомия, подчеркиваемая с помощью символов этничности и идентичности, воспроизводится в устной народной традиции (Zhang 2015: 459–460). Сами горные марийцы выделяют Акпарса как своего, в противовес Акпатыру, Онару, Чумбулату и другим «национальным героям»: «У нас говорят, вот, говорят про Акпарса, есть Онар... это Вам надо в библиотеках поспрашивать, ну, наверное, есть... но не у горных марийцев (ПМА 2020: инф. С.И.; Чувакино, Горномарийский р-н).

Образ правителя репрезентирован в различных сферах культурной жизни Горномарийского р-на. Так, на центральном стадионе пос. Виловатово крупными

буквами выведен «девиз» района: «Восславим землю Акпарса!»; спортивный клуб МарГУ (Марийского государственного университета) и хоккейная команда г. Волжска также названы в честь князя, а творческая организация детей Горномарийского р-на именуется «Наследники Акпарса». Таким образом, национальные активисты и местные лидеры внедряют в спортивные и образовательные практики образ полубогатого героя, возводя его в статус символа локального этнического патриотизма. Имя Акпарса носил кинотеатр в г. Козьмодемьянске (ныне не работает), так называется банк в г. Йошкар-Оле, горномарийская радиостудия и даже салат в меню ресторана «Мари Сийгудо» (ПМА 2020), т.е. имя Акпарса становится этносимволическим атрибутом массовой культуры. В социальной сети «ВКонтакте» имя Акпарса встречается в названиях интернет-сообществ, посвященных национальным движениям и спорту.

В 2007 г. активистами Горномарийского р-на Акпарсу был поставлен памятник (трасса Р 172, Картуковский поворот): князь играет на гусях, а на постаменте размещен барельеф, изображающий его пожимающим руку Ивану Грозному. В памятнике (пока единственном увековечивающем Акпарса) исторически репрезентирована идентичность горных марийцев как отдельной этнической группы. Примечателен выбор места для скульптуры – на трассе, а не в каком-либо населенном пункте, возможно, чтобы привлечь внимание проезжающих автомобилистов (ПМА 2020).

В Горномарийском районе, как и в других регионах республики образ Акпарса представлен также в коммеморативных практиках, приуроченных ко Дню национального героя (26 июня). Этот праздник впервые был проведен в 1917 г., в Марий Эл официально он отмечается с 1990 г. и ранее был посвящен богатырям (патырям); в память о них проводят конференции, круглые столы, образовательные форумы, чаще всего их организуют при библиотеках и домах культуры. В дальнейшем к категории «национальных героев» стали причислять князей, ветеранов и видных исторических деятелей.

Приходят дети, разные дети, мы им рассказываем про наших защитников, про богатырей, про Акпарса, конечно же, говорим, да, литературу им показываем, конкурсы делаем, кто больше знает марийских героев... (ПМА 2020: инф. Т.В.; Козьмодемьянск, Горномарийский р-н);

Вообще вспоминаем всех: и реальных героев – наших ветеранов, кто тут жил, и об Акпарсе говорим, и об остальных тоже. Этот праздник давно уже мы празднуем, ну, наверное, с 90-х, я уже не помню точно, когда это началось... (ПМА 2020: инф. К.Н.; Козьмодемьянск, Горномарийский р-н).

Подобное «оформление» фольклорной традиции в виде праздников, фестивалей и памятных дат способствует формированию более осознанного отношения этнической группы к своей собственной культуре, устанавливает ее рамки, усиливает чувство коллективной принадлежности (Hafstein 2018: 137). Идея «фольклорной идентичности», рассмотренная Дж Чаном, базируется как раз на коллективных практиках использования фольклора (Zhang 2015: 460). Современными СМИ под определением «национальные герои марийцев» обычно понимается определенный набор фольклорных персонажей: Акпатыр, Акпарс, Онар, Чумбулат и др. (Марийские герои б.г.), часто в публикациях фигурируют 12 героев (Акишиков 2012). При этом важно отметить,

что, в отличие от других мест компактного проживания марийцев, в Горномарийском районе образ национального героя Акпарса не сакрализован: по крайней мере, свидетельств поклонения ему в рощах или в других культовых местах нет. В ряде районов (Волжский, Советский) проводятся моления патырам, а в нарративах они представлены обожествленными героями, наделенными сакральными функциями (ПМА 2020). Такое различие можно объяснить тем, что в Горномарийском районе отсутствуют языческие практики – здесь повсеместно распространено христианство.

Предикативные атрибуты образа Акпарса представлены в этнической музыке: среди горных марийцев популярна игра на гусях. В Горномарийском районе открыто обучение по классу «гусли» в нескольких музыкальных школах, при них создаются ансамбли народных инструментов, объединяющие местных жителей всех возрастов. Самой популярной мелодией, ассоциируемой респондентами с «аутентичной» горномарийской культурой, является композиция «Марш Акпарса», записанная в 1959 г. А.Р. Сидушкиной – гусяршей и собирательницей музыкального фольклора (*Акцорин* 2000: 61).

Популярно здесь, да, мы и до сих пор играем, выступаем, вот скоро, завтра, на конкурс в Дагестан. Это связано, конечно, с Акпарсом, с тем, что тут был записан «Марш Акпарса» (ПМА 2020: инф. Л.З.; Еласы, Горномарийский р-н).

Да, очень много детей приходят играть, а теперь они уже взрослые и все равно приходят. Даже дети их тоже приходят, несколько поколений... Гусли потому, что считаются у нас национальным инструментом, «Марш Акпарса» знают все, обязательно... Эту мелодию он наигрывал, когда шел от стен Казани (ПМА 2020: инф. Ф.И.; Еласы, Горномарийский р-н).

Примечательно, что несмотря на ассоциации гусельной музыки с образом героя-богатыря, в ансамблях преимущественно играют девушки и женщины, освоившие этот инструмент в музыкальной школе: «Нет парней, вот это – да. Как придет, так сразу говорят, ой, девочка ты...» (ПМА 2020: инф. Ф.И.; Еласы, Горномарийский р-н).

Если в укреплении (ограничиваемом определенным политическим дискурсом) этнической идентичности образ князя играет важную символическую роль, то для формирования пространственной идентичности, на мой взгляд, он не столь важен. В разговорах о «местных деревенских» фольклорных персонажах респонденты чаще называют демонические образы или духов природы. Согласно записанным историческим преданиям, Акпарс «вообще... жил в деревне Нуженалы, но есть версия, что похоронен он на берегу р. Большая Юнга» (ПМА 2020: инф. С.И.; Чувакино, Горномарийский р-н; *Соколова* 2005: 168; *Айплатов* 2007: 7), более того, до сих пор его потомки проживают в Нуженалах (*Айплатов* 2007: 7) (один из вариантов – в деревнях Эсяново и Чермышево Горномарийского района [*Акцорин* 2000: 65]). Среди местных жителей это достаточно распространенные фольклорные представления, они отражают отношение человека к пространству своей деревни, его мифическую «родовую» связь с ней. В то же время место, где мог быть похоронен Акпарс, в фольклорных источниках четко не указывается. Активисты национального движения в Горномарийском районе стали отмечать табличками («аншлагами») и кратким описанием места, якобы связанные с Акпарсом. Так, рядом со средневековым могильником у с. Картуково был размещен информационный постер, обозначивший предполагаемое место захоронения князя; на берегу р. Юнга (между деревнями Пертнуры и Пернягаш) установлен «камень Акпарса» – крупный фрагмент скалы,

якобы поставленный там князем (в данном сюжете – былинным патыром) со словами: «Сия земля Акпарса» (эта фраза сейчас написана на камне). Эти символические маркеры легендарной истории появились совсем недавно благодаря усилиям краеведов и местной администрации – конкретных указаний на эти места в текстах несказочной прозы нет. Сами авторы проекта по установлению информационных табличек признают, что данные объекты носят символический характер и призваны заинтересовать национальной историей региона местное население и туристов, помочь им «увидеть» ландшафт по-иному – в контексте эпической традиции (ПМА 2020). Далеко не все мои респонденты знали об этих объектах, что можно объяснить их труднодоступностью (они находятся вдали от дорог, добраться до них можно только с помощью проводника), а также отсутствием в ретранслируемых исторических преданиях указаний на конкретные локусы пространства. Приведенные факты свидетельствуют о стремлении местных активистов и интеллигенции не только привнести образ Акпарса в национальную горномарийскую идею, но и сформировать на его основе пространственное восприятие предания, связанное с определенными территориями на карте региона. Необходимо отметить, что хотя в настоящее время среди жителей двух деревень (Нуженалы и Еласы) и бытуют предания о событиях, связанных с их населенным пунктом (уровень местной идентичности), то все же большая часть опрошенных горных марийцев вовлечена в единый этнорегиональный дискурс об Акпарсе.

Образ Акпарса в современных нарративах представлен в основном в историко-реалистичном срезе, т.е. носители культуры чаще определяют его как реального «князя», «правителя», «национального героя». В представлениях горных марийцев и сам Акпарс, и связанные с ним предикативные характеристики (игра на гусях, союз с Иваном Грозным, участие во взятии Казани) – это атрибуты героического, патриотического дискурса, символы этнической идентичности горных марийцев и их обособленного (географически и культурно) регионального положения. При этом в устной традиции воспроизведения несказочной прозы об Акпарсе зафиксирован всего один сюжет, региональных его различий не отмечено. Образ Акпарса как «своего», «горномарийского национального героя» обладает высокой локальной (на уровне Горномарийского р-на) этносимволической значимостью, сегодня он широко репрезентируется посредством научного, образовательного, художественного дискурсов.

Источники и материалы

- Акишков 2012 – Акишков А. Двенадцать марийских героев // Ончыко. 2012. № 1. <https://kidsher.ru/ru/archives/15403>.
- Марийские герои б.г. – Марийские национальные герои // Туризм в Республике Марий Эл. <https://visit-mari-el.ru/interests/traditions/mariyskie-natsionalnye-geroi> (дата обращения: 15.11.2020).
- ПМА 2020 – Полевые материалы автора, собранные летом 2020 г. в Республике Марий Эл.
- Ситников 2006 – Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Йошкар-Ола: МИПК, 2006.
- ЭСБЭ 1890–1907 – Сотник // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 1907. <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 13.11.2020).

Научная литература

- Айплатов Г.Н. *Навеки с тобой, Россия*. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967.
- Айплатов Г.Н. *Акпарсова сотня Козмодемьянского уезда в XVI–XVIII вв.* // IV Игнатевские

- чтения: материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2004. С. 6–10.
- Айплатов Г.Н. Акпарс: сквозь призму веков // Акпарс. Исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 7–12.*
- Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Первые публикации исторических преданий об Акпарсе // Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 103–105.*
- Акцорин В.А. Марийский фольклор: мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991.*
- Акцорин В.А. Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров: Альфа, 2000.*
- Бахтин А.Г. «Казанское взятие» в исторических преданиях и легендах (по изданию «XV–XVI вв. в истории Марийского края», 1998) // Акпарс: исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 130–134.*
- Зуева Т.В. Легенда // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 432–434.*
- Никольский Н.В. Акпарсова земля (по изданию «История мари (черемис)», 1920) // Акпарс: исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 39–40.*
- Пенькова М.В. К истории публикаций марийской сказочной прозы (XVIII – нач. XX вв.) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1 / Отв. ред. Д.И. Черашняя. Ижевск: Удмуртский гос. ун-тет, 2012. С. 20–28.*
- Сануков К.Н. «Горные черемисы» переходят на сторону Москвы // Акпарс: исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 33–38.*
- Смирнов И.Н. Земля Акпарса (по изданию «Черемисы. Историко-этнографический очерк», 1889) // Акпарс. Исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 38–39.*
- Соколова М.В. Версии марийских преданий об Акпарсе // IV Игнатъевские чтения: материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2005. С. 166–169.*
- Тойдыбекова Л.С. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuun yliopistoraino, 1997.*
- Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: Марийская бумажная компания, 2007.*
- Хорев В.А. Предание // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 794–796.*
- Четкарев К.А. Марийские предания об Акпарсе (по изданию «Марийские предания об Акпарсе». Труды МарНИИ. Вып. VII: История, язык и литература мари, 1955: 33–80) // Акпарс. Исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 44–89.*
- Янтемир М.Н. Об Акпарсе (по изданию «Описание Маробласти: Козмодемьянский кантон», 1927: 22–25) // Акпарс. Исследования и материалы / Сост. А.Г. Иванов, Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2007. С. 40–43.*
- Hafstein V.Tr. The Politics of Origins: Collective Creation Revisited // Journal of American Folklore. 2004. Vol. 117. No. 465. P. 300–315.*
- Hafstein V.Tr. Intangible Heritage as a Festival; or, Folklorization Revisited // Journal of American Folklore. 2018. Vol. 131. No. 520. P. 127–149. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.131.520.0127>*
- Kadende-Kaiser R.M., Kaiser P.J. Modern Folklore, Identity, and Political Change in Burundi // African Studies Review. 1997. Vol. 40. No. 3. P. 29–54. <https://doi.org/10.2307/524965>*
- Klapp O.E. The Creation of Popular Heroes // The American Journal of Sociology. 1948. No. 54 (2). P. 135–141.*
- Mayer J. Mythological History, Identity Formation, and the Many Faces of Alexander the Great // Classics Honors Projects. 2011. https://digitalcommons.mcalester.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=classics_honors*

Parry K.D. The Formation of Heroes and the Myth of National Identity // Research Gate Publication. March 2020. <https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1733531>

Zhang G. Chinese American Culture in the Making: Perspectives and Reflections on Diasporic Folklore and Identity // Journal of American Folklore. 2015. Vol. 128. No. 510. P. 449–475. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.128.510.0449>.

Ustiantsev, German*

«Let us Glorify the Land of Akpars»: the Legendary Prince in the Modern Folklore and Ethno-Regional Identity of the Hill Mari People

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/275-287

On the basis of ethnographic data, the author examines the representation of the ethno-regional identity of the Hill Mari people in the development, translation and interpretation of the folklore tradition concerning the legendary ruler Akpars. The correlation of the ruler's name and functions is analyzed in the texts of non-fairy prose (legends), interviews, media and scientific discourses, and commemoral practices of the modern Hill Mari people. The author identifies two interpretative models of describing Akpars in different discourses: the historical-realistic and the mythological ones. The image of Akpars acts as a tool for the formation of ethnic identity and at the same time as its symbol. The existence of the folk character demonstrates an association between respondents' belonging to a particular ethnic group of Mari people, their administrative region, and the accentuation of their "specific" folklore. The author also considers the ethnosymbolic role of this image in the strengthening the "we–they" dichotomy in the context of the folk authenticity: the character Akpars acts as a marker of the Hill Mari culture both for the Hill Maris themselves and for neighboring ethnic groups.

Keywords: Hill Mari, Akpars, non-fairy prose, Mari folklore, legends, ethnic identity

For Citation: Ustiantsev, G.Yu. 2021. «Let us Glorify the Land of Akpars»: the Legendary Prince in the Modern Folklore and Ethno-Regional Identity of the Hill Mari People. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 275–287

* **Ustiantsev, German** – Postgraduate Student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia). E-mail: ustyan-93@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3127>

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

- Aiplatov, G.N. 1967. *Naveki s toboi, Rossiia* [Forether with You, Russia]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat.
- Aiplatov, G.N. 2005. Akparsova sotnia Kozmodem'ianskogo uezda v XVI–XVIII vv. [Akpar's District in 16–18th Centuries]. In *IV Ignat'evskie chteniia: materialy dokladov i vystuplenii na respublikanskoj nauchnoi konferentsii* [IV Ignatiev Readings: Materials of Reports and Speeches at the Republican Scientific Conference], 6–10. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet.
- Aiplatov, G.N. 2007. *Akpars: skvoz' prizmu vekov* [Akpars through Centuries]. In *Akpars: issledovaniia i materialy* [Akpars: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 7–12. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet.
- Aiplatov, G.N., and A.G. Ivanov. 2001. Pervye publikatsii istoricheskikh predanii ob Akparse [The First Publications of Legends about Akpars]. *Mariiskii arkhograficheskii vestnik* 11: 103–105.
- Aktsorin, V.A. 1991. *Mariiskii fol'klor: mify, legendy, predaniia* [The Mari Folklore: Myths, Legends, Historical Legends]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Aktsorin, V.A. 2000. *Proshloe mariiskogo naroda v ego epose* [The Past of the Mari People in It's

- Epos]. Sarov: Al'fa.
- Bakhtin, A.G. 2007. "Kazanskoe vziatie" v istoricheskikh predaniiax i legendax [The "Capture of Kazan" in Historical Legends and Legends]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 130–134. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Chetkarev, K.A. 2007. Mariiskie predaniia ob Akparse [The Mari Legend about Akpar's]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 44–89. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Hafstein, V.Tr. 2004. The Politics of Origins: Collective Creation Revisited. *Journal of American Folklore* 117 (465): 300–315.
- Hafstein, V.Tr. 2018. Intangible Heritage as a Festival; or, Folklorization Revisited. *Journal of American Folklore* 131 (520): 127–149. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.131.520.0127>.
- Kadende-Kaiser, R.M., and P.J. Kaiser. 1997. Modern Folklore, Identity, and Political Change in Burundi. *African Studies Review* 40 (3): 29–54. <https://doi.org/10.2307/524965>.
- Khorev, V.A. 2001. Predanie [Historical Legend]. In *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Encyclopedia of Literary Terms and Concepts], edited by A.N. Nikoliukin, 794–796. Moscow: Intelvak.
- Klapp, O.E. 1948. The Creation of Popular Heroes. *American Journal of Sociology* (2): 135–141.
- Mayer, J. 2011. Mythological History, Identity Formation, and the Many Faces of Alexander the Great. *Classics Honors Projects*. https://digitalcommons.macalester.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=classics_honors.
- Nikolskii, N.V. 2007. Akparsova zemlia [The Akpar's's Land]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 30–40. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Parry, K.D. 2020. The Formation of Heroes and the Myth of National Identity. *Research Gate Publication*. <https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1733531>.
- Penkova, M.V. 2012. K istorii publikatsii mariiskoi nesказochnoi prozy (XVIII – nach. XIX vv.) [About the History of Publication of the Mari Nonprose in 18–19th Centuries]. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniia* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], edited by D.I. Cheresniiia, 20–28. Izhevsk: Udmurtskii gosudarstvennyi universitet.
- Sanukov, K.N. 2007. "Gornye chermisy" perekhodiat na storonu Moskvy ["The Mountain Cheremis" Pass to the Side of Moscow]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 33–38. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Smirnov, I.N. 2007. Zemlia Akparsa [The Akpar's's Land]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 31–33. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sokolova, M.V. 2005. Versii mariiskikh predanii ob Akparse [Variants of the Mari Historical Legends about Akpar's]. In *IV Ignat'evskie chteniia: materialy dokladov i vystuplenii na respublikanskoi nauchnoi konferentsii* [IV Ignatiev Readings: Materials of Reports and Speeches at the Republican Scientific Conference], 166–169. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet.
- Toydybekova, L.S. 2007. *Mariiskaia mifologiiia. Etnograficheskii spravocnik* [Mari Mythology: Ethnographic Reference Book]. Yoshkar-Ola: Mariiskaia knizhnaia kompaniia.
- Toydybekova, L.S. 1997. *Mariiskaia yazycheskaia vera i etnicheskoe samosoznanie* [Mari Pagan Faith and Ethnic Identity]. Joensuu: Joensuun yliopistopaino.
- Yantemir, M.N. 2007. Ob Akparse [About Akpar's]. In *Akpar's: issledovaniia i materialy* [Akpar's: Studies and Materials], edited by A.G. Ivanov and G.N. Aiplatov, 40–43. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zhang, G. 2015. Chinese American Culture in the Making: Perspectives and Reflections on Diasporic Folklore and Identity. *Journal of American Folklore* 128 (510): 449–475. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.128.510.0449>.
- Zueva, T.V. 2001. Legenda [Legend]. In *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Encyclopedia of Literary Terms and Concepts], edited by A.N. Nikoliukin, 433–434. Moscow: Intelvak.

«ВОДА/РЕКА» – МАКРОЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ ЮКАГИРОВ

Рассматривается один из основных ландшафтных кодов культурной географии – «вода/река», его анализ позволит понять особенности формирования хозяйственной специфики и духовных ценностей бродячих охотничье-рыболовных племен Восточной Сибири. Территории кочевания этих племен за последние 2 тыс. лет существенно сократились, и в настоящее время Нелемнинский наслег – земли родовой общины «Тэки Одулок» в Верхнеколымском улусе Республики Саха (Якутия) – единственное в своем роде место компактного проживания потомков древнего населения. Для северных кочевников юкагиров (охотников и рыболовов) вода/река имела культуuroобразующее значение: она кормила, помогала перемещаться с места на место, служила ориентиром на местности. Важность водных ресурсов рассматривается в статье через призму этнической истории юкагирского народа. Показано, что современная уникальная культура северных кочевников Верхней Колымы сложилась благодаря двум основным факторам: сохранности гомогенной «кормящей» территории и незначительной трансформации традиционного годового хозяйственного цикла. Природно-климатические условия и полукочевой уклад жизни выработали у этой группы юкагиров устойчивые стереотипы мышления и поведения и определенную систему ценностей и предпочтений. Их пространственные представления формировались под влиянием ландшафта, в частности водной системы территории кочевания. Традиционно в период промысла родовые группы лесных юкагиров длительное время находились в изоляции – такое положение сохранялось вплоть до начала XX в. Подобные условия предполагали разного рода опасности и риски, реальные и воображаемые. При отсутствии дорог в теплое время года и в силу большой заболоченности территории древний ландшафтный код «вода/река» определял кочевнический характер культуры юкагиров. Водная система в представлениях охотников и рыболовов Верхней Колымы запечатлена в духовной и материальной культуре как амбивалентная стихия. В геокультурном пространстве потомков аборигенных северных кочевников концепт «водная стихия» традиционно построен на культурных смыслах, образах и символах. Сегодня присваивающий характер хозяйства лесных юкагиров и сохранение значимости ландшафтного кода «вода/река» позволяют говорить, что в обозримом будущем в культуре этого народа по-прежнему будут присутствовать элементы древних языческих религиозно-мифологических представлений.

Жукова Людмила Николаевна – к. и. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (677027 Якутск, ул. Петровского 1). Эл. почта: zjukova@mail.ru

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИГиИПМНС СО РАН на 2017–2020 гг.

Ключевые слова: Якутия, северные номады, кормящая стихия, гомогенная территория

Ссылка при цитировании: Жукова Л.Н. Вода/река – макроэлемент культурной географии юкагиров // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 288–303.

Территорию современной Якутии охотники на млекопитающих мамонтовой фауны освоили в период верхнего палеолита; по данным археологов самая древняя стоянка плейстоценового человека была заложена около 300 тыс. лет назад. В ранний голоцен – с образованием современного георельефа и особых природно-биологических зон – территории, занимаемые бродячими охотниками северо-востока Азии, приобрели локальные особенности. Ранние этапы этнической истории предков юкагиров исследователи соотносят с раннеголоценовой мезолитической сумнагинской археологической культурой (10 тыс./9,5 тыс. – 6,2 тыс. ± 100 лет назад). Сумнагинскую культуру Якутии Ю.А. Мочанов связывает с Западной Сибирью, на территории которой обнаружены археологические комплексы, где облик каменного инвентаря и техника изготовления орудий на пластинах и микропластинах свидетельствуют о том, что сумнагинская и приенисейские культуры тяготеют к синхронным культурам Урала и Восточной Европы (Мочанов 1977: 250). Сумнагинцы занимали всю территорию современной Якутии, часть сопредельных территорий, а также жили на Аляске.

Особенности климата и рельефа, как и биологические ресурсы региона, определяли хозяйственную специфику и систему духовных ценностей бродячих охотничьих племен. Можно полагать, что уже в то время начали формироваться получившие развитие в последующие исторические периоды основные ландшафтные коды «вода» и «земля» и годовой хозяйственный цикл (ГХЦ).

Обширную площадь Восточной Сибири занимают бассейны рек Оленек, Лена, Яна, Индигирка, Колыма и многочисленные озера, здесь располагается несколько горных систем (наиболее крупные – Верхоянский хребет и хребет Черского), которые с плоскогорьями и нагорьями занимают более двух третей поверхности земли Республики Саха (Якутия). Все это создает рельеф поверхности региона и формирует макрообраз «кормящего ландшафта». При малой населенности Восточная Сибирь представляла собой гомогенную территорию, на которой создавались человеком различные (в зависимости от географических особенностей и природных зон) объекты культурной географии (стоянки, в т.ч. пещерные; мастерские; священные места, в т.ч. с наскальными рисунками, и проч.).

О значимости рек и озер (они служили источником пищи, транспортными путями и ориентирами на местности) свидетельствует «привязка» к ним стоянок древнего человека в лесотаежной зоне Восточной Сибири. Обычно это стратегически выгодные и защищенные от холодных ветров места речных и озерных надпойменных террас, приустьевых мысов. Изучение геолого-географических объектов территории кочевания свидетельствует о том, что обнаруженные на равнинных стоянках каменные орудия и заготовки для них изготавливались из горных пород, выходы которых находились иногда за многие десятки и сотни километров от места обнаружения этих предметов. Возможно, существовали транзитные пешие и водные пути получения сырья/материалов посредством обмена. Редкие сумнагинские изображения животных на плоских скальных породах выполнены красной охрой – это также говорит о знании мест выхода этого природного минерала на поверхность Земли.

«Кормящая» (как источника питания) функция воды дополнялась «транспортной» (для перемещения по территории) и «ориентационной» (по водным объектам определялось положение в реальном и мифопоэтическом пространствах), вода способствовала и оформлению языческой ранней мифоритуальной среды. Карты-схемы с обозначением известных памятников присутствия сумнагинского человека в Якутии показывают освоение территорий бассейнов рек и озер: вдоль береговых линий создавались культовые места с сакральными наскальными изображениями; по ним, предположительно, строились водные маршруты с целью транзита необходимого сырья. Суммируя имеющиеся сведения, мы получаем представление о ранних этапах формирования ландшафтного кода, связанного с водой. Уже тогда «вода» имела положительную (см. выше) и отрицательную коннотации. Последняя складывалась на основе периодических сезонных стихийных бедствий, опасности преодоления человеком водных пространств, риска проникновения воинственных соседей. Амбивалентность в восприятии водной среды, проявляющаяся в ежедневной практической жизни и отраженная в ранней мифопоэтической картине мира, говорит и о специфике представлений, и об особенностях формирования характера древних номадов Восточной Сибири.

Появление лука и стрел, овладение навыками шлифования, пиления и сверления камня, изготовления глиняной посуды внесли некоторые коррективы в восприятие основных ландшафтных кодов неолитическим населением Якутии. Новации технически перевооружали промысловиков и воинов, облегчали быт кочевников. Водная среда не только сохраняла первичную многозначность, множественность ее функций возрастала пропорционально естественному приросту населения и освоению новых территорий. С прибытием (преимущественно в Южную и Центральную Якутию) новых волн переселенцев и, соответственно, с ростом потребностей в пище, одежде, сырье, транспортных средствах увеличивается нагрузка на «кормящий» ландшафт. Наблюдается расширение географии и плотности стоянок неолитического человека и священных мест с рисунками на скальных выходах (*Кочмар* 1994; *Окладников, Запорожская* 1972; *Эверстов* 1980). Основной темой рисунков была охота, изображения служили испрашиванию охотничьей удачи у язычески обожествленной природы.

В неолитическое время мигранты с юга, в особенности из Забайкалья, способствовали метисации населения; в позднем неолите приток древних алтайцев привел к консолидации праюкагирских племен, на что указывает ареал распространения специфического покрова обуви (*Василевич* 1963: 60). Южная граница расселения юкагироязычных племен уходила далеко за пределы территории современной Якутии: в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. отдельные группы пратунгусов могли встретиться с древними юкагирскими племенами в таежных районах Прибайкалья (*Шавкунов* 1990: 174). Юкагирский филолог Г.Н. Курилов пишет:

[В прошлом] существовала целая семья одульских (юкагирских) языков, носители которых составляли семью одулоязычных племен (или народов). Именно эта семья одулоязычных народов – а не один народ – обитала на обширной территории Северо-Востока Азии. При этом отдельные племена данной семьи смешивались с чукчами и эскимосами на востоке, с нганасанами – на западе, с тунгусоязычными и тюркоязычными народами – на юге (*Курилов* 2003: 24).

О названиях географических объектов в Прибайкальском регионе, предположительно имеющих юкагирское происхождение, пишут исследователи

топонимики Северо-Восточной Азии (Бурыкин 2013: 154; Курилов 2013: 5). В цикле юкагирских сказок о древних людоедах местом действия часто является берег моря (Иохельсон 2005а). По-видимому, в неолитическое время большая часть Якутии и отдельные сопредельные территории были населены потомками древних уральцев – кочевыми одулоязычными племенами с «вкраплениями» метисированных разноязычных и разноэтнических групп. В.И. Иохельсон, пионер юкагироведения, исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в., участник нескольких научных экспедиций на северо-восток Азии, народоволец, сосланный в Якутскую область, писал: «Древний юкагир, постоянно готовый отражать нападение, сам нападающий на враждебные племена и неуверенный в завтрашнем дне, кочевал с места на место» (Иохельсон 1898: 264).

В период раннего железного века (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.) усилился приток на территорию Якутии переселенцев предположительно из Приамурья (Алексеев 1996) и Северного Приангарья (Константинов 1978; Степанов 2014), о чем свидетельствует появление бронзовых изделий скифского и раннесарматского периодов (Дьяконов, Бравина 2015). Приток в Южную и Центральную Якутию пришлых племен вызывал сопротивление аборигенного населения. О сражениях омоков – одулоязычных племен – с воинами-чужаками, обладавшими железным оружием, и последующем вынужденном уходе омоков на северо-восток Азии сообщает литературная версия исторического предания «Омоки (забытая легенда)», опубликованная в журнале «Якутские зарницы» в 1927 г. (Бтык-Кельский 1927); оригинал предания до сих пор не обнаружен. Публикацию отличают литературный вымысел, исторические и этнографические неточности: так, говорится, что омоки были коневодами, скотоводами и оленеводами, что поражение они потерпели от воинственных якутов, пришедших с юго-востока, которые с «таежных высот Хамар-Дабана, от глубоких таинственных вод Великого моря – Байкала... гнали с собой табуны лошадей». Хотя предание, содержащее массу несоответствий, не является историческим документом (Жукова 2019б), однако нельзя полностью игнорировать его при отсутствии других источников, характеризующих положение аборигенного населения Якутии в раннем железном веке. Попытаемся получить некоторые общие сведения, в особенности касающиеся исследуемого ландшафтного кода «вода/река».

Литературная версия предания повествует об омоках, живших на Средней Лене, в качестве ориентиров указаны Кангаласский камень, Тулагинский мыс, долина Сайсар, оз. Ытык-Кель и гора Чучур-Муран: «Если ты поднимаешься на скалу Кангаласского камня и взглянешь вокруг, если встанешь на шапку Тулагинского мыса и сможешь окинуть на многие тысячи верст своим взглядом тайгу и долины, озера и горы – то и тогда не охватит твой глаз всех тех земель, которыми владели омоки» (Бтык-Кельский 1927: 23). Согласно тексту, территория расселения омоков простиралась от р. Витим (на юге) до побережья Ледовитого океана в междуречье рек Анабар и Колыма (на севере), это подтверждается и научными изысканиями. Исследователь древнеякутской кулун-атахской культуры А.И. Гоголев пишет: «До середины I тыс. н.э. страна Юкагирия занимала, судя по всему, большую часть современной территории Якутии, исключая ее юго-западные территории и часть северо-восточных районов» (Гоголев 2004: 28).

Возможно, в тексте предания слово «омоки» употребляется в качестве собирательного самоназвания юкагирыязычных племен, кочевавших на огромной территории

(аналогично самоназванию якутов – саха), и, по-видимому, равнозначно современному «юкагиры». Омо на языке лесных и тундровых юкагиров означает «народ, племя», «род», а во мн.ч. – омопэ – «люди, говорящие на одном языке» (*Иохельсон* 2005б: 50–51; *Курилов* 2001: 338; *Николаева, Шалугин* 2002: 55). По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в числе юкагиров были называвшие себя «омок».

Предание повествует о том, как в долину Сайсар (часть территории современного г. Якутска) для проведения ежегодного летнего празднества, сопровождаемого обменом продуктами своего труда и промысла и спортивными состязаниями, съехались южные и северные омоки. Племенные названия омоков, кочевавших по рекам Южной, Центральной и Северной Якутии, в легенде не сообщаются. Отметим, что, согласно русским документам XVII–XVIII вв., в Северной Якутии проживали следующие юкагирские племена: олюбенцы, шоромбои, алайи, когимцы, оноиди, анаулы и др. Возможно, некоторые из них являются потомками омоков Южной и Центральной Якутии, откочевавших на север после поражения в борьбе с чужаками. Автор литературной версии сообщает, что после разгрома пришлыми якутами, имевшие только каменное и костяное вооружение омоки, «разбившись на мелкие орды, отступали все дальше и дальше», где их встретил новый враг – «юкагиры, чуванцы, коряки», не желавшие уступать свои «кормящие» территории. Примечательно, что в числе врагов названы северные юкагиры, а также юкагироязычные чуванцы Западной Чукотки. То есть беженцы-омоки были враждебно встречены северными языковыми родственниками окраинной Якутии и Западной Чукотки: принадлежность к одной языковой семье вовсе не предполагает уступку части освоенной «кормящей» территории. К моменту прихода беженцев бассейны рек северо-востока Азии давно были освоены северными юкагирскими племенами, это были территории сезонных кочевков, промысловых, транспортных и меновых маршрутов.

По легенде географическим и духовным центром омоков на Средней Лене были долина Сайсар, оз. Ытык-Кель и гора Чучур-Муран: во время празднества, длившегося десять дней, «весь омокский народ кочевал... в Сайсарской долине, где жили князь и великий шаман»; священное озеро Ытык-Кель отделяло собравшихся от культового места – горы Чучур-Муран. Вершина горы почиталась как «обитель светлого бога омоков», здесь два главных руководителя празднества – князь и шаман – совершали обрядовые обращения к Солнцу. Названия культовых мест свидетельствуют о влиянии якутского языка. Сохранившимся юкагирским топонимом, возможно, является наименование речного мыса на Средней Лене в пределах священной территории – Тулагинский (юк. тулугудэ – «влево, налево», тулугула-абэт – «левый, слева (откуда)» [*Николаева, Шалугин* 2002: 70]). Речной Тулагинский мыс и одноименный современный поселок находятся к северу от г. Якутска, ниже по течению р. Лены, на левом ее берегу.

В соответствии с темой исследования наше внимание привлекла также названная в предании р. Олекма – южный приток р. Лены. В легенде говорится, что первый удар пришельцев принял на себя «самый юный из старших начальников племени» омоков Кумчин, он был отеснен в долину Олекмы, где погиб вместе со своим войском. От горя невеста Кумчина Ойле, дочь князя Вапсурлая, бросилась в р. Лену с Кангаласского мыса, сам старый князь умер от постигшего народ несчастья. На языке лесных юкагиров Өйльэ означает «нет» (Там же: 143) (ср. также: юк. Өйлькиэ – «умереть» [*Курилов* 2001: 353]). От этих юкагирских слов при помощи присоединения сокращенного

формата – *ма* могло произойти название р. Олекма (см. ниже о юкагирской атрибуции древнесибирских гидронимов на – *мба/мбу/мбэ*). Представитель верхнеколымских юкагиров, специалист по северной филологии П.Е. Прокопьева считает, что этимология мужских имен Вапсурлай и Кумчин – не юкагирская. Предполагается, что эти имена могут указывать на присутствие иноэтнического компонента в составе омоков.

О присутствии юкагиров в Южной и Центральной Якутии нет упоминаний в русских документах XVII в. Однако информация о широком расселении одулоязычных племен в этих районах еще до сложения здесь этнически многокомпонентного якутского народа содержится в гидронимах и топонимах региона. Река *Алдан* на языке лесных юкагиров (к настоящему времени сохраняются два диалекта или языка юкагиров: лесной и тундровый; см. об этом: *Курилов* 2001: 4–5), возможно, означает «Нижняя река» (аалбүдэ – «вниз, внизу», -д – соединительный суффикс, -унуу – «река» [*Николаева, Шалугин* 2002: 106]; ср. также: юк. албарэ – «нижняя [по течению реки] сторона» [*Курилов* 2001: 34]; ср.: юк. гидронимы Верхней Колымы Чахадан – «Мерзлая река», Йархадан – «Ледяная река»). У А.А. Бурькина, автора монографического исследования географических названий на северо-востоке Азии, находим: «Пеледуй происходит от юкагирского слова паля “камень”: паля-д-эну(нг)» (*Бурькин* 2013: 178). Исследователь приводит несколько версий происхождения названия «Алдан» (в т.ч. эвенкийское и якутское), сам он склоняется к чукотскому или корякскому: «Есть все основания считать это название не только доякутским, но с большой вероятностью и дотунгусским» (Там же: 180). На географических картах Якутии часто встречается топоним/гидроним Марха, производный от юкагирского мархэ – «ёрник, карликовая береза» (*Николаева, Шалугин* 2002: 41). Гидронимы бассейна р. Виллой – Мархара и Мархая, – соответствующие юкагирскому морхэнг – «береза», «карликовая береза, ёрник», выявлены А.А. Бурькиным (*Бурькин* 2013: 181).

Ю.Г. Курилов со ссылкой на работы якутского топонимиста Багдарыына Сүлбэ пишет о том, что «на территории Сунтарского, Верхневиллойского, Усть-Алданского, Мирнинского, Намского и Мегино-Кангаласского улусов встречаются топонимы Чона, Чуо-Элэсин, Чуо-Бытык, Чоо». По его предположению, они связаны с юкагирским словом чуо – «железо» (*Курилов* 2013: 23). Название р. Лены он также считает юкагирским (Там же: 24). А.А. Немировский доказывает юкагирскую атрибуцию древнесибирских гидронимов на – *мба/мбу/мбэ*. «Такие гидронимы особенно часто встречаются на правом берегу среднего Енисея... встречаются также на Лене–Алдане–Яне, в единичных случаях – в бассейнах Колымы, Индигирки, одним очагом в Забайкалье; могут быть также еще и от Лены к Охотскому морю и в Приамурье» (*Немировский* 2019а: 51). Юкагирский художник и писатель, автор многих работ краеведческого направления Н.Н. Курилов предлагает свою этимологию топонимических названий Восточной Сибири. Со ссылкой на ряд авторов он суммирует сведения о распространении на территории Якутии топонима *Ярхан/Жархан* (юк. йархэ – «лед»). Топоним «обнаруживается в Верхневиллойском, Нюрбинском, Сунтарском, Виллойском районах Якутии», а также в Олекминском р-не (*Курилов* 2018: 11–12). Полагаем, что названия рек Яна и Индигирка – юкагирские однокоренные слова. Последнее является кросс-языковым (юк. основа – *инди/янди/янги*, + *-гир* – тунг. форма [ср.: родовые названия *байагир, самагир*], + *-ка* – рус. окончание). Известно, что на правом берегу в нижнем течении Лены проживало юкагирское племя яндинцы/янгинцы – «гусиные люди» (йангэ – «гусь»), по-видимому, давшее название рекам.

Исследования юкагирских гидронимов и топонимов подтверждают географическую и культурную «привязку» аборигенного уралоязычного народа или группы родственных племен к значительной территории Восточной Сибири. Только с уходом большей части омоков со своих «кормящих» территорий из Южной и Центральной Якутии на север и северо-восток Азии мог начаться активный процесс переименования, калькирования, адаптации пришлыми тунгусами, монголами, тюрками прежних географических названий. Об уходе юкагирских племен на северо-восток, в частности в колымскую тундру, свидетельствуют воспоминания жителей Крайнего Севера, хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии РАН (*Березкин* 1939). В записях не называются территории исхода, но сообщается, что юкагиры с «родины вышли с большим багажом военного снаряжения и домашнего инвентаря. У них были боевые шапки, рубахи и стрелы и копья железные и костяные» (Там же. Л. 6). В воспоминаниях есть указание на более позднее время вынужденной смены юкагирами территории кочевания, т.к. говорится, что у них были предметы из металла. По нашему мнению, уход юкагиров из родных мест не мог быть одномоментным, учитывая громадные заселенные ими пространства и периодичность перемещения пришлых племен. Возможно, литературно обработанная легенда и архивные документы указывают на сходные события, произошедшие в разное историческое время.

В литературном предании о переселении омоков последнее пристанище их, превратившихся в полулюдей-полузверей, описывается образно: необитаемый остров в море, ассоциирующийся с местом неподалеку от обители смерти, льда и холода. С другой стороны, уход «по льду в неизвестные дали блестящего снежною пылью студеного моря», обнаружение острова, полного рыбы и дичи, нахождение там новой родины – все это может быть калькой древних повествований о легендарной «заморской» земле за Беринговым проливом, поиски которой стимулировали многие поколения кочевников двигаться на северо-восток Азии (*Жукова* 2019а). В рукописи Н.Н. Березкина, сданной в архив МАЭ в 1939 г., местом поселения беженцев названа колымская тундра, затрагивается в т.ч. тема заселения Колымского округа пришлыми юкагирскими племенами. Автор приводит записанные им от юкагиров верхнего и нижнего течения Колымы, чукчей и якутов нарративы об этом событии. В рассказе-истории омолонского юкагира Г.М. Щербакова в 1921 г. сообщается: «Не обошлось дело без войны и на Колыме. Здесь юкагирский народ нашел чукчей, которые тоже негостеприимно встретили новых пришельцев. И юкагирам пришлось воевать с ними, пока не добились терпимого отношения для соседнего проживания» (*Березкин* 1939: Л. 5). Расселение юкагиров по рекам Омолон, Алазея и Анжуй, притокам р. Колымы, указывает на территориальную привязку к ее низовьям, а часть переселенцев достигла верховьев Колымы (*Немировский* 2019б). Интерес вызывает сообщение о том, что «прежде юкагиры Омолона составляли один Ушканский род. Все люди его с исстари занимаются рыболовством, звероловством и поделкой карбасов» (*Березкин* 1939: Л. 21). Из нижнего течения р. Омолон этот юкагирский род расселился вверх по реке, воевал с чукчами, оказывал помощь корякам. «[Р]азмельчание омолонских стойбищ началось задолго до прихода русских завоевателей» (Там же: Л. 23). Ушканский род занимал территории на Верхней Колыме, о чем писали все исследователи истории и культуры верхнеколымских юкагиров.

Пришлые охотничье-рыболовные родоплеменные группы юкагиров на прежней родине, возможно, вели присваивающее хозяйство, а статусные предметы из металла

получали в обмен на продукты своего промысла у соседних народов, находящихся на стадии ранней государственности. Если предположение о характере хозяйственной деятельности этих юкагирских племен верно, то на новую родину в колымскую тундру и лесотундру беженцы принесли те же выработанные поколениями предков культурные навыки. Это подтверждается, например, занятиями юкагиrow Ушканского рода р. Омолон. Ландшафтный код «вода/река» продолжал сохраняться как один из главных культурообразующих кодов.

Громадные пространства тундровой зоны в древности периодически посещались выходящими из лесотундры охотничьими коллективами. Ландшафтные коды аборигенов Северной Якутии, живших по берегам рек, озери протоков, формировались под влиянием циклических миграций дикого оленя: весной – в приморскую тундру, осенью – в обратном направлении, в нагорные лесистые местности. Именно во время переправ многотысячных стад диких оленей через северные реки забивалась значительная часть этих животных. Их мясо и внутренности, наряду с рыбой, были главными продуктами питания. Археологические материалы показывают, что в местах покоев мигрирующих оленей сохранились мощные культурные слои. Эта огромная промысловая ниша, создание и поддержание которой без водных ресурсов было бы невозможно, имела жизненно важное значение как для населения лесотундровой зоны, так и для поселившихся в тундре пришлых юкагиrow.

Значимость промысла дикого оленя «на плаву» несколько не снизилась к началу XX в. В неопубликованной статье того же колымского краеведа Н.Н. Березкина, хранящейся в личном архиве историка Г.А. Попова (г. Якутск), указывается, что «[б]ыли случаи, когда 12 охотников с помощью поколюг (подобие копы с древком длиною до 3 м) и ружей в течение одного дня убивали до 345 оленей во время подобных переправ... за 17-летний период времени (1913–1929 гг. включительно. – Л.Ж.) 2824 охотниками убито 78 542 оленя» (*Березкин 1929?*: 3–5). Автор отмечает, что добыча диких оленей обеспечивала население Верхоянского, Устьянского, Аллаиховского, Абыйского, Момского и Колымского районов мясом и одеждой. Таким образом, «кормящая» функция водных ресурсов на севере Якутии превалировала над всеми остальными и, возможно, играла большую роль в жизни населения лесотундры и тундры, чем у охотников на лося лесотаяжной зоны.

В упоминавшейся рукописи Н.Н. Березкина «Юкагиры» из архива МАЭ тунгусы названы преследователями уходящих на северо-восток юкагиrow. В 1916 г. информант из Верхоянского округа Д.В. Ефимов рассказывал:

Некогда полоса правого борта р. Лены от Жиганска до устья р. Мая была занята кочующими юкагирами. Шли они куда-то на северо-восток. По пути у них были кровопролитные бои с тунгусами, которые нагоняли юкагиrow, кочуя сзади их тоже куда-то на северо-восток. В этих боях юкагиры побеждали и заставляли тунгусов возвращаться назад (*Березкин 1939*: Л. 8).

Информант называет и места боев, известные ему: «...р. Хара-Делон, приток р. Саркырыра, р. Ханнах, приток р. Тумары, р. Догдо, Елереюбют, р. Томпо и р. Нера, приток Индигирки» (Там же).

Рассказ Д.В. Ефимова важен для реконструкции примерного пути отхода юкагиrow. Краткий анализ текста показал, что фронт отступления и места боев могли зависеть от ландшафта северо-востока Азии. Крупные реки региона текут на север, с юга на север тянутся и горные системы; передвижение же людей шло преимущественно на

северо-восток. В пути переселенцы встречали множество естественных труднопреодолимых преград. Логично предположить, что пришлые племена, как и соперничавшие между собой юкагиры и тунгусы, перемещались по речным долинам, водоразделам, горным перевалам не вслепую, а пользуясь известными, освоенными еще до них маршрутами. Подтверждением может служить то, что их пути совпадали (тунгусы [верхом на оленях?] «нагоняли юкагиров, кочуя сзади их... юкагиры побеждали и заставляли тунгусов возвращаться назад»). Если широкая линия старта юкагиров охватывала громадную территорию Якутии – от среднего течения р. Алдан до Нижней Лены (Жиганск), то далее – от верхнего до среднего течения рек Яны и Индигирки – фронт сужался. Пути кочевников, огибающих горные системы вдоль Индигирки, вероятно, разделялись: северный маршрут выходил на среднее и нижнее течение Индигирки (современные Абыйский и Аллаиховский улусы Якутии), а затем – в приморские тундры и на нижнюю Колыму; южный – через Оймякон в верховьях Индигирки вел к Верхней Колыме. На «Схеме путей снабжения Северо-Востока» стрелками показаны вьючные, сухопутные и сухопутно-вьючные казенные и торговые пути с середины – конца XVIII в. до начала XX в. (см.: Рис. 1). От г. Якутска на северо-восток тропы не менялись более полутора веков (Молодых 1931, прилож. 1). Южная линия казенного и торгового путей (пути II и III на Рис. 1), соединявших среднее течение р. Лены с верховьями р. Колымы, проходила через названные в исследуемом источнике большие и малые реки. Отсюда напрашивается вывод о том, что места боев юкагиров с тунгусами совпадали с пунктами южного пути, проложенного, по-видимому, кочевыми аборигенными племенами ранее и существовавшего к тому моменту уже многие столетия.

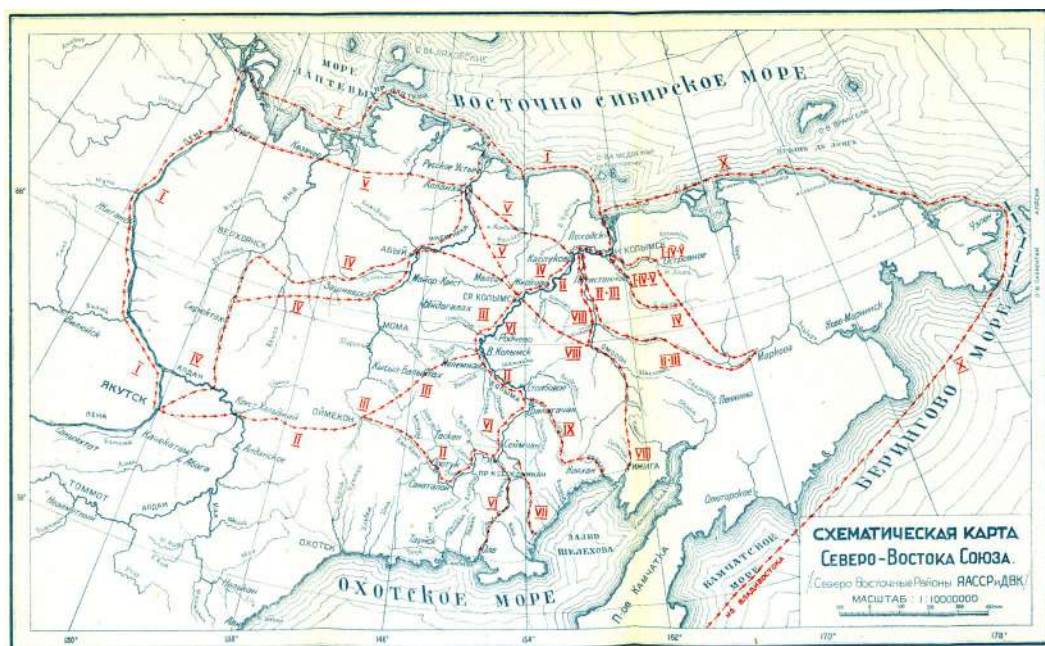

Рис. 1. Схема путей снабжения Северо-Востока (Молодых 1931, прилож. 1).

С середины I тыс. н.э. в раннем Средневековье доля аборигенного слоя в населении Южной и Центральной Якутии, по-видимому, неуклонно снижалась, а в начале II

тыс. н.э. каких-либо крупных родоплеменных образований южных юкагиров в этом регионе уже не было. К моменту прихода в XVII в. русских казаков на северо-восток Азии юкагиры жили вдоль северных границ Якутии и за ее пределами: по рекам Анабар, Яна, Индигирка, Колыма, Анадырь, в низовьях р. Лены. В.И. Иохельсон писал, что юкагиры Омолойского (от юк. омулуйибоой – «скромный»?) рода нижнего течения Яны «забыли свой родной язык, заимствовав тунгусский, затем вместе с тунгусами они перешли на якутский... Юкагиры Индигирки... ныне испытывают сильное влияние тунгусов» (Иохельсон 2005б: 239). По-видимому, языковая и культурная ассимиляция северных юкагиров пришлыми народами в I – начале II тыс. н.э. менее всего коснулась охотников и рыболовов Верхней Колымы. В конце XIX – начале XX в. верхнеколымские/лесные юкагиры, называвшие себя унуу омни – «речной народ» (Там же: 548), были кочевыми, сохраняли многие архаические элементы аборигенной культуры, в которой ландшафтный код «вода/река» продолжал играть большую роль. Именно этот древний код при отсутствии грунтовых дорог в теплое время года и большой заболоченности территории определял номадический характер культуры.

По наблюдениям В.И. Иохельсона в ГХЦ верхнеколымских юкагиров существовали два главных кочевых периода (мидоо): весенний, знаменовавший выход из зимних жилищ в поисках пропитания, – продвижение к месту летнего общеплеменного сбора; и осенний – кочевание в обратном направлении к местам зимовок. Соответственно, были и два периода «без движения» (модо), когда «сидели» на земле – на месте зимовок или летнего празднества (Там же: 487). Продолжительность пребывания в зимних жилищах во многом определялась наличием запасов продуктов, сделанных осенью. Более постоянной была продолжительность летнего модо: он начинался со вскрытия рек (конец мая), когда юкагиры с мест зимовок по притокам верховий р. Колымы спускались на лодках и плотках к месту общего сбора в низовье левого притока р. Ясачной на празднество, знаменовавшее начало нового календарного года, а заканчивался примерно через месяц, когда все разъезжались в очередной мидоо (Спирidonov 1996: 41–42). Во время мидоо семьи преодолевали многокилометровые расстояния, пользуясь исключительно водными средствами передвижения; кочевание сопровождалось большим физическим напряжением и сильными эмоциональными переживаниями. Два главных периода в промыслово-хозяйственной жизни верхнеколымских юкагиров – кочевание и «сидение» на месте – нашли отражение в традиционных пожеланиях друг другу: «Хорошо ходи» и «Хорошо сиди».

«Дыхание» кочевой культуры тесно связано со сменой сезонов, водной системой и годовым хозяйственным циклом: начало календарного года совпадало с возвращением вверх по реке к местам зимовок, а его конец – с движением вниз по течению реки. Реалии кочевания – философии жизни в дороге (по А.В. Головневу [Головнев 2015]) – это синкретизм накопленных поколениями практических и иррациональных знаний. Эти знания запечатлены в устном народном творчестве юкагиров р. Ясачной, а особенное отношение к водной среде отражено в обрядовом фольклоре (Жукова 2019в) и песенном искусстве.

Уникальным элементом культуры северных номадов являются юкагирские топографические зарисовки местности, выполненные на бересте. Они использовались для построения маршрутов кочевания и транспортировки грузов, для организации про-

Рис. 2. Карта р. Коркодон с притоками (Иохельсон 2005б).

мысла, обмена и торговли, возможно, для военных и иных целей. В конце XIX – начале XX в. юагиры рисовали на бересте, по выражению В.И. Иохельсона, «примитивные географические карты». На картах этого речного народа показана гидросхема «кормящей» территории с прилегающими к ней землями (см.: Рис. 2). Например, прорисовано русло р. Колымы со многими притоками и озерами и торговые пути через Становой хребет (Иохельсон 2005б: 620, рис. 70а, б).

Юагиры наносят на свои берестяные карты только те места, которые они сами лично видели и хорошо знают. В своих рисунках они обнаруживают ясное понимание расположения рек, озер и гор относительно друг друга, а также знание четырех сторон света... [Карты] помогают неопытному охотнику ориентироваться на местности, главным образом в речных долинах края (Там же: 620–621).

Информационным и коммуникативным целям служили и отдельные планы промысловых угодий с обозначением маршрутов перекочевков, а также мест стоянок, промысла, захоронений, стационарных поселений, церквей и других объектов (Там же: 611–615, рис. 69а, г, д, и).

Некоторые письма-пиктограммы рассказывают об эпизодах летнего и зимнего промыслов (Там же: рис. 69б, в, е–з). Берестяные карты и пиктографические зарисовки (собраны и опубликованы В.И. Иохельсоном) позволяли поддерживать связь между удаленными друг от друга кочевыми группами, они заменяли устные сообщения. Обычно их оставляли на местах стоянок для информирования следом идущей группы родственников. Промысловики в теплое время года в лодках и пешком, зимой на лыжах и на нартах с собаками в поисках добычи преодолевали многие десятки и сотни километров и хорошо ориентировались на местности. Создание этих уникальных памятников северной культуры охотников и рыбаков было вызвано необходимостью сохранения и передачи знаний. Функционирование берестяных карт и пиктограмм у лесных юагиров в конце XIX – начале XX в. было обусловлено кочевым образом жизни, промысловыми потребностями, отсутствием других видов коммуникации в условиях изоляции.

Территориальные притязания пришлых племен, жестокий ясачный гнет, периоды голода и эпидемий, как и переход в повседневном общении на тунгусский и якутский языки, в конце XIX – начале XX в. «запустили» активные процессы аккультурации северных юагиров. В XX в. в советских и постсоветских статистических материалах Якутии значатся только две компактные территориальные группы юагиров, обе – на р. Колыме: в нижнем ее течении проживали тундровые юагиры алаи, занимавшиеся, как и соседние эвены и чукчи, оленеводством, а в верхнем – лесные юагиры одулы (когимэ), зимой и весной охотившиеся на лося, пушного зверя, боровую и перелетную птицу, а

летом и осенью занимавшиеся рыболовством. В конце XX – начале XXI в. появляются и численно увеличиваются юкагирские диаспоры в г. Якутске и населенных пунктах по берегам рек Яна и Индигирка. По переписи населения 2010 г., в Республике Саха (Якутия) проживал 1281 юкагир; родным юкагирский язык назвали 350 человек.

В начале XXI в. одулы р. Ясачной сохраняют сложившиеся еще в древности присваивающий тип хозяйства, родовую общину и общинную территорию, свою ментальность и высокий статус женщины в обществе, а также язычество как форму религиозного сознания; унаследованы от предков и древние приемы промысловой магии. Село Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я) – центр наследной администрации и юкагирской родовой общины «Тэки Одулок»; по данным переписи населения 2010 г., в этом многонациональном селе проживает 177 юкагиров. «Кормящий» ландшафт одулов – это территория родовой общины «Тэки Одулок», поделенная на родовые промысловые участки (земли семейно-родового зимнего промысла пушного и мясного зверя с правом наследования) с находящимися на них хозяйственными и сезонными жилыми строениями. Места рыбного промысла находятся в общинном пользовании, а отдельные богатые рыбой угодья закрепляются за семьями только на определенное время.

Сохраняющийся издревле ГХЦ промысловиков имеет мало точек соприкосновения с традиционными укладами хозяйств соседних народов – якутов, эвенов – и тем более с требованиями современного постиндустриального общества. Взрослое мужское население ведет полукочевой образ жизни: осенью из с. Нелемное охотники выезжают на места промысла пушных зверей (реализация пушнины составляет главный доход семьи), добывают лосей, зайцев для личного потребления и возвращаются в конце зимы – начале весны. Летом с семьями они периодически выезжают на места рыбной ловли, осенью идет массовая заготовка рыбы. В межсезонье промысловикам перепадают случайные заработки. В зависимости от времени года на первый план в жизнедеятельности юкагиров выходит значимость то водной стихии, то стихии земной.

Функционирование такого ГХЦ возможно исключительно благодаря сохранению гомогенной «кормящей» территории. В результате поселкования в советское время народов Севера кочевой образ жизни и его календарный цикл у одулов, известные нам по работам В.И. Иохельсона, подверглись трансформации. Большая часть женского населения юкагиров круглогодично живет в с. Нелемное, летом ненадолго выезжая на места рыбной ловли. Поддерживаемый мужчинами-промысловиками номадический характер культуры существует за счет сохранения и летом, и зимой традиционных промыслов. Фрагментарными стали связи с одулами других притоков верховой Колымы, ныне входящих в Магаданскую область. Тем не менее «вода/река» в самобытной культуре лесных юкагиров р. Ясачной продолжает играть ведущую роль как элемент «кормящего» ландшафта.

Источники и материалы

Березкин 1929? – Березкин Н.Н. *Дикий олень на севере Якутии* (7 л.), 1929? // Личный архив историка Г.А. Попова, хранится у автора статьи Л.Н. Жуковой.

Березкин 1939 – Березкин Н.Н. *Юкагиры* (1939) // Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. № 6.

Ытык-Кельский 1927 – Ытык-Кельский В. *Омоки (забытая легенда)* // Якутские зарницы. 1927. № 1. С. 22–28.

Научная литература

- Алексеев А.Н. *Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья*. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996.
- Бурыкин А.А. *Имена собственные как исторический источник: по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
- Василевич Г.М. *Типы обуви народов Сибири* // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XXI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–64.
- Гоголев А.И. *Этническая история народов Якутии*. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2004.
- Головнев А.В. Арктическая мобильность: технологии и стратегии // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2015. № 4. С. 7–11.
- Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2015. № 4. С. 12–15.
- Жукова Л.Н. Древние миграции в Колымский регион в контексте этнических взаимодействий на северо-востоке Азии // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019а. № 1. С. 24–30.
- Жукова Л.Н. Кросскультурные контакты в древней истории юкагирского народа // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019б. № 3. С. 26–40.
- Жукова Л.Н. Ландшафтный код вода/река в обрядовом фольклоре лесных юкагиров и его значение в этнической истории народа // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Эхо арктической Одиссеи», посвященной 100-летию со дня рождения И.С. Гурвича (Якутск, 14–15 ноября 2019 г.)*. Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2019в. С. 12. <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019Jukova>
- Иохельсон В.И. *По рекам Ясачной и Коркодону*. Древний и современный юкагирский быт и письма // *Известия Русского географического общества*, 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255–290.
- Иохельсон В.И. *Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*. Якутск: Бичик, 2005а.
- Иохельсон В.И. *Юкагиры и юкагиризированные тунгусы* / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б.
- Константинов И.В. *Ранний железный век Якутии*. Новосибирск: Наука, 1978.
- Кочмар Н.Н. *Писаницы Якутии*. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994.
- Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2001.
- Курилов Г.Н. *Лексикология современного юкагирского языка*. Новосибирск: Наука, 2003.
- Курилов Н.Н. *Вадул – одул (юкагиров тундры – юкагиров лесных) топонимы. Сибирь и Дальневосточный округ*. Якутск, 2018.
- Курилов Ю.Г. *Юкагирские топонимы северо-востока Азии*. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2013.
- Молодых И.Ф. *Пути, связи и снабжение Колымо-Индигирского края*. Иркутск: Востсибкрайгиз, 1931.
- Мочанов Ю.А. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука, 1977.
- Немировский А.А. Предание о приходе предков верхнеколымско-омолонских юкагиров на Колыму в записях Н.Н. Берёзкина // *Материалы III Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов»* / Сост. О.Ю. Хурьбюн, Е.В. Намаконова. Южно-Сахалинск: *Пресс Код*, 2019а. С. 148–157.
- Немировский А.А. Юкагирская атрибуция древнесибирских гидронимов на -мба/мбу/мбэ и вопросы этнолингвогенеза // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 2019б. № 2. С. 51–57.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г. *Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект)*. СПб.: Дрофа, 2002.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. *Петроглифы Средней Лены*. Л.: Наука, 1972.
- Спирidonов Н.И. *(Тэки Одулок) Одулы (юкагиры) Колымского округа*. Якутск: Северовед,

1996.

Степанов А.Д. История исследований железного века Якутии // *Известия лаборатории древних технологий*, 2014. № 2. С. 33–42.

Шавкунов Э.В. *Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука, 1990.

Эверстов С.И. Наскальные рисунки Сутуруохи – новый археологический памятник на Индигирке // *Вопросы истории, языка и литературы (Бюллетень научно-технической информации)*. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3–8.

Zjukova, Ljudmila N.*

Water/River as a Macro-Element of the Yukagir's Cultural Geography

DOI:

The article considers one of the main landscape codes of cultural geography – water/river, which in part determined the specifics of economy and spiritual values of the wandering hunting tribes of Eastern Siberia. The areas of nomadic hunting and fishing tribes of Eastern Siberia have significantly decreased over the past two thousand years, and currently the territory of the Neleminsky National Council and the tribal community “Teki Odulok” in the Verkhnekolymsky region (ulus) of the Republic of Sakha (Yakutia) is the only place of compact residence of descendants of the ancient population. Among the northern nomads – Yukagirs-hunters and fishermen, the water/river landscape code was of a cultural-forming significance; water/river provided food, transport and served as a reference point in space. The significance of water resources is considered in diachronic and synchronous ranges against the background of the ethnic history of the Yukagir people with the involvement of archival and literary data. It is shown that the modern functioning of the unique culture of northern nomad dog breeders in the Upper Kolyma is due to the preservation of a homogeneous feeding territory and a minor transformation of the traditional annual economic cycle. The territorial community, the organization of living space in such climatic conditions and the semi-nomadic way of life have developed stable stereotypes of thinking and behavior; a system of values and preferences for this group of Yukagirs. The understanding of space of the nomad dog breeders reveals the mechanisms of formation and influence of the water/river discourse on various aspects of their activities. Traditionally from antiquity and to the beginning of the 20th century during the period of fishing and nomading on boats and rafts in the warm season, the tribal groups of forest Yukagirs were isolated for a long time. This situation implied various potential dangers and risks, real and mythologized. The ancient landscape code water / river in the absence of dirt roads in the warm season and a large bog area determined the nomadic nature of the culture. The figurative and geographical model of the water universe at the locus of the water hunters and fishermen of the Upper Kolyma is captured in the discourse of spiritual and material culture as an ambivalent element. In the geo-cultural area of the descendants of the aboriginal northern nomads, the concept of the water element is traditionally built on cultural meanings, images and symbols. The appropriating nature of the economy and the longstanding significance of one of the main landscape codes of water/river stimulate the continued existence of ancient pagan religious and mythological representations among the forest Yukagirs in the foreseeable future.

Keywords: Yakutia, northern nomads, feeding element, homogeneous territory

For Citation: Zjukova, L.N. 2021. Water/River as a Macro-Element of the Yukagir's Cultural Geography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 288–303.

*Zjukova, Ljudmila N. – PhD, Senior Resercher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the North Siberian Branch of RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: zjukova@mail.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the North Siberian Branch of RAS (Yakutsk, Russian Federation) for 2017–2020 years

References

- Alekseev, A.N. 1996. *Drevniaia Yakutiia: zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAiE SO RAN.
- Burykin, A.A. 2013. *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik: po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov* [Proper Names as a Historical Source: Based on Materials from Russian Documents on the Discovery and Development of Siberia and the Far East of Russia in the 17–19th Centuries]. St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Diakonov, V.M., and R.I. Bravina. 2015. Niurbinskii bronzovyi kel't (k voprosu o kul'turnykh svyaziakh Yakutii i sopredel'nykh territorii v epokhu paleometalla) [Nyurba Bronze Celt (on the Issue of Cultural Ties between Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Age)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 4: 12–15.
- Everstov, S.I. 1980. Naskal'nye risunki Suturuokhi – novyi arkhologicheskii pamiatnik na Indigirke [Rock Paintings of Suturuokhi – a New Archaeological Site in Indigirka]. *Voprosy istorii, yazyka i literatury (Biulleten' nauchno-tekhnicheskoi informatsii)*, 3–8. Yakutsk: Izdatel'stvo YaF SO AN SSSR.
- Gogolev, A.I. 2004. *Etnicheskaiia istoriia narodov Yakutii* [Ethnic History of the Peoples of Yakutia]. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta.
- Golovnev, A.V. 2015. Arkticheskaiia mobil'nost': tekhnologii i strategii [Arctic Mobility: Technologies and Strategies]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 4: 7–11.
- Jokhelson, V.I. 2005. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukagirized Tungus], translated by V.Kh. Ivanova and Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
- Jokhelson, V.I. 1898. Po rekam Yasachnoi i Korkodonu. Drevnii i sovremennii yukagirskii byt i pis'mena [On the Rivers Yasachnaya and Korkodon: Ancient and Modern Yukagir Life and Writing]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* 34 (3): 255–290.
- Jokhelson, V.I. 2005. *Materialy po izucheniiu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the Study of the Yukagir Language and Folklore Collected in the Kolyma District]. Yakutsk: Bichik.
- Kochmar, N.N. 1994. *Pisanitsy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAiE SO RAN.
- Konstantinov, I.V. 1978. *Rannii zheleznyi vek Yakutii* [The Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, G.N. 2001. *Yukagirsko-russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, G.N. 2003. *Leksikologiya sovremennogo yukagirskogo yazyka* [Lexicology of the Modern Yukagir Language]. Novosibirsk: Nauka.
- Kurilov, N.N. 2018. *Wadul – odul (yukagirov tundry – yukagirov lesnykh) toponimy. Sibir' i Dal'nevostochnyi okrug* [Wadul – Odul (Yukaghir Tundra – Yukaghir Forest) Toponyms: Siberia and the Far Eastern District]. Yakutsk.
- Kurilov, Yu.G. 2013. *Yukagirskie toponimy severo-vostoka Azii* [Yukagir Place Names of Northeast Asia]. Yakutsk: IGIPMNS SO RAN.
- Mochanov, Yu.A. 1977. *Drevneishie etapy zaseleniia chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [The Oldest Stages of Human Settlement in Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodykh, I.F. 1931. *Puti, svyazi i snabzhenie Kolymo-Indigirskogo kraia* [Ways, Communications and Supplies of the Kolyma-Indigirsky Territory]. Irkutsk: Vostsibkraigiz.
- Nemirovskii, A.A. 2019. Predanie o prikhode predkov verkhnekolymsko-omolonskikh yukagirov na Kolymu v zapisiakh N.N. Berezkina [The Legend about the Arrival of the Ancestors of the

- Upper Kolyma-Omolon Yukagirs to Kolyma in the Records of N.N. Berezkina]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fol'klor paleoaziatskikh narodov»* [Materials of the III International Scientific Conference “Folklore of the Paleoasiatic Peoples”], edited by O.Yu. Khuriyun, E.V. Namakonova, 148–157. Yuzhno-Sakhalinsk: Press Kod.
- Nemirovskii, A.A. 2019. Yukagirskaya atributsiya drevnesibirskikh gidronimov na *-mba/mbu/mbe* i voprosy etnolingvogeneza [Yukagir Attribution of Ancient Siberian Hydronyms to *-mba/mbu/mbe* and Questions of Ethno-Linguogenesis]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 2: 51–57.
- Nikolaeva, I.A., and V.G. Shalugin. 2002. *Slovar' yukagirsko-russkii i russko-yukagirskii (verkhne-kolymskii dialekt)* [Dictionary Yukagir-Russian and Russian-Yukagir (Upper Kolyma Dialect)]. St. Peterburg: Drofa.
- Okladnikov, A.P., and V.D. Zaporozhskaia. 1972. *Petroglify Srednei Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Nauka.
- Shavkunov, E.V. 1990. *Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniia tunguskikh narodov Dal'nego Vostoka* [Culture of the Jurchen-Udige of the 12–13th Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow: Nauka.
- Spiridonov, N.I. 1996. *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. Yakutsk: Severoved.
- Stepanov, A.D. 2014. Istoriia issledovaniia zheleznogo veka Yakutii [The History of Research of the Iron Age of Yakutia]. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii* 2: 33–42.
- Vasilevich, G.M. 1963. Tipy obuvi narodov Sibiri [Types of Shoes of the Peoples of Siberia]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* XXI: 3–64. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Zhukova, L.N. 2019. Drevnie migratsii v Kolymskii region v kontekste etnicheskikh vzaimodeistvii na severo-vostoke Azii [Ancient Migrations to the Kolyma Region in the Context of Ethnic Interactions in Northeast Asia]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 1: 24–30.
- Zhukova, L.N. 2019. Krosskul'turnye kontakty v drevnei istorii yukagirskogo naroda [Cross-Cultural Contacts in the Ancient History of the Yukagir People]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 3: 26–40.
- Zhukova, L.N. 2019. Landshaftnyi kod voda/reka v obriadovom fol'klore lesnykh yukagirov i ego znachenie v etnicheskoj istorii naroda [The Water/River Landscape Code in the Ritual Folklore of the Forest Yukagirs and Its Significance in the Ethnic History of the People]. In *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Ekho arkticheskoi Odissei”, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia I.S. Gurvicha (Yakutsk, 14–15 noiabria 2019 g.)* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Echo of the Arctic Odyssey”, Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of I.S. Gurvich (Yakutsk, November 14–15, 2019)], 12. Yakutsk: Izdatel'stvo IGIIPMNS SO RAN. <https://doi.org/10.25693/Gurvich.2019Jukova>.

© *И.В. Севастьянов*

ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА У КРЯШЕН В СВЕТЕ АВТОЭТНОГРАФИИ*

Статья посвящена анализу особенностей традиции гостеприимства у кряшен, самобытного этноконфессионального сообщества, характеризующегося сочетанием татароязычия и православного вероисповедания. Изыскания автора основываются как на письменных источниках, так и на оригинальных полевых материалах, касающихся преимущественно двух этнографических групп кряшенского населения Республики Татарстан, молькеевской и заказанской, каждая из которых обладает собственной этнокультурной спецификой. Этнографический материал, анализируемый в статье, относится к хронологическому отрезку от рубежа к. XIX – нач. XX вв. до настоящего дня. Ставится задача, во-первых, исследовать проявления гостеприимства в конкретной этнической среде в его функциональных разновидностях; во-вторых, проследить трансформацию этого обычая в условиях современности. Показана саморефлексия автора-исследователя по поводу проблемы взаимовлияния объекта и субъекта изучения (этнографического наблюдения) и роль субъективности в научном постижении иной этнической культуры. Отношения диалога между исследователем и информантом рассматриваются как значимый приоритетный аналитический подход. В этой связи на примере опыта полевой работы в среде кряшенского населения Республики Татарстан выявляется воздействие, которое традиция гостеприимства в ее современном бытовании оказала на полевые исследования ученых-этнологов. Важнейшим ресурсом в процессе работы, по мнению автора, оказались взаимная расположенность и доверие, во многом базирующиеся на обычае гостеприимства.

Ключевые слова: кряшены, тюркология, обычай гостеприимства, культурные трансформации, автоэтнография

Ссылка при цитировании: Севастьянов И.В. Традиции гостеприимства у кряшен в свете автоэтнографии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 304–316.

Обычай гостеприимства существует у многих народов Евразии. Несмотря на свою глубокую древность (по-видимому уходящую корнями в первобытные времена), этот обычай (институт) продолжает оставаться живым явлением, продолжающим свое бытование и в настоящее время. Универсализм его проявляется в традиционном этикете многих тюркских народов, населяющих такие историко-культурные области как

Севастьянов Иван Владимирович – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: rushd-al@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Средняя Азия, Анатолия, Урало-Поволжье. Среди тюркоязычных народов, живущих в урало-поволжском географическом ареале, особое место занимают кряшены – этноконфессиональное сообщество с татарским языком и преобладающим православным вероисповеданием. По поводу идентичности и официального статуса кряшен, которых часть исследователей считает субэтнической общностью в составе казанских (шире – поволжских) татар, а часть отдельным тюркским народом, существуют определенные разногласия, не лишенные политической ангажированности.

Между тем, в этнографии кряшенского народа содержится очень показательный и яркий материал для осмысления прежнего бытования в традиционной культуре обычая гостеприимства и его современных трансформаций. О том, что представлял собой данный обычай в относительно недавнем прошлом в среде кряшен можно узнать из ряда письменных источников, где освещены некоторые особенности повседневного жизненного уклада представителей указанного этнического сообщества. К таким источникам следует отнести собранные и опубликованные специалистами из Казани и Чебоксар «Этнографические сочинения слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов» (Исхаков, Николаев 2014). В них содержится немало сведений, хронологически относящихся к первой трети XX столетия. Кроме того, обширный фольклорный материал, касающийся интересующего нас комплекса обычаев, собран и опубликован музыковедом Н.Ю. Альмеевой (Альмеева 1990; Альмеева 2013).

В качестве источника по исследованию современного бытования традиций гостеприимства у кряшен в статье используются оригинальные авторские полевые материалы, собранные во время экспедиционных выездов в Республику Татарстан в 2001, 2005, 2006, 2016 гг. Работа велась главным образом в селениях Пестречинского и Кайбицкого районов РТ, жители которых относятся, соответственно, к примёшинской (Заказанье) и молькеевской (татаро-чувашское пограничье) этнографическим группам кряшен.

Целью наших полевых исследований было изучение особенностей этнической идентичности кряшенского населения и ее проявлений в условиях постсоветского Татарстана. При этом сама работа в поле оказалась в тесной зависимости от общей расположенности представителей местных сельских сообществ проявлять доброжелательность, открытость и оказывать радушный прием заезжим этнографам. Т. о. обычай гостеприимства, пусть даже исподволь, постоянно проявлял себя во время нашей полевой работы. Его влияние на процесс взаимодействия с респондентами не могло не сказаться и на результатах исследования.

В настоящее время специалисты по философии и методологии науки указывают на такой аспект исследовательского процесса как учет связей собственно научных целей с вненаучными (социальными, аксиологическими) ценностями и предпочтениями, что стало характерной чертой нового, *постнеклассического*, типа рациональности (Стёпин 2015: 455). Особенно это актуально для гуманитарных наук, для которых отношения диалога являются важнейшим принципом аналитического осмысления исследуемой реальности. Как отмечал еще М. Бахтин: «Точные науки – монологичная форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. [...] Но субъект не может изучаться как вещь, ибо как субъект он, не может оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогичным» (Бахтин 1980: 383). Т. о. отношения диалога становятся как никогда важны в качестве приоритетного аналитического подхода в современной науке (Стёпин 2015: 481). Социальная и культурная антропология (этнология) тут не исключение,

поскольку ее методы полевой работы строятся на живом взаимодействии с информантами, представителями тех или иных человеческих сообществ.

При этом жанр т. н. автоэтнографии или этнографии научного сообщества, как разновидности самоанализа и интеллектуальной рефлексии самих исследователей-этнологов, остается пока мало разработанным в отечественной антропологии. Из примеров можно назвать публикации С.В. Соколовского (*Соколовский* 2011), сборник статей «Антропология академической жизни: традиции и инновации» (2013). Между тем, эта саморефлексия важна для осмысления исследовательских приоритетов: выбора объектов изучения, концептуальных предпочтений, фокусировка внимания на тех или иных предметных областях знания.

Специалистами установлено, что существует два типа гостеприимства:

- 1) Гостеприимство в среде людей ближнего круга: родственников, односельчан, связанное с сезонными (календарным) праздниками и обрядами жизненного цикла.
- 2) Гостеприимство по отношению к незнакомым, случайным, посторонним людям, выходящим из иной языковой, культурной и т. п. среды, носящее во многом окказиональный характер (*Громов* 2015: 11).

Для традиционной культуры кряшен характерны оба вышеприведенных типа гостеприимства. Об этом говорят документальные свидетельства, относящиеся к 20-м годам XX в. (*Исхаков, Николаев* 2014) и собранные специалистами фольклорные материалы (*Альмеева* 1990, 2007, 2012).

Обычай приема родственников, пришедших в гости по случаю того или иного календарного праздника, представляет собой одно из наиболее ярких и самобытных проявлений традиционной культуры данного сообщества. Подобного рода гостевое общение представляло собой у кряшен всесторонне продуманный ритуал, одним из основных составляющих которого было исполнение песен особого репертуара, соответствующего главному событию: приходу родственников и их приему хозяевами. Специалистами выявлены такие структурные составляющие данного ритуала как взаимные песенные приветствия гостей и хозяев, взаимное восхваление гостями и хозяевами человеческих качеств друг друга, застольное общение через исполнение песен, прощание хозяев с гостями, происходившее опять же в песенно-поэтической форме (*Альмеева* 1990: 180). Причем в каждом селе существовал свой собственный набор гостевых песен и соответствующих им мелодий (*Альмеева* 1990: 181).

Подобный ритуал принятия гостей, включавший в себя исполнение особого рода песен, предназначенных специально для этого случая, существует у разных этнографических групп кряшен. В частности, он выявлен исследователями устного народного поэтического творчества у таких своеобразных и во многом отличающихся (в плане исторического формирования и в особенностях традиционной культуры) друг от друга локальных групп как примешинская и молькеевская (*Альмеева* 2007, 2012).

Кроме того, согласно сообщениям самих представителей кряшенского сообщества, в дни главных православных праздников было принято угощать всех «кто бы ни пришел», «был бы татарин или чувашин» – всем наливали пиво или квас (*Исхаков, Николаев* 2014: 46). При этом гость всегда, согласно этикету, должен был похвалить предложенное угощение.

Во второй половине XX в. кряшенские обычаи, составлявшие канву традиционного «гостевания» и приема гостей, стали постепенно вымываться под влиянием усиливавшейся модернизации быта и уходив в прошлое. В свою очередь песни, со-

проводившие такого рода застолия, стали звучать все реже. Они продолжали жить уже по большей части в памяти сельских жителей старшего поколения, переходя из живой традиции в область кряшенского фольклорного наследия.

Гостеприимство второго типа было не в меньшей степени распространено среди кряшен. Так, например, по свидетельству жительницы села Албаево Мамадышского уезда (ныне – Мамадышский район РТ), «инородец (т. е. в данном случае *кряшен*) гостеприимный, он всегда пустит ночевать незнакомого человека, кем бы он ни был. [...] инородец встречает входящего ласково, начинает его угощать» (Исхаков, Николаев 2014: 159). О том же самом сообщают в своих «этнографических сочинениях» и многие другие информанты-кряшены, например, жительница деревни Дюртели-Субаш Мамадышского уезда (Там же 179). Некоторые информанты добавляют, что небогатые кряшены охотнее пускают к себе ночевать незнакомых людей, чем богатые, которые боятся, что неожиданный гость может у них чего-нибудь украсть (Там же: 186). Ответы отдельных информантов указывают на то, что гостеприимство у кряшен могло быть связано с чувством любопытства и стремлением к общению с новыми людьми. Так, если гость и хозяин общительны, «то они даже ночью не спят, все время разговаривают, и таким образом они знакомятся» (Там же: 194). Можно предположить, что указанный обычай в данном случае мог выполнять важную в социальном плане функцию коммуникации и укрепления межличностных связей между представителями разных этнических и, соответственно, религиозных групп.

На примерах из нарративных источников можно убедиться в существовании у кряшен двух указанных типов гостеприимства. Выраженно самобытными чертами в данном случае обладает именно первый вариант традиции. Проявления обычая гостеприимства, связанные с собраниями и праздничными застольями, объединявшими людей одного родственного круга, были сильно ритуализированы. У кряшен сложился особый жанр «гостевого» песенного фольклора, представляющий собой одну из наиболее самобытных сторон их духовной культуры.

Что касается второго типа данного обычая, то он у кряшен по сути не отличается от подобного комплекса традиций у многих других народов Евразии. Об этом, например, свидетельствуют некоторые знаменитые литературные памятники, относящиеся к раннему Средневековью. Так, в одном из текстов («Речи Высокого») старшей Эдды при общем восхвалении традиции гостеприимства все же дается совет не злоупотреблять радушием и хлебосольством хозяев: «Гость не должен назойливым быть и сидеть бесконечно, даже приятель станет противен, коль долго гостит он» (Цит. по *Беовульф* 1975: 193). Сходные представления существовали и у этнически родственных кряшанам тюркских народов Центральной Азии. Так у киргизов, согласно их традиционному этикету, гостеприимство должно было соблюдаться неукоснительно по отношению ко всякому человеку, пришедшему в аил. Существовала киргизская поговорка: «Гость, заночевавший одну ночь – благодать, проведенный две ночи – беда» (Асанков, Брусина, Жапаров 2016: 380). О практически безусловном и безотказном странноприимстве, принятом у тюркских народов Средней Азии, неоднократно свидетельствует, опираясь на свой собственный опыт, известный венгерский востоковед и путешественник Арминий Вамбери (*Вамбери* 2003: 48, 98, 174). Среди тюркоязычных народов Урало-Поволжья обычай того же рода был укоренен, к примеру, среди башкир. Согласно башкирскому этикету, всякому пришедшему гостю предоставлялся ночлег и максимально щедрое угощение (*Кузеев, Данилко* 2015: 335).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о наличии существенной разницы в особенностях проявления обычая гостеприимства первого и второго типов в среде кряшен, какой мы ее знаем по письменным источникам XIX – нач. XX вв. При этом если в первом случае отчетливо проступают черты оригинальной самобытности, то во втором мы видим те же особенности, что бытуют в соционормативной культуре многих других (не только тюркских) народов Евразии.

Впервые мне посчастливилось столкнуться с живой традицией гостеприимства у кряшен в 2001 г., еще в студенческие годы, во время этнографической экспедиции, организованной кафедрой этнологии исторического факультета МГУ, и проходившей в Республике Татарстан. Основной целью нашей экспедиционной поездки, которой руководила профессор О.Е. Казьмина, было изучение этнической идентичности кряшен в связи с готовившейся Всероссийской переписью населения 2002 г., в ходе которой «кряшенский вопрос» в Республике Татарстан проявился довольно остро, сделавшись в то время, наверное, одним из главных камней преткновения в учете «национального» состава полиэтничных регионов РФ.

Между тем, меня в то время не могла не удивить та степень гостеприимства с какой нас встречали в Набережных Челнах представители кряшенской общности РТ. На шесть человек, составлявших нашу экспедиционную группу, была выделена просторная гостиница квартирнго типа с большим количеством комнат и с большим холодильником, полным съестных продуктов и напитков. В селениях кряшен, куда мы выезжали, нас неизменно ожидали щедрые застолья, выступления местных кряшенских «самодеятельных» коллективов с народными песнями, различные экскурсии. «Здесь как на Кавказе» – было сказано одним из наших сотрудников кафедры этнологии. Было впечатление, что все старались проявить как можно больше радушия и расположенности к гостям из Московского университета.

Тут, однако, следует учитывать, что наша группа приехала в Татарстан во многом по приглашению активистов кряшенского движения, которые, в свою очередь, стремились заявить о себе как можно шире и привлечь внимание российского (и тем более столичного) научного сообщества к «кряшенскому вопросу» в РТ. И, видимо, нельзя сбрасывать со счетов желание оказать как можно лучший прием тем, кто представляет это сообщество. С другой стороны, в этом случае были актуализированы и перенесены в современный контекст традиции гостеприимства, исконно присущие кряшенской культуре.

Так, например, ряд наших респондентов из принимавшей стороны (жители кряшенских сел Мамадышского, Тукаевского районов РТ, Бакалинского района Республики Башкортостан) с большой охотой исполняли для нас традиционные «гостевые» напевы. «Настолько рады вас видеть, что если уже костями в могиле буду лежать, то и кости еще будут радоваться» – именно так перевел текст одного из упомянутых напевов казанский фольклорист Г.Е. Макаров, когда кто-то из нас попросил рассказать, о чем именно пели жители одного из кряшенских сел, где мы вели свои опросы. Интересно и мнение представителей кряшенского православного духовенства о морально-ценностных основах этого пласта фольклорного наследия: «Эти песни всегда пелись при знакомстве, когда кто-нибудь там знакомился, или новые родственники появлялись, на свадьбу, [...] и вот они пели, и каждый изливал свою душу другому. Это говорит о человеколюбии кряшен, что кряшены настроены позитивно, на человеколюбие, [...] о широте кряшенской души» – такими слова-

ми характеризует рассматриваемые «гостевые» напевы и их смысловое содержание о. Дмитрий (Сизов), настоятель церковного прихода села Кряш-Серда и глава Кряшенской духовной миссии (См.: Божий народ кряшены).

Несмотря на то, что традиционный общинный и родовой уклад кряшен все больше уходит в прошлое, многие стороны прежней, старой, «этнической» культуры продолжают жить в памяти представителей старшего и, отчасти, среднего поколения. Более того, при определенных обстоятельствах, данное культурное наследие может актуализироваться, проявив себя в условиях постсоветской современности и в контексте совсем иных общественных отношений (этническая мобилизация, переосмысление прежнего культурного наследия).

Следует подробнее остановиться и на роли в современном укладе жизни кряшен гостеприимства второго, в большей степени окказионального, типа. Опираясь я буду на собственные полевые наблюдения, почерпнутые во время работы в кряшенских селениях Пестречинского, Кайбицкого, Елабужского районов РТ в 2005, 2006 и 2016 гг. В данном случае мне приходилось бывать в этих селениях по большей части непрошеным гостем и рассчитывать на расположенность местных жителей к гостеприимству по отношению к чужаку. Связано это было во многом с тем, что не во всех случаях удавалось заручиться поддержкой официальных лиц, которые могли, например, попросту в нужный момент отсутствовать на своем месте. Кто-то, например, вообще избегал принимать какое-либо участие под тем или иным предлогом или вообще без него.

Между тем, находились местные жители, которые соглашались на то, чтобы я остановился у них, или сами «сходу» приглашали меня переночевать у них дома, причем даже по несколько суток подряд. Так, например, было в селах Молькеево, Старое Тябердино, Хозесаново Кайбицкого района, входящих в ареал расселения т. н. «молькеевских кряшен». Сходным образом обстоятельства складывались в селах Кряш-Серда, Янцеваы, относящихся уже к Пестречинскому району, где проживают кряшены примёшинской подгруппы. Можно сказать, что именно гостеприимство местных жителей не раз выручало меня в моей полевой работе к кряшенским селениях Республики Татарстан. Доверие по отношению к вроде бы посторонним и совсем незнакомым и открытость к общению с ними по-прежнему оставались значимой частью соционормативной культуры местных сельских сообществ, состоящих преимущественно из людей кряшенского происхождения.

Еще в большей степени склонность к гостеприимству раскрывается, если знакомство уже успело состояться и у вас завязались дружеские отношения с кем-либо из жителей кряшенских селений. Мне, в свою очередь, посчастливилось из случайного гостя превратиться в ожидаемого во время повторных визитов в знакомые населенные пункты Пестречинского или, например, Елабужского района РТ в 2016 году. До этого были полевые выезды в кряшенские селения соответственно в 2006 г. (Пестречинский р-н) и в 2010 г. (Елабужский р-н). Так, я хорошо помню, как о. Дмитрий (Сизов), настоятель церковного прихода села Кряш-Серда, выйдя меня встречать у калитки своего дома, сразу же позвал за стол, спросив: «Будете жаркое с черносливом? Вот приготовил как раз». (Жаркое с черносливом – популярное блюдо в кряшенской и в татарской кухне). Тут можно упомянуть и о том, что в свое время у о. Дмитрия гостил (при этом, говорят, по несколько дней) изучавший культуру кряшен этнолог из Японии Акира Сакурама, также приезжавший в Кряш-Серду в 10-х годах

текущего столетия. «Да он, считай, как прописался там, у отца Дмитрия» – рассказывали мне некоторые из местных жителей (ПИМА 1).

Во многом сходная картина была во время полевого выезда в Елабужский район в том же 2016 г., где самый гостеприимный прием и дружескую поддержку в исследовательской работе мне оказывал Николай Мельников, житель деревни Черкасово, один из активных участников общественного движения кряшен Татарстана, ныне глава сельсовета села Большой Шурняк (Елабужский р-н РТ). По его личному приглашению я останавливался в деревне Черкасово на несколько суток, живя в обустроенном «флигеле», относящемся к приусадебным постройкам, принадлежащим семье Мельниковых. Кроме того, благодаря помощи со стороны Николая быстро налаживались дружеские контакты и, соответственно, хорошо складывалась полевая работа в кряшенских селениях Менделеевского района РТ, близлежащих территорий Граховского района Республики Удмуртия. Можно сказать, что здесь меня неизменно ожидал самый живой отклик и участие в ответ на проявление заинтересованности в изучении тех или иных сторон народной, «этнографической», культуры современных кряшен.

В свое время знаменитый отечественный тюрколог В.В. Радлов в своем известном труде «Из Сибири: страницы дневника» заметил, что «ни у одного тюркского народа не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев» (Радлов 1989: 172). Признаюсь, что мне самому хочется, прочитав у В.В. Радлова его впечатления об алтайцах середины XIX в., сказать то же самое о кряшенах начала XXI в., исходя уже из личных впечатлений (проводить сравнения с другими тюркскими народами мне трудно из-за недостатка опыта).

Т. о. мне лично во время работы по сбору полевого этнографического материала посчастливилось убедиться в живучести кряшенской традиции гостеприимства, воздействие которой опосредованно сказывалось и на моих исследованиях в области современной этнографии кряшен. Живое бытование данной традиции во многом сделало возможным проведение этих исследований с их результатами (в форме отчетов, статей, диссертации и т. п.) в том виде, к какому они есть.

К тому же, стоит прибавить, что опыт отечественных этнологов-исследователей тут не является единственным, если брать современное поле собственно кряшенской этнографии. Так, японский исследователь Акира Сакурама, исследовавший культуру кряшен и особенности ее трансформации в XX в. оставался жить в Татарстане на довольно длительное время (с 2010 по 2013 гг. с отъездами назад в Японию и возвращениями в РФ на срок до года), ведя полевую работу как в Казани, так и в сельской местности, в районах компактного проживания кряшенского населения. В этом случае ученому из Японии не раз приходилось на личном опыте убеждаться в живучести обычая гостеприимства у современных кряшен, в данном случае деревенских жителей. Как рассказывал мне житель села Старое Гришкино (Менделеевский район РТ) пожилых лет: «Вот Акира Сакурама у меня здесь дома останавливался, жил тут». И, как пояснялось, гостя из Японии принимали здесь не одни сутки к ряду (ПИМА 2).

Т. о. мы можем видеть, что в орбиту кряшенского обычая гостеприимства оказываются втянуты не только отечественные, но и иностранные исследователи-этнологи. А это, как можно предположить, в свою очередь также оказывает влияние на их взаимодействие с респондентами-информантами, восприятие и осмысление ими своего полевого материала; а, следовательно, этот фактор должен оказывать влияние и на результаты самих научных исследований. Вопрос о причинах притягательности

того или иного поля для самого исследователя как человека с личными пристрастиями и интересами, который затрагивался во вводной части статьи, требует более подробного рассмотрения.

Что характерно, пример обратного взаимодействия (влияние деятельности исследователей на этническую самоидентификацию респондентов) приводил в своем рассказе о современных каратаях (т. н. «мордва-каратаи» – небольшая татароязычная этногруппа, имеющая, по-видимому, мордовские корни) казанский фольклорист Г.М. Макаров, во время нашей личной беседы еще в 2005 году. Так, по его словам, после того как каратаями заинтересовались исследователи-этнографы из Саранска (Республика Мордовия), они «стали в большей степени к мордве себя причислять» (из личных записей автора за 2005 г.). Тут можно добавить, что речь идет о совсем небольшом локальном сообществе (жителях села Мордовские Каратаи, от названия которого и произошло название данной группы), где существует довольно тесное взаимодействие между людьми и, следовательно, оно в подобного рода изменения там могут происходить за короткий срок. Кряшены – относительно куда более многочисленное сообщество, но и в их случае нельзя полностью игнорировать фактор влияния на них постороннего исследовательского интереса.

Во время полевой работы в г. Елабуга и в отдельных селениях Елабужского района в 2016 мне приходилось слышать от местных кряшен признания существенной помощи со стороны представителей московского академического сообщества, поддерживавших позиции кряшенских общественных организаций в вопросе об этническом самоопределении «несправедливо забытого народа» во время Всероссийской переписи населения 2002 года. В частности, говорили о том, что известный этнолог П.И. Пучков в то время оказал заметную поддержку движению кряшен за отстаивание своей самобытности, поскольку благодаря ему об их проблемах стало известно в академических кругах Москвы и на них, таким образом, «стали больше внимания обращать» (ПМА 3).

В заключении следует затронуть такую немаловажную в настоящем контексте проблему как влияние личности самого этнолога на характер и особенности осмысления и изучения им объекта и предмета его исследования. Затронута эта проблема будет здесь в самых общих чертах, лишь чтобы наметить некоторые ее контуры на основе конкретных материалов из собственных полевых наблюдений и «этнографической» саморефлексии.

Можно сказать, что выбор мною такой темы как этнокультурная идентичность кряшен (в том числе их религиозные представления и традиции, конфессиональное самосознание и т. п.) был обусловлен научными интересами, которые группировались, в основном, вокруг истории тюрко-монгольских народов Евразии. Это еще в школьные годы привело меня к увлечению книгами Л.Н. Гумилева, посвященными означенной тематике, из которых я узнал о существовании в Средние века тюркских племен, принявших христианство несторианского толка. Кроме того, сам регион Урало-Поволжья, представляющий собой во многих аспектах, как в географическом, так и в историко-культурном, переходный ареал между Европой и Азией, Россией и Востоком, может считаться типично «евразийским» по своей сути.

О кряшенах как таковых я впервые узнал во время учебы на кафедре этнологии истфака МГУ, с чем был связан и мой первый опыт полевой этнографической работы, о котором уже упоминалось выше. Несмотря на то, что никакой прямой

преемственности между средневековыми тюрками-христианами и позднейшими кряшенами пока выявить не удастся, все же сочетание тюркоязычия (татарского языка) с православием в данной этнической культуре порождало своего рода узнавание («Россия-Евразия», взаимопроникновение русско-православного и «степного» мира) одновременно с вопросами об историческом формировании столь необычной картины. Не меньший интерес представлял комплекс «языческих», дохристианских, верований кряшен, в которых прослеживается немало древнетюркских черт, о которых я узнал несколько позже из миссионерской литературы XIX в., а также благодаря общению с жителями кряшенских селений Татарстана во время собственной полевой работы в регионе. Этот момент (преемственность в религиозных представлениях «старокрещеных татар» с древними тюрками) заставил меня проявлять еще более пристальное внимание к этой сфере культурного наследия кряшен.

Говоря о духовной культуре интересующего нас этнического сообщества, надо отдельно сказать о той роли, которую сыграла православная традиция в сближении автора с исследуемым им сообществом. Причиной этого является то, что православная христианская традиция и соответствующая ей человеческая среда во многих своих сторонах была близка мне самому. Встречавшиеся в отдельных кряшенских селениях храмы, часовни, иконы в домах, воспринимались мной как привычные и понятные вещи, связанные с православной религиозной культурой. Видеть в домах такого рода предметы как иконы и кресты, заходить (в определенных случаях) в храмы казалось чем-то привычным и почти само собой разумеющимся. Кроме того, местные жители нередко были склонны проявлять большее доверие к людям, принадлежащим, по их мнению, к православному вероисповеданию. Так, в селе Большое Тябердино местные жители не раз даже спрашивали меня: «А ты сам нашей, христианской, веры? Не обманываешь нас»? В подтверждение собственных словесных заверений я даже показывал им тут же свой нательный крестик (ПМА 4).

В свою очередь даже оказываясь в более официальной обстановке, например, в кабинетах представителей районной администрации села Пестрецы (административный центр Пестречинского района РТ), я начинал ощущать себя словно втянутым в местную среду. Так, один из упомянутых районных чиновников в самом начале нашего разговора насчет посещения с целью этнографических исследований ближайших кряшенских населенных пунктов спросил меня: «А вы сами крещеный татарин»? В ответ я пояснил, что «сам вообще-то русский», просто такая сфера научных интересов (ПМА 5). Трудно сказать со всей определенностью в чем заключалась причина такого восприятия человека заезжего и неместного для этих краев, отмечу лишь то, что я сталкивался с этим неоднократно во время полевых выездов в Татарстан в разные годы (в 2001, 2005, 2006, если считать то, что четче сохранилось в памяти на настоящий момент).

Еще во время учебы в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН мне приходилось слышать от старших коллег утверждения о том, что исследовательское поле (в данном случае Татарстан, и соответственно, кряшенское этноконфессиональное сообщество) представляют собой «особый, свой мир», не похожий на тот, который привычен «для нас, здесь». Впоследствии, по мере все более тесного знакомства с полем, которым стал для меня указанный регион, мне часто приходилось задумываться над вышеупомянутыми словами об «инаковости» «мира кряшен» и о том насколько этот мир отличается от привычного для меня самого.

Теперь по прошествии лет опыта полевых исследований в среде кряшен Татарстана и сопредельных регионов (с 2001 по 2016 год всего 5 полевых выездов в Республику) можно попытаться подвести определенные итоги личного взаимодействия с данной этнокультурной средой. Выше говорилось о значении православия в традиционном жизненном укладе кряшен и том влиянии, которое в моем случае оно оказывало на общение с респондентами-кряшенами. Наряду с этим нас сближала память о Великой отечественной войне, присущая в той же степени и проявляющаяся в тех же формах в среде представителей кряшенского народа, как и у представителей русского народа и вообще многих россиян. Из совсем недавних примеров можно привести акцию «Бессмертный полк: кряшены», организованную республиканской кряшенской газетой «Туганайлар» (Бессмертный полк 2017). Кроме того, мне приходилось слышать весьма критические суждения насчет суверенитета Республики Татарстан от некоторых кряшен пожилых лет (ПМА 5а). О прорусском настрое своей паствы говорил в беседе с нами, участниками этнографической экспедиции от кафедры этнологии истфака МГУ, и о. Иоанн, служивший в приходе церкви кряшенского села Большие Аты, жители которого известны своей религиозностью (ПМА 6: Прот. Иоанн). Т. о. можно сказать, что в особенностях мировосприятия представителей иноэтнического сообщества (в данном случае – кряшен) мне встречалось многое, что было знакомо и во многом казалось близким, если сравнивать с собственной, издавна знакомой, социальной средой. Все вышеперечисленное перемешивалось и сочеталось с такими «экзотизмами» (для моего стороннего восприятия) кряшенской культуры как традиционный музыкальный фольклор, специфические местные верования, обычаи (среди которых и обычай гостеприимства) и обряды. Взаимодействие «экзотического» и привычного, узнаваемого, стало наиболее существенной и важной характеристикой этой культурной среды в моем восприятии как этнолога-исследователя и стороннего наблюдателя.

Характер этого восприятия напомнил мне рассуждения К. Леви-Стросса в его известной статье «Руссо – отец антропологии», посвященные роли эмпатии в этнологической науке. Леви-Стросс указывает на то, что именно Ж.Ж. Руссо является автором изречения «Я есть другой», которое, согласно Леви-Строссу, сближает его с позицией современных антропологов, стоящих на той же точке зрения и стремящимися «показать, что другие люди – это люди, подобные им самим, или, иными словами, «другой» есть «я» (Леви-Стросс 1994: 22). При этом, следует отметить, что здесь речь не идет о стремлении уподобить «другого» себе, попытке навязать ему какие-либо свои свойства, представления и т. п., а скорее наоборот – о желании увидеть в этом «другом» что-то тождественное себе самому, сближающее обоих. Так, в данном случае речь не идет о какой-то умозрительной «русификации» кряшен со стороны меня как исследователя, скорее здесь следует говорить об открытии в их культурном комплексе таких черт, которые оказываются близкими и узнаваемыми. В определенной степени, если уподобить кряшенскую культуру тексту, этот момент я мог бы сравнить с чтением известной работы Н. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», с которой мне в свое время посчастливилось ознакомиться (См. Трубецкой 2010). Известно, что в этнографии кряшен можно выделить тюркские, угро-финские, восточнославянские элементы. Отчасти аналогичным образом, только в иной предметно-смысловой плоскости, в указанной работе Н. Трубецкого на тематическом уровне представлено сочетание восточнославянского элемента с «туранским» («туранскими» по устаревшей терминологии обозначаются тюрко-монгольские и угро-финские народы). Именно это

сочетание вызывало чувство узнаваемости и общего приятия, уместности и гармоничного сочетания составляющих этой мозаики (возможно, что причина тому исторический путь самой России, издавна развивавшейся под цивилизационным влиянием как Запада, так и Востока). Аналогичным образом я мог бы охарактеризовать и свое впечатление от традиционной культуры кряшен в целом.

В этой точке, по сути, сходятся сама наука-этнология (антропология), исследователь (как носитель научных традиций и парадигм) и изучаемое этническое сообщество людей («объект исследования»). Связать их способен именно тот вышеозначенный «истинный принцип человеческого познания», на который указывает Леви-Стросс. Если связь между исследователем, как субъектом, и сферой науки, как особым интеллектуальным континуумом, осуществляется через тексты, порождаемые этой сферой нематериального производства мысли, то во взаимосвязях исследователя и изучаемого людского сообщества преобладает фактор эмоциональной связи. Именно последним определяется общий ход, успешность или не успешность полевой работы этнографа в той или иной местной среде.

В этой связи можно говорить о своего рода симбиозе субъекта и объекта исследований, выражающемся в их взаимовлиянии через человеческое общение, возникающее благодаря взаимной доверительности и расположенности к коммуникации прежде всего на личном уровне. В данном случае мы видим такое конструирование реальности, в котором в той или иной степени участвуют все задействованные лица: и этнологи-исследователи, и люди, с которыми они общаются, от которых получают информацию. Важнейшим ресурсом в этом процессе оказываются взаимная расположенность и *доверие*. Хранителем этого ресурса остается живая *традиция*, носителем которой являются локальные кряшенские сообщества, важной составляющей этой традиции по-прежнему предстает обычай гостеприимства.

Источники и материалы

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Менделеевский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Елабужский р-н Республики Татарстан. Июль 2016 г. (анонимный опрос).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кайбицкий р-н Республики Татарстан. Август 2006 г. (анонимный опрос).
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2005 г. (анонимный опрос).
- ПМА 5а – Полевые материалы автора. Экспедиция в Пестречинский р-н Республики Татарстан. Июль 2005 г. (анонимный опрос).
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Нижнекамский р-н Республики Татарстан. Июль 2001 г. (информант – протоирей Иоанн (Чурашов) 1925 г.р.).
- Альмеева* 2007 – Песни татар-кряшен. Выпуск 1. Пестречинская (примёшинская) группа; составитель Н.Ю. Альмеева. СПб.; Казань: РИИИ, 2007.
- Альмеева* 2012 – Песни татар-кряшен. Выпуск 2. Молькеевская группа; составитель Н.Ю. Альмеева. СПб.; Казань: РИИИ, 2012.
- Беовульф* 1975 – Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975.
- Божий народ кряшены – Божий народ кряшены // Православный телеканал «Союз». <http://tv-souz.ru/peredachi/bozhiy-narod-kryasheny-chast-1>.

Вамбери 2003 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003.
Бессмертный полк – Бессмертный полк. Кряшены // «Туганайлар». 17.04.2017. <http://tuganaylar.ru/news/bessmertnyy-polk/bessmertnyiy-polk-kryashenyi>.

Научная литература

Альмеева Н.Ю. Традиция гостевого общения у татар-кряшен // Зрелищно-игровые формы народной культуры: сборник научных статей. Л.: ЛГИТМИК, 1990. С. 180–191.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Кузеев Р.Г., Данилко Е.С. (отв. ред.) Башкиры. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2015.

Громов Д.В. Гостеприимство как антропологическая категория // Грамматика гостеприимства; Составитель М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 2015.

Исхаков Р.Р., Николаев Г.А. (сост.). Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921 – 1922 гг.): сборник материалов и документов; составители авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань; Чебоксары: б. и., 2014.

Асанков А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. (отв. ред.). Кыргызы. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2016.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление (сборник трудов). М.: Республика, 1994.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1980.

Соколовский С.В. Из детства – с приветом. Автоэтнографические этюды // Антропология социальных перемен: сборник статей. М.: РССПЭН, 2011.

Стёпин В.С. Философия и методология науки: избранное. М.: Академический проект, 2015.

Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.

Sevastianov, I.V.*

Kryashen Traditions of Hospitality through the Experience of Autoethnography.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/-304-316

The article is devoted to the analysis of the tradition of hospitality among the Kryashens, an authentic ethno-confessional community, characterized by a combination of the Tatar-speaking and Orthodox faith. The research is based on both written sources and original field materials concerning mainly two ethnographic groups of the Kryashen population of the Republic of Tatarstan – Molkeevskaya and Zakazan, each of them having its own ethnocultural specificity. The ethnographic material analyzed in the article refers to the period from the turn of the XIX – early XX centuries to the present day. The task is, firstly, to study the manifestations of hospitality in a specific ethnic environment in its functional varieties; secondly, to trace the transformation of this custom in modern conditions. The self-reflection of the author-researcher on the problem of the mutual influence of the object and the subject of study (ethnographic observation), the role of subjectivity in the scientific comprehension of another ethnic culture is shown. Understanding the relationship of the dialogue between the researcher and the informant is considered as a significant analytical approach. In this regard, the experience of fieldwork among the Kryashen population of the Republic of Tatarstan reveals the impact that the tradition of hospitality in its contemporary form had on the field research of ethnologists. Mutual disposition and trust, largely based on the custom of hospitality, turned out to be the most important resource in the process of an ethnological study.

Key words: *Kryashens, turkology, hospitality, cultural transformations, autoethnography*

For Citation: Sevastianov, I.V. 2021. Kryashen Traditions of Hospitality through the Experience of Autoethnography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 304–316.

* **Sevastianov, Ivan V.** – PhD, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: rushd-al@yandex.ru

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Almeeva, N.Iu. 1990. Traditsiia gostevogo obshcheniia u tatar-kriashen [The tradition of guest communication among the Kryashen Tatars]. In: *Zrelishchno-igrovye formy narodnoi kul'tury: sbornik nauchnykh statei* [Spectacular and playful forms of folk culture: collection of scientific articles], 180–191. Leningrad: LGITMIK.
- Asankov, A.A., O.I. Brusina, and A.Z. Zhaparov (eds.). 2016. *Kyrgyzy*. [Kyrgyz] Moscow: Nauka.
- Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- Gromov, D.V. 2015. Gostepriimstvo kak antropologicheskaiia kategoriia [Hospitality as an anthropological category]. In: *Grammatika gostepriimstva*. Sostavitel (ed.) M.N. Guboglo [Grammar of hospitality; Compiled by M.N. Guboglo]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Iskhakov, R.R., G.A. Nikolaev. 2014. *Tatary-kriasheny v zerkale fol'klora i etnograficheskikh sochinenii slushatelei Kazanskikh kriashenskikh pedagogicheskikh kursov (pedagogicheskogo tekhnikuma) (1921–1922 gg.): sbornik materialov i dokumentov; sostaviteli avt. predisl. i primech* [Tatars-Kryashens in the mirror of folklore and ethnographic compositions of students of Kazan Kryashen pedagogical courses (pedagogical college) (1921–1922): collection of materials and documents; compilers], edited R.R. Iskhakov, G.A. Nikolaev. Kazan; Cheboksary.
- Kuzeev, R.G., and E.S. Danilko (eds.) 2015. *Bashkiry*. [Bashkirs] Moscow: Nauka.
- Levi-Stross, K. 1994. *Pervobytnoe myshlenie* (sbornik trudov) [Primitive thinking (collection of works)]. Moscow: Respublika.
- Radlov, V.V. 1980. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. Moscow: Nauka.
- Sokolovskii, S.V. 2011. Iz detstva – s privetom. Avtoetnograficheskie etudy [From childhood – with greetings. Autoethnographic etudes]. In: *Antropologiya sotsial'nykh peremen: sbornik statei* [Anthropology of Social Change: Collection of Articles]. Moscow: ROSSPEN.
- Stepin, V.S. 2015. *Filosofiia i metodologiia nauki: izbrannoe* [Philosophy and methodology of science: selected]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Trubetskoi, N.S. 2010. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: ROSSPEN.

© *Е.П. Зимовина*

МОЛОДЕЖЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

В статье рассматривается репродуктивное поведение молодых людей в возрасте 15-19 лет, проживающих на территории Калининградской области. Источниками информации для автора послужили архивные документы, материалы переписей населения, а также данные текущей статистики на протяжении шестидесяти лет (1959–2019 гг.). На основе статистических показателей продемонстрирован процесс постепенного сокращения удельного веса молодых людей обозначенной возрастной группы в составе населения региона. С одной стороны, это явилось следствием снижения рождаемости на протяжении рассматриваемого периода, с другой стороны, оказало влияние на динамику рождаемости, особенно на современном этапе. Уделено особое внимание показателям рождаемости среди женщин моложе 20 лет. Был сделан вывод о том, что «вклад» самых молодых женщин в воспроизводство населения области претерпел существенные изменения на протяжении шести десятилетий. Во многом это было обусловлено изменением отношения молодых людей к брачному статусу, о чем свидетельствуют показатели увеличения количества внебрачных связей и изменение количества и удельного веса детей, рожденных вне официально зарегистрированного брака. Таким образом, была установлена определенная связь между репродуктивным поведением и семейно-брачными установками молодежи.

Ключевые слова: Калининградская область, молодежь, репродуктивное поведение, репродуктивный возраст, семейно-брачные установки

Ссылка при цитировании: Зимовина Е.П. Молодежь Калининградской области: репродуктивное поведение в исторической ретроспективе и на современном этапе // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 317–334.

Постановка проблемы. Молодежная тематика является одной из актуальных проблем современного российского общества. С одной стороны, молодежь представляет собой ту часть населения, которая принимает активное участие в общественно-политической жизни, занимается волонтерской деятельностью, демонстрирует прекрасные результаты в учебе, спорте, бизнесе и т.д. Наряду с этим, в молодежной

Зимовина Елена Павловна – к.и.н., старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016, Калининград, А. Невского, 14).
Эл. почта: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 20-59-00014\20 «Опыт лонгитюдных исследований идентичности и жизненных стратегий молодежи Калининградской и Гродненской областей»

среде существуют острые проблемы социального характера – бытовая неустроенность, безработица, преступность, этническая и религиозная нетерпимость и т.д. Такая противоречивость молодежной проблематики нацеливает государство на поиск механизмов, способствующих купированию социальных проблем и направляющих энергию молодых людей в позитивное и продуктивное русло.

Одним из серьезных вопросов, на которые обращает внимание государство, является репродуктивное поведение молодежи. Проблема рассматривается в тесной увязке с текущей демографической ситуацией в стране и нацелена на решение, как минимум, двух основных задач: повышение рождаемости и укрепление семейно-брачных отношений. Так, в документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» среди приоритетных задач указана такая, как «создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей» (Основы 2014: 10). А в недавно принятом Законе «О молодежной политике в Российской Федерации» одна из целей молодежной политики определена как «формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации» (Федеральный 2020: 6).

Как видим, репродуктивное поведение и семейно-брачные ориентиры молодежи являются вопросами государственной важности, поскольку направлены на решение задач социально-демографического характера. В тоже время, деторождение и семья являются очень тонкими темами, которые касаются личной жизни молодых людей и зависят от сложившихся обстоятельств. Поэтому исследование изменений в репродуктивном поведении молодежи на протяжении длительного периода времени необходимо рассматривать как с позиции общепринятых норм на каком-либо этапе развития общества, так и с точки зрения индивидуального жизненного пути человека.

Объектом данного исследования является молодежь Калининградской области в возрасте 15-19 лет. Обозначенная возрастная группа представляет собой демографический потенциал общества, поскольку традиционно к репродуктивному возрасту относят женское население с 15 лет (Народонаселение 1994: 386). Девушки в возрасте 15-19 лет являются самыми младшими из женщин детородного возраста, и изучение их репродуктивного поведения представляется важным для понимания состояния и перспектив рождаемости в регионе. Кроме того, представители данного возраста имеют возможность вступления в официально зарегистрированный брак. Согласно Семейному Кодексу Российской Федерации, брачный возраст определяется с 18 лет, а в исключительных случаях – с 16 лет (Семейный 1995). Помимо этого, данные официальной статистики говорят о существовании как официально зарегистрированных, так и официально не зарегистрированных браков среди молодежи до 18 лет (Всероссийская 2010; Демографический 2018: 62–63). Так что некоторые представители исследуемых возрастов уже имеют опыт семейно-брачной жизни. В тоже время, рассматриваемая возрастная группа включает в себя как совершеннолетних, так и несовершеннолетних. Поэтому вопросы репродуктивного поведения и семейно-брачных отношений молодежи данной возрастной категории выходят за рамки историко-демографической проблемы и обретают социальную окраску.

Хронологические рамки данного исследования охватывают шесть десятилетий (1959–2019 гг.). В качестве отправной точки был определен 1959 г., когда в Кали-

нинградской области была проведена первая советская перепись населения. К этому времени наладился статистический учет, полностью обновилось население региона и наметились основные тренды демографического развития.

Источниками информации послужили архивные документы, материалы переписей населения, а также данные текущей официальной статистики и нормативно-правовые акты.

Степень изученности проблемы. Вопросы демографического развития Калининградской области довольно хорошо изучены исследователями разных научных направлений. Проблемы заселения и освоения региона подробно рассмотрены в трудах историков (*Костяшов 2000; Костяшов 2009; Манкевич 2009*). Глубокий анализ демографических процессов представлен в работах географов (*Федоров 2001; Федоров, Зверев 2020; Кузнецова 2016; Кузнецова, Сибирева 2020*). Социологами были выявлены поколенческие различия в восприятии региона самим населением Калининградской области (*Зимовина, Щекотуров, Кришталь 2020*). Однако следует отметить недостаток научных публикаций, посвященных проблемам различных возрастных групп региона, в том числе и молодежи. И хотя по молодежной тематике проводились исследования (*Григорьева, Мартынова 2016; Григорьева, Мартынова 2017; Зимовина 2019; Мартынова, Григорьева 2018*), вопросы репродуктивного поведения в них не рассматривались. Следует сделать акцент на том, что во всероссийском масштабе изучение молодежной проблематики в академическом сообществе идет довольно активно (*Горишков, Шереги 2010; Горишков, Шереги 2020; Молодежь 2016*). При этом анализируются и вопросы репродуктивного поведения (*Захарова, Акопян, Харченко 2002; Захаров, Митрофанова 2014; Козырева, Лежнина 2014; Митрофанова 2020*).

Основная задача данной работы – проследить эволюцию репродуктивного поведения молодежи Калининградской области на протяжении шести десятилетий (1959–2019 гг.). В связи с этим были сформулированы следующие исследовательские вопросы: как изменялась численность молодого населения области; какие факторы оказали влияние на трансформацию репродуктивного поведения молодежи; чем была обусловлена модификация семейно-брачных установок молодых людей.

Общая характеристика демографических процессов в Калининградской области. Калининградская область является особым регионом Российской Федерации. Она была образована в 1946 г. на той части территории Восточной Пруссии, которая в результате международных договоренностей была передана Советскому Союзу. На протяжении первого послевоенного десятилетия население региона полностью обновилось: граждане Германии покинули область, фронтовики были демобилизованы, а на новую территорию РСФСР было организовано массовое переселение советских людей (*Костяшов 2009: 97, 170–172*).

В демографическом развитии Калининградской области можно выделить несколько этапов. Первый этап (1946–1998 гг.) характеризовался ежегодным ростом численности населения, который был обусловлен периодически меняющимися факторами. Так, до середины 1950-х годов население увеличивалось за счет миграционного прироста (*Костяшов 2009: 89–90*). С середины 1950-х и вплоть до конца 1980-х годов динамику численности определял естественный прирост. В 1990-е годы единственным источником пополнения численности населения вновь становится миграционный прирост (особенно с 1992 г., когда в Калининградской области утвердился естественная убыль) (Табл. 1).

Второй этап (1999–2006 гг.) был непродолжительным, но важным временным отрезком. Именно в эти годы было зафиксировано сокращение численности населения Калининградской области. Причем произошло это за счет того, что увеличившиеся показатели естественной убыли стали перекрывать снизившиеся показатели миграционного прироста (Табл. 1).

Таблица 1

**Компоненты изменения численности населения Калининградской области
(тысяч человек)**

Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения			Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения		
		общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль			общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль
1959	610,3	21,7	12,1	9,6	1990	878,2	8,7	2,5	6,2
1960	632,0	18,0	12,4	5,6	1991	886,9	7,2	1,6	5,6
1961	650,0	3,4	11,3	-7,9	1992	894,1	12,0	-0,6	12,6
1962	653,4	4,2	10,1	-5,9	1993	906,1	7,0	-4,1	11,1
1963	657,6	24,4	9,4	15,0	1994	913,1	13,3	-5,1	18,4
1964	682,0	18,9	8,9	10,0	1995	926,4	5,8	-4,7	10,5
1965	700,9	15,6	8,1	7,5	1996	932,2	3,4	-4,8	8,2
1966	716,5	1,9	7,6	-5,7	1997	935,6	7,8	-5,2	13,0
1967	718,4	3,4	6,9	-3,5	1998	943,4	17,8	-5,0	13,0
1968	721,8	2,1	6,4	-4,3	1999	961,2	-2,4	-6,4	3,7
1969	723,9	7,7	6,5	1,2	2000	958,8	-1,3	-7,0	5,7
1970	731,6	8,2	6,9	1,3	2001	957,5	-2,1	-7,8	5,7
1971	739,8	8,6	7,4	1,2	2002	955,4	-1,3	-8,0	6,7
1972	748,4	9,9	7,6	2,3	2003	954,1	-6,2	-8,3	2,1
1973	758,3	8,7	7,3	1,4	2004	947,9	-5,8	-8,5	2,7
1974	767,0	7,2	7,2	0,0	2005	942,1	-5,5	-8,6	3,1
1975	774,2	5,4	6,9	-1,5	2006	936,6	-2,3	-6,7	4,4
1976	779,6	10,5	7,1	3,4	2007	934,3	1,0	-4,2	5,2
1977	790,1	7,7	7,0	0,7	2008	935,3	1,3	-3,8	5,1
1978	797,8	9,1	6,5	2,6	2009	936,6	2,0	-2,8	4,8
1979	806,9	4,7	5,8	-1,1	2010	938,6	3,2	-2,6	5,8
1980	811,6	4,4	5,4	-1,0	2011	941,8	5,0	-1,4	6,4
1981	816,0	3,4	5,4	-2,0	2012	946,8	8,0	-0,7	8,7

Таблица 1 (продолжение)

Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения			Год	Численность населения на начало года	компоненты изменения численности населения		
		общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль			общий прирост/убыль	естественный прирост/убыль	миграционный прирост/убыль
1982	819,4	1,7	5,4	-3,7	2013	954,8	8,3	-0,6	8,9
1983	821,1	8,0	6,2	1,8	2014	963,1	5,8	-0,6	6,4
1984	829,1	9,1	5,6	3,5	2015	968,9	7,5	-0,4	7,9
1985	838,2	8,3	5,4	2,9	2016	976,4	9,8	-0,1	9,9
1986	846,5	9,3	6,3	3,0	2017	986,2	8,4	-1,5	9,9
1987	855,8	6,9	6,3	0,6	2018	994,6	7,6	-1,9	9,5
1988	862,7	8,6	5,5	3,1	2019	1002,2	10,3	-2,7	13,0
1989	871,3	6,9	3,9	3,0	2020	1012,5

Наконец, третий этап (2007–2020 гг.) продемонстрировал новые тенденции в развитии населения области: сохранение естественной убыли, рост показателей saldo миграции и, как результат, «вторая волна» увеличения численности населения (табл. 1). Во многом, это является результатом предпринятых государством мер по стимулированию рождаемости (формирование материнского капитала, низкие ипотечные ставки для семей с детьми, региональные и федеральные программы демографического развития и т.д.), а также привлечению русского и русскоязычного населения из-за рубежа (реализация Программы переселения соотечественников, а также Концепции государственной миграционной политики и т.д.).

Таким образом, население Калининградской области представляет собой уникальное сообщество, которое сформировалось в относительно короткий исторический период и развивалось в русле общероссийских тенденций, хотя для региона характерны и специфические тренды социально-демографического развития.

Трансформация возрастной структуры населения Калининградской области. Возрастная структура является своеобразной «матрицей», которая дает представление о состоянии населения на определенную дату, свидетельствует об особенностях его развития на предшествующих этапах и позволяет прогнозировать социально-демографические процессы. Проанализировать процесс изменения возрастной структуры в исторической ретроспективе возможно на основе данных переписей. В 1959 г. первая советская перепись населения Калининградской области зафиксировала динамичный рост численности населения, а также «молодую» возрастную структуру: доля детей и молодежи до 20 лет составляла 40,4%; удельный вес людей пенсионного возраста – 6,2% (рис. 1). Сведения, полученные в ходе последующих переписей, демонстрируют активный процесс старения населения региона – соотношение пенсионеров и молодежи до 20 лет в 1970 г. составило 9,0% и 36,4%; в 1979 г. – 11,0% и 30,8%; 1989 г. – 16,8% и 29,7%; 2002 г. – 19,5% и 24,7%; 2010 г. – 22,1% и 20,7%, соответственно (рис. 1). По состоянию на начало 2019 г. более четверти населения Калининградской области

было представлено людьми пенсионного возраста (25,7%) и лишь пятую часть составляли дети и молодежь до 20 лет – 21,6% (рис. 1).

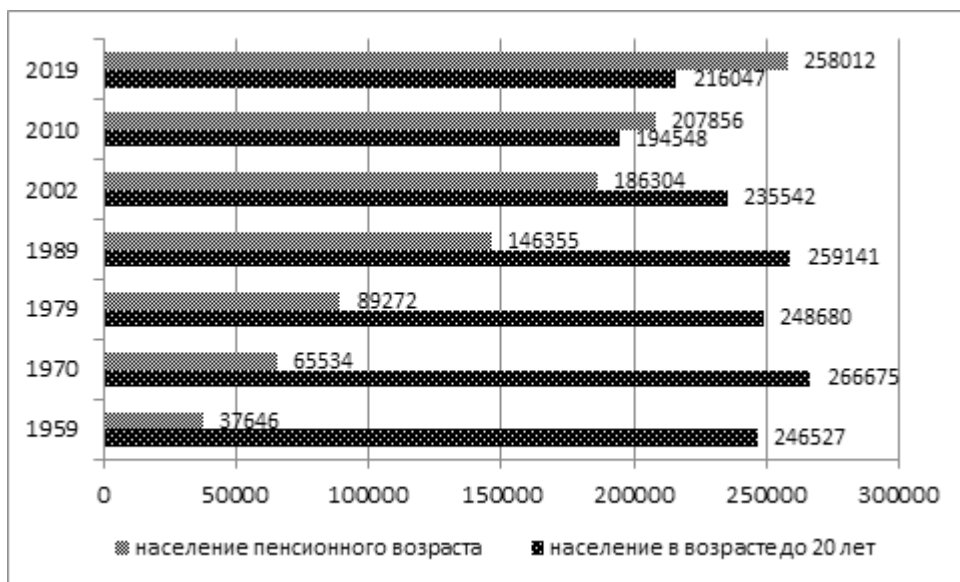

Рис. 1. Возрастная структура населения Калининградской области по данным переписей населения и сведениям на начало 2019 г.

На протяжении исследуемого периода численность молодого населения области не отличалась стабильностью (рис. 2). Согласно данным переписи 1959 г. удельный вес юношей и девушек в возрасте 15-19 лет составил 7,3% от всей численности населения области (рис. 2) и 18,8% от численности молодых людей в возрасте до 20 лет. Это были дети, родившиеся в годы войны и представлявшие одно из самых малочисленных поколений в демографической истории Калининградской области. Кроме того, это были уроженцы других регионов Советского Союза. Перепись 1970 г. зафиксировала иную ситуацию: доля молодежи 15-19 лет увеличилась до 10,4% (рис. 2), а в составе населения моложе 20 лет возросла до 28,6%. В данном случае речь идет о поколениях, родившихся в первой половине 1950-х годов, когда показатели рождаемости оставались еще довольно высокими (табл. 2). Резкое снижение рождаемости в конце 1950-х-первой половине 1960-х годов сказалось на соотношении возрастных групп Калининградской области ко времени проведения переписи 1979 г. Так, удельный вес молодежи 15-19 лет сократился до 8,9%, а в 1989 г. до 7,7% (рис. 2). Отметим и изменение их удельного веса в составе населения до 20 лет: 1979 г. – 29,1%, 1989 г. – 26,0%. Таким образом, на протяжении 1970-х-1980-х годов четко прослеживается тенденция сокращения численности и удельного веса населения 15-19 лет, что было обусловлено окончательным утверждением низких показателей рождаемости (табл. 2). В связи с этим, парадоксальной кажется ситуация по данным переписи 2002 г., когда доля молодежи 15-19 лет вновь увеличилась до 9,2% (рис. 2). Это было связано с кратковременным ростом рождаемости с 1983 по 1987 гг. (табл. 2). В результате, в 2002 г. в составе населения младше 20 лет доля 15-19-летних составила 37,1%. Напротив, перепись 2010 г. демонстрирует резкое сокращение доли населения 15-19 лет (рис. 2) в результате снижения рождаемости в первой половине 1990-х годов (табл. 2). К этому времени уменьшилась

и доля 15-19-летних в составе населения до 20 лет (30,2%). Наконец, данные текущей статистики на начало 2019 г. дают представление о значительном снижении как численности, так и доли населения 15-19 лет (рис. 2). Причем как в региональном разрезе, так и во всероссийском масштабе (Территориальный 2019; Федеральная 2019). И это несмотря на то, что начало 2000-х годов было ознаменовано некоторым ростом рождаемости (табл. 2) и положительным сальдо миграции людей в возрасте 15-19 лет (Демографический 2018: 107–108).

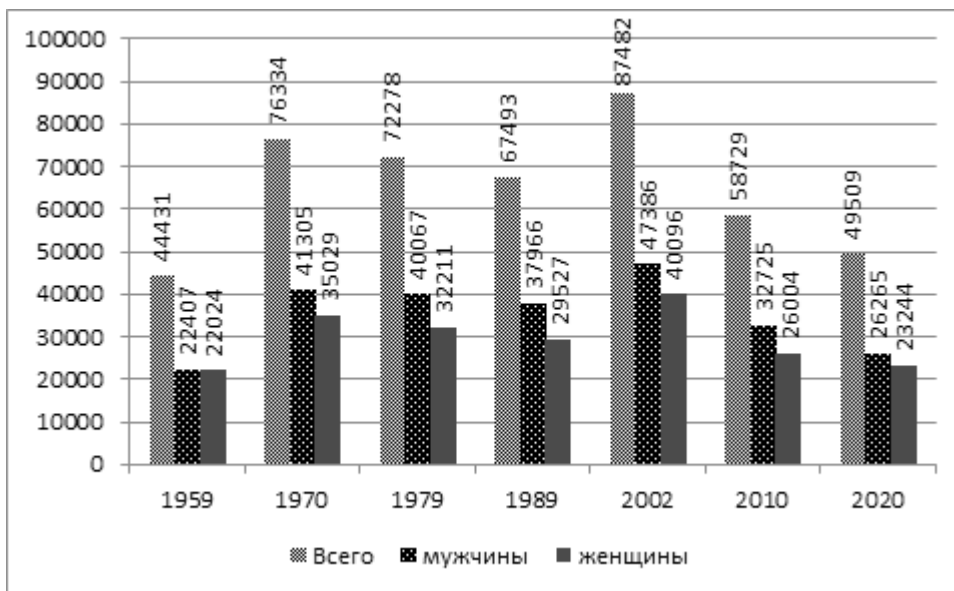

Рис. 2. Население России и Калининградской области в возрасте 15-19 лет (по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., и данным текущей статистики на начало 2019 г.).

Проведенный анализ динамики численности и удельного веса молодежи 15-19 лет на протяжении шестидесяти лет расширяет представление о трансформации возрастной структуры населения Калининградской области, а также способствует пониманию демографических предпосылок и демографических последствий таких изменений.

Изменения в демографическом поведении молодежи Калининградской области. Выявить особенности репродуктивного поведения разных возрастных групп возможно опираясь на сведения о численности женщин детородного возраста (15-49 лет). Статистические данные говорят о постепенном снижении их удельного веса: 1959 г. – 57,8%; 1970 г. – 58,4%; 1979 г. – 54,3%; 1989 г. – 48,0%; 2002 г. – 51,9%; 2010 г. – 48,2%; 2019 г. – 44,1% (Демоскоп 2020; Территориальный 2019). В данном случае мы видим результат тех демографических процессов, которые были описаны выше. Что касается женщин моложе 20 лет, то их численность и доля в составе женщин репродуктивного возраста также изменялись в течение рассматриваемого периода: 1959 г. – 11,3%; 1970 г. – 15,7%; 1979 г. – 14,1%; 1989 г. – 13,6%; 2002 г. – 15,5%; 2010 г. – 10,8%; 2019 г. – 9,4% (Демоскоп 2020; Территориальный 2019). Во многом это предопределило тенденции рождаемости в Калининградской области, которые на протяжении рассматриваемого периода (1959 – 2019 гг.) менялись неоднократно

Таблица 2

Сведения о родившихся в Калининградской области у женщин моложе 20 лет по национальности и брачному статусу матери

Год	Всего родившихся	в т.ч.у женщин до 20 лет		в т.ч. родившиеся вне брака		в т.ч.родившиеся по национальности матери							
						русские		украинцы		белорусы		литовцы	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1959	15179	697	4,6	119	17,1	523	75,0	36	5,2	77	11,0
1960	15379	683	4,4	108	15,8	490	71,7	34	5,0	100	14,6	40	5,9
1961	14252	577	4,0	89	15,4	385	66,7	30	5,2	89	15,4	49	8,5
1962	13185	469	3,6	122	26,0	302	64,4	39	8,3	76	16,2	32	6,8
1963	12563	470	3,7	113	24,0	319	67,9	26	5,5	76	16,2	32	6,8
1964	11902	652	5,5	143	21,9	449	68,9	45	6,9	86	13,2	55	8,4
1965	11321	752	6,6	169	22,5	560	74,5	50	6,6	79	10,5	29	3,9
1966	10999	920	8,4	182	19,8	703	76,4	54	5,9	95	10,3	39	4,2
1967	10548	926	8,8	165	17,8	708	76,5
1968	10392	1107	10,7	211	19,1	864	78,0
1969	10714	1157	10,8	170	14,7	919	79,4
1970	11481	1245	10,8	167	13,4	990	79,5
1971	11820	1205	10,2	944	78,3
1972	12306	1273	10,3	136	10,7	1021	80,2
1973	12167	1180	9,7	104	8,8	937	79,4
1974	12390	1400	11,3	160	11,4	1109	79,2
1975	12465	1334	10,7	148	11,1	1068	80,1
1976	12879	1537	11,9	161	10,5	1211	78,8
1977	13078	1505	11,5	170	11,3	1171	77,8
1978	12803	1570	12,3	174	11,1	1229	78,3	66	4,2	140	8,9
1979	12696	1544	12,2	180	11,7	1214	78,6	78	5,1	134	8,7
1980	12471	1468	11,8	173	11,8	1149	78,3	85	5,8	139	9,5
1981	12533	1402	11,2
1982	12560	1354	10,8	1066	78,7
1983	13637	1294	9,5	1017	78,6
1984	13516	1366	10,1	1073	78,6
1985	13159	1325	10,1	1000	75,5
1986	13900	1318	9,5	978	74,2
1987	13885	1465	10,6	1123	76,7
1988	13242	1520	11,5	169	11,1
1989	12010	1641	13,7	196	11,9	1327	80,9	113	6,9	85	5,2	72	4,4

(табл. 2). Однако для всех возрастных групп женщин были характерны свои особенности на различных этапах развития региона.

Показатели рождаемости у женщин до 20 лет были крайне нестабильными на протяжении шестидесяти лет и имели свою специфику. Анализ данных позволил выделить несколько этапов в тенденциях рождаемости среди женщин этого возраста. Так, с 1958 по 1963 гг. наблюдалось ежегодное сокращение численности новорожденных; с 1964 по 1978 гг. происходил процесс стремительного увеличения количества родившихся (за исключением отдельно взятых годов); с 1979 по 1981 гг. ежегодное количество рождений становится несколько меньше; с 1982 по 1986 гг. идет некий процесс стабилизации, когда показатели рождаемости кардинально не меняются; с 1987 по 1990 гг. зафиксирован «всплеск» количества новорожденных; однако, с 1991 г. и до сегодняшних дней идет неуклонный тренд – снижение количества новорожденных у самых молодых женщин репродуктивного возраста (табл. 2). Изменялась и доля новорожденных у женщин моложе 20 лет. Если в конце 1950-х – середине 1960-х годов показатели удельного веса родившихся были мизерными, то с конца 1960-х годов становятся весьма ощутимыми, причем на протяжении длительного времени – почти сорока лет. Однако с 2007 г. показатели вновь стали ежегодно сокращаться (табл. 2). Кроме того, на определенных этапах (1975–1979 гг. и 1990–1999 гг.) по количеству и удельному весу родившихся детей, женщины моложе 20 лет занимали «третье место», уступая лишь женщинам в возрасте 20-24 лет и 25-29 лет. Однако с 2000 г. они переместились на «четвертое место», совсем немного уступая матерям в возрасте 30-34 лет; с 2009 г. оказались на «пятом месте», пропустив вперед всех двадцати- и тридцатилетних женщин; наконец, с 2017 г. занимают «шестое место», опережая лишь женщин в возрасте 45-49 лет (Демографический 2000: 46–47; Демографический 2009: 37–38; Демографический 2018: 70). Таким образом, на сегодняшний день показатели рождаемости среди женщин до 20 лет являются очень низкими, что обусловлено как их малочисленностью, так и определившимся общим вектором снижения рождаемости. Немаловажную роль играет и осведомленность молодежи о средствах контрацепции.

В среднем, около 95% новорожденных у матерей моложе 20 лет были первенцами. Однако анализ повозрастных показателей рождаемости показывает, что случаи появления на свет второго, третьего и даже четвертого ребенка у юных матерей, фиксировались ежегодно (ГАКО).

Интересная модификация произошла и с таким явлением, как внебрачная рождаемость. Прежде чем перейти к ее анализу, необходимо дать пояснения о формах сбора информации по данной категории новорожденных. В статистических отчетах до 1968 г., помимо сведений об общем количестве родившихся за год, зафиксированы данные о младенцах, в отношении которых в актах о рождении отсутствует запись об отце. С 1969 эта формулировка была заменена на информацию о родившихся, зарегистрированных по заявлению матери. Именно эти показатели мы рассматривали как данные о количестве родившихся вне брака (табл. 2). С 1992 г. в документах появляются сведения об учете новорожденных по нескольким категориям: всего родившихся, родившиеся в браке, родившиеся вне брака (в т.ч. зарегистрированные по совместному заявлению родителей и зарегистрированные по заявлению матери) (ГАКО; Демографический 2009; Демографический 2018). В определенной степени такие изменения были обусловлены юридическими аспектами. Так, 27 июня 1968 г.

в СССР был принят Закон, регламентирующий отношения в браке и семье. В статье 17 («Запись родителей в книгах записей рождений») было прописано: «Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка, либо отец записывается согласно решению суда» (Закон). В постсоветский период Семейный Кодекс Российской Федерации был принят 8 декабря 1995 г. В статье 48 («Установление происхождения ребенка») указано: «Отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, устанавливается путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом и матерью ребенка... При наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что подача совместного заявления об установлении отцовства может оказаться после рождения ребенка невозможной или затруднительной, родители будущего ребенка, не состоящие между собой в браке, вправе подать такое заявление в орган записи актов гражданского состояния во время беременности матери. Запись о родителях ребенка производится после рождения ребенка (Семейный).

Обратим внимание на то, как менялся удельный вес родившихся вне брака у женщин моложе 20 лет. Довольно высокие показатели были характерны для первой половины 1960-х годов, после чего они снизились и оставались практически неизменными на протяжении 1970–1980-х годов. Однако с 1992 г. наметился стремительный рост внебрачной рождаемости (табл. 2). Причем до 2003 г. увеличивалось как общее количество родившихся вне брака, так и их удельный вес. С 2004 г. количество внебрачных рождений у юных матерей стало ежегодно сокращаться, но доля внебрачных рождений по сей день остается очень высокой – практически половина от всех родившихся (табл. 2).

Сведения об этническом составе младенцев, родившихся у матерей определенного возраста, являются довольно скудными. В статистических сводках такие данные представлены только до 1996 г. Причем, систематически фиксировалось число новорожденных у матерей русской национальности (табл. 2). Сведения по другим национальностям в статистических отчетах появлялись не регулярно. Более того, в архивах встречаются документы, в которых делались замечания по поводу поступавшей из регионов подробной информации о родившихся по конкретной национальности матери. Так, в июле 1967 г. в Статистическое Управление Калининградской области поступило письмо из ЦСУ РСФСР в котором было сделано замечание: «Отдел статистики населения и здравоохранения ЦСУ РСФСР сообщает, что форма 2 «Сведения о родившихся по возрасту и национальности матери» представляется в ЦСУ РСФСР на все национальности и отдельно на русских, все остальные формы возвращаем как лишние» (ГАКО. Д.261. Л.90).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать вывод, что большая часть рожениц Калининградской области, в том числе в возрасте до 20 лет, считали себя русскими. Причем, если в первой половине 1960-х годов русскими себя назвали чуть более двух третей молодых женщин, то с середины 1960-х до конца 1980-х годов уже более трех четвертей, а с конца 1980-х годов – более 80% (табл. 2). При этом доля родившихся у молодых женщин украинской национальности практически не изменилась, а вот удельный вес появившихся на свет у женщин белорусской и литовской национальностей существенно снизился (табл. 2). Но, несмотря на изменения в соотношении женщин разных национальностей, все же более 95% молодых матерей

относили себя к одной из четырех национальностей – русские, белорусы, украинцы и литовцы, что соответствовало этнической структуре населения области.

Брачное поведение и семейные установки молодежи Калининградской области

Брачный статус человека играет значительную роль в демографических процессах. Браки оказывают определенное влияние на рождаемость и иллюстрируют отношение людей к такому институту, как семья. Так, на момент проведения переписи 1959 г. в Калининградской области в браке состояло 61,5% людей в возрасте 15 лет и старше, в 1970 г. – 63,6%, в 1989 г. – 65,7%. Однако переписи постсоветского периода демонстрируют снижение удельного веса состоявших в браке людей: 2002 г. – 56,6%; 2010 г. – 54,8% (Демоскоп). Во многом это произошло за счет сокращения количества состоявших в браке людей молодых возрастов, в том числе в возрасте до 20 лет (рис. 3). К сожалению, только в двух постсоветских переписях зафиксированы сведения об официально зарегистрированных и не зарегистрированных браках: 2002 г. – 1752 и 1114; 2010 г. – 918 и 936, соответственно (Демоскоп). Но, несмотря на сокращение количества браков, доля официально не зарегистрированных союзов среди юношей и девушек до 20 лет значительно увеличилась: 2002 г. – 38%; 2010 г. – 50,5%.

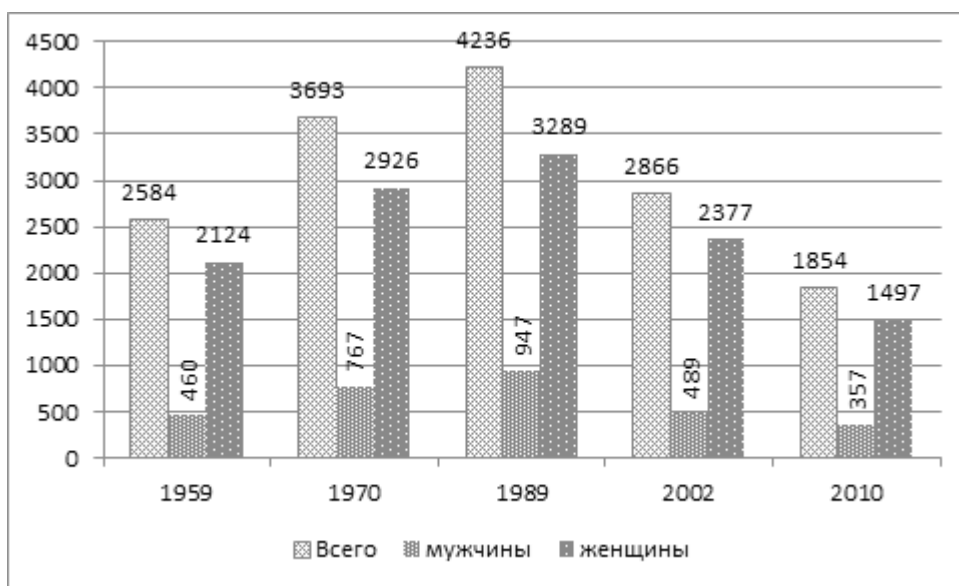

Рис. 3. Распределение населения Калининградской области по состоянию в браке на момент проведения переписей населения.

Что касается ежегодно заключаемых браков, то на протяжении 1960–1980-х годов их количество в Калининградской области не являлось стабильным, хотя не наблюдалось и кардинального изменения показателей (табл. 3). Безусловно, количество регистрируемых браков не было одинаковым каждый год, однако, резких перепадов не отмечалось вплоть до 1992 г., когда произошло существенное сокращение их числа. Ежегодные показатели колебались на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов, но с 2007 г. обозначился рост, который начал вновь снижаться с 2015 г. Насколь-

Таблица 3

Вступившие в брак на территории Калининградской области

Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет		Год	Всего вступивших в брак	в том числе в возрасте до 20 лет	
		мужчин	женщин			мужчин	женщин
1958	9288	294	1480	1989	8637	631	2510
1959	8787	320	1571	1990	8819	740	2685
1960	9510	379	1589	1991	8636	764	2749
1961	8423	271	1161	1992	6979	568	2101
1962	7874	188	927	1993	7274	521	2217
1963	7324	191	998	1994	7381	514	2093
1964	7150	248	1181	1995	7230	444	1902
1965	7030	366	1577	1996	5705	276	1370
1966	7662	481	1857	1997	6298
1967	7895	525	1966	1998	5940
1968	8068	622	2209	1999	6059
1969	8641	616	2392	2000	6190
1970	8737	565	2288	2001	6648
1971	9422	546	2386	2002	6522
1972	8928	453	2164	2003	7000
1973	9405	466	2457	2004	6755
1974	9597	477	2452	2005	7513
1975	10110	499	2661	2006	7959
1976	9962	579	2660	2007	8794
1977	10282	573	2861	2008	8702
1978	9721	584	2716	2009	8208
1979	9841	637	2628	2010	8552
1980	9565	596	2523	2011	9034	118	542
1981	9431	597	2441	2012	9177	92	535
1982	9346	532	2279	2013	8960	90	478
1983	9586	551	2258	2014	9121	93	471
1984	9008	511	2009	2015	8392	85	424
1985	9184	499	2085	2016	7441	73	355
1986	9484	481	2231	2017	7828	63	385
1987	9291	451	2181	2018	7024	58	292
1988	9184	519	2253	2019	7421

ко продолжительной будет данная тенденция, зависит от показателей брачности во всех возрастных группах, в том числе и среди молодежи до 20 лет. Отметим, что со второй половины 1960-х годов прослеживается увеличение количества браков, где хотя бы один из супругов был моложе 20 лет (табл. 3). Именно с этого времени такие союзы составляли практически одну треть среди ежегодно регистрируемых браков: 1966 г. – 30,5%; 1968 г. – 35,1%; 1970 г. – 32,7%; 1975 г. – 31,3%; 1977 г. – 33,4%; 1980 г. – 32,6%; 1985 г. – 28,1%; 1988 г. – 30,2%; 1989 г. – 36,4%; 1990 г. – 38,8%; 1991 г. – 40,7% (подсчитано на основе таблицы 3). С 1992 г. сокращается и количество, и удельный вес браков в которых хотя бы один из супругов был моложе 20 лет: 1992 г. – 38,2%; 1993 г. – 37,6%; 1994 г. – 35,3%; 1995 г. – 32,4%; 1996 г. – 28,9% (подсчитано на основе табл. 3).

К сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют данные с 1997 по 2010 гг. Очевидно, что именно в данный промежуток времени возник перелом в брачном поведении молодежи, поскольку в 2011 г. удельный вес таких браков составил всего 7,3% от общего количества заключенных браков, в 2015 г. – 6,1%, в 2018 г. – 5,0% (подсчитано на основе таблицы 3). Таким образом, у парней и девушек практически отсутствует ориентация на заключение брака и создание семьи в столь юном возрасте.

Заключение

Итак, проведенный анализ данных продемонстрировал, что за прошедшие шестьдесят лет репродуктивное поведение молодежи Калининградской области кардинальным образом изменилось. На это повлияли такие факторы, как рост образованности, стремление к достижению определенного уровня благосостояния, индивидуальное планирование семьи, широкое использование контрацептивов, достаточная осведомленность об особенностях интимной жизни через средства массовой информации, сложившееся в семье и обществе нейтральное отношение к совместному проживанию молодых людей вне зарегистрированного брака, а также стремление самих девушек и парней отложить создание семьи на более поздний возраст.

Источники и материалы

- Всероссийская 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Доступ: https://kalinin_grad.gks.ru/National_Population_Census_2010 (дата обращения: 12.12.2020). ГАКО – Государственный архив Калининградской области. Ф.Р-181 (Статистическое управление Калининградской области).
- Демоскоп – Демоскоп-Weekly. Институт демографии. НИУ ВШЭ. Приложения. Доступ: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 15.12.2020).
- Демографический ежегодник Калининградской области. 1998 год. Калининград, 1998.
- Демографический 2000 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2000 год. Калининград: Калининградстат, 2000.
- Демографический 2009 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2009 год. Калининград: Калининградстат, 2009.
- Демографический 2018 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2018 год. Калининград: Калининградстат, 2018.
- Демографический 2019 – Демографический ежегодник. Калининградская область. 2019 год. Калининград: Калининградстат, 2019.

- Закон 1968 – Закон от 27.06.1968 «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о браке и семье». Доступ: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6840.htm (дата обращения: 15.12.2020).
- Основы 2014 – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).
- Семейный 1995 – Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Доступ: <http://www.semkod.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).
- Территориальный 2020 – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Доступ: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 12.12.2020).
- Федеральный 2020 – Федеральный Закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 05.01.2021).
- Федеральная 2020 – Федеральная служба государственной статистики. Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.12.2020).

Научная литература

- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
- Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Школьники Калининградской области о своей идентичности (по результатам опроса) // Молодежь в малых городах России: заметки социального антрополога. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 155–176.
- Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Молодежь в городах Калининградской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 260. 132 с.
- Захарова О.Д., Акоюн А.С., Харченко В.И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6. С. 94–106.
- Захаров С.В., Митрофанова Е.С. Демографические характеристики молодежи в России // Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 55–79.
- Зимовина Е.П. Сравнительный анализ молодежи Еврорегиона Балтика (по результатам социологического исследования) // Проблемы межрегиональных связей = Problems of connections between regions: научный альманах. Вып.14. Санкт-Петербург; Клайпеда; Калининград, 2019. С. 19–23.
- Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 86–105.
- Козырева П.М., Лежнина Ю.П. Российская молодежь: семья, брак и сексуальность // Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 192–220.
- Костяшов Ю.В. О естественном движении населения в Калининградской области в 1946–1950 годах // Проблемы исторических и философских наук: материалы постоянных научных семинаров. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 2000. С. 3–9.
- Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Terra Балтика, 2009. 351 с.
- Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15–27.

- Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 43–55.
- Манкевич Д. В. Калининградское село в условиях “демографической революции” (вторая половина 1940-х-1950-е годы): трансформация рождаемости // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. С. 226–233.
- Мартынова М.Ю., Григорьева Р.А. Геополитическое положение Калининградской области и жизненные стратегии ее молодых жителей: оценка рисков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3 (17). С. 128–144.
- Митрофанова Е. (Не) время взростеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Том 7, № 4. С. 36–61.
- Молодежь России: сборник рефератов статей из периодических изданий за 2015 год. М.: Рос. гос. биб-ка для молодежи, 2016. 166 с.
- Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
- Федоров Г.М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. 111 с.
- Федоров Г.М., Зверев Ю.М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.

*Zimovina, Elena Pavlovna**

Youth of Kaliningrad Region: reproductive behavior in historical retrospective and in the contemporary period

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/317-334

The article examines the reproductive behavior of young people aged 15-19 years living in the Kaliningrad region. The sources of information for the author were archival documents, population census materials, as well as data from current statistics for sixty years (1959–2019). On the basis of statistical indicators, the process of gradual reduction in the proportion of young people of the indicated age group in the population of the region has been demonstrated. On the one hand, this was a consequence of the decline in the birth rate during the period under consideration, on the other hand, it had an impact on the dynamics of the birth rate, especially at the present stage. Particular attention is paid to fertility rates among women under 20 years of age. It was concluded that the “contribution” of the youngest women to the reproduction of the population of the region has undergone significant changes over six decades. This was largely due to a change in the attitude of young people towards marriage status, as evidenced by the indicators of an increase in the number of extramarital affairs and a change in the number and proportion of children born out of an officially registered marriage. Thus, a definite connection was established between reproductive behavior and family and marriage attitudes of young people.

Key words: *Kaliningrad Region, youth, reproductive behavior, reproductive age, family and marriage aims*

For Citation: Zimovina, E.P. 2021. Youth of Kaliningrad Region: reproductive behavior in historical retrospective and in the contemporary period. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 317–334.

* **Zimovina, Elena Pavlovna** – PhD in History, Senior Researcher of Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016, Kaliningrad, A.Nevskogo, 14). E-mail: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 20-59-00014\20)

References

- Fedorov, G.M. 2001. *Naselenie Kaliningradskoi oblasti. Demograficheskie usloviia obosnovaniia Territorial'noi kompleksnoi skhemy gradostroitel'nogo planirovaniia razvitiia territorii Kaliningradskoi oblasti i ee chastei* [Population of Kaliningrad Region. Demographic conditions for substantiating the territorial complex scheme of urban planning and development of Kaliningrad Region and its parts]. Kaliningrad: Izdatelstvo Kaliningrad State University.
- Fedorov, G.M., Zverev, Iu.M. 2020. *Kaliningradskie al'ternativy: 25 let spustia* [Kaliningrad alternatives: 25 years later]. Kaliningrad: Izatelstvo Kant Baltik Federal University.
- Zakharova, O.D., Akopian, A.S., Kharchenko, V.I. 2002. *Evolutsiia rozhdaiemosti v Rossii vo vtoroi polovine XX veka: istoriia, sovremennost' i perspektivy* [Evolution of fertility in Russia in the second part of XX Century: History, Contemporary and Prospects]. *Problemy prognozirovaniia* 6: 94–106.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. 2010. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: TsSPM.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. 2020. *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii: k itogam mnogoletnikh issledovaniu* [Russian Youth in the mirror of sociology: the results of research for some years]. Moscow: FNISTS RAN.
- Grigor'eva, R.A., Martynova, M.Iu. 2016. *Shkol'niki Kaliningradskoi oblasti o svoei identichnosti (po rezul'tatam oprosa)* [Schoolchildren of Kaliningrad Region about their identity (based on the survey results)]. *Molodezh' v malykh gorodakh Rossii: zametki sotsial'nogo antropologa*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN.
- Grigor'eva, R.A., Martynova, M.Iu. 2017. *Molodezh' v gorodakh Kaliningradskoi oblasti* [Youth in the towns of Kaliningrad region]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 260. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN.
- Kostiashov, Iu.V. 2000. *O estestvennom dvizhenii naseleniia v Kaliningradskoi oblasti v 1946–1950 godakh* [About Natural Movement of Population in Kaliningrad Region in 1946–1950ss]. In *Problemy istoricheskikh i filosofskikh nauk: materialy postoiannykh nauchnykh seminarov*, 3-9. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
- Kostiashov, Iu.V. 2009. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg* [Secret History of Kaliningrad Region. Essays 1945–1956ss] Kaliningrad: Terra Baltika.
- Kozyreva, P.M., Lezhnina, Iu.P. 2014. *Rossiiskaia molodezh': sem'ia, brak i seksual'nost'* [Russian Youth: Family, Marriage and Sexuality]. In *Rossiia i Kitai: molodezh' XXI veka*, 192–220. Moscow.: Novyi khronograf.
- Kuznetsova, T.Iu. 2016. *Geodemograficheskaia tipologiia munitsipal'nykh obrazovaniu Kaliningradskoi oblasti* [Geodemographic classification of municipalities of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Estestvennye i meditsinskie nauk* 1: 15–27.
- Kuznetsova, T.Iu., Sibireva, N.I. 2020. *Ekonomiko-demograficheskie razlichii munitsipal'nykh obrazovaniu Kaliningradskoi oblasti* [Economic and Demographic Differences of municipalities of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 1: 43–55.
- Mankevich, D. V. 2009. *Kaliningradskoe selo v usloviakh "demograficheskoi revoliutsii"* (vtoraia polovina 1940–1950-e gody): transformatsiia rozhdaiemosti [Kaliningrad village in the conditions of "Demographic Revolution" (second half of 1940–1950ss)]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii: mezhvuz. temat. sb. nauch. tr.*, 226–233. Kaliningrad: Kant Kaliningrad State University.

- Martynova, M.Iu., Grigor'eva, R.A. 2018. Geopoliticheskoe polozhenie Kaliningradskoi oblasti i zhiznennye strategii molodykh zhitelei: otsenka riskov [Geopolitical situation of Kaliningrad Region and life strategies of the young inhabitants: risks assessment]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir* 3 (17): 128–144.
- Mitrofanova, E. 2020. (Ne)vremia vzroslet': kak meniaetsia vozrast nastupleniia debiutnykh biograficheskikh sobytii u rossiian [(No)time to grow up: changing ages of debut biographical events in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie* 7 (4): 36–61. <https://demreview.hse.ru>.
- Molodezh' Rossii: sbornik referatov, statei iz periodicheskikh izdaniy za 2015 god [Youth of Russia: collection of essays, papers and periodicals]. 2016. Moscow: Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka dlia molodezhi.
- Narodonaselenie: Entsiklopedicheskii slovar' [Population: Encyclopedic Dictionary]. 1994. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia.
- Zakharov, S.V., Mitrofanova, E.S. 2014. Demograficheskie kharakteristiki molodezhi v Rossii [Demographic Characteristics of the Youth in Russia]. *Rossiia i Kitai: molodezh' XXI veka*, 55–79. Moscow: Novyi khronograf.
- Zimovina, E.P. 2019. Sravnitel'nyi analiz molodezhi Evroregiona Baltika (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Contemporary Analysis of the Youth of Baltic Euroregion (based on sociological survey)]. *Problemy mezhhregional'nykh svyazei=Problems of connections between regions: nauchnyi al'manakh*, 19–23. Vyp.14. Sankt-Peterburg; Klaipeda; Kaliningrad.
- Zimovina, E.P., Shchekoturov, A.V., Krishtal', M.I. 2020. Prostranstvennaia mobil'nost' i migratsionnye ustanovki reformennogo pokoleniia i pokoleniia millenialov Kaliningradskoi oblasti [Territorial mobility and migration aims of Reform Generation and Millennials of Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im.I.Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 2: 86–105.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39(092)“1903/1912”

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/335-342

А.Е. Загребин

ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ И БИБЛИОФИЛ СТЕФАН КИРОВИЧ КУЗНЕЦОВ: МОСКОВСКИЕ ГОДЫ*

Пореформенные годы в России стали временем становления плеяды этнографов, для которых ощущение внутренней свободы соединилось с чувством личной сопричастности и желанием деятельности на благо изучаемых этнических сообществ. Одним из ярких представителей генерации исследователей финно-угорских народов России, работавших на рубеже XIX–XX вв. был этнограф С.К. Кузнецов. Служа в Казанском, затем в Томском университетах, он изучал духовную и материальную культуру марийцев и удмуртов Камско-Вятского региона, руководствуясь здравым смыслом и гуманистическими принципами. Выйдя в отставку и поселившись в Москве, Кузнецов сотрудничая с этнографическим отделом Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, опубликовал большую часть своих полевых собраний. Читая лекции по «Русской исторической географии» в Московском археологическом институте, он подготовил первые сводные монографии по этнической истории мери, мещеры, муромы, веси и мордвы.

Ключевые слова: этнография, археология, библиотека, С.К. Кузнецов, финно-угорские народы, марийцы, удмурты

Ссылка при цитировании: Загребин А.Е. Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: московские годы (1903-1912) // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 335–341.

Одно из любопытных состояний переживается человеком, когда он достигает желаемых вершин, касается ли это карьерных успехов, или материального достатка, часто тесно связанных между собой. Нередко за ними наступает упадок жизненных интересов и угасание общественной активности. Гораздо проще новую реальность переживают люди, для которых служба является скорее средством, обеспечивающим возможности служения, ведущего к духовному благополучию. Свидетельством тому биографии многих деятелей науки. Не была исключением и судьба этнографа – финно-угроведа С.К. Кузнецова (1854–1913), для которого выход в отставку по выслуге лет с должности старшего библиотекаря Императорского Томского университета

Загребин Алексей Егорович – д.и.н. профессор РАН, главный научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4), Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: zagreb72@izh.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

не стал драмой, наоборот – он освободил из плена обязательств его исследовательский потенциал. Библиотечное дело поглощало львиную долю сил не молодёжного ученого, отягощенного недугами и не самым покладистым нравом (*Смирнов* 2014). Теперь, в части публичной и публикационной активности, перед Кузнецовым открывалась весьма широкая перспектива, учитывая объем собранных им в молодые годы полевых материалов и открытость его натуры.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов происходил из русской крестьянской семьи Пахотной слободы близ уездного г. Малмыжа Вятской губернии (*Забудский* 1925: 101). Предки его прибыли в этот многоязычный и поликультурный край в рядах служилых людей, после присоединения Казанского ханства к Москве. Уже в детстве, «...у дедушки на чельнике», он пытался интересоваться языком и обычаями соседей – марийцев, удмуртов и татар (*Кузнецов* 1906а: 29–31). Умение слушать и запоминать, пригодилось подающему надежды юноше в Казани, куда он приехал в 1870 г., поступив на «казённый кошт» сразу в третий класс I Казанской гимназии (*Семибратов* 2009: 5–6). Несколькими годами позже, получив министерскую стипендию, он стал студентом Императорского Казанского университета. В 1877 г., в числе лучших окончив историко-филологический факультет, Кузнецов был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре римской словесности, с годичной командировкой в Дерптском университете.

А в душе молодого кандидата филологии уже царил раскол. Годом ранее С.К. Кузнецова избрали в члены-сотрудники Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества (далее ИРГО), отметив его очерки о быте марийских крестьян (*Журнал* 1877: 101). На летних каникулах он пробовал себя в качестве археолога (*Кузнецов* 1884а). Еще больше его растревожил IV археологический съезд, проходивший в начале августа 1877 г. в Казани. Наконец решившись, он принял обязанности хранителя университетского Музея этнографии, древностей и изящных искусств (с кабинетом монет и медалей) и вступает в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете (далее ОАИЭ). В 1880 г. Кузнецов прошел необходимые процедуры для получения должности приват-доцента, но проведение занятий по древнегреческому языку и поэзии Вергилия привлекает его зримо меньше, нежели «экскурсии» в инородческие селения, встречи с языческими жрецами, муллами и православными миссионерами (*Кузнецов* 1884б). В 1883 г. коллеги избрали музейного хранителя секретарем ОАИЭ, уверенные в его аккуратности и организаторских талантах. В эти годы, Кузнецов заинтересовался дохристианскими культурами марийцев и удмуртов, найдя себе достойных собеседников в лице финских и венгерских этнографов и лингвистов, подолгу живших в Казани, до и после экспедиций к родственным народам Среднего Поволжья (*Загребин* 2019: 142). Яркие выступления, полезные знакомства, регулярно выходящие публикации, растущее признание – казалось, все складывалось у него неплохо.

Однако, было что-то не позволявшее С.К. Кузнецову быть уверенным в истинности выбранного пути. Проблема была не только в пятисотрублевом музейном жаловании и иных бытовых неудобствах недавно обзаведшегося семьей приват-доцента. Скорее всего, отъезд в 1885 г. в недавно открытый Императорский Томский университет стал ответом на глубинный запрос «своего» большого дела, заняться которым предложил ему попечитель Западно-Сибирского учебного округа, профессор В.М. Флоринский (*Смирнов* 2017: 137–140). Поэтому следующие семнадцать лет

Кузнецов трудился над созданием лучшей в Сибири библиотеки. В отпускное время, памятуя о навыках проведения раскопок и опираясь на контакты в археологических кругах, он пробовал себя в «сибирском поле» (Матюшенко 2001: 38–39). Несмотря на неодобрительную реакцию руководства учебного округа, Кузнецов активно выступил в защиту удмуртов с. Мултан Малмыжского уезда, обвиняемых властями в принесении человеческой жертвы языческим богам (Кузнецов 1895). Остается не ясным, почему состоявшийся этнограф, оказавшись в таком этнически благодатном месте как Западная Сибирь, не занялся изучением народов региона.

Выслужив в 1903 г. положенный срок и выйдя в отставку статским советником, С.К. Кузнецов осознал, что теперь он не просто выбившийся в люди крестьянский сын, но и особа V-го класса с правами личного дворянства и приличной пенсией. Но самой дорогой его наградой стала свобода (Богданов 1913: 323). Теперь можно было посвятить время любимому научному делу, а накопленные материалы превратить в тексты. Покинув Томск и передав в надежные руки университетскую библиотеку, Кузнецов переехал в Москву, где стал членом-корреспондентом Московского Археологического Общества, а вскоре принял на себя секретарские обязанности в его археологической комиссии. В содружестве московских студентов-сибиряков, он вел библиографический кружок в дальнейшем ставший комиссией сибирской библиографии Русского библиографического общества (Иваск 1913). Ностальгическим воспоминанием о жизни в Томске стала его небольшая заметка о сибирском городском фольклоре (Кузнецов 1906б). Пробуя себя в разных науках, Кузнецов был и оставался, прежде всего, этнографом.

В московские годы жизни С.К. Кузнецов сблизился с этнографами, объединенными Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (далее ИОЛЕАЭ). Неслучайно большая часть его работ того периода выходила в журнале этнографического отдела ИОЛЕАЭ – «Этнографическое обозрение». Сотрудничая с редакцией, Кузнецов не только предлагал к публикации свои труды, но и с помощью обзоров и рецензий, знакомил читателей с новыми работами зарубежных финно-угроведов, как это было в случае с издательским проектом его хорошего знакомого из Будапешта – члена-корреспондента Венгерской Академии наук Б. Мункачи, взявшегося за редактирование журнала «Keleti Szemle» (Восточное обозрение), в том числе печатая статьи авторов из России (Кузнецов 1904в). Пять из семи статей Кузнецов построил на материалах 1870–1880-х гг., когда гимназистом и студентом, потом преподавателем путешествовал по марийским, удмуртским и татарским селам по разным надобностям. Так, в очерке о крестьянском мироустройстве удмуртов, он писал: «Мои наблюдения за вотской общиной довольно стары: они относятся к 1883 г., когда я вместе с другими, под руководством Н.Ф. Анненского, производил (по поручению Казанского губернского земства) подворную перепись голодающего вотского населения в двух волостях Мамадышского уезда...» (Кузнецов 1904б: 26). Сильная сторона его научного метода состояла в «этнографическом реализме», как отмечал Н.С. Трубецкой, считавший Кузнецова одним из своих проводников в науку о народах и культурах (Трубецкой 1913). Описательность и конкретизация в данном случае становились преимуществом по сравнению с попытками конструировать реальность, подбирая подходящие по случаю цитаты и аналогии. Об искушениях такого рода он не раз писал в отношении трудов некоторых коллег (Кузнецов 1888, 1910б: 102, 106). Эру-

дитский склад ума и почти исчерпывающее знание этнографической литературы без труда позволили бы ему украсить свои публикации многочисленными ссылками на мнения авторитетных ученых, но Кузнецов предпочитал говорить о том, что видел сам и знал не понаслышке. И, все же, один раз Кузнецов прошел по этому пути, с большим или меньшим успехом, привлекая «не свой» археологический и этнографический материал в пространственно-временном измерении для иллюстрации «своей» изначальной идеи (Кузнецов 1906в). Как справедливо отметил его рецензент: «Работа С.К. Кузнецова изобилует параллелями и сближениями» (Харузина 1906: 330). Больше таких опытов он не предпринимал.

Скорее всего, за такую самостоятельность Отделение этнографии ИРГО в 1905 г. отметило малой золотой медалью и денежной премией работы С.К. Кузнецова о марийцах и удмуртах (Алфавитный список 1905–1907: 92, 167). В «московские годы» он возобновил регулярные поездки в родные края, очевидно, понимая, что за двадцать лет отсутствия в «иногородческих мирах» многое здесь могло перемениться. Новый век явно вдохнул в него свежие силы и желание работать.

В прежнем «реалистическом» ключе С.К. Кузнецовым были написаны статьи о религиозных обычаях, обрядах и движениях, свидетелем которых он был (Кузнецов 1904а, 1905б, 1908). Чего он, наверное, не ожидал – это критики. Совершенно внове было для Кузнецова ощутить, что его позиции, основанные на опыте многолетних наблюдений и понимании речи, могут быть поколеблены теми, кто не просто говорил, но и думал на марийском языке, при этом успешно излагал свои аргументы по-русски (Васильев 1910, 1915). За время службы в Сибири, он не успел заметить, что в Казани и Вятке выросло новое поколение выходцев из марийских и удмуртских деревень, получивших светское или духовное образование, и стремящихся изучать и представлять культуру своих народов. Взаимопонимания с ними у Кузнецова не возникло (Попов 2005: 74–75). Может быть, это обстоятельство в какой-то степени повлияло на коррекцию его приоритетов, мотивируя поиски источников по древней истории финноязычного населения России.

Являясь страстным библиофилом, он начал с анализа письменных свидетельств о легендарной стране Биармии, чей мифологизированный след будил исследовательскую активность со времени появления трудов А.С. Лерберга и А.И. Шёгрена (Кузнецов 1905а). Дальнейшее развитие тема источниковедения и историографии получила в педагогической деятельности, раскрывшей его лучшие человеческие качества.

В 1907 г. С.К. Кузнецов вошел в число учредителей Московского археологического института (далее МАИ), вместе с директором – А.С. Успенским и попечителем – бывшим министром народного просвещения В.Г. Глазовым, определяя образовательные стратегии будущих археологов и археографов. Примечательно, что, читая в МАИ сразу несколько разнородных курсов, Кузнецов не претендовал на лекции по этнографии, среди соискателей которых отдавал предпочтение В.Н. Харузиной, отмечая, что: «...её курс очень обстоятелен, она отличный лектор и руководитель» (Керимова 2011: 458). Тем не менее, он быстро вышел на главную тему, определив ее как «Русскую историческую географию». Цикл, прочитанный в 1907/1908 уч. гг., Кузнецов посвятил финноязычному населению северо-восточной Руси – мере, мещере, муроме и веси, – племенам, стоявшим у истоков российской государственности, но пока малоизученным (Кузнецов 1910а). Смысл, который он вкладывал в свою дисциплину, заключался в соединении данных географии (хорографии), археологии,

антропологии и этнографии. Чувствуя перспективы начатого, профессор МАИ шел дальше на восток, к мордве (*Кузнецов* 1912). В его планах был еще более широкий финно-угорский горизонт, но продолжало подводить здоровье.

В 1912 г., по-видимому, ощущая, что силы его слабеют от прогрессирующего туберкулеза, профессор покинул Москву, оставив так много ему давший МАИ и научные общества. Он стремился в Малмыжский уезд, чьих пределов не покидал надолго никогда, приезжая в отпуск, заезжая к друзьям, «проходя» по знакомым местам в текстах статей и отчетов. В город детства он перевез немалую часть своей библиотеки и этнографических коллекций, так как был уверен, что накопленные «богатства» пригодятся землякам. И не ошибся. Закончится мировая война и начнется Гражданская, а в Малмыже возникнет Историческое общество, объединившее русских, марийских и удмуртских исследователей края (*Юрталов* 2009: 482). Книги и мысли С.К. Кузнецова еще долго будут служить его последователям.

Источники и материалы

- Алфавитный список 1905–1907 – Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского Географического Общества. СПб, 1905–1907. 79 с.
- Журнал 1877 – Журнал заседания Отделения Этнографии – 22 апреля 1877 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества, 1877. Т. 13. С. 101–102.
- Кузнецов* 1884а – Кузнецов С.К. Атамановы кости: Могильник бронзовой эпохи близ села Черемисского Малмыжа и деревни Ахпая, в Малмыжском уезде Вятской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1884. Т. 3. С. 394–410.
- Кузнецов* 1884б – Кузнецов С.К. Отрывки из дорожных заметок во время этнографической экскурсии по Вятской губернии в 1880 году // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1884. Т. 3. С. 260–276.
- Кузнецов* 1888 – Кузнецов С.К. Ложная ученость. Томск: тип. «Сибирского вестника», 1888.
- Кузнецов* 1895 – Кузнецов С.К. О мултанском деле // Сибирский вестник, 1895. № 173, 175, 176.
- Кузнецов* 1904а – Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 60. С. 67–90.
- Кузнецов* 1904б – Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 63. С. 24–49.
- Кузнецов* 1904в – Кузнецов С.К. Keleti Szemle – Revue Orientale pour les etudes ouralo-altaïques // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 63. С. 172–174.
- Кузнецов* 1905а – Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. Обзор исторических, археологических и этнографических данных // Этнографическое обозрение, 1905. Кн. 65–66. С. 1–95.
- Кузнецов* 1905б – Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Этнографическое обозрение, 1905. Кн. 64. № 1. С. 129–157.
- Кузнецов* 1906а – Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 68–69. № 1–2. С. 29–51.
- Кузнецов* 1906б – Кузнецов С.К. Из сибирской народной сатиры // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 67. № 4. С. 118–119.
- Кузнецов* 1906в – Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1906. Т. 22. С. 75–118.
- Кузнецов* 1908 – Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорта // Этнографическое обозрение, 1908. Кн. 79. № 4. С. 1–59.

- Кузнецов 1910а – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. 1. (мера, мешера, мурома, весь). М.: Московский Археологический Институт, 1910. 202 с.
- Кузнецов 1910б – Кузнецов С.К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // Этнографическое обозрение, 1910. Кн. 84–85. № 1–2. С. 76–113.
- Кузнецов 1912 – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1908–1909 г. Вып. 2. (мордва). М.: Московский Археологический Институт, 1912. 73 с.

Научная литература

- Богданов В.В. 1913. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение, 1913. № 1–2. С. 323–325.
- Васильев В.М. 1910. Заметки по поводу этнографических очерков С.К. Кузнецова «Из воспоминаний этнографа», «Черемисская секта “Кугу сорта”» // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1910. Т. 26. Вып. 1–2. С. 161–162.
- Васильев В.М. 1915. Отношение черемис к половой распущенности. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1915. 24 с.
- Забудский 1925. Некоторые данные к биографии археолога Ст. Кир. Кузнецова (Записал О. Забудский) // Труды Малмыжского музея местного края, 1925. Июль-сентябрь. Вып. 9. С. 101–103 / Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 7685. Рукопись.
- Загребин А.Е. 2019. Бернат Мункачи и венгерское финно-угроведение на рубеже XIX–XX вв. // Вестник антропологии, 2019. № 2. С. 140–149.
- Иваск У.Г. 1913. Иваск Некролог С.К. Кузнецова // Библиографические известия, 1913. № 3. С. 257–258.
- Керимова М.М. 2011. Керимова Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011. 759 с.
- Матющенко 2001 – Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Т. 1. Омск: Омский гос. ун-т., 2001. 179 с.
- Попов Н. 2005. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение, 2005. № 1. С. 58–78.
- Семибратов В.К. 2009. О жизни и творчестве С.К. Кузнецова // С.К. Кузнецов. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. С. 5–15.
- Смирнов А.С. 2014. «... Чего стоила мне эта библиотека...». Письмо первого библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова библиофилу А.Н. Островскому. 1886 год // Отечественные архивы, 2014. № 2. С. 103–118.
- Смирнов А.С. 2017. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2017. Т. 37. № 4. С. 134–155.
- Трубецкой Н.С. 1913. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение, 1913. Кн. 96–97. № 1–2. С. 325–326.
- Харузина В.Н. 1906. Кузнецов С.К. Погребальные маски // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 70–71. № 3–4. С. 330.
- Юрпалов А.Ю. 2009. К истории Малмыжского исторического общества // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 480–484.

*Zagrebin. Aleksei**

Ethnographer, Archeologist and Bibliophile Stefan Kirovich Kuznetsov: Moscow Years

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/335-342

The post-reform years in Russia were the time of formation of ethnographers, for whom a

sense of inner freedom was combined with a sense of personal belonging and a desire to work for the benefit of the ethnic communities they studied. One of the brightest representatives of the generation of researchers of the Finno-Ugric peoples of Russia who worked at the turn of the 19th–20th centuries was the ethnographer S.K. Kuznetsov. While serving at Kazan and then Tomsk universities, he studied the spiritual and material culture of the Mari and Udmurts of the Kama and Vyatka region, guided by common sense and humanistic principles. After retiring and settling in Moscow, S.K. Kuznetsov collaborated with the ethnographic Department of the Imperial Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography, and published most of his field collections. While lecturing on “Russian historical geography” at the Moscow Archaeological Institute, he prepared the first consolidated monographs on the ethnic history of Merja, Meshchera, Muroma, Ves` and Mordvins.

Keywords: *Ethnography, Archeology, Library, S.K. Kuznetsov, Finno-Ugric peoples, the Mari, the Udmurts*

For Citation: Zagrebin. A.E. 2021. Ethnographer, Archeologist and Bibliophile Stefan Kirovich Kuznetsov: Moscow Years. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 335–342.

*Zagrebin Aleksei E. – Doctor of Sciences (History), RAS Professor, Udmurt Institute of History, Language and Literature Ural Branch of RAS PAH (426004 Izevsk, Lomonosov st., 4); Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (119991 Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: zagreb72@izh.com

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Bogdanov, V.V. 1913. S.K. Kuznetsov. *Etnograficheskoe obozrenie* 96–97 (1–2): 323–324.
- Ivask, U.G. 1913. Nekrolog S.K. Kuznetsova [Obituary of S.K. Kuznetsov]. *Bibliograficheskie izvestiya* 3: 257–258.
- Kerimova, M.M. 2011. *Zhizn`, otdannaya nauke: sem`ya etnografov Kharuzinykh* [A life devoted to science: the Kharuzin family of ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Kharuzina V.N. 1906. Kuznetsov S.K. Pogrebal`nye maski [Funeral masks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 70–71 (3–4): 330.
- Popov, N. 2005. Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariitsev i udmurtov [S.K. Kuznetsov’s contribution to study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie* 1: 58–78.
- Semibratov, V.K. 2009. O zhizni i tvorchestve S.K. Kuznetsova. *S.K. Kuznetsov. Svyatyni. Kul`t predkov. Drevnyaya istoria* [S.K. Kuznetsov. Shrines. Cult of ancestors. Ancient history]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel`stvo.
- Smirnov, A.P. 2014. “... Chego stoila vne eta biblioteka...”. Pis`mo pervogo bibliotekarya Tomskogo universiteta S.K. Kuznetsova bibliofilu A.N. Ostrovskomu. 1886 god [... What this library cost me...]. Letter from the first librarian of Tomsk University S.K. Kuznetsov to bibliophil A.N. Ostrovskii. 1886]. *Otechestvnyye arkhivy* 2: 103–118.
- Smirnov, A.P. 2017. Stefan Kirovich Kuznetsov – chlen Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Stefan Kirovich Kuznetsov – member of the Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 4 (37): 134–155.
- Trubetskoi N.S. 1913. S.K. Kuznetsov. *Etnograficheskoe obozrenie* 96–97 (1-2): 325–326.
- Vasilev, V.M. 1915. *Otnoshenie cheremis k polovoi raspushennosti* [Cheremis attitude to sexual promiscuity]. Kazan: Tip.-lit. Imperatorskogo universiteta.
- Vasilev, V.M. 1910. Zametki po povodu etnograficheskikh ocherkov S.K. Kuznetsova “Iz vospominanii etnografa”, “Cheremisskaya sekta “Kugu Sorta” [Notes on Kuznetsov’s ethnographic essays “From the memoirs of an ethnographer”, “Cheremis Sect “Large Candle”]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 26 (1-2): 161–162.

- Yurpalov A. Yu. 2009. K istorii Malmyzhskogo istoricheskogo obshchestva [To the history of Malmyzh historical Society]. *Finno-ugry – slaviane – tyurki: opyt vzaimodeistvia (tradicii i novacii)* [Finno-Ugric peoples – Slavs – Turks: experience of interaction (traditions and innovations)]. Izhevsk: Udmurt University press: 480–484.
- Zabudskii, O. 1925. Nekotorye dannye k biografii arkhologa St. Kir. Kuznetsova [Some data on the biography of the archaeologist Art. Cyrus. Kuznetsova]. *Trudy Malmyzhskogo muzeya mestnogo kraya. Iyul'-sentyabr'* [Proceedings of the Malmyzh Museum of the Local Territory. July-September] 9: 101–103.
- Zagrebin, A. Ye. 2019. Bernat Munkachi i vengerskoe finno-ugrovedenie na rubezhe XIX–XX vv. [Bernát Munkácsi and Hungarian finno-ugric studies at the turn of 19th and 20th centuries]. *Vestnik antropologii* 2: 140–149.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАБОТЕ ХУЛИО КАРО БАРОХА «КАРНАВАЛ»

В статье исследуется методология известного испанского антрополога, историка, языковеда и фольклориста Хулио Каро Барохи (1914–1995), примененная им для анализа праздничной культуры Испании. Прослежена эволюция научных взглядов Каро Барохи. Если в начале своей карьеры, до гражданской войны в Испании, а также в первое десятилетие после нее основным для ученого был метод культурного диффузионизма, сформировавшийся, главным образом под влиянием Хосе Мигеля Барандиана, «патриарха баскской этнографии», то затем под влиянием Рэдклифа Брауна и Бронислава Малиновского его интересы сместились в сторону функционального метода. Однако, спустя некоторое время Каро разочаровывается и в функционализме, что побудило его приступить к поискам собственного метода научного анализа, названного самим Каро «историческим структурализмом». Однако часто исторический компонент в его исследованиях преобладает, и в этом случае исследователь критикует структурализм за антиисторизм. Показаны преимущества данного научного подхода по сравнению с другими методами, применяемыми в социокультурной антропологии. Для своего анализа Каро Бароха выбирает серию праздничных и маскарадных шествий, преимущественно зимнего цикла и анализирует их с точки зрения антрополога, давая описания тех или иных ритуалов, интерпретируя их с исторической и антропологической перспективы, также приводя сравнения с подобными африканскими и европейскими празднованиями.

Ключевые слова: историография, праздничная культура, методология, метод исторического структурализма

Ссылка при цитировании: Павлова А.Н. Методология исследования праздничной культуры в работе Хулио Каро Бароха «Карнавал» // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 343–353.

Имя Хулио Каро Барохи достаточно хорошо известно историкам и филологам – испанистам. Спектр трудов и научных интересов этого ученого многогранен и впечатляет проработанностью самых разнообразных тем. Он исследует социальную историю, занимается лингвистическими проблемами, пишет о народной культуре, искусстве, технологиях, этнических меньшинствах, его работы охватывают практически все исторические периоды. Особое внимание он уделяет изучению и

развитию праздничной культуры Испании. Три главных труда Каро Барохи в этой области, «Карнавал», «Время любви» и «Праздничное лето», носят этно-исторический характер. В них автор последовательно раскрывает тему формирования народного праздничного календаря, базирующегося на календаре религиозном, корни которого в свою очередь восходят к римской эпохе и доримским традициям на Пиренейском полуострове.

Открывает трилогию работа «Карнавал (историко-культурологический анализ)» (*Baroja* 2006), вышедшая в 1965 году и впоследствии переведенная на французский и итальянский языки. К сожалению, на сегодняшний день не существует перевода этой фундаментальной работы на русский язык, тогда как на испанском языке выдержала несколько переизданий. К моменту выхода второго издания появились две других его монографии «Время любви (Народные праздники с мая до Святого Иоанна)» и «Праздничное лето (Народные летние праздники)». Изначально они планировались как серия работ в рамках одного исследования, однако первая часть, а именно «Карнавал», были восприняты как самим автором, так и последующими читателями, как наиболее зрелая работа и «книга, открывшая дорогу исследованию».

Метод Хулио Каро Барохи

Как отмечал сам Каро Бароха, «ключ к методу – это человек. Особенно среди историков весьма легко обнаружить личность за написанным текстом, какими бы учеными они себя не декларировали. Несколько суховатая личность Моммзена или несколько выходящая за рамки в откровениях и расширениях личность Ренана, или нравоучительная и риторичная личность других, весьма заметна в исторических текстах» (*Baroja* 1985: 24). Несомненное влияние на формирование Каро Барохи как историка и антрополога оказала его семья, особенно, его знаменитый дядя Пио Бароха, один из представителей поколения 1898-го г. Его антиклерикальные воззрения, интерес к баскской мифологии и колдовству, принцип континуума в его основных произведениях способствовали формированию интересов будущего ученого. Впоследствии обучение в университете, по словам самого Каро Барохи, не принесло ему больших знаний, поскольку испанская академическая среда в то время была «не философской и научной, как в других европейских странах, а литературной и художественной» (*Ballesteros* 2012: 206).

Взгляды Каро Барохи эволюционировали по мере его работы над основными трудами. Если в начале своей карьеры, до гражданской войны в Испании, а также в первое десятилетие после нее основным его методом был метод культурного диффузионизма, сформировавшийся, главным образом под влиянием Хосе Мигеля Барандиана, «патриарха баскской социальной антропологии», то затем под влиянием Рэдклифа Брауна и Бронислава Малиновского его интересы сместились в сторону функционального метода. Сам Каро признает, что он попытался сделать то, чем занимался его друг Джулиан Питт Риверс, а именно: «изучать с большим тщанием игру структуры социума» (*Castilla Urbano* 1989: 279). Однако, спустя некоторое время Каро разочаровывается и в функционализме, что побудило его приступить к поискам собственного метода научного анализа. Сам Каро его называет «историческим структурализмом», однако часто исторический компонент в его исследованиях преобладает, и в этом случае исследователь критикует структурализм за антиисторизм.

Хулио Каро Бароха применяет и развивает методологию исследования, которая вбирает в себя этнографический метод и исторический анализ с парадигмами культурной антропологии. Прочитав любую из его работ, нельзя не заметить отмечаемую автором связь между антропологией и историей. Для автора крайне важно учитывать оба взгляда на исследуемый феномен, как антропологический, так и исторический. Это является константой во всех его работах, начиная с этапа культурализма и до последних увлечений структурализмом.

Среди испанских исследователей (Родригес Бесерра, Флорес Арройуэло, Серрано Мартин) Каро Бароху признают не только социальным антропологом, но и основателем традиции этноистории в Испании. Начиная с первых работ ученого по изучению направлений эволюционизма и диффузионизма, можно обнаружить достаточно рассуждений о методологии этих двух научных школ, критику основных принципов и подходов ряда других европейских антропологов, которых он именуется «вегетационистами». Тщательный сбор и анализ полевого материала, заметки, оставленные *in situ*, внимательное и доскональное изучение литературных источников и хроник, которые вобрала в себя сведения о проводимых праздниках, проливают свет на социальные отношения в контексте праздника.

Несмотря на высокую оценку трудов Каро Барохи, они не получили того признания в академической среде, которое заслужили. Каро Бароха был прежде всего историком, исследовавшим разнообразный фактологический материал, которым был богат Пиренейский полуостров в период его работы. Многие из описанных им праздников уже находились в стадии упадка, когда он занимался их описанием, а потом и вовсе исчезли. Его глубокие знания и применение функционального подхода в антропологии позволили произвести анализ сложных социальных структур. Вот как размышлял сам Каро Бароха: «Я был историком античности сначала с проблемами археолога, а затем и этнолога; в конце я пришел к социальной антропологии и социальной истории, и теперь, по достижении пятидесяти лет, я могу утверждать, что предпочтительно эту последнюю дисциплину я планирую продолжать возвращать, пока жив» (*Baroja* 1969: 19). Такое высказывание может удивить на первый взгляд, поскольку работа в поле в качестве этнографа-наблюдателя, а также с архивами составляла большую часть жизни Каро Барохи.

Его заметки и зарисовки охватывают все аспекты праздника. Натуралистические записи, в которых описываются элементы технологии (как в случае с плугом), архитектуры, типов одежды, особенности праздничной кухни, типы персонажей в разных маскарадах, показывают нам Каро Бароху как дотошного и вдумчивого исследователя. Его научное наследие исчисляется тысячами заметок и сотнями полевых дневников, послуживших основой для его фундаментального труда, посвященного Карнавалу. Книги ученого полны отсылок к этим двух основным источникам информации: полевым исследованиям с прямым сбором материала и непосредственным интервью с информантами, сообщающими данные, часть которых чрезвычайно важны. Его информанты раскрывают перед нами картину, обладающую большой ценностью, поскольку они проживали эти праздники в начале прошлого столетия, а повествовали о них, когда последние уже были на грани исчезновения. В числе информантов были и его хорошие знакомые, например, Хуан Менендес Аранс или Хуан Амадес, который, в частности, рассказывал Каро Барохе об обычае вспахивать плугом центральную площадь в одном из селений на севере Каталонии (*Baroja* 1979: 274).

О Каро Барохе было сказано, что он начал заниматься историей менталитетов намного раньше, чем французы, и открыл новые направления в культурной антропологии, преодолевая структуралистский подход, а также взгляд на праздник с точки зрения экономики и социологии. Сферой его научного интереса выступала этноистория, микроистория, история его народа, устная история, история повседневности, менталитета, все это он начал разрабатывать задолго до его современников (*Morales Moya* 1996: 65–66).

Критикуя различные этнологические и антропологические школы, ученый заявляет: «Необходимо поставить значимые ограничения с точки зрения компаративизма, довольствоваться тем, что происходит внутри конкретных культурных пространств» (*Baroja* 1984: 25). Затем он добавляет относительно фольклористов и антропологов, сторонников теории пережитков, Отцов Церкви и их заключений в связи с языческими традициями, а также по поводу культурного эволюционизма Тайлора: «Это два тесно взаимосвязанных пути, которые, вероятно, приведут в одно и то же место. Один есть тот, что разрабатывают социологи в своих выводах. А другой нам могут лишь указать, но не привести к конечной цели те, кто занимается исследованиями в области эстетики» (*Baroja* 1984: 26). К удивлению некоторых ученых, Каро Бароха выделил в карнавале элемент игры, проиллюстрировав его на примере зимних карнавалов и модели зимних праздников, которые имеют и языческие корни и могут быть признаны, как адаптированные христианством. Анализируя зимние праздники, он обнаруживает их критический потенциал в соотнесении со многими школами: «Функционализм или структурализм, в сумме, не дают нам четкой идеи о том, почему сохраняются формы, поскольку они являются учением, лучше сказать, простыми методами работы, разработанными людьми, которые могут быть охарактеризованы своим утилитарным мышлением и плохо понятым антиисторизмом, как реакцией на реконструирующую этнологию предшествующих эпох» (*Baroja* 1984: 330). Особое значение Каро Бароха уделяет эстетической ценности ритуала, которая сохраняется при всех временных трансформациях, утрачивая не столь важные детали.

Свой метод работы, иногда идущий против течения, он объясняет, анализируя и исследуя маскарад в Суле: «Компаративистский метод Фрэзера находится под подозрением, отсутствие охватывающих исторических критериев, которые мы наблюдаем у некоторых исследователей, применяющих его, и озабоченность строгим социологическим аспектом в описании маскарада, заставляют меня вновь взяться за перо. Моя задача состоит в том, чтобы установить отношения и связи, во-первых в рамках пиренейского контекста, во-вторых испанского, и, наконец, в рамках общеевропейского» (*Baroja* 2006: 207).

Источниками для работы ученого служат не только полевые материалы, наблюдения и анкетирование. Он также активно и плодотворно работает с литературными источниками, классическими текстами, церковными и светскими юридическими документами. Эти материалы позволяют автору проследить основные этапы эволюции конкретных праздников и определить основные моменты ритуала, которые остаются неизменными на протяжении столетий.

Среди многочисленных литературных источников необходимо выделить «Книгу благой любви» Хуана Руиса (Архипресвитер Итский). Этот текст представляет для исследователя большой интерес в контексте происхождения карнавала. Несмотря на то, что «Карнавал – это праздник намного большего значения, чем думают те, кто

считает его лишь одним из пережитков или адаптацией одного языческого верования. Он намного более значим: он практически в чистом виде является воплощением язычества в борьбе против христианства, осуществленной в эпоху, в глубине своей более языческую, чем наша, но в то же время и более религиозную» (Baroja 2006: 164). Для Каро Барохи карнавал в Испании невозможен без идеи христианства о Великом посте. Вариантом наименований праздничного обряда на протяжении столетий служило слово *carnal*. В одной из поздних, по мнению Ж. Короминаса, частей сочинения изображена аллегорическая битва дона Карналя с доньей Куаресмой (Мясоеда с Четырешагидней). Дихотомия этих двух понятий, по мнению исследователя, является ключом к пониманию карнавала.

Особое внимание Каро уделяет словарям, в связи с этим вызывает большой интерес его обращение к «Сокровищу испанского языка» Себастьяна Кораррубиаса (1539–1613), а также к текстам этнографического, костюмбристского и фольклорного характера, написанным эрудитами и исследователями, которые своими точными и подробными описаниями дают ответы на формальные вопросы, когда и как отмечался тот или иной праздник. В числе наиболее цитируемых Каро Барохой текстов, помимо труда Кораррубиаса, фигурируют словарь Короминаса, словарь Антонио Нехбрихи, этимологический словарь Гарсия де Диего, Баскско-испанско-французский словарь Р.М. де Аскере, Словарь пословиц и поговорок Корреаса и другие. Еще один тип источников – тексты рубежа XIX–XX вв. – дополняют картину подробным описанием не только самой традиции, но и музыки, и собранным фольклорным материалом. Эти сведения были использованы Каро Барохой обратно пропорционально интересу, вызываемому в дальнейшем среди исследователей праздника. Богатый материал, который давали фольклорные календари, приметы и суеверия, мифология, а также путеводители позволили ученому рассмотреть феномен не только в диахронии, но и сфокусироваться на симультанном уровне.

Структура «Карнавала»

Работа состоит из трех частей, в первой показывается значение карнавала, в связи с чем Каро Бароха обращается к этимологии трех употребляемых для данного события слов, а также связь карнавала с жизненным и религиозным ритмом. Во второй части автор рассматривает ряд маскарадных зрелищ, имеющих место зимой. Эти маскарады упоминает С.А. Токарев в работе, посвященной праздникам стран Зарубежной Европы: «В числе других местных новогодних обычаев, исследованных тем же Каро Бароха, привлекает особое внимание своеобразный новогодний маскарад у басков Сульской провинции (из семи провинций, на которые делится Страна басков, четыре находятся в пределах Испании и три, в том числе Сульская, – во Франции)» (Токарев 1977: 60). Однако Сульский маскарад хоть и занимает центральное место во второй части исследования, служит также одной из моделей праздника, которая последовательно рассматривается автором в последующих главах данной части. При этом он столь тщательно отбирает и исследует схожий материал, что приходит к выводу о неких общих чертах в зимних праздниках не только на территории Испании, но и за ее пределами, а именно, в северной Африке и странах Магриба, в Греции и даже на территории Эстонии и Белоруссии. Третья часть, посвящена трем моделям праздника, унаследованным от римлян, и их распространению на территории Испании. На

первый взгляд структура работы может показаться несколько нелогичной, поскольку представляет собой набор отдельных эссе, связанных между собой только темой ма-скарадов. При внимательном изучении можно также задаться вопросом, почему вторая часть называется «Три модели праздника», в то время как они рассматриваются в третьей части, вторая же посвящена целиком и полностью особой четвертой модели праздника, намного более примитивной и уходящей корнями в доримскую эпоху, являющуюся одним из столь критикуемых Каро Барохой пережитков.

Календарь

Особую роль Каро Бароха отводит времени проведения праздника, а также календарям, бытовавшим на территории Пиренейского полуострова до введения Григорианского календаря в 1582 г. Как известно, изначально календарь (*kalendario*) был банковской книгой, в которой отмечали выдачу кредитов и внесение денежных средств. В первый день месяца (*Kalendae*) необходимо было выплатить проценты (*Serrano Martín* 1996: 140). Посредством метонимического переноса календарь стал обозначать систему смены времен года. Сложность с определением времени карнавала исследуется автором весьма тщательно. Неоднократно он заявляет о том, что целью его работы является рассмотрение группы праздников определенного временного периода. Так он выделяет восемь вероятных дат для начала празднования карнавала, сопровождая эти даты лингвистическим и историческим комментариями. При этом он неоднократно подчеркивает, что ни один римский или языческий праздник, предшествующий по календарю празднику христианскому не должен его подменять (*Castilla Urbano* 1989: 276).

Неделя как упорядоченный набор дней претерпела значительное влияние Библии в контексте ритуальных действий. Дни месяца и недели во многие эпохи имели под собой значение “удачных” и “опасных”. Сельскохозяйственный год был наполнен соответствующими ритуалами. Сутки, как 24 часа, назывались в Европе “итальянскими часами” или “часами по-итальянски” поскольку их введение относится к коммунальному периоду в Италии, связанному с распространением часов в XIV веке.

Церковь установила христианский календарь, сменивший римский, который определял порядок празднования всех значимых для христианина событий. Таким образом, была введена новая цикличность этих дат, которые или совпали, и в этом случае смысл их был подвергнут логической трансформации, или были перенесены на другие даты. Помимо этого существовал и местный календарь, который включал дни почитания местных патрональных святых, к ним же относились праздничные циклы, которые в зависимости от локальной традиции могли длиться от трех до семи дней. Автор предлагает сопоставить два календаря религиозный и фольклорный: “Если в продолжение мы сравним фольклорный календарь со старым календарем, мы обнаружим множество совпадений относительно содержания и социального значения праздника”. Затем он добавляет, что народный испанский праздничный календарь, базировавшийся на католическом календаре, унаследовал несколько римских праздников, а также вобрал в себя ряд баскских и германских праздников с целью их унификации во времени и пространстве.

Помимо «Карнавала» Каро посвятил несколько своих работ проблеме времени, времени в понимании земледельцев, в контексте праздничной трилогии ученый опи-

сывает свое видение этого явления. Он отталкивается от старых определений и концепций времени, реализовавшихся в различных цивилизациях, начиная с вавилонян и до современных, основанных на достижениях астрономии. Поскольку время, природа и человек идут в унисон, создавая взаимодействие времени и эмоций, он дает этому определение в первой главе “Карнавала”: “Христианская религия позволила календарю, течению года соединиться со страстным порядком времени, повторяемым из века в век. В Рождество с его семейными радостями запускалось время Карнавала, а его подавляла грусть Страстной Недели, воплощенная в Великом посте. В оппозиции к грустным осенним праздникам находились веселые весенне-летние праздники” (Baroja 2006: 37).

Еще одним важным отличием в календаре является наличие в древней его версии пяти, а не привычных четырех времен года. К зиме относили месяцы ноябрь, декабрь и январь, а февраль, март, апрель и частично май относились к первой весне (*primavera*), май, июнь к более теплomu времени весны (*verano*), самый жаркий период включал в себя июль, август и частично сентябрь (*estío*), и осенними месяцами были частично сентябрь и октябрь (*otoño*). Такое распределение времен года просуществовало в Испании вплоть до XVIII в., когда было заменено на привычные четыре времени года. Однако Каро Бароха, в своей работе упоминает четыре времени года, исключая из перечня весну (*primavera*), он ссылается на произведение Хуана Руиса “Книга благой любви”. Календарный подход для исследователя тем не менее очень важен. При разговоре о карнавале, он неоднократно заявляет, что рассмотренные им праздники по традиции должны отвечать нескольким критериям, и одним из основных служит проведение маскарадных шествий в определенный промежуток года. Хотя встречаются и исключения, как в случае с качелями или бамбой в Андалусии, которые служат для совершения ритуала ухаживания и устанавливаются в мае.

Модели маскарадов и праздников

Каро Бароха выбирает серию праздничных и маскарадных шествий, преимущественно зимнего цикла и анализирует их с точки зрения антрополога, давая описание тех или иных ритуалов, интерпретируя их с исторической и антропологической перспективы, также приводя сравнения с подобными африканскими и европейскими празднованиями (*Morales Moya* 1996: 71).

Сбор материала происходит из первых рук, встречаются довольно часто слова: «Лишь однажды мне удалось присутствовать, и не в классическую для него дату, а в июле месяце 1934 г. на празднике в городе Байонен, и даже не знаю, по какому случаю. Хотя я тогда и сделал некоторые заметки и рисунки» (Baroja 2006: 245) Поэтому исследователь так часто прибегает к описаниям, оставленным в литературе, в журналах и брошюрах. Порой он высказывает сожаление о том, что в Испании, которая так богата разнообразными маскарадами, парадами и другими праздничными шествиями, мало исследуется данный феномен. Он отбирает маскарады с участием персонажей, похожих на сульские, которые проводятся зимой и схожи по морфологическим и поведенческим характеристикам. Таким образом, он анализирует “*гириос*” в Астурии, “*самарронес*” в центральной Испании и галисийские и каталанские карнавалы.

Зимние праздники, согласно Каро Барохе, восходят к празднованиям в честь бога Януса, а также к серии праздников в честь Сатурна или *сатурналиям*. С Сатурнали-

ями связаны праздники рождественского цикла, а именно День Святого Николая, собственно Рождество, День Святых Невинных мучеников Вифлеемских, Новый год и День Волхвов (трех Королей). Сатурналии в Римской империи были особенным временем, когда рабам на один день давалась свобода и власть, кроме того среди самых обездоленных могли выбирать короля праздника. В этом обычае существовало две разновидности, одна благоприятная, когда избранный королем праздника мог отдавать шуточные приказания и обедал со своими хозяевами, и вторая, более трагичная, в которой избранного короля спустя время его царствования, убивали. Анализируя эти разновидности римской эпохи, Каро Бароха разбирает предположение, высказанное В. Фоулером, относительно доримских корней праздника и спорит с теми исследователями, которые пытаются обнаружить в нем черты примитивных культур: «Историки религии и антропологи, желающие как никогда найти примитивные корни в любом ритуале Греции или Рима, расположили по порядку факты, признавая, безусловно, что эпизод времен правления Диоклетиана более примитивен, чем обычаи времен Клавдия или Нерона. Смерть у них ассоциируется с другими кровавыми ритуалами или с их имитацией, в конечном итоге все сводится к системе Фрэзера» (Baroja 2006: 335).

Исследователь последовательно рассматривает ритуалы, связанные с выбором короля праздника, среди которых выделяет основные пять типов. Он неоднократно подчеркивает, что ни один из этих персонажей не связан непосредственно с земледельческим ритуалом. В качестве основных морфологических критериев для сравнения модели с существующими на сегодняшний день праздниками он определяет дату/даты их проведения, инверсию социальной стратификации, выборы, подарки и их шуточный характер, а также шуточные речи. При рассмотрении праздников, соответствующих этим критериям, он фокусируется не столько на самом ритуале, сколько на его структуре, приводя примеры из полевого материала, из архивных счетов (в случае с расходами на одежды короля 1383 года), а также из литературы золотого века. В этом же ключе он анализирует так называемые «праздники безумцев», распространенные в Андалусии: «В этом случае господствуют те, кто просит за умерших и погибших. Тот же коллективный характер душ, наказанных и находящихся в чистилище и невинных в целом, будь они дети, болящие или безумцы, объясняет эту ассоциацию, которую следует рассмотреть более тщательно» (Serrano Martín 1996: 145).

Вторая модель, о которой говорит Каро, – это праздник *луперкалий*, проводившийся в начале февраля, в память о пещере волчицы, вскормившей Ромула и Рема. Он получил распространение в сельской местности и главной его задачей было желание «обеспечить плодородие женщин и скота, защитить последний от диких животных». Как пишет исследователь, «вот две центральные идеи для описания этой третьей группы ритуалов». Говоря о преимущественно земледельческом характере этой группы обычаев, Каро Бароха прибегает к лингвистическим исследованиям. В частности, сравнивая латинское и баскское слова «богач, богатый человек», он приходит к выводу, что в корне обоих слов лежит слово «скот» (*pecus* в латыни и *abereak* в баскском). Этот удивительный факт автор объясняет тем, что язык сохраняет в себе следы архаичных этапов своего развития, связанных с подобным образом жизни.

В праздниках данного типа исследователь обнаруживает ряд последовательных напластований от римского праздника плодородия скота до христианских ассоци-

аций с участием персонажей, олицетворяющих дьявола или соотносимых с ним в животном мире (как в случае с лисой в Стране Басков). Среди этих персонажей он отдельно выделяет так называемые “бичующие маски”, которые появляются в кульминационный момент праздника и имеют право бичевать всех, кого встречают на своем пути. Среди рассмотренных в данном контексте карнавалов в Галисии, Арагоне, Кастилии и Леоне, Стране Басков, автор выделяет основную общую тему, которая оказывается связанной не только с земледельческим ритуалом, но и с участием в празднике холостых мужчин, которые иногда объединяются в братства, и дают выход своей энергии, вызывая смех или испуг.

Третья модель, рассмотренная автором, – *матроналии*, праздники замужних женщин, о которых имеется достаточно сведений в римских источниках эпохи империи. Углубляясь в историю праздника, автор неоднократно полемизирует с Фоулером, Бахофеном по поводу теории матриархата и тем же Фрэзером. Так он говорит о том, что «настоящий матриархат сводится к различным системам наследования и родства, характерным особенно для некоторых земледельческих народов».

В день *матроналии* обычно главная роль принадлежала замужним женщинам, а ритуальной целью было обеспечение чадородия. Женское божество никогда не имело политического или социального смысла. Матрона – женщина, имеющая детей, замужняя женщина априори может иметь детей. Во многих частях Испании отмечается День Святой Агафьи, Каро Бароха подробно рассматривает этот праздник замужних женщин, в который они обедают вместе, поют куплеты и танцуют. Также в этот день им позволительно колоть мужчин шпильками. В качестве иллюстрирующего материала, автор прибегает к статьям в прессе начала прошлого века.

Помимо дня Святой Агафьи Каро Бароха причисляет к праздникам, возникшим из матроналий так называемые четверги кумовьев, которые проводятся последовательно в три четверга, предшествующие Карнавалу. «Баскский термин *emakunde* Х. Каро Бароха и переводит на латынь как *matronalia: emakune* у басков, как и *matrona* в древнем Риме, – это женщина, имеющая законнорожденных детей. В баскской провинции Гипускоа, по сведениям Каро Барохи, в конце кумовских праздников устраиваются специальные танцы супругов, а иногда и сольные танцы замужних женщин» (Токарев 1977: 51).

Завершая разговор об этой работе, нельзя не отметить, что именно благодаря выходу «Карнавала» в испанской историографии было положено начало изучению праздничной культуры. Труд, в котором системно были рассмотрены праздники и маскарады, в противовес теории пережитков Тайлора и Фрэзера, безусловно, является классическим для любого исследователя, занимающегося историей и культурой Испании. В своем труде Каро Бароха неоднократно подчеркивает, что взгляд на Карнавал как на реминисценцию древних языческих верований и земледельческих культов, упускает из виду фактор христианства, а также всеобщий народный характер самих актов, проявляющих комплементарность населения, наиболее ярким примером служит маскарад в Суле.

Научная литература

- Токарев С.А. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Т. 1–3. М.: Наука, 1977.
- Ariño Villarroya A. and García Pilán P. Apuntes para estudio social de la fiesta. Anduli: Revista Andaluza de Ciencias Sociales, 2006.
- Ballesteros A. Qualis vir, talis oratio. Vida y método en la obra de Julio Caro Baroja. Gallaecia: revista de arqueoloxia e antigüidade, Santiago de Compostela, № 31, 2012, págs. 201-229.
- Caro Baroja J. El Carnaval Alianza Ed. Madrid: ALIANZA EDITORIAL, 2006.
- Caro Baroja J. Disquisiciones antropológicas. Madrid: Istmo, 1985.
- Caro Baroja J. La estación del amor (Fiestas populares de mayo a San Juan). Madrid: Taurus, 1979.
- Caro Baroja J. El estío festivo (fiestas populares del verano), Madrid: Taurus, 1984.
- Castilla Urbano F. Metodología en la obra de Caro Baroja Revista internacional de los estudios vascos. Revista internacional de los estudios vascos, 2, 1989, págs. 271-284.
- García Cárcel R. En la muerte de Julio Caro Baroja. Hispana, Madrid: Taurus, 1995.
- Morales Moya A. Caro Baroja: la moral y la historia. Revista de occidente, Madrid: № 184, 1996, págs. 63-80.
- Serrano Martín E. Julio Caro Baroja y sus estudios sobre las fiestas, Madrid: Fundacion Instituto de Historia Social, 2006.

Pavlova, Anna N.*

The Methodology of Studying the Festive Culture in the Paper “The Carnival” by Caro Baroja

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/343-353

The paper studies the methodology of the famous Spanish anthropologist, historian, linguist and folklorist Caro Baroja (1914-1995) applied to his analysis of the festive culture of Spain. The study traces the evolution of the scientific views of Caro Baroja. At the beginning of his career before the Civil war in Spain and during the first decade after it the main method he applied was cultural diffusionism, which was formed mainly under the influence of Jose Miguel Barandian, the patriarch of the Bask ethnography. Afterwards his interest shifted to the functional method under the influence of Alfred Radcliffe-Brown and Bronislaw Malinowsky. However, later Caro Baroja was disappointed with the functionalism, and that led him to search his new method of scientific analysis. Caro Baroja calls it “historic structuralism”. Though often the historic component in his studies predominates, and the researcher criticizes structuralism for its antihistorism. The advantages of this method as compared with other methods applied in socio-cultural anthropology are shown. For his analysis Caro Baroja chooses a series of festive and masquerade processions mainly of the winter cycle and analyses them from the point of view of an anthropologist, describing some rituals, interpreting them in terms of historic and anthropological perspectives, comparing them with similar African and European festivals.

Keywords: *historiography, festive culture, methodology, historic structuralism*

For Citation: Pavlova, A.N. 2021. The Methodology of Studying the Festive Culture in the Paper “The Carnival” by Caro Baroja. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53)

*Pavlova, Anna N. – Postgraduate Student, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, RF). E-mail: annapavlova@yahoo.com

References

- Tokarev, S.A. (ed.). 1977. *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh Zarubezhnoy Evropy* [The Calendar customs and rites in the countries of foreign Europe], vol. 1–3. Moscow: Nauka.
- Ariño Villarroya A. and García Pilán P. 2006. *Apuntes para estudio social de la fiesta* [Some notes for the social study of the party]. Valencia: Revista Andaluza de Ciencias Sociales.
- Ballesteros A. *Qualis vir, talis oratio. Vida y método en la obra de Julio Caro Baroja*. *Revista de arqueología e antigüidade* [The life and method in the creations of Julio Caro Baroja], Santiago de Compostela.
- Caro Baroja J. 2006. *El Carnaval* [The Carnival]. Madrid: Alianza Editorial.
- Caro Baroja J. 1985. *Disquisiciones antropológicas* [The anthropological studies]. Madrid: Istmo.
- Caro Baroja J. 1979. *La estación del amor (Fiestas populares de mayo a San Juan)* [The season of love]. Madrid: Taurus.
- Caro Baroja J. 1984. *El estío festivo (fiestas populares del verano)* [The festive summer]. Madrid: Taurus.
- Castilla Urbano F. 1989. *Metodología en la obra de Caro Baroja*. *Revista internacional de los estudios vascos* [The methodology in the creations of Caro Baroja], 2, 271–284.
- García Cárcel R. 1995. *En la muerte de Julio Caro Baroja* [On the death of Julio Caro Baroja]. Madrid: Taurus.
- Morales Moya A. 1996. *Caro Baroja: la moral y la historia*. *Revista de occidente* [Caro Baroja: the moral and the history]. 184: 63–80. Madrid: Revista de occidente.
- Serrano Martín E. 2006. *Julio Caro Baroja y sus estudios sobre las fiestas, Historia Social* [Julio Caro Baroja and his studies on the festivals]. Madrid: Fundación Instituto de Historia Social.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2021. № 1 (53)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2021. № 1 (53)

Редакторы – М.Ю. Мартынова, О.М. Григорьева, М.Ф. Кучерова

Редактор английских текстов – Т.А. Сюткина

Технический редактор – Н.А. Белова, М.Ю. Мартынова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.А. Белова

Подписано к печати 15.03.2021

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 26,6 Тираж

500 экз. Заказ № 206

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – *В.М. Маршанов*

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А